

УРСУЛА ЛЕ ГУИН ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ

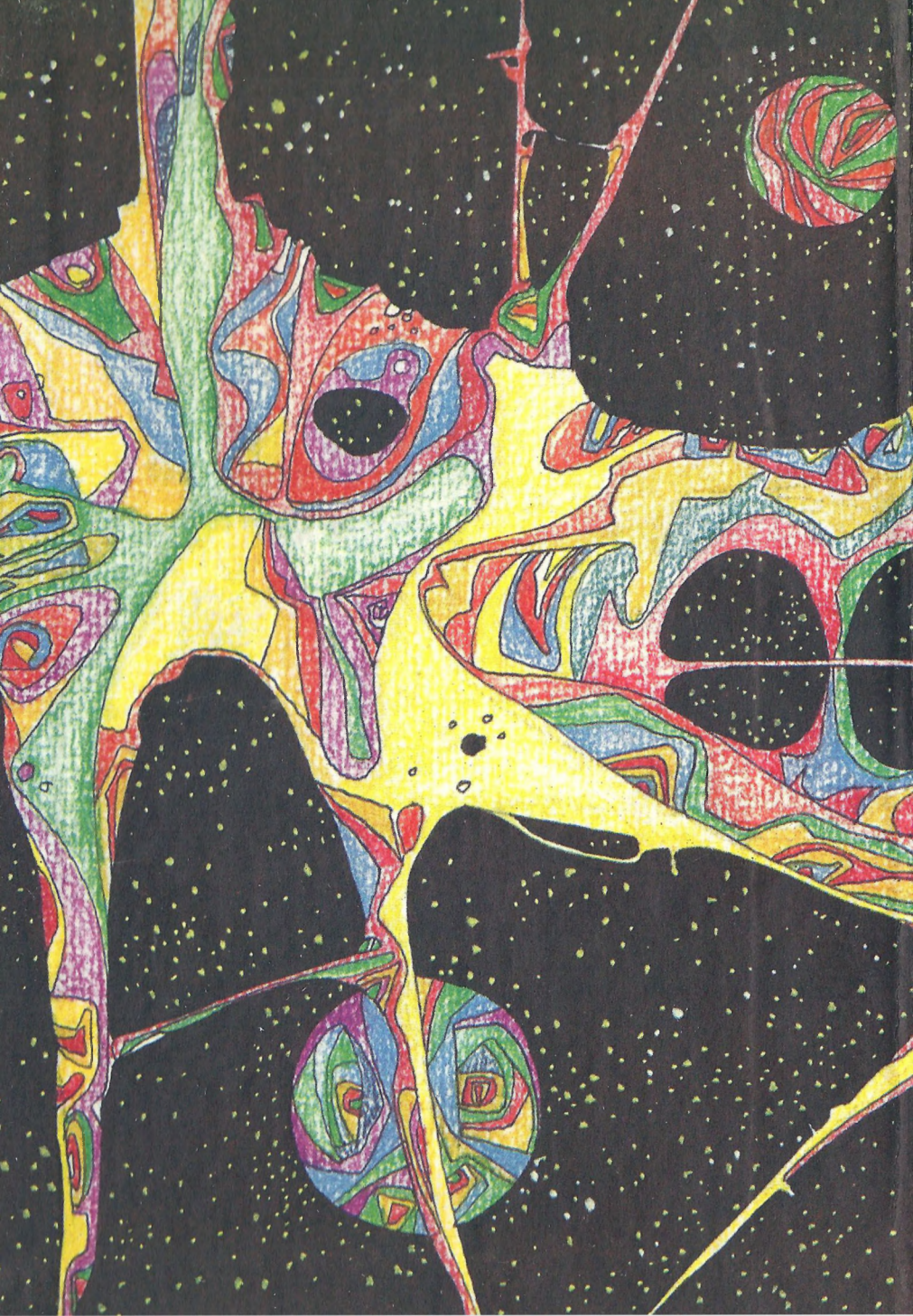
88

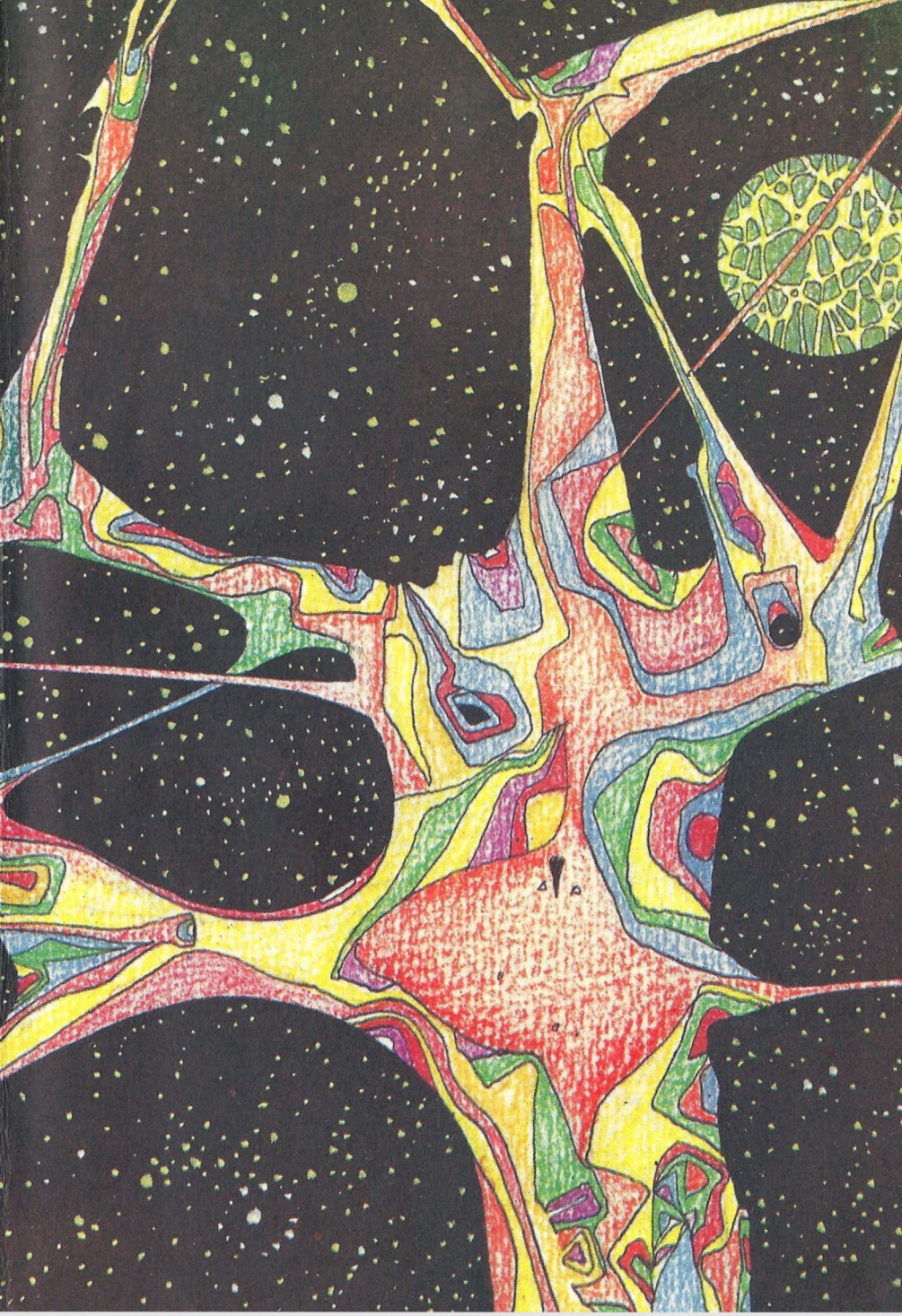

УРСУЛА ЛЕ ГУИН

ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ

УРСУЛА ЛЕ ГУИН

ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ

романы

Ростов-на-Дону

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Москва

1993

ББК 84.7 (США)
Л33

Серия "Осирис" выпускается с 1992 года

Выпуск 8

Художник А.В. Вальдман

Ле Гуин Урсула

Л33 Левая рука тьмы: Фантастические романы. — Пер. с англ. — "Осирис". Вып. 8. — М.: Центрполиграф, 1993.— 512 с.

Как может складываться жизнь в обществе, где нет ни мужчин, ни женщин, где все существа только одного пола? Такой вопрос поставила замечательная американская писательница Урсула Ле Гуин в романе "Левая рука тьмы", который был удостоен двух высших премий США за произведения в жанре научной фантастики: "Хьюго" и "Небьюла".

Не менее удивительны по замыслу и три другие романа. В них писательница ставит проблему контактов разных миров.

Если Вы не знакомы с творчеством Урсулы Ле Гуин, Вы не знаете современной фантастики.

ББК 84.7 (США)

ISBN 5-7001-0034-7

© Состав и художественное оформление
торгово-издательское объединение
"Центрполиграф", 1993 г.

ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ

роман

1. ПАРАД В ЭРХЕНГЕ

*Из архива Хейна. Копия записи по Ансиблу,
документ 01-01101-934-2-Гетен: Отчет Дженли Ал, Первого Мобиля
на Гетене, Зиме, Хейнский Цикл 93, Экуменийский год 1490—97.*

Я пишу отчет так, будто сочиняю рассказ — еще дома, когда я был ребенком, меня научили, что истина во многом — дело воображения. Самые неоспоримые факты могут выглядеть по-разному в зависимости от стиля рассказа, подобно органическому драгоценному камню наших морей: когда его носит одна женщина, он становится ярче, а когда другая, он становится тусклее и распадается в порошок. Факты не более прочны, чем жемчуг. И то, и другое зависит от восприятия.

Не весь рассказ принадлежит мне, но я один его рассказываю. В сущности, я и не уверен, кому он принадлежит, вы можете судить лучше. Но он один; и даже если иногда кажется, что с изменением голоса рассказчика меняются факты, это не так: все факты остаются истинными и все составляют единый рассказ.

Он начинается в сорок четвертый день 1491 года, который на планете Зиме кархидцы называют Одхардахад Тува, или двадцать второй день третьего месяца весны Первого года. Здесь всегда первый год. Лишь с каждым новым годом меняются даты прошлых событий, меняются номера прошедших и будущих годов, отсчитываемых назад и вперед от первого года.

В Эрхенранге, столице Кархиды, жизнь моя находилась в опасности, но я не знал этого.

Был парад. Я шагал вслед за госсиворами перед королем. Шел дождь.

Тяжелые тучи над темными башнями, дождь, падающий на глубокие улицы, мрачный, открытый бурям каменный город, через который медленно извивается золотая лента.

Вначале шли купцы, вельможи и художники города Эрхенранга, ряд за рядом, все роскошно одетые. Они двигались сквозь дождь так же привыч-

но, как рыба в море. Лица их были свободны и спокойны. Они не вышагивали в ногу, это не был военный парад и даже не его имитация.

Затем шли лорды, мэры и представители — по одному, пять, сорок пять или четыреста — от каждого домейна Кархида, длинная, пестрая процессия, двигавшаяся под звуки металлических рогов, барабанов и электрических флейт. Многочисленные разноцветные знамена домейнов смешивались с желтыми вымпелами, украшавшими путь, а музыка каждой колонны сплеталась различными ритмами, отдаваясь эхом в глубоких каменных улицах.

Далее шли трупы жонглеров с полированными золотыми шарами, которые они высоко подбрасывали, будто на улице двигались яркие фонтаны. Вдруг все шары особенно ярко блеснули, рассыпав вокруг свет, — это солнце пробилось сквозь облака.

Дальше шли сорок человек в желтом, играющие на госсиворах. Госсиворы, на которых играют только в присутствии короля, издают нелепый дисгармонический рев. Когда звучали одновременно сорок госсиворов, то тряслись башни Эрхенранга и последние капли дождя падали из уносимых ветром облаков. Если такова королевская музыка, не удивительно, что все короли Кархида безумцы.

Дальше шла королевская рать: стражники, сановники города и двора, депутаты, сенаторы, послы, лорды королевства; никто не соблюдал равенства, но все выступали с большим достоинством, и среди них в белой тунике, куртке и брюках, в сапогах из шафрановой кожи, в островерхой желтой шапке — король Аргавен XV. Золотое кольцо на пальце было его единственным украшением и знаком сана. За ними восемь крепких солдат несли королевские носилки, сплошь усеянные желтыми сапфирами, в которых уже много столетий не ездили короли, — это был церемониальный реликт древнего прошлого. За носилками шли восемь охранников, вооруженных «мародерскими ружьями», — тоже реликтом варварского прошлого, только ружья были не пусты, они были заряжены пулями из мягкого железа. Смерть шла за королем.

За смертью следовали ученики школы искусств, различных колледжей, торговых школ — длинные ряды детей и подростков в белом, красном, золотом и зеленом. И, наконец, множество бесшумных медлительных темных карет завершало парад.

Группа придворных, в которой находился и я, собралась на новом деревянном помосте у незаконченной арки Речных Ворот. Поводом для парада служило завершение этой арки. С ней заканчивалось строительство новой дороги к речному порту Эрхенранга — грандиозное деяние, которое прославит правление Аргавена XV в анналах Кархида.

Мы толпились на помосте, толкая друг друга, перемешиваясь, как влажное яркое месиво.

Дождь кончился, светило солнце, великолепное, яркое, предательское солнце Зимы. Я заметил, обращаясь к стоявшему слева от меня:

— Жарко. Очень жарко.

То был приземистый, смуглый кархидец в тяжелом плаще зеленой кожи, украшенной золотом, в тяжелой белой куртке, брюках, подпоясанных серебряной цепью из тяжелых звеньев в ладонь величиной. Обильно потая, он ответил:

— Да, жарко.

Вокруг нас, сжатых в толпе, виднелись лица жителей города, похожих на коричневые бутылки, сверкающие тысячами глаз.

Король по сходням из свежего туфа поднимался к платформе на вершине арки. Ее разъединенные столпы возвышались над толпой, верфями и рекой. Пока он восходил, толпа зашевелилась, разнесся гулкий говор: «Аргавен». Король не отвечал. Зрители и не ждали ответа. Госсиворы, издав громогласный нестройный рев, смолкли. Тишина. Солнце светило на город, реку, толпу, короля. Каменщики внизу включили электролебедку, и мимо поднимающегося короля почти беззвучно проплыл и лег на свое место между двумя столпами арки ключевой камень.

Большой блок весом в тонну замкнул арку, превратив ее в единое целое. На лесах короля ждал каменщик с мастерком и ведром, а все остальные рабочие, словно рой насекомых, спустились по веревочным лестницам.

Король и каменщик остались одни высоко на узком помосте между рекой и солнцем.

Король взял у каменщика мастерок и принялся заделывать длинные стыки ключевого камня. Он лишь коснулся камня и передал мастерок каменщику, который методично принялся за работу. Цемент, который он использовал, был розового цвета и отличался от остальной кладки. Спустя пять или десять минут я спросил у стоявшего слева:

— Ваши ключевые камни всегда крепятся розовым цементом?

На всех арках Старого Моста, перебросившего свою дугу через реку, отчетливо виднелись розовые пятна.

Вытирая пот с темного лица, мужчина — я вынужден так называть его, употребляя местоимения «он» и «его» — ответил:

— Когда-то цемент для ключевых камней замешивали на крови, на человеческой крови. Понимаете, без крови арка обязательно рухнет. Сейчас мы используем кровь животных.

Он отвечал быстро, откровенно, но осторожно, иронично, как будто всегда помнил, что я сужу обо всем, как чужак. Мой собеседник был одним из самых влиятельных людей в стране. Мне трудно подобрать историческую параллель его должности: визирь, премьер-министр или канцлер. Покархидски он назывался Королевское Ухо. Он лорд домейна и лорд королевства, человек всем известный и могучий, зовут его Терем Харт рем ир Эстравен.

Король как будто закончил свою работу каменщика, и я с облегчением вздохнул. Но, пройдя под аркой по паутине планок, король начал работу с противоположной стороны ключевого камня. В Кархиде нельзя быть нетерпеливым. Его жители не флегматичны, но они упрямые, неуступчивы и они обязательно кончают начатое. Толпа удовлетворенно созерцала

королевскую работу, но мне было скучно и жарко. На Зиме мне еще ни разу не было жарко и не будет жарко, но тогда я этого факта не оценил.

Одет я был в расчете на Ледяной Век, а не на солнце. На мне была одежда со множеством слоев: плетеное растительное волокно, искусственное волокно, шерсть, мех, кожа — мощные доспехи против холода, и в них я теперь совсем запарился. Я принялся для развлечения рассматривать толпу и участников парада, собравшихся вокруг платформы. Многочисленные знамена домейнов и кланов повисли в воздухе, ярко освещенные солнцем. Я стал расспрашивать Эстравена об этих знаменах. Он знал их все, хотя их были сотни, и некоторые из, видимо, отдаленных районов, домейнов, очагов и поселений, из земель Перинга и Керна.

— Я сам из земель Керна, — заметил он, когда я восхитился его познаниями. — И вообще моя обязанность знать все домейны. Они и составляют Кархид. Управлять этой землей — значит управлять ее лордами. Но, впрочем, это никому не удавалось сделать. Знаете поговорку: Кархид не нация, а семейная ссора?

Я не знал и заподозрил, что ее сочинил сам Эстравен.

В это время через толпу к нам протиснулся другой член Кяореми — высшей палаты или парламента, возглавляемого Эстравеном. Это был двоюродный брат короля Пеммер Харт рем ир Тайб. Он заговорил очень тихо, хотя держался вызывающе и все время улыбался. Эстравен потел, как лед на солнце, но оставался холодным, как лед, отвечая на шепот Тайба громко и с подчеркнутой вежливостью, которая выставляла собеседника дураком.

Я слушал, глядя, как король заливает цементом стык, но ничего не понял, кроме явной враждебности между Эстравеном и Тайбом. Ко мне это, во всяком случае, не имело отношения, и я просто интересовался поведением людей, которые правят нацией, правят будущим двадцати миллионов других людей. На Экумене власть столь скрытна, что только очень проницательный человек может увидеть ее в действии. Здесь же она проявляется открыто, меняя сам облик и характер знатного человека. Он не может сделать простого жеста или сказать слова, чтобы все не прислушалось. Я не доверяю Эстравену, мотивы поведения его для меня не ясны, он мне не нравится, однако я чувствую исходящую от него власть, как теплоту солнца.

Пока я так размышлял, солнце зашло за вновь образовавшиеся облака, и скоро на город, на реку и на толпу обрушился поток дождя. Когда король опускался по сходам, солнечный луч прорвался в последний раз, и белая фигура короля и высокая арка на мгновение ярко осветились на фоне потемневшего неба. Облака сомкнулись, подул холодный ветер, река посерела, деревья закачались. Парад кончился. Полчаса спустя пошел снег.

Когда экипаж короля двинулся по улице порта к дворцу, толпа рассеялась, как груда гальки, перекатываемая медленными волнами. Эстравен повернулся ко мне и сказал:

— Не хотите ли поужинать со мной сегодня вечером, господин Ай?

Я согласился — это больше удивило меня, чем обрадовало. За последние шесть или восемь месяцев Эстравен многое сделал для меня, но я совсем не ожидал такого проявления благосклонности, как приглашение в дом. Харт рем ир Тайб все еще стоял поблизости, и я чувствовал, что он нас подслушивает.

Раздраженный запахом назревающей интриги, я спустился с платформы и затерялся в толпе, съехившись и пригibasя к земле. Я немного выше среднего гетенианца, но в толпе эта разница более заметна. «Это он, смотрите, это посланник».

Да, таково уж мое дело, но с течением времени все чаще мне хотелось затеряться, быть таким же, как и все.

Пройдя несколько кварталов по улице Бревери, я повернул к своему жилищу и неожиданно в поредевшей толпе обнаружил, что рядом со мной идет Тайб.

— Великое событие, — произнес брат короля.

Он улыбнулся мне. Длинные желтые зубы появлялись и исчезали, когда он говорил.

Хотя он был еще не стар, его лицо покрывала сеть морщин.

— Хорошее предзнаменование для успеха нового порта, — согласился я.

— Да, конечно.

Снова вспышка зубов.

— Церемония укладки ключевого камня весьма впечатляет.

— Разумеется. Она восходит к очень древним временам, но, несомненно, лорд Эстравен все это вам уже объяснил.

— Лорд Эстравен весьма любезен.

Я старался говорить просто и прямо, но все, что я говорил, Тайбу казалось имеющим двойное значение.

— О, да, конечно, — сказал он. — Лорд Эстравен известен своей добротой к иноземцам.

Он снова улыбнулся. Каждый его зуб, казалось, приобретал особое значение — тридцать два различных значения.

— Здесь мало иноземцев, таких иноземцев, как я, лорд Тайб. Я очень признателен за доброту.

— Да, конечно! Благодарность — редкое и благородное чувство, воспетое поэтами. Особенно редкое здесь, в Эрхенранге, очевидно, из-за своей непрактичности. Мы живем в жестокий и неблагодарный век. Все совсем не так, как в дни наших предков.

— Не могу судить, но подобные жалобы я слышал и во многих других мирах.

Тайб некоторое время смотрел на меня, как бы в припадке безумия. Потом снова показал свои длинные желтые зубы.

— О да, конечно! Я все время забываю, что вы прибыли с другой планеты. Конечно, вы не можете забывать об этом. Хотя проще и безопаснее, если бы вы забыли об этом, а? Да, конечно! Вот мой экипаж, я с удовольствием подвез бы вас к вашему острову, но вынужден отказаться от этой

чести, меня ждут мои обязанности в королевском дворце.

Он взобрался в небольшой черный электрический экипаж, блестя зубами и глазами в сети морщин.

Я пошел домой к своему острову. Снег в его саду растаял, а зимняя дверь в десяти футах над землей убрана осенью до возвращения глубоких снегов.

Кархеш — остров — обычное название для жилых домов, в которых живет большая часть городского населения Кархида. Острова содержат от двадцати до двухсот отдельных комнат, еда совместная, некоторые питаются в гостиницах, другие в общественных коммунах. Иногда все собираются вместе. Издревле здешние жители замыкаются в общины, очаги. Этот обычай теперь принаравливается к городской жизни, теряя свою сплоченность и устойчивость.

У стены здания среди весенней растительности сада в грязи стояла, разговаривая, молодая пара. Правые руки их были сжаты. Они находились в первой фазе кеммера. Большие, мягкие снежинки падали на них, а они стояли босиком в ледяной воде, сжимая руки и глядя друг другу в глаза.

Весна на Зиме.

Я пообедал у себя на острове, а когда колокола на башне Ремни пробили четвертый час, был во дворце. Кархидцы основательно едят четыре раза в день: завтрак, ленч, обед и ужин, не считая многочисленных закусываний между этими основными приемами пищи. На Зиме нет животных и молочных продуктов. Единственные виды высокопротеиновой пищи — это яйца, рыба, орехи и гигантское зерно. С скромная диета для такого сурового климата, и приходится часто подкрепляться. Мне казалось, что я привык есть через каждые несколько минут. Только позже я узнал, что гетенианцы в совершенстве овладели не только умением есть, но и голодать.

Снег продолжал идти, мягкий, весенний снег, гораздо приятнее безжалостного дождя, только что кончившегося. Я прокладывал свой путь к дворцу в спокойных бледных сумерках снегопада, только раз потеряв направление. Дворец Эрхенранга находится во внутреннем городе, в окруженной стенами путанице дворцов, башен, садов, дворов, крытых мостиков, маленьких крепостей и темниц — продукт многовековой паранойи. Над всем этим возвышались огромные, угрюмые, сложенные из красного материала, стены дворца, в котором постоянно жил один обитатель — сам король. Все остальные: слуги, работники, лорды, министры, парламентарии, стражники и прочие — спали в других зданиях — крепостях, домах, казармах внутри стен. Дом Эстравена — знак высокой королевской милости — был дом Красного Угла. Построен он был четыреста лет назад для Хармса, возлюбленного кеммеринга Зарана, чья красота все еще прославлялась и которого похитили, искалечили и отослали назад наемники Фракции Внутренней Земли. Заран умер спустя сорок лет, все эти годы мстя своей несчастной стране, за что его и прозвали Заран Злополучный.

Трагедия столь древняя, что ужас забылся и только легкую меланхолию внушали крашенные стены и тени домов.

Маленький сад при доме был окружен высокими стенами, над прудом склонялись деревья — серемы. В тусклых столбах света, падавших из окна дома, я увидел, как снежные хлопья вместе с нитевидными белыми спорами деревьев мягко падали в темную воду.

Эстравен ждал меня. Он стоял с обнаженной головой и без плаща на холоде и смотрел на бесконечное падение снега в ночи.

Он с достоинством приветствовал меня и ввел в дом. Других гостей не было. Я удивился этому, но мы немедленно прошли к столу, а за едой не говорят о делах, и к тому же мое внимание было отвлечено едой, которая оказалась превосходной. Даже вечные хлебные яблоки были приготовлены так, что я восхитился искусством повара. В мире, где одной из принадлежностей стола является специальное приспособление, которым перемалывают лед, образующийся на блюдах между глотками, горячие напитки ценятся высоко.

За столом Эстравен вел дружеский разговор. Но после, когда мы разместились у очага, он молчал.

Хотя я провел на Зиме около двух лет, я все еще не в состоянии был взглянуть на ее жителей их собственными глазами. Я пытался, и не раз, но все сводилось к тому, что я видел в гетенианце вначале мужчину, а потом женщину. То есть мыслил категориями совершенно для них немислимыми, но совершенно естественными для меня. И вот я отхлебывал дымящееся кислое пиво и думал, что за столом поведение Эстравена было женским — очарование, искусность и отсутствие показного этикета. Впрочем, как раз этот оттенок женственности мне в нем не нравился, я ему не доверял. Невозможно было думать, как о женщине, об этом смуглом, ироничном и властном человеке, сидевшем около меня в полутьме у очага, и все же, когда я думал о нем, как о мужчине, я чувствовал оттенок фальши и обмана — в нем или в моем отношении к нему? Голос у него был мягкий и звучный, но не глубокий, не мужской голос, но в то же время и не женский... Но о чем он говорит?

— Простите, — говорил он, — что я так долго откладывал удовольствие видеть вас у себя в доме, но сейчас я, по крайней мере, рад, что между нами больше не возникает вопроса о покровительстве.

Я слегка удивился его словам. До сегодняшнего дня он, несомненно, был моим покровителем при Дворе. Неужели он думает, что аудиенция у короля, которой он для меня добился и которая состоится завтра утром, делает нас равными?

— Не думаю, чтобы я понял вас, — сказал я.

Он помолчал, очевидно тоже удивленный.

— Ну, вы понимаете, — сказал он наконец. — Будучи здесь... вы понимаете, что я больше не смогу говорить от вашего имени перед королем.

Он говорил так, будто стыдился — не меня, а себя. Несомненно, в его приглашении и в моем согласии прийти было какое-то значение, но я его не уловил. Я не впервые подумал, что правильно делал, не доверяя Эстравену. Он был могуществен и в то же время неверен. В эти месяцы в

Эрхенранге именно он слушал меня, отвечал на мои вопросы, посылал медиков и инженеров для исследования моей физиологии и моего корабля, представлял меня нужным людям и постепенно поднял меня из моего первоначального положения довольно странного чудовища до нынешнего таинственного посланника, которого ожидает сам король. Теперь с неожиданной холодностью он заявляет, что больше не поддерживает меня.

— Я привык рассчитывать на вас.

— И поступали неверно.

— Вы хотите сказать, что после моей встречи с королем вы больше не будете выступать в поддержку моих предложений? Как вы...

Я вовремя остановился, не сказав «обещали».

— Я не могу.

Я был разгневан, но в нем не чувствовалось ни гнева, ни вины.

Немного погодя он сказал:

— Да.

Потом он снова надолго замолчал.

Во время этой паузы я подумал, что беззащитный чужак не должен требовать объяснений у всемогущего премьер-министра. Тем более что мне, видимо, никогда не понять основ власти и принципов деятельности правительства. Вне всякого сомнения, это было вопросом шифратора — престижа, достоинства, гордости — непереводаемого и вездесущего принципа социальных отношений в Кархиде и во всех цивилизациях Гетена. И именно этого я не понимал.

— Вы слышали, что сказал мне сегодня король на церемонии?

— Нет.

Эстравен склонился к очагу, поднял с горячих углей кувшин с пивом и наполнил мою кружку. Он больше ничего не сказал, поэтому я добавил:

— Король не говорил с вами в моем присутствии.

— И в моем.

Я был уверен, что снова чего-то не понял. Проклиная все эти хитрости — женские хитрости, — я сказал:

— Вы пытаетесь сообщить мне, лорд Эстравен, что вышли из милости короля?

Я думал, что он разгневется, но он только ответил:

— Я ничего не стараюсь вам сообщить, господин Ай.

— Клянусь, я хотел бы, чтобы вы постарались.

Он с любопытством взглянул на меня.

— Что ж, тогда скажем так. При дворе есть личности, которые, пользуясь вашим выражением, находятся в милости у короля и которым не нравятся ваше пребывание и ваша миссия здесь.

Поэтому ты и торопишься присоединиться к ним, продать меня, чтобы спасти свою шкуру, подумал я. Впрочем, что толку сожалеть? Эстравен — придворный политик, а я — глупец, поверивший ему. Даже в двуполом обществе политики это не совсем нормальные люди.

Приглашение на обед свидетельствовало, что он полагает, будто я так

же легко восприму его предательство, как он совершил его. Ясно, что внешние приличия здесь важнее честности. Поэтому я сказал:

— Мне жаль, что ваша доброта ко мне причинила вам неприятности.

Глядя на горящие угли, я радовался чувству морального превосходства, но, впрочем, недолго: его действия были слишком непредсказуемы.

Он откинулся назад, так что красные отсветы легли на его колени, на красивые и сильные маленькие руки, на серебряную кружку, но лицо его оставалось в тени — смуглое лицо, всегда затененное густыми бровями и ресницами. Лицо его почти всегда оставалось лишенным выражения. Можно ли разгадать выражение морды кошки, тюленя, выдры? Многие гетенианцы похожи на этих животных с глубокими яркими глазами, не меняющими выражения.

— Я сам причинил себе неприятности, — ответил он, — действием, которое не имеет никакого отношения к вам, господин Ай. Вы знаете, что между Кархидом и Оргорейном идет спор из-за полосы земли вдоль нашей границы в высоких Северных Холмах вблизи Сассинота. Дед Аргавена объявил долину Синота принадлежащей Кархиду, но Сотрапезники никогда не признавали этого. Я помог некоторым кархидским фермерам переселиться подальше к востоку от границы, решив, что можно просто оставить эту полосу орготам, которые владели ею несколько тысячелетий. Я служил в администрации Северных Холмов несколько лет назад и знал многих из этих фермеров. Мне не хотелось, чтобы их убили в пограничных стычках или отправили на добровольные фермы Оргорейна. Почему бы не убрать сам предмет спора? Но это, оказывается, не патриотическая мысль. В сущности, это трусость и оскорбление самого короля.

Его ирония и эти тонкости пограничного конфликта с Оргорейном были мне безразличны. Я вернулся к тому, что меня больше интересовало. Веря ему или нет, все же я мог извлечь из него кое-какую пользу.

— Простите, — сказал я, — как жаль, что история с несколькими фермами может помешать моей важнейшей миссии. Речь идет о гораздо большем, чем несколько миль спорной территории.

— Да, о гораздо большем. Но, может быть, Экумен, у которого от границы сотни световых лет, отнесется к нам с пониманием и сочувствием.

— Стабили Экумена очень терпеливые люди. Они будут ждать и сто и пятьсот лет, пока Кархид и остальной Гетен не решат, присоединиться ли им ко всему человечеству. Я сейчас говорю о личной надежде. И личном разочаровании. Я думаю, что с вашей поддержкой...

— Я тоже. Что ж, ледник не тает за одну ночь.

Поговорки легко соскальзывали с его губ, но мысленно он был где-то далеко. Он думал. Я представил себе, как он передвигает меня вместе с другими пешками на шахматной доске.

— Вы появились в моей стране, — сказал он наконец, — в необычное время. Жизнь меняется, мы куда-то поворачиваем. Впрочем, не очень в сторону от обычного пути. Я думаю, что ваше присутствие и ваша миссия помогут нам выбрать нужный путь и в нужном месте. Все это очень ненадежно, господин Ай.

Раздраженный этими общими словами, я произнес:

— Вы считаете, что сейчас неподходящий момент. Вы советуете мне отказаться от аудиенции?

Я сознательно допустил оплошность, но Эстравен даже не улыбнулся, не мигнул.

— Боюсь, что только король может сделать это, — спокойно ответил он.

— О боже, я не это имел в виду.

Я обхватил голову руками. Выросший на Земле, с ее открытым обществом и свободой обращения, я никогда не овладею бесстрашием, столь ценным в Кархиде. Я знал, что такое король — история Земли полна ими, — но у меня не было должного преклонения перед ними, не было такта. Я поднял кружку и сделал большой глоток.

— Придется говорить королю меньше, чем я собирался, рассчитывая на вашу поддержку.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Что ж, господин Ай, вы не безумец. И я тоже. Но, видите ли, ни вы, ни я — не короли. Я полагаю, что вы собираетесь разумно объяснить Аргавену, что ваша миссия здесь — попытаться заключить союз между Гетеном и Землей. И он знает об этом. Я уже говорил ему. Я обсуждал с ним ваше предложение, старался заинтересовать его. Это было сделано неверно, неверно рассчитано. Я забыл, будучи сам сильно заинтересованным, что он король и видит все не рационально, а по-королевски. Все, что я говорил ему, для него значило просто, что его власти угрожают, что его королевство — это лишь точка в пространстве и лишь игрушка для людей, правящих сотней миров.

— Но Экумен не правит, он координирует. Его сила — это сила членов Союза, государств и миров. В союзе с Экуменом Кархид станет бесконечно менее уязвимым и более могучим, чем до сих пор.

Эстравен некоторое время не отвечал.

Он сидел, глядя на огонь, который отражался в кружке и на широкой яркой серебряной цепи у него на груди. В старом доме было тихо. Стол накрывал слуга. Но в Кархиде нет рабства или личной несвободы, поэтому, выполнив свои обязанности, все слуги разошлись по домам. Такой человек, как Эстравен, должен был иметь телохранителей, потому что убийства случаются и в Кархиде, но я не видел и не слышал ничего. Мы были одни.

Я был один с чужаком в стенах темного дома, в чужом, замеченном снегом городе, в сердце Ледяного Века в чужом мире.

Все, что я говорил сегодня вечером и вообще со времени высадки на Зиме, вдруг показалось мне глупым и невероятным.

Как я мог ожидать, что этот человек или кто-нибудь другой поверит моим рассказам о других мирах, о других расах, о благосклонном правительстве где-то далеко в небе? Все это ерунда. Я появился в Кархиде на

необычайном корабле. Я физически кое-чем отличался от гетенианцев. Это требовало объяснения. Но мои собственные объяснения были нелепы. В этот момент я и сам в них не верил.

— Я верю вам, — сказал чужак-незнакомец, находившийся со мной.

Чувство отчуждения во мне было так сильно, что я взглянул на него с удивлением.

— Но король вам не доверяет. Отчасти потому, что не доверяет мне, больше уже не доверяет. Я допускал ошибки, был беззаботен и неосторожен. Я поставил вас в опасное положение и теперь не могу просить вас о доверии. Я забыл, кто такой король. Забыл о том, что король в собственных глазах и есть Кархид, забыл, что существует патриотизм и что в необходимых случаях король самый горячий патриот. Позвольте мне спросить, господин Ай, знаете ли вы по своему опыту, что такое патриотизм?

— Нет, — ответил я.

Я был потрясен внезапной страстностью, приоткрывшейся в нем.

— Но если под патриотизмом вы понимаете любовь к миру, где я родился, тогда знаю.

— Нет, говоря о патриотизме, я не имею в виду любовь. Я имею в виду страх. Страх перед другими. И проявляется он не в поэзии, а в политике. Этот страх в нас все время растет. Он растет в нас год за годом. И мы слишком далеко зашли по дороге страха. И вы, пришедший к нам из мира, который уже много столетий назад перерос рамки отдельных наций, едва ли понимаете, о чем я говорю, вы, который понимаете и показываете нам новую дорогу... холодно и вежливо.

— Именно из-за страха я не могу больше обсуждать ваше предложение с кораблем. Но не из-за страха за себя, господин Ай. Я действую не из-за патриотизма в конце концов. На Гетене есть и другие нации.

Я понятия не имел, к чему он клонит.

Из всех этих загадочных, неуловимых, темных душ, которые я встретил в этом мрачном городе, он был самой темной душой. Я не хотел участвовать в этих играх в лабиринте.

Я ничего не ответил. Немного погодя, он осторожно продолжал:

— Если я вас правильно понял, ваш Экумен заботится об интересах всего человечества. Например, у орготов есть опыт в подчинении местных интересов общим, а у Кархида такого опыта нет. И сотрапезники Оргорейна — в большинстве здравомыслящие люди, высокоинтеллектуальные, в то время как король Кархида не только безумен, но и глуп.

Ясно, что у Эстравена верность совершенно отсутствует. С сомнением я заметил:

— В таком случае ему трудно служить.

— Я не уверен, что когда-либо служил королю, — сказал премьер-министр. — Или собирался служить. Я не слуга. Человек должен отбрасывать собственную тень...

Колокола на башне Ремни пробили шестой час, полночь, и я восполь-

зовался этим, как поводом для ухода. Когда я одевался, он сказал:

— Сейчас у меня больше не будет возможности, так как вы, вероятно, покинете Эрхенранг. (Почему он так считает?) Но я надеюсь, наступит день, когда я смогу подробнее расспросить вас. Мне так много хочется узнать. О вашей мозговой речи в особенности. Вы так и не успели объяснить мне, что это такое.

Его любопытство, казалось, было совершенно искренним. Он обладал бесстыдством человека, облеченного властью. Его прошлые обещания помогать мне тоже казались искренними. Я сказал: да, конечно, когда он только захочет. На этом вечер кончился. Он провел меня через сад, где тонким слоем лежал снег в свете большой тусклой луны. Я вздрогнул. Температура была гораздо ниже нуля. Он спросил меня с вежливым удивлением:

— Вам холодно?

Для него, конечно, это была теплая ночь, весенняя ночь.

Я устал, был удручен и потому ответил:

— Мне холодно с того самого момента, когда я появился в вашем мире.

— Как вы называете наш мир на своем языке?

— Гетен.

— Вы не дали ему собственного названия?

— Первые исследователи называли его Зима.

Мы остановились у калитки. Снаружи виднелись башни и крыши дворцов, кое-где блестели освещенные окна. Стоя под узкой аркой, я взглянул вверх, размышляя, укреплен ли и этот ключевой камень на крови.

Эстравен попрощался и повернул назад: он никогда не был щедр на прощания и приветствия. Я пошел через тихий двор, по дворцовым закоулкам. Башмаки мои оставляли след в тонком слое снега. Я замерз, я чувствовал неуверенность и был расстроен вероломством.

Мне было одиноко и страшно.

2. ОБИТЕЛЬ ВНУТРИ БУРИ

Из собрания звукозаписей северо-кархидских «очаговых сказаний» в архивах исторического колледжа Эрхенранга. Сказитель неизвестен, запись произведена в правление Аргавена VIII

Двести лет назад в очаге Шат в области Перинг были два брата, которые дали обет кеммеринга друг другу. В те дни, как и сейчас, кровным братьям разрешалось вступать в кеммер, пока один из них не зачинал ребенка. После этого они должны были расстаться. Потому давать обет кеммеринга на всю жизнь им не разрешалось. Но они сделали это. Когда был зачат ребенок, лорд Шата приказал им разорвать обет и больше никогда не вступать в кеммер. Услышав это, один из них, тот, который носил

ребенка, впал в отчаяние, и, не слушая советов и утешений, принял яд и покончил жизнь самоубийством. Люди очага поднялись против другого брата и изгнали его, из очага и домейна, возложив на него позор самоубийства. И поскольку собственный лорд изгнал его, и рассказ о нем распространился повсюду, никто не хотел принимать его, и после трех гостевых дней его отовсюду изгоняли, как стоявшего вне закона.

И так он бродил от одного места к другому, пока не узнал, что нет для него доброты в этом мире и что его преступление не будет прощено. Будучи молодым и неопытным, он вернулся в землю Шат и как изгнанник встал у входа во внешний очаг. И он сказал главному сожителю по очагу:

— У меня нет лица среди людей. И меня не видят. Я говорю, но меня не слышат. Я вхожу, но меня не приглашают. Нет у меня места у огня, нет для меня еды на столе, нет постели, где бы я мог поспать спокойно. Но у меня есть еще имя. Гетерен зовут меня. И это имя я, обреченный проклятию, возлагаю на очаг, как позор, храните его для меня. А я, безымянный, буду искать свою смерть.

Тут многие жители очага вскочили с криками и суматохой, намереваясь убить его, потому что убийство бросает меньшую тень на дом, чем самоубийство. Он бежал от них и ушел на север, к землям, пограничным со льдом. Преследователи же вернулись в Шат. Но Гетерен продолжал идти и пришел на ледник Перинг. Ледник Перинг — ледяной щит, покрывающий северную часть Кархида. Зимой, когда замерзает залив Гетен, он соединяется с ледником Гобрин в Оргорейне.

Еще два дня он продвигался на север по льду. У него не было с собой ни пищи, ни укрытия. На льду ничего не растет и там нет никаких животных. Был месяц Саоми, и первый большой снег шел днем и ночью. Гетерен один шел сквозь бурю. На второй день он почувствовал, что слабеет. На вторую ночь ему пришлось лечь и немного поспать. Проснувшись на третье утро, он заметил, что руки у него обморожены, что ноги тоже обморожены, хотя он и не мог снять ботинок, чтобы осмотреть их: руки не повиновались ему. Он пополз вперед на четвереньках. У него не было для этого никаких причин: какая разница, в каком месте умирать, но он чувствовал, что он должен двигаться на север.

Много времени спустя прекратился снег и ветер. Светило солнце. Гетерен не мог видеть, что у него впереди, потому что капюшон сполз ему на глаза. Не чувствуя больше холода в руках и ногах, он решил, что они онемели от мороза, но он продолжал ползти. Снег, покрывающий лед, показался ему странным: как будто изо льда росла белая трава. Она сгибалась под тяжестью его тела и снова распрямлялась за ним. Он перестал ползти, сел и откинул капюшон, чтобы осмотреться. Повсюду, насколько хватало глаз, лежали диковинные белые сверкающие поля снежной трассы. Видны были рощи белых деревьев с белыми листьями на них. Светило солнце, было безветренно и все вокруг белело.

Гетерен снял варежки и посмотрел на руки. Они были белы, как снег. Но они не были обморожены, и он мог двигать пальцами и стоять на

ногах. Он не чувствовал ни боли, ни холода, ни голода.

Гетерен увидел впереди белую башню, похожую на башню домейна. Оттуда кто-то шел по направлению к нему. Спустя какое-то время стало видно, что это человек, совершенно нагой, с белой кожей и белыми волосами. Он подошел ближе к Гетерену, и Гетерен спросил его:

— Кто ты?

Белый человек ответил:

— Я твой брат и кеммеринг Ход.

Ходом звали его брата, убившего себя.

Гетерен увидел, что этот человек действительно его брат лицом и телом. Но в теле его не было жизни, а голос его звучал, как треск льда.

Гетерен спросил:

— Что это за место?

Ход ответил:

— Это место внутри бури. Здесь живут те, кто убил себя. Здесь мы с тобой продолжим наш обет.

Гетерен испугался и сказал:

— Я не останусь здесь. Если бы ты ушел со мной из нашего очага в южные земли, мы могли бы оставаться вместе и хранить наш обет всю жизнь, и никто не знал бы о нашем проступке. Но ты нарушил наш с тобой обет, отбросив его вместе со своей жизнью. Ты не можешь теперь называть меня по имени.

И правда, Ход пошевелил губами, но не смог произнести имени брата.

Он быстро подошел к Гетерену и схватил его левой рукой. Гетерен высвободился и побежал. Он бежал на юг и увидел перед собой стену падающего снега, а когда он вошел в нее, он снова не мог держаться на ногах и пополз.

На девятый день Гетерена нашли в своем домейне люди очага Орхоч, который расположен на юге Шата.

Они не знали, кто он и куда идет.

Когда его нашли, он, обмороженный и умирающий от голода, полз по снегу. От солнечного света он ослеп, лицо его почернело. Вначале он не мог говорить. Но особого вреда мороз ему не причинил, только левая рука у него онемела и ее пришлось ампутировать. Некоторые говорили, что это Гетерен из Шата, о котором они слышали. Другие говорили, что этого не может быть, потому что Гетерен в самом начале осени ушел на лед и теперь он давно мертв. Сам он отрицал, что его зовут Гетерен. Оправившись, он покинул Орхоч и границу бури и ушел в южные земли, называя себя Энnoch.

Состарившись, Энnoch встретил в долине Гор человека со своей родины и спросил его:

— Как поживает домейн Шат?

Тот ответил, что Шат живет плохо. Ничего не растет на полях, люди болеют, весенние посадки вымерзают, и так продолжается уже много лет. Тогда Энnoch сказал ему:

— Я Гетерен из Шата.

Он рассказал, как ушел на лед и с кем там встретился. В конце своего рассказа он сказал:

— Скажи всем в Шате, что я беру назад свое имя и свою тень.

Вскоре Гетерен заболел и умер. Путешественник принес его слова в Шат и с того времени доместей снова стал процветать, и все в домах, полях и в очагах стало хорошо.

3. БЕЗУМНЫЙ КОРОЛЬ

Я проснулся поздно и остаток утра провел, перечитывая заметки об этике дворца, наблюдения над гетенианской психологией и манерами, сделанные моим предшественником-исследователем. Я плохо понимал, что читаю. Впрочем, это не имело значения; все это я уже знал и читал теперь просто, чтобы заглушить внутренний голос, говоривший мне, что все идет не так, как надо.

Не сумев заглушить голос, я стал с ним спорить, утверждая, что без Эстравена было бы еще хуже, чем с ним. В конце концов, моя миссия — это работа одиночки.

Первый корабль всегда один. Первые известия об Экумене в иной мир приносит лишь один человек.

Он может быть убит, как Пелледж на Таурусе-4, или заключен в сумасшедший дом, как первые три мобиля на Гао, один за другим.

Но подобная практика продолжалась, потому что она была действенной.

Один голос, говорящий правду, обладал большей силой, чем флоты и армии, но для этого нужно время, много времени, а времени у Экумена предостаточно. Не говори, произнес внутренний голос, но я продолжал спорить в молчании и прибыл во дворец на аудиенцию к королю во втором часу, полный спокойствия и решимости. И все улетучилось еще до того, как я увидел короля.

Стражники и чиновники дворца провели меня в приемную по длинным залам и коридорам королевского дома. Меня попросили подождать и оставили одного в высокой комнате без окон. Так я и стоял, одетый соответственно предстоящему свиданию с королем. Я продал свой четвертый рубин. Исследователи сообщали, что гетенианцы высоко ценят эти драгоценные камни, поэтому я захватил с собой целую сумку, чтобы расплачиваться ими за все необходимое. И треть полученных денег потратил на одежду для вчерашнего парада и сегодняшней аудиенции; все новое — серые брюки, длинная нижняя рубашка, новая шапка, новые перчатки, заткнутые под соответствующим углом за пояс, и новые сапоги. Уверенность в том, что я хорошо одет, увеличила мое спокойствие и решительность. Я спокойно и мужественно смотрел по сторонам.

Подобно всему королевскому дому, комната эта была высокой и старой, и в ней было холодно, как будто сквозняки дули не из других залов, а из прошедших столетий.

В очаге горел огонь, но тепла он не давал.

Огонь в Кархиде согревает, скорее, душу, а не тело. Индустриальный век в Кархиде длится уже три тысячи лет, и за эти тридцать столетий кархидцы создали много великолепных экономических устройств центрального отопления, использующих пар, электричество и другие принципы, но в домах они не устанавливаются.

Возможно, кархидцы не хотят утратить свою естественную приспособленность, подобно арктическим птицам, которые, пожив в тепле, отмораживают затем лапы. Я, однако, тропическая птица, и мне было холодно и на улице и в доме. Чтобы согреться, я принялся ходить взад и вперед. Кроме меня и огня в очаге, в приемной почти ничего не было; табуретка, стол, на котором стоял резной кувшин, и древний радиоприемник в резном деревянном корпусе. Он говорил шепотом и я увеличил громкость, слушая дворцовый бюллетень, который сменил однообразную песню, похожую на лай, которая передавалась перед этим.

Кархидцы, как правило, редко читают, предпочитая слушать новости, а не читать о них. Книги и телевизоры распространены гораздо меньше радио, а газета вообще отсутствует. Я пропустил утренний бюллетень и прислушался краем уха, размышляя о чем-то другом, но тут мое внимание привлекло несколько раз повторенное имя, и я перестал расхаживать. Что там было с Эстравеном? Сообщение повторили.

«Терем Харт рем ир Эстравен, лорд Эстра в Карме, этим указом лишается своего титула и места в ассамблее королевства и приговаривается к изгнанию из королевства и всех домейнов Кархида. Если через три дня он окажется в королевстве или любом из домейнов или если он впоследствии вернется в Кархид, любой подданный обязан предать его смерти без всякого судебного разбирательства. Ни один подданный Кархида не должен разговаривать с Хартрем рем ир Эстравеном, впускать его в свой дом или на свою землю под угрозой тюремного заключения. Ни один подданный Кархида не должен давать Харту рем ир Эстравену займы деньги или вещи и не должен возвращать взятые в долг вещи или деньги под угрозой тюремного заключения и штрафа. Да знают все подданные Кархида, что преступление, за которое Харт рем ир Эстравен осужден на изгнание, есть предательство: он открыто, под предлогом верной службы королю, вел дело к тому, чтобы уничтожить независимость Кархида и подчинить его чужой власти. Он хотел, чтобы Кархид стал подчиненным и зависимым членом некоего Союза народов, утверждал, что подобный Союз существует, хотел ослабить власть короля в Кархиде с выгодой для настоящих и будущих врагов королевства. Одгир из Тува, восьмой час, дворец в Эрхенранге. Аргавен Харт».

Приказ был напечатан и расклеен на воротах города и верстовых столбах, читался он по одному такому экземпляру.

Первый мой импульс был прост. Я выключил радио, как будто оно обвиняло меня и заторопился к двери. Тут я, конечно, остановился и вернулся к столу у очага. Спокойствия и решительности как не бывало, и мне захотелось открыть сумку, достать ансибл и послать срочное сообщение. Но я подавил и этот импульс, он был еще глупее первого. К счастью, у меня не оказалось времени для следующих импульсов. Двойная дверь в дальнем конце приемной открылась, появился чиновник:

— Дженри Ай!

Меня зовут Дженли, но кархидцы не произносят звука «л». Он впустил меня в красный зал, где находился Аргавен XV.

Красный зал королевского дома — огромная, высокая и длинная комната. До очага полмили. До снабженного стропилами и увешанного пыльными знаменами потолка тоже полмили. Узкие разрезы окон в толстых стенах. Света мало, тусклая полутьма. Мои новые сапоги стучали. Я шел к королю по длинному залу.

В зале было три очага. Перед центральным, самым большим из них, на низком широком помосте или платформе стоял Аргавен — низкорослый, очень прямой и смуглый. На его темной фигуре не было никаких знаков отличия, кроме золотого кольца на пальце.

Я остановился у края помоста и, как мне было сказано, молчал.

— Поднимитесь, господин Ай. Садитесь.

Я повиновался, сев в правое от очага кресло. Всему этому меня обучили. Аргавен не сажился. Он стоял в десяти футах от меня у ревающего яркого пламени. Наконец он сказал:

— Говорите, господин Ай, то, что собирались сказать. Мне передали, вы принесли какое-то сообщение.

Лицо его покраснело от жара. Оно было плоское и грубое, как луна, тусклая коричневато-красная луна Зимы. Аргавен был менее похож на короля и мужчину, чем на расстоянии среди придворных. Голос у него был тонкий, а безумная голова высокомерно поднята.

— Ваше Величество, все, что я знал, вылетело у меня из головы. Я только что узнал об опале Эстравена.

Аргавен улыбнулся. Он резко рассмеялся, как разгневанная женщина, делающая вид, что ей забавно.

— Будь проклят этот гордец, позер, лжесвидетель и изменник! Вы с ним ужинали вчера вечером? И он вам говорил, какой он могущественный, как он правит королем, как легко пойдут ваши дела теперь, когда он со мной поговорил о вас, да? Он говорил вам так, господин Ай?

Я колебался.

— Я скажу вам, что он говорил мне о вас, если вам интересно это услышать. Он советовал мне отказать вам в аудиенции, заставить вас ждать, может быть, выслать вас в Оргорейн или на острова. Все эти полмесяца он твердил мне, будь проклята его дерзость! Это он выслан теперь в Оргорейн. Ха-ха-ха!

Снова резкий, фальшивый хохот. Смеясь, он хлопнул в ладоши, не-

медленно среди занавесей в конце помоста появились стражники. Аргавен фыркнул на них, те исчезли. Все еще смеясь и фыркая, Аргавен подошел ближе и уставился на меня. Темные зрачки его глаз слегка отливали оранжевым. Я испугался его гораздо больше, чем ожидал.

Я не видел иного выхода из этих несуразностей, кроме искренности.

— Могу лишь спросить вас, государь, считаюсь ли я причастным к преступлению Эстравена?

— Вы? Нет.

Он еще пристальной посмотрел на меня.

— Не знаю, господин Ай, что вы за дьявол: сексуальный урод, искусственно созданное чудовище или посетитель из домейна Неба, но вы не предатель, вы были лишь орудием предателя. Я не наказываю орудия. Они причиняют вред только в руках плохого рабочего. Позвольте мне дать вам совет.

Аргавен сказал это подчеркнуто и с явным удовлетворением, и тотчас мне пришло в голову, что за два года никто не давал мне советов. На вопросы отвечали, но никогда не пытались советовать. Даже Эстравен, явно старавшийся помочь мне. Это, видимо, имело какое-то отношение к шифгретору.

— Не давайте другим использовать вас, господин Ай, — вешал король. — И держитесь подальше от фракций. Говорите собственные слова, совершайте собственные поступки и никому не верьте. Поняли? Никому. Будь проклят этот лживый, хладнокровный предатель. Я ему верил, я надел серебряную цепь на его проклятую шею. Хотел бы я повесить его на той же цепи. Никогда я не доверял ему. Никогда. Никому не доверяйте. Пусть он слохнет в помойных ямах Мцинори, выпрашивая подаяние, пусть сожгут его кишки.

Король Аргавен затрясся, задыхаясь, схватившись за грудь, и повернулся ко мне спиной. Он пинал большое полено в очаге, пока из него не полетели искры. Он принялся гасить его руками.

Не оборачиваясь, он заговорил резким и болезненным тоном:

— Говорите, господин Ай.

— Могу ли я задать вопрос, государь?

— Да.

Он глядел на огонь, раскачиваясь с ноги на ногу. Я обращался к его спине.

— Верите ли вы в то, что я говорю о себе?

— По приказу Эстравена врачи посылали мне бесконечные записи о вас. Еще больше докладов инженеров о вашем корабле. Все они могут быть лжецами, но все они утверждают, что вы не нашей породы. Так кто же вы?

— Существуют и другие, подобные мне. А я представитель...

— Этого союза, этой власти, да, очень хорошо. Зачем они послали сюда вас, чего они хотят от меня?

Хотя Аргавен мог быть и безумным, и не очень проницательным, но

у него была долгая практика в уклонениях, вызовах, риторических тонкостях, используемых в разговорах с теми, чья главная цель жизни заключается в достижении и укреплении отношений инфрегатора на высшем уровне.

Хотя многие тонкости этих отношений были не ясны мне, я знал о том, какие словесные дуэли могут возникать на этой основе. Я не собирался спорить с Аргавеном, я хотел общаться с ним.

— Я не делаю из этого тайны, государь. Экумен хочет союза с народами Гетена.

— Зачем?

— Материальная выгода. Увеличение знаний. Расширение поля разумной жизни. Обогащение гармонии и большая слава бога. Приключения. Радость.

Я не говорил языком, которым пользуются те, кто правит людьми: короли, завоеватели, диктаторы, полководцы. На их языке нет ответа на вопрос короля. Аргавен неподвижно и угрюмо продолжал смотреть в огонь.

— Как велико королевство в небе, этот Экумен?

— В сфере Экумена находятся восемьдесят три обитаемые планеты, а они содержат около трех тысяч народов и антропологических групп.

— Три тысячи? Понятно. А теперь скажи мне, что мы здесь можем иметь общего с тысячами чудищ, живущих в небе?

Он снова повернулся ко мне. Он продолжал дуэль, задавал риторические вопросы, он почти шутил. Но ему было не до шуток. Эстравен предупредил меня: он был обеспокоен, встревожен.

— Три тысячи наций в восьмидесяти трех мирах, государь. Но ближайший находится в семнадцати годах пути от Гетена на кораблях, которые летят со скоростью света. Если вы считаете, что Гетен может быть вовлечен в пограничные конфликты с соседями, подумайте о разделяющем вас расстоянии. Через такое расстояние всякий набег теряет разумность.

Я не говорил о войне и не без причины — на кархидском языке даже нет такого слова.

— Торговля же, разумеется, выгодна. Торговля идеями, усовершенствованиями, передаваемыми по ансамблю. И торговля товарами и изделиями, которые доставляют корабли с экипажем и без него. Сюда могут прибывать послы, ученые, купцы и, в свою очередь, ваши люди смогут отправиться в космос. Экумен не королевство, а координирующий центр, обменный пункт для торговли и знаний. Без него сообщения между населенными пунктами стали бы случайными, а торговля — очень рискованной. Жизнь человека слишком коротка для прыжков между мирами, если не существует опорной сети, если нет контроля, если не ведется постоянная работа, поэтому все миры становятся членами Экумена. Мы все люди, вы знаете это. Все миры были заселены много лет назад из одного мира — Хейна. Мы различаемся, но мы все дети одного очага.

Ничто из сказанного не вызывало любопытства короля. Я продолжал некоторое время, подчеркивая, что его инфрегот Кархида лишь усилится,

если они вступят в Экумен, но ничего не добился. Аргавен стоял мрачный, угрюмый, как старая выдра в клетке, покачиваясь взад и вперед с ноги на ногу, скаля зубы в улыбке боли.

Я замолчал.

— Они все черные, как вы?

Гетенианцы в основном желто-коричневые или красно-коричневые, но я видел многих не менее смуглых, чем я.

— Некоторые чернее, — сказал я, — мы приобрели разные цвета.

Я открыл чемоданчик (четырежды вежливо осмотренный охранниками дворца при моем продвижении к Красному залу), в котором находился мой ансамбль и несколько картинок. Фильмы, фотографии, движущиеся изображения — это была маленькая галерея людей-жителей Хейна, Чиффердвера, Сети, Земли, Альтерры, Кэмтэйна, Олдула, Тауруса-4, Роканона, Знебе, Сайма и других.

Король посмотрел их без интереса.

— Что это?

— Человек с Сайма, женщина.

Я вынужден был использовать слова, которыми гетенианцы обозначают только человека в кульминационном периоде кеммера, причем такого, который выполняет функции женщины.

— Постоянно?

Он опустил куб и стоял, покачиваясь с ноги на ногу, глядя на меня или немного ниже меня. Отблески огня падали на его лицо.

— Они все подобны этому, подобны вам?

Этот барьер я не мог понизить для него. К этому им, в конце концов, придется привыкнуть.

— Да. Гетенианская половая психология, насколько мы можем судить, совершенно уникальна среди человеческих существ.

— Значит, все они на этих планетах постоянно находятся в кеммере? Общество извращенцев? Так и утверждает лорд Тайб. Я думал, он шутит. Значит, так оно и есть. Но это отвратительно, господин Ай, и я не вижу, для чего нам общаться с существами, так чудовищно отличающимися от нас.

— Выбор Кархида принадлежит вам, государь.

— А если я вышлю вас?

— Что ж, я уйду. Может быть, попытаюсь снова в следующем поколении.

Это подействовало. Он выпалил:

— Вы бессмертный?

— Совсем нет, государь. Но прыжки в пространстве сказываются во времени. Если я сейчас вылечу с Гетена к ближайшему миру, Юллулу, то проведу в пути семнадцать лет планетного времени. Это одно из следствий полета со скоростью света. Если я просто поверну и вернусь назад с Юллула, мои несколько часов, проведенные на борту корабля, здесь будут равны тридцати четырем годам и я смогу начать все сначала.

Мысль о прыжках во времени, которая давала видимость бессмертия, очаровывала всех: от рыбаков острова Хордена до премьер-министра. Но короля она оставила равнодушным.

Он сказал своим резким, хриплым голосом:

— Что это?

И он указал на ансамбль.

— Мгновенный коммуникатор, сэр.

— Радио?

— Он не использует ни радиоволны, ни другие виды энергии. Принцип его работы, дающий мгновенную связь, основан на использовании гравитации.

Я снова забыл, что говорю не с Эстравеном, который читал все отчеты обо мне и внимательно выслушивал все мои объяснения, а со скучающим королем.

— Ансамбль дает мгновенную связь между двумя любыми пунктами. Один пункт должен быть закреплен и находится на планете определенной массы, другой пункт подвижен. Это и есть мой ансамбль. Я установил координаты Первичного мира Хейна. Кораблю типа «Нафал» потребуется шестьдесят семь лет, чтобы добраться до Хейна с Гетена, но если я наберу здесь на клавишах сообщение, оно будет получено на Хейне в тот момент, когда я его пишу. Не хотите ли связаться со стабильями на Хейне, государь?

— Я не говорю по-небесному, — сказал король со своей тусклой улыбкой.

— Там находится специальный человек — я их предупредил, — который может переводить с кархидского.

— Как это?

— Ну, вы знаете, государь, что я не первый чужак на Гетене. Мне предшествовал отряд исследователей, которые не сообщили о своем присутствии: они выдавали себя за гетенианцев и изъездили в течение года весь Кархид, Оргорейн и Архипелаг. Они сделали доклад Совету Экумена около сорока лет назад, в правление вашего деда. Доклад их был чрезвычайно благоприятен. Я изучил собранную ими информацию, записанные ими языки и прибыл сюда. Не хотите ли посмотреть ансамбль в действии?

— Я не люблю фокусы, господин Ай.

— Это не фокус, государь. Ваши ученые осматривали...

— Я не ученый.

— Вы повелитель. Равные вам на Первичном мире Экумена ждут вашего слова.

Он свирепо посмотрел на меня. Стараясь заинтересовать его, я зашел его в ловушку.

— Ладно. Спросите вашу машину, что делает человека предателем.

Я медленно набрал на клавишах, где были обозначены кархидские буквы: «Король Кархида Аргавен спрашивает стабильей Хейна, что делает человека предателем?» Надпись появилась на маленьком экране и поблела.

Аргавен ждал, прекратив свое покачивание.

Наступила пауза, долгая пауза. Где-то там, в семидесяти двух световых годах, несомненно, лихорадочно посылали запросы в кархидский компьютер, а может, и в компьютер, содержащий сведения по философии. Наконец на экране загорелись яркие буквы, повисли и медленно поблекли: «Приветствуем короля Кархида Аргавена на Гетене. Я не знаю, что делает человека предателем. Ни один человек не считает себя предателем, поэтому на ваш вопрос ответить трудно. С уважением, Дж. Ф. Спаймолл, от имени стабелей, Сари, Хейн 93/1491/45».

Оторвав ленту с записью, я протянул ее Аргавену. Он бросил ее на стол, снова подошел к центральному очагу и принялся пинать полено, гася искры руками.

— Такой полезный ответ я мог бы получить от любого предсказателя. Этот ответ меня не удовлетворяет, господин Ай. Так же, как ваш ящик, эта ваша машина и ваш корабль. И фокусник и его мешок. Вы хотите, чтобы я поверил в ваши сказки. Но почему я должен вам верить? Что с того, что среди звезд существует восемьдесят тысяч миров, населенных чудовищами? Нам ничего от них не нужно. Мы выбрали свой путь в жизни и давно идем по нему. Кархид на пороге новой эпохи нового великого века. Мы пойдем своим путем.

Он остановился, как будто потерял нить рассуждений, может быть, и не своих.

Если Эстравен больше не был Королевским Ухом, его место занял кто-то другой.

— И если бы этот ваш Экумен чего-нибудь хотел от нас, он не послал бы вас одного. Это обман, подлог. Чужаки хлынули бы сюда тысячами.

— Но для того, чтобы открыть дверь, не нужно тысячи человек, государь.

— Ее нужно будет держать открытой.

— Экумен может подождать, пока вы откроете ее сами. Мы никого не принуждаем. Я послан один, чтобы вы не боялись нас.

— Бояться вас, — сказал король. Он повернул свое искаженное тенями лицо, улыбнулся и заговорил громко и резко: — Но я боюсь вас, посланник. Я боюсь тех, кто послал вас. Я боюсь лжецов, фокусников, а больше всего боюсь правды. И поэтому я хорошо правлю страной. Только страх правит людьми. Ничто иное не действует. И ничто иное не продержится достаточно долго. Вы тот, за кого себя выдаете, и в то же время вы — обман. Между звездами нет ничего, кроме ужаса и тьмы, и вы явились оттуда, стараясь испугать меня. И я уже испуган, но я король. Страх — вот король! Забирайте ваши картинки и фокусы и уходите. Я приказал, чтобы вам предоставили свободу в пределах Кархида. Больше нам не о чем говорить.

Я пошел по длинному залу, сапоги мои стучали и, наконец, двойные двери отделили меня от короля.

Я потерпел неудачу. Но когда я покинул королевский дом и возвращался домой, меня больше всего беспокоила собственная неудача, а также

участие в ней Эстравена. Почему король изгнал его за защиту Экумена (так, во всяком случае, утверждал приказ)? Если, в соответствии со словами самого короля, он действовал как раз в противоположном направлении? Когда он начал советовать королю избавиться от меня и почему? Не потому ли он изгнан, а мне предоставлена свобода? Кто из них лгал больше и зачем они вообще лгали?

Эстравен — чтобы спасти свою шкуру, решил я, а король — чтобы спасти свое лицо.

Объяснение как будто подходило. Но на самом ли деле Эстравен лгал мне? Я понял, что не знаю этого.

Я проходил мимо дома в Красном Углу.

Ворота в сад были открыты. Я увидел деревья, склонившиеся над темным прудом, тропинку розового кирпича, лежавшую в безмятежном сером свете солнца. И по-прежнему снег лежал на берегах пруда.

Я вспомнил, как ждал меня здесь под снегом Эстравен прошлым вечером и почувствовал прилив острой жалости к человеку, который только вчера находился на вершине своего могущества, а сегодня пал, изгнан, исчез, бежит к границе, а смерть идет за ним в трех днях, и никто не разговаривает с ним. Смертные приговоры редки в Кархиде, жизнь на Зиме тяжела, и люди предоставляют право убивать природе, а не закону. Я гадал, куда направится Эстравен. Экипажа у него нет, они все представляют дворцовую собственность. Ни один корабль или повозка не подберет его. Он идет пешком по дороге и несет с собой то немного, что смог захватить. Кархидцы в своем большинстве передвигаются пешком. У них нет верховых животных, нет летательных аппаратов, большую часть года погода не благоприятствует движению машин и жители Гетена не торопятся. Я представил себе, как этот гордый человек бредет в изгнание, маленькая, согнутая фигура на дороге, ведущей к западу от залива.

Все эти мысли мелькали в моем мозгу, когда я проходил мимо дома в Красном Углу. В то же время я продолжал обдумывать действия Эстравена и короля. В общении с ними я потерпел неудачу. Что же делать дальше?

Я должен отправиться в Оргорейн — соседнее с Кархидом государство, соперничающее с ним. Но оттуда мне трудно будет вернуться в Кархид, я еще не закончил тут дела. Я напомнил себе, что вся моя жизнь может пройти в осуществлении миссии Экумена. Не торопиться, не бежать в Оргорейн, прежде чем я не узнаю больше о Кархиде, и особенно о предсказателях.

Два года я отвечал на вопросы, теперь я сам буду задавать их. Но не в Эрхенранге. Я наконец-то понял, что Эстравен предупреждал меня, и хотя я не могу доверять его советам, не учитывать их тоже нельзя. Он дал мне понять, хотя и не прямо, что мне следует удалиться от двора и уехать из города. Я почему-то вспомнил о зубах лорда Тайба.

Король предоставил мне свободу в своей стране, я воспользуюсь ею. Как говорят в Экуменийской школе: если действия невыгодны, собирай

информацию; когда информация становится невыгодной, спи. Я еще не хотел спать. Я отправлюсь на восток и буду собирать информацию о предсказателях.

4. ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

*Восточно-кархидское сказание. Рассказано Тобордой Чержавой
в очаге Коринхеринг и записано Дж. А., 93/1492/.*

Лорд Ферости рем ир Айн прибыл в крепость Тангеринг и предложил сорок бериллов и половину дохода от урожая своих садов, как плату за предсказание.

Его условия были приняты. Он задал свой вопрос Ткачу Одреку и вопрос его был: «В какой день я умру?»

Собрались предсказатели и ушли во тьму.

Когда кончилась тьма, Одрек дал ответ: «Ты умрешь в Одстрет» (девятнадцатый день любого месяца).

— Какого месяца? Через сколько лет? — воскликнул Ферости.

Но связь была разорвана, и ответа не было. Лорд вбежал в круг, схватил Одрек за горло и начал душить его, крича, что если он не получит ответа, то сломает Ткачу шею. Его оттащили, хотя он и был сильным человеком. Он бился в их руках и кричал:

— Дайте мне ответ!

Одрек сказал:

— Ответ дан, и цена уплачена. Иди.

Разгневанный Ферости рем ир Айн вернулся в Гарут, третий домейн своей семьи, бедную местность на севере Осноринера, которую он сделал еще беднее, выколачивая из нее плату за предсказание. Он закрылся в крепости, в самой высокой комнате башни очага, и не выходил оттуда ни к другу, ни к врагу, ни в посев, ни в жатву, ни для кеммера, ни для набега. И прошел месяц, и шесть месяцев, и девять, а он продолжал жить, как заключенный, и ждать. А в Одпетерхад и в Одстрет — в восемнадцатый и девятнадцатый дни месяца — он не ел, не пил и не спал.

Его кеммерингом по любви и обету был Харбор из клана Геганнер. Этот Харбор в месяц Гренде пришел в крепость Тангеринг и сказал Ткачу:

— Мне нужно предсказание.

— Чем ты заплатишь? — спросил Одрек.

Он видел, что пришедший плохо одет и плохо обут, его сани старые, а все его снаряжение нуждалось в замене.

— Я заплачу своей жизнью, — сказал Харбор.

— У вас больше ничего нет, милорд? — поинтересовался у него Одрек.

Он говорил теперь с ним, как с благородным человеком.

— Вы больше ничего не можете предложить?

— Ничего, — сказал Харбор. — И я не знаю, ценна ли для вас моя жизнь?

— Нет, — сказал Одрек. — Для нас она не ценна.

Тогда Харбор упал на колени, сраженный любовью и стыдом, и воскликнул:

— Я умоляю ответить на мой вопрос! Спрашиваю я не для себя!

— А для кого?

— Для моего лорда и кеммеринга Ферости, — ответил Харбор. Он заплакал.

— С тех пор, как он вернулся от вас с ответом, для него нет любви и радости. Он умирает от вашего ответа, который вовсе и не ответ.

— Человек умирает только от смерти, — сказал Ткач Одрек. Но страсть Харбора его тронула. Наконец он сказал: — Я поищу ответ на ваш вопрос, Харбор, и не спрошу за это плату. Но помните, что платить приходится всегда. Тот, кто спрашивает, всегда должен заплатить.

Тогда Харбор прижал руки Одрека к своим глазам в знак благодарности. Собрались предсказатели и ушли во тьму.

Харбор был с ними и задал свой вопрос, а вопрос его был: «Долго ли проживет Ферости рем ир Айн», ибо Харбор хотел узнать день, месяц и год, чтобы любящее сердце его кеммеринга успокоилось с этим знанием. Предсказатели ушли во тьму, и вот Одрек закричал, как от великой боли, как будто его жгли на огне:

— Дольше, чем Харбор из Геганнера!

Харбор отправился домой в Герут через снега Гренде. Он поднялся на башню.

Здесь сидел его кеммеринг Ферости, мрачный и хмурый.

— Аше, — сказал Харбор, — я был в крепости и получил от предсказателя ответ. Я спросил, долго ли ты проживешь, и он ответил: дольше, чем Харбор.

— Значит, ты спросил у них, когда я умру? — спросил Ферости.

Он медленно поднял голову, как будто она у него задрожала.

— Я спросил, долго ли ты будешь жить?

— Долго ли? Глупец! Ты мог бы спросить у них, когда я умру, в какой день, месяц, год. Сколько дней мне осталось жить? А ты спросил: «Долго ли?» О, глупец! Дурак! Конечно, дольше, чем ты!

Ферости поднял стол из красного камня и бросил его в голову Харбора. Харбор упал.

Ферости увидел, что разбил Харбору череп, поставил стол на место. Он лег рядом с мертвым и обхватил его руками, как будто они были в кеммере. Так их и нашли: Ферости сошел с ума, и его держали под замком, так как он повсюду искал Харбора, думая, что тот где-то в домейне.

Он прожил еще месяц и повесился в Одстрет, в девятнадцатый день месяца Терем.

5. ОВЛАДЕНИЕ ПРЕДЧУВСТВИЕМ

Мой хозяин, ужасный болтун, собирал меня в путешествие на восток.

— Если путник хочет посетить крепости, он должен пересечь Каргав, затем попасть через горы в старый Кархид, к Реру, старому королевскому городу. Мой сожитель по очагу водит караваны грузовиков через проход Зенар. За чашкой орша он рассказал мне, что завтра они отправляются в первый переход. Весна теплая, дороги расчистились до самого Энгожера. Еще несколько дней и снегоочистители совсем расчистят их. Меня не заставишь пересекать Каргав. Эрхенранг мой дом и крыша над головой, но я Йомешта, да будет благословенно молоко Меша, а Йомештой можно быть где угодно. Мы вновь прибывшие: лорд Меша родился две тысячи двести два года тому назад, а старый Хандадара уходит в прошлое еще на десять тысяч лет. Если вы интересуетесь Старым Путем, вам нужно вернуться на Старую Землю. Послушайте, господин Ай, я сохранию вашу комнату на острове до вашего возвращения, но вы мудрый человек и на время должны уехать из Эрхенранга, потому что все знают, что предатель всем во дворце демонстрировал свою дружбу с вами. Теперь, когда старина Тайб стал Королевским Ухом, все опять будет хорошо. Если пойдете в Новый порт, найдете там моего товарища по очагу и скажете ему, что я вас послал...

И так далее. Как я сказал, он был разговорчив и, обнаружив, что у меня нет ингретора, принялся давать мне советы, правда, маскируя их словами «если» и «как будто».

Он был управляющим моего острова. Я мысленно называл его хозяйкой, так как у него были толстые ягодицы, которые переваливались при ходьбе, мягкое, толстое лицо, а по характеру он был добрый и любил подглядывать, шпионить и разнохивать. Он хорошо относился ко мне, но за маленькую плату показывал мою комнату любителям острых ощущений, когда я отсутствовал: посмотрите комнату загадочного Посланника! Он был так женоподобен по внешности и манерам, что я однажды спросил, много ли у него детей. Он удивленно взглянул на меня.

Оказывается, он не родил ни одного, хотя был отцом четверых. Одно из маленьких потрясений, которые я постоянно получал. Даже культурный шок ничто по сравнению с биологическим шоком, который получал я, как мужчина, находясь в обществе тех, кто пять шестих времени был не мужчиной и не женщиной, а чем-то средним.

Радиобюллетени были полны деяний нового премьер-министра Пеммер Харт рем ир Тайба.

Большинство из этих новостей касалось событий на Севере, в долине Синот. Тайб постоянно поддерживал претензии Кархида на этот район — именно такие действия на любой другой планете на данном этапе цивилизации привели бы к войне, но не на Гетене. Ссоры, убийства, феодальные распри, набеги, вендетты, пытки, похищения — весь знакомый человечеству набор. Только без войн, как будто у них не было способности к

войне. В этом смысле они вели себя, как животные или как женщины, но не как мужчины или муравьи. Во всяком случае, до сих пор. Все, что я знал об Оргорейне, указывало, что последние пять-шесть столетий он превратился в способное к войне общество, в настоящую нацию.

Соперничество, главным образом экономическое, побуждало Кархид тоже превращаться в нацию, развить, как говорил Эстравен, патриотизм. Если это произойдет, гетенианцы в конце концов изобретут и войну.

Я решил отправиться в Оргорейн и проверить, верны ли мои догадки, но раньше мне нужно было закончить все дела в Кархиде, поэтому я продал еще один рубин ювелиру с улицы Энг и, захватив с собой все деньги, ансибл, несколько инструментов и смену одежды, выехал как пассажир торгового каравана в первый день первого месяца лета.

Грузовики тронулись на рассвете от грузового нового порта. Они проехали под аркой и повернули на восток — двадцать громоздких тихоходных, похожих на баржи грузовиков на гусеничном ходу, двигавшихся цепочкой по глубоким улицам Эрхенранга сквозь утренние тени. Они везли ящики с линзами, катушки звукозаписей, медную и платиновую проволоку, ткани, ящики с сушеной рыбой с залива, шарикоподшипники и другие детали машин. Десять грузовиков перевозили орготское зерно картик. Все это было закуплено для Перинга, самой северной области страны.

Перевозки на великом континенте осуществлялись главным образом на этих электрических грузовиках, а когда было возможно, на барже по рекам и каналам. В месяцы глубоких снегов медлительные тракторы и снегоочистители, механические сани и ледовые корабли — единственный транспорт, кроме лыж и саней, которые тащат люди. Во время оттепели вообще никаких сообщений организовать невозможно, поэтому перевозки велись почти исключительно летом.

По дорогам тогда движется множество караванов.

Движение контролируется, каждый караван или отдельная машина поддерживают постоянную радиосвязь с контрольными пунктами по всему пути, движение совершается со скоростью двадцать пять миль в час (земной). Машины гетенианцев способны двигаться быстрее, но никогда этого не делают. Если гетенианцев спрашивают об этом, они отвечают:

— А зачем?

Когда землян спрашивают, почему их машины двигаются быстро, они отвечают: «А почему бы и нет?»

О вкусах не спорят.

Земляне постоянно стремятся вперед, они считают движение прогрессом. Люди Зимы, всегда живущие в первом году, считают, что прогресс менее важен, чем присутствие. У меня земные привычки, и, покинув Эрхенранг, я испытывал раздражение от медлительности каравана. Мне хотелось, чтобы он двигался быстрее. Я был рад избавиться от длинных каменных улиц с черными крутыми крышами, бесчисленными башнями, избавиться от бесконечного города, где все мои усилия оказались тщетными по причине страха и предательства.

Взбираясь на Каргаз, караван останавливался ненадолго, но часто для еды в придорожных гостиницах. Вскоре после полудня мы смогли бросить взгляд на весь хребет с вершины предгорья. Мы видели Костор с четырех миль высоты от подножья до вершины, гигантский западный склон горы скрывал от нас северные пики. Некоторые из них достигали тридцати тысяч футов. Южнее Костора один пик за другим вздымались белыми громадами на фоне бесцветного неба. Я насчитал их тридцать, а дальше виднелось лишь неразличимое мерцание в туманной дымке. Водитель назвал мне все тридцать вершин. Он рассказывал мне о лавинах, о грузовиках, сброшенных с дороги горными ветрами, об экипажах снегоочистителей, запертых на недели, и о прочем в дружеской попытке напугать меня.

Он поведал, как однажды грузовик, шедший перед ним, соскользнул с дороги и полетел вниз, в тысячеметровую бездну, и что замечательно, сказал он, так это медлительность, с которой все это происходило. Казалось, целый час грузовик падал, и удивительно, как он, наконец, беззвучно исчез в сорокаметровом слое снега на дне пропасти.

В третьем часу мы остановились для обеда в большой гостинице с общирными ревушими очагами, высокими комнатами, множеством столов, уставленных хорошей пищей, но мы не остановились на ночь. Наш караван был рассчитан на движение по ночам, он торопился (по-кархидски, конечно), чтобы первым в сезоне добраться до области Перинг и взять максимальную прибыль на рынке.

Аккумуляторы грузовиков подзарядили. На работу заступила новая смена водителей, и мы двинулись дальше. Один из грузовиков каравана служил в качестве спальни для водителей. Для пассажиров никаких спальных мест не было. Я провел ночь в холодной кабине на жестком сиденье. В полночь была сделана короткая остановка у маленькой гостиницы высоко в горах. Кархид не знает, что такое комфорт. Проснувшись на рассвете, я увидел лишь скалы, свет и узкую дорогу, поднимающуюся все вверх и вверх под гусеницами наших грузовиков. Я с дрожью заставил себя вспомнить, что есть вещи поважнее удобств, если только ты не старая женщина или кошка.

Дальше гостиниц уже не было. К обеду грузовики остановились один за другим на покрытой снегом гряде, стоя под углом в тридцать градусов. Все выбрались из кабин и собрались вокруг спальной машины.

Из нее выносили чашки с горячим супом, раздавались ломти сухого хлебного яблока и кружки с кислым пивом. Мы стояли в снегу, ели и пили, повернувшись спинами к резкому ветру, который был полон сухой снежной пылью. Потом снова сели в грузовики и поехали дальше вверх. В полдень в переходе Вехот на высоте четырнадцати тысяч футов было восемьдесят два градуса по Фаренгейту на солнце и тринадцать в тени. Электродвигатели работали так тихо, что слышно было, как где-то далеко в двадцати милях срывались в пространство лавины.

После полудня на высоте пятнадцать тысяч футов мы миновали вершину.

Глядя на южный склон Костора, по которому мы бесконечно ползли весь день, я увидел странную скалу в четверти мили над дорогой, напоминающую замок.

— Видите там крепость?

— Так это здание?

— Крепость Аriskостор.

— Но так высоко невозможно жить.

— Прежде люди селились здесь, некоторые живут и поныне. Прошлым летом я вел грузовик в караване, который доставил им пищу из Эрхенранга. Конечно, десять или одиннадцать месяцев в году они не могут оттуда выходить, но это их не беспокоит. Здесь, в горах, семь или восемь таких поселений.

Я смотрел на одинокое строение на огромной высоте и не мог поверить водителю. Но затем я подавил свое недоверие. Если кто-либо и может выжить в таком суровом климате, то только кархидцы.

Дорога спускалась по краю пропасти, извиваясь то на север, то на юг. Восточный склон Каргаза более крут, чем западный, и падает к равнинам внизу ступенями большой лестницы — остатками бурного горообразования. На зкате мы увидели цепочку крохотных точек, ползущих в обширной белой тени на семь тысяч футов снизу. Это был караван грузовиков, вышедших из Эрхенранга на день раньше нас. На следующий день мы тоже спустились по этому склону, очень медленно, стараясь даже не дышать, чтобы не вызвать лавины. Отсюда уже смутно виднелись в пятнах облаков и в серебряных нитках рек обширные равнины Рер.

В сумерках на четвертый день после выхода из Эрхенранга мы прибыли в Рер.

Между двумя городами лежит расстояние в одиннадцать сотен миль, горная стена в несколько миль высотой и две-три тысячи лет.

Караван остановился у западных ворот, где будет перегружен на баржи. Ни один грузовик не может войти в Рер. Он был построен до того, как кархидцы начали использовать машины, а они использовали их уже двадцать столетий. В Рере нет улиц. Вместо них крытые, подобные туннелям, переходы. В них можно идти и внутри, и по крыше. Дома, острова и очаги разбросаны хаотично, в удивительной и изобильной путанице, которая внезапно сменяется великолепными кроваво-красными башнями дворца Ан, лишенными окон.

Построенные семнадцать столетий назад, эти башни служили в течение тысячи лет резиденцией королей Кархида, пока Аргавен Харт, первый в своей династии, не пересек Каргаз и не поселился на обширной равнине к западу от гор. Все здания в Рере фантастически массивны, на высоких, мощных фундаментах, оборудованные для защиты от непогоды и воды. Зимой ветер с равнины выдувает снег из города, но в сильные бураны улицы бывают полностью завалены.

Над снегом торчат только крыши домов, под карнизами видны зимние двери, как слуховые окна. Оттепель — плохое время на этой равнине со

множеством рек. Туннели превращаются в бурлящие сточные трубы, пространства между зданиями — в каналы или озера, жители Рера отправляются по своим делам в лодках, отталкиваясь веслами ото льдин. И всегда над пылью лета, над снегами зимы, над весенними разливами возвышаются красные башни — пустое сердце города.

Я остановился в дорогой гостинице вблизи башен, ночью спал плохо, видел множество кошмаров, на рассвете уплатил владельцу за постель, завтрак и путаное объяснение, как добраться до нужного места, и пошел пешком к Стерхеду, древней крепости недалеко от Рера. Отойдя от гостиницы на пятьдесят ярдов, я заблудился. Стараясь, чтобы башня осталась за мной, а огромная белая стена Каргаза была справа, я выбрался из города.

Встретившийся по дороге мальчишка, сын фермера, указал мне поворот на Стерхед.

Я пришел туда в полдень. Впрочем, я не был уверен, туда ли я попал. Меня окружал лес из толстых деревьев. Лес этот казался еще более тщательно расчищенным, чем остальные на этой планете аккуратные леса.

Тропа проходила по холму среди деревьев.

Немного спустя я заметил справа от себя деревянный домик, потом слева увидел несколько больших деревянных зданий. Откуда-то доносился запах свежей жареной рыбы.

Я медленно шел по тропе, слегка беспокоясь. Откуда мне знать, как жанндары относятся к туристам? Я вообще очень мало знал о них. Жанндара — это религия без организации, без жрецов, без иерархии, без обетов и вероучений. Я не могу даже сказать, признает ли она существование бога. Единственным видным ее проявлением служат крепости-убежища, в которых верующие могут провести одну ночь или всю жизнь.

Я не стал бы любопытствовать по поводу тайн этого культа, если бы не хотел получить ответ на вопрос, на который не ответили мои предшественники-исследователи. А именно, кто такие предсказатели и чем они, в сущности, занимаются? Я пробыл в Кархиде дольше прочих исследователей и все же не знал, есть ли правда в рассказах о предсказателях и их пророчествах. Легенды о предсказателях распространены на всех заселенных людьми планетах.

Предсказывают боги, предсказывают духи, и компьютеры тоже предсказывают. Неопределенность советов оракулов и статистическая вероятность представляют многочисленные увертки, а противоречия уничтожаются верой. С другой стороны, я не убедил еще ни одного кархидца в существовании телепатической связи. Он не убедится, пока сам не «увидит». Точно такова же моя позиция по отношению к предсказателям жанндарам.

Идя по тропе, я понял, что в тени леса размещается целый поселок. Здания его разбросаны, как и в Рере, но выглядит этот поселок по-деревенски мирным. Над крышами и тропой свисали ветви хеммена, самого распространенного на Зиме дерева, крепкого хвойного растения с толстыми бледно-алыми иглами. Шишки хеммена усеивали ветвящиеся тропы. Ветер

приносил запах пыльцы хеммена, и все дома были построены из его древесины. Я остановился, гадая, в какую бы дверь постучать, но тут какой-то человек вышел из леса и вежливо поздоровался со мной.

— Вы ищете место для ночлега? — спросил он.

— Я пришел с вопросом к предсказателям.

Я решил, по крайней мере в первое время, выдавать себя за кархидца. Подобно моим предшественникам-исследователям, я никогда не имел неприятностей, выдавая себя за туземца, если это было нужно. Среди множества кархидских диалектов мой акцент проходил незамеченным, а сексуальная ненормальность скрывалась под тяжелой одеждой. Мне не доставало толстой волосистой кисточки, у меня был несколько другой разрез глаз, я был смуглее и выше большего числа гетенианцев, но все это было в пределах нормы.

Бороду мне удалили совсем, прежде чем я покинул Юллул. В то время мы не подозревали о волосатых племенах Перунтера, которые не только носили бороды, но вообще полностью заросли волосами.

Иногда меня спрашивали, где я сломал нос. У гетенианцев сильно выступающие узкие носы со стягивающими ноздрями, прекрасно приспособленные к вдыханию морского воздуха. Человек на тропе Стерхеда с любопытством взглянул на мой нос и сказал:

— Тогда, может быть, вы хотите поговорить с Ткачом? Он ниже на поляне, если не поехал куда-нибудь. Или вначале предпочитаете поговорить с кем-нибудь другим, из холостяков.

— Не знаю, я крайне невежествен...

Молодой человек насмешливо поклонился.

— Я польщен! — сказал он. — Я прожил здесь три года, но не приобрел еще достаточно невежества, чтобы оно было достойно упоминания.

Он явно забавлялся, но манеры его оставались вежливыми, и, вспомнив отрывки из сказаний Жанндары, я понял, что безбожно хвастал, все равно, как если бы я сказал ему: «Я исключительно красив».

— Я хотел сказать, что ничего не знаю о предсказателях.

— Завидую, — сказал юный житель Стерхеда. — Но если мы хотим прийти куда-нибудь, нужно оставить на снегу след. Я покажу вам дорогу на поляну. Меня зовут Росс.

— Дженри, — сказал я.

Я отказался от своего «я». Вслед за Россом я углубился в лесную тень. Узкая тропа часто меняла направление, извиваясь по склону. Тут и там поближе и подальше от тропы среди массивных деревьев виднелись маленькие дома. Все было красным и коричневым, влажным, ароматным и тусклым.

Из одного домика доносились мягкие свистящие звуки кархидской флейты. Росс шагал легко и быстро, как девушка, в нескольких ярдах передо мной. Но вот его белая куртка сверкнула на солнце и мы оказались на широком лугу.

В двадцати футах от нас стояла фигура прямая и неподвижная. Алый

хлеб и белая куртка, украшенная яркой эмалью, отчетливо виднелись на фоне высокой зеленой травы. В ста ярдах от нас стояла еще одна статуя в голубом и белом. За все время, пока мы разговаривали с первым, второй не шевельнулся и не оглянулся. Они упражнялись в жанндарском искусстве (они называют это присутствием), которое является разновидностью транса. Цель его — утрата собственного «я», путем крайнего обострения чувственного восприятия. Росс заговорил с человеком в алом. Тот шевельнулся, взглянул на нас и медленно подошел.

Я почувствовал благоговейный страх. В этот солнечный полдень незнакомец сиял собственным светом.

Он был так же высок, как и я, строен, с чистым, открытым и прекрасным лицом. Когда наши взгляды встретились, я почувствовал желание мысленно поговорить с ним, постараться донести до него мозговую речь, которого я никогда раньше не испытывал на Зиме и не должен был испытывать. Желание было так сильно, что я начал мысленно говорить с ним.

Ответа не было. Контакта не состоялось.

Он продолжал смотреть прямо на меня. Мгновение спустя он улыбнулся и сказал мягким высоким голосом:

— Вы ведь Посланник?

Запинаясь, я ответил:

— Да.

— Меня зовут Фейкс. Вы оказываете нам честь, посетив нас. Вы хотите провести некоторое время в Стерхеде?

— С удовольствием. Я хочу побольше узнать о ваших предсказателях. Если вас интересуют мои рассказы, я мог бы рассказать вам, откуда я прибыл.

— Как вам будет угодно, — сказал Фейкс. Он безмятежно улыбнулся. — Прекрасно, что вы пересекли океан, а потом добавили еще тысячу миль и пересекли Каргаз, чтобы прибыть к нам сюда.

— Я пришел в Стерхед из-за славы его предсказателей.

— Тогда, возможно, вы захотите увидеть, как мы предсказываем. Или у вас есть собственный вопрос?

Его ясные глаза излучали правду.

— Не знаю, — сказал я.

— Иусут, — сказал он. — Неважно. Может быть, пробыв у нас немного, вы найдете свой вопрос. Вы знаете, что предсказатели способны собираться только в определенное время, так что вам все равно придется провести у нас несколько дней.

Я так и поступил, и это были приятные дни. Я все время был свободен, за исключением общественных работ на полях, в садах и в лесу — к таким работам в случае необходимости приглашали и пришедших. Помимо этого, целые дни могли проходить без единого произнесенного слова. Впрочем, я разговаривал с Россом и Фейксом, чей необычный характер, прозрачный и неизмеримо глубокий, как колодец с чистой водой, был словно копией характера этого места. По вечерам происходили собрания у очага

в одном из одиноких, окруженных деревьями домов. Здесь шли беседы, можно было выпить вина, звучала энергичная музыка Кархида: мелодически простая, но ритмически сложная. Она всегда была импровизированная. Однажды вечером начали танцевать два человека, таких старых, что их волосы поседели, а тела высохли. Их танец был медленным, четким и строго контролируемым, он чаровал глаз и рассудок. Они начали танец во время третьего часа после обеда. Музыканты присоединялись к игре или бросали ее когда угодно, лишь барабанщик не прекращал своих ритмичных ударов. В шестом часу в полночь, спустя пять земных часов, старые танцоры все еще продолжали танцевать.

В первый раз тогда я увидел феномен сознательного, контролируемого использования того, что мы называем «мистической силой». После того я стал с большим доверием относиться к рассказам о Старых Людах Жанндары.

Это была сосредоточенная на самом себе жизнь, самонадеянная, застывшая, погруженная в то единственное «невежество», которое превыше всего ценится жанндарами, жизнь, которая полностью подчиняется их правилу пассивности и невмешательства. Это правило (выраженное в слове «иусут», которое я приблизительно перевел, как «неважно») — сердце культа, и я не стану делать вид, что понял его. Но после полумесяца, проведенного в Стерхеде, я начал лучше понимать кархидцев.

Под политикой и страстями лежит старая тьма, пассивная, молчаливая и плодотворная тьма Жанндары.

Из этой молчаливой тьмы необъяснимо доносится голос предсказателя.

Юный Росс, которому нравилось быть моим гидом, объяснил, что вопрос предсказателям может касаться чего угодно и быть сформулирован в любой форме.

— Чем более точно сформулирован вопрос и чем более он ограничен, тем точнее ответ, — сказал он. — Неясность порождает неясность. Ну и, конечно, на некоторые вопросы нельзя дать ответ.

— А что, если я задам именно такой вопрос? — спросил я.

Эта уловка, конечно, была мне знакома. Но я не ожидал услышать в ответ:

— Ткач отвергнет его. Вопросы, на которые нельзя дать ответ, вредят предсказателям.

— Вредят?

— Разве вы не знаете истории лорда Шорта, который заставил предсказателей крепости Асен ответить на вопрос: «В чем смысл жизни?» Это было несколько тысяч лет назад. Предсказатели оставались во тьме шесть дней и ночей, а в конце все холостяки впали в кататонию, все дураки умерли, извращенец убил лорда Шорта камнем, а Ткач... Им был человек по имени Меше...

— Основатель Комештского культа?

— Да, — сказал Росс.

Он рассмеялся, но я не понял, смеялся он по поводу Комешты или надо мной.

Я решил задать вопрос, требующий ответа лишь «да» или «нет». Такой вопрос, по крайней мере, покажет степень скрытности или истинности в ответе. Фейкс подтвердил сказанное Россом: вопрос может касаться и таких предметов, о которых предсказатель ничего не знает. Я мог спросить, хорош ли будет урожай хулма в западном полушарии, и они ответили бы, даже не подозревая, где находится это полушарие. Это, по-видимому, ставило их гадание на уровень обычной вероятности наряду с гаданиями на лепестках ромашки или по костям. Нет, вероятность тут ни при чем.

— Предсказание дается точное и от вероятности не зависит, — ответил Фейкс.

— Значит, вы читаете мысли?

— Нет, — сказал Фейкс.

Он опять безмятежно улыбнулся.

— Может быть, вы читаете мысли, сами того не подозревая?

— Что хорошего в этом? Если спрашивающий заранее знает ответ, он не станет за него платить.

Я выбрал вопрос, на который определенно не знал ответа. Только время покажет, правы ли предсказатели, если, конечно, как я ожидал, это не будет одним из тех патентованных профессиональных пророчеств, что применимы к любому исходу.

Вопрос был не тривиальный. Я отказался от банальных вопросов типа «Когда прекратится дождь?», узнав, что любой вопрос труден и опасен для девяти предсказателей Стерхеда. Цена высока для спрашивающего — два моих рубина перекочевали в сокровищницу Стерхеда. Но еще выше она была для отвечающих. Я хорошо узнал Фейкса, и мне трудно было поверить, что он сознательный или бессознательный лжец. Разум его был тверд, ясен и отшлифован, как мои рубины. Я не решился ставить ему ловушку. Я спросил именно то, что больше всего хотел узнать.

В ОдпETERхад, восемнадцатый день месяца, девять предсказателей собрались в большом здании, которое обычно было закрыто. Это был высокий зал, холодный, с каменным полом, тускло освещенный светом из нескольких узких окон. В одном конце зала в очаге горел огонь. Они сели на каменный пол кружком, все в длинных плащах с капюшонами. Грубые, неподвижные фигуры, похожие на статуи первобытного прошлого. Росс среди нескольких других жителей Стерхеда и врач из ближайшего домейна молча смотрели на них с сидений у очага, а я пересек зал и вошел в круг.

Все испытывали сильное напряжение. Одна из фигур подняла голову, и я увидел странное лицо с резкими чертами, тяжелое, с дерзкими глазами.

Фейкс сидел, скрестив ноги, неподвижный, напряженный, полный поднимающейся силы, которая сделала его чистый и мягкий голос резким, как электрический разряд.

— Спрашивайте, — сказал он.

Я задал свой вопрос:

— Будет ли спустя пять лет Гетен членом Экумена?

Молчание. Я стоял, пойманный в паутину молчания.

— Вопрос имеет ответ, — спокойно сказал Ткач.

Все почувствовали облегчение. Статуи в капюшонах шевельнулись, тот, который показался мне таким странным, начал шептаться с соседями. Я оставил круг и присоединился к наблюдателям у очага.

Двое предсказателей оставались молчаливыми и не реагировали на окружающее.

Один из них время от времени поднимал левую руку и слегка хлопал по полу десять-двенадцать раз, потом вновь замирал. Ни одного из них я раньше не видел.

Это дураки, так называл их Росс, душевнобольные, безумные. Росс называл их «разделителями времени». Возможно, он имел в виду шизофрению. Кархидские психологи, хотя и не обладали мозговой речью и поэтому действовали, как слепые хирурги, хорошо знали наркотики, гипноз, шоки, лечение холодом и различные виды психотерапии. Я спросил, можно ли вылечить этих безумцев.

— Вылечить? — переспросил Росс. — Станете ли вы лечить певца от его голоса?

Пять других в круге были жителями Стерхеда, адептами жанндарской науки присутствия. Росс сказал, что пока они считаются предсказателями, они будут холостяками, то есть в период сексуальной потенции они не вступают в кеммер. Один из этих холостяков был во время предсказания в периоде кеммера. Я видел признаки в его фигуре, которые говорили о первой фазе кеммера.

Рядом с ним сидел извращенец.

— Он пришел из Опрева с врачом, — сказал мне Росс. — Некоторые группы предсказателей искусственно вызывают извращения, вводя мужские и женские гормоны в дни перед встречей. Но лучше иметь естественного. Этот сам пожелал прийти. Ему нравится известность.

Росс использовал местоимение, обозначающее самца животного, а не местоимение человеческого существа в мужской роли в период кеммера. Он выглядел несколько смущенным. Кархидцы свободно обсуждают сексуальные проблемы и с удовольствием говорят о кеммере, но неохотно вступают в разговоры об извращениях. По крайней мере, в разговорах со мной. Чрезмерная продолжительность периода кеммера с постоянным преобладанием гормонального равновесия в сторону мужчины или женщины — это они называют извращением. Оно встречается нередко, три-четыре процента взрослых обычно относятся к психологическим извращениям. Их не исключают из общества. Но относятся к ним с некоторым презрением. Извращенцы стерильны. Извращенец, сидевший в группе, после первого странного взгляда не обращал ни на кого внимания, кроме соседа в кеммере, чья увеличенная сексуальная активность должна была перейти в высшую женскую стадию кеммера под влиянием преувеличенной мужественности извращенца. Извращенец что-то негромко шептал, склонившись к кеммерингу, который почти не отвечал и, казалось, испытывал отвращение. Остальные молчали и слышали только шепот извращенца. Фейкс

внимательно следил за одним из дураков. Извращенец положил свою руку на руку кеммеринга. Тот торопливо отпрянул, как бы в страхе взглянув на Фейкса. Фейкс не шевельнулся. Кеммеринг вернулся на место и оставался неподвижным, когда извращенец снова коснулся его. Один из дураков поднял голову и рассмеялся долгим фальшивым хриплым хохотом:

— Ах-ах-ах...

Фейкс поднял руку. Немедленно все в круге повернули к нему лица, как будто он собирал их взглядом в пучок.

Когда мы вошли в зал, был вечер и шел дождь. Серый свет вскоре потускнел в узких высоких окнах. Теперь беловатые столбы света расстилались, как фантастические паруса, длинные треугольники падали на пол, на лица девяти. Это над лесом всходила луна. Огонь в очаге погас, стало темно, только лунный свет вырывал из тьмы лицо, руку, неподвижную спину. Некоторое время я сидел не шевелясь, глядел на неподвижный, как из бледного камня, профиль Фейкса. Диагонали лунного света медленно ползли и вскоре осветили темную фигуру кеммеринга: голова склонена к коленям, руки прижаты к полу, тело дрожит в регулярных приступах, сопровождаемых хлопаньем ладоней о пол. Все они были связаны, соединены, как части паутины. Я чувствовал, хотел я этого или нет, связь с ними, бессловесную и необычную. Она проходила через Фейкса, и Фейкс старался контролировать ее и придать ей какую-то форму.

Фейкс был Ткачом, центром этой паутины.

Тусклый свет переполз на восточную стену.

Паутина силы, направления, молчания росла.

Я старался не вступать в контакт с сознанием предсказателей. Молчаливое электрическое напряжение вызывало во мне сильное беспокойство. Было такое чувство, будто меня втягивает, будто я становлюсь частью общего рисунка, звеном в паутине. Но когда я чувствовал себя отрезанным от всего мира и замкнутым в собственном мозгу, я понял, что я установил барьер. Я был подавлен зрительными галлюцинациями, мешаниной каких-то образов, гротескных и чувственных — черно-красных проявлений эротического гнева. Я был окружен гигантскими зияющими ямами, полными разорванных губ, ног и грудей. Я терял равновесие, я падал туда. Если это не прекратится, я действительно упаду и сойду с ума. Действовали могучие первобытные силы, вызывающие извращения и раздражения пола, силы настолько мощные, что намного превосходили мои возможности контроля. И все же они контролировались: в центре находился Фейкс. Проходили секунды и часы, луна освещала стену, но в середине была лишь тьма и в центре тьмы — Фейкс, Ткач, женщина, одетая в свет.

Этот свет был серебряным. Одетая в серебряную броню женщина с мечом.

Свет горел резко и невыносимо, свет вокруг ее тела, огонь, и она закричала от ужаса и боли.

— Да-да-да!

Хрипло захохотал дурак:

— Ах-ах-ах!..

Его хохот заливался все выше, переходя в крик, который все длился и длился. В круге слышалось движение, кто-то зашевелился.

— Свет, свет, — сказал дрожащий голос откуда-то из другого мира. — Свет, разожгите огонь в очаге.

Это был врач из Опрева. Он вошел в круг. Круг был разорван. Врач склонился над дураками, которые служили в центре предохранителями. Оба неподвижно лежали на полу. Кеммеринг уткнулся головой в колени Фейкса, тяжело дыша и дрожа всем телом.

Извращенец, мрачный и угрюмый, скорчился в углу.

Сессия закончилась, время вновь потекло, как обычно, паутина снова рассеялась. Где же мой ответ, загадка оракула, двусмысленное пророчество? Я склонился подле Фейкса. Он посмотрел на меня ясными глазами. На мгновение я снова увидел его таким, каким видел во тьме, в виде женщины, окруженной броней света, горящей и кричащей.

Мягкий голос Фейкса прервал видение.

— Ты получил ответ, спрашивающий?

— Да, Ткач.

Я и в самом деле получил ответ. Пять лет спустя Гетен станет членом Экумена. И никаких загадок и двусмысленностей. Мне казалось, что ответ этот не пророчество, а итог наблюдения.

Я не мог избавиться от ощущения, что ответ этот правильный. У него была повелительная ясность предчувствия.

У нас есть корабль «Нафал», мгновенная связь, мозговая речь, но мы не сумели обуздать предчувствия. Чтобы научиться этому, придется обратиться к гетенианцам.

— Я сам — словно волокно, — сказал мне Фейкс день или два спустя после предсказания. — В нас растет энергия, все растет, пока не прерывается, образуя свет вокруг меня. Я тогда становлюсь светом. Старик в крепости Арбин говорил мне, что если бы Ткача в момент ответа поместить в вакуум, он горел бы сотни лет. Поэтому мы, комешта, верим в Меше. Верим, что он ясно видел прошлое и будущее и не только на мгновение, на всю жизнь после вопроса Шорта. Трудно поверить. Сомневаюсь, может ли человек это вынести. Но неважно...

Иисут, вездесущее и неуловимое отрицание Жанндары.

Мы шли рядом, и Фейкс смотрел на меня.

Его лицо, одно из наиболее красивых лиц, которые я видел, казалось вырезанным из камня.

— Во тьме было десять, а не девять, — сказал он. — Был незнакомец.

— Да, был. У меня не было против вас барьера. Вы слушатель, Фейкс, типичный эмфаш. Вероятно, вы и превосходный естественный телепат. Поэтому вы и Ткач. Вы собираете в один центр излучения мозга всех предсказателей и организуете его определенным образом так, чтобы устремиться на поиски ответа.

Он слушал с неподдельным интересом.

— Странно видеть чудеса моей профессии со стороны, через ваши глаза. До сих пор я видел лишь их изнутри, как участие.

— Если позволите... если хотите, Фейкс, я попытался бы общаться с вами с помощью мозговой речи.

Я был теперь уверен, что он естественный телепат. Его согласие и небольшая практика снимут неосознаваемый им барьер.

— Если вы сделаете это, я услышу, что думают другие?

— Нет. Мозговая речь — это общение.

— Тогда почему бы не говорить вслух?

— В мозговой речи нельзя лгать сознательно.

Фейкс немного подумал.

— Эта наука может вызвать интерес королей, политиков и деловых людей.

— Деловые люди боролись против использования мозговой речи, когда стало известно, что ей можно научиться. Они на несколько десятилетий поставили ее вне закона.

Фейкс улыбнулся:

— А короли?

— У нас больше нет королей.

— Да, понимаю. Что ж, благодарю вас, Дженри. Но не мое дело — учиться. И я не хочу учиться искусству, которое перевернет весь мир.

— По вашему собственному предсказанию, этот мир изменится в течение пяти лет.

— И я изменюсь вместе с ним, Дженри. Но я не хочу менять его.

Шел дождь, долгий приятный дождь гетенианского лета. Мы шли под хемменами по склону над крепостью. Троп тут не было. Среди темных ветвей струился серый свет, чистая вода капала с алых игл.

А воздух был прохладен и полон звуков дождя.

— Ответьте мне, Фейкс. Вы, жанндары, обладаете даром, о котором страстно мечтают люди всех планет. У вас он есть. Вы можете предсказывать будущее. И все же вы живете, как и все остальные. Как будто этот ваш дар не имеет никакого значения.

— А какое он может иметь значение, Дженри?

— Но послушайте. Например, это соперничество между Кархидом и Оргорейном, ссора из-за долины Синот. За эти последние несколько недель Кархид сильно ухудшил свои позиции. Почему бы королю Аргавену не посоветоваться с предсказателями, какой ход действий выбрать, или какого члена кноремми назначить премьер-министром, или еще что-нибудь в этом роде?

— Трудно задавать вопросы.

— Не понимаю, почему? Он может просто спросить: «Кто будет моим лучшим премьер-министром?» — и поступить в соответствии с ответом.

— Может. Но он не знает, что это значит — «быть лучшим». Может, это значит, что назначенный им человек отдаст долину Оргорейну, или отправится в изгнание, или убьет короля. Это выражение может означать

многое, чего не примет король. Он должен очень точно сформулировать свой вопрос.

— Да. Но в таком случае ему придется задать несколько вопросов. Даже король должен платить за вопросы. И вы дорого спросите с него?

— Очень дорого, — спокойно сказал Фейкс. — Вопросающий платит в соответствии со своими возможностями. Короли обращались к гредска-зателям, но не очень часто.

— А что, если один из предсказателей и сам влиятельный человек?

— У жителей крепостей нет ни ранга, ни положения. Я могу быть послан в Эрхенранг в кноремми. В таком случае я получаю обратно свой статус и свою тень, и моим предсказаниям наступает конец. Если у меня, пока я нахожусь в кноремми, возникает вопрос, я пойду в крепость, заплачу свою цену и получу ответ. Но мы жанндары, и мы не хотим ответов. Этого трудно избежать, но мы пытаемся.

— Мне кажется, я понял вас, Фейкс.

— Мы поселяемся в крепости главным образом для того, чтобы узнать, каких вопросов не нужно задавать.

— Но ведь вы отвечающие.

— Разве вы еще не поняли, Дженри, почему мы практикуем предсказания?

— Нет.

— Чтобы показать абсолютную бесполезность знания ответа на неверно поставленный вопрос.

Я размышлял над этим, пока мы шли в дождь под темными ветвями стерхедского леса.

Лицо Фейкса в белом капюшоне было усталым и спокойным, свет его ослабел, но он по-прежнему внушал мне благоговейный страх.

Когда он смотрел на меня своими ясными, добрыми и искренними глазами, на меня как будто смотрела традиция в тринадцать тысяч лет, образ мысли и жизни такой древний, такой устоявшийся, такой согласованный, что давал человеку совершенство дикого животного.

— Неизвестно, — сказал Фейкс своим мягким голосом, — непредсказуемо — вот на чем основана жизнь. Бездоказательность — вот почва действия. Если бы было доказано, что бога не существует, не было бы религии. Ни жанндарских, ни йомештских, ни очаговых богов не существует. Но если было бы доказано, что Бог есть, религии тоже не стало бы. Скажите мне, Дженри, что известно? Что же неизбежное, предсказуемое, обязательное вы знаете о своем будущем и о моем?

— Что мы умрем.

— Да. Есть единственный вопрос, на который можно отвечать, Дженри, но мы заранее знаем ответ на него. Единственное, что делает жизнь возможной, это постоянная неопределенность. Никто не знает, что его ждет впереди.

6. ПУТЬ В ОРГОРЕЙН

Повар, всегда приходивший очень рано, разбудил меня. Я крепко спал, а он тряс меня и говорил:

— Проснитесь, лорд Эстравен, пришел вестник из королевского дома!

Наконец я понял его слова, торопливо встал и подошел к двери, где меня ждал вестник.

Так, обнаженным и непрощавшимся я вступил в свое изгнание.

Читая бумагу, поданную мне вестником, я думал, что ожидал этого, хотя и не так скоро. Но когда я смотрел, как этот человек прикалывает указ к дверям моего дома, я почувствовал, что он как будто прокалывает мне глаза. Я отвернулся от него и стоял потерянный, чувствуя боль.

Но это прошло. Я быстро сообразил, что нужно действовать, и к девятому часу уже выходил из дома. Ничто меня не задерживало. Я взял то, что мог унести.

Вклад в банк и ценные бумаги я не мог получить, не навлекая опасности на людей, с которыми мог иметь дело. Причем, чем ближе был мне человек, тем большей опасности он подвергался. Я написал записку своему старому кеммерингу Аше с советами, как использовать для нашего сына драгоценности, но просил его не посылать денег. Я знал, что Тайб будет следить за границами. Письмо я не подписал. Позвонить кому-либо по телефону — значит отправить его в тюрьму, и я поторопился уйти, прежде чем какой-нибудь невинный знакомый не придет повидаться со мной и утратит деньги и свободу в оплату за свою дружбу.

Я пошел по городу на запад. Остановившись на перекрестке, я задумался: почему бы не пойти на восток, через горы и равнины к земле Керм, и прийти домой в Эстре, где я родился в каменном доме у подножия горы? Почему бы мне не вернуться домой? Три или четыре раза я останавливался и оглядывался, и каждый раз видел за собой, среди множества знакомых, вероятных шпионов. Глупо пытаться идти домой, все равно, что убить себя. Я осужден жить в изгнании и могу вернуться домой только мертвым. Поэтому я двинулся на запад и больше не оборачивался.

Трехдневная отсрочка позволяла мне в случае удачи добраться максимум до Кьюбена на заливе в восьмидесяти пяти милях. Большинство изгнанников получало предупреждение накануне вечером и имела возможность воспользоваться кораблем, прежде чем хозяин откажет им в страхе перед наказанием. Но такая любезность не в духе Тайба. Ни один корабельщик теперь не возьмет меня. Все они видели меня в порту, который я построил для Аргавена. Ни один грузовик не подвезет меня, а до наземных границ от Эрхенранга четыреста миль. У меня не было выбора.

Нужно добраться до Кьюбена пешком.

Повар предвидел это. Я немедленно отослал его, но, уходя, он упаковал еду, какую смог найти, для трех дней пути. Его доброта спасла меня. Каждый раз, когда я в дороге ел фрукты, я думал:

«Есть человек, не считающий меня предателем. Он дал мне еду».

Я обнаружил, что трудно называться предателем, очень трудно. А ведь как легко назвать другого человека. Это прозвание мучит тем, что оно убеждает. Я и сам был наполовину убежден в своей измене.

На третий день в сумерках я пришел в Кьюбен, сбив ноги и измучившись. Годы в Эрхенранге я провел в роскоши и утратил привычку к ходьбе. И здесь, у ворот маленького городка, меня ждал Аше.

Семь лет назад мы были кеммерингами и имели двух сыновей. Будучи детьми его плоти, они носили его имя Форот рем ир Соботи и воспитывались в его клане. Три года назад он ушел в крепость Оргин и теперь носил золотую цепь холостяка-предсказателя. За эти три года мы ни разу не виделись, и теперь, увидев в полутьме его знакомое лицо, я почувствовал себя так, как будто наш обет любви разрушен лишь вчера. Я понял, что верность вынудила его разделить со мной мое поражение. И, чувствуя связывающие нас узы, я рассердился — любовь к Аше всегда заставляла меня действовать вопреки разуму.

Я прошел мимо него. Если я вынужден быть жестоким, нечего скрывать эту жестокость.

— Терем, — позвал он меня.

Он пошел за мной. Я быстро шел по крутому склону к верфям Кьюбена. С моря дул южный ветер, и сквозь эту теплую летнюю бурю я бежал от него, как от убийцы. Он догнал меня, потому что я сильно устал.

— Терем, я иду с тобой.

Я не отвечал.

— Десять лет назад в этот же месяц Тува мы дали обет...

— И три года назад ты нарушил его, оставив меня одного. Ты поступил мудро.

— Я никогда не нарушал наш обет, Терем.

— Верно. Нарушения не было. Сам обет был фальшив. Он был вторичен. Единственный правильный обет верности так и не был произнесен, а человек этот мертв, и обещание нарушено давным-давно. Ты ничего не должен, я тебе тоже. Пропусти меня.

Пока я говорил, гнев и горечь обернулись против меня самого и моей жизни, которая лежала позади, как разбитое обещание. Но Аше не знал этого, и слезы стояли в его глазах. Он сказал:

— Возьми это, Терем. Я ничего тебе не должен, но я люблю тебя.

Он протянул мне небольшой сверток.

— Нет. У меня есть деньги. Пусти меня, я должен идти один.

Я пошел, и он не последовал за мной.

За мной пошла тень моего брата. Не следовало разговаривать с ним вообще, многого не следовало бы делать.

В гавани меня ждала неудача. Ни один корабль не отходил в Оргорейн до полуночи.

На верфях было мало народу, да и те торопились домой. Я попытался заговорить с рыбаком, чинившим мотор в своей лодке, но тот отвернулся от меня. Его предупредили.

Наемники Тайба опередили меня, они должны меня задержать в Кархи-де долгие три дня.

До сих пор одолевали меня боль и гнев, но не страх. Я не думал, что приказ об изгнании может послужить поводом для казни. И когда пробьет шестой час, я стану легкой добычей для людей Тайба, и никто не закричит «убийство!», а скажет: «Правосудие свершилось».

Я сидел на мешке с песком в ветреной мгле порта. Море плескалось у пирса, рыбацьи лодки теснились у причалов, а на дальнем конце пирса горел фонарь. Я сидел и смотрел на этот фонарь и дальше в море.

Некоторых опасность возбуждает, но не меня. Мой дар — точный расчет и предвидение.

Сидя на мешке с песком, я рассуждал, можно ли добраться до Оргорей-на вплавь.

Лед сошел с залива месяц или два тому назад, можно остаться живым в воде. До берега Орготы сто пятьдесят миль. Я не умею плавать. Оглянувшись на улицы Кьюбена, я понял, что ишу Аше в надежде, чтобы он последовал за мной. Тут стыд вывел меня из оцепенения, и я вернул себе способность рассуждать.

Подкуп или насилие — вот мой выбор, если я решусь иметь дело с рыбаком, который по-прежнему работал в своей лодке.

Впрочем, у него все еще не работал мотор. Далее — воровство. Но все лодочные моторы на замках. Вскрыть замок, завести мотор, вывести лодку из дока при свете фонаря на пирсе и плыть в Оргорейн тому, кто никогда в жизни не управлял моторной лодкой, казалось глупым и отчаянным предприятием. Некогда я занимался греблей на озере Айсфут в Карме. Недалеко от меня стояла гребная лодка. Я побежал по пирсу, прыгнул в эту лодку, отвязал веревку, вставил весла и начал грести в глубь гавани, где свет фонаря отражался в черных волнах. Отплыв достаточно далеко, я остановился, чтобы поправить весло в уключине. Я надеялся, что на следующий день меня подберет какой-нибудь орготский патрульный или рыбацкий корабль. Но до этого предстояло немало погрести. Когда я склонился к уключине, слабость охватила все мое тело. Я подумал, что теряю сознание, и лег на корму. Меня победила слабость трусости. Я не знал, что трусость так глубоко лежит во мне. Подняв глаза, я увидел на конце пирса две фигуры, мечущиеся в электрическом освещении над водой, и понял, что мой паралич объясняется не страхом, а действием ружья на пределе дальности.

Я видел, что один из них держит мародерское ружье. Если бы была полночь, он выстрелил бы и убил меня, но мародерское ружье стреляет очень громко, а звук выстрела потребовал бы объяснений, потому-то они использовали ультразвуковое ружье.

Я знал, что это ружье дает заметный эффект в пределах ста ярдов. Я не знаю, на каком расстоянии оно поражает насмерть, но я, видимо, был близок к этому, потому что корчился на корме в страшных болях. Мне трудно было дышать. Ослабленное поле ударило в грудь. Но поскольку

сейчас за мной, несомненно, вышлют из гавани катер, мне нельзя было сидеть, согнувшись над веслами. Тьма лежала перед моей лодкой, и в этой тьме я должен скрыться.

Я греб ослабевшими руками, все время глядя на них, чтобы удостовериться, что весла остаются в руках: я их не чувствовал. И вот я выбрался на открытую воду с большими волнами. Здесь мне пришлось остановиться. С каждым гребком онемение моих рук усиливалось. Сердце колотилось, легкие, казалось, забыли вдыхать воздух. Я пытался грести, но не был уверен, что руки мои движутся. Когда прожектор патрульного катера выловил меня из ночи, как снежинку на саже, я не мог даже отвести взгляд от света.

Они оторвали мои руки от весел, вытащили из лодки и положили, как выпотрошенную рыбу, на палубу патрульного корабля. Я чувствовал, что они смотрят на меня, но не понимал ни слова, разобрав только, как один из них сказал:

— Еще нет шестого часа.

Другой ответил:

— Какое мне дело? Король изгнал его, а я следую приказу короля.

И вот, вопреки приказам по радио людям Тайба на берегу, вопреки возражениям своего напарника, боявшегося наказания, офицер кьюбенского патруля перевез меня через залив Чарисьюн и высадил на берег в Оргорейнском порту Шетл. Он сделал это в отместку людям Тайба, пытающимся убить безоружного, или же по доброте своей, я не знаю. Иусут. «Восхитительное необъяснимо».

Я встал на ноги, когда серый орготский берег выступил из утреннего тумана, и с трудом пошел по улице Шелта, но, отойдя немного, упал. Очнулся я в сотрапезнической больнице четвертого района береговой линии Чарисьюн. Двадцать четвертое сотрапезничество, Сепнетти.

Я убедился в этом, прочитав надпись, выгравированную орготским шрифтом в изголовье постели, на настольной лампе, на металлической чаше у постели, на столике, на одеяле и простыне. Подошел врач и сказал:

— Почему вы противодействовали доте?

— Я не был в доте, — ответил я. — Это ультразвуковое поле.

— Ваши симптомы полностью соответствуют тому, кто отказался от релаксационной фазы доте.

Это был старый своевольный врач, и в конце концов он заставил меня согласиться с тем, что я использовал доте во время гребли, не сознавая, что делаю, затем утром во время фазы танген, когда полагается лежать, я пошел, тем самым чуть не убив себя. Когда все это было установлено к его удовлетворению, он сказал мне, что я выпишусь через один-два дня, и направился к следующей кровати. Затем зашел инспектор.

За каждым человеком в Оргорейне шел инспектор.

— Имя?

Я не спросил его о его имени. Я должен научиться жить без тени, как живут в Оргорейне. Я не буду оскорбляться, это тоже бесполезно. Но

я не назвал ему своего имени по местности: до него никому в Оргорейне нет дела.

— Терем Харт? Это не орготское имя. Какое сотрапезничество?

— Кархид.

— Это не сотрапезничество Оргорейна. Где ваша въездная виза и удостоверение?

Где мои документы?

Я, должно быть, немало побродил по улицам Шелта, прежде чем меня доставили в больницу. Там я оказался без документов, имущества, плаща, башмаков и денег.

Узнав об этом, я не рассердился, я рассмеялся: на дне сточной ямы гнева это бывает. Инспектора рассердил мой смех.

— Вы понимаете, что вы нуждающийся и незарегистрированный чужеземец? Как вы намерены вернуться в Кархид?

— В гробу.

— Воздержитесь от необдуманных ответов официальному лицу. Если у вас нет намерения возвратиться в вашу страну, вас отправят на добровольную ферму, где место преступным подонкам, чужакам и незарегистрированным, в Оргорейне нет другого места для подрывных элементов. Вам следует заявить о своем намерении в трехдневный срок или вернуться в Кархид, иначе я...

— Я изгнан из Кархида.

Врач при звуках моего голоса начал прислушиваться к нашему разговору. Он отвел инспектора в сторону и что-то сказал ему. У того вид стал кислый, как у плохого пива, и он, тщательно выговаривая каждое слово, сказал мне:

— Тогда я надеюсь, что вы обратитесь ко мне с просьбой передать ваше прошение разрешить вам постоянное поселение в Великом Сотрапезничестве Оргорейна.

— Да, — ответил я.

Через пять дней я получил разрешение на постоянное жительство в Мишпори (о чем я просил), а также временное удостоверение для поездки в этот город. Все эти пять дней мне пришлось бы голодать, если бы не старый врач, который поддержал меня в госпитале. Ему было лестно иметь в числе своих пациентов премьер-министра Кархида, и этот премьер-министр был ему благодарен.

Я проделал путь до Мишпори в качестве грузчика каравана со свежей рыбой из Шанта. Быстрое, хотя и весьма пахучее, путешествие закончилось на большом рынке Южного Мишпори.

Вскоре я нашел здесь работу в холодильнике. В таких местах, где приходилось разгружать и хранить скоропортящиеся продукты, летом всегда много работы. Мы разгружали рыбу на находившемся недалеко от рынка острове, его называли Рыбачий Остров.

Работал я с несколькими напарниками, и от нас всегда пахло рыбой, но мне эта работа нравилась, потому что позволяла большую часть дня

находиться в помещении холодильника. Мишпори летом очень жаркий город. Двери закрыты, от рек идет пар, люди потеют. В месяце Окре было десять дней и ночей, когда температура не опускалась ниже шестидесяти градусов, а однажды поднялась до восьмидесяти восьми. Выходя из своего прохладного рыбьего убежища, я уходил в Кундерер, где растут деревья и можно посидеть в их тени. Там я оставался допоздна и возвращался на рыбий остров только ночью.

В этом районе Мишпори все уличные фонари разбиты, чтобы не было видно, чем жители занимаются по ночам, но экипажи инспекторов рыскают по темным улицам, забирая у бедняка его единственное имущество — ночь.

Новый закон о регистрации иноземцев, принятый в месяце Кус, как шаг к разрыву отношений с Кархидом, сделал недействительным разрешение и лишил меня работы, и я провел полмесяца в приемных многочисленных инспекторов. Товарищи по работе дали мне взаймы немного денег и крали рыбу, которой я питался, поэтому я дождался перерегистрации и не умер с голоду. Но я усвоил урок. Мне нравились эти простые верные люди, но они жили в ловушке, из которой не было выхода, а мне предстояла работа среди гораздо менее приятных людей, поэтому я сделал то, что откладывал в течение трех месяцев, — позвонил кое-кому по телефону.

На следующий день я стирал одежду в прачечной во дворе Рыбачьего Острова вместе с несколькими другими обитателями. Все мы были раздеты. И тут сквозь вонь рыбы и плеск воды я расслышал, как кто-то окликает меня именем по местности: в прачечной стоял сотрапезник Еджей. Он выглядел точно так же, как на приеме у посла Архипелага в Зале Церемоний дворца в Эрхенранге семь месяцев назад.

— Идемте отсюда, Эстравен, — сказал он высоким громким голосом в нос, как говорят все мишпорские богачи. — Оставьте эти грязные тряпки.

— У меня нет других.

— Тогда выловите их из этого супа и идите. Здесь жарко.

Все смотрели на него с любопытством, узнав в нем богача. Но то, что это сотрапезник, они не знали. Мне не понравилось, что он пришел сам. Он должен был послать кого-нибудь. Мне хотелось поскорее увести его отсюда. Уплатив долги, сунув документы в карманы хеба, я ушел с острова вместе с Еджем и направился в район, где живут богачи.

Как его «секретарь», я снова перерегистрировался и получил документы не пальца (пальцем назывались все работающие на Оргорейне), а подчиненного. В Оргорейне множество ярлыков, и, прежде чем посмотреть на вещь, орготы смотрят на ярлык. В данном случае ярлычок соответствовал. Я был подчиненным и вскоре начал ощущать проклятие, заставившее меня есть хлеб другого человека. В течение месяца не было и признака, что я ближе к своей цели, чем на Рыбачьем Острове.

Однажды в дождливый вечер последнего летнего дня Еджей вызвал меня к себе в кабинет. Там он разговаривал с сотрапезником района Секив

Оболе, которого я знал, когда он возглавлял торговую делегацию Оргота в Эрхенранге. Низкорослый, горбатый, с маленькими треугольными глазками на плоском лице, он представлял собой полный контраст утонченному, худому Еджею. Старый гриб и шеголь. Но не только.

Эти двое принадлежали к числу тридцати трех, что правили Оргорейном. Но их объединяло еще кое-что.

После обмена любезностями и глотка огненной воды Оболе вздохнул и сказал:

— Скажите мне, Эстравен, почему вы так действовали в Сассиноте? Ведь если есть человек, не способный ошибиться в расчете времени и в делах шифгретора, то это вы.

— Страх победил во мне осторожность, сотрапезник.

— Какого дьявола! Чего вы боялись, Эстравен?

— Того, что происходит сейчас. Продолжение борьбы за долину Синот, уничтожения Кархида, гнева, вызванного этим уничтожением, использования этого гнева кархидским правительством.

— Использования? Для чего?

Оболе был бесцеремонен. Еджей, вежливый, но колючий, прервал его:

— Сотрапезник, лорд Эстравен мой гость, и он не должен подвергаться расспросам.

— Лорд Эстравен будет отвечать на вопросы, поняв, что это ему на пользу, — сказал Оболе, улыбнувшись. — Он знает, что находится среди друзей.

— Я принимаю дружбу, когда нахожу ее, сотрапезник. Но дружба бывает недолгой.

— Понятно. Но ведь можно тащить сани вдвоем не будучи кеммерингами, как мы говорим в Сениве. Какого черта, я знаю, мой дорогой, за что вы изгнаны. Вы любите Кархид больше, чем короля.

— Скорее за то, что я люблю короля больше, чем его двоюродного брата.

— Или за то, что любите Кархид больше, чем Оргорейн, — сказал Еджей. — Я ошибаюсь, лорд Эстравен?

— Нет, сотрапезник.

— Вы думаете, следовательно, — сказал Оболе, — что Тайб хочет править Кархидом, как мы Оргорейном, эффективно?

— Да. Я думаю, что Тайб, используя спор о долине Синот в качестве стрела и заостряя его по мере надобности, может за год больше изменить Кархид, чем он изменился за последнюю тысячу лет. У него перед глазами есть образец — Сарф. И он знает, как играть на страхах Аргавена. Это легче, чем пытаться пробудить храбрость Аргавена, как делал я. Если Тайб добьется успеха, перед вами будет достойный противник.

Оболе кивнул.

— Ну и к чему вы ведете, Эстравен? — спросил Еджей.

— Вот к чему: сможет ли великий континент выдержать два Оргорейна?

— Ай-ай-ай, та же самая мысль, — сказал Оболе, — вы давно вложили ее мне в голову, Эстравен, и я никогда не мог от нее избавиться. Наша тень слишком выросла. Она закрывает и Кархид. Вражда между двумя кланами — да, набег между городами — да, пограничный спор, сожжение амбаров, несколько убийств — да, но вражда между двумя нациями? Набег, в котором участвуют пятьдесят миллионов? Клянусь сладким молоком Меше, эта картина снится мне по ночам и заставляет потеть. Мы в опасности. Вы знаете это, Еджей, вы сами много раз говорили об этом. Я тринадцать раз голосовал против продолжения спора о долине Синот. Но что толку? У господствующей фракции двадцать голосов, и каждый ход Тайба укрепляет власть Сарфа над этими двадцатью. Тайб строит ограду вдоль всей долины, ставит на ней стражников, вооруженных мародерскими ружьями! Наверное, их держали в музеях. Он бросает господствующей фракции вызов, в котором она так нуждается... и тем самым укрепляет Оргорейн. Но и Кархид тоже. Каждый ответ на его провокации, каждое унижение Кархида, каждый наш выигрыш в престиже делают Кархид сильнее, и в конце концов он будет полностью контролироваться из центра, как сейчас Оргорейн.

Еджей налил еще по глотку огненной воды.

Верхушка Оргорейна пьет драгоценный огонь, привозимый за пять тысяч миль из туманных морей у Сита, как будто это просто пиво. Оболе вытер рот.

— Ну, — сказал он, — все, как я и думал. Нам предстоит вместе тащить сани. Но прежде чем мы впряжемся, я хотел задать вопрос, Эстравен. Вы совершенно закрыли мне глаза капюшоном. Теперь скажите: что это за болтовня по поводу посланника Дальней Стороны Луны?

— Значит, Дженри Ай просил разрешения посетить Оргорейн?

— Посланник? Он тот, за кого себя выдает?

— То есть?

— Он посланник другого мира?

— Да, он с неба.

— Эстравен, мне не нужны ваши проклятые кархидские метафоры. Отбросим шифгретор. Вы ответите мне?

— Я уже ответил.

— Он — чуждое существо? — спросил Оболе.

— И у него была аудиенция у короля Аргавена? — прибавил Еджей.

Я ответил «да» на оба вопроса. Они молчали с минуту и одновременно заговорили, не пытаясь скрыть свой интерес. Еджей пустился в рассуждения, но Оболе прямо перешел к делу.

— Каковы же были ваши планы? Вы, по-видимому, делали на него ставку и потерпели неудачу. Почему?

— Потому что Тайб поймал меня в ловушку. Я смотрел на звезды и не видел грязи у себя под ногами.

— Вы интересовались астрономией, мой дорогой?

— Скоро нам всем придется интересоваться астрономией, Оболе.

— Он представляет для нас угрозу, этот посланник?

— Думаю, нет. Он принес от имени своего народа предложение общаться, торговать, вступить в союз. Он пришел один и без оружия, у него ничего нет, кроме устройства связи с его кораблем, которое он разрешил все-сторонне изучать. Я думаю, его нечего бояться. Но с собой он принес гибель королевства и сотрапезничества.

— Почему?

— Можем ли мы общаться с чужаками порознь? Может ли Гетен разоб-
щенным вступить в контакт с восьмьюдесятью мирами?

— Восьмьдесят миров? — повторил Еджей. Он невесело рассмеялся.

Оболе искоса взглянул на меня и сказал:

— Я склонен думать, что вы слишком много времени провели с сумас-
шедшим в его дворце и заразились безумием. Во имя Меше, что за болтов-
ня о союзе с солнцами и договорах с лунами? Как он прибыл сюда: на
комете, на метеоре? Что за корабль, который может плыть по воздуху
или небесному своду? Но вы, Эстравен, если и безумец, то мудрый без-
умец. Все кархидцы безумны. Продолжайте, лорд. Я следую за вами,
давайте.

— Я ничего уже не могу дать, Оболе. А вот вы — другое дело. Если
вы прислушаетесь к посланнику, он сможет указать вам выход из дела о
долине Синот, из того зловещего тупика, куда вы попали.

— Хорошо, займусь на старости лет астрономией. Куда это меня толь-
ко приведет!

— К величию, если вы будете мудрее меня. Сотрапезники, я много вре-
мени провел с посланником, и я видел его корабль, который пересекает небес-
ный свод, и знаю, что он говорит правду. Он действительно посланник
других миров. Невозможно судить об истине его описания других миров,
об искренности послания, но если бы он был один из нас, я назвал бы
его правдивым человеком. Вы сами сможете судить об этом. Но несомнен-
но одно: в его присутствии линии, проведенные на карте, больше не служат
ни границей, ни заслоном. Перед Оргорейном больший вызов, чем тот,
который бросает Кархид. Люди, которые примут этот вызов, которые
первыми откроют ворота в иной мир, станут вожаками всех нас, всех трех
континентов, всего мира. Наши границы отныне пролягут между пла-
нетами.

На Еджея мои слова подействовали, но Оболе сидел, погрузившись в
свой мир, и смотрел на меня в раздумье.

— Не меньше месяца нужно, чтобы принять это всерьез, — наконец
сказал он. — И если бы это говорили не вы, Эстравен, я решил бы, что
все это чистейший обман, сеть, сотканная из звездных лучей. Но я знаю
вашу крепкую шею. Слишком толста она, чтобы согнуться для простого
обмана. Я не могу поверить, что вы говорите правду, и в то же время
знаю, что вы не лжете. Ну-ну. Будет ли он говорить с нами, как говорил
с вами?

— Этого он и хочет: говорить, чтобы быть услышанным. Тут или там.

Тайб заставил его молчать, если бы он снова заговорил в Кархиде. Я боюсь за него, он, кажется, не понимает опасности.

— Вы расскажете нам то, что знаете?

— Да. Но почему бы ему не рассказать самому?

Еджей сказал, слегка покусывая палец:

— Он попросил разрешения посетить сотрапезничество. Кархид не возражает. Его просьба рассматривается.

7. ВОПРОС ПОЛА

*Из полевых записей Сиг Том Оппонг, исследовательницы
первой Экуменийской экспедиции на Гетене (Зиме), Цикл 93, 1448.*

1448, день 81. Весьма вероятно, что они появились в результате эксперимента.

Неприятная мысль. Но теперь, когда существуют доказательства, что земная колония была экспериментом, пересадкой Хейнской нормальной группы в мир, где существовали собственные протогоминиды, эту возможность нельзя игнорировать. Генетические эксперименты на людях, несомненно, практиковались колонистами. Ничто иное не может объяснить существование хилфов на планете С или дегенерировавших крылатых гоминидов на Роканноне. Что еще может объяснить гетенианскую сексуальную психологию? Случайность — возможно, естественный отбор — вряд ли.

Их сексуальность не имеет приспособительной ценности.

Почему для эксперимента был выбран такой суровый мир? Ответа нет. Тайнибосс считает, что колония появилась в период между оледенениями. В первые сорок или пятьдесят тысяч лет условия на планете должны были быть весьма хорошими.

Ко времени нового наступления льда хейнский отход завершился, и колонисты оказались предоставленными сами себе. От продолжения эксперимента отказались.

Я строю теорию о происхождении гетенианской сексуальной психологии. Что, в сущности, я о ней знаю? Сообщения Оти Нима из Оргорейна разъяснили некоторые из моих предыдущих заблуждений. Позвольте изложить то, что я знаю, а потом мою теорию.

Сначала факты.

Сексуальный цикл длится от двадцати шести до двадцати восьми дней (они предпочитают говорить о двадцати шести днях в соответствии со своим лунным месяцем). В течение двадцати или двадцати двух дней индивидуумы находятся в стадии сомер — отсутствие сексуальной активности. Примерно на восемнадцатый день начинаются гормональные изменения, вызываемые гипофизом, а на двадцать второй или двадцать третий индивидуум вступает в кеммер, период течки. В первой фазе кеммера (по-

кархидски, сехер) он остается двуполым. Пол или потенция не достигаются в изоляции.

Гетенианец в первой фазе кеммера в одиночестве или с другим не способен к соитию, но сексуальный импульс в этой фазе исключительно силен, подчиняет себе личность и определяет все ее стремления.

Когда индивидуум находит себе партнера в кеммере, гормональная секреция делает следующий шаг. У одного из партнеров устанавливается гормональное превосходство мужского или женского рода. Половые органы соответственно увеличиваются или сокращаются. Партнер, под влиянием этих изменений, принимает противоположную сексуальную роль. Это вторая фаза кеммера (по-кархидски, торхармен) — процесс взаимного приспособления полов и потенции — занимает время от двух до двадцати часов.

Если один из партнеров находится в полной фазе кеммера, то приспособительная фаза второго партнера очень коротка. Если двое входят в кеммер одновременно, иногда он длится дальше. Нормальные индивидуумы не имеют предрасположения к определенной роли в кеммере. Они не знают того, станут ли мужчиной или женщиной и не имеют возможности выбора (Оти Ним сообщает, что в Оргорейне использование гормональных добавок для достижения предпочитаемой половой роли очень распространено, в аграрном Кархиде я этого не наблюдал).

После того, как пол установится, он не может быть изменен в течение кеммера. Кульминационная фаза кеммера (по-кархидски, текеммер) длится от двух до пяти дней, во время которой половое влечение и возможности максимальны. Этот период обрывается очень резко, и, если не произошло зачатие, индивидуумы возвращаются в фазу сомер в течение нескольких часов (примечание: Оти Ним считает это четвертой фазой кеммера, аналогичной менструальному периоду) и цикл начинается снова. Если индивидуум исполняет женскую роль и зачал, то гормональная активность продолжается в течение 3—4 месяцев (беременность — шесть-восемь месяцев). Индивидуум остается женщиной. Мужские половые органы находятся в сокращенном состоянии (как будто в фазе сомер), груди значительно увеличиваются и таз расширяется. С прекращением лактации (вскармливания) женщина возвращается в сомер и снова становится двуполым существом. Впоследствии мать может быть отцом еще нескольких детей.

Социальные наблюдения весьма своеобразны. Я усиленно занималась этой проблемой.

Обычно кеммер проводят парами. Это самый распространенный случай, но в кеммер-домах поселков и городов могут сформироваться группы, и тогда между мужчинами и женщинами группы наблюдается промискуитет.

Крайним развитием парного кеммера является обет кеммеринга. Это во всех отношениях и целях не что иное, как моногамный брак. У него нет законного статуса, но в социальном и эстетическом отношении — это весьма древний и живучий институт кархидских кланов, очагов и домейнов.

Вся структура кархидских кланов, очагов и домейнов основана на институте моногамного брака. Я не осведомлена о существовании правил развода. Здесь, в Оснориере, развод существует, но после него или смерти одного из партнеров вторичный брак невозможен, обет кеммеринга заключается лишь один раз.

Происхождение, разумеется, по всему Гетену ведется от матери, «родителя по плоти» (по-кархидски, амха).

Что я еще установила с несомненностью?

Одна особенность этой необычной половой организации может иметь приспособительную ценность. Поскольку кеммер происходит только в период плодovitости, вероятность зачатия очень высока, как у всех млекопитающих. В трудных условиях, где значительна детская смертность, это важно для выживания всей расы.

В настоящее время ни детская смертность, ни уровень рождаемости высоко не поднимаются в цивилизованных странах Гетена. Тайнибоссл оценивает население всех трех континентов в сто миллионов и считает, что оно стабильно уже в течение тысячелетия.

По-видимому, в установлении этой стабильности сыграли основную роль ритуальные и этические воздержания, а также использование противозачаточных средств.

Существуют такие аспекты двуполости, о которых мы только догадываемся, и, вероятно, никогда не узнаем полностью. Разумеется, всех нас, исследователей, изумляет феномен кеммера. Нас он изумляет, но гетенианцами он правит. Структура их общества, организация промышленности, сельского хозяйства, торговли, внешний вид поселений, темы рассказов — все устроено так, чтобы соответствовать циклу сомер-кеммер. У всех есть ежемесячный отпуск. Никто, какое бы положение он ни занимал, не должен работать в период кеммера. Никому — ни бедняку, ни чужеземцу — не воспрещен вход в кеммер-дома, все отступает перед периодической бурей и праздником страсти. Это нам относительно легко понять. Но гораздо труднее понять, что четыре пятых времени жизнь этих людей сексуально не мотивирована.

Для пола предоставлены особые помещения. Общество Гетена в своем обычном функционировании лишено пола.

Следствие: любой может заниматься чем угодно. Звучит очень просто, но психологический эффект не поддается учету. И тот факт, что всякий в возрасте от семнадцати до тридцати пяти лет может быть, как пишет Ним, связан вынашиванием ребенка, означает, что никто — ни психологически, ни физически — не находится в положении женщины. Обязанности, привилегии распределяются совершенно поровну, перед всеми одинаковые возможности и одинаковый выбор, поэтому здесь никто не свободен так, как свободны в других мирах мужчины.

Следствие: ребенок не имеет психосексуальных взаимоотношений с матерью и отцом.

Миф об Эдипе на Зиме не существует.

Следствие: здесь нет полового насилия. Как у всех крупных млекопитающих, за исключением человека, соединение может происходить только по личному согласию, в противном случае оно невозможно. Обошление, видимо, возможно, но оно должно быть очень тщательно рассчитано по времени.

Следствие: человечество не делится на сильную и слабую половину, нет защищаемых, господствующих — подчиненных, владельцев собственности, активных — пассивных членов общества. Тенденции к дуализму, преобладающие в человеческом мышлении, ослаблены или изменены на Зиме.

Нижеследующее, возможно, будет включено в мой окончательный отчет. Встреча гетенианца, вы приписываете ему роль мужчины или женщины и начинаете вести себя соответственно. Но наши социально-сексуальные взаимоотношения здесь не существуют. Жители Гетена не видят в себе мужчину или женщину. Наше воображение не в состоянии понять это. Какой первый вопрос мы задаем о новорожденном?

Но к гетенианцам неприменимо местоимение «оно». Они не среднего рода. Они потенциально и он, и она. Поскольку у меня отсутствует кархидское «человеческое местоимение», применимое к индивидууму в период сомер, я должна говорить «он» по той же причине, по которой мы применяем местоимение мужского рода и к трехликому богу. Оно менее определено, менее специфично, чем местоимение женского или среднего рода. Но само использование этого местоимения заставляет меня забывать, что кархидец — это не мужчина, а мужчина-женщина.

Если будет послан первый мобиль, то его следует предупредить, что, если он не крайне самоуверен или стар, его гордость будет страдать. Мужчина хочет, чтобы его мужественность была подтверждена, женщина — чтобы ее женственность оценили, как бы ни были косвенно слабы эти подтверждения. На Зиме всего этого не существует, каждый оценивается только как человеческое существо.

Вернемся к моей теории. Размышляя о причинах этого эксперимента, если бы он был осуществлен, и стараясь оправдать наших хейнских предков от обвинения в плохом отношении к людям, я сделала несколько предположений о том, чего они добились.

Цикл сомер-кеммер поражает нас, как деградация, как возвращение к периодам течки у высших млекопитающих, как подчинение человеческого существа механическому влечению пола. Возможно, эксперимент пытался установить, останутся ли человеческие существа, лишённые постоянной сексуальности, разумными и способными к созданию культуры.

С другой стороны, ограничение сексуального влечения определенными периодами и «приравнение полов» должно было предотвратить эксплуатацию полов и разочарование, связанное с полом. Конечно, все сказанное о половом влечении существует, но оно кончается, когда кончается кеммер.

Конечно, в период кеммера бывают приступы безумия, но не в сомер. Что же заменяет им пол? Чего достигает общество евнухов?

Впрочем, они, конечно, не евнухи, скорее их можно сравнить с подростками.

Есть еще одно предположение о причинах эксперимента: прекращение войн. Считали ли древние хейнцы, что постоянная сексуальная активность ведет к агрессивным, не свойственным никому из низших млекопитающих, кроме человека, проявлениям? Или же, подобно Тумассу Сонг Анготу, они считали войну проявлением мужского начала, огромным изнасилованием, и поэтому стремились в своем эксперименте ограничить как мужественность, которая насилует, так и женственность, которая подвергается насилию?

Бог знает. Но факт: гетенианцы, хотя и очень склонны к соперничеству, и оно осуществляется по многим социальным каналам и связано с престижем, но не агрессивны. У них, во всяком случае, нет того, что можно назвать войной. Они способны к убийству по одному и по двое, редко десятками, но никогда сотнями и тысячами. Так почему?

Возможно, что это не имеет ничего общего с их двуполостью. В конце концов, их немного. И еще климат. Погода на Зиме так безжалостна, так близка к пределам выживания, что ее жители вынуждены, несмотря на свою адаптацию к холоду, направлять все усилия для борьбы с ним.

Окраинные народы, расы, удерживающиеся на краю существования, редко бывают воинственными. И в конце концов, на Гетене доминирует не пол или какое-нибудь другое свойство жизни, а доминирует окружение: холодный и жестокий мир. Здесь перед человеком более жестокий враг, чем он сам.

Я женщина с мирного Чиффевра и не специалист по насилию и войне. Кто-нибудь другой еще займется этими вопросами. Но я не думаю, чтобы можно было мечтать о воинской славе и победе, проводя зиму на Зиме и посмотрев в глаза Льду.

8. ДРУГОЙ ПУТЬ В ОРГОРЕЙН

Я провел лето скорее как исследователь, чем как мобиль. Я бродил по Кархиду от поселка к поселку, от домейна к домейну, наблюдая и слушая. Мобиль в первое время, будучи и чудом, и чудовищем, не может всего этого делать. Я говорил своим хозяевам в деревенских очагах и в деревнях, кто я. Большинство из них немного слышали обо мне по радио и смутно представляли себе, кто я такой. Они были любопытны, одни больше, другие меньше.

Меньшинство пугалось, очень немногие проявляли отвращение.

Враг в Кархиде — это не незнакомец. Незнакомец — гость. Враг в Кархиде — это сосед.

Месяц Кус я прожил на восточном побережье в очаге Коринхеринг в доме — поселке-крепости, построенном на холме над вечными туманами ходаминского океана. Тут жило около пятисот человек.

Четыре тысячи лет назад я застал бы их предков, живших на том же самом месте в таком же доме. За эти четыре тысячелетия были созданы электродвигатели, радио, машины и все остальное, но машинный век шел неторопливо, без промышленной революции, вообще без революций. Зима за тридцать столетий не достигла того, чего достигла Земля за тридцать лет. Но Зима и не платила ту цену, которую заплатила Земля.

Зима — враждебный мир, наказание за неправильный поступок наступает быстро и определенно — смерть от холода или голода. Никаких промежуточных мер, никаких отсрочек. Человек может довериться своей удаче, но обществу не может. Изменения в культуре, подобно мутациям, могут вызвать неожиданный результат. Поэтому они происходят очень медленно. Торопливый наблюдатель в любом пункте истории Гетена мог бы заявить, что всякий технологический прогресс остановился, но это не так. Сравните водопад и ледник: оба текут, но по-разному.

Я много разговаривал со стариками в Коринхеринге, а также с детьми. У меня впервые появилась возможность общаться с гетенианскими детьми, потому что в Эрхенранге они постоянно содержатся в частных или общественных очагах и школах. От четверти до трети взрослого населения занято уходом за детьми и обучением их. Но здесь, в клане, каждый сам заботится о себе и никто, в частности, не отвечал за детей. Они носились по окутанному туманом холмам и берегам. Когда мне удавалось задержать кого-нибудь из детей для разговора, они оказывались стыдливými, гордыми и невероятно правдивыми.

Я сделал вывод, что родительский инстинкт, как и повсюду, варьируется в Кархиде. Обобщения здесь невозможны. Я никогда не видел, чтобы ребенка ударили. Однажды кархидец при мне гневно ругал ребенка. Их нежность к своим детям очень глубока, но совершенно лишена чувства собственности. Этим, видимо, она отличается от так называемого материнского инстинкта.

Однажды я слышал в Коринхеринге по радио дворцовый бюллетень. Король Аргавен объявил, что ждет наследника. Не сына кеммеринга, а наследника по телу, королевского сына.

Король был беременен.

Я находил это забавным, жители Коринхеринга тоже, но по другим причинам. Они говорили, что король слишком стар, чтобы носить ребенка, шумно веселились и произносили всякие непристойности. Старики хихикали и болтали об этом целые дни.

Они смеялись над королем, но не очень интересовались им. «Кархид — это домейн», — как-то сказал Эстравен, и эти его слова, как и многое другое, сказанное им, часто приходили мне в голову по мере того, как я узнавал все больше и больше. То, что внешне казалось нацией, единой уже несколько столетий, на самом деле было мешаниной княжеств, городов, деревень и псевдофеодальных племенных экономических союзов — варевом из яростно соперничающих, склонных к ссорам индивидуумов, над которыми не очень тяготело бремя центральной власти. Ничто, думал я, не

сможет сплотить Кархид в нацию. Повсеместное распространение связи, которое предположительно должно было с неизбежностью нарождать национализм, здесь этого не делало. Экумен не может обращаться к этим людям, как к социальному целому, скорее, нужно учитывать их сильное, хотя и неразвитое чувство человечности, человеческого единства. Мысли об этом приводили меня в возбуждение. Конечно, я ошибался, но я узнавал кое-что о гетенианцах, и впоследствии эти знания оказались полезными.

Я не хочу проводить целый год в старом Кархиде, мне нужно вернуться на запад до того, как закроются переходы через Каргаз. Даже здесь, на побережье, в последнем месяце лета было два небольших снегопада. Честно говоря, с неохотой я снова двинулся назад на запад и в начале Гора — первого месяца осени — достиг Эрхенранга. Аргавен находился в своем летнем дворце в Варревере и на время своего уединения назначил Пеммера Харт рем ир Тайба регентом. Тайб использовал свою власть, и через несколько часов после своего прибытия я понял, что допустил немало ошибок в анализе положения. В Эрхенранге я почувствовал себя неудобно. Повидимому, мне грозила опасность.

Аргавен был безумен, зловещее расстройство мозга накладывало отпечаток на столицу, она была полна страхом. Все хорошее в его правление было достигнуто благодаря министрам и кноремми. Но король не причинял много вреда. Его ночные кошмары не приносили ущерба королевству. Однако двоюродный брат короля Тайб был совсем иным. В его безумии была логика, и Тайб знал, как действовать и когда действовать, он не знал лишь, когда нужно остановиться.

Тайб часто выступал по радио. Эстравен, находясь у власти, никогда этого не делал, и вообще это было не в кархидских обычаях. Их правительство, как правило, действует скрытно и обиняками. Тайб, однако, ораторствовал. Слыша его голос, я снова видел длиннозубую улыбку и лицо, покрытое сетью морщин. Речи его были длинными и громкими — восхваления Кархида и пренебрежительные замечания об Оргорейне, поношение «неверных друзей», крики о неприкосновенности кархидских границ, экскурсы в историю, этику, экономику — и все в напыщенном, манерном, эмоциональном тоне, перемешанном с бранью и низкой лестью. Он много говорил о гордости за свою страну и его любви к отечеству, но мало о шифгреторе, личной гордости и престиже. Неужели Кархид так утратил свой престиж в деле с долиной Синот, что от этой проблемы невозможно отступить.

Тайб часто говорил о престиже и о долине Синот. Я решил, что он сознательно избегает разговоров о шифгреторе, поскольку хочет возбудить эмоции на более элементарном, неконтролируемом уровне. Он хотел расшевелить нечто, замещением и улучшением чего был шифгретор. Он хотел, чтобы его слушатели были испуганы и рассержены. Темами его была не твердость и любовь, хотя он постоянно употреблял эти слова. Когда он употреблял их, они означали хвастовство и ненависть. Он много говорил о правде, утверждая, что готов заглянуть под внешний лоск цивилизации.

Это была вездесущая, повсеместная и удобная метафора — насчет лоска, скрывающая под собой реальность. Она разом скрывала дюжину ошибок. Одна из самых опасных: цивилизация, будучи искусственной, неестественна, она является противоположностью примитивности. Конечно, нет никакого лоска. Происходит процесс роста. И примитивность, и цивилизация являются ступеньками этого процесса. Если у цивилизации и есть противоположность, то это война. Разумеется, эти противоположности исключают друг друга. Либо то, либо другое, но не обе сразу.

Когда я слышал трескучие, напыщенные речи Тайба, мне казалось, что он хочет, чтобы его народ сделал выбор, который он уже сделал в начале своей истории. Время для этого, казалось, уже созрело.

Медленно, как и их материальный и технологический прогресс, они в конце концов в последние пять, десять, пятнадцать столетий забежали вперед по сравнению с природой. Они больше не зависели полностью от капризов своего безжалостного климата. Плохой урожай не приводил к голодной смерти области, а суровая зима не изолировала целые города. На этой основе материальной стабильности Оргорейн постепенно создал объединенное и эффективно действующее централизованное государство. Кархид двигался по тому же пути, и вот, чтобы ускорить это, требовалось развивать торговлю, улучшать дороги, фермы, школы и тому подобное. Все это цивилизация, лоск. И все это Тайб презрительно отвергал. Он стремился к более уверенному, быстрому превращению своего народа в нацию — к войне. Его идеи относительно войны были не слишком точны и определены, но зато очень громки. Другим способом объединения в нацию могла бы быть религия, но ее под рукой не оказалось, и он все поставил на войну.

Я отправил регенту письмо, в котором привел свой вопрос, заданный предсказателям, и их ответ на него. Тайб не ответил. Тогда я отправился к орготскому послу и попросил разрешения на посещение Оргорейна.

Официальных лиц, представляющих стабилей на Хейне в Экумене меньше, чем работников посольства одной маленькой страны в другой, и все они были вооружены метрами звуковых и обычных записей.

Они были медлительны и основательны. Ни следа поспешного высокомерия или внезапной хитрости, которыми отмечены власти Кархида.

Я ждал, пока они заполняли свои бумаги. Ожидание становилось тревожным. Число дворцовых стражников и городских полицейских на улицах Эрхенранга, казалось, увеличивалось с каждым днем. Они были вооружены, и у них появилось нечто вроде мундира. Настроение в городе было унылое, хотя дела и шли хорошо, всеобщее процветание и теплая погода должны были улучшить настроение. Никто не хотел иметь со мной никакого дела. Мой «хозяин» больше не показывал зевакам мою комнату, но постоянно жаловался, что его изводят «люди из дворца», и обращался со мной с гораздо меньшим уважением. Тайб произнес речь о набеге в долине Синот: «Храбрые кархидские фермеры, истинные патриоты, перешли границу к югу от Сассинота, напали на орготскую деревню и сожгли ее.

Убили девять жителей и утащили тела с собой, чтобы утопить их в реке Эй. Подобную могилу, — заявил регент, — найдут все враги нашей нации!» Я слушал эту речь в обеденном зале своего острова.

Некоторые слушатели выглядели угрюмо, другие — незаинтересованно, третьи — удовлетворенно, но у всех у них было что-то общее, какое-то выражение, которого я не замечал раньше — выражение беспокойства.

Вечером ко мне пришел человек, первый посетитель за время моего пребывания в Эрхенранге. Кожа у него была гладкая, манеры стыдливо-испуганные, а на шее он носил золотую цепь предсказателя-холостяка.

— Я друг того, кто подружился с вами, — сказал он неожиданно резко. — Я прошу вас об одолжении ради него.

— Вы имеете в виду Фейкса?

— Нет. Эстравена.

После недолгого молчания, незнакомец сказал:

— Эстравен — предатель. Вы его помните?

Гнев сменил робость, и он начал играть со мной в шифгретор. Если бы и я принял игру, мне следовало бы сказать что-нибудь вроде: «Не уверен, расскажите мне о нем», но я не хотел играть и уже привык к вулканическому темпераменту кархидцев. Я осуждающе встретил его гнев и сказал:

— Конечно, помню.

— Но вы вспоминаете о нем не с дружбой.

Темные глаза гостя смотрели прямо и пронизательно.

— Скорее, с благодарностью и разочарованием. Он послал вас ко мне?

— Нет.

Я ожидал объяснений.

Он сказал:

— Простите, я вижу, что осуждение опередило меня.

— Я не знаю, кто вы и чего хотите.

Я не отказался, я просто хотел разъяснений.

— Вы должны признать за мной право на разумную осторожность.

Эстравена изгнали за то, что он поддерживал мою миссию здесь.

— Вы считаете себя перед ним в долгу за это?

— В некотором смысле. Однако моя миссия важнее всякого личного долга и верности.

— В таком случае, — с яростной уверенностью заявил незнакомец, — это аморальная миссия.

Это меня остановило, я долго не мог найти ответ, затем наконец сказал:

— Это не так. Дело не в миссии, а в исполнителе. Но, пожалуйста, скажите мне, что вы хотите от меня.

— У меня с собой деньги, то, что я сумел собрать после крушения карьеры моего друга. Слыша, что вы собираетесь отправиться в Оргорейн, я решил попросить вас отвезти ему эти деньги. Возможно, это бесполезно, может быть, он в Мишпори, или на одной из этих проклятых ферм, или

мертв. Я не смог ничего узнать. У меня нет друзей в Оргорейне, а здесь я никого не смею просить. Я думал, что вы над политикой, что вы можете свободно уезжать и приезжать. Я не подумал, конечно, что у вас есть своя политика. Прошу прощения за свою глупость.

— Что ж, я возьму для него деньги. Но если он мертв или я не найду его, кому я должен их вернуть?

Он посмотрел на меня. Лицо его изменилось, он едва сдержал рыдание. Большинство кархидцев легко плачут, не стесняясь слез, как и смеха. Он сказал:

— Спасибо. Меня зовут Форет, я живу в крепости Оргии.

— Вы из клана Эстравена?

— Нет. Форет рем ир Осбот. Я был его кеммерингом.

У Эстравена не было кеммеринга, когда я знал его, но этот незнакомец не вызывал у меня подозрений. Возможно, он был чьим-то орудием, но сам он был искренним. Он только что преподавал мне урок: в шифгретор можно играть на уровне этики, и опытный игрок обязательно выиграет.

Он загнал меня в угол в два хода. Деньги были у него с собой: солидная сумма в кредитных билетах королевской кархидской торговли. Ничто не даст возможности заподозрить меня, но ничто не помешает мне и истратить их.

— Если вы найдете его...

— Именно?

— Нет. Только если бы я узнал...

— Если я найду его, постараюсь сообщить вам.

— Спасибо, — сказал он.

Он протянул мне обе руки — жест дружбы, который не часто увидишь в Кархиде.

— Желаю успеха вашей миссии, господин Ай. Он, Эстравен, верил в это, он верил, что вы посеете добро.

Ничто в мире не существовало для этого человека, кроме Эстравена. Он принадлежал к тем, кто осужден на единственную любовь.

Я снова спросил его:

— Я могу что-нибудь передать ему от вас?

— Скажите, что дети здоровы.

Он поколебался, затем добавил:

— Иусут, неважно.

Он вышел.

Два дня спустя я покинул Эрхенранг.

На этот раз я пошел пешком по северо-западной дороге. Разрешение посетить Оргорейн пришло гораздо быстрее, чем я мог надеяться, судя по деятельности чиновников в посольстве. Они, по-видимому, сами этого не ожидали. Когда я явился за документами, они обращались со мной с каким-то ядовитым уважением, как будто для меня были нарушены правила и порядки.

Поскольку в Кархиде нет определенных правил об отъезде из страны, я сразу выступил в путь. За лето я узнал, как принято ходить по Кархиду пешком. Дороги и гостиницы приспособлены не только для движения на грузовиках, но и пешком, и в любой гостинице можно рассчитывать на нерушимый кодекс гостеприимства.

Жители любого района, фермы, и лорды, дадут путнику приют и еду на три дня.

Этот срок определен неписаным кодексом гостеприимства, но практически можно жить гораздо дольше, и самое хорошее, что вас встречают без суеты и расспросов, как будто ожидали вас.

Я неторопливо шел между Сессом и Земом, изредка по утрам работал и в домейнах, и на фермах, где все жители были заняты уборкой урожая. Золотое зерно должно быть убрано до наступления осени. Эта неделя ходьбы вся была золотая и плодоносная, а по вечерам перед сном я выходил из фермерских домов или освещенных залов и очагов, шел по сухой стерне в поле и смотрел на звезды, горящие как далекие города в ветреной осенней тьме.

В сущности, мне не хотелось покидать эту землю. Она была равнодушной к посланнику, но добра к незнакомцу. Мне страшно было начинать все сначала, повторять все на новом языке новым слушателям и снова, может быть, потерпеть неудачу. Я двигался больше на север, чем на запад, оправдывая свой путь любопытством: мне хотелось взглянуть на долину Синот — причину соперничества между Кархидом и Оргорейном. Хотя погода оставалась ясной, становилось холодно, и я наконец повернул на запад, не доходя до Сассинота. Я помнил, что здесь вдоль границы тянется изгородь, и мне, возможно, не позволят так легко покинуть Кархид.

Здесь граница проходила по Эю, маленькой, но бурной реке, питаемой ледниковыми водами, подобно большинству рек Великого Континента. Пройдя несколько миль на юг, я нашел мост, связывающий два небольших поселка: Пассерар в Кархиде и Снувенсин в Оргорейне. Они сонно смотрели друг на друга через шумный Эй.

Стражники с кархидской стороны спросили только, собираюсь ли я вернуться сегодня, и пропустили меня. Но на оргорейнской стороне мне заявили, что мои документы изучаются инспектором. Он делал это в течение часа, потом сказал, что паспорт мне вернут утром, и дал мне разрешение на ночлег и еду в сотрапезничестве в приемном доме Снувенсина. Еще час я провел в этом доме, пока управляющий читал мои бумаги и проверял подлинность разрешения, позвонив инспектору сотрапезнической пограничной станции, откуда я только сейчас пришел.

Я не могу точно определить значение орготских слов, которые перевожу, как «сотрапезник», «сотрапезничество». Первоначальное их значение — «питаться вместе».

Сейчас они включают в себя все национальные правительственные институты Оргорейна, от самого государства, через тридцать три района, до отдельных поселков, ферм, шахт, фабрик и так далее. «Сотрапезничество»

может означать господствующую верхушку или любую власть. Сотрапезники — это обычно те тридцать три главы районов, которые составляют правительство, «Великое сотрапезничество Оргорейна», законодательное и исполнительное. Но это слово может означать также граждан, сам народ. В своеобразном отсутствии различия между общим и частным применением этого слова, в использовании его для обозначения как целого, так части, в этой неточности и заключается его главное значение.

Наконец мои документы и мое присутствие были одобрены, и я получил возможность впервые поест после раннего завтрака. Это была похлебка из кадика и ломоть хлебного яблока. Несмотря на свою официальность, Снувенсин был всего лишь маленьким поселком, погруженным в деревенскую апатию.

Сотрапезнический приемный дом был меньше своего названия. В его гостиной стоял один стол, пять стульев и не было огня.

Пищу приносили из деревенского трактира.

Остальное помещение занимала спальня: шесть кроватей, масса пыли и немного плесени. Поскольку все снувенсианцы, по-видимому, сразу после ужина ложились спать, я поступил так же. Уснул я в такой совершенно деревенской тишине, что в ушах звенело. Спал я около часа и проснулся в кошмаре взрывов, вторжения, убийств и пожаров.

Похоже было на дурной сон, в котором вы бежите по темным улицам, а встречные не имеют лиц, дома за вами вспыхивают и кричат дети.

Окончательно я пришел в себя в открытом поле на сухой стерне у черной ограды. Тускло-красный лунный полумесяц и несколько звезд виднелись сквозь разрывы облаков над головой. Ветер был жгуче холодный, и возле меня в темноте виднелось что-то большое, похожее на амбар, или сарай, за ним в воздух поднимались струйки искр.

Я стоял босиком, без хлеба и плаща, но узелок был со мной. В нем была не только запасная одежда, но также рубины, деньги, документы и ансибл. Во время путешествия я спал на нем, как на подушке.

Очевидно, даже в кошмаре я схватился за него. Достав башмаки, брюки и зимний, подбитый мехом хеб, я оделся в холодной, темной тишине, а в полумиле от меня догорал Снувенсин. Я побрел в поисках дороги и скоро нашел ее, а с нею и других людей.

Все они были беженцами, подобно мне, и не знали, куда идут, я последовал за ними. В пути я узнал, что Снувенсин пострадал от набега из Пас-сера.

Нападающие ударили, подожгли и отступили. Борьбы не было. Но вот впереди вспыхнул свет. Сбежав с дороги, мы смотрели на караван из двадцати грузовиков, шедших на предельной скорости в сторону Снувенсина.

Со свистом колес, повторяющимся двадцать раз, караван прошел мимо, и снова вернулись тишина и тьма.

Скоро мы добрались до коммунального фермерского центра, где нас задержали и допросили. Я хотел было присоединиться к группе, с которой шел, но безуспешно.

Всех, у кого не было документов, и меня, как чужестранца без паспорта, отделили от толпы и увели на ночь в большой склад — обширный каменный подвал с одной дверью, запертой за нами, и без окон. Время от времени дверь открывалась и новые беженцы появлялись в сопровождении полицейских, вооруженных гетенианскими ультразвуковыми ружьями. Когда дверь закрылась, стало совершенно темно. В глазах плавали радужные пятна. Было холодно, пахло пылью и зерном.

Ни у кого не оказалось фонарика.

Всех этих людей, подобно мне, набег застал в постели. Было несколько буквально нагих, другие делились с ними одеялами, но в Оргорейне лучше не иметь одежды, чем документов.

Они сидели порознь в этой огромной пыльной яме в полной тьме. Иногда двое начинали негромко разговаривать, но не было никаких жалоб.

Я слышал, как слева от меня кто-то говорил:

— Я видел его на улице перед самой моей дверью. У него была разбита голова.

— Тиенна сказал, что они не из Пассерара, а из домейна Оверд, приехали на грузовиках.

— Но между Овердом и Снувенсином нет вражды.

Они не понимали и не жаловались, не говоря уже о протесте, когда их закрыли на ночь в холодном складе. Они не понимали, что с ними происходит. Мало-помалу шепот затихал. В темноте слышался лишь плач ребенка.

Когда дверь снова отворилась, в глаза ударил яркий солнечный свет. Я механически пошел за остальными, не осознав сначала, что меня зовут, и не узнав своего имени: орготы могут произносить звук «л».

Кто-то с перерывами выкрикивал мое имя с момента открытия дверей.

— Пожалуйста, сюда, господин Ай, — сказал человек в красном.

Я перестал быть беженцем. Меня отделили от тех безымянных, с которыми я бред ночью по дороге и чей испуг я разделял в темном складе.

У меня было имя, я существовал.

Какое невероятное облегчение! Я с радостью пошел за человеком в красном.

Контора местного сотрапезничества фермерского центра была в смятении, но и у чиновников нашлось время заняться мной и извиниться за неудобства прошлой ночи.

— Если бы только вы не решили проходить через сотрапезничество Снувенсин, — жаловался один толстый инспектор, — если бы вы избрали обычный путь!

Они не знали, кто я и почему со мной надо обращаться по-особому. Их невежество было явным, но какая разница для меня?

Дженри Ай, посланника, надо было принимать с почетом, и они так и поступили.

В полдень я уже направлялся в Мишпори в экипаже, предоставленном мне в распоряжение сотрапезническим фермерским центром Восточного Хомсвашемп, район восемь. У меня был новый паспорт, разрешение

пользоваться всеми приёмными домами в дороге и телеграфное приглашение Мишпорского Первого Сотрапезничества, районного комиссара дорог и портов Ута Шусгиса.

Когда заработал мотор, в маленьком экипаже заговорило и радио. Всю вторую половину дня, минуя обширные зерновые поля восточного Оргорейна без единой изгороди — на Гетене нет животных, которых надо было бы выгонять на пастбища, — я слушал радио.

Оно сообщало о погоде, об урожае, о состоянии дорог и предупреждало о необходимости соблюдать на дорогах осторожность, давало самые разнообразные новости из тридцати трех районов, о производствах на многочисленных факториях, информацию о морских и речных судах в портах. Оно передавало йомештские гимны и снова говорило о погоде. Все было очень мило, особенно по сравнению с тем, что я слышал по радио в Эрхенранге. Ни одного упоминания о набеге на Снувенсин не было слышно.

Орготское правительство, очевидно, не хотело возбуждать волнения. Короткое официальное сообщение, часто повторявшееся, утверждало, что на всей восточной границе свободного Оргорейна спокойно.

Мне это нравилось. В этом сообщении была какая-то уверенность и спокойствие, которыми я постоянно восхищался в гетенианцах. Я радовался, что вырвался за пределы Кархида, несовершенной страны, которую склоняют к насилию параноидальный беременный король и маньяк-регент. Я радовался, спокойно двигаясь со скоростью двадцать пять миль в час по обширным зерновым полям под серым небом к столице государства, чье правительство верило в порядок.

На дороге, в отличие от дорог Кархида, где приходилось постоянно останавливаться и расспрашивать о направлении, было множество указателей, предупреждающих о необходимости остановиться у очередного инспектора поста такого-то и такой-то сотрапезнической области или района. Тут обязательно предъявлялись документы и все проезжавшие регистрировались. Мои документы внушали почтение, и после минутной задержки мне разрешали ехать дальше и вежливо подсказывали, где находится ближайший приемный дом, если я захочу есть или спать. На скорости двадцать пять миль в час путешествие от границы до Мишпори довольно длительное, и я провел в пути две ночи. Пища в приемных домах однообразна, но изобильна, постели вполне приличные, не хватает только уединения. Впрочем, путники в этих домах проявляли большую сдержанность. Ни на одной из остановок не удавалось мне завести знакомства или завязать разговор, хотя я неоднократно пытался это сделать.

Орготы казались не враждебными, а просто не любопытными. Они были бесцветны, однообразны и аккуратны. Мне они нравились. С меня хватило двух лет цвета, гнева и страсти в Кархиде. Я с радостью принял перемену.

Двигаясь по восточному берегу великой реки Кундерер, я на третье утро прибыл в Мишпори, самый большой город на планете.

В лучах солнца, светившихся между осенними листьями, это был странный город. Сплошные каменные стены с немногими узкими окнами, посаженными слишком высоко, с широкими улицами, заполненными народом, с уличными фонарями на нелепых высоких столбах, с крышами, задранными круто, как руки молящихся, — все в неправильных пропорциях, какой-то гротескный город. Он не был построен для солнечного света. Он был создан для зимы. Зимой, когда улицы на десять футов заполнены плотным, слежавшимся снегом, когда крутые крыши не удерживают снега, а под навесами стоят сани, когда сквозь снегопад виднеется желтый огонь в узких окнах, только тогда становится понятной экономичность и красота города.

Мишпори был чище, больше и светлее Эрхенранга, в нем преобладали большие здания из желтовато-белого камня, простые прямоугольники одинакового размера. В них помещались конторы и правительственные учреждения, а также храмы Йомештского культа, считавшегося государственным в сотрапезничестве. В них не было суматохи и путаницы, не было чувства, что над тобой что-то возвышается, как в Эрхенранге. Все было просто, очень удобно и аккуратно. Мне показалось, что я вышел из темного века, и я пожалел, что провел два года в Кархиде. Эта страна выглядела так, будто готова была вступить в Экуменический век.

Я немного поездил по городу, потом вернул экипаж в соответствующее бюро и пешком направился в резиденцию первого сотрапезника и комиссара дорог и портов.

Не знаю, было ли полученное мной телеграфное приглашение просьбой или вежливым приказом. Иусут. Я прибыл в Оргорейн, чтобы говорить об Экумене, и мог начать с любого места.

Мои наблюдения по поводу флегматичности и самоконтроля орготов были совершенно опровергнуты комиссаром Шусгисом, который надвигался на меня со смехом и выкриками. Он схватил обе мои руки жестом, который кархидцы берегут для моментов высшего выражения эмоций, начал дергать мои руки вверх и вниз, как будто стараясь включить мой мотор, и проревел приветствие послу Экумена на Гетене.

Это было сюрпризом, так как ни один из десятков инспекторов, проверявших мои бумаги, не проявил признака того, что им известно мое имя и слова «Экумен» и «посланник».

Я решил, что кархидцы не передали сообщения обо мне на орготские станции и сделали из меня свой национальный секрет.

— Не посол, господин Шусгис. Всего лишь посланник.

— Значит, будущий посол. Да, клянусь Меше!

Шусгис осмотрел меня сверху донизу и снова рассмеялся.

— Я не таким вас себе представлял, господин Ай. Говорили, что вы высоки, как уличный фонарь, худы, как полоз саней, темнокожи и косоглазы. Я думал, что увижу чудовище, людоеда со льдов. Ничего подобного. Вы лишь немного темнее большинства из нас.

— Земной цвет, — сказал я.

— Вы были в Снувенсине накануне набега? Клянусь грудями Меше, в каком мире мы живем! Вас могли убить на мосту через Эй после того, как вы проделали такой большой путь в пространстве. Ну-ну! Здесь многие хотят видеть вас, говорить с вами и приветствовать вас в Оргорейне.

Не слушая моих возражений, он поместил меня в своем доме. Высокопоставленный чиновник и богатый человек, он жил так, как никто в Кархиде, даже лорды самых больших домейнов. Дом Шусгиса был целым островом, вмещавшим сотни слуг, помощников, советников и тому подобное. Но никаких родственников.

Система семейных кланов, очагов и домейнов, черты которой еще проступали кое-где в сотрапезничестве, была «национализирована» в Оргорейне несколько столетий тому назад. Дети в возрасте более года не жили со своими родителями, а воспитывались в сотрапезнических очагах. Не существовало ни рангов, ни наследования.

Завещания были объявлены незаконными.

Все умирающие оставляли свое имущество государству. Все начинали с равного, но, очевидно, дальше равенство кончалось. Шусгис был богат и пользовался своим богатством.

В моей комнате помещались такие предметы роскоши, о существовании которых я даже не подозревал на Зиме. Например, душ.

Был также электрообогреватель, помимо отличного очага. Шусгис смеялся:

— Мне сказали: содержи Посланника в тепле, он из горячего мира, не мир, а печь, он не любит нашего холода. Обращайся с ним, как будто он беременный, положи меха на его постель и поставь обогреватель в его комнату, согревай воду, которой он умывается и держи его окна закрытыми! Как я все это выполнил? Вам удобно? Скажите, пожалуйста, чего вам не хватает?

Удобно! В Кархиде я ни разу, ни при каких обстоятельствах не был спрошен, удобно ли мне.

— Господин Шусгис, — с чувством сказал я, — я себя чувствую, как дома.

Он не удовлетворился, пока не положил на постель еще одно одеяло из шерсти пестри и не подбросил еще дров в очаг.

— Я знаю, каково это, — сказал он, — когда я был беременным, мне все время было холодно, ноги были, как лед. Всю зиму я просидел у огня. Давным-давно, конечно, но я помню.

Гетенианцы стремятся иметь детей в молодости, большинство из них после двадцати четырех лет живут вольно и используют трапенцетивы. Они перестают быть плодотворными в женской роли в возрасте сорока лет.

Шусгису было около пятидесяти, поэтому его «давным-давно» звучало правдоподобно. В нем трудно было увидеть юную мать. Это был искусный политик, действовавший в общественных интересах, а интерес у него был только один — он сам.

Такой тип человека распространен повсеместно. Я встречал его на Земле, на Хейне и на Олдуле.

— Вы хорошо осведомлены о моей внешности и вкусах, господин Шусгис. Я удивлен. Не думал, что моя характеристика опередила меня.

Он прекрасно понял меня.

— Там, в Эрхенранге, вас готовы были держать в сугробе, а? Но они вас выпустили, и только тут мы поняли, что вы не очередная кархидская ложь, что вы говорите правду.

— Мне кажется, что я вас не совсем понял.

— Аргавен и его окружение боялись вас, господин Ай, и рады были увидеть вашу спину. Боялись, что, если они плохо обойдутся с вами или заставят вас молчать, придет возмездие. Набег из космоса. Поэтому они не осмелились тронуть вас. Они пытались заставить вас замолчать, потому что боялись вас и того, что вы принесли с собой на Гетен!

Он преувеличивал. В Кархиде новости обо мне не замалчивались, во всяком случае, пока у власти был Эстравен. Но у меня было впечатление, что эти новости не проникали в Оргорейн, и Шусгис подтвердил мое предположение.

— Значит, вы не боитесь того, что я принес на Гетен?

— Нет, господин мой.

— А я иногда сам боюсь.

Он весело рассмеялся. Я не подбирал выражений. Я не торговец. Я не продаю прогресс аборигенам. Мы должны встретиться, как равные, со взаимопониманием и искренностью, прежде чем моя миссия сможет начаться.

— Господин Ай, много людей хотят встретиться с вами, и среди них есть такие, с кем вы сами захотите говорить. Это те, кто делает мир таким, каков он есть. И я просил чести поселить вас у себя. Потому что у меня большой дом и я известен, как человек нейтральный. Я не буду вас прятать, и вы сможете поговорить со всеми желающими.

Он рассмеялся.

— И это значит, что вам придется съесть немало обедов.

— Я в вашем распоряжении, господин Шусгис.

— Тогда сегодня вечером мы поужинаем с Венайком Слосе, сотрапезником с Кувера, третий район. Разумеется, я проделал кое-какую подготовительную работу перед вашим приездом.

Он восхитился снисходительностью, которую я проявил, изучая его страну. Манеры здесь были совершенно отличные от кархидских. Там его поведение подорвало бы его шифгретор и оскорбило меня.

Во время набега на Снувенсин я потерял свой эрхенрангский костюм и мне была нужна одежда, поэтому после обеда я сел в такси и поехал в нижний город. Хеб был такой же, как в Кархиде, но вместо легких летних брюк орготы круглый год носили зимние, мешковатые и нескладные.

Цвета одежды у них варьировались между синим и красным. И материал, и покрой, и изготовление — все было довольно плохим. Стандартная работа. Одежда показала мне, чего не хватало этому большому городу — элегантности. Отсутствие элегантности — дешевая плата за просвещение,

и я с радостью уплатил бы ее. Я вернулся в дом Шусгиса и принял горячий душ, бывший со всех сторон, как колющий туман. Я вспомнил о холодных и мелких тазах в восточном Кархиде, в котором я мылся этим летом, о бассейне в моем кархидском доме, обросшем до крыши льдом.

Что элегантность? Да здравствует комфорт!

Надев новый красный костюм, я вместе с Шусгисом поехал на прием в его личном экипаже с особым шофером. В Оргорейне гораздо больше слуг, чем в Кархиде. Это потому, что все орготы являются служащими государства. Государство должно найти работу для граждан и находит ее. Таково, по крайней мере, общепринятое объяснение, хотя, подобно большинству экономических объяснений, оно, возможно, обходит главную из причин.

В ярко освещенной, высокой, белой приемной зале сотрапезника Слосе было около тридцати гостей. Трое из них были сотрапезниками, остальные — высокопоставленные чиновники. Это была не просто группа орготов, любопытствующих взглянуть на «чужака». Я был не «дивовинкой», как все два года в Кархиде, не уродом, я был ключом к будущему.

Какие двери предстояло мне открыть?

Вероятно, эти чиновники, приветствовавшие меня, знали об этом, но сам я не знал.

И не узнал во время ужина. По всей Зиме, даже в суровом варварском Перунтере, считается крайне вульгарным говорить о делах за едой. Поскольку ужин был накрыт очень быстро, я отложил свой вопрос и занялся клейким рыбным супом, наблюдая за хозяином и гостями. Слосе оказался хрупким молоджавым человеком, с необыкновенно светлыми, яркими глазами и резким голосом. Он выглядел идеалистом, преданным какой-то одной мысли. Слева от меня сидел еще один сотрапезник, толстолицый человек по имени Оболе. Он казался добродушным и любопытным. После третьей порции супа он принялся расспрашивать меня, в каком мире я родился.

— Говорят, — предположил он, — что он теплый, теплее, чем Зима, но насколько?

— Ну на Земле на этой самой широте никогда не бывает снега.

— Не бывает снега?

Он рассмеялся с искренней радостью, как смеется ребенок хорошей сказке, ожидая дальнейших невероятных рассказов.

— Наши приполярные области подобны вашей обитаемой зоне. Мы дальше ушли от последнего оледенения, чем вы, но оно еще не кончилось. В основном Земля и Гетен очень похожи. Все обитаемые миры похожи друг на друга. Человек может существовать только в определенном окружении. Гетен — это предел выносимых человеком условий.

— Значит, есть более теплые планеты, чем ваша?

— Большинство из них теплее, некоторые горячи — Илк, например, преимущественно песчаная и скалистая пустыня. С самого начала она была теплой планетой, а ее цивилизация нарушила естественное равновесие пятьдесят-шестьдесят тысяч лет назад, она сожгла на топливо леса. Там

сейчас живут люди. Туда ссылают преступников.

Это вызвало у Оболе улыбку, спокойную и одобрительную улыбку, которая вдруг заставила меня пересмотреть оценку этого человека.

— Некоторые наши мистики учили, что потусторонний мир действительно существует на других планетах во вселенной. Встречались ли вы с этой мыслью, Ай?

— Нет. Меня описывали по-разному. Но еще никто не называл меня привидением.

Говоря это, я случайно взглянул направо и увидел привидение. Темный, в темной одежде, мрачный и спокойный, он неподвижно сидел за столом, как зритель на пиру.

Внимание Оболе было отвлечено другим гостем, и большинство слушало сидевшего во главе стола Слосе. Я негромко сказал:

— Не ожидал увидеть вас здесь, лорд Эстравен.

— Неожиданности делают жизнь более привлекательной.

— Я хочу вам кое-что передать.

Он вопросительно взглянул на меня.

— Деньги, ваши собственные деньги. Их послал вам Форет рем ир Осбот. Они в доме Шусгиса. Я передам их вам.

— Вы очень добры, господин Ай.

Здесь, в изгнании, он был спокоен и покорен. Казалось, он не расположен болтать со мной, и я рад был прекратить разговор. Но время от времени в течение всего длинного роскошного ужина, в беседе с этими влиятельными орготами, которые хотели подружиться со мной или использовать меня, я ощущал его присутствие, замечал его смуглое лицо. И мне пришла в голову мысль, которую я отверг, как совершенно безосновательную: что я не по своей воле появился в Оргорейне, чтобы есть жареную рыбу с сотрапезниками. Это он завлек меня сюда.

9. ЭСТРАВЕН-ПРЕДАТЕЛЬ

Восточно-кархидское предание, рассказанное в Коринхеринге Тоборрцем Черхава и записанное Дж. А. Предание известно во многих вариантах

Давным-давно, до дней короля Аргавена Первого, который превратил Кархид в единое королевство, была кровавая вражда между домейном Стока и домейном Эстра в земле Карм. Распря продолжалась три поколения и конца ей было не видно, потому что спор шел из-за земли. Плодородные земли редки в Карме, а гордость домейна в том, насколько обширны его пределы.

Лорды в земле Карм горды и обидчивы, они отбрасывают черные тени.

Случилось так, что один юноша, наследник лорда Эстра, охотясь на

озере Айсфут на пестри в месяце Иррем, вступил на подтаявший лед и провалился в воду. Хотя ему удалось при помощи одной лыжи выбраться на лед, дела его были плохи: стоял курем (курем — влажная погода с температурой от нуля до минус двадцати градусов) и приближалась ночь. Он понял, что ему не пройти восемь миль вверх по холму до Эстра, и потому отправился в деревню Эбос на северном берегу озера.

Когда наступила ночь, с ледника спустился туман и покрыл все озеро, так что юноша не видел даже своих лыж. Он шел медленно, опасаясь снова провалиться под лед.

Холод пробирал его до костей. Он понимал, что скоро уже не сможет двигаться. Наконец сквозь туман и ночь он увидел впереди свет. Берег был крут и местами лишен снега, поэтому юноша отбросил лыжи, ноги его уже не держали, но он упрямо шел на свет. Он ушел далеко в сторону от Эбоса. Перед ним оказался маленький одинокий домик в лесу из деревьев торе.

Леса земли Карм сплошь состоят из этих деревьев, и они кольцом окружали дом. Юноша постучался в дверь и крикнул.

Ему открыли и ввели его в дом.

В доме оказался только один человек.

Он помог юноше раздеться — одежда его была, как из железа, — уложил его под меха и согревал собственным телом. Он дал ему горячего чая. Наконец юноша пришел в себя и посмотрел на своего спасителя.

Тот оказался тоже молод. Они смотрели друг на друга. Оба были милы, сильны, с красивыми телами и смуглыми лицами, и Эстравен увидел в лице другого пламя кеммера.

Он сказал:

— Я Арек из Эстра.

— А я Терем из Стока, — ответил второй.

Тогда Эстравен рассмеялся, потому что он был еще слаб, и сказал:

— Ты вернул меня к жизни, чтобы убить, Стоквен?

Тот ответил:

— Нет.

Он взял Эстравена за руку, как бы желая проверить, вышел ли из нее холод. И хотя до кеммера Эстравену оставалось день или два, при этом прикосновении он почувствовал, как в нем самом просыпается огонь.

Некоторое время они сидели, взявшись за руки.

— Одинаковые, — сказал Стоквен.

Он указал на свою ладонь и ладонь Эстравена. И действительно, их руки были одинаковыми по величине и форме, как будто один человек сложил свои ладони.

— Я никогда не видел тебя раньше, — сказал Стоквен, — мы смертельные враги.

Он встал, подбросил в очаг дров и вернулся к Эстравену.

— Мы смертельные враги, — повторил Эстравен. — Я дам тебе клятву кеммеринга.

— А я тебе, — ответил тот.

И они дали обет кеммеринга друг другу, а в земле Карм, как и сейчас, этот обет не может быть ни нарушен, ни заменен другим. Эту ночь и следующий день они провели в лесном доме у замерзшего озера. На завтра к дому подошел отряд из Стока. Один из прибывших узнал Эстравена. Не говоря ни слова, он без предупреждения ударил его ножом в грудь, и молодой человек упал мертвым.

— Он был наследником Эстра, — проговорил убийца.

Стоквен сказал:

— Положите его на сани и отвезите в Эстра для погребения.

Он вернулся в Сток. Люди положили тело Эстравена в сани, но увезли его в лес и оставили там на съедение зверям, а сами вернулись в Сток. Терем стоял рядом со своим родителем из плоти лордов — Хариш рем ир Стоквен. Он спросил:

— Вы сделали то, что я велел?

Они ответили:

— Да.

— Вы лжете, — сказал Терем. — Вы никогда бы не вернулись из Эстра живыми. Эти люди не выполнили мое приказание и солгали, чтобы скрыть свое неповиновение. Я требую для них наказания.

И лорд Хариш изгнал их из очага и объявил их вне закона.

Вскоре после этого Терем покинул свой домейн, сказав, что хочет немного пожить в крепости Ротерер, и целый год не возвращался в Сток.

В домейне Эстра долго искали Арека в горах и на равнине и горевали о нем все лето и всю осень, потому что он был единственным ребенком лорда по плоти.

Но в конце месяца Тенери, когда стояла глубокая тьма зимы, с гор на лыжах спустился человек и отдал привратнику у ворот сверток в мехах, сказав:

— Это Терем, сын Эстра.

Он исчез, быстрый, как падающий камень, и никто не сумел задержать его.

В свертке лежал новорожденный ребенок.

Его отнесли к лорду Эстра и передали ему слова незнакомца. Старый лорд, полный горя, увидел, что ребенок как две капли воды похож на его сына Арека. Он приказал, чтобы ребенка растили во внутреннем очаге, и назвал его Терем, хотя это имя и не использовалось в клане Эстра.

Ребенок рос красивым и сильным. Он был смуглым и молчаливым, и все видели в нем сходство с пропавшим Ареком. Когда он вырос, лорд Эстра назвал его своим наследником, но сыновья кеммеринга лорда разгневались. Это были все сильные люди, и они долго ждали наследства. Они устроили засаду на юного Терема, когда он отправился охотиться на пестри в месяце Иррем. Но он был вооружен, и они не сумели застать его врасплох. Двоих братьев он застрелил в тумане, который густым покрывалом окутал озеро Айсфут, а с третьим сразился на ножах и убил его,

хотя и сам был жестоко изранен. Он стоял над телами братьев в тумане на льду и видел, что приближается ночь. Он слабел, кровь текла из его ран, и он подумал, что найдет помощь в деревне Эбос, но в сгущавшейся тьме он сбился с пути и забрел в лес торе на восточном берегу озера. Увидев заброшенный дом, он вошел в него и слишком слабый, чтобы разжечь огонь, упал на холодные камни очага.

Ночью в дом пришел человек. Он остановился у входа и молча смотрел на окровавленного юношу, лежащего у очага, потом торопливо вошел, уложил раненого в постель, разжег огонь в очаге, промыл раны Терема и перевязал его. Увидев, что молодой человек смотрит на него, он сказал:

— Я Терем из Стока.

— А я Терем из Эстра.

Наступило молчание. Наконец молодой человек улыбнулся и сказал:

— Ты перевязал мои раны, чтобы убить меня, Стоквен?

— Нет, — ответил старший.

Эстравен спросил:

— Как случилось, лорд Сток, что ты тут один, на этой спорной земле?

— Я часто прихожу сюда, — ответил Стоквен.

Он взял руку молодого человека, чтобы проверить его пульс, и увидел, что руки у них одинаковые.

— Мы смертельные враги, — сказал Стоквен.

Эстравен ответил:

— Мы смертельные враги. Но я никогда не видел тебя раньше.

Стоквен ответил:

— Однажды я видел тебя давным-давно, — сказал он. — Я хочу, чтобы между нами и нашими домами был мир.

Эстравен сказал:

— Я дам тебе клятву мира.

Они дали клятву мира и больше не разговаривали. Раненый уснул. Утром Стоквен ушел, а из Эбоса пришли люди и унесли Эстравена в Эстра. Теперь больше никто не мог противиться воле старого лорда. Все видели три тела на льду озера, и после смерти лорда Терем стал лордом дома Эстра. Он немедленно прекратил старую вражду, отдав половину спорной земли домейну Сток. За это и за убийство своих братьев он был прозван Эстравен-предатель, но его имя — Терем — по-прежнему дают детям этого домейна.

10. БЕСЕДЫ В МИШПОРИ

На следующее утро, когда я кончал завтракать в своей комнате в доме Шусгиса, тихо звякнул домашний телефон. Я включил его и оттуда послышался голос, говоривший по-кархидски:

— Говорит Терем Харт. Могу ли я войти?

— Пожалуйста.

Я хотел побыстрее отделаться от него.

Ясно, что никаких отношений между Эстравеном и мной не может быть. Даже если его разжалование и изгнание частично можно было отнести на мой счет, я не чувствовал себя виновным. Ни его поступки, ни их мотивы не были мне ясны в Эрхенранге, и я не мог доверять ему. Я бы не хотел, чтобы он связывался с теми орготами, которые, как я считал, одобряли мою миссию. Его присутствие было для меня помехой.

Один из многочисленных слуг ввел его в мою комнату. Я усадил его в мягкое кресло и предложил выпить эля. Он отказался. Его манеры были не то чтобы сдержанными, а какими-то напряженными.

— Первый настоящий снег, — сказал он, заметив, что я гляжу на плотно занавешенное окно. — Вы еще не смотрели на улицу?

Я выглянул и увидел густой снег. Улицы и крыши были укутаны им. За ночь снег выпал на два-три дюйма. Был Ирин Гор — одиннадцатый день первого осеннего месяца.

— Ранний снег, — проговорил я, очарованный этим зрелищем.

— Он предсказывает суровую зиму.

Я оставил занавес незадернутым. Тусклый свет падал на смуглое лицо Эстравена. Казалось, он состарился с тех пор, как я его в последний раз видел в доме в Красном Углу во дворце Эрхенранга. Ему, должно быть, довелось многое испытать.

— Вот то, что меня просили передать вам, Эстравен, — сказал я.

Я отдал ему сверток с деньгами, который после его звонка я выложил на стол. Он взял его и торжественно поблагодарил меня. Я не сел. Немного погодя, по-прежнему держа сверток в руках, он встал.

Что-то говорило мне, что я совершаю ошибку, но я не обратил на это внимания. Я не хотел, чтобы он вновь приходил ко мне.

Он посмотрел на меня. Конечно, он был ниже ростом и плотнее, но в этот момент мне не казалось, что он смотрит снизу вверх. Я не встретился с его взглядом. Я рассеянно глядел на радиоприемник на столе.

— Не следует верить всему, что передают здесь по радио, — вежливо сказал он. — Мне кажется, что здесь, в Мишпори, вы будете нуждаться в помощи и совете.

— Похоже, здесь много людей, готовых помочь мне.

— По-вашему, десять человек более достойны доверия, чем один? Но простите, мне не следовало говорить по-кархидски.

Он перешел на орготский.

— Изгнанник не должен говорить на родном языке. В его устах этот язык горек. А орготский язык больше подходит для предателя: он похож на сладкий сироп. Господин Ай, вы оказали услугу мне и моему старому другу и кеммерингу Аше Форету, и его именем и своим собственным я прошу о позволении дать вам добрый совет.

Он помолчал. Я ничего не сказал.

Раньше я никогда не слышал о такой форме вежливости. И я понятия

не имел, что она означает. Он продолжал:

— Здесь, в Мишпори, вы не то, чем были в Эрхенранге. Здесь вы лишь орудие фракционной борьбы. Советую вам быть осторожным и не позволять им использовать себя. Советую вам не доверять ни одной фракции. Они могут использовать вас лишь во зло.

Он замолчал, и я уже хотел было попросить его объясниться подробнее, но он сказал:

— Прощайте, господин Ай.

Он повернулся и вышел. Я стоял в ошеломлении. Этот человек подобен электрическому угрею — его не ухватишь и не поймешь, чем он тебя ударил.

Он окончательно испортил мне настроение. Я подошел к узкому окну и выглянул наружу. Снег немного поредел, и картина была прекрасна. Хлопья снега напоминали лепестки вишни, падающие под порывами ветра на моей родине — на Земле, на зеленой, теплой Земле, там, где весной деревья покрываются цветами. Я почувствовал тоску по родине. Два года я провел на этой планете, начинается третья зима — месяцы безжалостного мороза, снега, льда, ветра, холода снаружи и внутри, холода до костей и до мозга костей. И все это время я один, совершенно один, и не могу доверять ни единой душе. Бедный Дженири, может быть, мы поплачем? Я видел, как из дома вышел Эстравен — темная фигура на фоне белого снега, — осмотрелся, плотнее затянул пояс своего хеба — пальто у него не было — и пошел по улице, двигаясь грациозно и быстро, как будто он был единственным живым существом в Мишпори.

Я отвернулся от окна. В теплой комнате было душно и тесно: обогреватель, мягкие кресла, кровать со множеством теплых одеял, ковры, занавеси.

Надев зимнее пальто, я вышел погулять.

Настроение у меня было плохое, и окружающий мир казался ужасным.

В этот день я обедал с сотрапезниками Оболе, Еджеем и еще несколькими, с которыми познакомился накануне. Обычно обедают здесь стоя, чтобы не создавалось впечатления, что человек целый день проводит за столом. Однако в этом случае были приготовлены сиденья. Стол был разнообразным — восемнадцать или двадцать горячих и холодных блюд, в основном вареных яиц и хлебного яблока. Не начиная есть, чтобы не нарушать общепринятого табу на деловые разговоры за едой, но накладывая себе на тарелку жареные яйца, Оболе заметил:

— Вот тот человек по имени Мерсен — эрхенрангский шпион, а вот этот — Гуам — агент Сарфа.

Он говорил негромко и смеясь, будто подхватил мою удачную шутку.

Я понятия не имел, кто такой Сарф.

Когда все усаживались за стол, к хозяину Еджею подошел молодой человек и что-то сказал. Еджей громко произнес:

— Новости из Кархида. У короля Аргавена сегодня утром родился ребенок и через час умер.

Наступила пауза, потом все разом заговорили, а красивый человек, которого Оболе назвал Гуамом, поднял свою пивную кружку:

— Пусть все короли Кархида проживут так же долго! — воскликнул он.

Некоторые выпили вместе с ним, но большинство не стало этого делать.

— Во имя Меше, смеяться над смертью ребенка! — сказал толстый старик в пурпурном одеянии, сидевший рядом со мной.

Лицо его исказилось от отвращения.

Начался спор о том, кого из детей своих кеммерингов Аргавен назовет наследником — ему уже сорок лет, и, конечно, детей по плоти у него уже не будет — и как долго Тайб еще будет регентом.

Некоторые считали, что регентству приходит конец, а другие сомневались.

— А вы как думаете, господин Ай? — спросил человек по имени Мерсен, которого Оболе назвал кархидским шпионом. Вероятно, это был человек Тайба.

— Вы ведь только что из Эрхенранга. Говорят, что Аргавен, в сущности, отрекся от престола, передав сан своему двоюродному брату.

— Я слышал такие разговоры.

— Вы считаете, что для них есть основания?

— Не знаю, — ответил я.

Тут вмешался хозяин, заговорил о погоде. Гости принялись за еду.

После того, как слуги унесли тарелки и горы рыбьих костей, мы остались за длинным столом. Принесли маленькие чашки с огненной жидкостью. Меня начали расспрашивать.

С тех пор, как меня в Эрхенранге осматривали врачи и ученые, мне никто не задавал вопросов. Мало кто из кархидцев, даже рыбаки и фермеры, среди которых я провел первые месяцы, стремились удовлетворить свое любопытство, расспрашивая меня. Они избегали прямых вопросов. Даже специалисты ограничивались в своих вопросах чисто физиологическим аспектом, главным образом интересуясь действием желез внутренней секреции. В этом отношении я больше всего отличался от гетенианцев. Они никогда не спрашивали о том, как постоянная сексуальность нашей расы влияет на социальную организацию. Как мы справляемся с нашим постоянным кеммером. Они слушали, когда я рассказывал, но ни один из них не задавал общих вопросов, чтобы представить себе картину земного или экуменийского общества. Пожалуй, исключением был только Эстравен.

Здесь, по-видимому, люди были не так связаны соображениями гордости и престижа, и вопросы не оскорбляли ни спрашивающего, ни отвечающего. Однако скоро я заметил, что некоторые спрашивающие пытались поймать меня, доказать, что я обманщик. Это на минуту вывело меня из равновесия. Конечно, и в Кархиде я встречался с недоверием, но это никогда не делалось в открытую. Тайб пытался намекать на обман в день парада в Эрхенранге, но теперь я знаю, что это была часть игры, рассчитанной на свержение Эстравена. Я думаю, что на самом деле Тайб верил мне.

В конце концов, он видел мой корабль — маленькую посадочную капсулу, которая доставила меня на планету. Он читал доклады инженеров о корабле и ансибле. Никто из орготов не видел мой корабль, и их бы не очень убедило, даже если бы я показал им свой ансибл. Его настолько трудно совместить с реальностью, что скорее он покажется доказательством мошенничества.

Старый закон о культурном эмбарго не разрешал на этой стадии ввоз доступных для анализа и воспроизведения предметов культуры, и поэтому на Гетене со мной не было ничего, кроме корабля и ансибла.

Вот и сейчас в моем распоряжении не было других доказательств, кроме ящика с фотографиями, несомненной странности моего тела и неопровержимой уникальности разума. Фотографии передавались вдоль стола и рассматривались с тем непроницаемым выражением, с которым рассматривают фотографии чьей-либо семьи.

Расспросы продолжались.

— Что такое Экумен? — спросил у меня Оболе. — Мир, союз миров или столица?

— Все и в то же время ничего из этого. Экумен — это наше земное слово, на всеобщем же языке оно означает дом, по-кархидски могу сказать — очаг. Я не знаю, как сказать по-орготски. Я еще плохо владею вашим языком. Не сотрапезничество, мне кажется, хотя есть несомненные параллели между сотрапезническим правительством и Экуменом. Но Экумен — это вовсе не правительство. Это попытка объединить мистику с политикой, и, конечно, эта попытка едва не потерпела неудачу. Но такая неудача дала нашему обществу больше выгод, чем все удачи наших предков. Это сообщество, имеющее свою культуру. Это форма образования, в некотором смысле это союз или лига миров, обладающих центральной организацией. Экумен, как политическая организация, функционирует через координацию, а не через закон. Он не издает законы, решения принимаются советом. Как экономическая организация, Экумен исключительно активен, он усиливает связи между мирами, поддерживает равновесие в торговле среди восьмидесяти миров. Точнее, их будет восемьдесят четыре, если Гетен вступит в Экумен.

— Что это значит — он не издает никаких законов? — спросил Оболе.

— Их нет. Государства — члены Экумена — руководствуются собственными законами. Когда эти законы вступают в противоречие, то Экумен служит посредником, пытается найти компромисс, приспособить эти законы друг к другу в юридическом и политическом отношении. Экумен должен был служить силой, поддерживающей мир, но в этом не было необходимости. Центральные миры все еще оправляются от разрушительной волны, шедшей много столетий назад, возрождая утраченные умения и идеи, учась жить заново.

Как мог, я объяснил им, что такое Век Вражды и каковы его последствия. Но как это объяснишь людям, у которых никогда не было войны.

— Все это исключительно интересно, господин Ай, — сказал хозяин,

сотрапезник Еджей, деликатный, щегольски одетый человек с пронзительным взглядом, — но я не понимаю, чего они хотят от нас. То есть я хочу спросить, какой им смысл присоединить к себе восемьдесят четвертый мир? К тому же и не очень-то мудрый мир. У нас нет звездных кораблей и всего прочего, что есть у них.

— Ни у кого из нас их не было, пока не появились хейнцы, и до сих пор у многих их не было бы, если бы Экумен не установил правила, которые вы, я думаю, могли бы назвать правилами открытой торговли.

Это вызвало у окружающих громкий смех. Оказывается, так называлась фракция Еджея в сотрапезничестве.

— Именно открытую торговлю я и мечтаю ввести у вас. Торговлю не только товарами, но и знаниями, технологией, идеями, философией, искусством, медициной, наукой, теорией. Думаю, что вряд ли у Гетена будет много путешествий к другим мирам. Мы находимся в семнадцати световых годах от ближайшего экуменийского мира Юллула, планеты-звезды, которую вы называете Аеномс, а самые далекие миры — в двухстах пятидесяти световых годах, и вы даже не видите света их звезды. При помощи ансибла вы можете общаться с мирами, как по радио с соседними городами. Но я сомневаюсь, что вы встретитесь когда-нибудь с их людьми. Торговля, о которой я говорю, может быть очень выгодна, но это скорее коммуникация, чем транспортировка. В сущности, мое задание — установить, хотите ли вы общаться с остальной частью человечества.

— «Вы», — повторил Оболе, напряженно наклонившись вперед. — Означает ли это Оргорейн или весь Гетен в целом?

Я поколебался: такого вопроса я не ждал.

— Сейчас это означает Оргорейн, но договор не может быть исключительным. Если Сит, или остров Наций, или Кархид решат вступить в Экумен, они смогут это сделать. Каждый раз это вопрос индивидуального выбора. Обычно на высокоразвитых планетах типа Гетена дело кончается объединением всех наций и образованием центрального координирующего органа, осуществляющего связь с другими планетами. По нашей терминологии, это местная Стабильность. Такая организация сберегает много времени и денег. Объединившись, легче, например, построить космический корабль.

— Клянусь молоком Меше! — воскликнул толстый Хумери рядом со мной. — Вы хотите, чтобы мы улетели в небо? Уф!

Он негодующе фыркнул.

Гуам спросил:

— А где ваш корабль, мистер Ай?

Вопрос он задал негромко, улыбаясь, как будто он был совершенно незначительным и случайным. Гуам был исключительно красив по любым стандартам, и я не мог удержаться, чтобы не посмотреть на него, отвечая. И снова подумал, что же такое Сарф.

— Это не секрет, об этом много раз говорилось по кархидскому радио. Ракета, высадившая меня на острове Хорден, сейчас в королевских

мастерских в школе ремесел, вернее, то, что от нее осталось. Когда ее исследовали, вероятно, немало деталей было снято.

— Ракета? — переспросил Хумери.

Я использовал орготское слово, обозначающее пиротехническую ракету, шутиху.

— Это слово неплохо передает принцип движения моей капсулы.

Хумери опять фыркнул. Гуам лишь улыбнулся и сказал:

— Значит, у вас нет способа вернуться... словом, туда, откуда вы пришли?

— Почему же? Я могу связаться по ансамблу с Оллулом и оттуда вышлют за мной корабль типа «Кафал». Правда, ему потребуется семнадцать лет, чтобы добраться сюда. Или я могу вызвать по радио тот корабль, который доставил меня в вашу солнечную систему. Он сейчас находится на орбите вокруг вашего солнца. Через несколько дней он будет здесь.

Слова мои вызвали сенсацию, и даже Гуам не смог скрыть своего изумления. Этот факт я никому не сообщал, даже Эстравену в Кархиде.

— Где же этот корабль? — спросил Еджей.

— Он кружит вокруг солнца где-то между Гетеном и Кухурком.

— Не шутите, — сказал старый Хумери.

— Совершенно верно. Мы не приземляемся в межзвездных кораблях, пока не устанавливается сообщение или союз. Я прибыл в маленькой ракетной капсуле и высадился на острове Харден.

— И вы можете связаться с большим кораблем при помощи обычного радио? — поинтересовался Оболе.

— Да.

Я не стал упоминать о маленьком спутнике, выпущенном мной с ракеты. Мне не хотелось, чтобы у них сложилось впечатление, что все их небо занято моим металлическим хламом.

— Нужен достаточно мощный передатчик, но у вас такие есть.

— Значит, и мы можем вызвать ваш корабль по радио?

— Да, если у вас есть соответствующий шифр. Люди на борту находятся в состоянии, которое мы называем статисом, или гибернацией. Они не тратят время своей жизни, пока я здесь выполняю свое задание. Соответствующий сигнал на нужной волне приведет в движение механизмы, которые выведут людей из статиса. После этого они свяжутся со мной по радио или ансамблу, используя Юллул в качестве постоянного центра.

Кто-то тревожно спросил:

— Сколько их?

— Одиннадцать.

Все с облегчением вздохнули, кто-то даже рассмеялся. Напряжение спало.

— А что, если вы не свяжетесь с ними? — спросил Оболе.

— Через четыре года они автоматически выйдут из статиса.

— Тогда они явятся за вами?

— Нет, пока не поговорят со мной. Они проконсультируются со стабильными на Юллуле и Хейне по ансамблю. Вероятнее всего, они решат сделать еще одну попытку — послать еще одного Посланника. Второму посланнику часто бывает легче работать, чем первому. Ему приходится меньше объяснять, и люди охотнее ему верят.

Оболе улыбнулся, большинство остальных выглядело задумчивыми и настороженными, а Гуам слегка кивнул мне, как бы одобряя быстроту ответа. Слосе о чем-то напряженно думал. Вдруг он резко повернулся ко мне:

— Почему, господин посланник, вы никогда не упоминали об этом другом корабле за все два года в Кархиде?..

— Откуда нам знать, что он этого не делал? — перебил его Еджей. Он улыбнулся.

— Не делал, — подтвердил я. — И вот почему. Корабль, ждущий где-то наверху, может испугать. Вероятно, некоторые из вас чувствуют это. В Кархиде мне никогда не удавалось дойти до такой степени доверия, чтобы я мог упомянуть об этом корабле. Но здесь вы меня охотно слушаете, и не в тайне, а открыто и публично. Вами не так правит страх, как в Кархиде. Я пошел на риск, потому что считаю его необходимым. И Оргорейн — самое подходящее место.

— Вы правы, господин Ай! — с воодушевлением сказал Слосе. — Через месяц вы вызовете ваш корабль, и его встретят здесь, в Оргорейне, как добрый знак новой эры. Тогда у всех откроются глаза!

Так продолжалось до самого ужина. Потом мы ели, пили и разошлись по домам. Я очень устал, но был доволен тем, как идут дела.

Конечно, остаются кое-какие препятствия.

Слосе хочет сделать из меня новую религию. Гуам хочет доказать, что я обманщик. Мерсен, по-видимому, стремится доказать, что он не кархидский агент, доказывая, что таким агентом являюсь я. Но Оболе, Еджей и некоторые другие поняли ситуацию. Они хотят общаться со стабильными и привести на землю Оргорейна корабль «Нафал», чтобы убедить все сотрапезничество присоединиться к Экумену. Они считают, что, поступив так, Оргорейн одержит победу над Кархидом и что сотрапезники, организовавшие эту победу, получают престиж и власть в своем правительстве. Их фракция открытой торговли, находившаяся в меньшинстве среди тридцати трех, противилась продолжению конфликта из-за долины Синот и в основном представляла консервативную, националистическую линию. Фракция уже давно потеряла власть и считала, что теперь сможет вернуть ее на пути, указанном мной.

То, что они не способны были заглянуть дальше и увидеть, что мои мысли и моя миссия означает конец их фракции, меня устраивало. Ступая на дорогу, они начнут понимать, куда она ведет.

Оболе, убеждая других, говорил:

— Либо Кархид испугается силы, которую этот союз даст нам — а Кархид всегда боится всего нового, отступит и останется позади, — либо правительство Эрхенранга наберется храбрости и попросит разрешения

присоединиться к союзу вслед за нами. В обоих случаях шифрретор Кархида пострадает, в обоих случаях мы будем править санями. Если у нас хватит разума воспользоваться этим случаем, он обеспечит нам преимущество. И надолго!

Потом он повернулся ко мне.

— Но Экумен должен помочь нам, господин Ай. Нам нужно показать своему народу кое-что еще, кроме вас, одного человека, да еще уже известного в Эрхенранге.

— Понимаю, сотрапезник. Вам необходимо хорошее, убедительное доказательство, и я с радостью предоставлю вам его сам. Но я не могу вызвать корабль, пока не обеспечены его безопасность и ваше единодушие. Мне нужно согласие вашего правительства и гарантии. Я считаю, что такой гарантией будет публичное оповещение всего сотрапезничества.

Оболе кисло посмотрел на меня, но сказал:

— Ну, конечно.

Когда мы ехали домой, я спросил:

— Скажите, Шусгис, кто такой Сарфф?

— Он глава постоянного бюро Внутренней Администрации, занимается подложными документами, торговлей без разрешения, регистрацией, контрабандой.

— Значит, инспекторы — агенты Сарффа?

— Да, многие.

— И полиция тоже находится в его распоряжении до какого-то предела?

Я задал вопрос осторожно и получил такой же осторожный ответ.

— Возможно. Сам я состою во внешней администрации и не знаю подробностей, как обстоят дела во внутренней.

— Но ваши интересы должны пересекаться. Как, например, с инспекцией вод.

Я, как мог осторожнее, отошел от вопроса о Сарфе. То, что сказал Шусгис, могло ничего не значить для жителя Хейна или, скажем, для жителя счастливого Чифферса. Но я родился на Земле. Не всегда плохо иметь преступных предков. Дед, испытавший ожог, передает внуку по наследству нос, который издалека чувствует запах дыма.

Было удивительно найти здесь, на Гетене, столько совпадений с древней историей Земли: монархия, крайне бюрократическое правительство.

Итак, Гуам, старающийся представить меня лжецом, не был агентом тайной полиции Оргорейна. Знал ли он, что Оболе считает его таковым? Несомненно знал.

Не был ли он в таком случае агентом-provokатором? И действительно ли он заодно с фракцией Оболе или против нее?

Какую же фракцию в правительстве тридцати трех контролировал Сарфф или какая контролировала его? Мне следовало выяснить все это, хотя задача могла оказаться нелегкой. Мой курс, который совсем недавно казался мне ясным и обнадеживающим, вдруг начал выглядеть сомнительным и полным тайн, как в Эрхенранге. Все шло хорошо,

подумал я, пока рядом со мной вчера вечером не появился, как привидение, Эстравен.

— Какова позиция лорда Эстравена здесь, в Мишпори? — спросил я Шусгиса, который забился в угол плавнодвигающегося экипажа и как будто уснул.

— Эстравена? Его здесь зовут Харт, у нас в Оргорейне нет титулов, все отменено Новой Эпохой. Он подчиненный сотрапезника Еджея.

— Он здесь живет постоянно?

— Я думаю, да.

Я уже собирался сказать, что странно, что я увидел его вчера у Слосе вечером и не увидел у Еджея сегодня, но тут же понял, что в свете нашего короткого утреннего свидания, это совсем не странно. Но мысль о том, что его сознательно не допускали ко мне, была тревожной.

— Его отыскали, — сказал Шусгис, поудобнее усаживаясь на мягком сиденье, — где-то на южной стороне на консервном заводе или на фабрике клея — в общем, в каком-то таком месте — и вытащили из грязи. Кто-то из фракции открытой торговли, я думаю. Конечно, он был полезен для них, когда был премьер-министром и членом кноремми, поэтому они подержали его сейчас. Главным образом для того, я думаю, чтобы досадить Морсену. Ха-ха! Морсен — шпион Тайба, и, конечно, думает, что об этом никто не знает, но знают все, а он не выносит вида Харта, думает, что тот предатель или двойной агент и бог знает, кто еще.

— А как вы думаете, уважаемый Шусгис, кто такой Харт?

— Предатель, господин Ай. Просто и ясно. Отказался от требования своей страны на долину Синот в надежде помешать Тайбу захватить власть, но ничего не добился. У нас его ждало бы худшее изгнание, клянусь сосцами Меше! Если играешь против своей страны, рискуешь проиграть все. Этого не понимают те, кто лишен патриотизма. Впрочем, думаю, Харта не слишком беспокоит его положение, пока он может рассчитывать хоть на какую-то видимость власти. Он неплохо прожил эти пять месяцев здесь.

— Наверное, неплохо.

— А вы ему не доверяете?

— Нет.

— Я рад это слышать, господин Ай. Не понимаю, что Еджей и Оболе нашли в нем. Он явный предатель, всегда заботится лишь о себе и старается править нашими санями. Я так, во всяком случае, считаю, господин Ай. Не думаю, чтобы я дал ему волю, если бы это от меня зависело.

Шусгис яростно кивнул, одобряя собственное мнение, и улыбнулся мне, как один добродетельный человек другому. Экипаж плавно двигался по широкой, ярко освещенной улице. Утренний снег стаял, лишь вдоль обочины лежали продолговатые сугробы. Шел холодный мелкий дождь.

Большое здание Центрального Мишпори, правительственные учреждения, школы, йомештские храмы под дождем жалко блестели и, казалось, тоже таяли. Углы их слились, фасады прогнулись. В тяжелой каменности

города было что-то жидкое, непостоянное, как и в монолитности всего государства, где целое и часть назывались одним словом. И в Шугисе, моем веселом хозяине, тяжелом и устойчивом человеке, тоже было что-то расплывчатое, неуловимо смутное, немного нереальное.

С самого начала моего путешествия по золотым горам Оргорейна четыре дня назад, начиная свое движение к святой святынь Мишпори, я что-то упустил. Но что?

Комнаты теплые, еда безвкусная, но какая в этом беда? Почему и люди, которых я встретил, тоже кажутся мне безвкусными? Среди них были яркие личности — Оболе, Слосе, прекрасный Гуам. И все же каждому из них не хватало какого-то качества, свойственного живым существам.

Они были неубедительны. Они казались какими-то нереальными.

Как будто, подумал я, они не отбрасывают тени.

Размышления такого типа составляют существенную часть моей работы. Без определенной способности к ним я не получил бы квалификацию мобилия. Впоследствии я развил эти способности, обучаясь на Хейне и зарабатывая звание Проницательного.

Я никогда не был выдающимся проницательным, а в этот вечер вообще усомнился в своих способностях. Оказавшись в своей комнате, я искал утешения в горячем душе. Но даже здесь я чувствовал себя беспокойно, как будто сама горячая вода была нереальной. И ее не следовало принимать в расчет.

11. МОНОЛОГИ В МИШПОРИ

Мишпори. Стрет Саоми. Развитие событий внушает некоторую надежду. Оболе торгуется с другими сотрапезниками, Еджей произносит льстивые речи, Слосе обращает других в свою веру, и силы их последовательно растут. Они проницательные люди и крепко держат в руках свою фракцию. Только семеро из тридцати трех открыто причисляют себя к фракции открытой торговли. Что касается остальных, то Оболе рассчитывает завоевать поддержку еще десятих, получив тем самым большинство.

Один из них, по-видимому, всерьез интересуется посланником — сотрапезник Инспен из района Эйньен, он работает с Сарфом и занимается переговорами, которые мы вели из Эрхенранга. По-видимому, они подействовали на его сознание.

Он предложил Оболе, чтобы Тридцать Три объявили о своем приглашении звездного корабля не только в своей стране, но и в Кархиде, предложив Аргавену решительно присоединиться к этому приглашению. Благородный план, но его не приняли. Они не хотят, чтобы Кархид в чем-то присоединялся к ним.

Люди Сарфа среди Тридцати Трех, конечно, противятся любому соображению о присутствии посланника и его миссии. Что касается равнодушных

и осторожных, кого Оболе надеется склонить на свою сторону, я думаю, они боятся посланника не меньше, чем Аргавен, с той лишь разницей, что Аргавен считает его сумасшедшим, как он сам, а они считают посланника лжецом, как они сами. Они боятся поддаться обману, придуманному Кархидом. Они пригласили посланника, пригласили публично, каков же будет их шифрретор, если никакого звездного корабля не окажется.

Несомненно, Дженли Ай требует от нас необычной доверчивости.

Оболе и Еджей думают, что сумеют уговорить большинство из Тридцати Трех. Не знаю, почему я меньше надеюсь на это. Возможно, в глубине души я не хочу, чтобы Оргорейн оказался более просвещенным, чем Кархид, чтобы он пошел на риск, выиграл бы, обогнал бы Кархид и оставил его в тени. Если эта ревность патриотическая, то она пришла слишком поздно. Как только я понял, что Тайб скоро одолеет меня, я начал делать все возможное, чтобы посланник оказался в Оргорейне, а в изгнании делал все, чтобы убедить их в его правдивости.

Благодаря деньгам, которые он принес мне от Аше, я снова живу независимо, не встречаюсь открыто с Оболе и другими сторонниками посланника, а самого посланника не видел уже полмесяца, с его второго дня в Мишпори.

Он отдал мне деньги Аше, как отдают наемному убийце его плату. Я не часто бывал так разгневан и сознательно оскорбил его.

Он знал, что я рассержен, но я не уверен, что он понял, что его оскорбили.

Похоже, что он принял мой совет, несмотря на форму, в которой его преподнесли. Когда я остыл и увидел это, я забеспокоился. Неужели в Эрхенранге он ждал моего совета, не зная, как попросить об этом? Если так, значит, он неверно понял половину того, что я сказал ему в последний вечер в моем доме, и совсем не понял остального. Его шифрретор, видимо, основан совсем на иных принципах, чем наш, и когда я думал, что говорю с ним наиболее откровенно, он считает, что я наиболее скрытен и уклончив.

Его бестолковость — невежество. Его высокомерие — невежество. Он не знает нас, а мы — его. Он бесконечно чужд нам, а я — глупец, позволивший, чтобы моя тень пересекла свет принесенной им надежды.

Мне нужно сдерживать свое тщеславие. Мне нужно уйти с его пути. Ясно, что он этого хочет, и он прав. Изгнанный кархидский предатель недостойн доверия.

В соответствии с орготским законом, которому каждый присоединившийся обязан следовать, я с восьмого часа до полудня работаю на фабрике пластмасс. Работа легкая. Я управляю машиной, которая из кусков пластика сваривает маленькие прозрачные ящички. К полудню, устав, я должен обратиться к старой школе, которую изучил в Ротерере. Я рад тому, что не утратил умения собирать силы. Но ведь я выдержал лишь один день, а все тело болит у меня неделю! Месяц!

Ночью холодно. Сегодня вечером резкий ветер принес ледяной дождь.

Весь вечер я думал об Эстре, и шум ветра напомнил мне ветры, дующие там. Я написал длинное письмо сыну. Снова и снова ощущаю я присутствие Арека. Кажется, стоит мне обернуться, и я увижу его. Зачем я это пишу? Для сына? Мало хорошего принесет сыну эта запись. Может быть, я пишу, чтобы писать на родном языке.

Хардахад Саоми. По-прежнему по радио ни одного упоминания о посланнике. Интересно, понимает ли Дженли Ай, что в Оргорейне, несмотря на всю видимость публичности, ничего не делается публично и открыто? Машинисты скрываются за машиной.

Тайб хочет научить Кархид лгать. Он берет уроки у Оргорейна; хорошая школа, но, думаю, у него будут затруднения.

Большой орготский набег вчера через Эй, сожженный Текенбар. Именно этого хотят и Сарф, и Тайб. Но чем все это кончится?

Слосе, перетолковав утверждения посланника в духе йомештского мистицизма, заявил, что приход Экумена — начало правления Меше среди людей.

— Мы должны прекратить соперничество с Кархидом до прихода новых людей, — говорит он, — мы должны очистить души перед их приходом, должны простить все дела насилия и объединиться без вражды, как братья в одном очаге.

Но как сделать, чтобы они пришли? Как разорвать круг?

Гирни Саоми. Оболе возглавляет комитет, который собирается запретить непристойные игры в общественных кеммер-домах.

Вероятно, они похожи на кархидские хухут. Слосе против них, потому что они глупы, вульгарны и святотатственны.

Противостоять чему-либо — значит поддерживать его.

Здесь говорят: «Все дороги ведут в Мишпори». Даже если повернешься спиной к Мишпори и пойдешь от него, все равно будешь на дороге к Мишпори. Противостоять вульгарности — значит неизбежно быть вульгарным. Нужно идти куда-то еще, нужно иметь другую цель. Только тогда пойдешь по другой дороге.

Еджей в зале Тридцати Трех сказал сегодня:

— Я неизменно выступаю против блокады экспорта кархидского зерна и против того духа соперничества, который вызывает эту блокаду.

Верно, но таким способом не уйдешь с дороги, ведущей в Мишпори. Он должен предложить альтернативу. Оргорейн и Кархид вместе должны сойти с дороги, по которой идут, и пройти в другом направлении. Они должны разорвать круг. Я думаю, Еджей имеет в виду посланника.

Быть атеистом — значит укреплять бога.

Его существование или несуществование означает одно и то же в плане доказательства. Слово «доказательство» не часто употребляется жанндарами, они не склонны общаться с богом, как с субъектом или доказательством веры. Они разорвали круг и освободились.

Знать, на какие вопросы нет ответа, и не отвечать на них — в эпоху напряженности и тьмы это самое нужное знание.

Торменбод Саоми. Мое беспокойство увеличивается: по-прежнему ни слова о посланнике по радио. Даже сообщения о нем, которые мы делали в Эрхенранге, не повторялись здесь, а слухи, возбуждаемые нелегальным подслушиванием нашего радио и приносимые торговцами и путешественниками, по-видимому, распространяются крайне узко.

Сарф более надежно контролирует все линии связи, чем я думаю. Эта возможность внушает отвращение. В Кархиде король и кноремми могут контролировать то, что люди делают, мало контролировать то, что они слышат, и совсем не могут контролировать то, что они говорят. Здесь правительство не только следит за каждым действием, но и за каждой мыслью. Ни один человек не должен иметь такой власти над остальными.

Шусгис и другие открыто принимают Дженли Ай в городе. Понимает ли он, что эта открытость маскирует то, что он скрыт.

Никто не знает, что он здесь. Я спрашивал своих товарищей по работе на фабрике. Они ничего не знают и решили, что я говорю о каком-то сумасшедшем йомештском сектанте.

Никакой информации, никакого интереса, ничего, что могло бы помочь Аю или защитить его жизнь.

Жаль, что он внешне так похож на нас.

В Эрхенранге люди часто указывали на него на улице, потому что слышали о нем и знали, что он в городе. Здесь, где его присутствие хранится в тайне, его никто не замечает. Они, несомненно, видят его, как увидел впервые я: необычайно высокий, сильный, смуглый юноша, только входящий в фазу кеммера. В прошлом году я изучил отчеты врачей о нем; его отличия от нас глубоки, но не лежат на поверхности.

Нужно знать о них, чтобы увидеть в нем чужака.

Почему они скрывают его? Почему ни один из сотрапезников не упоминает его в своих речах или в выступлениях по радио?

Почему молчит даже Оболе? Из страха?

Мой король боялся посланника; эти боятся друг друга.

Я думаю, что Оболе доверяет только мне, иностранцу. Он получает удовольствие в моем обществе (как и я в его) и несколько раз, отбрасывая шифргретор, откровенно просил моего совета. Но когда я советую ему объявить о присутствии посланника, вызвать к нему общественный интерес, он словно не слышит меня.

— Если глаза всего Сотрапезничества будут устремлены к посланнику, Сарф не посмеет тронуть его, — говорю я.

Оболе вздыхает.

— Да, но мы не можем так сделать, Эстравен. Радио, печатные бюллетени, научные доклады — все это в руках Сарфа. Что же мне, произносить речи на углу улицы, как фанатичному жрецу?

— Но можно поговорить с людьми, пустить слухи. Я проделал нечто подобное в прошлом году в Эрхенранге. Пусть люди задают вопросы, а ответом на них будет сам посланник.

— Если бы только он вызвал этот проклятый корабль, чтобы у нас было, что показать людям! Но пока...

— Он не вызовет корабля, пока не убедится, что вы действуете с добрыми намерениями.

— А разве нет? — воскликнул Оболе. — Разве я не уделяю много часов этому делу? Божья вера! Он ждет от нас, что мы поверим ему на слово, но не отвечает нам тем же!

— А должен ли он верить?

Оболе фыркнул и не ответил.

Он ближе к честности, чем любой правительственный деятель Оргорейна, насколько мне известно.

Одгетени Саоми. Чтобы стать высшим чиновником при Сарфе, нужно, по-видимому, проявить определенную глупость. Пример этому — Гуам. Он считает меня кархидским агентом, пытающимся лишить Оргорейн престижа, вовлекая его в грандиозный обман посланника Экумена. Он считает, что, будучи премьер-министром, я готовил этот обман. Клянусь богом, у меня были более важные дела! Он не способен понять это.

Теперь, когда Еджей, очевидно, выставил меня, Гуам решил, что меня можно подкупить, и попытался сделать это на свой манер.

Он внимательно следил за мной и знал, что я должен войти в кеммер в Росте или в Торменбод. И вот прошлым вечером в стадии полного кеммера, несомненно вызванного гормональными инъекциями, он решил соблазнить меня. Произошла как бы случайная встреча на улице Пикафен.

— Харт, я не видел вас полмесяца. Где же вы прятались? Выпьете со мной эля?

Он выбрал ресторан с сотрапезническим общественным кеммер-домом и заказал не эль, а воду жизни: решил не тратить времени. После первого же стакана он взял меня за руку и прошептал:

— Мы встретились не случайно. Я ждал вас и прошу быть сегодня моим кеммерингом.

Он назвал меня по имени.

Я не отрезал ему язык: после ухода из Эстре я не ношу с собой нож. Я только сказал ему, что в изгнании решил придерживаться воздержания. Он продолжал ворковать, держа меня за руки. Он быстро входил в женскую роль кеммера. Гуам прекрасен в кеммере и рассчитывал на свою красоту и половую привлекательность, зная, что я, будучи жанндаром, не использую наркотические вещества для воздержания. Но он забыл, что цель может служить лучшим наркотиком. Я высвободился, хотя его прикосновение, конечно, произвело на меня свое действие, и посоветовал ему поискать партнера в соседнем кеммер-доме. Он посмотрел на меня с ненавистью и сожалением, все же он, какими бы ни были его намерения, действительно находился в кеммере и был глубоко возбужден.

Неужели он думал, что я продамся за такую плату?

Будь они прокляты, эти грязные люди!

Среди них нет ни одного настоящего человека.

Одсордни Саоми. Сегодня Дженли Ай выступил в зале Тридцати Трех. Посторонние не допускались, не велась передача по радио, но позже

Оболе показал мне собственную запись этой сессии. Посланник говорил хорошо, с трогательной искренностью и убежденностью. В нем есть невинность, которая мне кажется чуждой и глуповатой, но иногда эта невинность приоткрывает такую дисциплину ума и величия цели, которые мне внушают благоговение.

Через него говорят проницательные и величественные люди, владеющие глубочайшей древней мудростью и невероятно разнообразным жизненным опытом, но сам он молод, нетерпелив и неопытен. Он стоит выше нас, видит дальше, но все же он только человек.

Сейчас он говорит лучше, чем в Эрхенранге, проще. Он учится в процессе работы, как и все мы.

Его речь часто прерывалась выкриками членов господствующих фракций, требовавших, чтобы Президент остановил сумасшедшего. Наиболее шумным был сотрапезник Кменбей.

— Неужели вы поверите в эту чушь? — кричал он Оболе.

Вот отрывок из записи:

Альшель (*Президент*): Господин Ай, мы находим эту информацию, переданную нам Оболе, Слосе, Итеманом, Еджем и другими, весьма интересной. Однако нам нужны кое-какие разъяснения (*смех*). Поскольку ваша капсула, на которой вы прибыли, осталась в Кархиде, мы не можем осмотреть ее, поэтому не смогли бы вы вызвать ваш звездный корабль? Так вы его называете?

Ай: Звездный корабль — хорошее название.

Альшель: Да? Но как вы называете его сами?

Ай: Технически это надзвездный корабль с экипажем «Нафал-20».

Голос: А не сани святого Петета?

Смех.

Альшель: Прошу тишины. Да. Если бы вы могли вызвать корабль, чтобы он приземлился здесь, чтобы мы могли иметь несомненно...

Голос: Несомненную чушь!

Ай: Я очень хочу вызвать корабль, мистер Альшель, как доказательство и свидетельство нашей доброй воли. Я жду только предварительного публичного извещения об этом событии.

Кахаросайл: Разве вы не понимаете, сотрапезник, что это такое? Это не просто глупая шутка. Это преднамеренное публичное издевательство над нашей доверчивостью, над нашим легковерием, над нашей глупостью; издевательство, подготовленное с необычайной наглостью тем, кто стоит сегодня перед нами. Вы знаете, что он кархидский агент. Вы видите перед собой отклонение того типа, что появилось в Кархиде под влиянием Темного Культа, которое там не лечат, а даже вызывают иногда искусственно для оргий предсказателей. И все же когда он говорит: «Я из космоса», кое-кто из вас закрывает глаза разуму и верит! Никогда не представлял я себе такой возможности.

И так далее.

Судя по записи, Ай терпеливо противостоял насмешкам и оскорблениям. Оболе тоже сказал, что он держался хорошо.

Я слонялся вокруг зала, ожидая, когда они выйдут после сессии Тридцати Трех. У Ая был задумчивый и угрюмый вид. И не зря.

Моя беспомощность невыносима. Я пустил эту машину в ход и теперь не могу контролировать ее. Я брожу по улицам, склонив голову, пытаюсь увидеть посланника. Ради этой жизни я отбросил власть, деньги, друзей. Какой же ты дурак, Терем!

Почему я не могу заставить себя быть как все?

Одберни Саоми. Устройство связи, которое Дженли Ай продемонстрировал по просьбе Оболе Тридцати Трем, не изменило их настроения.

Несомненно, оно действует, но главный математик Корот сказал только:

— Я не понимаю принципов работы.

И ни один орготский физик или математик не добьется большего, и ничто не будет доказано или опровергнуто.

Я еще не пробовал уговорить Оболе, чтобы он убедил Ая вызвать по радио корабль, разбудить экипаж на его борту и попросить его связаться по радио с сотрапезниками в зале Тридцати Трех. На этот раз у Оболе был готовый ответ, почему этого нельзя сделать.

— Послушайте, мой дорогой Эстравен, вы знаете, что радио под контролем Сарфа. Даже я не знаю, кто именно из людей Сарфа управляет связью. Несомненно, что их большинство, потому что они руководят приемом и передачей на всех уровнях, включая техников и рабочих. Они могут заблокировать или исказить любую передачу, даже если мы получим ее. Можете представить себе сцену в зале? Мы, жертвы великого обмана, слушали с затаенным дыханием статистические разряды и ничего больше, никакого ответа, никакого послания.

— И у вас нет денег, чтобы нанять или подкупить техников? — спросил я, но все было бесполезно.

Он боялся за свой престиж. Его отношение ко мне изменилось. Если он отменит свое приглашение посланника на вечер, дела плохи.

Одхардахад Саоми. Он отменил приглашение.

Наутро я решил увидеться с посланником в лучшем орготском стиле. Я не пошел к дому Шугиса, где, должно быть, все кишело ищейками Сарфа, а окликнул его на улице — случайная встреча.

— Господин Ай, не выслушаете ли вы меня?

Он удивленно оглянулся, а узнав меня, забеспокоился, потом сказал: — Верно ли это, господин Харт? Вы знаете, что я не могу полагаться на ваши слова после Эрхенранга.

Искренне, но и благородно. Он знал, что я хочу предложить ему совет, а не просить его о чем-нибудь, и заговорил, чтобы спасти мою гордость.

Я сказал:

— Это Мишпори, а не Эрхенранг. Но обстоятельства те же самые. Вы не можете убедить сотрапезников объявить о вас по радио, а они не могут убедить вас вызвать корабль. Вы в большой опасности, господин Ай, и опасность станет меньше, если вы вызовете корабль.

— Дебаты сотрапезников, касающиеся моей миссии, хранятся в тайне. Откуда вы об этом знаете, господин Харт?

— Дело моей жизни — знать.

— Но здесь это не ваше дело. Это дело сотрапезников Оргорейна.

— Я говорю, вашей жизни угрожает опасность, господин Ай.

Он ничего не ответил, и я ушел.

Мне следовало поговорить с ним раньше, сейчас слишком поздно. Страх победит и его миссию, и мою надежду. У орготов не хватит разума увидеть действительно великое и нужное. Они смотрят на человека из другого мира и видят... что? Шпион из Кархида, подобный им самим.

Если он немедленно не вызовет корабль, будет слишком поздно, может быть, он уже опоздал.

Это моя вина. Я все делал неверно.

12. О ВРЕМЕНИ И ТЬМЕ

Из «Сказаний Высокого Жреца Тухулма», книга Йомештского канона, составлено в Северном Оргорейне девятьсот лет назад

Меше есть центр времени. Момент его жизни, когда он ясно увидел все вещи, наступил тогда, когда он прожил на Земле тридцать лет, после этого он прожил на Земле еще тридцать лет, так что момент прозрения пришелся на центр его жизни. И все века до прозрения длились столько же, сколько будет длиться период после прозрения, которое совпадает с центром времени. И в Центре нет ни прошлого времени, ни будущего. В нем все прошедшее время и все будущее время, все, чего не было, и все, что было.

Ничто не остается невидимым.

Бедняк из Шени пришел к Меше, жалуясь, что у него нет пищи для ребенка его плоти и нет зерна для посева, потому что дожди сгноили его урожай. И весь народ очага умирает с голоду. Меше сказал:

— Выкопай яму на каменистом поле в Туеррене и найдешь там клад из серебра и драгоценных камней. Я вижу короля, закапывающего клад десять тысяч лет назад, когда соседний король совершил на него нападение.

Бедняк из Шени копал на поле Туеррена и там, где указал Меше, нашел клад древних драгоценностей и, увидев его, закричал от радости. Но стоявший рядом Меше заплакал и сказал:

— Я вижу человека, убивающего своего товарища по очагу из-за этих камней. Это будет через десять тысяч лет, и кости убитого будут лежать там, где лежит сокровище. О, человек из Шени, я знаю, где и твоя могила. Я вижу тебя в ней.

Жизнь человека находится в Центре Времени, в момент Прозрения Меше в его глазах. Мы — зрачки его глаза. Наши деяния есть его Прозрение, наше Бытие — его знание.

Дерево Хеммен в сердце Эрненского леса длиной и шириной в сто миль было старым и росло долго. У него было сто ветвей, и на каждой ветви по тысяче прутьев, а на каждом прутике по сто листьев. И дерево сказало:

— Все мои листья видны, кроме одного, который скрывается в тени других. И этот лист я храню втайне. Кто увидит его во тьме моих листьев? Кто сочтет их число?

Меше, проходя по Эрненскому лесу в своих скитаниях, сорвал с дерева этот лист.

Осенью идут дожди, и шли, и будут идти.

Меше видит каждую каплю, которая падала, падает и будет падать.

Отвечая на вопрос лорда Шорта в момент Прозрения, Меше увидел все небо, как будто это было одно солнце. Над землей и под землей все было ярко, как солнечная поверхность, и не было тьмы. Он увидел то, что есть, и то, что было, и то, что будет.

Улетающие звезды, которые забирают с собой свой свет, все, были в его глазах и весь их свет сиял в один момент (Жанндара).

Тьма была лишь в глазах смертных¹

Они думают, что видят ее, хотя на самом деле не видят ничего. Во взоре Меше тьмы нет.

Поэтому те, кто призывает тьму, глупцы, они выплюнули изо рта Меше, потому что они называют Истоком и Концом то, чего не существует.

Нет ни источника, ни конца, потому что все находится в центре времени. Звезды могут отразиться в круглой дождевой капле, падающей в ночи, так же, как и капля отражает все звезды. Нет ни тьмы, ни смерти, все существует в момент прозрения, и начало и конец всего — одно и то же.

Один центр, одно прозрение, один закон и один свет. Смотрите в глаза Меше!

¹ Это мистическое выражение одной из теорий, объясняющей гипотезу расширяющейся вселенной, впервые предложенной математической школой Сита свыше четырех тысяч лет тому назад и принятое всеми позднейшими космогонистами, хотя метеорологические условия на Гетене не способствуют сбору наблюдательных данных по астрономии. Темп разбегания может быть определен по наблюдению звезд на ночном небе. Дело в том, что если бы вселенная не расширялась, ночное небо не было бы темным.

13. НА ФЕРМУ

Встревоженный неожиданным появлением Эстравена, его знакомством с моими делами и яростной энергией его предупреждения, я нанял такси и отправился прямо к острову Оболе, собираясь спросить сотрапезника, откуда Эстравен знает так много, почему он внезапно выскочил откуда-то и советует сделать мне именно то, чего не советует Оболе. Сотрапезник отсутствовал, привратник не знал, где он и когда вернется. Я пошел к дому Еджея, но результат оказался не лучше. Шел густой снег. Мой шофер отказался везти меня дальше, чем до дома Шусгиса, так как у него не было подходящих для такого снега шин. Вечером мне не удалось связаться с Оболе, Еджеем или Слосе по телефону.

За обедом Шусгис объяснил, что идет йомештский праздник — Торжество Святых и Держателей Трона — и все высшие сановники Сотрапезничества должны находиться в храмах.

Он также проникательно объяснил поведение Эстравена: человек, когда-то находившийся у власти, теперь цепляется за всякую возможность управлять событиями, цепляется все более отчаянно и безнадежно по мере того, как проходит время и он все более погружается в безвестность. Я согласился, что это объясняет беспокойное, почти истерическое поведение Эстравена. Однако его волнение заразило и меня. Весь долгий обед я чувствовал нарастающую тревогу.

Шусгис беседовал со мной, с многочисленными помощниками и подчиненными, сидевшими за столом. Я никогда не думал, что он так безжалостно разговорчив. Когда обед кончился, было уже слишком поздно, чтобы выходить, во всяком случае все сотрапезники были заняты, как сказал Шусгис, и должны были освободиться не раньше полуночи. Я решил не ужинать и рано отправился спать. Где-то между полуночью и рассветом меня разбудили незнакомцы, сообщившие, что я арестован. Вооруженные охранники доставили меня в тюрьму Кундершаден.

Кундершаден одно из самых древних зданий в Мишпори. Я часто видел его, когда ходил гулять по городу. Это был длинный, угрюмый, зловещий дом со множеством башен, стоявший особняком среди бледных корпусов сотрапезнических зданий.

Охранники, приземистые и крепкие, провели меня по коридорам и оставили в маленькой комнате, ярко освещенной и очень грязной. Через несколько минут прибыла еще одна группа охранников, как эскорт человека с худым лицом и властным выражением. Он отпустил всех, кроме двоих. Я спросил его, можно ли мне связаться с сотрапезником Оболе.

— Сотрапезник знает о вашем аресте.

Я глупо повторил:

— Знает о нем?

— Мои начальники действуют, конечно, по приказу Тридцати Трех. Вы подвергнетесь допросу.

Охранники взяли меня за руки. Я сопротивлялся, гневно говоря:

— Я и так могу отвечать на ваши вопросы, оставьте ваши запугивания!

Тонколицый человек не обратил внимания на мои слова, только позвал других охранников.

Вошли еще трое. Меня привязали к столбу, раздели и ввели какое-то вещество, вероятно, заставляющее говорить правду.

Я не знаю, долго ли продолжался допрос и о чем меня допрашивали, потому что все время находился под действием наркотиков и ничего не помню. Придя в себя, я мог догадаться, сколько времени меня продержали в Кундершадене — четыре или пять дней — судя по физическому состоянию. Но я не был уверен в этом, я не знал, какой сегодня день и какой месяц, и очень медленно начинал воспринимать окружающее.

Я находился в грузовике, очень похожем на тот, что вез меня через Кархид в Рер, но на этот раз не в кабине, а в фургоне. Со мной было двадцать или тридцать человек — сколько именно, сказать трудно, поскольку в фургоне не было окон, и свет пробивался только в узкую щель в двери, забранной толстой стальной решеткой. Должно быть, мы уже ехали некоторое время, когда я пришел в себя. У каждого было свое место, а запах экскрементов, рвоты и пота достиг высшей концентрации и больше не увеличивался и не уменьшался. Никто не знал остальных, никто не знал, куда нас везут, никто не разговаривал. Вторично я был заперт в темноте с потерявшими надежду жителями Оргорейна.

В первую ночь моего пребывания в этой стране я получил предупреждение, но игнорировал его.

Я чувствовал, что грузовик движется на восток, и не мог избавиться от этого ощущения, даже когда стало ясно, что он движется на запад, все дальше углубляясь в Оргорейн. Ощущение направления и влияния магнитных полей сказывается по-разному на разных планетах, и когда разум не может компенсировать это различие, появляется впечатление, будто все буквально перевернулось.

Один из запертых в фургоне умер ночью.

Его избили дубинками или били ногами в живот, и у него шла кровь изо рта и ушей.

Никто ничего для него не сделал, да и делать было нечего. За несколько часов до этого к нам просунули пластиковый кувшин для питья. Но кувшин этот давно был пуст. Умиравший оказался моим соседом справа, и я положил его голову к себе на колени, чтобы ему было легче дышать. Так он и умер.

Все мы были обнажены, и мои руки, и ноги, и бедра покрылись кровью.

Становилось холоднее, и мы жались друг к другу, чтобы согреться. Поскольку труп не давал тепла, его отташили в сторону.

Всю ночь мы теснились, раскачиваясь вместе, когда грузовик подсакивал на неровностях дороги. За нами не было других грузовиков. Даже прижавшись лицом к решетке, ничего нельзя было разглядеть, кроме тьмы и смутного ощущения падающего снега.

Падающий снег, вновь выпавший снег, давно выпавший снег, снег после дождя, снег, охваченный морозом. В орготском и кархидском языках были особые слова для каждого вида снега. В кархидском — я знал его лучше орготского — можно насчитать шестьдесят два различных слова, обозначающих снег. Имеется много слов для обозначения различного вида льда, свыше двадцати обозначений разных типов осадков. Я сидел, стараясь мысленно составлять списки этих слов. Каждый раз, вспоминая новое слово, я пересматривал записи и вставлял его на нужное по алфавиту место.

Прошло немало времени после рассвета, когда грузовик остановился. Заключенные закричали в щель, чтобы из фургона убрали труп. Мы били кулаками в дверь, в стены, превратив внутренность стального ящика в такой гремющий ад, что сами не могли выдержать. Никто не пришел. Грузовик простоял несколько часов. Наконец снаружи послышались голоса, грузовик дернулся, скользя по обледенелым камням дороги и двинулся дальше. Через щель в двери можно было рассмотреть солнечное утро и лесистые холмы вдоль дороги.

Грузовик шел еще два дня и три ночи — всего четыре со времени моего пробуждения.

Он не задерживался у инспекторских постов, мне кажется, ни разу не проезжал через города или поселки. Путь его был окольным. Он останавливался, чтобы сменить батареи, менялись шоферы. Были и более долгие остановки, причину которых изнутри фургона установить было невозможно. Два дня грузовик двигался при свете, а потом передвигался только ночью.

Однажды через отверстие в большой двери просунули кувшин с водой.

Вместе с мертвецом нас было двадцать шесть, два раза по тринадцать. Гетенианцы часто считают по тринадцать, двадцать шесть и пятьдесят два. Несомненно, из-за двадцатishестидневного лунного цикла, составляющего неизменный месяц и приблизительно соответствующего их половому циклу. Труп был отброшен к самой решетке, которая образовывала заднюю стену нашего ящика.

Остальные сидели или лежали каждый на своем месте, на своей территории, в своем домейне до ночи, когда становилось холодно. Тогда мы постепенно сближались, образуя единую группу, в середине ее было тепло, а по краям холодно.

Доброта. Я и некоторые другие — старик, человек со зловещим кашлем — хуже всех сопротивлялись холоду, и каждую ночь мы оказывались в центре группы, где было теплее.

Мы не дрались за теплые места, мы просто оказывались в них каждую ночь.

Ужасно, что человек не теряет теплоту. Мы были обнажены во тьме и холоде, и нам нечего было дать друг другу, кроме доброты.

Несмотря на скученность и на то, что по ночам мы жались друг к другу, мы в грузовике не сходились, не сближались друг с другом. Некоторые были одурманены наркотиками, другие были явно умственно дефективными, все были оскорблены и испуганы, но может показаться странным, что среди двадцати пяти человек никто не разговаривал, даже не ругался. Доброта и терпимость, но все в молчании, всегда в молчании. Стиснутые в зловонной тьме, мы постоянно сталкивались друг с другом, падали друг на друга, наше дыхание смешивалось. Я так и не узнал, как зовут моих спутников. Мы оставались чужими друг другу.

Однажды, мне кажется, это было на третий день, когда грузовик надолго остановился и я подумал, что нас бросили в холодной пустыне, один из них заговорил со мной. Он рассказал мне длинную историю о фабрике в Южном Оргорейне, где он работал, и как он поссорился с надсмотрщиком. Он говорил мягким, тусклым голосом и держал меня за руку, как бы желая привлечь внимание. Светило солнце, и мы стояли на обочине дороги, и один солнечный луч неожиданно пробился в щель, стало светло.

Я увидел девушку, грязную, хорошенькую, глупую и усталую девушку, глядевшую мне в лицо, робко улыбаясь в поисках утешения. Юный орготец находился в кеммере, и его тянуло ко мне. Я встал и подошел к двери, как бы для того, чтобы глотнуть свежего воздуха. Я долго не возвращался на свое место.

Всю ночь грузовик спускался по пологим террасам. Время от времени он неожиданно останавливался. На каждой остановке вокруг стального ящика воцарялась морозная нерушимая тишина обширной пустыни, тишина гор. Находившийся в кеммере по-прежнему пытался коснуться меня. Я встал и долго стоял, прижавшись лицом к щели, вдыхая чистый воздух, который как бритва резал мне горло и легкие. Руки мои, прижатые к решетке, онемели. Я понял, что скоро они будут обморожены. Дыхание мое образовало ледяной мостик между губами и решеткой. Прежде чем обернуться, я должен был сломать этот мостик пальцами.

Втиснувшись среди остальных, я трясся от холода. Ничего подобного я не испытывал раньше, прыгающие спазмы, похожие на конвульсию лихорадки. Грузовик снова двинулся. Шум и движение давали иллюзию тепла, нарушая полное ледяное молчание, но я все же слишком замерз, чтобы спать этой ночью.

Мне кажется, что большую часть этой ночи мы провели на большой высоте, но точно сказать трудно: дыхание, пульс и энергический уровень слишком относительные показатели и зависят от обстоятельств.

Как я узнал позже, этой ночью мы пересекали Сембенспенс на высоте в девять тысяч футов.

Голод не очень мучил меня. Последняя еда, которую я помнил, — это длинный тяжелый обед в доме Шусгиса. Должно быть, в Кудершадене меня кормили, но мое сознание не сохранило воспоминания об этом.

Еда, казалось, не была частью существования в этом стальном ящике, и я не часто думал о ней. С другой стороны, жажда была одним из постоянных условий этой жизни. Раз в день, во время остановки, открывали дверцу в задней стене, один из нас просовывал пластиковый кувшин, который скоро возвращался полным воды. Не было возможности разделить эту воду на всех.

Кувшин передавали друг другу, и каждый успевал сделать три-четыре глотка, хороших глотка. Никто не распределял и не охранял воду, никто не следил, чтобы оставили воду для кашляющего, хотя тот горел в лихорадке. Я предложил дать ему воду, окружающие кивнули, но ничего не было сделано. Вода делилась более или менее поровну. Никто не пытался получить больше других. Кончалась она через несколько минут. Однажды трое, сидевшие у стены фургона, не получили ничего. Кувшин пришел к ним пустым. На следующий день двое из них потребовали, чтобы они были первыми в очереди. Так и было. Третий неподвижно лежал в углу, и никто не позаботился, чтобы ему досталась его доля.

Почему не позаботился я? Не знаю.

Это был четвертый день в грузовике.

Я чувствовал жажду остальных, как и свою, но не способен был как-то уменьшить страдания и принимал их, как и все остальные, терпеливо.

Я знаю, что люди ведут себя по-разному в одинаковых обстоятельствах. Это были орготы, с детства их учили послушанию, повиновению приказам сверху. Независимость и решительность ослабили в них.

Они не сердились. Ночью они объединялись, и я с ними. Это было убежищем и утешением — чувствовать себя частью единого целого, черпать жизнь у других, отдавая им свою.

Но это целое было молчаливо, пассивно.

Может быть, люди с сильной волей вели бы себя по-иному, больше разговаривали бы и более справедливо делили воду, заботились бы о больных и сохраняли храбрость.

Не знаю. Знаю только, как это было в грузовике.

На пятое утро того дня, как я очнулся, если только мой счет правилен, грузовик остановился. Мы слышали голоса снаружи.

Стальная дверь широко раскрылась. Один за другим пробирались мы к выходу из стального ящика, кое-кто на четвереньках, прыгивали или сваливались на землю.

Вышло двадцать четыре человека. Двух мертвых — первого умершего и второго, который не пил два дня, — вытащили наружу.

Снаружи было холодно, так холодно и ярко от сияния дневного света на белом снегу, что выйти из зловонного убежища оказалось трудно, и некоторые из нас заплакали. Мы стояли, сбившись в кучу, у большого грузовика, все обнаженные и грязные. Нас построили в линию и повели к зданию в нескольких сотнях ярдов от нас. Металлические стены, покрытые снегом крыши зданий, снежная равнина вокруг, огромные горы под восходящим солнцем, обширное небо — все, казалось, дрожало и раскалывалось от излишка снега и света.

Мы по очереди вымылись в большом корыте в клепаной постройке. Каждый начинал с того, что пил эту воду. После этого нас отвели в главное здание, где выдали белье и серую одежду. Охранник проверил нас по списку, после чего мы прошли в большое помещение и вместе с несколькими сотнями других людей в сером сели за прикрепленные к полу столы и поели. После этого все — и новые заключенные, и старые — были разделены на группы по двенадцать человек. Мой отряд двинулся к лесопилке, находившейся внутри ограды в нескольких сотнях ярдов за главным зданием. За оградой начинались лесистые холмы, тянувшиеся до самого горизонта.

Под командой охранника мы таскали доски с лесопилки и складывали их в большой сарай.

После нескольких дней в грузовике это было нелегко: ходить, нагибаться и поднимать тяжести. Нам не позволяли бездельничать, но и не очень подгоняли. В середине дня раздали по чашке перебродившего черного напитка, а перед заходом отвели обратно в барак, где нам дали обед: овощную похлебку и пиво. На ночь нас закрыли в спальном помещении, где всю ночь горел яркий свет. Мы спали на двухъярусных нарах вдоль стен, там было теплее.

Каждый взял себе спальный мешок из груды, лежавшей у дверей. Мешки были тяжелые, грязные, пропитанные потом, но хорошо изолированные и теплые. Однако мне они были коротки. Среднего роста геттенианец может легко укрыться в них с головой, но я не мог. Я даже не мог вытянуться в полный рост на нарах.

Это место называлось Пулафенская Сотрапезническая третья добровольная ферма и агентство по переселению. Пулафен, тридцатый район, расположен на крайнем северо-западе обитаемой зоны Оргорейна и ограничен Сембенспенскими горами, рекой Исагель и побережьем. Область слабо заселена и больших городов здесь нет.

Ближайший к нам поселок назывался Туруф и находился в нескольких милях к юго-западу. Я никогда не видел его. Ферма была расположена на краю огромного ненаселенного района Тарреппет, района лесов.

Так далеко на севере не росли большие деревья: хеммен, серен или черный войс, поэтому лес состоял только из искривленных хвойных деревьев с серыми иглами, называющимися торе. На Зиме количество видов растений и животных очень невелико, зато каждый вид очень многочислен. Этот лес, покрывающий тысячи квадратных миль, состоял только из деревьев торе. Даже в такой дикой местности за лесом ухаживали. В нем не было выгоревших мест, вырубленных полян или обезлесенных оврагов. Было подсчитано каждое дерево, и даже опилки с нашей лесопилки использовались. На ферме была небольшая фабрика, и когда погода не позволяла отправляться в лес, мы работали там, используя для различных целей щепки, опилки и кору, приготовляя из хвой смолу, которая шла на производство пластмасс.

Мы не переутруждали себя. Если бы давали немного больше еды и хорошую одежду, работа была бы даже приятной, но большую часть времени мы слишком мерзли и были голодны, чтобы чувствовать удовольствие. Охранники никогда не были жестоки. Они были флегматичны и тяжеловаты и, на мой взгляд, женственны, но не в смысле утонченности, а наоборот — в смысле тяжеловесности и мясистости. Среди товарищей по заключению, как и вообще в первое время на Зиме, я чувствовал себя единственным мужчиной среди женщин-евнухов. И заключенные отличались той же медлительностью и неотделанностью.

Их трудно было отличить друг от друга, эмоциональный тонус у них всегда был низок, разговоры банальны. Вначале я относил эту безжизненность за счет голода и холода, но скоро понял, что это результат применения наркотиков, которые предохраняют их от вступления в кеммер.

Я знал, что существует средство, которое может значительно ослабить или совершенно уничтожить активную фазу гетенианского сексуального цикла. Его используют, когда обычаи, мораль или медицина требуют воздержания. Один или несколько периодов кеммера могут быть пропущены без всяких последствий. Использование этого средства широко распространено. Но мне не приходило в голову, что его могут применять принудительно.

Для этого были причины. Гетениане в кеммере — это разрушительный элемент в работе всего отряда. Если освободить его от работы, что он будет делать, особенно если в тот момент никто больше не находится в кеммере? А это вполне возможно, так как нас было всего сто пятьдесят.

Провести кеммер без партнера гетенианцу очень трудно. Лучше устранить это состояние и совсем обходиться без него. Так они и поступали.

Заключенные, находившиеся на ферме в течение нескольких лет, психологически и, как мне кажется, до некоторой степени физически адаптировались к химической кастрации. Они были бесполой, как волы.

Подобно ангелам, они не знали ни стыда, ни желаний. Но человеку несвойственно жить без стыда и желаний.

Будучи строго ограниченными и определенными по природе, половые стремления гетенианцев почти не подвержены общественному влиянию. Здесь меньше угнетения секса, запретов, связанных с ним, чем где-либо в бисексуальном обществе. Воздержание исключительно добровольное. Терпимость распространена повсеместно. Сексуальный страх, сексуальные расстройства встречаются крайне редко. На ферме я впервые встретился с вмешательством общества в вопросы пола, и это вмешательство порождало не извращения, а нечто более злое — пассивность.

На Зиме нет общественных насекомых.

Гетенианец не делит свою планету, как земляне Землю, с бесчисленными сообществами маленьких бесполой работников, обладающих лишь инстинктом повиновения группе, целому. Если бы на Зиме существовали муравьи, гетенианцы, возможно, занимались бы тем, чтобы копировать их жизнь. Режим добровольных ферм появился лишь недавно и ограничен пределами одной страны. В остальных частях планеты он совершенно

неизвестен. Но это зловещий указатель того направления, в котором пошло общество, такое уязвимое с точки зрения контроля секса.

Как я сказал, на Пулафенской ферме кормили плохо, а одежда, особенно обувь, совершенно не соответствовала зимним условиям. Охранники, в большинстве своем заключенные с испытательным сроком, находились не в лучших условиях. Впрочем, ферма преследовала карательные, а не уничтожительные цели, и я думаю, что режим ее можно было вынести, если бы не наркотики и осмотры.

Большинство заключенных проходило осмотры группами по десять или двенадцать человек. Они просто повторяли нечто вроде исповеди или катехизиса, получали порции антикеммера и освобождались от работы.

Остальные — политические заключенные — каждые пять дней должны были подвергаться допросу с применением наркотиков.

Не знаю, какие наркотики они использовали. Не знаю, с какой целью проводились допросы. Не представляю, какие вопросы задавали мне. Я пришел в себя спустя несколько часов на нарах среди шести или семи заключенных, некоторые уже пришли в себя, другие еще находились под действием наркотиков. Когда все встали, то охранники повели нас на работу, но после третьего или четвертого допроса я уже не мог встать. Мне позволили лежать, лишь на следующий день я отправился на работу со своим отрядом, хотя чувствовал себя очень слабым. После следующего допроса я был беспомощен, и бессилие мое длилось уже два дня. Очевидно, антикеммер, как лечебное средство, оказался очень токсичным для моего негетерогенного организма и эффект его был кумулятивным.

Я помню, что решил упрашивать инспектора на следующем допросе. Я хотел начать с обещания правдиво отвечать на все вопросы без наркотика. Потом я скажу ему:

— Разве вы не видите, как бесполезно требовать ответа на неверно поставленные вопросы?

И тут вдруг инспектор превратился в Фейкса с золотой цепью Предсказателя на шее, и я долго беседовал с Фейксом, следя за поступлением кислоты в чан с древесиной. Конечно, когда я явился в маленькую комнатку, где нас осматривали, помощник инспектора без разговоров вкатил мне дозу наркотика, и все, что я помню из следующего, это молодой оргот с усталым лицом и грязными ногтями, уныло повторяющий:

— Вы должны отвечать на мои вопросы по-орготски и не использовать другие языки. Говорите только по-орготски.

На ферме не было больницы. Заключенные работали или умирали. Но на практике появлялось снисхождение — промежуток времени между работой и смертью, которому не препятствовали охранники. Как я говорил, они не были жестоки, но не были и добры.

Они были неряшливыми и ни о чем особенно не заботились, лишь бы не иметь неприятностей.

Меня и еще одного заключенного, как бы по недосмотру, оставили на нарах, когда стало ясно, что мы не можем встать. Я был совершенно

болен после очередного осмотра, а другой, средних лет гетенианец с какой-то болезнью печени, умирал.

Поскольку он умер не сразу, ему позволили лежать на нарах.

Я помню его более ясно, чем все остальное на Пулафенской ферме. Физически он был типичным гетенианцем с Великого Континента, плотного сложения, коротконогий и короткорукий, с солидной жировой прослойкой, сообщавшей его телу женскую гладкость и округлость. У него были маленькие руки и ноги, широкие бедра и большие груди, значительно более развитые, чем у мужчин моей расы. Кожа у него была смуглая, волосы черные и похожие на шерсть, лицо широкое и плоское, с мелкими чертами, с выдающимися скулами.

Он очень походил на представителя некоторых изолированных групп, живущих на высокогорье и в арктических районах Земли. Звали его Аора. Он был плотником.

Мы разговорились.

Аора боялся смерти и хотел отвлечься от мысли о ней.

У нас не было ничего общего, кроме близости смерти, но об этом мы не хотели говорить, поэтому большую часть времени мы не очень хорошо понимали друг друга.

Я, как более молодой и менее доверчивый, хотел бы больше понимания и объяснений, но объяснений не было. Мы просто разговаривали.

По ночам бараки были сверкающими, переполненными и шумными. Днем свет выключали, и большое помещение становилось пустым и тихим. Мы лежали рядом на нарах и негромко беседовали. Аора предпочитал длинные разговоры о днях своей молодости на сотрапезнической ферме в долине Кундерер, широкой плодородной равнине, через которую я проезжал на пути в Мишпори. Он говорил на диалекте, и многие слова я не понимал, так что обычно улавливал лишь общий ход его мыслей. Когда нам становилось легче, а это было к полудню, я обычно просил рассказать его миф или сказку. Большинство гетенианцев хорошо знают свой фольклор. Их литература, хотя и существует в письменной форме, опирается на живую устную традицию. В этом смысле все они имеют отношение к литературе. Аора знал сказание о Меше, сказку о Персиде — часть большого эпоса.

Кроме того, он рассказывал мне отрывки из местного фольклора, запомнившиеся ему с детства, а когда уставал, просил, чтобы рассказывал я.

— Что рассказывают в Кархиде? — спрашивал он, растирая мучительные болевшие ноги и поворачивая ко мне лицо с терпеливой улыбкой.

Однажды я сказал:

— Я знаю рассказ о людях, живущих в другом мире.

— Что это за мир?

— Он похож на этот, но вращается вокруг другого солнца. Его солнце — это звезда, которую вы называете Селсми.

— Это учение Санови о других мирах. Когда я был маленький, в наш очаг приходил сановийский жрец и рассказывал мальчишкам о том, куда

уходят после смерти жрецы, а куда — лжецы, самоубийцы и воры. Мы с вами тоже уйдем в это место?

— Нет, я говорю не о мире привидений. Это существующий мир. Там живут настоящие люди, такие же, как здесь. Но они очень давно научились летать.

Аора улынулся.

— Они не машут руками, — продолжал я, — а летают на машинах, похожих на экипажи.

По-орготски трудно это объяснить, так как на этом языке нет слова «летать», ближе всего подходит слово «скользить».

— Они научились делать машины, которые скользят по воздуху, как сани по снегу. А потом они научились передвигаться все быстрее и быстрее, пока не научились нестись, как камень из пращи над землей, над облаками к другому солнцу. И в других мирах они тоже находили людей.

— Скользящих по воздуху?

— Иногда да, иногда нет. Когда же они появились в нашем мире, мы уже знали, как подниматься в воздух, но не научились перелетать с одного мира на другой.

Аора был удивлен включением рассказа в сюжет сказки. Я бредил и уже не следил за ходом рассказа.

— Продолжай, — сказал он, стараясь понять. — А что еще они умеют делать?

— О, они многое умеют. Но они все время находятся в кеммере.

Он захихикал. Конечно, скрыть что-нибудь в таких условиях невозможно, и я неизбежно получил среди заключенных и охранников прозвище «извращенец». Но там, где нет стыда и желаний, даже ненормальных, значение этого прозвища во многом выветривается. Я думал, Аора не сопоставил рассказ с моими особенностями. Немного посмеявшись, он сказал:

— Все время в кеммере. Это вместо вознаграждения или наказания?

— Не знаю, Аора. А этот мир?

— Ни то, ни другое, малыш. Это просто мир. Ты родился в нем, и все здесь, как и должно быть.

— Я не родился в нем. Я приехал в него. Я его выбрал.

Наступило молчание. Лишь изредка доносился звук пилы.

Аора что-то бормотал, вздыхая, растирая ноги. Изредка он начинал стонать.

— Никто из нас его не выбирал, — наконец сказал он.

Через один или два дня он потерял сознание и вскоре умер. Не знаю, за что он попал на добровольную ферму: за преступление, послушание начальства или какую-то неправильность в документах? Знаю только, что он пробыл на Пулафенской ферме меньше года.

На следующий день после смерти Аоры меня вызвали на осмотр. На этот раз меня уже несли туда, и больше я ничего не помню.

14. БЕГСТВО

Когда Оболе и Еджей одновременно покинули город, а привратник Слосе отказался впустить меня, я понял, что настало время обращаться к врагам, потому что друзья ничего хорошего не приносят.

Я шантажировал Шусгиса. Поскольку у меня не было денег, чтобы подкупить его, пришлось рискнуть репутацией.

Среди всех вероломных поступков главное — предательство. Я заявил Шусгису, что являюсь в Оргорейне агентом кархидской фракции благородных, которые планировали убийство Тайба. Он должен был служить для меня связью с Сарфом. Если он отказался или еще откажется мне давать информацию, я вынужден буду сообщить своим друзьям в Эрхенранге, что он двойной агент, служащий в то же время фракции открытой торговли. Это известие, конечно, дойдет до Мишпори и Сарфа. Проклятый дурак поверил мне. И тут же рассказал все, что было нужно. Он даже спросил, доволен ли я.

Мне не грозила немедленная опасность среди моих друзей — Оболе, Еджей и других. Они купили свою безопасность, принеся в жертву посланника. До моего посещения Шусгиса никто из сторонников Сарфа, кроме Гуама, по счастью, не считал меня достойным внимания, но теперь они скоро пойдут по моим следам. Я должен закончить свои дела и скрыться. Не имея возможности послать сообщение кому-нибудь в Кархиде, так как почта просматривается, а радио и телефон прослушиваются, я отправился в королевское посольство. Послом был Сарден рем ир Ченевич, которого я хорошо знал при дворе. Он согласился немедленно отправить письмо Аргавену с сообщением о том, что произошло с посланником и где он находится в заключении. Ченевич был умный и честный человек, я верил, что сообщение достигнет короля, но как поступит Аргавен, предсказать было невозможно. Я хотел, чтобы Аргавен получил эту информацию до того, как звездный корабль Ая неожиданно упадет из-за облаков, потому что у меня тогда еще сохранялась надежда, что он послал сигнал на корабль до ареста.

Теперь я находился под угрозой, а если кто-нибудь видел, как я входил в посольство, значит, в крайней опасности.

Прямо из посольства я отправился к месту отправки караванов на этой стороне и еще до полудня в тот же день Одстрет Саоми покинул Мишпори, как и пришел в него, грузчиком каравана. Со мной было старое разрешение, немного измененное, чтобы соответствовать новой работе. Подделка документов в Оргорейне дело опасное: пятьдесят два раза в день их проверяют инспекторы, но из-за опасности она не становится более редкой, и один из моих знакомых на Рыбачьем Острове показал мне кое-какие приемы. Пришлось принять вымышленное имя.

Это уязвляло мою гордость, но больше ничто не могло спасти меня и позволить через весь Оргорейн добраться до Западного моря.

Пока караван грохотал по мосту через Кундерер, выбираясь из Мишпори, мысли мои устремлялись на запад. Кончалась осень, а я должен добраться до цели раньше, чем закроются дороги быстрого движения и пока еще есть надежда на благополучный исход.

Я видел добровольную ферму в Коматоме, когда входил в администрацию Синота и разговаривал с бывшими заключенными. Увиденное и услышанное заставляло меня тревожиться. Посланник, такой уязвимый для холода, что даже в теплую погоду носил пальто, не переживет зиму в Пулафене. Необходимость заставляла меня спешить, но караван двигался медленно, тащился от города к городу, разгружался и нагружался, так что мне потребовалось полмесяца, чтобы добраться до Этвена в устье реки Исагель.

В Этвене мне повезло. Один человек в доме для приезжих рассказал мне об охотниках за мехами, которые бродят вниз и вверх по реке на санях, охотятся в терапевтском лесу и добираются до самого Льда. Я тут же составил свой план.

Мне знакома охота на пестри. Эти животные живут поблизости от ледников, и я охотился на них в земле Керм, когда был молод.

Почему бы не повторить то же в лесах Путоре вблизи Пулафена?

Здесь, далеко на северо-западе Оргорейна, люди могут приходить и уходить по своей воле, потому что не хватает инспекторов. Кое-какие остатки прежних свобод сохранились тут, несмотря на Новую эпоху.

Этвен — серый рабочий порт, построенный на серых скалах залива Исагель.

Влажные морские ветры дуют на его улицах. Население его — угрюмые моряки.

Я с благодарностью вспоминаю об Этвене, где мне повезло.

Я купил лыжи, снегоступы, капканы и провизию и получил разрешение для охоты. Затем подготовил другие необходимые документы и вышел пешком вверх по Исагель в отряде охотников под предводительством старика по имени Мавриза. Река еще не замерзла, и по дороге движение еще шло на колесах, так как дождь бывал чаще, чем снег в этот последний месяц года.

Большинство охотников ждало, пока установится зима, они старались отправиться вверх по Исагель на ледовых санях, но Мавриза хотел пораньше забраться на север и захватить пестрии в самом начале их миграции, когда они спускаются в леса. Мавриза хорошо знал Хитерленд и северный Сембенспенс с Огненными Холмами, и в эти дни, идя вверх по реке, я многое от него узнал. Впоследствии это спасло мне жизнь.

В поселке Туруф я отстал от отряда, разыграв болезнь. Отряд ушел на север, а я в одиночку двинулся на северо-восток в предгорья Сембенспена. Здесь я провел несколько дней, изучая местность, запрятав все свое снаряжение в укромной долине в двенадцати-тринадцати милях от Туруфа.

Затем я вернулся в поселок, вошел в него с юга и направился в дом для приезжих. Как будто готовясь к охоте, я купил лыжи, снегоступы, провизию, меховой спальный мешок, зимнюю одежду — все заново, купил также и печь Чейба, пластиковую палатку и легкие сани, на которые погрузил все имущество.

Теперь оставалось только ждать, пока снег не сменит дождь и грязь не замерзнет. Но ждать пришлось недолго. Прошло больше месяца с тех пор, как я вышел из Мишпори.

В Архад Терем установилась зима, пошел сильный снег.

Вскоре после полудня я миновал электрическую ограду Пулафенской фермы, и снег сразу скрыл мои следы. Спрятав сани в овраге к востоку от фермы, я нес только мешок на спине и шел к ферме по дороге.

Я открыто подошел к передним воротам и предъявил документы, подделанные в Туруфе. В них говорилось, что я, Терет Барт, освобожденный под честное слово преступник, на два года назначенный в охрану Пулафенской сотрапезнической третьей добровольной фермы. Внимательный инспектор заподозрил бы подделку, но здесь не было внимательных инспекторов.

Войти в тюрьму очень легко, а вот насчет выхода я не был так уверен.

Дежурный начальник охраны выругал меня за то, что я прибыл на день позже срока, указанного в документах, и отправил в бараки. Обед кончился, и, к счастью, было уже слишком поздно получать мундир и сдавать мою хорошую одежду. Пистолет мне не дали, но я раздобыл его на кухне, куда пошел поесть. Пистолет повара висел над жаровней. Я украл его. У него не было смертельного поражения. Вероятно, ни у одного из охранников не было. На ферме охранники не убивают заключенных, а предоставляют убийство холоду, зиме и отчаянию.

На ферме было тридцать или сорок охранников и около ста пятидесяти заключенных.

Большинство из них улеглось спать, хотя был всего лишь четвертый час. Я попросил одного молодого охранника показать мне, где спят заключенные. Я увидел их в ослепительном блеске ламп в большом помещении, и моя надежда на действие в первую же ночь, до того, как я вызову подозрения, почти угасла. Все они лежали в мешках, укрывшись с головой, неразличимые. Все, кроме одного. Этот был слишком длинен. У него было худое лицо, глаза закрыты, волосы спутаны.

Мне продолжало везти. У меня есть лишь одно достоинство: я знаю, когда нужно действовать. Мне казалось, что за последний год в Эрхенранге я утратил этот дар, но теперь я снова почувствовал, что владею им.

Поскольку я продолжал бродить, изображая любопытного тупоумного парня, меня назначили в позднюю смену. К полуночи все, кроме меня и еще одного охранника за дверью, спали. Я продолжал время от времени прохаживаться вдоль нар. Обдумывая план действий, я начал готовиться к вхождению в доте. Перед рассветом я еще раз вошел в спальное помещение и выстрелил из пистолета в Дженли Ая, установив самый слабый

уровень поражения, затем поднял его вместе с мешком и понес на плече в караульную.

— Что случилось? — спросил второй охранник сонным голосом.

— Он мертв.

— Еще один. Клянусь кишками Меше, нас ждет трудная зима.

Он взглянул в лицо посланника.

— А, это извращенец. Клянусь Глазом, я не верил во все эти рассказы о кархидцах, пока не увидел его. Что за урод! Он всю неделю провел на нарах, но я не думал, что он так быстро кончится. Неси его наружу. Не стой здесь, как грузчик с мешком рыбы.

Я пошел в кабинет инспектора. Никто не остановил меня. В кабинете я увидел стенд, контролирующий все ограды и тревожные сигналы. Кнопки не были подписаны, но сами охранники нацарапали рядом с ними обозначения, не доверяя своей памяти. Найдя кнопку с буквой «о», я выключил ток в наружной ограде и вышел, неся Ая на плечах. Проходя мимо караульной, я сделал вид, что с трудом тащу тело. Во мне начала оживать сила дота, и я не хотел, чтобы заметили, с какой легкостью я несу человека, который тяжелее меня самого. Я сказал:

— Мертвый заключенный. Мне велели вынести его из барака. Куда мне его деть?

— Не знаю. Вынеси его отсюда и положи под навесом, чтобы не занесло снегом, иначе он в следующую оттепель выплывет. Идет педетка.

Он хотел сказать, что идет густой влажный снег, и это была для меня лучшая новость.

— Хорошо, — сказал я.

Я вытянул груз наружу. Выйдя, я свернул за угол и исчез из виду. Снова подняв Ая на плечи, я пошел на север. Через несколько сот ярдов я добрался до ограды, перелез через нее и перетащил тело Ая. Затем снова поднял его на плечо и как можно быстрее пошел к реке.

Я не очень удалился от ограды, когда послышалась сирена и вспыхнули прожектора.

Густой снег скрывал меня, но все же его было недостаточно, чтобы за несколько минут начисто замести следы. Но когда я спустился к реке, преследования еще не было. Я двинулся на север по ровной тропе под деревьями. Когда дороги не было, я шел прямо по воде. Речка, торопливый маленький приток Исагея, все еще не замерзла.

Становилось светлее, и я пошел еще быстрее.

В состоянии доте посланник не казался мне тяжелым. Двигаясь вдоль ручья, я добрался до того места, где спрятал свои сани. На них я уложил посланника, наверх сложил груз, так что он совершенно скрылся, а поверх всего набросил полотно палатки. Потом я переоделся и немного поел, потому что меня начал мучить голод, всегда преследующий в долгом доте.

После этого я двинулся на север по лесу. Вскоре меня догнали два лыжника.

Теперь я был одет и снаряжен, как охотник, и сказал им, что догоняю отряд Мавризы, который в последние дни Гренде ушел на север. Они знали Мавризу и, бросив торопливый взгляд на мое снаряжение и разрешение, поверили моему рассказу. Они не думали, что бежавший направился к северу, потому что севернее Пулафена ничего нет, кроме леса и льда. Вообще они, видимо, были не очень заинтересованы в поимке бежавшего. Зачем им это? Они прошли дальше и час спустя снова встретились со мной, возвращаясь на ферму. Один из них был тем самым парнем, с которым я дежурил ночью.

Полночи мое лицо было у него перед глазами, и все же он меня не узнал.

Когда они ушли, я свернул с дороги и целый день шел по лесу, широким полукругом возвращаясь к ферме. Наконец с востока, из дикой местности, я пришел к скрытой долине под Туруфом, где прятал свое снаряжение. Идти по пересеченной местности, таща за собой груз, было нелегко, но снег лег толстым слоем и подмерз, а я находился в доте. Мне нужно было поддерживать это состояние. Если бы я из него вышел, я ни на что бы не годился. Раньше я никогда не впадал в доте больше чем на час, но знал, что старые люди могли выдерживать доте сутки и даже больше, а необходимость вместе с тренировкой помогла мне. В доте не особенно заботишься о себе, но я беспокоился о посланнике, который давно уже должен был очнуться от легкой дозы ультраизлучения.

Он не шевелился, а у меня не было времени ухаживать за ним. Неужели организм его настолько чужд, что доза, которая у нас вызывает лишь кратковременный паралич, для него смертельна? Когда руками поворачиваешь колесо, следи за своими руками. Я дважды назвал его мертвым и нес, как мертвеца. Мне пришла в голову мысль, что он на самом деле уже мертв, что я тащу по лесу труп и что моя удача и его жизнь кончились. При этой мысли я покрывался потом и дрожал, а сила доте, казалось, вытекала из меня, как вода из разбитого кувшина, но я продолжал идти и силы не изменили мне, пока я не достиг долины в предгорьях, не разбил палатку и не сделал все, что можно, для Ая. Я открыл ящик с кубиками высококалорийной пищи, большую часть их я проглотил, но из нескольких приготовил для него похлебку, потому что он выглядел как умирающий от голода. На его груди и руках были язвы, от постоянного трения о грязный мешок они воспалились. После того, как я очистил эти язвы и уложил его в тепло, больше ничего нельзя было сделать. Наступила ночь, и меня поглотила великая тьма. Это была плата за крайнее напряжение сил.

Я должен был доверить и себя, и его тьме.

Мы спали, шел снег. Все время моего сна шел снег, не метель, а первый настоящий зимний снегопад. Когда я наконец встал и заставил себя выглядеть, палатка оказалась наполовину погребенной под снегом. На снегу лежали голубые нитки солнечного света. Далеко на востоке в небо поднимался серый столб дыма — это был Уденуштреке, ближайший к нам из Огненных Холмов. Вокруг лежали горы, холмы, склоны, овраги, все в снегу.

Я все еще находился в периоде восстановления. Я был еще слаб и хотел спать, но, вставая время от времени, я давал Аю глоток похлебки. Вечером, на второй день, он начал проявлять признаки жизни, но сознание еще не вернулось к нему. Он садился и начинал с ужасом кричать. Когда я наклонялся к нему, он пытался убежать, а так как для этого требовалось слишком много сил, он терял сознание. Ночью он много говорил, но я не понимал языка.

Странно было в тишине дикого леса слышать, как он произносит слова другого мира.

Следующий день был очень тяжелый. Он, по-видимому, принимал меня за охранника и боялся, что я дам ему какой-то наркотик. На орготском и кархидском языках он просил меня не делать этого и с силой отчаяния отбивался. Это происходило снова и снова, и, поскольку я еще находился в периоде танген, я не мог справиться с ним. И в тот день я подумал, что он не только испытал действие наркотиков, но и лишился рассудка. Тогда я пожалел, что он не умер на саях в лесу торе, что я выбрался из Мишпори, а не был сослан на какую-нибудь ферму.

Когда я проснулся в следующий раз, он смотрел на меня.

— Эстравен, — произнес он слабым, изумленным шепотом.

Сердце мое ожгло. Я смог успокоить его и позаботиться о нем. В эту ночь мы спали спокойно.

На следующий день ему было гораздо лучше, и он смог поесть сидя. Язвы на его теле заживали. Я спросил, от чего они.

— Не знаю, думаю, что от наркотиков. Мне постоянно делали уколы.

— Чтобы предотвратить кеммер? Я слышал об этом от человека, бежавшего с добровольной фермы.

— Да. И другие. Я не знаю, какие именно. Наверное, заставляющие говорить правду. Я от них болел, а они все делали и делали их мне. Не знаю, что они хотели от меня узнать.

— Они не столько спрашивали, сколько приручали вас.

— Приручали?

— Человек, привыкший к наркотику, становится послушным. Такая практика известна и в Кархиде. Или они проводили над вами и остальными эксперимент. Мне говорили, что они испытывают разные виды наркотиков на заключенных на фермах. Услышав об этом, я не поверил тогда, а теперь верю.

— В Кархиде тоже есть такие фермы?

— В Кархиде? Нет.

Он раздраженно потер лоб.

— Наверное, в Мишпори утверждают, что в Оргорейне таких мест нет.

— Наоборот. Они хвастают этим, демонстрируют записи и снимки добровольных ферм, где получают убежище отклоняющиеся от обычного поведения и небольшие племенные группы. Они даже могут показать добровольную ферму Первого района совсем рядом с Мишпори. Отличное место для показа. Если вы считаете, что у нас в Кархиде есть такие фермы, господин Ай, вы нас сильно переоцениваете.

Он долго лежал молча и смотрел на горящую печь Чейва, которую я включил и которая давала живительное тепло. Потом он посмотрел на меня.

— Вы разговаривали со мной сегодня утром, я знаю, но мозг мой еще болен. Где мы и как сюда попали?

Я снова все рассказал ему.

— Вы просто ушли со мной?

— Господин Ай, любой заключенный мог уйти оттуда. Если бы вы были не голодны, истощены, деморализованы и пропитаны наркотиками, если бы у вас была зимняя одежда, если бы у вас было куда идти... Вот что главное: куда идти? В город? Нет документов. В дикую местность? Нет убежища. Летом, я думаю, в Пулафенской ферме бывает больше охранников. Зимой же сама зима сторожит заключенных.

Он почти не слушал.

— Вы не смогли бы пронести меня и сотни футов, Эстравен, а бежать несколько миль во тьме, таща меня...

— Я был в доте.

Он колебался.

— Сознательно вызванном?

— Да.

— Вы жанндара?

— Я два года провел в крепости Ротерер. В земле Карм большинство населения жанндара.

— Я думал, что после доте, требующего крайнего напряжения сил, наступают упадок.

— Да. Мы называем его танген — черный сон. Он длится значительно дольше периода доте, и когдаходишь в восстановительный период, очень опасно сопротивляться ему. Я проспал почти двое суток. Я и сейчас еще в периоде танген. Ходить я не могу, а из-за голода, который сопровождает период танген, я съел то, что рассчитывал растянуть на неделю.

— Хорошо, — торопливо сказал он. — Верю вам. Что еще я могу сделать, как только поверить вам? Вот я, вот вы; но я не понимаю, зачем вы все это проделали?

Тут я не выдержал и долго смотрел на ледоруб в руке, а не на него, чтобы не выдать свой гнев. К счастью, у меня не было сил для действий, и я сказал себе, что он — невежественный человек, чужеземец, больной и испуганный. Поэтому я овладел собою и наконец произнес:

— Я чувствую, что отчасти это моя вина, что вы оказались в Оргорейне и на Пулафенской ферме. Я стараюсь исправить свою вину.

— Вы не имеете никакого отношения к моему приезду в Оргорейн.

— Господин Ай, мы видим одни и те же события разными глазами. Я неверно считал, что смотрим мы одинаково. Позвольте мне вернуться к последней весне. Я начал подбадривать Аргавена, подталкивать его к принятию решения относительно вас примерно за полмесяца до церемонии ключевого камня. Аудиенция вам была назначена, и я считал, что нужно

пройти через нее, хотя никаких конкретных результатов пока не ожидал. Я думал, что вы все это понимаете, и в том была моя ошибка. Я слишком многое считал само собой разумеющимся, я не хотел оскорблять вас советом. Я думал, что вы понимаете опасность неожиданного усиления власти Пеммера Харт рем ир Тайба в кноремми. Если у Тайба будут причины опасаться вас, он обвинит вас в измене, и Аргавен, который очень легко поддается приступам страха, вполне мог приказать убить вас. Я хотел, чтобы вы были в безопасности, пока у власти находится Тайб. Так случилось, что мы с вами попали в немилость одновременно. Я ожидал этого, но не думал, что это произойдет в ту ночь, когда мы с вами разговаривали в последний раз. Но ни один из премьер-министров Аргавена не удерживается надолго. Получив указ об изгнании, я уже не мог общаться с вами, не подвергая вас опасности. Я бежал сюда, в Оргорейн. Я убеждал тех из Тридцати Трех, кому верил больше, чем остальным, пригласить вас в Оргорейн. Вы не попали бы сюда без их содействия. Они увидели — я помог им увидеть — в вас путь к власти, выход из усиливающегося соперничества с Кархидом, возврат к установлению открытой торговли, возможность вырваться из тисков Сарфа. Но они свехосторожные люди, они боятся действовать. Вместо того, чтобы публично объявить о вас, они вас спрятали и тем самым упустили возможность. А потом они продали вас Сарфу, чтобы спасти собственные шкуры. Я слишком многого ожидал от них, и поэтому вся вина на мне.

— Но зачем все эти интриги, заговоры и попытки захватить власть? Что вам до этого, Эстравен, чего вы хотите?

— Я хочу того же, что и вы: союза вашего мира с нашим. А вы что думали?

Мы смотрели друг на друга поверх горящей печки, как два деревянных идола.

— Вы хотите сказать, что даже если бы Оргорейн вступил в союз...

— Даже если бы это был Оргорейн. Кархид вскоре бы последовал за ним. Вы думаете, я играл в шифгретор, рискуя всем? Какая мне разница, какая страна первая вступит в союз?

— Но разве я могу вам поверить! — взорвался Ай.

Телесная слабость приводит к тому, что его слова звучали обиженно.

— Если это правда, вы должны были раньше объяснить мне все и избавить от поездки в Пулафен. Ваши попытки направить мое поведение...

— Не удались и принесли вам боль, позор и опасность. Но если бы вы попытались бороться с Тайбом, вы были бы не здесь, а в могиле в Эрхенранге. Но и в Кархиде, и в Оргорейне есть люди, которые прислушиваются ко мне. Они поверили вам и еще могут принести вам пользу. Самая большая ошибка моя в том, что я не поговорил с вами откровенно и совершенно ясно. Я не привык так делать, у нас не принято давать или принимать советы. Это считается оскорбительным.

— Я не хочу быть несправедливым, Эстравен...

— Однако вы несправедливы. Странно. Я единственный человек на Гетене, который целиком поверил вам, и мне, единственному на Гетене, вы отказались доверять.

Он опустил голову на руки и после некоторого молчания сказал:

— Мне жаль, Эстравен.

Это было одновременно и извинение, и признание.

— Дело в том, — сказал я, — что вы просто не могли поверить в то, что я верю вам.

Я встал, потому что у меня затекли ноги, и почувствовал, что дрожу от гнева и слабости.

— Научите меня вашей мозговой речи, — сказал я, стараясь говорить мягче и без злобы, — вашему языку, который не лжет. Научите, а потом спрашивайте, зачем я это сделал.

— С удовольствием сделаю это, Эстравен.

15. НА ЛЬДУ

Я проснулся. До сих пор необычно просыпаться в тусклом коконе тепла и слышать, как разум говорит мне, что это палатка и что я лежу в ней живой, что я больше не на Пулафенской ферме. Сидя, я зевнул и принялся расчесывать пальцами спутанные волосы. Я посмотрел на Эстравена, шумно спавшего в нескольких футах от меня. Он не укрылся, ему было жарко.

Смуглое лицо, повернутое к свету, было открыто для меня.

Во сне Эстравен выглядел немного глуповато, как и все во сне: круглое лицо, расслабленное, ненапряженное, круглые капельки пота над верхней губой и над густыми бровями. Я вспомнил, как он стоял, потел в своей роскошной одежде на параде в Эрхенранге. Сейчас я впервые увидел его в холодном свете таким, каков он есть: беззащитным, полуобнаженным.

Он проснулся поздно и с трудом. Зевая, он оделся, высунул голову наружу, чтобы посмотреть, какая погода, и спросил меня, хочу ли я чашку орша. Когда он увидел, что я согрел воду на печи, он принял чашку, неловко поблагодарил и выпил.

— Куда мы пойдем отсюда, Эстравен?

— Это зависит от того, куда вы хотите идти, господин Ай, и какой путь вы сможете выдержать.

— Каков кратчайший путь из Оргорейна?

— На запад. До берега около тридцати миль.

— А дальше что?

— Гавани скоро замерзнут, если уже не замерзли. В любом случае ни один корабль не выйдет в море зимой, придется спрятаться и ждать следующей весны, когда большие торговые суда пойдут в Сил и Перунтер. В Кархид не пойдет ни один корабль, если продлится политика торгового эмбарго. Мы могли бы уплыть на торговце. К сожалению, у меня нет денег.

— Есть ли другая возможность?

— В Кархид по суше.

— Не далеко ли? Ведь это тысяча миль.

— Да, по дороге. Но мы не можем идти по дорогам. Первый же инспектор задержит нас. Наш единственный путь на север через горы по восточной части Гобрин и вниз до границы по заливу Гутон.

— Через Гобрин? Ледяной щит?

Он кивнул в ответ.

— Разве это возможно зимой?

— Думаю, что да. Если повезет. Впрочем, это условие всех зимних путешествий. В некоторых отношениях ледник лучше пересекать именно зимой. Над ледниками обычно удерживается хорошая погода. Лед отражает солнце, бури проходят по периферии льда. Отсюда легенда об области внутри бурь. Это нам благоприятствует. Впрочем, лишь немного.

— Вы серьезно думаете...

— Иначе не было бы смысла уносить вас с Пулафенской фермы.

Он по-прежнему был скован, сдержан, угрюм. Вчерашний разговор потряс нас обоих.

— И вы считаете, что пересекать лед менее рискованно, чем ждать весны и пытаться уплыть по морю?

Он кивнул.

— Одиночество, — лаконично пояснил он.

Я немного подумал.

— Вы приняли во внимание мою непригодность? Я не так привык к холоду, как вы. Я плохо хожу на лыжах, и я не в лучшей форме. Впрочем, в последние дни я чувствую себя гораздо лучше.

Он снова кивнул.

— Думаю, нам это удастся, — сказал он с той простотой, которую я так долго принимал в нем за иронию.

— Хорошо.

Он посмотрел на меня и отпил чай из своей кружки. Орш вполне можно назвать чаем, он готовится из зерна. Это коричневый кисло-сладкий напиток с большим количеством витаминов А и С и сахара. Он оказывает стимулирующее действие. На Зиме, если нет пива, пьют один орш; там, где нет пива и орша, нет и людей.

— Будет трудно, очень трудно, — сказал он.

Он поставил кружку.

— Без удачи мы не справимся.

— Я готов скорее умереть во льдах, чем в той помойке, из которой вы меня вытащили.

Он разрезал сушеное хлебное яблоко, предложил мне кусок и сам стал сосредоточенно жевать.

— Нам потребуется много пищи, — сказал он.

— Что случится, если мы доберемся до Кархида... с вами, я хочу сказать? Ведь вы изгнаны.

Он повернул свое смуглое лицо ко мне.

— Да. Я думаю остаться на той стороне.

— А если они узнают, что вы помогли бежать заключенному?

— Не узнают. — Он улыбнулся и сказал: — Сначала нужно пересечь лед.

Я решился:

— Послушайте, Эстравен, простите мои вчерашние слова.

— Иусут.

Он встал, продолжая зевать, надел хеб, пальто, сапоги и выскользнул через клапан двери. Затем снова просунул голову в палатку.

— Я могу задержаться или прийти даже завтра. Продержитесь здесь?

— Да.

— Хорошо.

Он исчез.

Я не встречал никогда человека, который бы так быстро и совершенно реагировал на изменение обстоятельств, как Эстравен. Я восстанавливал свои силы и согласен был идти, а он вышел из периода танген и, как только все прояснилось, он начал действовать.

Он никогда не суетился, не торопился, но он всегда был готов ко всему. Несомненно, в этом заключалась тайна его исключительной политической карьеры, которой он рискнул ради меня. В этом же было объяснение его веры в меня и в мою миссию.

Когда я пришел в их мир, он оказался готов к этому. Только он один на всей Зиме.

Но сам он считал себя медлительным и нерешительным в крайних положениях.

Однажды он сказал мне, что, будучи тугодумом, он руководствуется в своих действиях интуицией, которая редко подводит его.

Он говорил серьезно. Возможно, что это и правда. Предсказатели в крепостях не единственные на Зиме, кто может заглядывать вперед. Они лишь усовершенствовали это умение. В словах йомештских легенд глубокий смысл. Дело не просто в предсказании, дело в возможности — пусть хоть на мгновение — видеть все.

Я увеличил до максимума подачу тепла, пока Эстравен отсутствовал, и впервые за столько времени я по-настоящему согрелся.

Должно быть, шел уже Терем, первый месяц зимы и нового первого года, но я утратил счет дням в Пулафене. Печь принадлежала к тем великолепным и экономичным приспособлениям, которые создали гетенианцы в своих тысячелетних попытках победить холод. Ее батареи действовали в течение четырнадцати месяцев, выход тепла был очень значительным. Это одновременно печь, обогреватель и светильник и весит она всего около четырех фунтов. Без нее мы не прошли бы и пятидесяти миль. На нее ушли почти все деньги Эстравена, те самые деньги, которые я так высокомерно вручил ему в Мишпори.

Палатка была сделана из пластика, хорошо выдерживающего зимние

условия и поглощающего конденсируемую внутри влагу — бич палаток в холодную погоду.

Спальные мешки были из шкур пестри. Одежда, лыжи, сани, запасы пищи — все было высшего качества, легкое, прочное и дорогое. Если Эстравен отправился за пищей, то как он надеялся добыть ее?

Он не возвращался до вечера следующего дня. Я несколько раз выходил в снегоступах, набираясь силы и опыта, карабкался по склонам оврага, скрывающего нашу палатку. Лыжами я владел неплохо, но не был знаком со снегоступами. Далеко я не уходил, опасаясь заблудиться. Местность была дикой, полной оврагов, ручьев, склонов и ущелий. Она быстро повышалась на восток к видневшимся там горам. У меня было достаточно времени подумать, что я буду делать в этом заброшенном месте, если Эстравен не вернется.

Он пронесся по склону холма — Эстравен был великолепным лыжником — и затормозил около меня, грязный, усталый, тяжело нагруженный. На спине у него был большой заплечный мешок, полный свертков — словно Дед Мороз, выскочивший из камина на Старой Земле. В свертках были сушеные хлебные яблоки, кадик, чай и пластинки твердого, красного, с земляным привкусом сахара, который гетенианцы получают из местного растения.

— Как вы раздобыли все это?

— Украл, — ответил бывший премьер-министр Кархида.

Он держал руки над печью и не уменьшал накала. Даже он замерз.

— Я был в Туруфе, поблизости.

Это было все, что я от него узнал. Он не гордился своим поступком. И он не способен был смеяться над ним. Кража считается самым низким преступлением на Зиме, более презирается только самоубийство.

— Все это используем в первую очередь, — говорил он, пока я ставил на печь кастрюлю со снегом. — Все тяжелое.

То, что Эстравен заготовил заранее, было денатурированной, плотной, высококалорийной пищей в форме кубиков, которую по-орготски называют гичи-мичи. И мы называли ее так, хотя говорили по-кархидски. При минимальном рационе, фунт в сутки, нам хватило бы на шестьдесят дней. Вечером, умывшись и поев, Эстравен долго сидел у печки и подсчитывал наши запасы. У нас не было весов, и он ограничивался приблизительной оценкой, используя в качестве стандарта фунтовый кубик гичи-мичи. Как и большинство гетенианцев, он знал калорийность и питательность каждого вида пищи, он знал собственные потребности в различных условиях, знал, как приблизительно оценить мои потребности. Такие знания жизненно важны на Зиме.

Рассчитав, наконец, наш режим питания, он заполз в мешок и уснул. Ночью я слышал, как он во сне продолжает считать вес, дни и расстояние.

По очень приблизительной оценке нам нужно было преодолеть около восьмисот миль.

Первые сто миль на север и северо-восток через лес по северным отрогам хребта Самбеони к ледяному щиту, покрывающему великий континент повсюду севернее сорок пятой параллели и кое-где опускающемуся и до

тридцать пятой. Один из таких выдававшихся на юг языков льда находился в районе Огненных Холмов — последних вершин Сембенспенса. Этот район и был нашей первой целью. Здесь, в горах, как считал Эстравен, мы легче попадем на ледяной щит либо опустившись на него с горного склона, либо поднявшись по языку льда. Дальше мы двинемся по самому льду на восток и пройдем около шестисот миль.

Там, где ледник подходит к берегу залива Гутен, мы спустимся с него и, пройдя пятьдесят—сто миль по Пенсайским высотам и болотам, которые будут покрыты десятью или двадцатью футами снега, выйдем на Кархидскую границу.

Весь маршрут проходит по необитаемым местам. Здесь мы не встретим ни одного инспектора. Несомненно, это самое важное.

У меня совсем не было документов, а документы Эстравена — при самом поверхностном осмотре становилось ясно, что они поддельные. К тому же я только внешне напоминал гетенианца и не хотел подвергаться осмотру. С этой точки зрения, план Эстравена был очень практичен. В остальных отношениях он казался чистейшим безумием.

Это мнение я хранил про себя. Если уж все равно нам придется умирать в попытке бегства, я предпочитал умереть таким образом. Эстравен, однако, все еще раздумывал над другими возможностями. На следующий день, который мы провели, тщательно упаковывая на санях наши запасы, он сказал:

— Если вы вызовете звездный корабль, то как быстро он прилетит?

— От восьми дней до полумесяца, в зависимости от того, где находится корабль относительно планеты. Он может оказаться на противоположной точке орбиты.

— Не быстрее?

— Не быстрее. Двигатель «Нафал» нельзя использовать в пределах солнечной системы. Корабль пойдет на обычном ракетном двигателе, а это займет не менее восьми дней. А что?

Он крепко затянул веревку и завязал ее, прежде чем ответить.

— Я думал о том, чтобы попросить помощи у вашего мира, раз уж наш не может ее оказать. В Туруфе есть радиопередатчик.

— Мощный?

— Не очень. Ближайший мощный передатчик в Кухумее, около четырехсот миль к югу отсюда.

— Кухумей большой город?

— Четверть миллиона жителей.

— Мы должны будем каким-то образом воспользоваться передатчиком, а потом более чем на восемь дней скрыться. Вероятность удачи очень мала.

Он кивнул.

Я вынес из палатки последний мешок с кадиком, уложил его на сани и сказал:

— Если бы я вызвал корабль в тот вечер, когда вы говорили со мной, накануне моего ареста... Но мой ансибл был у Оболе, да и сейчас у него, вероятно.

— Он может его использовать?

— Нет. Даже случайно не может. Установка координат исключительно сложна. Если бы я воспользовался им!

— Если бы я тогда знал, что игра окончена, — сказал Эстравен.

Он улыбнулся, он не привык сожалеть.

— Вы старались, но я вам не поверил.

Когда сани были нагружены, он настоял на том, чтобы остаток дня мы провели в палатке, ничего не делая, сберегая энергию. Он, лежа, писал в маленькой записной книжке своим мелким быстрым вертикальным кархидским почерком. Эта запись составляет содержание предыдущей главы. У него не было возможности на протяжении предыдущих месяцев вести свой дневник, и это его раздражало. В этом смысле он был очень педантичен. Я думаю, что дневники для него были и обязанностью, и связью с его семьей в очаге в Эстра. В те времена я не знал, что он пишет.

Пока он писал, я намазывал воском лыжи или просто бездельничал.

Я начал было насвистывать танцевальный мотив, но оборвал себя на середине.

У нас была одна палатка, и если мы хотим делить ее, не сводя друг друга с ума, необходима какая-то сдержанность в манерах и поведении.

Услышав свист, Эстравен поднял голову и сонно взглянул на меня.

— Я хотел знать о вашем корабле еще в прошлом году. Почему вас послали сюда одного?

— Первый посланник в мир всегда приходит один. Один чужак — просто случайный гость, два — уже вторжение.

— Дешево же ценится жизнь первого посланника.

— Нет, Экумен ничью жизнь не ценит дешево, но лучше подвергнуть опасности одну жизнь, чем две или двадцать. К тому же очень дорого посылать людей в кораблях с большими прыжками. Да я и сам просил об этой работе.

— «В опасности честь», — процитировал он какую-то строку.

Потом он добавил:

— Мы будем достойны чести, когда достигнем Кархида.

Слушая его, я верил, что мы доберемся до Кархида, преодолеем восемьсот миль гор, ущелий, провалов, вулканов, ледников — сплошную пустыню, без убежища, без жизни, среди зимних бурь ледяного века.

Он продолжал писать с какой-то упрямой основательностью, которую я видел в безумном короле, когда тот занимался кладкой камня.

Основываясь на своих расчетах, он собирался добраться до Кархида на четвертый день четвертого месяца зимы, Архад Аннер.

Выступить мы должны были завтра, в тринадцатый день первого месяца зимы — Торменбод Терем. Наших запасов должно было хватить на три месяца — семьдесят восемь дней. Итак, делая по двенадцать миль в

день, мы достигли бы Кархиды в Архад Аннер. Все было решено. Оставалось только выпастись.

Мы выступили на рассвете. Шел небольшой снег. Снежный покров на холмах был мягкий, неслежавшийся. Земные лыжники называют его «дикий» снег.

Сани были тяжело нагружены. Эстравен считал, что их общий вес превышает триста фунтов. Тащить их по мягкому снегу было трудно, хотя они были прекрасно приспособлены к езде: полозья великолепные, покрытые особым полимером, который сводил сопротивление почти к нулю, но и они застревали в снегу. Вскоре мы поняли, что по такому снегу, да еще каждый раз спускаясь в овраги и поднимаясь из них, легко идти, когда один тянет сани, а другой толкает их сзади. Весь день шел снег. Мы дважды останавливались, чтобы поесть. В холмистой местности было совершенно тихо.

Мы продолжали идти до самых сумерек.

На ночь мы остановились в долине, точно такой же, как и оставленная нами утром. Я так устал, что пошатывался, но не мог поверить, что день кончился. По измерителю расстояния, укрепленному на санях, мы проделали пятнадцать миль.

Если по мягкому снегу и неровной дороге с тяжелым грузом мы смогли за день пройти столько, то, конечно, будем еще быстрее двигаться по льду, где поверхность ровнее и тверже, а груза к этому времени станет меньше. Теперь я поверил в план Эстравена. Через семьдесят дней мы будем в Кархиде.

— Вам приходилось раньше так путешествовать? — спросил я его.

— Санями? Часто.

— И далеко?

— Однажды осенью несколько лет назад мне пришлось проделать несколько сотен миль по Кармскому льду.

Нижний край земли Карм, гористый южный полуостров Кархидского полуострова, как и на севере, покрыт ледниками.

Человечество Великого Континента Гетена живет на полоске земли между белыми стенами. Уменьшение солнечного излучения, по их расчетам, на восемь процентов привело бы к тому, что эти стены сомкнулись. Тогда не было бы ни людей, ни земли, только лед.

— Зачем?

— Любопытство, любовь к приключениям.

Он поколебался и слегка улыбнулся.

— «Расширенные сложности и напряженности — цель жизни», — сказал он, цитируя одно из моих экуменических высказываний.

— Ага, вы сознательно усиливали эволюционную сущность, заложенную в каждом существе.

Мы оба были очень довольны собой, сидя в теплой палатке, попивая горячий чай и ожидая, пока закипит похлебка из кадика.

— Примерно, так, — согласился он. — Нас было шестеро. Мой брат и я из Эстра и четверо друзей из Стока. У нашего путешествия не было особой цели. Мы хотели взглянуть на Теремандер — гору, выступающую изо льда. Мало кто видел ее с земли.

Похлебка была готова — совсем не то, что месиво из отрубей на Пулафенской ферме. У нее был вкус жареных орехов, и она великолепно обжигала рот. Наслаждаясь, я сказал:

— Лучшая еда, какую я пробовал на Гетене, всегда в вашем обществе, Эстревен.

— Но не на банкете в Мишпори.

— Верно, не там. Вы ненавидите Оргорейн?

— Орготы не умеют готовить. Ненавидеть Оргорейн? Нет. Зачем же? Можно ли ненавидеть или любить страну? Тайб рассуждает об этом, но я не понимаю. Я знаю людей, города, фермы, холмы, реки, скалы, знаю, как светит солнце. Но как можно любить или ненавидеть все это в целом? Пока я люблю жизнь, я люблю и холмы Эстра, но эта любовь не имеет ничего общего с ненавистью. Надеюсь, я невежествен.

Невежествен в жанндарском смысле, невежество по отношению к абстракции, тяготение к реальности. В этом учении было что-то женственное, отказ от абстракции, от идолов, подчиненность реальному. Это мне не нравилось.

Однако он добавил:

— Человек, который не чувствует отвращения к плохому правительству, глупец. И если бы на земле существовало хорошее правительство, какое удовольствие было бы служить ему!

В этом мы понимали друг друга.

— Я знаю такое удовольствие, — сказал я ему.

— Да, так я и думал.

Я вымыл наши чашки горячей водой и вылил ее за палаткой. Снаружи было совершенно темно. Продолжал идти снег, снежинки пролетали в пятне света и падали у входа в палатку. Закрывшись в ее тепле, мы забрались в спальные мешки. Он сказал что-то вроде: «Дайте чашки мне, господин Ай». Я ответил:

— Так и будет «господин»? Через весь лед?

Он посмотрел на меня и рассмеялся.

— Не знаю, как вас называть.

— Меня зовут Дженли Ай.

— Знаю. А зачем вы используете мое имя по местности?

— А как же вас еще называть?

— Харт.

— Тогда я Ай. Кто использует первые имена?

— Братья по очагу или друзья, — сказал он.

При этом голос его звучал отдаленно, как будто из-под толстого слоя снега. Было ли в этом высокомерие или гордость?

Замерзнув, я забрался в меховой мешок и сказал:

— Спокойной ночи, Харт.

Друг. Что такое друг в мире, где любой друг может быть любовником? Я не мог быть другом ни Терему Харту, ни кому-либо из его расы. Не мужчины и не женщины, подчиненные своим безумным циклам, меняющиеся при прикосновении рук, они не были мне друзьями, и любви между нами не могло быть никакой.

Мы спали. Однажды я проснулся и ощутил, как снег толстым слоем покрывает нашу палатку.

На рассвете Эстравен приготовил завтрак.

День был ясный. Когда солнце позолотило ветви кустов, покрывавших склоны долины, мы двинулись в путь. Эстравен тянул сани, а я подталкивал их сзади.

Начал образовываться наст. На склонах мы двигались вниз бегом. В тот день мы вошли в лес, который окружает Пулафенскую ферму — лес из толстых изогнутых деревьев, обросших ледяными бородами — деревьев торе. Мы не осмеливались воспользоваться главной дорогой на север, но, поскольку в лесу не было упавших деревьев, идти было легко. Мы находились в Тарреппете — местности более ровной и с меньшим количеством ущелий и оврагов. Вечером измеритель расстояния показал двадцать миль, а мы меньше устали, чем накануне.

Одно преимущество зимы на Зиме, что дни здесь остаются светлыми. У планеты очень небольшой наклон к плоскости эклиптики, недостаточный, чтобы давать значительные отличия в длительности дня по времени года на высоких широтах.

Времена года определяются лишь эллипсоидностью орбиты. На дальнем конце орбиты, афелии, еще достаточно солнечного излучения. Зима — самое сухое время года и самое приятное, если бы не было так холодно. Солнце, когда оно видно, стоит высоко, нет медленного перехода от света к темноте, как в полярных районах земли, где холод и ночь приходят вместе.

Три дня мы шли по лесу Тарреппет. На третий день Эстравен собирался поставить ловушки, поэтому мы остановились рано.

Он хотел поймать пестри. Это было одно из самых больших животных Зимы размером с лисицу, яйцекладущее, травоядное, с великолепным мехом. Пестри съедобны, и Эстравену они нужны были в пищу. В больших количествах они мигрируют на юг. Они настолько хитры и проворны, что за все время мы видели только двух или трех, но снег на всем пути был испещрен их следами. Все следы вели на юг. Ловушки Эстравена были готовы через час. Он поймал шесть зверьков, освежал их и повесил, чтобы тушки замерзли. Одного решено было съесть вечером. Гетенианцы не охотники, у них почти нет дичи, нет больших травоядных животных, а следовательно, и хищников, за исключением морских.

Гетенианцы рыбачат и возделывают землю. Раньше я никогда не видел гетенианцев с кровью на руках.

Эстравен взглянул на белые шкуры.

— Теперь время охоты на пестри.

Он протянул мне одну шкуру. Меха были такой мягкой и глубокой, что трудно было определить, в какой момент рука касается его. Наши спальные мешки, верхняя одежда, капюшоны — все было на таком меху, великолепно изолирующем и красивом на вид.

— Вряд ли они годятся для жаркого, — сказал я.

Эстравен посмотрел на меня и ответил:

— Нам нужен протеин.

Он выбросил внутренности.

— За ночь рассни, маленькие злобные крысозмеи, пожрут их и вылижут окровавленный снег.

Он был прав, он вообще всегда был прав.

В пестри фунт или два съедобного мяса, и вечером я съел свою порцию жаркого, а на следующее утро почувствовал себя вдвое сильнее.

В этом день мы начали подниматься.

Мягкий снегопад и кроксет — безветренная погода с температурой от нуля до двадцати градусов по Фаренгейту — остались позади, сменившись дождем со снегом. Я начал понимать, почему гетенианцы жалуются, когда зимой повышается температура, и радуются, когда она падает. В городе дождь — неудобство, для путника он — катастрофа.

Мы волокли сани по отрогам Сембенспенса все утро по глубокому вязкому холодному месиву из дождя и снега.

К полудню на склонах снег почти полностью сошел. Водопады дождя, мили грязи и гравия. Мы сняли полозья, поставили сани на колеса и потащили их дальше. На колесах сани оказались очень неустойчивы и каждую минуту грозили опрокинуться. Тьма наступила раньше, чем мы успели найти укрытие под навесом или пещеру, чтобы поставить палатку, так что, несмотря на все старания, вещи промокли. Эстравен говорил, что наша палатка будет служить нам в любую погоду, пока мы сохраним ее сухой изнутри.

Если мешки промокли, ночью тратьшь слишком много тепла тела и плохо спишь. А запасы пищи у нас слишком малы для этого. Мы не можем рассчитывать на солнце, чтобы просушить вещи, поэтому нужно держать их в сухости.

Я прислушался к его словам и так же тщательно держал вход в палатку на запоре от снега и дождя, как и он, так что внутри была лишь неизбежная влага от нашего дыхания и приготовления пищи. Но в тот вечер все промокло до того, как мы поставили палатку. Мы жались к печи Чейва, и вскоре было готово жаркое из пестри, горячее и достаточно вкусное, чтобы компенсировать все неприятности. Измеритель расстояния, вопреки нашей изнурительной работе по вытягиванию саней на склоны, показал лишь девять миль.

— Первый день, когда мы не выполнили свое задание, — сказал я.

Эстравен кивнул, раскалывая кость, чтобы добраться до мозга. Он снял с себя мокрую одежду и сидел в коротких брюках, с босыми ногами и

расстегнутым воротником. Я еще слишком замерз, чтобы снимать с себя хеб и обувь. Он сидел, колот кости, крепкий, аккуратный, выносливый. Его густые волосы не принимали влагу, как перья птицы. Вода лишь немного покапала с волос ему на плечи, как с карниза крыши, и он даже не заметил этого. Он не был обескуражен. Он сам принадлежал этому миру.

Первый раз, когда я ел мясо, я почувствовал спазмы в желудке. На этот раз они были гораздо сильнее. Я лежал без сна, слушая шум дождя.

За завтраком Эстравен сказал:

— Вы плохо спали ночью?

— Откуда вы знаете?

Ночью он крепко спал и не шевелился, даже когда я выходил из палатки.

Он посмотрел на меня.

— Так что же случилось?

— Несварение желудка.

Он мигнул и угрюмо сказал:

— Это мясо.

— Вероятно.

— Моя вина. Я должен был...

— Все в порядке.

— Вы можете идти?

— Да.

Дождь все шел и шел. Западный ветер с моря принес тепло даже сюда на высоту в три-четыре тысячи футов. Видимость в сером тумане и дожде была не больше, чем четверть мили. Я не видел вершины склонов, поднимавшихся вокруг. Кроме дождя ничего не было видно. Мы шли по компасу, стараясь держаться северного направления.

Сотни тысяч лет назад ледник двигался взад и вперед по этим горам. На гранитных склонах остались его следы, длинные прямые разрезы, вдоль которых иногда можно было тащить сани, как по дороге.

Я предпочитал тащить сани. Мне легче было идти нагнувшись, и работа согревала меня. Когда мы остановились в полдень, чтобы поесть, я промок, озяб и не хотел есть. Мы продолжали подниматься. Дождь шел и шел. Вскоре Эстравен остановился под большим выступом черной скалы.

Прежде чем я выбрался из упряжки, он уже расставил палатку. Потом он предложил войти в нее и лечь.

— Я здоров, — сказал я.

— Нет, — ответил он. — Ложитесь.

Я повиновался, но его тон мне не понравился. Когда он тоже вошел, я начал готовить еду, потому что была моя очередь. Тем же тоном он велел мне лежать спокойно.

— Не нужно мне приказывать, — сказал я ему.

— Простите.

В тоне его не чувствовалось извинения.

— Я не болен, вы знаете.

— Нет, не знаю. Если вы не говорите откровенно, я вынужден судить по вашему внешнему виду. Вы еще не оправились, а дорога предстоит трудная. Я не знаю пределов вашей выносливости.

— Я скажу, когда достигну их.

Это покровительство уязвило мою гордость. Он был на голову ниже меня и по сложению больше походил на женщину, чем на мужчину. Когда мы шли рядом, мне приходилось укорачивать шаг, чтобы он не отставал.

— Значит, вы больше не больны?

— Нет, конечно, я устал. И вы тоже.

— Да. Я беспокоюсь о вас. Перед нами долгий путь.

Он не покровительствовал мне, он считал меня больным, а больной должен слушаться. Он был откровенен со мной и ожидал от меня ответной откровенности. В конце концов, у него не было представления о мужественности.

Но, с другой стороны, если он мог отбросить принцип шифгретора, как он сделал со мной, возможно, и мне следовало сдержать свою мужскую гордость. Он это чувство понимал так же мало, как я его шифгретор.

— Сколько мы прошли сегодня?

Он оглянулся и слегка улынулся:

— Шесть миль.

Назавтра мы прошли семь миль, послезавтра — двенадцать, а еще через день вышли за пределы обитания человека. Шел девятый день нашего путешествия. Мы находились на высоте в пять-шесть тысяч футов над уровнем моря на высоком плато, полном следов недавнего горообразования. Плато постепенно сужалось и переходило в долину между длинными горными цепями. Дождевые облака разошлись. Холодный северный ветер совершенно прогнал их, справа и слева от нас обнажились горные вершины, сверкающие в лучах солнца. Впереди лежала извивающаяся долина, полная снега, льда и скал. Поперек долины возвышалась ледяная стена. Подняв глаза к вершине этой стены, мы увидели сам ледник Гобрин, уходящий на север и белый настолько, что глаз не выдерживал этой белизны.

Тут и там из долины выделялись черные пики. С их вершин поднимались струи пара и дыма. Из щелей ледника тоже тянулся дым.

Эстравен стоял рядом со мной, глядя на эту величественную пустыню.

— Я рад, что дожил до этого, — проговорил он.

Я понимал его чувства.

Дождя больше не было. Дно долины покрывал снег. Мы сняли колеса, снова поставили сани на полозья, надели лыжи и пустились на север, в молчаливую обширность огня и льда, которая огромными черно-белыми буквами писала поперек всего континента: «Смерть». Сани казались легкими, как перышко.

16. МЕЖДУ ДРАМПЕРОМ И ДРОМАГОЛОМ

Одгирни Тенери. Ай спрашивает из своего спального мешка:

— Что вы пишете, Харт?

— Дневник.

Он смеется.

— Я должен был бы вести отчет для Экумена, но без звукозаписи не могу этого делать.

Я объяснил ему, что веду записи для моего рода в Эстра. Если они найдут нужным, то включают их в записи домейна. Это обратило мои мысли к очагу и сыну. Я хотел забыть о них и спросил:

— Ваш родитель... родители... они живы?

— Нет, — сказал Ай. — Они мертвы уже семьдесят лет.

Я удивился. Аю было не больше тридцати.

— Ваш счет лет отличается от нашего?

— Нет. А, понимаю. Это все прыжки через время. Двадцать лет от Земли до Хейна, а оттуда пятьдесят до Юллула, от Юллула сюда семнадцать. Я жил вне Земли лишь семь лет, но родился там сто двадцать лет назад.

Еще в Эрхенранге он объяснил мне, как сокращается время в полете на корабле между звездами со скоростью света, но я не прилагал этот факт к длине человеческой жизни или к жизням, которые он оставил в своем мире. Пока он проживал несколько часов на этих невообразимых кораблях, летящих от планеты к планете, все, что он оставлял за собой, старело и умирало.

Наконец я сказал:

— Я только себя считал изгнанником.

— Вы стали изгнанником ради меня, я — ради вас, — сказал он.

Он рассмеялся мягким, веселым смехом в тяжелой тишине.

Последние три дня прошли в тяжелом труде, но Ай был в хорошем настроении и очень терпелив со мной. Может быть, прекращалось действие наркотика, а может, мы привыкли друг к другу.

Этот день мы провели, спускаясь с базальтового уступа, на который взбирались в течение вчерашнего дня. Со дна долины этот уступ казался удобной дорогой на лед, но чем выше мы поднимались, тем больше каменистых осыпей и голых каменных стен встречали, склоны становились все круче. Вскоре мы даже без саней не могли подниматься дальше. К вечеру мы спустились в долину. Здесь ничего не росло. Обломки скал, булыжники, глина, грязь. Пятьдесят или сто лет назад отсюда отступил рукав ледника, обнажив кости планеты — никакой почвы, никакой растительности. Тут и там из фумарол по земле стлался тяжелый желтоватый дым. В воздухе пахло серой.

Было двадцать градусов, сыро. Я надеялся, что тяжелые снега не выпадают до тех пор, пока мы не выберемся из этой местности. В нескольких

милях на вершине мы видели громадный ледник. Казалось, широкая ледяная рука спускается с плато между двумя горами-вулканами. Над обеими вершинами поднимался пар и дым. Если мы сможем попасть на эту реку со склона ближайшего вулкана, она может оказаться хорошей дорогой на ледяное плато. К востоку от нее из ледяного озера спускался небольшой ледник, но спуск был очень крут и даже отсюда были видны глубокие трещины во льду. С нашим снаряжением пробраться через пик было невозможно.

Мы решили попробовать добраться до ледника между вулканами, хотя поворот на запад, по крайней мере, на два дня уводил нас от цели.

Одросте Терем. Пессарет (легкая метель). Двигаться невозможно. Целый день спали. Мы провели в пути уже полмесяца, и отдых был необходим.

Одторменбод Терем. Пессарет. Ну, хватит спать. Ай научил меня земной игре с маленькими камушками, называемой «го».

Игра исключительно трудная. Как заметил Ай, здесь хватает камней, чтобы играть в «го».

Он неплохо выносит холод. Странно видеть, как он сидит, укутавшись в хеб, пальто и надев капюшон, когда температура ниже нуля, но когда мы идем и светит солнце, а ветер не слишком резок, он скоро снимает пальто и потеет, как и мы. Нам приходится идти на компромисс с температурой в палатке. Он хочет жары, а я — холода, и то, что для одного комфорт, для другого пневмония. Мы выбрали середину, и он дрожит в своем мешке, а я потею в своем. Но если подумать, как велики различия между нами, поймешь, что уживаемся мы неплохо.

Гетени Тенери. Ясно, ветра нет, температура весь день около пятнадцати градусов. Наш лагерь разбит на нижнем западном склоне ближайшего вулкана — Дромагола, по моей карте Оргорейна. Второй вулкан через ледяную реку называли Дрампер. Карта была сделана очень плохо, расстояния на ней указаны неточно, а к востоку от нас виднеется гора, не указанная на карте. Очевидно, орготы не часто бывают в Огненных Холмах.

Впрочем, сюда и незачем приходить. За день мы прошли двенадцать миль, тяжелая работа. Сплошные скалы. Ай немедленно уснул. Я повредил ногу, попав ею между двух булыжников. Ночной отдых излечит ее. Завтра мы начнем спуск на лед.

Наши запасы пищи сокращаются угрожающе, но это потому, что мы едим самое громоздкое и тяжелое. У нас было от девяноста до ста фунтов грубой пищи, половина груза, украденного мной в Туруфе.

После пятнадцатидневного путешествия шестидесяти фунтов из них не стало. Я рад, что тяжелый груз из Туруфа кончается. Сани стали легче.

Сордни Тенери. Двадцать градусов, холодный дождь, ветер из долины, как ледяной сквозняк. Лагерь на плоском выступе в четверти мили от края. Путь вниз по Дромаголу был труден и крут. Голые стены скал и камен-

ные поля. Край ледника окружен ущельями, а лед так густо покрыт камнями, что нам пришлось поставить сани на колеса.

Через сто ядров сломалось колесо и согнулась ось. Снова полозья. За день сделали всего лишь четыре мили, все еще не в том направлении. Ледник, казалось, представляет длинную дугу, уходящую к вулканам, к западу от плато Гобрин. Здесь он между вулканами около четырех миль шириной, и по центру его идти будет легче, хотя поверхность его гораздо менее ровная, чем я думал.

Дрампер живет. Снег на его склонах пахнет дымом и серой. Весь день на западе висит тома. Время от времени все вокруг закрывают облака, ледяной дождь, лёд. Воздух становится тускло-красным, потом краснота эта медленно блекнет. Ледник слегка дрожит у нас под ногами.

Эскиче рем ир Гор предположил, что вулканическая активность на северо-западе Оргорейна и в Архипелаге увеличивается на протяжении последних десяти-двадцати тысяч лет, что указывает на конец льда или, по крайней мере, на сокращение его и отступление ледникового периода.

Углекислый газ, выделяемый вулканами в атмосферу, послужит изолятором, удерживая тепловую энергию, отраженную от земли, и в то же время пропуская без задержки солнечные лучи.

Он утверждает, что среднегодовая температура повысится почти на тридцать градусов, достигнув в конце концов семидесяти двух градусов (семьдесят два градуса по Фаренгейту равно двадцати двум градусам по Цельсию).

Я рад, что не буду свидетелем этого. Ай сказал, что аналогичная теория выдвигается и земными учеными, чтобы объяснить продолжающееся отступление ледников. Все подобные теории оказываются недоказуемыми, никто точно не знает, почему наступают и отступают ледники.

Снег невежества остается нетронутым.

Над Дрампером в темноте тускло светится красное облако.

Эпс Тенери. По измерителю сегодня мы прошли двенадцать миль, но по прямой линии мы не более, чем в восьми милях от ночного лагеря. Мы все еще на полоске льда между двумя вулканами. Дрампер извергается, языки огня рвутся из его черных боков, огни хорошо видны, когда ветер разгоняет дым, пепел и белый пар.

Слышится непрерывный свист, очень высокий, почти недоступный восприятию.

Ледник непрерывно дрожит, трещит и щелкает, подпрыгивая под нашими ногами.

Сугробы сброшены вниз со стен пропастей. Мы движемся в разных направлениях, ища конца трещины, способной поглотить наши сани, потом ищем конец другой трещины, пытаемся двигаться на север, но вынуждены идти то на восток, то на запад. Над Дромаголом висят столбы черного дыма.

Ай сильно обморозил лицо. Когда я случайно посмотрел на него, нос, уши и веки у него были серого цвета. Массаж предотвратил сильный

ущерб, но мы должны быть осторожнее. Со льда дует жесткий ветер, а нам нужно идти навстречу ему.

Я был бы рад выбраться из щели между двумя ревущими туловищами. Горы нужно видеть, а не слышать.

Архад Тенери. Небольшой снег, температура между пятнадцатью и двадцатью. За день прошли двенадцать миль, но из них лишь пять в нужном направлении. Край Гобрина заметно приблизился к нам. Теперь мы видим широкую ледяную реку, рукав между Дрампером и Дромаголом — лишь ее приток.

Оглянувшись назад, мы видим расколотый, разорванный черными дымящимися вершинами лед. Глядя вперед, видно, как ледовая река изгибается, поднимаясь к ледяной стене далеко над пеленой пара и дыма. Шлак и пепел сыплются сверху вместе со снегом, лед покрыт толстым слоем шлака.

Для ходьбы поверхность хорошая, но тащить по ней сани плохо. Постоянно приходится сменять полозья. Несколько раз рядом с нами падали вулканические бомбы. Падая, они громко свистели и с шипением погружались в расплавленный лед.

Трещит падающий со снегом шлак. Мы бесконечно ползем на север сквозь грязный хаос мира в процессе его создания.

Хвала незавершенному созиданию.

Петерхад Тенери. С утра идет снег, ветрено, около пятнадцати градусов. Огромный ледник, на который мы должны подняться, спускается в долину с запада. Мы на восточном краю этой долины. Дромагол и Дрампер теперь за нами, хотя острая вершина Дромагола все еще возвышается к востоку от нас почти на уровне глаз. Теперь нам предстоит сделать выбор: либо следовать по пологому извику на запад и постепенно подняться на ледяное плато, либо взобраться на ледяные утесы в миле к северу от самого лагеря и ценою риска сберець двадцать или тридцать миль.

Ай предпочел риск.

В нем есть какая-то хрупкость. Он не защищен и очень уязвим. Даже половые органы у него всегда находятся снаружи. Но в то же время он невероятно силен. Не уверен, что он может тащить сани дольше, чем я, но он может тащить их вдвое быстрее, чем я. Он может приподнять сани спереди или сзади, чтобы высвободить их из щели. Я могу приподнять такой вес только в доте. В соответствии с хрупкостью и силой у него характер, легко поддающийся отчаянию. Быстрый и несдержанный, он обладает яростной и нетерпеливой храбростью. Медленный, трудный путь, проделанный за последние дни, так истощил его тело и волю, что, принадлежи он к моей расе, я счел бы его трусом. Но он не трус.

Никого храбрее я не видел. Он готов рисковать жизнью на каждом крупном обрыве.

«Огонь и страх — хорошие слуги, но плохие хозяева». Он заставил страх служить себе. Я предпочел бы более длинный путь.

Но храбрость и разум за него. Какой смысл искать безопасный путь в таком путешествии, как наше? Существуют бессмысленные пути, но таким я не пойду, а безопасных путей нет.

Стрет Тенери. Не везет. Поднять сани невозможно, хотя мы весь день пытались сделать это.

Порывы ветра несут снег с пеплом.

Весь день темно, как будто дующий с запада ветер окружил нас дымом Дрампера.

Здесь, наверху, лед трясется меньше, но когда мы взбирались на утес, нас настигло землетрясение. Сани покатились вниз и я вслед за ними, но сила Ая спасла нас от падения к подножию утеса на двести, если не больше, футов. Если один из нас сломает ногу или плечо, это будет, вероятно, означать конец для обоих.

Долина под нами полна пара. Ее коснулась лава. Мы не можем возвращаться. Завтра попытаемся подняться дальше к западу.

Берни Тенери. Не везет. Пойдем еще дальше на запад. Темно, как в поздние летние сумерки.

Мы кашляем, но не от холода (даже ночью температура около нуля), а от пепла и дыма. Два дня прошли в напряженных попытках подняться. Всюду мы встречали непреодолимую стену. Ай истощен и рассержен. Он как будто готов заплакать, но не плачет. Я думаю, он считает плач постыдным.

В первые дни, когда он был очень слаб, он прятал от меня свое лицо. Причины личные, расовые, социальные, половые — откуда мне знать? Но имя его — это крик боли. Я ясно помню, как впервые увидел его давным-давно в Эрхенранге. Наслушавшись разговоров о чужаке, я спросил, как его зовут, и услышал в ответ крик боли: «Ай». Теперь он спит. Руки его дрожат и дергаются от усталости, а все вокруг нас — лед, скалы, пепел и снег, огонь и тьма — тоже дрожит и дергается. Выглянув из палатки, я увидел тускло-красный отсвет вулкана на облачном небе.

Орни Тенери. Не везет. Сегодня двадцать второй день путешествия, и с десятого дня мы не продвинулись на восток, наоборот, ушли на двадцать—двадцать пять миль на запад. С восемнадцатого дня мы вообще не продвинулись и могли бы с тем же успехом сидеть на месте. Даже если нам удастся подняться на лед, хватит ли нам теперь пищи? Трудно не думать об этом. Дым и пепел от извержений мешают смотреть вдаль, поэтому мы не можем выбрать путь.

Ай предлагает попробовать каждый подъем, даже самый крутой. Он нетерпелив и раздражен моей осторожностью. Нам следует сдерживаться. Через день или два я буду в кеммере, и напряжение возрастет...

А тем временем мы бьемся головами о ледяные утесы в полной пепла тьме. Если бы я писал новый йомештский канон, то посылал бы воров после смерти сюда. Воров, которые ночью крадут продовольствие в Туруфе, воров, которые крадут сердце и имя человека и отсылают его пристыженного и изгнанного.

Голова у меня гудит, я не в состоянии даже прочесть написанное.

Хардахад Тенери. Мы на Гобрине. Двадцать третий день пути, и вот мы на леднике Гобрин.

Утром, пройдя лишь несколько сотен ярдов от ночного лагеря, мы увидели дорогу на лед, широкую, мощенную шлаком. Мы прошли по ней, как по главной улице Эрхенранга, и вот мы на льду. Мы движемся на восток домой.

Радость, испытываемая Аем от нашей победы, заразила и меня. Впрочем, вверху так же мрачно, как и внизу.

Мы на самом краю плато. Расщелины, некоторые достаточно широкие, чтобы поглотить целую деревню, не дом за домом, а всю сразу, уходят на север и скрываются из вида. Большинство из них пересекают наш путь, поэтому нам постоянно приходится идти не на восток, а на север. Идти трудно. Мы тащим сани меж огромных складок льда, образовавшихся от напора ледяного щита на Огненные Холмы. Изуродованные давлением ледяные утесы приобретают диковинные формы: опрокинутые башни, безногие гиганты, катапульты. На протяжении многих миль лед все вздымается, стараясь затопить горы и заглушить огонь, заставив замолчать вулканы. В нескольких милях к северу из льда поднимается пик — острый голый конус молодого вулкана, на много тысячелетий моложе этого ледяного щита, который шеститысячной футовой толщей покрывает невидимые склоны.

Весь день, оглядываясь, мы видели пепельно-серое облако над Дромаголом, которое кажется серым продолжением льда.

Дует сильный ветер и разгоняет дым и пар, которым мы дышали все последние дни.

Облако дыма за нами, как черная крышка, скрывает ледник, горы, каменную долину и всю землю. Здесь нет ничего, кроме льда. Но молодой вулкан к северу от нас думает по-другому.

Снега нет, пасмурно. В сумерки на плато — минус четыре градуса. Под ногами новый лед, предательский и скользкий. Мы часто падаем. Падая, я еду на животе не менее пятнадцати футов. Ай в упряжке сгибается от хохота. Он извиняется и объясняет, что считал себя единственным человеком на Гетене, способным поскользнуться на льду.

За день прошли тринадцать миль, но если мы и дальше будем придерживаться такого темпа среди утесов и расщелин, то скоро замучаемся и попадем в худшую беду, чем езда на животе.

Убывающая луна стоит низко, она тускла, как засохшая кровь, большое коричневатое радужное облако окружает ее.

Орни Тенери. Снег. Вязкий снег и резкий ветер. Температура падает. Сегодня снова тринадцать миль, что составляет общее расстояние в двести пятьдесят четыре мили с момента выхода из первого лагеря. В среднем мы делаем шесть с половиной миль в день. Но тяжелый путь не приблизил нас к цели. Мы сейчас не ближе к Кархиду, чем в начале пути. Но теперь у нас больше возможностей попасть туда. Когда мы вырвались из мрака тумана наверх, не все наше время стало занято работой и тревогами, и после ужина мы по вечерам снова разговариваем в палатке. В состоянии кеммера я предпочел бы не замечать присутствия Ая, но это не так-то

легко сделать в двухместной палатке. Беда, конечно, в том, что он на свой манер тоже в кеммере, он всегда в кеммере. Должно быть, несильно это желание, если оно растянуто на все дни года. Вечером мне трудно скрывать свое физическое состояние.

Он, наконец, спросил, не оскорбил ли он меня чем-нибудь.

Я с некоторым замешательством объяснил свое молчание. Я боялся, что он будет смеяться надо мной. В конце концов, это не более, чем сексуальный каприз.

Здесь, наверху, на льду, каждый из нас единичен, изолирован, и я так же отрезан от мне подобных, от всего общества и его правил, как и он от своего. Нет других гетенианцев, которые объясняли и поддерживали бы мое существование. Мы, наконец, равно чужды и одиноки. Он, конечно, не стал смеяться, наоборот, заговорил с мягкостью, которой я раньше не замечал в нем. Немного погодя, он тоже начал говорить об изоляции и одиночестве.

— Ваша раса ужасающе одинока в своем мире. Нет других млекопитающих. Нет других двуполых видов. Нет животных, достаточно разумных, чтобы одомашнить их, хотя бы и в качестве игрушки. Эта уникальность должна воздействовать на ваш образ мысли. Я имею в виду не только научное мышление, хотя вы и великолепные создатели гипотез. Поразительно, что вы выработали концепцию эволюции, не имея никакого переходного звена между вами и низшими животными. Но ваша философия такова: быть одинокими во враждебном мире. Это должно отразиться на всем вашем мировоззрении.

— Йомешта сказал бы, что одиночество человека есть его назначение.

— Конечно. Другие культы в других мирах пришли к такому же заключению. Это культы динамичных, агрессивных, нарушающих эволюцию культур. Их примером мог бы быть Оргорейн. По крайней мере, он, кажется, движется в этом направлении. А что говорят жанндары?

— Жанндара, как вы знаете, это не теория и не догма... Они меньше замечают пропасть между людьми и животными, обращая внимание на их сходство, на связи, которые делают все живое частями единого целого.

У меня в голове целый день звучало Термора и я процитировал:

— Свет — это левая рука Тьмы,
А Тьма — это правая рука Света.
Два есть одно: жизнь и смерть
Лежат рядом, как пара в кеммере.
Как соединение руки,
Как конец и начало.

Голос мой дрожал, когда я читал эти строки. Я помнил, что они были в письме, которое мой брат написал мне перед смертью.

Ай подумал и сказал:

— Вы изолированы и в то же время неразделенны. Возможно даже, что вы страдаете целостностью, как мы дуализмом.

— Мы тоже дуалисты. Дуализм существует, пока существуют «я» и «другие».

— «Я» и «ты», — сказал он. — Да, в конце концов это заложено глубже, чем пол...

— Скажите, как другой пол вашей расы отличается от вас?

Он посмотрел удивленно, меня тоже удивил собственный вопрос. Это во мне неожиданно заговорил кеммер.

— Я никогда не думал об этом, — сказал Ай. — Вы ведь никогда не видели женщин.

Он использовал слово земного языка, которое я знал.

— Я видел ваши фотографии. Женщины похожи на наших беременных гетенианцев, но с большими грудями. Отличаются ли они в умственном отношении и поведении? Похожи ли на два различных вида?

— Нет, конечно, но различия очень важны. Я думаю, что важнейший фактор человеческой жизни — рожден ли он мужчиной или женщиной. В обществе пол определяет деятельность, мировоззрение, этику, манеры — все. Слова, обычаи, одежду, даже пищу. Женщины обычно едят меньше. Очень трудно отделить внутренние различия от внешних. Даже если женщины обладают в обществе равными правами с мужчинами, на них все равно падает обязанность рождения и воспитания детей.

— Значит, равенство не общее правило? Они отстают в умственном отношении?

— Не знаю. Они часто занимаются математикой, сочиняют музыку, изобретают, они не мыслят абстрактно. Но не потому, что они глупы. Физически они менее мускулисты, но намного выносливее мужчин. Психологически...

После этого он долго смотрел на горящую печь, а потом покачал головой.

— Харт, я не могу вам сказать, на что похожи женщины. Я никогда не думал об этом, а сейчас — о, боже — я почти забыл о них. Я здесь уже два года. Вы же знаете, в некотором смысле женщины более чужды мне, чем вам. Ведь с вами я одного пола...

Он посмотрел в сторону и рассмеялся печально и беспокожно. Я испытывал сложные чувства, и мы оставили эту тему.

Гирни Тенери. Сегодня прошли восемнадцать миль на лыжах в северо-восточном направлении. В первый же час выбрались из пограничного района утесов и ущелий.

Оба шли в упряжке. Я шел впереди, чтобы испытать лед, но в этом не было необходимости. На ископаемом льду лежит слой нового льда в несколько футов толщиной, а на нем слой слежавшегося снега.

Идти было легко, сани казались такими легкими, что трудно было поверить, что в них еще несколько сотен футов веса. После полудня тащили сани по очереди. Один человек вполне справляется с ними на этой прекрасной поверхности. Жаль, что нам пришлось проделать самую тяжелую часть пути с грузом. Теперь идти легко.

Я понял, что слишком часто думаю о пище.

Ай говорит, что мы едим мало. Весь день мы быстро шли по ровному ледяному плато.

Лишь несколько далеких от нас пиков разрывали лед, а сзади висело темное облако дыхания Дрампера. И больше ничего.

Только солнце и лед.

17. ОРГОТСКИЙ МИФ О СОТВОРЕНИИ МИРА

*Миф создан в доисторический период. Записывался во множестве вариантов. Эта очень примитивная версия содержится в йомештском письменном тексте, найденном в пещере Айсеппет
Шрайн Хиндерленд Гобоин*

В начале не было ничего, кроме льда и солнца. За много лет сияющее солнце выплатило во льду большую расщелину. По бокам расщелины — большие ледяные утесы, а дна у нее не было. На боках утесов таял снег, и капли падали вниз.

Первый из ледяных утесов сказал:

— У меня идет кровь.

Второй заметил:

— Я плачу.

А третий отозвался:

— Я потею.

Ледяные утесы выбрались из пропасти и стояли на ледяной равнине. Тот, который сказал: «У меня идет кровь», дотянулся до солнца, набрал полные руки испражнений из солнечных кишок и сделал из них холмы и долины земли. Тот, который сказал: «Я плачу», дохнул на лед, растопил его и создал моря и реки. Тот, который сказал: «Я потею», смешал землю и морскую воду и сделал из смеси деревья, растения, травы, зерно на полях, животных и людей. Растения росли на полях и в море, звери бегали по земле и плавали в воде, но люди не просыпались. Их было тридцать девять. Они спали на льду и не двигались.

Тогда ледяные утесы сели, согнув колени, и солнце растопило их. Они таяли молоком, и молоко текло в рты спящих, и спящие проснулись. Только дети людей пьют молоко, иначе они не просыпаются к жизни.

Первым проснулся Эдендурат. Он был так высок, что, встав, расколол головой небо, и пошел снег. Он увидел, как шевелятся и просыпаются другие, и испугался. Поэтому он убивал их одного за другим ударом кулака. И убил он их тридцать шесть. Но тридцать седьмой, предпоследний, убежал.

Его звали Хахерет. Далеко бежал он по льду и по земле. Эдендурат погнался за ним, поймал и убил. Затем он вернулся к месту рождения

на льду Гобрин, где лежали тела остальных, но последнего там уже не было. Он убежал, пока Эдендурат гнался за Хахеретом.

Эдендурат построил дом из замерзших тел своих братьев и стал ждать возвращения последнего. Каждый день один из трупов спрашивал: «Он горит?» И все остальные трупы мертвыми, замерзшими языками отвечали: — Нет.

Потом Эдендурат во сне вступил в кеммер, зашевелился и громко заговорил, а когда он проснулся, все трупы говорили: «Он горит!» И последний из братьев, самый юный из них, услышав это, вошел в дом из тел и совокупился с Эдендуратом.

От них и пошли все люди, от плоти Эдендурата, из чрева Эдендурата. Имя младшего брата — отца — неизвестно. За каждым ребенком следовал клок тьмы, когда он ходил при дневном свете. Эдендурат спросил:

— Почему за моими сыновьями следует тьма?

Его кеммеринг ответил:

— Они рождены в доме из тел. И по пятам за ними следует тень — смерть. Они в середине времени. В начале были солнце и лед и не было тени. В конце солнце пожрет себя, тень съест свет, и не останется ничего, кроме льда и тьмы.

18. НА ЛЬДУ

Иногда, засыпая в темной тихой палатке, я на мгновение вижу перед собой картины прошлого. Стены палатки наклоняются над моим лицом, не видимые, но слышные. Слышно, как трется о них падающий снег. Ничего не видно. Свет печи Чейва погашен, и она существует только как теплый шар, сердце тепла. Слабый шелест спального мешка, звук снега, еле слышное дыхание спящего Эстравена, тьма, и больше ничего. Мы вдвоем внутри, в убежище, в центре всех предметов. Снаружи, как всегда, лежит огромная тьма, холодное смертельное одиночество.

В такие отчетливые моменты, засыпая, я знаю, что все прошлое существует в настоящем и что здесь, в сердце тепла, истинный центр моей жизни.

Не хочу сказать, что я был счастливым в эти недели изнурительного труда, когда мы тащили сани по ледяному щиту среди смертоносной зимы. Я был голоден, измучен, беспокоен, и чем дальше, тем становилось хуже. Я, несомненно, не был счастлив. Счастье имеет причину, и только причина дает счастье. То, что было дано мне, невозможно заслужить или удержать, часто даже невозможно узнать вовремя. Я имею в виду радость.

Я всегда просыпался первым, обычно перед рассветом. Уровень обмена веществ у меня выше средней нормы гетенианца, как рост и вес. Эстравен учитывал эту разницу при расчете режима пищи, и с самого начала я получал в день на несколько унций пищи больше, чем он. Протесты против

несправедливости замолкали перед очевидностью такого деления. Впрочем, увеличенная порция все же была мала. Я был голоден постоянно и ежедневно.

И просыпался я от голода.

Если было еще темно, я включал свет печи Чейва и ставил кастрюлю со льдом, принесенным с вечера и уже растаявшим за ночь, на печь. Эстравен тем временем вел свою обычную яростную молчаливую борьбу со сном, как будто боролся с ангелом. Победив, он садился, сонно смотрел на меня, тряс головой и просыпался. К тому времени, когда мы были уже одеты, обуты и сворачивали свои мешки, готов был завтрак: кружка кипящего орша и кубик гичи-мичи, превращенный горячей водой в маленькую тестообразную булочку. Мы жевали медленно, торжественно, подбирая все крошки.

Пока мы ели, печь остывала. Мы упаковывали ее вместе с кастрюлей и кружками, надевали верхнюю одежду, капюшоны и рукавицы и выползали наружу. Холод снаружи был невыносим. Каждое утро я заново должен был свыкаться с ним.

Иногда шел снег, иногда долгий зимний день был удивительно золотым и голубым на протяжении многих миль льда, но чаще он был серым.

На ночь мы брали термометр с собой в палатку, а когда выносили его наружу, было интересно следить, как указатель быстро скользит направо (шкалы гетенианцев рассчитаны на чтение против часовой стрелки), спускаясь на двадцать, пятьдесят, восемьдесят градусов, пока не достигал отметки где-нибудь между нулем и минус шестьдесятю.

Один из нас снимал палатку и сворачивал ее, а другой в то же время грузил на сани печь, мешки и прочее. Палатка клалась поверх всего, и мы были готовы встать на лыжи и тащить упряжь. В нашем снаряжении было мало металла, но на упряжи были пряжки из алюминиевого сплава, их нельзя было застегнуть в рукавицах, а они при морозе обжигали руки, как будто были раскалены докрасна. Мне приходилось быть очень осторожным при температуре ниже двадцати градусов, особенно когда был ветер, потому что я весьма легко обмораживался, особенно пальцы. Ноги мои никогда не страдали — исключительно важное обстоятельство в зимнем путешествии, где обморожение может стоить недели пути или всей жизни. Эстравену приходилось угадывать мой размер, и снегоступы оказались мне немного велики, но промежуток заняли лишние носки. Мы надевали лыжи, как можно быстрее впрягались в упряжку, раскачивали сани, если полозья примерзли, и трогались.

По утрам после сильных снегопадов приходилось тратить время на то, чтобы выкопать палатку и сани из-под снега.

Свежий снег убирать было легко, хотя он и образовывал вокруг нас внушительные сугробы. Эти сугробы оказывались единственным препятствием, единственным выдающимся над ровной поверхностью льда предметом на сотни миль.

Мы двигались на восток по компасу.

Ветер обычно дул с севера на юг, с ледника.

День за днем он дул на нас слева, когда мы шли. Капюшон спасал мало, и я надевал лицевую маску, чтобы защитить нос и левую щеку. И все же однажды я обморозил левый глаз и даже подумал, что больше не смогу им видеть. Даже когда Эстравен дыханием и языком растопил покрывающий глаз лед, я некоторое время не видел им. В солнечную погоду мы оба надевали гетенианские защитные очки, и никто из нас не страдал от снежной слепоты. Впрочем, для этого у нас было мало возможностей. Эстравен говорил, что над центральной зоной льда удерживается область высокого давления, где тысячи квадратных миль белой поверхности отражают солнечный свет. Мы, однако, были не в центральной зоне, а на самом краю ее, между ней и зоной воздушных волнений, зоной выпадения осадков, откуда на прилегающие зоны срывались сильные бури. Когда ветер менялся, он приносил с собой снег, похожий на песчаную бурю. Тогда на поверхности появлялись движущиеся снежные змеи и все становилось белым в белом воздухе — не видно ни солнца, ни теней из-под наших ног.

В полдень мы останавливались, и, если дул сильный ветер, вырубали блоки льда и строили из них защитную стену от ветра, а потом нагревали воду, растворяя в ней гичи-мичи, запивали горячей водой с кусочком сахара, надевали упряжку и двигались дальше.

В пути или за едой мы редко разговаривали. Губы у нас растрескались, а когда открываешь рот, туда врывается холодный воздух, обжигая язык, горло и легкие. Нужно было держать рот закрытым и дышать через нос, по крайней мере тогда, когда температура была ниже минус сорокапятидесяти градусов, а когда было особенно холодно, процесс дыхания затруднялся тем, что воздух тут же замерзал, и если не уследишь, лед закроет ноздри, и тогда, чтобы не задохнуться, приходится набирать полные легкие острых игл.

Мы тащили сани, пока не уставали, пока не становилось темно, затем останавливались, ставили палатку, привязывали к колышкам сани, если угрожал сильный ветер, и устраивались на ночлег. Обычно за день мы шли одиннадцать-двенадцать часов и проходили от двенадцати до восемнадцати миль.

Это не очень много, но условия были нелегкими. Наст на снегу редко подходил для лыж и для санных полозьев. Когда он был тонким и новым, сани шли легко, но когда он подмерзал, сани начинали срываться, и нас часто останавливало рывком. Часто встречались на пути заструги — длинные, нанесенные снегом волны, достигавшие четырех футов в высоту. Нам приходилось каждый раз вытаскивать сани на такой заостренный конус, затем осторожно спускать их и переходить к следующему.

Они всегда шли перпендикулярно нашему курсу. Я представлял себе ледяное плато Гобрин, как замерзший пруд, на самом деле это были сотни миль внезапно застывшего в бурю моря.

Ставить палатку, укреплять ее, удалять снег с внутренней полости — все это очень утомляло. Иногда казалось, что не стоит этого делать.

Было так холодно, мы так уставали, что хотелось лучше закутаться в спальные мешки, лечь в санную колею и не беспокоиться о палатке. Я помню, как негодовал на методическую тираническую настойчивость своего компаньона, который заставлял все проделывать тщательно и правильно. В такие минуты я его ненавидел. Я ненавидел все то, что приходилось делать во имя жизни.

Закончив все, мы заползали в тепло печи Чейва.

Чудесная вещь окружала нас — тепло.

Смерть и холод оставались снаружи. Мы ели и пили, потом разговаривали. В сильные холода даже великолепная изоляция палатки не помогала, и мы лежали в мешках как можно ближе к печи. В метель через вентиляционные отверстия в палатку набивался снег, и воздух внутри становился туманным. По ночам бури издавали странные звуки и не давали нам разговаривать, так что нам приходилось кричать.

В другие ночи было так тихо, что казалось, что весь мир перестал существовать.

Через час после ужина Эстравен уменьшал нагрев печи, если это было возможно, и выключал свет. Делая это, он бормотал короткую строчку — единственное ритуальное заклинание, которое я услышал у жанндара: «Хвала тьме и несовершенному творению». И наступила тьма. Мы засыпали. Утром все начиналось сначала.

Так продолжалось свыше сорока дней.

Эстравен продолжал вести своей дневник, хотя на протяжении недели на льду он мог записывать лишь погоду и пройденное за день расстояние. Среди этих записей встречаются упоминания о собственных мыслях и о наших разговорах. Но там нет ни слова о тех беседах, которые мы вели между ужином и сном на протяжении всего первого месяца на льду, пока у нас оставалась энергия для разговоров. Кроме того, несколько дней из-за бури мы провели в палатке. Я сказал ему, что мне не запрещено использовать мыслительную речь на планетах, не входящих в союз, но делать это не рекомендуется, и я прошу его сохранить это умение в тайне, пока я не посоветуюсь со своими коллегами на корабле. Он обещал и сдержал свое слово.

В его записях нет ни слова о наших молчаливых беседах.

Мозговая речь — единственное, что я мог дать Эстравену из всей нашей цивилизации, которой он так глубоко интересовался. Я мог рассказывать и описывать многое, но дать мог только мозговую речь. В сущности, это было единственное существенное, что мы могли дать Зиме. Но не могу сказать, что не нарушил закон и культурное эмбарго из благодарности. Я не платил ему долг. Такие долги остаются неоплаченными.

Эстравен и я просто оказались в таких отношениях, когда делишь все, чем обладаешь.

Думаю, что возможно половое сношение между двуполым гетенианцем и однополым человеком с Хейна, хотя такие отношения неизбежно будут стерильными, но это требует доказательства, и мы с Эстравеном лишь

вскользь коснулись этой темы. Самый критический момент в наших сексуальных влечениях наступил в самом начале пути, во вторую ночь на льду.

День был тяжелый, мы пересекли покрытый трещинами район, к востоку от Огненных Холмов. В этот вечер мы были усталые, но возбужденные, понимая, что скоро перед нами откроется ровная поверхность. Но после ужина Эстравен стал беспокоен и обрывал разговоры. После очередного отпора я сказал:

— Харт, я что-то неверно сделал? Скажите, что?

Он молчал.

— Я допустил ошибку в шифрреторе. Простите, никак не могу научиться. Я так и не понял истинного значения этого слова.

— Шифрретор? Он происходит от старого слова, означающего «тень».

Некоторое время мы оба молчали, затем он прямо и искренне посмотрел на меня.

Его лицо слегка покраснело от света печи, оно казалось таким уверенным, таким отдаленным, как лицо женщины, которая смотрит на вас, задумавшись, и молчит.

Я снова увидел то, что старался не замечать, боялся увидеть: что он женщина в такой же степени, как и мужчина. До сих пор я не воспринимал его полностью, отрицал его сущность. Он имел право сказать мне, единственный человек на Гетене, который поверил в меня, кто понял во мне человека, кто видел во мне личность, и он поэтому ожидал от меня такого же отношения. А я боялся ответить ему тем же. Я не хотел давать свою дружбу, свою верность мужчине, который был женщиной, и женщине, которая была мужчиной.

Он просто и коротко объяснил, что находится в кеммере и старается избегать меня.

Я тоже должен избегать его.

— Я не должен касаться вас, — принужденно добавил он.

Говоря это, он смотрел в сторону от меня.

— Понимаю, совершенно верно, — ответил я ему.

Мне казалось — я думаю, и ему тоже, — что из-за сексуального напряжения, принятого и понятого, но не успокоенного, возникла уверенность в дружбе между нами, в дружбе, так необходимой нам обоим в этом изгнании и так помогавшей нам в дни и ночи тяжелого пути. Это может быть названо и любовью. Но любовь эта исходила не из сходства, а из различия между нами.

Она была мостом, соединявшим нас.

Сексуальная встреча поставила бы нас в положение чужаков. Мы соприкоснулись единственным возможным для нас путем. И так все и осталось. Не знаю, были ли мы правы.

В этот вечер мы еще немного разговаривали, и я помню, как тщетно пытался объяснить ему, что такое женщина. В следующие несколько дней мы общались друг с другом с осторожностью. Любовь между людьми означает, кстати, возможность наносить друг другу глубокие раны.

До этой ночи мне никогда не приходило в голову, что я могу ранить Эстравена.

Теперь, когда исчезли барьеры, ограничения, наложенные на наше общение, казались мне невыносимыми. Очень скоро, два или три дня спустя, после праздничного ужина — добавочной порции похлебки из кадика, — которой мы отметили пройденные за день двадцать миль, я сказал:

— Весной, в нашу последнюю встречу в вашем доме, вы говорили, что хотите больше узнать о мозговой речи.

— Да.

— Хотите я научу вас ей?

Он рассмеялся.

— Хотите уличить меня во лжи?

— Если вы даже когда-то лгали мне, это было давным-давно и в другом мире.

Он был честным человеком, но вряд ли прямым. Мои слова, видимо, обрадовали его, и он сказал:

— В другом мире я могу по-другому лгать вам. Но я думал, вам запрещено учить мозговой речи туземцев, пока мы не присоединены к Экумену.

— Не запрещено. Просто так не делают. А я сделаю, если хотите. И если смогу. Я не выявитель.

— Значит, есть специальные преподаватели этого искусства?

— Да. Но не на Альтерре, где у жителей естественная восприимчивость и где, как утверждают, матери разговаривают со своими неродившимися детьми. Не знаю, что отвечают им дети. Но большинство из нас можно обучить иностранному языку. Или, скорее, родному языку, которому начинаешь учиться поздно.

Я думаю, он понял, почему я предлагаю обучать его этому искусству, и очень захотел научиться. Нужно было начинать. Я вспомнил, как меня самого учили в двенадцатилетнем возрасте. Я велел ему очистить мозг, впустить в него пустоту. Он сделал это быстро и тщательно, лучше, чем я когда-либо; не зря он был адептом жанндары.

Я начал как можно яснее мысленно говорить с ним. Никакого результата. Я попытался снова. Я старался в течение получаса, пока мозг у меня не «охрип». Он уныло посмотрел на меня.

— Я думал, для меня это будет легко, — сознался он.

Мы оба устали. Я отложил попытки. Следующие попытки тоже были безуспешными.

Я пытался проникнуть в мозг Эстравена, когда он спал, вспомнив, что говорил мой Выявитель о «посылке» снов, встречающейся у дотелепатических народов, но тоже безуспешно.

— Наверное, мы лишены этой способности, — сказал Эстравен. — У нас много сказаний и слухов о словах власти, но никаких доказательств существования телепатии.

Так было и с моим народов в течение тысячелетий. Несколько естественно воспринимающих, но не осознающих свой дар, и никого, кто сознательно

общался бы с ними. Все в скрытом состоянии. Я говорил вам, что за исключением прирожденных воспринимающих, эта способность является психологической производной культуры, побочным результатом использования мозга. Умственно отсталые дети, члены отсталых примитивных обществ не могут пользоваться мозговой речью. Вначале должна развиться определенная степень организации мозга. Невозможно создать аминокислоты из атомов одного водорода. Вначале они должны сами создать сложную структуру. Здесь такая же ситуация. Абстрактное мышление, сложная специальная организация, усложненная культура, эстетические и этические концепции — все это должно достичь определенного уровня, прежде чем окажется возможной мысленная связь, хотя потенциально она всегда возможна.

— Может быть, гетенианцы еще не достигли такого уровня?

— Вы далеко превосшли его. Но необходима и удача. Как в случае с аминокислотами. Или возьмем аналогию культурного плана — только аналогию, но очень подходящую. Научный метод, например, использование конкретной экспериментальной техники в науке. В Экумене есть народы, обладающие высокоразвитой культурой, сложной социальной организацией, философией, искусством, этикой, огромными достижениями во всех этих сферах, и все же они не умеют точно взвесить камень. Конечно, они могут научиться этому. Но в течение полумиллиона лет они обходились без этого. Есть народы, вообще не знающие высшей математики, ничего, кроме простейших правил арифметики. Они могут научиться этому, научиться делать расчеты, но сами по себе этого не делают. Кстати, мой собственный народ, земляне, очень долго не подозревали о существовании нуля.

При этом Эстравен заморгал.

— А что касается гетенианцев, то мне очень любопытно узнать, обладаем ли мы их способностью к предсказанию, является ли эта способность результатом эволюции, можно ли ей научиться.

— Вы думаете, это полезное свойство?

— Точные пророчества? Конечно!

— Со временем вы поймете, что практически они бесполезны.

— Ваша жанндара очаровывает меня, Харт, но временами я думаю, как мог развиться такой парадоксальный способ мышления.

Мы снова попытались использовать мысленную речь. Раньше мне никогда не приходилось обращаться к совершенно невосприимчивому. Опыт оказался неудачным.

Я чувствовал себя, как молящийся атеист.

Вскоре Эстравен зевнул и сказал:

— Я глух, как скала. Лучше ляжем спать...

Я согласился. Он выключил свет, пробормотал свою короткую похвалу тьме, мы закутались в мешки и через минуту окунулись в сон, как пловец погружается в темную воду. Я чувствовал его сон, как свой собственный. Между нами установилась эмпатическая связь, и я мысленно обратился к нему сквозь сон, назвав его по имени:

— Терем!

Он мгновенно сел, и во тьме громко прозвучал его голос:

— Арек! Это ты?

— Нет. Это Дженли Ай. Я мысленно говорю с вами.

У него перехватило дыхание. Тишина.

Он завозился у печи Чейва, включил свет, посмотрел на меня темными глазами, полными страха.

— Мне снилось, что я дома.

— Вы слышали мою мозговую речь.

— Вы позвали меня. Это был мой брат. Я слышал его голос. Он мертв. Вы называли меня Теремом? Я... Это ужаснее, чем я думал.

Он покачал головой, как человек, прогоняющий ночной кошмар, и обхватил лицо руками.

— Харт, простите.

— Нет, зовите меня по имени. Если вы мысленно можете разговаривать со мной, да еще голосом мертвого человека, значит, можете называть меня по имени! Он не называл меня «Харт». О, теперь я понимаю, почему в мозговой речи не бывает лжи. Это ужасно... Ладно, поговорите со мной еще.

— Подождите.

— Нет, начинайте.

Ощущая на себе его яростный и в то же время испуганный взгляд, я снова мысленно заговорил с ним.

— Терем, друг мой, нам нечего опасаться друг друга.

Он продолжал смотреть на меня, и я даже подумал, что он не понял. Но он понял.

— Ах, есть чего опасаться.

Немного погодя, справившись с собой, он уже спокойно сказал:

— Вы говорите на моем языке.

— Конечно. Вы ведь не знаете моего.

— А я думал, что мозговая речь, понимаете...

— Нет.

— Объясните мне это позже. Но почему вы говорите голосом моего брата?

Голос Эстравена был напряжен.

— Не могу ответить. Не знаю. Расскажите мне о нем.

— Иусут. Мой полный брат, Арек Харт рем ир Эстравен, был на год старше меня. Он стал лордом Эстра. Мы... Я оставил дом из-за него. Он уже четырнадцать лет как мертв.

Некоторое время мы оба молчали. Я не знал, что скрывается за этими словами, но не стал спрашивать. Ему и так слишком много стоили сказанные им немногие слова.

Наконец я сказал:

— Попробуйте мысленно говорить со мной, Терем. Назовите меня по имени.

Я знал, что он сможет это сделать: раппорт был налицо, или, как говорят специалисты, установилась совместная связь, и все же он, конечно, понятия не имел, как сознательно снимать барьер.

Будь я Слушателем, я бы услышал его мысли.

— Нет, — сказал он. — Еще нет...

Но ни шок, ни страх, ни ужас больше не могли сдерживать его ненасытное, расширяющееся сознание. После того, как он снова выключил свет, я неожиданно услышал, как он, заикаясь, внутренней речью произнес:

— Джерри.

Даже в мысленной речи он не смог произнести звук «л».

Я немедленно ответил. Во тьме послышались нечленораздельные восклицания, в которых смешивались страх и удовлетворение.

— Больше не нужно, — сказал он вслух.

Немного погодя мы уснули.

Ему это давалось не легко.

Не то, чтобы у него не было способностей или он не мог учиться, но иностранная речь мешала ему.

Он быстро научился воздвигать барьеры, но я чувствовал, что он не может на них полагаться. И все мы, вероятно, были в таком положении, когда несколько столетий назад прибыли первые Выявители с Роканнона и начали учить нас «последнему искусству». Возможно, гетенианцы воспринимали мозговую речь, как нарушение своей целостности, как трудно переносимую брешь в своей сущности. А может, виноват характер Эстравена, в котором были так сильны искренность и сдержанность. Каждое слово вырывалось у него из глубин молчания.

Он воспринимал мой мысленный голос, как голос мертвого. Я не знал, что кроме любви и смерти, лежало между ним и его братом, но я чувствовал, что когда я мысленно говорю с ним, что-то в нем вздрагивает, как будто я касаюсь открытой раны. И связь, установившаяся между нами, оказалась открытой и суровой, и не проливала свет (как я прежде надеялся), а выявляла глубокую тьму.

День за днем мы продвигались на восток по ледяной поверхности равнины. Середина запланированного пути, тридцать третий день, Одорни Аннер, застала нас далеко от средней точки маршрута.

По измерителю расстояния мы действительно покрыли около четырехсот миль, но лишь три четверти из них были реальным продвижением вперед, и мы лишь очень приблизительно могли оценить, сколько нам еще предстоит пройти. Эстравен не беспокоился, как я, из-за сотен лежавших впереди миль.

— Сани легки, — говорил он. — К концу пути они станут еще легче, а в случае необходимости, мы можем еще сократить рацион. До сих пор мы питались очень хорошо.

Я думал, он иронизирует, но мне следовало лучше знать его.

Весь сороковой день и два последующих дня нас заносила метель. Долгие часы Эстравен почти непрерывно спал и ничего не ел, хотя часто пил

растопленную воду. Он настаивал, чтобы я ел, хотя бы половину нормы.

— У вас нет опыта в голодовке, — говорил он.

Я почувствовал себя уязвленным.

— А у вас есть такой опыт, лорд домейна и премьер-министр?

— Дженри, мы приучаемся к лишениям сознательно, пока не привыкнем к ним. Я научился голодать еще ребенком в Эстра. Меня учили этому жандармы в крепости Ротерер. Конечно же, в Эрхенранге у меня не было такой практики, но в Мишпори я снова начал привыкать. Пожалуйста, мой друг, делайте, как я говорю. Я знаю, что делаю.

Я повиновался.

Через четыре дня мы снова двинулись в путь. Стояли сильные холода, температура никогда не поднималась выше минус двадцати пяти градусов. Потом с востока снова нам в лицо ударила метель. После первого порыва ветра пошел такой густой снег, что я не видел Эстравена в шести футах от себя. Чтобы не задохнуться, я повернулся к ветру спиной, а когда мину-ту спустя снова повернулся, то ни Эстравена, ни саней не было, ничего не было.

Я сделал несколько шагов в том направлении, где они должны были быть, и упал. Я закричал, но не услышал собственного голоса. Я был нем и одинок во вселенной, полной жалящего снега и ветра. В панике я слепо побрел вперед, мысленно крича: «Терем!»

Он сказал рядом со мной:

— Дайте мне руку. Вот палатка.

Я больше никогда не вспоминал об этом приступе паники.

Метель продолжалась два дня. Потрачено было пять дней, а сколько их еще предстоит! Аннер и Ниммер — месяцы сильных бурь.

— Продуктов совсем мало, — сказал я однажды вечером.

Я отмерил порцию гичи-мичи, чтобы смешать ее с кипятком.

Он посмотрел на меня. Его широкое лицо казалось осунувшимся, глаза глубоко запали, губы потрескались. Бог знает на кого был похож я, если так выглядел он, но он лишь улыбнулся.

— Если повезет, доберемся.

То же самое он говорил и вначале.

Я, со всеми своими бедами, со всей отчаянной решимостью поставить все в последней игре, в тот миг не поверил ему. Даже теперь, когда мы так столько перенесли.

Впрочем, Лед не знал, сколько мы уже испытали. Какое ему до этого дело!

— Часто ли вам везло, Терем? — спросил я наконец.

На это он не улыбнулся, только помолчал и ответил:

— С самого начала я думаю об этом.

С самого начала! За этими словами стояли юг, мир безо льда, земля, люди, дороги, города — все то, что здесь трудно было представить себе реально существующим.

— Вы знаете, покидая Мишпори я отправил королю сообщение, касающееся вас. Я сообщил ему то, что рассказал мне Шусгис: что вас отправили на Пулафенскую ферму. У меня тогда не было ясных намерений, я действовал импульсивно. С тех пор я обдумывал этот мой импульс. Может случиться вот что. Король увидит возможность сыграть в шифгретор. Тайб будет возражать против этого, но к этому времени король начнет уставать от Тайба и не обратит на его совет внимания. Он будет оскорблен. «Где посланник, гость Кархида?» Из Мишпори придет лживый ответ: «Он умер осенью от лихорадки хоры, мы весьма сожалеем». — «Тогда почему же наш посол информирует, что он сослан на Пулафенскую ферму?» — «Его там нет, можете проверить сами». — «Нет, конечно, мы верим слову сотрапезников Оргорейна». И вот спустя несколько недель после этого обмена нотами посланник появляется в Северном Кархиде, сбежав с Пулафенской фермы. Ужас в Мишпори, негодования Эрхенранга. Сотрапезники потеряли лицо, их уличили во лжи. Для короля Аргавена вы станете сокровищем, Джерри, дороже брата по очагу. На некоторое время. При первой же возможности вы должны будете вызвать звездный корабль. Призовите своих людей и завершите миссию раньше, чем Аргавен увидит в вас возможного врага, прежде чем Тайб или какой-нибудь другой советник снова напугает его, играя на его безумии. Если он заключит с вами договор, то выполнит его. Нарушить договор — значит нарушить свой шифгретор. Короли династии Харт держат свои обещания. Но вы должны будете действовать быстрее, прежде всего, как можно быстрее посадить корабль.

— Я так и поступлю, если получу хоть малейшее доказательство, что его появление приветствуется.

— Нет. Простите за совет, но вы не должны ждать доказательства. Я знаю, что ваше заявление будут приветствовать. Как и появление корабля. За последние полгода Кархид испытал сильное унижение. Вы дадите Аргавену возможность отыграться. Думаю, он воспользуется этой возможностью.

— Хорошо. А вы тем временем...

— Я Эстравен-предатель. Я не должен иметь с вами ничего общего.

— Вначале.

— Вначале, — согласился он.

— Вы сможете спрятаться, если будет опасно?

— О, конечно.

Ужин был готов, и мы начали есть. Еда была таким важным и всепоглощающим занятием, что мы никогда не разговаривали за едой. Табу действовало в своей полной, вероятно, первоначальной форме. Пока не съедена последняя крошка, не произносилось ни слова. Когда мы поели, Эстравен сказал:

— Надеюсь, я все рассчитал верно. Вы должны... Простите меня...

— Вы дадите мне прямой совет?

Наконец я начал кое-что понимать.

— Конечно, я так и сделаю, Терем. Неужели вы сомневаетесь? И вы знаете, у меня нет шифгретора.

Это позабавило его, но он продолжал размышлять.

— Почему вы пришли один, почему вас послали одного к нам? — сказал он наконец. — Все теперь зависит от появления корабля. Почему вы сделали вступление таким трудным для нас и для себя?

— Таков экуменийский обычай, и у него есть основания. Хотя теперь я сомневаюсь, правильно ли я их понимал. Я думал, что ради вас я прихожу один, такой одинокий и такой уязвимый, что сам по себе не могу представлять угрозу, нарушить равновесие, это не вторжение, а всего лишь послание. Но в этом заключается и нечто большее. Один я не могу изменить ваш мир, но сам могу измениться. Я должен не только говорить, но и слушать. Отношения, которые я устанавливаю, относятся не только к политике. Они индивидуальны и личностны, а это и больше, и меньше, чем политика. Не «мы» и «они», не «я» и «он», нет — «я» и «ты». Отношения не политические, не прагматические, а мистические. В определенном смысле и сам Экумен — не политическая, а мистическая организация. Он считает начала чрезвычайно важными. Начала и средства. Его доктрина резко противостоит утверждению, что цель оправдывает средства. Он действует необычными путями, которые могут показаться и странными, и рискованными. Так действует эволюция, и Экумен в некотором смысле — ее модель. Послан ли я один из-за вас или из-за себя? Не знаю. Да, это делает вступление более трудным. Могу спросить вас, почему вы не изобрели самолет? Один маленький украденный аэроплан избавил бы нас с вами от всех затруднений.

— Нормальному человеку не может и в голову прийти мысль о полете, — строго сказал Эстравен.

Это был честный ответ, в мире, где нет крылатых животных и где сами ангелы йомештской иерархии не летят с неба, а падают, как снежинки, как семена, переносимые ветром.

В середине Ниммера после многих холодных ветреных дней мы вступили в район спокойной погоды. Бури остались далеко на юге, и мы находились в районе, где лишь небо было постоянно затянуто облаками.

Вначале облачный слой был тонким, так что рассеянный солнечный свет отражался от облаков и снега, сверху и снизу. Наутро облака сгустились, яркость исчезла, не оставив ничего. Мы ступили из палатки в ничто. Сани и палатка были на месте.

Рядом со мной стоял Эстравен, но ни он, ни я не отбрасывали тени. Повсюду был тусклый свет. Когда мы двинулись по скрипучему снегу, за нами не оставалось следов. Ни солнца, ни неба, ни горизонта, ни мира.

Серовато-белый свод. Мы в нем как будто висим. Иллюзия настолько полная, что я с трудом удерживаю равновесие. Мое внутреннее чувство привыкло получать сведения о моем положении. Теперь этих сведений не стало, я как будто ослеп. Грузить еще было несложно, но идти, когда глазу не на чем остановиться, когда вокруг ничего нет, крайне утомительно. Мы шли на лыжах, поверхность была ровная, наст крепкий, под нами пять-шесть тысяч футов льда. Казалось бы, можно идти быстро, но мы дви-

гались очень медленно, чуть ли не на ощупь, и нам нужны были большие усилия, чтобы идти нормальным шагом. Любая, самая ничтожная неровность поверхности воспринималась как что-то невероятное, как какая-то лестница, продолжение которой мы не видим.

Мы снова брели вперед с открытыми глазами. День за днем ничего не менялось, и с каждым днем мы проходили все меньше. Уже к полудню мы дрожали от усталости и напряжения. Я начал мечтать о буре, о метели, о чем угодно. Но каждое утро, выползая из палатки, я видел все тот же свод, все ту же серую белизну, которую Эстравен называл Лишенной Тени.

На шестьдесят первый день путешествия Одорни Ниммер, тупое, слепое ничто вокруг нас стало течь и дергаться. Сначала я решил, что глаза обманывают меня, и не обращал внимания на бессмысленные движения, пока вдруг не увидел над головой маленькое, тусклое, мертвое солнце. Посмотрев вперед, я увидел, что из свода выступает какая-то огромная черная форма. Изгибаясь, тянулись черные щупальца. Я замер, чуть не сбив Эстравена. Мы оба были в упряжке.

— Что это?

Он посмотрел на чудовищную фигуру, притаившуюся в тумане, и сказал наконец:

— Утесы. Должно быть, утесы Эшерхота.

Он снова потянул сани. Мы были во многих милях от таинственных форм, а мне казалось, что они на расстоянии вытянутой руки. Незадолго до захода солнца они стали виднее — вершины огромных гор, как айсберги в океане, затонувшие во льду, мертвые в течение тысячелетий.

Если судить по нашей неточной карте, мы оказались намного севернее кратчайшего из путей. На следующий день мы впервые повернули на юго-восток.

19. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мы продолжали идти, стараясь приободриться при виде утесов Эшерхота — первого предмета, кроме льда, снега и неба, увиденного нами за семь недель. Судя по карте, эти утесы находились недалеко от Шенсейских болот, к северу от них и к востоку от залива Гутон. Но картам района Гобрин не следовало доверять. А мы уже очень устали.

Мы поняли, что оказались ближе к южному краю ледника Гобрин, чем указывала карта, потому что на второй день после поворота на юг начали встречаться трещины и щели с торосами. Лед не был таким неровным, как в районе Огненных Холмов, но в нем скрывались пустоты. Вероятно, летом они представляли собой озера. Иногда лед проваливался, и мы оказывались в яме, а иногда поверхность была испещрена небольшими впадинами и трещинами. Все чаще и чаще встречались большие расщелины, старые каньоны во льду, некоторые достаточно широкие, другие шириной

всего в фут или два, но очень глубокие. В Одирик Ниммер (это по дневнику Эстравена, я не вел записей) подул сильный северный ветер, небо расчистилось, появилось солнце. Мы тащили сани по снежному мосту над трещиной и могли взглянуть налево и направо, в голубые пропасти, в которые падали тронутые полозьями саней куски льда. Они падали медленно и вызывали слабые звуки, как будто трогали серебряные струны. Я до сих пор помню пустую, как во сне, утреннюю кружащуюся голову, радость от этого перехода над пропастью. Но вот небо начало белеть, воздух помутнел. На снегу выросли голубые тени.

Мы не подозревали опасности белой погоды на такой поверхности. Поскольку лед был неровным, я толкал сани сзади, а Эстравен тащил. Я не отрывал взгляда от саней и толкал, думая лишь о том, что нужно толкать, как вдруг они устремились вперед, чуть не вырвавшись у меня из рук. Я держался за них инстинктивно и закричал: «Эй!», чтобы Эстравен шел медленнее. Но сани замерли, наклонившись вперед, а Эстравена не было.

Я чуть не выпустил сани, чтобы поискать его. Чистейшая удача, что я этого не сделал. Я продолжал удерживать их, глупо осматриваясь, и тут увидел край пропасти, в которую провалился снежный мост.

Эстравен упал туда, и сани не последовали за ним только потому, что их удерживал мой вес. Две трети саней оставались на прочном льду. Но под тяжестью Эстравена, висевшего в упряжке, сани медленно скользили к пропасти.

Я изо всех сил потянул их назад, оттаскивая сани от пропасти. Они поддавались с трудом, но я налегал всем весом и тащил. Они неохотно двинулись назад и откатились от трещины. На краю появились руки Эстравена. Теперь его вес помогал мне. Он выбрался из пропасти и ничком упал на лед.

Я склонился над ним, пытаюсь отстегнуть упряжь, встревоженный его падением.

Губы его посинели, одна сторона лица была исцарапана и кровоточила.

Он неуверенно сел и прошептал свистящим шепотом:

— Синее, все синее... Башни в глубине.

— Что?

— В пропасти все синее, полно света.

— Что с вами?

Он начал расстегивать упряжь.

— Идите вперед на веревке, с палкой в руках, — выдохнул он, — проверяйте дорогу.

Много часов спустя один из нас тащил сани, а другой шел впереди, ступая осторожно, по-кошачьи, ощупывая дорогу палкой. В белую погоду невозможно разглядеть пропасть, пока не упадешь в нее, а тогда уже будет поздно. К тому же края пропасти непрочны и выдаются вперед.

Каждый шаг мог вызвать падение. Никаких теней. Ровный, белый и беззвучный шар. Мы двигались внутри огромного замерзшего стеклянного шара. В нем не было ничего. Но в стекле оказывались трещины.

Ощупывание и шаг. Ощупывание невидимых трещин, через которые можно выпасть из невидимого шара и падать, падать.

Постоянное напряжение мало-помалу истощило наши мышцы. Все труднее давался каждый следующий шаг.

— Что случилось, Дженри?

Я стоял в середине ничего. На глазах у меня замерзли слезы. Я сказал:

— Боюсь упасть.

— Но вы на веревке.

Подойдя, он увидел, что никакой пропасти нет, посмотрел на меня и сказал:

— Разбиваем лагерь.

— Еще не время, мы должны идти.

Но он уже расставлял палатку.

Позже, после еды, он сказал:

— Самое время было остановиться. Не думаю, чтобы мы могли идти так дальше. Лед медленно опускается, но он очень неровен, весь в трещинах. Если бы мы видели, то могли бы идти, но не в бестеновом мире.

— Как же мы спустимся в Шенсейские болота?

— Если мы повернем на восток, вместо того, чтобы двигаться на юг, то можем оказаться на ровном льду в районе залива Гутон. Я видел лед летом с лодки. Он спускается с Красных Холмов и ледяной рекой течет в залив. Может, оттуда легче по берегу добраться в Кархид. Но этот путь длиннее миль на тридцать-сорок. Нужно подумать. Каково ваше мнение, Дженри?

— Мое мнение? Я и двадцать миль не пройду в белую погоду.

— Но если мы выберемся из района трещин...

— О, если мы выберемся из района трещин, я буду в порядке. А если еще и солнце выглянет, садитесь в сани, я подтолкну, и вы поедете до самого Кархида.

Типичная для этого путешествия шутка. Глупые шутки, конечно, но все же они заставляли улыбаться.

— Со мной ничего, — продолжал я, — кроме острого хронического страха.

— Страх очень полезен. Как тьма или тени.

Улыбка Эстравена расколола его потрескавшиеся и обветрившиеся губы и лицо.

— Странно, что дневного света недостаточно, чтобы идти — нам нужны тени.

— Дайте на минутку ваш блокнот.

Он как раз делал ежедневную запись в своем дневнике и подсчитывал, сколько продовольствия осталось. Над печью Чейва он протянул мне блокнот и угольный карандаш.

На чистой странице, прикрепленной изнутри к переплету, я начертил двойную дугу в круге, зачертил половину символа и протянул блокнот обратно.

— Вы знаете этот знак?

Он долго смотрел на него странным взглядом, но сказал:

— Нет.

— Его находят на Земле, на Хейне, на Чиффевере. «Свет — это левая рука Тьмы»... Как дальше? Свет и Тьма, страх и мужество, холод и тепло, женщина и мужчина. Это вы, Терем. Оба в одном. Тень на снегу.

Весь следующий день мы брели на север через белое ничто. Наш рацион составлял теперь две трети первоначального. Так мы надеялись продержаться дольше. Эстравен верил в свою удачу. Он шел, руководствуясь интуицией, хотя, вероятно, на самом деле, это был опыт. Четыре дня мы шли на восток, делая ежедневно от восемнадцати до двадцати миль, потом нулевая погода кончилась, поднялся ветер, пошел снег, стало темно.

Три дня мы лежали в палатке, а вокруг ревел буран.

— Мне хочется закричать в ответ, — сказал я Эстравену.

Он не совсем уверенно ответил:

— Бесполезно. Все равно не ответит.

Мы спали, немного ели, лечили обмороженные и натертые места, мысленно говорили, снова спали. На третий день рев перешел в хрип, потом во всхлипывания, я затем наступила тишина. Сквозь открытый дверной клапан мы увидели яркое небо. На сердце у нас полегчало, но мы слишком устали, чтобы проявить радость в движениях. Мы собрались — на это потребовалось почти два часа, потому что мы двигались, подобно старикам, — и пошли дальше. Поверхность, несомненно, поднималась. Наст великолепно держал лыжи. Светило солнце. Утром термометр показал минус десять. Казалось, что от ходьбы у нас прибавляется сил, и мы шли быстро и легко. В этот день мы шли до появления звезд.

На ужин Эстравен выдал полный рацион.

При таком расходе продовольствия оставалось всего на семь дней.

— Колесо поворачивается, — серьезно сказал он. — Чтобы хорошо повернуть его, мы должны хорошо поесть.

— Ешь, пей, веселись, — сказал я.

Меня еда привела в хорошее настроение. Я рассмеялся собственным словам.

— Все то же: еда, питье, веселье. Можно ли веселиться без еды?

Это казалось мне таким же чудом, как и полузачерченный круг. Но что-то в выражении лица Эстравена разочаровывало меня. Я посмотрел на него и заплакал. Эстравен оказался слабее меня, он уснул, опустив голову на колени. Впрочем, это хорошая мысль — спать.

На следующее утро мы проснулись поздно, плотно позавтракали и впряглись в сани, потащив их к краю мира.

А за краем мира, который круто обрывался вниз, лежал замерзший залив Гутон, замерзший от берега до берега, от Кархида до Северного полюса.

Два дня у нас занял спуск на морской лед через многочисленные трещины, разбитые льдины и уступы. На второй день мы бросили сани и

сделали две связки: большую составляла палатка, меньшую — спальные мешки. Пищу мы разделили поровну.

Получилось по двадцать пять фунтов груза за плечами каждого. Я добавил к своему грузу еще печь Чейва и все же сверток весил всего лишь тридцать фунтов. Хорошо было идти налегке и не тащить сани, не подталкивать их, не перетягивать через трещины и торосы. Я сказал об этом Эстравену. Он оглянулся на сани — маленькое пятнышко среди льда и красноватых скал — и ответил:

— Они хорошо нам послужили.

Его верность распространилась и на вещи, на терпеливые, послушные, удобные вещи, которые мы использовали и которые спасли нам жизнь. Ему было очень жаль саней.

Вечером на семьдесят пятый день путешествия в день Архад Аннер мы спустились с ледника Гобрин на ледяное море залива Гутон. Снова шли мы долго, дотемна.

Было очень холодно, но тихо. Идти по ровной поверхности без саней на лыжах было легко. Вечером, когда мы легли спать, было странно подумать, что под нами не миля льда, а всего несколько футов, а ниже — соленая вода. Но думали мы об этом недолго. Мы поели и уснули.

На рассвете снова было ужасно холодно, ниже минус сорока, но день был ясный. Посмотрев на юг, мы увидели береговую линию, из которой кое-где выдвигались в море языки льда. Вначале мы шли вдоль берега, но когда мы проходили мимо долины, оттуда подул такой сильный ветер, что мы упали. Пришлось отойти подальше в море. Там по крайней мере можно было идти.

— Лед Гобрин выплюнул нас изо рта, — сказал я.

На следующий день берег резко повернул на восток. Справа от нас был Оргорейн, но голубой изгиб впереди — Кархид.

В этот день мы съели последние крошки орша и кадика. У нас оставалось лишь два фунта гичи-мичи и шесть унций сахара.

Не могу подробно описать последние дни нашего путешествия, потому что помню их очень смутно. Голод может обострять восприятие, но не в соединении с крайней усталостью. Мне кажется, что все мои чувства омертвели. Я помню спазмы от голода, но не помню, чтобы они причиняли мне страдания. Все время у меня было ощущение освобождения, выхода за пределы радости. К тому же мне ужасно хотелось спать. Мы достигли берега двенадцатого, в день Росте Аннер, выбрались из замерзшего залива и оказались в скалистой снежной пустыне берега Гутон.

Мы были в Кархиде. Мы достигли своей цели. Пришлось отпраздновать прибытие кипятком.

На следующее утро мы пустились на поиски дороги или поселка. Это пустынный район и у нас не было его карты. Дороги скрывались под пятью-десятью футами снега, и мы могли уже несколько раз пересечь их, даже не заметив. Ни следа цивилизации. Весь этот день мы шли на юго-запад, и весь следующий, а к вечеру этого дня мы увидели во тьме

сквозь снегопад далекий огонек. Никто из нас ничего не сказал. Мы просто стояли и смотрели. Наконец мой товарищ прохрипел:

— Это свет?

Уже в глубокой тьме мы пришли в кархидскую деревушку: несколько темных домов с высокими крышами, с плотно утоптаным снегом перед зимними дверями. Через щели в ставнях из трактира струился желтый свет.

Мы открыли дверь и вошли.

Шел Одсордни Аннер, восемьдесят первый день пути. Наше путешествие длилось на одиннадцать дней дольше, чем рассчитывал Эстравен. Он очень точно рассчитал наши запасы пищи. Их хватило на семьдесят восемь дней. Мы прошли восемьсот сорок миль по измерителю расстояния на саях и плюс расстояние за последние дни. Многие из этих миль были потрачены на блуждания и возвращения. Если бы нам на самом деле пришлось преодолеть восемьсот миль, мы не смогли бы сделать этого. Получив хорошую карту, мы увидели, что расстояние между Пулафенской фермой и этим местом было меньше семисот тридцати миль. Все же эти мили пролегли по безлюдной пустыне: скалы, лед, небо и молчание — больше ничего в течение восьмидесяти одного дня.

Мы вошли в большую, теплую, ярко освещенную комнату, полную пищи и запаха пищи, людей и голосов людей. Я ухватился за плечо Эстравена. Незнакомые лица повернулись к нам. Незнакомые глаза. Я забыл, что существуют другие люди, не похожие на Эстравена. Я испугался.

В сущности, это была небольшая комната, а толпа незнакомцев — семь или восемь человек, все не менее ошеломленные, чем я.

Никто не приходит в домейн Куркураст среди зимы с севера. Они смотрели на нас. Все разом смолкли.

Эстравен заговорил, голос его был еле слышен.

— Мы просим гостеприимства домейна.

Шум, суматоха, смятение, тревога, приветствия.

— Мы пришли со льда Гобрин.

Шум еще громче, голоса, вопросы. Все столпились вокруг нас.

— Присмотрите за моим товарищем.

Мне показалось, что это сказал я, но на самом деле сказал Эстравен. Кто-то усадил меня. Нам принесли пищу. За нами ухаживали, мы были дома.

Невежественные, сварливые, неразговорчивые, суеверные люди этой бедной земли.

Их великодушные позволило нам благополучно закончить путь. Они давали обеими руками, не делили, не считали. А Эстравен также принимал данное, как лорд среди лордов или нищий среди нищих, как человек среди своих.

Для рыбаков, которые живут на краю края, на пределе обитаемой земли и слабо населенного континента, честность также необходима, как и пища. Они никогда не обманывают. Эстравен знал это, и когда через день

или два они начали расспрашивать нас, косвенно и уклончиво, с должным вниманием к шифгретору, почему мы решили зимой пересечь лед Гобрин, он сразу ответил:

— Я не хотел бы избирать молчание.

— Хорошо известно, что благородные люди могут быть изгнаны, но тени их от этого не уменьшаются, — сказал хозяин трактира, второе после лорда лицо в деревне, чей трактир представлял собой нечто вроде клуба для всех жителей домейна.

— Один человек может быть вне закона в Кархиде, другой в Оргорейне, — сказал Эстравен.

— Верно, и один может быть изгнан кланом, а другой — королем в Эрхенранге.

— Король не может сократить тень человека, как бы ни пытался, — заметил Эстравен.

Хозяин трактира выглядел удовлетворенным. Если бы Эстравена изгнал его собственный клан, это вызвало бы осуждение, но отношение к нему короля здесь не считали особо важным. Что же касается меня, то изгнание из Оргорейна говорило в мою пользу.

Мы не сообщили наши имена своим хозяевам в Куркурасте. Эстравен не хотел пользоваться вымышленными именами, а наши настоящие имена раскрывать было нельзя.

Ведь не только кормить Эстравена, давать ему одежду и кров, но даже просто говорить с ним было преступлением. Даже в отдаленной деревушке на берегу залива Гутон имеется радио, и жители не смогут отговориться незнанием приказа об изгнании. Только если имя гостя неизвестно, это может служить каким-то извинением.

Опасность для жителей деревни с самого начала угнетала Эстравена. На третью ночь нашего пребывания здесь он пришел в мою комнату, чтобы обсудить наши дальнейшие действия.

Кархидские деревни напоминают древние замки Земли: в них мало или вообще нет частных домов. Но в высоких зданиях очага, Высшего Дома, каждый из пятисот жителей мог пользоваться уединением в комнатах, к которым вели древние коридоры со стенами в три фута толщиной.

Нам отвели комнаты на третьем этаже Очага. Я сидел в своей комнате у огня.

Жарко пылал торф из Шенсейских болот, распространяя сильный аромат, когда вошел Эстравен. Он сказал:

— Нам нужно уходить отсюда, Дженри.

Я помню, как он стоял в тени, босой, в меховых брюках, которыми снабдил его лорд.

У себя дома и в том, что они считают теплом, кархидцы часто ходят босиком и полуодетые. За время пути Эстравен утратил свою гладкость и полноту, которые составляют отличительные черты физиологии гетенианцев. Он был очень худ, а лицо его было обожжено морозом, как огнем.

— Куда?

— На юго-запад, я думаю. К границе. Нам прежде всего нужно отыскать передатчик, и достаточно мощный, чтобы связаться с вашим кораблем. После этого мне нужно отыскать укрытие или временно вернуться в Оргорейн, чтобы не навлекать наказания на тех, кто помог нам здесь.

— Как вы вернетесь в Оргорейн?

— Как и раньше: пересеку границу. У орготов ничего нет против меня.

— Это не ближе, чем в Сассиноте.

Я моргнул. Он улыбнулся.

— А ближе нет?

— Около ста пятидесяти миль. Мы прошли больше и в худших условиях. Здесь есть дороги, нам могут даже помочь с транспортом.

Я согласился, но перспектива нового зимнего путешествия угнетала меня. К тому же это было путешествие назад к проклятой границе, куда уйдет Эстравен и оставит меня одного.

Я подумал немного и, наконец, сказал:

— Есть одно обязательное условие, которое Кархид должен будет принять перед грядущим вступлением в Экумен. Аргавен должен отменить ваше изгнание.

Он ничего не сказал, но стоял, глядя в огонь.

— Я настою на этом, — добавил я.

— Спасибо, Дженири.

Голос его теперь был очень похож на женский. Он посмотрел на меня и улыбнулся.

— Но не думаю, что я смогу скоро увидеть свой дом. Двадцать лет я провел в изгнании. Приговор короля немного добавил к моему изгнанию. Я позабочусь о себе, а вы позаботитесь о себе и Экумене. Это вам придется делать одному. Как можно быстрее вызовите корабль. Потом можно будет подумать и обо мне.

Мы еще два дня оставались в Куркурасте, откармливались и отдыхали. Мы ждали снегоочиститель, который мог бы подвезти нас на юг. Хозяева просили Эстравена рассказать, как мы шли через лед. Он рассказывал как человек, знакомый с устной традицией, так что рассказ превратился в сагу, полную традиционных выражений и даже эпизодов, но точную и ясную, от серного огня и тьмы между Дрампером и Дромаголом, до кричащих порывов бури, которые врываются в залив Гутон из горных ущелий с комическими вставками, вроде падения Эстравена в пропасть, с мистикой, когда он говорил о звуках и молчании льдов, о бестеневой погоде, о вечной тьме. Я слушал, как зачарованный, вместе с остальными, не отрывая взгляда от смуглого лица друга.

Мы покинули Куркураст в тесной кабине снегоочистителя, одной из тех больших мощных машин, которые утрамбовывают снег на кархидских дорогах, чтобы сделать их проходимыми зимой. Чтобы убрать снег с них, потребовалась бы половина денег и времени всего королевства, да и к тому же все переезды зимой совершались на полозьях. Снегоочиститель двигался со скоростью две мили в час и привез нас в следующую от Куркураста

деревню уже затемно. Как и повсюду, нас гостеприимно встретили, накормили и приютили на следующую ночь. Следующий день мы шли пешком.

Теперь мы уже достаточно удалились от берега и от береговых холмов, которые принимают на себя главный удар северного ветра, и шли по более населенной местности, так что передвигались мы не от лагеря к лагерю, а от очага к очагу. Несколько раз нас подвозили снегоочистители, один раз на целых тридцать миль. Дороги, несмотря на частые снегопады, были в хорошем состоянии. С собой у нас всегда был запас пищи, данный предыдущим хозяином, а в конце дневного путешествия нас ждала крыша над головой и огонь в очаге.

Но эти девять дней путешествия по гостеприимной земле были самой тяжелой частью нашего странствия, худшей, чем подъем на ледник, худшей, чем последние дни голода.

Сага кончилась, она принадлежала Льду. Мы очень устали. В нас больше не было радости.

— Иногда приходится идти против колеса, Дженри, — сказал Эстравен.

Он был уверен, как всегда, но в походке, голосе, движениях рвение сменилось терпением и упрямством. Он был очень молчалив и мысленно почти не разговаривал со мной.

Мы пришли в Сассинот. Это город с несколькими тысячами жителей, лежащий на холме над замерзшей Эй: белые крыши, серые стены, холмы, покрытые черными пятнами леса и скал, поля и белая река. Вдоль реки спорная долина Синота, вся белая.

Мы пришли сюда с пустыми руками.

Большую часть своего походного снаряжения мы раздали многочисленным гостеприимным хозяевам, и теперь у нас не было ничего, за исключением печи Чейва, лыж и одежды, которая была на нас. Мы шли налегке, спрашивали встречных о дороге, шли не в город, а на отдаленную ферму. Ферма была не частью домейна, а находилась под управлением администрации Синота. Эстравен, будучи юным секретарем в администрации, подружился с владельцем этой фермы и, в сущности, купил для него ферму год или два назад, когда помогал людям переселяться в восточное Эй в надежде решить спорный вопрос о долине Синота. Сам фермер, приземистый человек, ровесник Эстравена, открыл нам дверь.

Его звали Тессичер.

Через эту местность Эстравен прошел с надвинутым на глаза капюшоном. Он боялся, что его узнают. Не стоило беспокоиться — нужен был очень внимательный глаз, чтобы узнать в тощем, обветренном бродяге Харта рем ир Эстравена. Тессичер смотрел на него не в силах поверить своим глазам.

Тессичер принял нас гостеприимно, хотя возможности его были малы. Но чувствовал он себя неважно. Было ясно, что он предпочел бы не пускать нас. Это было вполне объяснимо: давая нам приют, он рисковал конфискацией всего своего имущества. Поскольку всем своим существом он был обязан Эстравену, казалось справедливым, что он в ответ пошел на

некоторый риск. Эстравен, однако, просил помощи не как платы, а как проявления дружбы. И действительно, когда первая тревога прошла, Тессичер оттаял и с кархидским непостоянством стал вспоминать старые времена, чем и занимался с Эстравеном далеко за полночь. Когда Эстравен спросил, нет ли у него на примете убежища, какой-нибудь заброшенной фермы, где можно прожить месяца два, Тессичер ответил:

— Оставляйтесь со мной.

Глаза Эстравена вспыхнули, но он отказался. Тессичер согласился, что жить так близко от Сассинота небезопасно, и пообещал найти для него убежище. Он сказал, что это будет нетрудно, если Эстравен примет вымышленное имя и наймется в качестве повара или батрака. Это не очень приятно, но все же лучше, чем возвращаться в Оргорейн.

— Какого дьявола вы делали в Оргорейне? На что вы там жили?

— В сотрапезничестве, — ответил мой друг со своей странной улыбкой, — все имеют работу. Никаких забот. Но я предпочел бы остаться в Кархиде, если вы действительно считаете, что это можно организовать.

У меня оставалась единственная ценная вещь — печь Чейва. Она служила нам до самого конца пути. На следующее утро после прибытия на ферму Тессичера я взял печь и пошел на лыжах в город. Эстравен, конечно, со мной не пошел, но объяснил, что мне делать, и все сошло хорошо. Я продал на рынке печь, затем на вырученную сумму купил право на десятиминутный разговор по радио. В данное время все радиостанции предоставляют такую возможность.

Ее обычно используют купцы, поддерживающие связи со своими агентами в Архипелаге, в Сите и Перунтере. Цена была довольно высокая. Но все же доступная, меньше стоимости подержанной печи Чейва.

Мои десять минут пришлось на начало третьего часа — вторая половина дня. Я не хотел возвращаться на ферму Тессичера и побродил по Сассиноту, хорошо пообедав в одном из трактиров. Несомненно кархидская кухня лучше орготской. За едой я вспоминал замечания Эстравена об этом, вспомнил, как он вчера вечером говорил: «Я предпочел бы остаться в Кархиде». Я не в первый раз задумался, что же такое патриотизм, из чего состоит истинная любовь к родине и почему эта любовь так часто переходит в фанатизм.

После обеда я опять бродил по Сассиноту.

Городские улицы, магазины и рынки казались мне чем-то нереальным. Я еще не отвык от одиночества во льдах. Мне было тревожно среди незнакомец, мне не хватало постоянного присутствия Эстравена.

В сумерках я поднялся по утрамбованному снегу на улицах к радиостанции. Меня впустили и показали, как пользоваться радиопередатчиком. В назначенное время я послал сигнал пробуждения на запасной спутник, находившийся на стационарной орбите в трехстах милях над Южным Кархидом. Он предназначался как раз для таких ситуаций. Ансибла у меня не было, и я не мог попросить Юллул вызвать мой корабль. Не было у меня ни времени, ни оборудования для установления прямой связи с кораблем

на околосолнечной орбите. Передатчик Сассинота вполне подходил для этих моих целей. Но спутник не мог ответить, он просто должен был передать мой сигнал на корабль. Я не знал, правильно ли я поступил, послав сигнал. Приходилось мириться с этой неопределенностью. Пошел сильный снег, и мне пришлось провести ночь в городе. Я недостаточно хорошо знал дорогу, чтобы идти в темноту, в снег. У меня еще оставались деньги, и я пошел в гостиницу. Здесь я поужинал и лег спать в одной из спален. Я уснул с чувством безопасности и приятной уверенности, что Кархид очень добр к чужестранцам. С самого начала я правильно выбрал место приземления и теперь вернулся к нему. Я проснулся очень рано и до завтрака вышел к ферме Тессичера.

Восходящее солнце, маленькое и холодное на ярком небе, отбрасывало на восток тени от каждого бугорка, на дороге перемещались пятна света и тьмы.

Никто не шел по заснеженным полям, но где-то вдали навстречу мне двигалась на лыжах маленькая фигурка. Задолго до того, как стало видно его лицо, я узнал Эстравена.

— Что случилось, Терем?

— Мне нужно уходить к границе, — сказал он, не останавливаясь.

Он тяжело дышал. Я повернулся, и мы пошли рядом на запад. Я с трудом поспевал за ним. Там, где дорога поворачивала к Сассиноту, он сошел с нее и пошел, пересекая замерзшую Эй. Берега были крутые, и в конце подъема мы оба были вынуждены остановиться и отдохнуть. Наше состояние не позволяло нам долго выдержать такой темп.

— Что случилось? Тессичер?..

— Да, я слышал, как он сообщал по радио на рассвете о моем прибытии.

Грудь Эстравена поднималась и опускалась рывками, как в тот день, когда он лежал на краю глубокой пропасти.

— Тайб назначил цену за мою голову...

— Проклятый неблагодарный предатель, — возмутился я, запинаясь и имея в виду не Тайба, а Тессичера, который предал друга.

— Я многого и не ждал от него. Но слушайте, Дженри. Возвращайтесь в Сассинот.

— Не раньше, чем увижу вас на той стороне границы, Терем.

— Там могут быть орготские стражники.

— Я останусь на этой стороне. Ради бога...

Он улыбнулся, все еще тяжело дыша, встал и пошел, я за ним.

Мы шли на лыжах через заснеженные поля, по полям и холмам спорной долины. Спрятаться было негде. Яркое небо, белый мир и две лыжни на снегу.

Неровная местность скрывала от нас границу, пока мы не оказались от нее менее чем в одной миле, и вдруг мы ясно увидели ее, обозначенную изгородью: верхушки кольев, выдававшиеся на несколько футов из снега, выкрашенные в красный цвет. На орготской стороне никого не было

видно, но по ту сторону изгороди шли следы лыж, а южнее двигались несколько маленьких фигур.

— Охрана на этой стороне. Придется ждать темноты, Терем.

— Ишейки Тайба, — выдохнул он и свернул в сторону.

Мы отступили за невысокий холм, который только что преодолели, и стали искать убежище. Весь день мы провели в небольшом углублении между деревьями хеммен, чьи красноватые ветви низко гнулись над нами под тяжестью снега. Мы обсудили много планов продвижения на север или на юг, чтобы выйти из этого района, уходя в холмы к востоку от Сассино-та, даже возвращаясь на север, в безлюдную местность. Но каждый раз план отвергался. О присутствии Эстравена известно, и мы не можем путешествовать по Кархиду открыто, как раньше. Мы вообще не могли пройти большое расстояние. У нас не было ни палатки, ни пищи, ни сил. Оставалось только прорываться сквозь границу. Забравшись поглубже под дерево, мы прижались друг к другу в поисках тепла.

Эстравен задремал, но я был слишком голоден и замерз, чтобы спать. Я в оцепенении лежал рядом с другом, стараясь вспомнить строки, которые он однажды цитировал:

«Два есть одно; жизнь и смерть лежат рядом».

И мы как будто оказались на льду, но без убежища, без пищи, без от-дыха. У нас ничего не было, кроме дружбы, но и ей близился конец.

К вечеру небо потемнело и температура начала падать. Даже в безветренном углублении стало невозможно сидеть без движения. К заходу солнца я начал дрожать, как в фургоне орготского грузовика.

Тьма, казалось, никогда не наступит.

В сумерках мы оставили углубление и, прячась за деревьями и кустами, направились к границе.

Вскоре мы увидели ее — несколько бледных пятен света на фоне снега. Ни огонька, ни движения, ни звука. На юго-западе виднелись огоньки — какая-то сотрапезническая деревушка в Оргорейне, где Эстравен может надеяться на ночлег — по крайней мере в ближайшей добровольческой ферме. Ведь у него были подложные документы. Только тут я понял, на что он идет.

— Терем, подождите...

Но он уже неся вниз по склону — великолепный стремительный лыжник, на этот раз не дождавшийся меня. Он унесся по длинной дуге. Он ушел от меня прямо на ружья пограничников. Я думал, они прикажут ему остановиться. Откуда-то ударил свет, но я в этом не уверен. Во всяком случае он не остановился, он неся к границе, и его застрелили раньше, чем он до нее добрался. Они использовали мародерские ружья, стреляющие куском металла. Когда я примчался к нему, он умирал, лежа на снегу. Грудь у него была разодрана. Я взял его голову в руки и заговорил с ним, но он не отвечал. Он что-то неразборчиво говорил. Только один раз я ясно разобрал: «Арек!» — и все. Я держал его, скорчившись на снегу, пока он не умер. Мне позволили это. Потом меня оттащили, а его унесли. Я пошел в тюрьму, а он во Тьму.

20. БЕССМЫСЛЕННАЯ ПОЕЗДКА

В своих записях, которые Эстравен вел во время перехода через Гобрин, он удивлялся тому, почему его товарищ стыдится плакать.

Я мог бы тогда же объяснить ему, что это не столько стыд, сколько страх. Теперь, в вечер после смерти Эстравена, я оказался в холодной стране, которая лежит за пределами страха. Я понял, что здесь можно плакать, но что в этом толку?

Меня привезли в Сассинот и посадили в тюрьму, потому что я находился в обществе объявленного вне закона, а главное потому, что не знали, что со мной делать. С самого начала, еще до получения официального приказа из Эрхенранга, со мной обращались хорошо. И моя кархидская тюрьма оказалась хорошо обставленной комнатой в Башне лордов Сассинота. Там был очаг, радиоприемник, кормили пять раз в день. Особых удобств не было, постель была жесткая, одеяло тонкое, пол голый, воздух холодный, как во всех помещениях в Кархиде. Но ко мне прислали врача, и его руки и голос дали мне гораздо больший комфорт, чем что-либо в Оргорейне. Дверь оставалась незапертой. Я помню, как она стояла открытая, а я хотел закрыть ее из-за сквозняка из коридора. Но у меня не было ни сил, ни мужества, чтобы встать с постели и прикрыть дверь моей комнаты.

Врач, серьезный, основательный молодой человек, сказал мне:

— Вы истощены. В течение пяти или шести месяцев вы перенапрягались и недостаточно питались. Вы истратили себя. Больше вам нечего тратить. Лежите, отдыхайте. Лежите спокойно, как реки подо льдом зимой. Ждите.

Но, засыпая, я снова оказывался в грузовике, в куче остальных заключенных. Все мы дрожали, жались друг к другу в поисках тепла. Все, кроме одного. Этот один лежал у решетки холодный, со ртом, полным засохшей крови. Он был предателем. Он ушел сам, покинув меня. Я просыпался, дрожа от гнева, от бессильного гнева, который переходил в слезы слабости.

Должно быть, я был болен. Помню сильную лихорадку, и врач остался со мной на ночь, а может, и на несколько ночей.

Я не помню эти ночи. Помню лишь свой жалобный голос:

— Он мог остановиться. Он видел стражников. Он шел прямо на их ружья.

Юный врач некоторое время молчал.

— Вы хотите сказать, что он убил себя?

— Может быть...

— Это худшее, что можно сказать о друге. Я не верю, что Харт рем ир Эстравен был способен на это.

Я забыл, как относятся эти люди к самоубийству. Право выбора существует лишь для нас. Они же считают самоубийство отречением от права

выбора, предательством по отношению к самому себе. Для кархидца, читающего наше Евангелие, преступление Иуды не в том, что он предал Христа, а в том, что он своими последующими действиями отнял у себя право на прощение, на перемену, на саму жизнь — его самоубийство.

— Значит, вы не зовете его — Эстравен-предатель?

— Его никто не называл так. Очень многие вообще не верят в его преступление, господин Ай.

Но я не способен был увидеть в этом утешение и лишь плакал от непрекращающейся пытки.

— Почему они застрелили его? Почему он мертв?

На это врач не отвечал. Ответа просто не было.

Формально меня ни разу не допрашивали.

Меня спросили, как я бежал с Пулафенской фермы и как добрался до Кархида, спросили, кого я вызвал по радио. Я все рассказал. Эту информацию направили прямо в Эрхенранг королю. Сведения о корабле держались втайне, но новости о моем побеге из Орготской тюрьмы, о зимнем переходе через лед, о том, что я нахожусь в Сассиноте, сообщались и обсуждались открыто.

В сообщениях радио не упоминалось ни об участии Эстравена в этом деле, ни о его смерти. Но и об этом было известно.

Секретность в Кархиде заключается в осторожности, во взаимно согласованном молчании, в отказе от расспросов. В бюллетенях говорилось лишь о посланнике, господине Ае, но все знали, что это Харт рем ир Эстравен похитил его из рук орготов и вернулся через лед в Кархид, чтобы доказать ложность утверждения сотрапезников о моей внезапной смерти от лихорадки в Мишпори прошлой осенью. Эстравен очень точно рассчитал последствия моего возвращения. Скорее он недооценил их. Из-за чужака, который больной и беспомощный лежал в Сассиноте, в течение десяти дней пали два правительства.

Конечно, орготское правительство сохранилось, только одна группа сотрапезников сменилась другой. Контроль над Тридцатью Тремя перешел в другие руки.

Как говорят в Кархиде, у одних тени стали длиннее, у других — короче. Фракция Сарфа, отправившая меня на Пулафенскую ферму, несмотря на беспрецедентное замешательство, вызванное тем, что ее уличили во лжи, держалась, пока Аргавен не объявил публично о приземлении звездного корабля в Кархиде. В этот день фракция Оболе, партия открытой торговли, взяла верх в Правительстве Тридцати Трех. Так что я в конце концов сослужил им службу.

В Кархиде падение правительства означает главным образом разжалование и смещение премьер-министра и перемещения в кноремми. Тайб не делал попыток удержаться. Моя нынешняя ценность в игре международного шифгретора плюс оправдание (по моему настроению) Эстравена придали мне такой вес, что он подал в отставку еще до того, как было публично объявлено об ожидающемся прибытии звездного корабля. Получив

сообщение от Тессичера, он дождался известия о смерти Эстравена и тут же подал в отставку.

Когда Аргавен полностью был информирован, он послал мне приглашение немедленно прибыть в Эрхенранг вместе с немалой суммой на расходы. Администрация Сассинота оказалась тоже очень любезной и послала со мной молодого врача, потому что я все еще был не в форме. Мы проделали путешествие на моторных санях. Я помню его лишь частично.

Оно было ровным и неторопливым, с остановками, когда мы ожидали, пока снегоочистители подготавливают дорогу, и с долгими ночами в гостиницах. Оно продолжалось не более двух или трех дней, но мне оно показалось очень долгим, и я помню лишь, как мы через северные ворота Эрхенранга въезжали на боковые глубокие улицы, поднимая снежную пыль.

Здесь я почувствовал, что сердце мое окрепло, а мозг прояснился. Раньше я был словно разбит на куски. Теперь, несмотря на усталость от путешествия, я понял, что во мне еще осталась сила, сила привычки, вероятно, потому, что здесь было место, которое я знал, город, в котором я жил и работал больше года. Я знал улицы и башни, знал дворцы и дороги. Я понял, что здесь я должен завершить дело, за которое умер Эстравен.

Я должен установить ключевой камень арки.

В городе меня ждал приказ остановиться в одном из домов для гостей внутри самого дворца. Это был Дом Круглой Башни, который означал высокий уровень шифгретора при дворе, а не только расположение короля и признание им высокого положения гостя. Здесь обычно жили послы дружественных стран. Это был очень хороший знак.

Но по дороге туда мы проходили мимо дома Красного Угла, и я взглянул на узкую калитку под аркой, на обнаженные деревья над бассейном, серым от льда, и на дом, все еще пустой.

У входа в Круглую Башню меня встретил человек в белом хебе и алой куртке, с серебряной цепью через плечо. Это был Фейкс, предсказатель из крепости Стерхед.

При виде его доброго и красивого лица, первого знакомого лица за много дней, я почувствовал облегчение. Когда Фейкс пожал мне руки в редком для Кархида знаке приветствия, я смог ответить ему.

Он был послан в кноремми из своего района, Южного Рера, в начале осени. Выбор члена совета из жителей жанндарской крепости не является чем-то необычным. Необычно скорее то, что Ткач принял это предложение, и я думаю, что Фейкс отказался бы, если бы его меньше беспокоило направление политики правительства Тайба. Он снял золотую цепь Ткача и надел серебряную цепь советника. После этого ему пришлось недолго ждать, потому что он был членом Хес-кноремми в Высшем Совете, который служит противовесом премьер-министру. Он был назначен на свой пост королем.

Видимо, он был на пути к той высоте, с которой менее года назад пал Эстравен. В политическом Кархиде карьеры делаются быстро.

В Круглой Башне, холодном маленьком доме, мы некоторое время разговаривали с Фейксом, прежде чем было официально объявлено о моем приезде. Устремив на меня свой ясный взгляд, он спросил:

— На землю опускается корабль больший, чем тот, на котором прилетели вы. Это верно?

— Да. Я вызвал его.

— Когда он прибудет?

Поняв, что я не знаю даже, какой сегодня день и месяц, я осознал в каком плохом состоянии находился все это время.

Мне пришлось вернуться назад, к дню накануне смерти Эстравена. И тут я получил еще один шок. Если корабль находился на минимальной орбите, то сейчас он уже на планетарной орбите и ждет моего сообщения.

Я должен связаться с кораблем. Они ждут инструкции. Где он, по мнению короля, должен приземлиться? Нужен ненаселенный район, достаточно обширный. Мне нужен передатчик.

Все было организовано быстро и легко.

Бесконечные оттяжки и сложности моих прежних взаимоотношений с правительством Эрхенранга растаяли, как лед в весенней реке. Колесо повернулось.

На следующий день должна была состояться моя аудиенция у короля.

Эстравену понадобилось шесть месяцев на то, чтобы организовать мою первую аудиенцию. Вторая отняла у него жизнь.

Но этот раз я слишком устал, чтобы чувствовать страх, и были обстоятельства, которые перевешивали мысли о самосохранении. Я прошел по длинному красному залу под пыльными знаменами и встал перед длинным помостом и его тремя очагами, в которых ярко пылал огонь. Король сидел у центрального очага у стола.

— Садитесь, господин Ай.

Я сел у очага наискосок от Аргавена и увидел его лицо в отсветах пламени. Он выглядел больным и старым. Он походил на женщину, потерявшую ребенка, на мужчину, утратившего сына.

— Ну, господин Ай, ваш корабль приземляется?

— Он приземлится в Аттен Фен, так вы указали, ваше величество. Посадка состоится сегодня вечером, в начале третьего часа.

— А что, если он промахнется? Он может все сжечь?

— Он идет прямо по радиолучу, все уже организовано. Он не может промахнуться.

— А сколько там людей? Одиннадцать? Это правда?

— Да. Бояться нечего, ваше величество.

Руки Аргавена дернулись.

— Я больше не боюсь вас, господин Ай.

— Я рад этому.

— Вы хорошо послужили мне.

— Но я не ваш слуга.

— Я это знаю, — равнодушно сказал он.

Жуя губу, он посмотрел на огонь.

— Мой ансамбль в Мишпори, вероятно, в руках Сарфа. Однако на борту корабля есть другой. С момента приземления корабля я снова становлюсь полномочным посланником Экумена с правом обсуждать и подписывать договор о союзе с Кархидом. Все это может быть подтверждено по ансамблю стабильями Хейна.

— Очень хорошо.

Я молчал, потому что он не обращал на меня внимания. Концом сапога он передвинул полено в очаге. Полетели красные искры.

— Какого дьявола он обманывал меня? — высоким, резким голосом спросил он.

— Кто? — спросил я, возвращая ему взгляд.

— Эстравен.

— Он не хотел, чтобы вы обманулись. Когда вы начали проявлять милость к недружественной ко мне фракции, он убрал меня из виду и вернул в тот момент, когда я смог выполнить свою миссию посланника Экумена.

— Почему он ничего не говорил о большом корабле?

— Он сам не знал о нем. До прибытия в Оргорейн я никому не говорил о нем.

— К чему тогда вся эта болтовня? Он хотел, чтобы вы выполнили свою миссию в Оргорейне. Он действовал совместно с фракцией Открытой торговли. И после этого вы будете говорить, что он не предатель.

— Конечно. Он знал, что как только какая-то нация вступит в Экумен, все остальные последуют за ней. Так и будет. И Сит, и Перунтер, и Архипелаг присоединятся к нам. Он очень любил свою страну, но служил он не ей и не вам. Он служил тому же, чему служу я.

— Экумену? — спросил Аргавен.

Он был удивлен.

— Нет. Человечеству.

Говоря это, я не знал, что говорю лишь частично правду. Не менее верно было бы сказать, что действия Эстравена происходили из личных чувств, из ответственности перед одним-единственным человеком и из преданности ему. Этот человек — я. Но и это было бы не всей правдой.

Король не отвечал. Его обвисшее, покрытое морщинами лицо снова было обращено к огню.

— Почему вы вызвали свой корабль раньше, чем известили меня о своем прибытии в Кархид?

— Чтобы освободить вам руки, ваше величество. Сообщение достигло бы также и лорда Тайба, который мог бы отправить меня обратно в Оргорейн или застрелить, как приказал застрелить моего друга.

Король ничего не сказал.

— Моя собственная безопасность не так уж много значит, но у меня есть долг перед Гетеном и Экуменом, задача, которую я должен выполнить. Я сначала сигнализировал кораблю, чтобы получить возможность выполнить свою миссию. Так посоветовал мне Эстравен, и он был прав.

— Что ж, это неплохо. Во всяком случае, они приземлятся здесь, мы будем первыми. И все они похожи на вас, все извращенцы и всегда в кем-мере? Странная честь принимать подобных гостей. Скажите лорду Герчерну, управляющему дворцом, как их следует принимать. Проследите, чтобы не было обид и оскорблений. Их разместят во дворце там, где вы сочтете нужным. Я хочу оказать им честь. Однако вы молодец — представили со-трапезников лжецами, а потом дураками.

— А вскоре союзниками, ваше величество.

— Знаю! — резко сказал он. — Но Кархид первый!

Я кивнул.

После недолгого молчания он сказал:

— Как это было — переход через Лед?

— Нелегко.

— Эстравен — подходящий человек для таких безумных предприятий. Он был крепок, как железо, и никогда не терял голову. Мне жаль, что он мертв.

Я не нашел ответа.

— Я дам вашим соплеменникам аудиенцию завтра после полудня во втором часу. Есть ли у вас еще что-нибудь?

— Милорд, не отмените ли вы указ об изгнании Эстравена, чтобы вернуть ему честное имя?

— Пока нет, господин Ай. Не торопитесь. Что еще?

— Больше ничего.

— Тогда идите.

Даже я предал его. Я сказал, что не посажу корабль, пока не будет отменено его наказание, пока он не вернет себе доброе имя. Но я не мог пренебречь тем, ради чего он умер. Это все равно не вернуло бы его к жизни.

Остаток этого дня я вместе с лордом Герчерзом и другими готовился к приему экипажа корабля. Во втором часу мы на моторных санях двинулись в Аттен Фен, расположенный в тридцати милях к северу от Эрхенранга. Посадочная площадка размещалась на краю обширной пустынной местности, слишком болотистой, чтобы использовать ее для сельского хозяйства и поселений. Теперь, в середине месяца Иррем, она вся промерзла и представляла собой равнину, покрытую толстым слоем снега. Радиобакен действовал весь день, все время приходили подтверждающие сигналы с корабля.

На экране экипаж должен был хорошо видеть терминатор, проходивший по Великому Континенту от залива Гутон до залива Чарисьюн, пики Каргаза, все еще освещенные солнцем. Наступали сумерки, и тут мы увидели, что одна из звезд опускается.

Она опустилась в реве и великолепии. От большого озера воды и грязи, образовавшегося под ней, поднимался пар, белый, как ее стабилизаторы. Под болотом была вечная мерзлота, твердая, как гранит, и корабль аккуратно опустился на нее.

Озеро быстро замерзло, и огромная рыба, балансируя на хвосте, отражалась темным серебром в сумерках Зимы.

За мной Фейкс из Стерхеда проговорил первые слова с начала спуска:
— Я рад, что дожил до этого.

Так сказал Эстравен, глядя на лед, на смерть. Так он сказал бы этим вечером.

Чтобы отвлечься от горьких сожалений, я пошел по снегу к кораблю. Почва вокруг уже замерзла, и, когда я подходил, открылся люк и оттуда грациозной дугой спустился трап. Первой шла Ланг Хес Нью, не изменившаяся, конечно, поскольку с того момента, как я последний раз видел ее, я прожил три года, а она несколько недель. Она посмотрела на меня, на Фейкса и на остальных сопровождающих и остановилась у подножия трапа. Торжественно произнесла она по-кархидски:

— Я пришла с дружбой.

Для нее все мы были чужаками. Я позволил Фейксу первым приветствовать ее.

Он указал ей на меня, и она подошла, взяла меня за руку, как принято у моего народа, и сказала, глядя мне в глаза:

— О, Дженли, я вас не узнала!

Странно было после такого промежутка времени услышать женский голос. Остальные члены экипажа тоже вышли из корабля. Это был мой совет: нельзя проявлять недоверие с кархидцам и тем оскорблять их шифретор.

Все они вежливо здоровались с кархидцами. Но мне эти мужчины и женщины казались странными. Голоса их тоже звучали странно: слишком глубоко и резко.

Они были похожи на стадо больших необычных животных двух различных видов: большие обезьяны с разумными глазами, все в кеммере. Они пожимали мне руки и дотрагивались до меня.

Я держал себя в руках и рассказал Хес Нью и Тьюлеру во время поездки на санях в Эрхенранг самое необходимое из того, что им следовало знать. Но когда мы добрались до дворца, я немедленно ушел в свою комнату.

Вошел врач из Сассинота. Его спокойный голос и юное серьезное лицо, не мужское и не женское, а просто человеческое, показалось мне таким знакомым и правильным, что мне стало не по себе.

Дав мне какой-то транквилизатор и уложив в постель, он сказал:

— Я видел ваших товарищей — посланников. Какое удивительное событие — люди со звезд. И в мое время!

И снова этот восторг, эта храбрость, то, что больше всего восхищало меня в характере кархидцев и вообще в человеческом характере. И хотя я не разделял его чувств, отрицать их было бестактно. Я сказал:

— И для них удивительное событие прийти в новый мир, к новому человечеству.

В конце весны во второй половине месяца луны, когда спал паводок и снова стало возможным ездить по дорогам, я взял в маленьком по-

сольстве в Эрхенранге отпуск и отправился на восток. Наши люди распределились по всей планете. Как только нам разрешили пользоваться самолетами, Хес Нью и трое других перелетели через Сит и Архипелаг к народам морского полушария, которых я прежде так и не узнал. Другие поехали в Оргорейн, а двое, неохотно, — в Перунтер, где паводок еще даже не начался и где весна наступает на неделю позже. Тьюлер и Коста очень хорошо справились с делами в Эрхенранге. Ничего срочного не было.

В конце концов корабль с ближайшего союзного мира прибудет не раньше, чем через семнадцать лет. Зима — окраинный мир. За ним до самого рукава Южного Ориона не найдено ни одной планеты, населенной людьми, а от Зимы до первичного мира Экумена, мира — очага нашей расы, очень долгий путь — пятьдесят лет до Хейна, целая человеческая жизнь. Спешить некуда.

Я пересек Каргаз, на этот раз по долгому пути, по дороге, на которой веют ветры с Южного моря, нанес визит в деревню, куда рыбаки привели меня с острова Хорден три года назад, провел неделю в большом портовом городе в устье реки Энч и в начале лета пешком отправился к земле Карм.

Я шел на юго-восток по неровной местности, полной ущелий и зеленых холмов, больших рек и одиноких домов, пока не добрался до озера Айсфут. Поглядев с берега озера на юг, я увидел свет и узнал его — белая окраска неба, блеск далекого ледника. Там был Лед.

Эстра очень древний поселок. Его очаг и другие здания построены из серого камня, вырубленного в скале, на которой он стоит. Все здесь уныло и полно звуков ветра.

Я постучал, дверь открыли. Я сказал:

— Прошу гостеприимства домейна. Я был другом Терема из Эстре.

Открывший, серьезный юноша девятнадцати-двадцати лет, молча выслушал мои слова и впустил меня в Очаг. Он провел меня в умывальную, потом на кухню. Убедившись, что гость умылся и поел, он отвел меня в спальню. Отсюда из узкого окна было видно озеро и серый лес торе, лежавший между Эстра и Стоком: унылые земли, унылый дом. В глубоком очаге гудел огонь, давая, как всегда, больше света для глаз, чем тепла для тела, потому что каменные стены, пол и ветры, дующие со льда, уносили большую часть тепла. Но я не чувствовал холода, как в первые два года пребывания на Зиме, я уже достаточно долго прожил в этом холодном мире.

Через час юноша (у него была девичья стройность и тонкость взглядов и движений, но девушка не может хранить такого угрюмого молчания) пришел и сказал, что лорд Эстре примет меня, если я хочу этого. Я пошел за ним по длинным коридорам, где началась какая-то игра в прятки. Дети пробегали мимо нас, натыкались на нас и вскрикивали от возбуждения. Более старшие, как тени, скользили от двери к двери, зажав руками рот, чтобы не рассмеяться. Один толстый малыш лет пяти или шести, отскочил от моих ног, потом схватил меня за руку.

— Сорве! — пропищал он, глядя на меня широко раскрытыми глазами. — Сорве, я иду прятаться в пивоварню.

Он унесся, как круглый камень из пращи. Юноша Сорве, ничуть не расстроившись, повел меня дальше и привел наконец во Внутренний Очаг к лорду Эстра.

Эсвана Харт рем ир Эстравен был старик, которому было далеко за семьдесят, с изувеченными артритом ногами. Он прямо сидел у огня в кресле на колесиках. Лицо у него было широкое, притупленное и изношенное временем, как обветренная скала — спокойное лицо, ужасающе спокойное.

— Вы посланник Дженри Ай? —

— Да.

Он смотрел на меня, а я на него. Терем был сыном этого старца. Терем, младший из сыновей, а старший Арек, тот самый, чей голос слышал он, когда я мысленно говорил с ним. Оба они теперь мертвы. Я не смог увидеть ничего знакомого в этом изношенном, спокойном и жестком лице.

Конечно, поездка в Эстра глупая затея, и я зря надеялся на утешение. Утешения нет и не будет. И разве может моя поездка на родину друга, в места, где он провел детство, успокоить угрызения совести? Ничего изменить нельзя. Но мой приход в Эстра имел и другую цель.

— Я провел с вашим сыном последние месяцы его жизни. Я был с ним, когда он умер. У меня с собой его дневник. И если вы хотите, чтобы я рассказал... — Выражение лица старика не изменилось, оно осталось спокойным, но юноша неожиданно вышел из тени, в которой стоял, и хрипло произнес:

— В Эрхенранге его называли Эстравеном-предателем.

Старший лорд посмотрел на юношу, потом на меня.

— Это Сорве Харт, — сказал он, — наследник Эстра, сын моего сына.

Я хорошо знал, что тут нет запрета на кровосмешение. Но мне, землянину, страшно было узнать черты друга в этом юноше. Когда я заговорил, голос мой звучал неуверенно:

— Король отменил указ. Терем не был предателем. Какая разница, как называют его глупцы?

Старый лорд медленно и ровно кивнул.

— Есть разница, — сказал он.

— Вы с ним пересекли Лед Гобрина? — задал вопрос юноша.

— Да.

— Я хотел бы услышать рассказ об этом, господин Посланник, — очень спокойно сказал старый Эстравен.

А юноша, сын Терема, запинаясь, воскликнул:

— Расскажите, как он умер, и о других мирах среди звезд, и о других людях, и о другой жизни!

ГЕТЕНИАНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ И ИЗМЕРЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Год. Период обращения Гетена составляет 8401 стандартных земных часов или 0,9 земного стандартного года.

Период вращения — 23,08 стандартного земного часа. Гетенианский год содержит 364 дня.

В Кархиде и Оргорейне годы не нумеруются последовательно от начального года до настоящего. Начальным годом считается текущий год. Каждый новый прошедший год становится годом «минус один», и каждая прошедшая дата увеличивается на один год. Будущее считается аналогично, следующий год считается вторым, пока не наступит его очередь стать первым.

Неудобство этой системы для исторических записей компенсируется различными способами, например, упоминанием хорошо известных на Гетене событий, правления королей, династий, местных лордов и так далее. Йомешта ведет счет в ста сорока четырехлетних циклах от рождения Меши (2202 года назад, хуменийский год 1492) и каждые двенадцать лет празднуют ритуальный день рождения, но эта система исключительно культовая и официально не используется даже правительством Оргорейна, которое поддерживает Йомештскую религию в качестве правительственной.

Месяц. Период обращения гетенианского спутника составляет двадцать шесть гетенианских дней. Период обращения вокруг планеты равен периоду обращения вокруг своей оси, поэтому луна Гетена всегда обращена к нему одной и той же стороной. В году насчитывается четырнадцать месяцев. И солнечный и лунный календари совпадают настолько точно, что требуется поправка лишь в один день на двести лет.

Дни месяца не меняются и всегда соответствуют одним и тем же фазам луны. Ниже приводятся кархидские названия месяцев:

Зима.	1. Терем
	2. Тенери
	3. Ниммер
	4. Аннер
Весна.	5. Иррем
	6. Мот
	7. Тува
Лето.	8. Осма
	9. Окре
	10. Кус
	11. Хаканна
Осень.	12. Гор
	13. Саоми
	14. Гренде

Двадцатishестидневный месяц делится на два полумесяца по тринадцать дней в каждом.

День. Делится на десять часов. Будучи неизменным, дни месяца называются не по числу, а по названию, как наши дни недели. Многие из этих названий соответствуют фазам луны. Например, Гетени — «Тьма», Архад — «первый полумесяц» и так далее. Приставка «од» используется во втором полумесяце, как отрицательная, давая противоположное значение, так что Одгетени означает «отсутствие тьмы». Кархидские названия дней месяца:

1. Гетени	14. Одгетени
2. Сордни	15. Одсордни
3. Эпс	16. Одэпс
4. Архад	17. Одархад
5. Петерхад	18. Одпетерхад
6. Стрет	19. Одстрет
7. Берни	20. Одберни
8. Орни	21. Одорни
9. Хардахад	22. Одхардахад
10. Гирни	23. Одгирни
11. Ирин	24. Одирин
12. Росте	25. Одросте
13. Торменбод	26. Одторменбод

Час. Названия часов на Гетене:

Первый час	полдень — 2.30 дня
Второй час	2.30 — 5.00 дня
Третий час	5.00 — 7.00 веч.
Четвертый час	7.00 — 9.30 веч.
Пятый час	9.30 — полночь
Шестой час	полночь — 2.30 утра
Седьмой час	2.30 — 5.00 утра
Восьмой час	5.00 — 7.00 утра
Девятый час	7.00 — 9.30 утра
Десятый час	9.30 — полдень

ПЛАНЕТА ИЗГНАНИЯ

роман

В последние дни последнего лунокруга осени по умирающим лесам Аскатевара гулял ветер с северных хребтов — холодный ветер, несущий запах дыма и снега. Тоненькая, совсем невидимая в своих светлых мехах, точно дикий зверек, девушка Ролери все дальше углублялась в лес сквозь вихри опавших листьев. Позади остались стены, камень за камнем поднимавшиеся все выше на склоне Тевара, и поля последнего урожая, где завершалась хлопотливая уборка. Она ушла одна, и никто ее не окликнул. Чуть заметная тропа, которая вела на запад, была исполосована бесчисленными бороздами — их оставили бродячие корни в своем движении на юг. Ролери то и дело перебиралась через рухнувшие деревья и огромные кучи сухих листьев.

Там, где у подножия Пограничной гряды тропа разветвлялась, Ролери прошла прямо, но не сделала и десяти шагов, как услышала позади ритмичный нарастающий шорох. Она быстро обернулась.

На северной тропе появился вестник. Его босые подошвы разметывали кипящий прибой сухих листьев, длинные концы шнура, стягивающего волосы, бились по ветру за плечами. Он бежал с севера — ровно, упорно, на пределе сил и, даже не взглянув на девушку у развилки, исчез за поворотом. Топот его ног затих в отдалении. Ветер подгонял его всю дорогу до Тевара, куда он нес известия, что надвигается буря, беда, Зима, война... Ролери равнодушно повернулась и пошла дальше по тропе, которая прихотливо петляла вверх по склону между огромными сухими стволами, стоявшими и скрипевшими от ударов ветра. Потом за гребнем распахнулось небо, а под небом лежало море.

Западный склон гряды был очищен от высохшего леса, и Ролери, укрывшись от ветра за толстым пнем, могла без помех рассматривать сияющий простор запада, бесконечное протяжение серых приморских песков и справа, совсем близко внизу, красные крыши обнесенного стенами города дальнерожденных на береговых утесах.

Высокие ярко выкрашенные каменные дома уступами окон и крыш ухо-

дили к обрыву. За городской стеной, там, где утесы понижались к югу, на аккуратных террасах коврами раскинулись луга и поля, расчерченные правильными линиями дамб. А от городской стены на краю обрыва через дамбы и дюны, через пляж, над влажно поблескивающим протяжением литорали гигантские каменные арки вели к странному черному острову среди сверкающего песка. Черная глыба, вся в черной игре теней круто вставала в полумиле от города над ровной плоскостью и искрящейся гофрировкой пляжа — мрачная несокрушимая скала, увенчанная куполами и башнями, вытесанными с искусством, недоступным ни ветру, ни морю. Что это могло быть такое — жилище, изваяние, крепость, могильник? Какие черные чары выдолбили камень и воздвигли этот немислимый мост в том былом времени, когда дальнерожденные были еще могучи и вели войны? Ролери пропускала мимо ушей путанные истории о колдовстве, без которых не обходилось ни одно упоминание о дальнерожденных, но теперь, глядя на черный риф среди песков, она испытывала незнакомое ощущение отчужденности: впервые в жизни она соприкоснулась с чем-то совсем ей чуждым, что было сотворено в одном из неведомых ей былых времен руками из иной плоти и крови, по замыслу, рожденному иным разумом. Эта черная громада казалась зловещей и неодолимо влекла ее к себе. Как замороженная, она следила за крохотной фигуркой, которая шла по высокому мосту такая ничтожная в сравнении с его длиной и высотой, черная точка, черная черточка, ползущая к черным башням среди сверкающего песка.

Ветер здесь был менее холодным, солнечные лучи пробивались сквозь клубившиеся на западе тучи и золотили улицы и крыши внизу. Город манил ее своей чуждостью, и Ролери не стала больше медлить, собираться с духом, а с дерзкой решимостью легко сбежала по склону и вошла в высокие ворота.

И там же она продолжала идти все той же легкой беззаботной походкой, но только из гордости: сердце у нее отчаянно заколотилось, едва она ступила на серые безупречно ровные плиты странной улицы странного города. Ее взгляд торопливо скользил слева направо и справа налево по высоким жилищам, воздвигнутым целиком над землей, по их крутым крышам и окнам из прозрачного камня (значит, это была не сказка!) и по узким полоскам влажной земли, где пустили цепкие корни келлем и хадун — их плети с яркими багряными и оранжевыми листьями вились по голубым и зеленым стенам, оживляя серо-свинцовые тона поздней Осени. Многие жилища у восточных ворот стояли пустые, краска на их стенах облупилась, окна зияли черными провалами. Она шла дальше, спускалась по лестницам, и жилища вокруг утратили заброшенный вид, а навстречу ей начали попадаться дальнерожденные.

Они глядели на нее. Ей доводилось слышать, будто дальнерожденные смотрят человеку прямо в глаза, но проверять этого она не стала. Во всяком случае, ее никто не остановил. Ее одежда походила на их одежду, да и кожа у некоторых из них, как она убедилась, искоса посматривая по сто-

ронам, была ненамного темнее, чем у людей. Но и не взглянув ни разу им в лицо, она ощущала неземную темень их глаз.

Неожиданно улица вывела ее на широкое открытое пространство правильной формы, очень ровное и все испещренное золотыми отблесками солнца, клонящегося к западу. По сторонам этого квадрата стояли четыре дома высотой с небольшую гору. У каждого по низу тянулись арки, а над ними правильно чередовались серые и прозрачные камни. Сюда вели только четыре улицы, и каждую можно было перегородить опускаемыми воротами, подвешенными между стен четырех огромных домов. Значит, эта площадь — крепость внутри крепости или город внутри города. А над ней высоко в небо уходила вызолоченная солнцем башня, венчавшая один из домов.

Это было надежное место, но совсем пустое.

В углу на усыпанной песком площадке величиной с доброе поле играли сыновья дальнерожденных. Двое боролись — очень искусно и упорно, а мальчики помоложе, в стеганых куртках и шапках, вооружившись деревянными мечами, рьяно разучивали удары. Глядеть на борцов было очень интересно: они неторопливо пританцовывали друг против друга и неожиданно схватывались с удивительной быстротой и грацией. Ролери, засмотревшись, остановилась возле двух высоких дальнерожденных в меховой одежде, которые молча наблюдали за происходящим. Когда старший борец внезапно перекувырнулся в воздухе и упал на мускулистую спину, она охнула почти одновременно с ним, а потом засмеялась от удивления и удовольствия.

— Отличный бросок, Джокенеди! — воскликнул дальнерожденный рядом с ней, а женщина по ту сторону площади захлопала в ладоши. Младшие мальчики, поглощенные своим занятием, продолжали наносить и отражать удары.

А она даже не знала, что чародеи растят воинов, да и вообще ценят силу и ловкость. Хотя она слышала про их умение бороться, они всегда рисовались ей горбунами, которые в темных логовах гнутя над гончарными кругами и длинными паучьими руками выделывают на них красивые сосуды из глины и белого камня, попадающие потом в шатры людей. Ей вспомнились всякие истории, слухи, обрывки сказок... Про охотника говорили, что он «удачлив, как дальнерожденный», а одну глину называли «чародейной землей», потому что чародеи ее очень ценили и давали за нее всякие вещи. Но толком она ничего не знала. Задолго до ее рождения Люди Аскатевара уже кочевали по северу и востоку своего Предела, и ей ни разу не пришлось помогать тем, кто отвозил зерно в житницы под Теварским холмом, а потому она не бывала на склонах западной гряды до этого лунокруга, когда все Люди Аскатевара собрались здесь со своими стадами и семьями, чтобы построить Зимний Город над подземными житницами. Об этом инорожденном племени она ничего, в сущности, не знает...

Тут она заметила, что победивший борец, стройный юноша, которого

назвали Джокенеди, уставился ей прямо в лицо, и, поспешно отвернувшись, попятилась со страхом и омерзением.

Он подошел к ней. Его обнаженные плечи и грудь блестели от пота, точно черный камень.

— Ты пришла из Тевара, верно? — спросил он на языке людей, но выговаривая почти все слова как-то неправильно. Он улыбался ей, радуясь своей победе, и стряхивал песок с гибких рук.

— Да.

— Чем мы можем тебе помочь? Ты чего-нибудь хочешь?

Он стоял совсем рядом, и она, конечно, не могла посмотреть на него, но голос его звучал дружески, хотя и чуть насмешливо. Мальчишеский голос. Она подумала, что он, наверное, моложе ее. Нет, она не позволит, чтобы над ней смеялись.

— Да, — сказала она небрежно. — Я хочу посмотреть черную скалу на песках.

— Так иди. Виадук открыт.

Она почувствовала, что он пытается заглянуть в ее опущенное лицо, и еще больше отвернула голову.

— Если кто-нибудь тебя остановит, скажи, что тебе показал дорогу Джокенеди Ли, — добавил он. — А может быть, проводить тебя?

Она даже не стала отвечать. Выпрямившись и опустив глаза, она направилась по улице, которая вела с площади на мост. Пусть ни один из этих скалящих зубы черных лжелеудей не смеет думать, будто она боится...

За ней никто не шел. Никто из встречающих не обращал на нее внимания. Короткая улица кончилась. Между гигантскими пилонами виадука она оглянулась, потом посмотрела вперед и остановилась.

Мост был огромен — дорога для великанов. С гребня он казался хрупким — его арки словно летели над полями, над дюнами и песками. Но здесь она увидела, что он очень широк — двадцать мужчин могли бы пройти по нему плечом к плечу — и ведет прямо к высоким черным воротам в башне-скале. По краям он ничем не был отгорожен от воздушной пропасти. Идти по нему? Нет! Об этом и подумать нельзя. Такая дорога не для человеческих ног.

По боковой улице она вышла к западным воротам в городской стене, торопливо миновала длинные пустые загоны и стояла и выскользнула через калитку, чтобы вернуться назад, обогнув стены снаружи.

Здесь, где утесы понижались и в них там и сям были прорублены ступеньки, аккуратные полоски полей, залитые желтым предвечерним светом, дышали тихим покоем, а дальше за дюнами простирался широкий пляж, где можно поискать длинные зеленые морские цветы, которые женщины Аскатевара хранят в своих ларцах и по праздникам вплетают в волосы. Она вдохнула таинственный запах моря. Ей еще ни разу не доводилось гулять по морским пескам. А солнце еще только-только начинает клониться к закату. Она сбежала по ступенькам, вырубленным в обрыве, прошла через поля, через дамбы и дюны и наконец оказалась на ровных сверкающих

песках, которые простирались, докуда хватал глаз, на север, на запад и на юг.

Дул ветер. Солнце светило негреющим светом. Откуда-то спереди, с запада, доносился неумолчный звук, словно вдали ласково рокотал могучий голос. Ее ноги ступали по твердому ровному песку, которому не было конца. Она побежала, наслаждаясь быстрым движением, остановилась, засмеялась от беспричинной радости и посмотрела на арки моста, мощно шагающие вдоль крохотной вьющейся цепочки ее следов, потом снова побежала и снова остановилась, чтобы набрать серебристых ракушек, торчавших из песка. Позади нее на краю обрыва лепился город дальнерожденных, точно кучка пестрых камешков на ладони. Она еще не успела устать от соленого ветра, от простора и одиночества, а уже почти поравнялась с башней-скалой, которая теперь черной стеной загородила от нее солнце.

В этой широкой и длинной тени прятался холод. Она вздрогнула и снова пустилась бежать, чтобы поскорее выбраться на свет, стараясь не приближаться к черной громаде. Она торопилась проверить, низко ли опустилось солнце и далеко ли ей еще бежать, чтобы увидеть вблизи морские волны.

Ветер донес до ее ушей еле слышный голос, который кричал непонятно, но так настойчиво, что она остановилась и испуганно поглядела через плечо на гигантский черный остров, встающий из песка. Не зовет ли ее это чародейное место?

В вышине на неогороженном мосту, над уходящей в скалу опорой, стояла черная фигура, такая далекая, и звала ее.

Она повернулась и побежала, потом остановилась, повернула назад. Ее захлестнул ужас. Она хотела бежать и не могла. Ужас давил ее, она не могла шевельнуть ни ногой, ни рукой и стояла, вся дрожа, а в ее ушах нарастал рокошущий рев. Чародей на черной башне оплетал ее паутиной своего колдовства. Вскинув руки, он снова пронзительно выкрикнул слова, которых она не поняла: ветер донес их отзвук, точно зов морской птицы — ри-и, ри-и! Рев в ее ушах стал еще громче, и она скорчилась на песке.

Вдруг ясный и тихий голос внутри ее головы произнес: «Беги! Вставай и беги. К острову. Не медли. Беги!» И сама не зная как, она вскочила и поняла, что бежит. Тихий голос раздался снова — он направлял ее шаги. Ничего не видя, задыхаясь, она добралась до черных ступенек в скале и начала карабкаться по ним. За поворотом ей навстречу метнулась черная фигура. Она протянула руку и почувствовала: что ее втаскивают выше по лестнице. Потом пальцы, сжимавшие ее запястье, разжались: и она привалилась к стене, потому что у нее подгибались колени. Черная фигура подхватила ее, поддержала, и голос, прежде звучавший внутри ее головы, произнес громко:

— Смотри! Вот оно!

Внизу о скалу с грохотом ударился водяной вал. Кипящая вода, разделенная островом, снова сомкнулась, и вал, весь в белой пене, с ревом пока-

тился дальше, разбился на пологом склоне у дюн, лизнул их, и между ними и островом заплясали сверкающие волны.

Ролери, вся дрожа, цеплялась за стену. Ей никак не удавалось унять дрожь.

— Прилив накатывается сюда чуть быстрее, чем способен бежать человек, — произнес позади нее спокойный голос. — А глубина воды вокруг Рифа в прилив — почти четыре человеческих роста... Нам надо подняться еще выше... Потому-то мы и жили здесь в старину. Ведь половину времени Риф окружен водой. Заманивали вражеское войско на пески перед началом прилива. Конечно, если они ничего про приливы не знали... Тебе уже легче?

Ролери слегка пожала плечами. Он как будто не понял, и тогда она сказала:

— Да.

Его речь была понятной, хотя он употреблял много слов, которых она не знала: а остальные почти все произносил неправильно.

— Ты пришла из Тевара?

Она снова пожала плечами. Ее мучила дурнота, к глазам подступали слезы, но она сумела их подавить. Поднимаясь по черным ступенькам еще одной лестницы, она поправила волосы и из-за их завесы искоса взглянула на лицо дальнерожденного — сильное, суровое, темное, с мрачными блестящими глазами, темными глазами лжечеловека.

— А что ты делала на песках? Разве никто не предупредил тебя о приливах?

— Я ничего не знала, — прошептала она.

— Но ваши Старейшины знают о них. Во всяком случае, знали прошлой Весной, когда ваше племя жило тут на побережье. Память у людей дьявольски короткая! — Говорил он злые вещи, но голос у него оставался спокойным и не злым. — Вот сюда. И не бойся — здесь никого нет. Давно уже никто из ваших людей не бывал на Рифе...

Они вошли в темный проем туннеля и оказались в комнате, которую она сочла огромной — пока не увидела следующую. Они проходили через ворота и открытые дворики, по галереям, висящим над морем, по комнатам и сводчатым залам — безмолвным, пустым, где обитал только морской ветер. Теперь море покачивало свое резное серебро далеко внизу. Она испытывала ощущение удивительной легкости.

— Здесь никто не живет? — спросила она робко.

— Сейчас нет.

— Это ваш Зимний Город?

— Нет. Мы зимуем в городе на утесах. Тут была крепость. В былые Годы на нас часто нападали враги... А почему ты бродила по пескам?

— Я хотела увидеть...

— Увидеть что?

— Пески. Море. Сначала я прошла по вашему городу, я хотела увидеть...

— Ну что ж. Ничего плохого в этом нет.

Они поднялись на другую галерею, и у нее закружилась голова от высоты. Между стрельчатыми арками, крича, кружили морские птицы. Последний коридор вывел их к поднятым воротам, под ногами загremело железо, из которого делают мечи, а потом начался мост. От башни к городу между небом и морем они шли молча, а ветер толкал их вправо — все время вправо. Ролери очоенела и совсем обессилела от высоты, от необычности всего, что ее окружало, от того, что рядом с ней идет этот темный лже-человек.

Когда они вошли в городские ворота, он внезапно сказал:

— Я больше не буду говорить в твоих мыслях. Тогда у меня не было выбора.

— Когда ты велел мне бежать... — начала она и запнулась, потому что толком не понимала, что он имеет в виду и что, собственно, произошло там, на песках.

— Я думал, ты кто-то из наших, — сказал он словно с досадой, но тут же справился с собой. — Не мог же я стоять и смотреть: как ты утонешь. Пусть и по собственной вине. Но не бойся. Больше я этого делать не буду и никакой власти я над тобой не приобрел, что бы ни говорили тебе ваши Старейшины. А потому иди: ты вольна как ветер и сохранила свое невежество в полной неприкосновенности.

В его голосе была злость, и Ролери испугалась. Рассердившись на себя за этот страх, она спросила дрожащим, но дерзким голосом:

— А прийти еще раз я тоже вольна?

— Да. Когда захочешь. Могу ли я узнать твое имя, дочь Аскатеvara?

— Ролери из Рода Вольда.

— Вольд — твой дед? Твой отец? Он еще жив?

— Вольд замыкает круг в Перестуке Камней, — сказала она надменно, стараясь не уронить своего достоинства.

Почему он говорит с ней так властно? Откуда у дальнерожденного, у лжечеловека без роду и племени, стоящего вне закона, такое суровое величие?

— Передай ему привет от Джакоба Агата альтеррана. Скажи ему, что завтра я приду в Тевар поговорить с ним. Прощай, Ролери.

Он протянул руку в приветствии равных, и, растерявшись, она прижала ладонь к его ладони. Потом повернулась и побежала вверх по крутой улице, вверх по ступенькам, натянув меховой капюшон на лоб и отворачиваясь от дальнерожденных, которые попадались ей навстречу. Ну почему они глядят тебе прямо в лицо, точно мертвецы или рыбы? Животные с теплой кровью и люди никогда не пялятся в глаза друг другу. Она вышла из ворот, обращенных к холмам, вздохнула с облегчением, быстро поднялась на гребень в гаснущих красных лучах заходящего солнца, спустилась со склона между умирающими деревьями и торопливо пошла по тропе, ведущей в Тевар. За жнивьем сквозь сгустившиеся сумерки мерцали звездочки очагов в шатрах, окружающих еще не достроенный Зимний Город. Она ускорила шаг — скорее туда, к теплу, еде, людям. Но даже в большом

женском шатре ее Рода, стоя на коленях у очага и ужиная похлебкой вместе с остальными женщинами и детьми, она ощущала в своих мыслях что-то странное и чужое. Она жала правую руку, и ей почудилось, что она хранит в ладони пригоршню мрака... прикосновение его руки.

2

— Каша совсем остыла! — проворчал он и оттолкнул плетенку, а потом, когда старая Керли покорно взяла ее, чтобы подогреть бхану, мысленно обозвал себя сварливым старым дурнем. Но ведь ни одна из его жен — правда, теперь их всего одна и осталась, — ни одна из его дочерей, ни одна из женщин его Рода не умеет сварить бхановую кашу, как ее варила Шакатани. Как она стряпала! И какой молодой была... последняя его молодая жена. Умерла в восточных угодьях, умерла молодой, а он все живет и живет — и вот уже скоро опять наступит лютая Зима.

Вошла девушка в кожаной тунике с выдавленным на плече трилистником — знаком его Рода. Внучка, наверное. Немного похожа на Шакатани. Он заговорил с ней, хотя и не припомнил ее имени.

— Это ты вчера вернулась поздней ночью, девушка?

Тут он узнал ее по улыбке и по тому, как она держала голову. Та маленькая девочка, с которой он любил шутить, — такая задумчивая, дерзкая, ласковая, одинокая. Дитя, рожденное не в срок. Да как же ее все-таки зовут?

— Я пришла к тебе с вестью, Старейший.

— От кого?

— Он назвался большим именем — Джакат-абат-больтерра. А может быть, и по-другому. Я не запомнила.

— Альтерран? Так дальнерожденные называют своих Старейшин. Где ты встретила этого человека?

— Это же был не человек, Старейший, а дальнерожденный. Он шлет тебе привет и весть, что придет сегодня в Тевар поговорить со Старейшим.

— Вот как? — сказал Вольд и слегка потряс головой, восхищаясь ее дерзостью. — И ты, значит, его вестница?

— Он случайно заговорил со мной...

— Да-да. А знаешь ли ты, девушка, что у людей Пернмекского Предела незамужнюю женщину, которая заговорит с дальнерожденным... наказывают?

— А как наказывают?

— Ну, не будем об этом говорить.

— Пернмеки едят клоуб и бреют головы. Да и что они знают о дальнерожденных? Они же никогда не приходят на побережье... А в одном из шатров я слышала, будто у Старейшего в моем Роде была дальнерожденная жена. В былые дни.

— Это верно. В былые дни... — Девушка молча ждала, а Вольд вспом-

нил далекое прошлое, другое время, былое время — Весну. Краски, давно развеявшиеся сладкие запахи, цветы, отцветшие сорок лунокругов назад, почти забытый голос... — Она была молодой. И умерла молодой. Еще до наступления Лета. — Помолчав, он добавил: — Но это совсем не то же самое, что незамужней женщине разговаривать с дальнерожденным. Тут есть разница, девушка.

— А почему?

Несмотря на свою дерзость, она заслуживала ответа.

— Причин несколько, и не очень важных, и важных. Главная же такая: дальнерожденный берет всего одну жену, а истинная женщина, вступив с ним в брак, не будет рожать сыновей.

— Почему, Старейший?

— Неужто женщины больше не болтают в своем шатре? И ты в самом деле так уж ничего не знаешь? Да потому, что у людей и дальнерожденных детей быть не может. Разве ты об этом не слышала? Либо брак остается бесплодным, либо женщина разрешается мертвым уродом. Моя жена Арилия, дальнерожденная, умерла в таких родах. У ее племени нет никаких брачных правил. Дальнерожденные женщины, точно мужчины, вступают в брак с кем хотят. Но обычай Людей нерушим: женщины делят ложе с истинными мужчинами, становятся женами истинных мужчин и дают жизнь истинным детям!

Она грустно нахмурилась, посмотрела туда, где на стенах Зимнего Города усердно трудились строители, а потом сказала:

— Прекрасный закон для женщин, которым есть с кем делить ложе...

На вид ей можно было дать лунокругов двадцать — значит, она родилась не в положенное Время Года, а в Летнее Бесплодие. Сыновья Весны вдвое и втрое ее старше, давно женаты, и не один раз, и браки их не бесплодны. Осеннерожденные — еще дети. Но кто-нибудь из весеннерожденных еще возьмет ее третьей или четвертой женой, так что ей нечего сетовать. Пожалуй, надо бы устроить ее брак. Но с кем и в каком она родстве?

— Кто твоя мать, девушка?

Она поглядела в упор на застежку у его горла и сказала:

— Моей матерью была Шакатани. Ты забыл ее?

— Нет, Ролери, — ответил он после некоторого молчания. — Я ее не забыл. Но послушай, дочь, где ты говорила с этим альтерраном? Его зовут Агат?

— В его имени есть такая часть.

— Значит, я знал его отца и отца его отца. Он в родстве с женщиной... с дальнерожденной, о которой мы говорили. Кажется, он сын ее сестры или сын ее брата.

— Значит, твой племянник. И мой двоюродный брат, — сказала она и вдруг рассмеялась.

Вольд тоже усмехнулся такому неожиданному выведению родства.

— Я встретила его, когда ходила посмотреть море, — объяснила

она. — Там, на песках. А перед этим я видела вестника, который бежал с севера. Женщины ничего не знают. Случилось что-нибудь? Начинается Откочевка на юг?

— Может быть, может быть, — пробормотал Вольд. Он уже опять не помнил ее имени. — Иди, девочка, помоги своим сестрам в полях, — сказал он и, забыв и про нее и про бхану, которой так и не дождался, тяжело поднялся на ноги.

Обойдя сзади свой большой выкрашенный алой краской шатер, он посмотрел туда, где толпы людей возводили стены Зимнего Города и готовили земляные дома, и дальше — на север. Северное небо над оголенными холмами было в это утро ярко-синим, чистым и холодным.

Ему ясно припомнилась жизнь в тесных ямах под крутыми крышами — среди сотни спящих вповалку людей просыпаются старухи, разводят огонь в очагах, тепло и дым забираются во все поры его тела, пахнет кипящей в котлах зимней травой... Шум, вонь, жаркая духота этих нор под замерзшей землей. И холодное чистое безмолвие мира на ее поверхности, то выметенной ветром, то занесенной снегом, а он и другие молодые охотники уходят далеко от Тевара на поиски снежных птиц, кории и жирных веспри, что спускаются подо льдом замерзших рек с дальнего севера. Вон там, по ту сторону долины, из сугроба поднялась мотающаяся белая голова снежного дьявола... А еще-раньше, прежде снега, льда и белых зверей Зимы, была такая же ясная погода, как сегодня — солнечный день, золотой ветер и синее небо, стынущее над холмами. И он... нет, не мужчина, а совсем малыш, вместе с другими малышами и женщинами смотрит на плоские белые лица, на красные перья, на плащи из незнакомого сероватого перистого меха. Лающие голоса, слова, которых он не понимал, но мужчины его Рода и Старейшины Аскатевара сурово приказывали плосколицым идти дальше. А еще раньше с севера прибежал человек с обожженным лицом, весь окровавленный, и закричал: «Гааль! Гааль! Они прошли через наше стойбище в Пекне!»...

Куда яснее любых нынешних голосов он и теперь слышал этот хриплый крик, донесшийся через всю его жизнь, через шестьдесят лунокругов, что пролегли между ним и тем малышом, который смотрел во все глаза и слушал... между этим холодным солнечным днем и тем холодным солнечным днем. Где была Пекна? Затерялась под дождем и снегом, а оттепели Весны унесли кости убитых врасплох, истлевшие шатры, и память о стойбище, и его название.

Но на этот раз, когда гааль пройдет на юг через Пределы Аскатевара, убитых врасплох не будет! Он позаботился об этом. Есть польза и в том, чтобы прожить дольше своего срока, храня воспоминания о былых бедах. Ни один клан, ни одна семья Людей Аскатевара не замешкались в летних угодьях, и их уже не застанут врасплох ни гааль, ни первый буран. Они все здесь. Все двадцать сотен: осеннерожденные малыши мельтешат вокруг, как опавшие листья, женщины перекликаются и пестреют в полях, точно стаи перелетных птиц, а мужчины строят дома и стены Зимнего Го-

рода из старых камней на старом основании, охотятся на последних откочевывающих зверей, рубят и запасают дрова, режут торф на Сухом Болоте, загоняют стада ханн в большие хлева, где их надо будет кормить, пока не прорастет зимняя трава. Все они, трудясь тут уже половину лунокруга, подчинялись ему, Вольду, а он подчинялся древним Обычаям Людей. Когда придет гааль, они запрут городские ворота, когда придут бураны, они затворят двери земляных домов — и доживут до Весны. Доживут!

Он с трудом опустился на землю позади своего шатра и вытянул худые, исполосованные шрамами ноги, подставляя их солнечным лучам. Солнце казалось маленьким и белесым, хотя небо было прозрачно-ясным. Оно теперь было вдвое меньше, чем могучее солнце Лета, — даже меньше луны. «Солнце с луной сравнялось, ждать холодов недолго осталось»... Земля хранила сырость дождей, которые лили не переставая почти весь этот лункруг. Там и сям на ней виднелись бороздки, которые оставили бродячие корни, двигаясь на юг. О чем, бишь, спрашивала эта девочка? О дальнерожденных... Нет, о вестнике. Он прибежал вчера (вчера ли?) и, задышав, рассказал, что гааль напал на Зимний Город Тлокну на севере у Зеленых Гор. В его словах крылась ложь или трусость. Гааль никогда не нападает на каменные стены. Грязные плосконосые дикари в перьях, бегущие от Зимы на юг, точно бездомное зверье... Они не могут разорить город. Пекна... Это было всего лишь маленькое стойбище, а не город, обнесенный стеной. Вестник солгал. Все будет хорошо. Они выживут. Почему глупая старуха не несет ему завтрак? А здесь тепло, здесь, на солнышке...

Восьмая жена Вольда неслышно подошла с плетенкой бханы, над которой курился пар, увидела, что он уснул, досадливо вздохнула и неслышно вернулась к очагу.

Днем, когда угрюмые воины привели к его шатру дальнерожденного, за которым бежали малыши, с хохотом выкрикивая обидные насмешки, Вольд вспомнил, как девушка сказала со смехом: «Твой племянник, мой двоюродный брат». А потому он тяжело поднялся с сиденья и приветствовал дальнерожденного стоя, как равного — отвратив лицо и протянув руку ладонью вверх.

И дальнерожденный без колебаний ответил на его приветствие как равный. Они всегда держались с такой вот надменностью, будто считали себя ничуть не хуже людей, даже если сами этому и не верили. Этот был высок, хорошо сложен, еще молод и шел свободно, точно глава Рода. Если бы не темная кожа и не темные неземные глаза, его можно было бы принять за человека.

— Старейший, я Джакоб Агат.

— Будь гостем в моем шатре и в шатрах моего Рода, альтерран.

— Я слушаю сердцем, — ответил дальнерожденный, и Вольд сдержал усмешку: это был вежливый ответ в дни его отца, но кто говорит так теперь? Странно, как дальнерожденные всегда помнят старинные обычаи и раскапывают то, что осталось в былом времени. Откуда такому молодому

знать выражение, которое из всех людей в Теваре помнит только он, Вольд, да, может быть, двое-трое самых древних стариков? Еще одна их странность — часть того, что люди называют чародейством, из-за чего они боятся темнокожих. Но Вольд их никогда не боялся.

— Благородная женщина из твоего Рода жила в моих шатрах, и я много раз ходил по улицам вашего города, когда была Весна. Я не забыл этого. И потому говорю, что ни один воин Тевара не нарушит мира между нами, пока я жив.

— Ни один воин Космопора не нарушит его, пока я жив.

Произнося свою речь, старый вождь так растрогался, что у него на глазах выступили слезы, и он, смигивая их и откашливаясь, опустился на свой ларец, покрытый ярко раскрашенной шкурой. Агат стоял перед ним выпрямившись — черный плащ, темные глаза на темном лице. Молодые воины, которые привели его, переминались с ноги на ногу, ребятишки, столпившись у откинутой стенки шатра, подталкивали друг друга локтями и перешептывались. Вольд поднял руку, и их всех как ветром сдуло. Стенку шатра опустили, старая Керли развела огонь в очаге и выскользнула наружу. Вольд остался наедине с дальнерожденным.

— Садись, — сказал он.

Но Агат не сел.

— Я слушаю, — сказал он, продолжая стоять.

Раз Вольд не пригласил его сесть в присутствии других людей, он не сядет, когда некому увидеть, как вождь указывает ему на сиденье. Все это сказало Вольду чутье, необычайно обострившееся за долгую жизнь, большую часть которой ему приходилось руководить людьми и их поступками. Он вздохнул и позвал надтреснутым басом:

— Жена!

Старая Керли вернулась и с удивлением посмотрела на него.

— Садись! — сказал Вольд, и Агат сел у очага, скрестив ноги. — Уйди! — буркнул Вольд жене. Она тотчас исчезла.

Молчание. Неторопливо и тщательно Вольд развязал кожаный мешочек, висевший на поясе его туники, вынул маленький кусок затвердевшего гезинового сока, отломил крошку, завязал мешочек и положил крошку на раскаленный уголь с краю очага. Поднялась струйка едкого зеленоватого дыма. Вольд и дальнерожденный глубоко вдохнули дымок и закрыли глаза. Потом Вольд откинулся на обмазанный смолой плетеный уринал и произнес:

Я слушаю.

— Старейший, мы получили вести с севера.

— Мы тоже. Вчера прибежал вестник.

(Но вчера ли это было?)

— Он говорил про Зимний Город в Тлокне?

Старик некоторое время смотрел в огонь, глубоко дыша, словно гезин еще курился, и пожевывая нижнюю губу изнутри. Его лицо (и он отлично это знал) было тупым, как деревянная чурка, неподвижным, дряхлым.

— Я сожалею, что принес дурные вести, — сказал дальнерожденный своим негромким спокойным голосом.

— Не ты. Мы их уже слышали. Очень трудно, альтерран, распознавать правду в известиях, которые доходят к нам издалека, от других племен в других Пределах. От Тлокны до Тевара даже вестник бежит восемь дней, а чтобы пройти этот путь с шатрами и стадами, нужен срок вдвое больше. Кто знает? Когда Откочевка достигнет этих мест, ворота Тевара будут готовы и замкнуты. А вы свой город никогда не покидаете, и, уж конечно, его ворота чинить не нужно?

— Старейший, на этот раз потребуются небывало крепкие ворота. У Тлокны были стены, и ворота, и воины. Теперь там нет ничего. И это не слухи. Люди Космопора были там десять дней назад. Они ждали на отдаленных рубежах прихода первых гаалей, но гаали идут все вместе.

— Альтерран, я слушал, теперь слушай ты. Люди иногда пугаются и убегают еще до того, как появится враг. Мы слышим то одну новость, то другую. Но я стар. Я дважды видел Осень, я видел приход Зимы, я видел, как идет на юг гааль. И я скажу тебе правду.

— Я слушаю, — сказал дальнерожденный.

— Гааль обитает на севере, вдали от самых дальних Пределов, где живут люди, говорящие одним с нами языком. Предание гласит, что их летние угодья там обширны, покрыты травой и простираются у подножья гор с реками льда на вершинах. Едва минует первая половина Осени, в их земли с самого дальнего севера, где всегда Зима, приходят холод и снежные звери, и, подобно нашим зверям, гаали откочевывают на юг. Они несут свои шатры с собой, но не строят городов и не запасают зерна. Они проходят Предел Тевара в те дни, когда звезды Деревы восходят на закате, до того, как впервые взойдет Снежная Звезда и возвестит, что Осень кончилась и началась Зима. Если гаали натываются на семьи, кочующие без защиты, на охотничьи стойбища, на оставленные без присмотра стада и поля, они убивают и грабят. Если они видят крепкий Зимний Город с воинами на стенах, они проходят мимо, размахивая копьями и вопя, а мы пускаем два-три дротика в спины последних... Они идут все дальше и дальше на юг, пока не остановятся где-то далеко отсюда. Люди говорят, что там Зима теплее, чем тут. Кто знает? Так откочевывают гаали. Я знаю. Я видел Откочевку, альтерран, я видел, как гаали возвращаются на север в дни таяния, когда растут молодые леса. Они не нападают на каменные города. Они подобны воде — текучей воде, шумящей между камнями. Но камни разделяют воду и остаются недвижимыми. А Тевар — такой камень.

Молодой дальнерожденный сидел склонив голову, и размышлял — так долго, что Вольд позволил себе посмотреть прямо в его лицо.

— Все, что ты сказал, Старейший, правда, полная правда, и было неизменной правдой в былые Годы. Но теперь... теперь новое время... Я — один из первых среди моих людей, как ты — первый среди своих. Я прихожу как один вождь к другому, ища помощи. Поверь мне, выслушай меня: наши люди должны помочь друг другу. Среди гаалей появился

большой человек, глава всех племен. Они называют его не то Куббан, не то Коббан. Он объединил все племена и создал из них войско. Теперь гаали по пути на юг не крадут отбившихся ханн, они осаждают и захватывают Зимние Города во всех Пределах побережья, убивают весеннерожденных мужчин, а женщин обращают в рабство и оставляют в каждом городе своих воинов, чтобы держать его в повиновении всю Зиму. А когда придет Весна и гаали вернутся с юга, они останутся здесь. Эти земли будут их землями — эти леса, и поля, и летние угодья, и города, и все люди тут... те, кого они оставляют в живых...

Старик некоторое время смотрел в сторону, а потом произнес сурово, еле сдерживая гнев:

— Ты говоришь, я не слушаю. Ты говоришь, что моих людей победят, убьют, обратят в рабство. Мои люди — истинные мужчины, а ты — дальнерожденный. Прибереги свои черные слова для собственной черной судьбы!

— Если вам грозит опасность, то наше положение еще хуже. Знаешь ли ты, сколько нас живет сейчас в Космопоре? Меньше двух тысяч, Старейший.

— Так мало? А в других городах? Когда я был молод, ваше племя жило на побережье и дальше к северу.

— Их больше нет. Те, кто остался жив, пришли к нам.

— Война? Моровая язва? Но ведь вы никогда не болеете, вы, дальнерожденные.

— Трудно выжить в мире, для которого ты не создан, — угрюмо ответил Агат. — Но как бы то ни было, нас мало, мы слабы числом и просим принять нас в союзники Тевара, когда придут гаали. А они придут не позже чем через тридцать дней.

— Раньше, если гаали уже в Тлокне. Они и так задержались, ведь в любой день может выпасть снег. Они поспешат!

— Они не будут спешить, Старейший. Они движутся медленно, потому что идут все вместе — все пятьдесят, шестьдесят, семьдесят тысяч!

Внезапно Вольд увидел то, о чем говорил дальнерожденный: увидел неисчислимую орду, катящуюся плотными рядами через перевалы за своим высоким плосколицым вождем, увидел воинов Тлокны — а может быть, Тевара? — мертвых, под обломками стен их города, и кристаллы льда, застывающие в лужах крови... Он тряхнул головой, отгоняя страшное видение. Что это на него нашло? Он некоторое время сидел и молчал, пожевывая нижнюю губу изнутри.

— Я слышал тебя, альтерран.

— Но не все, Старейший!

Какая дикарская грубость! Но что взять с дальнерожденного?! Да и среди своих он — один из вождей... Вольд позволил ему продолжать.

— У нас есть время, чтобы подготовиться. Если люди Аскатевара, люди Аллакската и Пернмека заключат союз и примут нашу помощь, у нас будет свое войско. Оно встретит Откочевку на северном рубеже ваших трех

Пределов, и гаали вряд ли решатся вступать в битву с такой силой, а вместо этого свернут к восточным перевалам. Согласно нашим хроникам, в былые Годы гаали дважды выбирали этот восточный путь. А так как Осень на исходе, дичи мало и наступают холода, гаали, встретив готовых к битве воинов, наверное, предпочтут свернуть, чтобы продолжать путь на юг без задержки. Я думаю, что у Куббана есть только одна тактика: нападать врасплох, полагаясь на численное превосходство. Мы заставим его свернуть.

— Люди Пернмека и Аллакската, как и мы, уже ушли в свои Зимние Города. Неужто вы еще не узнали Обычая Людей? С наступлением Зимы никто не воюет и не сражается!

— Растолкуй этот Обычай гаалям, Старейший! Решай сам, но поверь моим словам!

Дальнерожденный вскочил, словно стремясь придать особую силу своим уговорам и предостережениям. Вольд пожалел его, как часто теперь жалел молодых людей, которые не видят всей тщеты страстей и замыслов, не замечают, как их жизнь и поступки пропадают без толку между желанием и страхом.

— Я слышал тебя, — сказал он почти ласково. — Старейшины моего племени услышат твои слова.

— Так можно мне прийти завтра и узнать...

— Завтра или день спустя...

— Тридцать дней, Старейший! Самое большее — тридцать дней!

— Альтерран, гааль придет и уйдет. Зима придет и не уйдет. Что толку в победе, если воины после нее вернутся в недостроенные дома, когда землю уже скует лед? Вот мы будем готовы к Зиме и тогда подумаем о гаале... Но сядь же... — Он снова развязал мешочек и отломил еще крошку гезина для прощального вдоха. — А твой отец тоже был Агат? Я встречал его, когда он был молод. И одна из моих недостойных дочерей сказала мне, что встретила тебя, когда гуляла на песках.

Дальнерожденный быстро вскинул голову, а потом сказал:

— Да, мы встретились с ней там. На песках между двумя приливами.

3

Что вызывало приливы у этих берегов: почему дважды в день к ним стремительно подступала вода, катясь гигантским валом высотой от пятнадцати до пятидесяти футов, а потом опять откатывалась куда-то вдаль? Ни один из Старейшин города Тевара не сумел бы ответить на этот вопрос. Любого ребенок в Космопоре сразу сказал бы: приливы вызывает Луна, притяжение Луны...

Луна и Земля обращаются вокруг друг друга, и цикл этот занимает четыреста дней — один лунокруг. Вместе же, образуя двойную планету,

они обращаются вокруг Солнца торжественным величавым вальсом в пустоте, длящимся до полного повторения шестьдесят лунокругов, двадцать четыре тысячи дней, целую человеческую жизнь — один Год. А солнце в центре их орбиты, это солнце называется Эльтанин, Гамма Дракона.

Перед тем как войти под серые ветви леса, Джакоб Агат взглянул на солнце, опускающееся в туман над западным хребтом, и мысленно произнес его истинное название, означавшее, что это не просто солнце, но одна из звезд среди мириад звезд.

Сзади до него донесся ребячий голос — дети играли на склоне Теварского холма, и он вспоминал злорадные, только чуть отвернутые лица, насмешливый шепот, за которым прятался страх, вопли у него за спиной. «Дальнерожденный идет! Бегите сюда посмотреть на него!» И здесь, в одиночестве леса, Агат невольно ускорил шаг, стараясь забыть недавнее унижение. Среди шатров Тевара он чувствовал себя униженным и мучился, ощущая себя чужаком. Он всегда жил в маленькой сплоченной общине, где ему было знакомо каждое имя, каждое лицо, каждое сердце, и лишь с трудом мог заставить себя разговаривать с чужими. А особенно — когда они принадлежат к другому биологическому виду и полны враждебности, когда их много и они у себя дома. Теперь он с такой силой ощутил запоздалый страх и муки оскорбленной гордости, что даже остановился. «Будь я проклят, если вернусь туда! — подумал он. — Пусть старый дурень верит чему хочет и копит себя дымом в своем вонючем шатре, пока не явится гааль. Невежественные, самодовольные, нетерпимые, мучномордые, желтоглазые дикари, тупоголовые врасу! Да путь они все сгорят!»

— Альтерран?

Его догнала девушка. Она остановилась на тропе в нескольких шагах от него, упершись ладонью в иссеченный бороздами белый ствол батука. Желтые глаза на матово-белом лице горели возбужденно и насмешливо. Агат молча ждал.

— Альтерран? — повторила она своим ясным мелодичным голосом, глядя в сторону.

— Что тебе нужно?

Девушка отступила на шаг.

— Я Ролери, — сказала она. — На песках...

— Я знаю, кто ты. А ты знаешь, кто я? Я лжечеловек, дальнерожденный. Если твои соплеменники застанут тебя за разговором со мной, они либо изуродуют меня, либо подвергнут тебя ритуальному опозориванию, — я не знаю, какого обычая придерживаетесь вы. Уходи домой!

— Мои соплеменники так не делают. А ты и я, мы в родстве, — сказала она упрямо, но ее голос утратил уверенность.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Сестра твоей матери умерла в наших шатрах...

— К нашему вечному стыду, — сказал он и пошел дальше. Она осталась стоять на тропе.

У развилки, перед тем, как свернуть налево, к гребню, он остановился и поглядел назад. В умирающем лесу все было неподвижно, и только в опавших листьях шуршал запоздалый бродячий корень, который с бессмысленным упорством растения полз на юг, оставляя за собой рыхлую бороздку.

Гордость истинного человека не позволяла ему устыдиться того, как он обошелся с этой врасу: наоборот, ему стало легче и он снова обрел уверенность в себе. Нужно будет свыкнуться с насмешками врасу и не обращать внимания на их самодовольную нетерпимость. Они не виноваты. В сущности, это то же тупое упорство, как вон у того бродячего корня, — такова уж их природа. Старый вождь искренне убежден, что встретил его со всемерной учтивостью и был очень терпелив. А потому он, Джакоб Агат, должен быть столь же терпеливым и столь же упорным. Ибо судьба обитателей Космопора — судьба человечества на этой планете — зависит от того, что предпримут и чего не предпримут племена местных врасу в ближайшие тридцать дней. Еще до того, как снова взойдет молодой месяц, история шестисот лунокругов, история десяти Лет, двадцати поколений, долгой борьбы, долгих усилий, возможно, оборвется навсегда. Если только ему не улыбнется удача, если только он не сумеет быть терпеливым.

Подхлестываемый ветром, он спустился по светлым каменным улицам Космопора на Площадь и, обогнув арену, где занимались физическими упражнениями школьники, вошел под аркаду увенчанного башней здания, которое все еще носило древнее название — Дом Лиги.

Подобно остальным зданиям вокруг Площади, Дом Лиги был построен пять Лет назад, когда Космопор был столицей сильной и процветающей колонии — во времена могущества. Весь первый этаж представлял собой обширный зал заседаний. Его серые стены были инкрустированы изящными золотыми мозаиками. На восточной стене стилизованное солнце окружали девять планет, а напротив, на западной стене, семь планет обращались по очень вытянутым эллиптическим орбитам вокруг своего солнца. Третья планета в обеих системах была двойной и сверкала хрусталем. Круглые циферблаты с тонкими изукрашенными стрелками над дверью и в дальнем конце зала показывали, что идет триста девяносто первый день сорок пятого лунокруга Десятого местного Года пребывания колонии на Третьей планете Гаммы Дракона. Кроме того, они сообщали, что это был сто второй день тысяча четыреста пятого года по летосчислению Лиги Всех Миров — двенадцатое августа на родной планете.

Очень многие полагали, что никакой Лиги Миров давно нет, скептики же любили задавать вопрос, а была ли когда-нибудь «родная планета». Но часы шли вот уже шестьсот лиголет, самым своим существованием и точностью словно подтверждали, что Лига, во всяком случае, была и что

где-то есть родная планета, родина человечества. Они терпеливо отсчитывали время планеты, затерявшейся в бездне космического мрака и столетий. Терпение, терпение...

Наверху, в библиотеке, другие альтерраны уже ждали его возле очага, где горел плавник, собранный на пляже. Когда подошли остальные, Сейко и Элла Пасфаль зажгли газовые горелки и привернули пламя. Хотя Агат не сказал еще ни слова, его друг Гуру Пилотсон, встав рядом с ним у огня, сочувственно произнес:

— Не расстраивайся из-за них, Джакоб. Стадо глупых упрямых кочевников! Они никогда ничему не научатся.

— Я передавал?

— Да нет же! — Гуру засмеялся. Он был шуплым, быстрым, застенчивым и относился к Агату с восторженным обожанием. Это было известно не только им обоим, но и всем окружающим, всем обитателям Космопора. В Космопоре все знали все обо всех, и откровенная прямота, хотя и сопряженная с утомительными психологическими нагрузками, была единственным возможным решением проблемы парасловесного общения.

— Видишь ли, ты явно рассчитывал на слишком многое и теперь не можешь подавить разочарования. Но не расстраивайся из-за них, Джакоб. В конце-то концов они всего только врасу!

Заметив, что их слушают, Агат ответил громко:

— Я сказал старику все, что собирался. Он обещал сообщить мои слова их Совету. Много ли он понял и чему поверил, я не знаю.

— Если он хотя бы выслушал тебя, уже хорошо. Я и на это не надеялась, — заметила Элла Пасфаль, иссохшая, хрупкая, с иссиня-черной кожей, морщинистым лицом и совершенно белыми волосами. — Вольд даже не мой ровесник, он старше. Так разве можно ждать, чтобы он легко смирился с мыслью о войне и всяких переменах?

— Но ему же это должно быть легче, чем другим, ведь он был женат на женщине нашей крови, — сказал Дермат.

— Да, на моей двоюродной сестре Арили, тетке Джакоба — экзотический экземпляр в брачной коллекции Вольда. Я прекрасно помню этот роман, — ответила Элла Пасфаль с таким жгучим сарказмом, что Дермат стусевался.

— Он не согласился помочь нам? Ты рассказal ему про свой план встретить гаалей на дальнем рубеже? — пробормотал Джокенеди расстроенно.

Он был очень молод и мечтал о героической войне с атаками под звуки фанфар. Впрочем, и остальные предпочли бы встретиться с врагами лицом к лицу; все-таки лучше погибнуть в бою, чем умереть от голода или сгореть заживо.

— Дай им время. Они согласятся, — без улыбки сказал Агат юноше.

— Как Вольд тебя принял? — спросила Сейко Эсмит, последняя представительница знаменитой семьи. Имя Эсмит носили только потомки пер-

вого главы колонии. И оно умрет с ней. Она была ровесницей Агата — красивая, грациозная женщина, нервная, язвительная, замкнутая. Когда Совет собирался, она смотрела только на Агата. Кто бы ни говорил, ее глаза были устремлены на Агата.

Как равного.

Элла Пасфаль одобрительно кивнула.

— Он всегда был разумнее остальных их вожаков, — сказала она.

Однако Сейко продолжила:

— Ну, а другие? Тебе дали спокойно пройти мимо их шатров?

Сейко всегда умела распознать пережитое им унижение, как бы хорошо он его не замаскировал или даже заставил себя забыть. Его родственница, хоть и дальняя, участница его детских игр, когда-то возлюбленная и неизменный верный друг, она умела уловить и понять любую минуту его слабости, любую боль, и ее сочувствие, ее сострадание замыкались вокруг него точно капкан. Они были слишком близки. Слишком близки — и Гуру, и старая Элла, и Сейко, и все они. Ощущение полной отрезанности, испугавшее его в этот день, на мгновение распахнуло перед ним даль, приобщило к тишине одиночества и пробудило в нем непонятную жажду. Сейко не спускала с него глаз, кротких, нежных, темных, воспринимая каждое его настроение, каждое слово. А девушка врасу, Ролери, ни разу не посмотрела на него прямо, не встретила с ним глазами. Ее взгляд все время был устремлен в сторону, вдаль, мимо — золотой, непонятный: чуждый.

— Они меня не остановили, — коротко ответил он Сейко. — Завтра они, может быть, придут к какому-нибудь решению. Или послезавтра. А сколько запасов доставлено сегодня на Риф?

Разговор стал общим, хотя то и дело возвращался к Джакобу Агату или сосредоточивался вокруг него. Некоторые члены Совета были старше его, но, хотя десятеро, избравшиеся на десять лиголет, были равны между собой, все же он постепенно стал их неофициальным главой, и они, как правило, полагались на его мнение. Решить, что отличало его от остальных, было бы непросто — может быть, энергия, проглядывавшая в каждом его движении и слове. Но как проявляется способность руководить — в самом ли человеке или в поведении тех, кто его окружает? Тем не менее одно отличие заметить было можно: постоянную напряженность и мрачную озабоченность, порождаемые тяжким бременем ответственности, которое он нес уже давно и которое с каждым днем становилось все тяжелее.

— Я допустил один промах, — сказал он Пилотсону, когда Сейко и другие женщины, входившие в Совет, начали разносить чашечки с горячим настоем листьев батука, церемониальным напитком ча. — Я так старался доказать старику, насколько опасны гаали, что, кажется, начал передавать. Правда, не парасловами, но все равно у него был такой вид, будто он увидел привидение.

— Эмоции ты всегда проецируешь мощно, а контроль, когда ты волну-

ешься, у тебя никуда не годится. Вполне возможно, что он и правда увидел привидение.

— Мы так долго не соприкасались с врасу, так долго варились в собственном соку, общаясь только между собой, что я не могу полагаться на свой контроль. То я передаю девушке на пляже, то проецирую образы на Вольда... Если так пойдет и дальше, они снова вообразят, будто мы колдуны, и возненавидят нас, как в первые Годы... А нам нужно добиться их доверия. И времени почти не остается... Если бы мы узнали про гаалей раньше!

— Ну, поскольку других человеческих поселений на побережье больше нет, — сказал Пилотсон с обычной обстоятельностью, — мы хоть что-то узнали только благодаря твоему предусмотрительному совету послать разведчиков на север. Твое здоровье, Сейко! — добавил он, беря у нее крохотную чашечку, над которой поднимался пар.

Агат взял последнюю чашечку с подноса и выпил ее одним глотком. Свежезаваренный ча слегка стимулировал восприятие, и он с пронзительной остротой ощутил его вязущий вкус и живительную теплоту, пристальный взгляд Сейко, просторность почти пустой комнаты в отблесках пламени, сгущающиеся сумерки за окном. Голубая фарфоровая чашечка в его руке была старинной — изделие Пятого Года. Старинными были и напечатанные вручную книги в шкафах под окнами. Даже стекла в оконных рамах были старинными. Весь их комфорт, все, благодаря чему они оставались цивилизованными, оставались альтерранами, было очень старым. Задолго до его рождения у обитателей колонии уже не хватало ни энергии, ни досуга для новых утверждений человеческого дерзания и умения. Хорошо хоть, что они еще способны сохранять и беречь старое.

Постепенно, Год за Годом, на протяжении жизни по крайней мере десяти поколений, их численность неуклонно сокращалась: детей рождалось все меньше — пусть, казалось бы, совсем не намного, но всегда меньше. Они перестали расширять свои поселения, они начали их покидать. Прежние мечты о большой процветающей стране были полностью забыты. Они возвращались (если только из-за своей слабости не становились прежде жертвами Зимы или враждебного племени местных врасу) в древний центр колонии, в первый ее город — Космопор. Они передавали своим детям старые знания и старые обычаи, но не учили их ничему новому. Их жизнь становилась все более скромной, и простота теперь ценилась больше сложности, покой — больше борьбы, стоицизм — больше успеха. Они отошли на последний рубеж.

Агат, разглядывая чашечку в своих пальцах, увидел в ее нежной прозрачности, в совершенстве ее формы и хрупкости материала как бы символ и воплощение духа их всех. Сумерки за высокими окнами были такими же прозрачно голубыми. Но холодными. Голубые сумерки — неизмеримые и холодные. И Агат вдруг испытал прилив безотчетного ужаса, словно в детстве, до того, как, повзрослев, он нашел ему логическое объяснение:

планета, на которой он родился, на которой родились его отец и все его предки до двадцать третьего колена, не была его родиной. Они здесь — чужие. И всегда ощущали это. Ощущали, что они — дальнерожденные. И мало-помалу, с величественной медлительностью, с неосмысленным упорством эволюционного процесса эта планета убивала их, отторгала чужеродный привой.

Быть может, они слишком покорно подчинились этому процессу, слишком, слишком легко смирились с неизбежностью вымирания. С другой стороны, именно готовность подчиняться — неколебимо подчиняться Законам Лиги — с самого начала стала для них источником силы, и они все еще сильны, каждый из них. Но у них недостает ни знаний, ни умения, чтобы бороться с бесплодием и с патологическим течением беременности, которые все больше сокращают численность каждого нового поколения. Ибо не вся мудрость была записана в Книгах Лиги, и день ото дня, из Года в Год крупницы знания теряются безвозвратно, заменяясь полезными сведениями, помогающими существовать здесь и сейчас. И в конце концов они перестали понимать многое из того, чему учат их книги. Что по-настоящему сохранилось от их наследия. Если и правда когда-нибудь, согласно былым надеждам и старым сказкам, корабль спустится со звезд на крыльях огня, признают ли их людьми те люди, которые выйдут из него?

Но корабль так и не прилетел... и никогда не прилетит. Они вымрут. Их жизнь здесь, их долгое изгнание не оставят следа, рассыпавшись прахом, точно комочек глины.

Он бережно поставил чашку на поднос и вытер пот со лба. Сейко внимательно смотрела на него. Он резко отвернулся от нее и заставил себя слушать то, что говорили Джокенеди, Дермат и Пилотсон. Но сквозь туман нахлынувших на него злобещих предчувствий на миг и без всякой связи с ними, и все же словно объяснение и знамение, перед его мысленным взором возникла светлая и легкая фигура девушки Ролери, испуганно протягивающей к нему руку с темных камней, к которым уже подступило море.

4

Над крышами и недостроенными стенами Зимнего Города разнесся стук камня о камень — глухой и отрывистый, он был слышен во всех высоких алых шатрах вокруг города. Ак-ак-ак-ак... Этот звук раздавался очень долго, а потом вдруг в него вплеся новый стук — кадак-ак-ак-кадак. И еще один — более звонкий, прихотливо прерывистый, и еще, и еще, пока отдельные ритмы не затерялись в лавине сухих drobных ударов камень о камень, уже не отличимых друг от друга в беспорядочном грохоте.

Лавина стука все катилась, оглушая и не смолкая ни на миг. И наконец Старейший из Людей Аскатевара вышел из своего шатра и медленно на-

правился к Городу между рядами шатров и пылающих очагов, над которыми поднимались струи дыма, колеблясь в косых лучах предвечернего предзимнего солнца. Грузно ступая, старик в одиночестве прошествовал через стоянку своего племени, через ворота Зимнего Города, и по узкой тропе, вившейся среди крутых деревянных крыш, единственной надземной части зимних жилищ, вышел на открытое пространство, за которым опять начинались крутые крыши. Там сто с лишним мужчин сидели, упершись подбородком в колени, и, как замороженные, стучали камнем по камню. Вольд сел на землю, замкнув круг. Он взял меньший из двух лежавших перед ним тяжелых камней, гладко отполированных водой, и, с удовольствием ощущая в руке его вес, ударил по большому камню — клак! клак! клак! Справа и слева от него продолжался оглушительный стук, тупой монотонный грохот, сквозь который, однако, временами прорывался четкий ритм. Он исчезал, возникал снова, на миг придавая стройность хаотической какофонии. Вольд уловил этот ритм, встроился в него и уже не сбивался. Шум словно исчез и остался только ритм. И вот уже сосед слева тоже начал отбивать этот ритм — их камни поднимались и опускались в одном дружном движении. И сосед справа, и сидевшие напротив — теперь они тоже четко били в лад. Ритм вырвался из хаоса, подчинил его себе, соединил все борющиеся голоса в полное согласие, слил их в могучее биение сердца Людей Аскатевара, и оно стучало, стучало, стучало...

Этим исчерпывалась вся их музыка, все их пляски.

Наконец какой-то мужчина вскочил и вышел на середину круга. Грудь его была обнажена, руки и ноги разрисованы черными полосами, волосы окружали лицо черным облаком. Ритмичный стук замедлился, затих, замер вовсе.

— Вестник с севера рассказал, что гааль движется Береговым Путем. Их очень много. Они пришли в Тлокну. Вы все слышали про это?

Утвердительный ропот.

— Тогда выслушайте человека, по чьему слову вы сошлись на этот Перестук Камней, — выкрикнул шаман-глашатай, и Вольд с трудом поднялся на ноги.

Он остался стоять на месте, глядя прямо перед собой, грузный, весь в шрамах, неподвижный, как каменная глыба.

— Дальнерожденный пришел в мой шатер, — сказал он надтреснутым старческим басом. — Он вождь в Космопоре. И он сказал, что дальнерожденных стало мало и они просят помощи у людей.

Главы кланов и семей, которые продолжали неподвижно сидеть в круге, подняв колени к подбородку, разразились громкими возгласами. Над ними, над деревянными крышами, высоко в холодном золотистом свете парила белая птица, предвестница Зимы.

— Этот дальнерожденный сказал, что Откочевка движется не кланами и племенами, а единой ордой во много тысяч и ведет ее сильный вождь.

— Откуда он знает? — крикнул кто-то во весь голос.

В Теваре на Перестуке Камней ритуал соблюдался не особенно строго — не так, как в племенах, которые возглавляли шаманы. Но Тевар никогда не подчинялся их влиянию.

— Он посылал лазутчиков на север, — столь же громогласно ответил Вольд. — Он сказал, что гааль осаждает Зимние Города и захватывает их. А вестник сообщил, что так случилось с Тлокной. Дальнерожденный говорит, что воинам Тевара нужно в союзе с дальнерожденными, а также с людьми Пернмека и Аллакската отправиться на северный рубеж нашего Предела — все вместе мы заставим Откочевку свернуть на Горный Путь. Он сказал это, и я услышал. Каждый ли из вас услышал?

Возгласы согласия прозвучали недружно и смешались с бурными возражениями. На ноги вскочил глава одного из кланов.

— Старейший! Из твоих уст мы всегда слышали правду. Но когда говорили правду дальнерожденные? И когда это люди слушали дальнерожденных? Дальнерожденный говорил, но я ничего не услышал. Если Откочевка сожжет его Город, что нам до этого? Люди там не живут! Пусть погибает, и тогда мы, люди, возьмем себе их Предел.

Говорил Вальмек, дюжий, темноволосый, набитый словами. Вольд его всегда недолюбливал и теперь ответил неприязненно:

— Я слышал слова Вальмека. И не в первый раз. Люди ли дальнерожденные или нет — кто знает? Может быть, они и правда упали с неба, как повествует сказание. Может быть, нет. В этом Году никто с неба не падал... Они выглядят как люди, они сражаются как люди. Их женщины во всем походят на наших женщин, это говорю вам я! У них есть своя мудрость. И лучше выслушать их...

Когда он упомянул про дальнерожденных женщин, угрюмые лица вокруг расплылись в усмешках, но он уже жалел о своих словах. Ни к чему было напоминать им об узах, некогда связывавших его с дальнерожденными. И вообще не следовало говорить о ней... как-никак она была его женой...

Вольд удрученно опустил на землю, показывая, что больше он говорить не будет.

Однако многих встревожили рассказ вестника и предупреждение Агата, и они вступили в спор с теми, кто был склонен отмахнуться от новостей или объявить их ложью. Умаксуман, один из весеннерожденных сыновей Вольда, любивший военные набеги и стычки, открыто поддержал план Агата и высказался за поход к северному рубежу.

— Это хитрость! Наши воины уйдут на север, там их задержит первый снег, а дальнерожденные тем временем угонят наши стада, уведут наших жен и опустошат наши житницы! Они не люди, и в них нет ничего, кроме коварства и обмана! — надрывался Вальмек, которому редко выпадал случай дать волю красноречию по столь благодородному поводу.

— Они всегда подбирались к нашим женщинам, ничего другого им и не нужно! Как же им не чахнуть и не вымирать, если у них рождаются одни уроды! Они подбираются к нашим женщинам, чтобы растить человеческих детей точно собственных детенышей! — возбужденно кричал довольно молодой глава семьи. — Фа!

Вольд что-то проворчал себе под нос, негодуя на эту кашу из глупых небылиц, но не стал вмешиваться: пусть Умаксуман образумит дурака!

— А что, если дальнерожденный сказал правду? — спросил Умаксуман. — Что, если гаали пройдут через наш Предел всем скопом, тысячами и тысячами? Мы готовы дать им отпор?

— Но стены не кончены, ворота не поставлены, последний урожай еще не убран, — возразил кто-то из пожилых, и этот довод был куда более веским, чем тайное коварство дальнерожденных.

Если сильные молодые мужчины отправятся на север, сумеют ли женщины, дети и старики закончить все необходимые работы в Зимнем Городе до наступления Зимы? Может быть, успеют, может быть, нет. Слишком уж многим должны были они рискнуть, положившись только на слова дальнерожденного.

Даже Вольд ни к какому решению не пришел и ждал, что скажут Старейшины. Ему понравился дальнерожденный, назвавшийся Агатом, — он не казался ни лжецом, ни легковерным простаком. Но как знать наверное? Все люди порой становятся чужими друг другу, а не только чужаки. Как тут разобраться? Возможно, гаали и идут единым войском. Но Зима-то придет обязательно. Так от какого врага защититься сначала?

Старейшины склонялись к тому, чтобы ничего не предпринимать, однако Умаксуман и его сторонники все-таки настояли на том, чтобы послать вестников в соседние Пределы Аллакскат и Пернмек и узнать, что они скажут о плане совместной обороны. Этим все и ограничилось. Шаман отпустил тощую ханну, которую привел на случай, если будет постановлено начать войну — такое решение обретало силу, лишь подкрепленное ритуальным побоем камнями, — и Старейшины разошлись.

Вольд сидел у себя в шатре с мужчинами своего Рода над горшком горячей бханы, когда снаружи послышался шум. Умаксуман вышел, крикнул кому-то, чтобы они убегали подальше, и вернулся в большой шатер с Агатом, дальнерожденным.

— Добро пожаловать, альтерран! — сказал старик и, злокозненно покосившись на двух своих внуков, добавил: — Не хочешь ли сесть и разделить с нами нашу еду?

Он любил ошарашивать людей. Всю жизнь любил. Потому-то в былые дни он так часто и бегал к дальнерожденным. А кроме того, это приглашение рассеяло мучивший его смутный стыд: все-таки не следовало упоминать перед другими мужчинами про дальнерожденную девушку, которая когда-то стала его женой.

Агат, такой же невозмутимый и серьезный, как в прошлый раз, принял

приглашение и съел столько каши, сколько требовали приличия. Пока они ужинали, он молчал, и, только когда жена Уквета выскользнула из шатра с остатками трапезы, наконец сказал:

— Старейший, я слушаю.

— Слушать тебе придется немного, — ответил Вольд и рыгнул. — Вестники побегут в Пернемек и Аллакскат. Но мало кто согласился на войну. С каждым днем холод растет, и спасение — только внутри стен, только под крышами. Мы не ходим по былым временам, как вы, но мы знаем, каким всегда был Обычай Людей, и следуем ему.

— Ваш обычай хорош, — сказал дальнерожденный. — Настолько хорош, что гаали переняли его у вас. В былые Зимы вы были сильнее, чем гаали, потому что ваши кланы встречали их вместе, а они шли разрозненно. Но теперь и гаали поняли, что сила — в числе.

— Только если эта весть — не ложь! — крикнул Уквет, который приходился Вольду внуком, хотя был старше его сына Умаксумана.

Агат молча посмотрел на него, и Уквет тотчас отвернулся, избегая прямого взгляда темных глаз.

— Если она — ложь, то почему гаали так задержались на своем пути к югу? — спросил Умаксуман. — Почему они медлят? Когда-нибудь прежде они дожидались, пока не будет убрано последнее поле?

— Кто знает? — сказал Вольд. — В прошлом Году они миновали Тевар задолго до того, как взошла Снежная Звезда, это я помню. Но кто помнит Год, бывший до прошлого?

— Может быть, они идут Горным Путем, — вмешался еще один внук, — и вовсе не покажутся в Аскатеваре.

— Вестник сказал, что они захватили Тлокну, — резко возразил Умаксуман. — А Тлокна лежит к северу от Тевара на Береговом Пути. Почему мы не хотим поверить этой вести? Почему мы мешкаем и ничего не делаем?

— Потому что те, кто ведет войну Зимой, не доживают до Весны, — проворчал Вольд.

— Но если они придут...

— Если они придут, мы будем сражаться.

Наступило молчание. Агат больше ни на кого не смотрел, а устремил темный взгляд в пол, точно истинный человек.

— Люди говорят, — начал Уквет насмешливо, предвкушая торжество, — будто дальнерожденные наделены колдовским могуществом. Я об этом ничего не знаю, я родился на летних угодьях и до нынешнего луно-круга не видел дальнерожденных и уж тем более не сидел рядом с ними за едой. Но если они чародеи и обладают таким могуществом, почему им нужна наша помощь против гаалей?

— Я тебя не слышу! — загремел Вольд. Его щеки полиловели, из глаз покатились слезы.

Уквет закрыл лицо руками. Разъяренный дерзким обхождением с гостем его шатра, а также собственной растерянностью, заставившей его

спорить и с теми и с другими, старик тяжело дышал и смотрел прямо на молодого человека, все еще прятавшего лицо.

— Я говорю! — наконец объявил Вольд голосом громким и звучным, как в молодости. — Я говорю! Вы слушаете! Вестники побегут по Береговому Пути, пока не встретят Откочевку. А за ними по два перехода позади — но только до рубежа нашего Предела — будут следовать воины, все мужчины, рожденные между серединой Весны и Летним Бесплодием. Если гааль идет ордой, наши воины отгонят его к горам, если же нет, они вернутся в Тевар.

Умаксуман радостно захохотал и крикнул:

— Старейший, ведешь нас ты и никто другой!

Вольд что-то проворчал, рыгнул и сел.

— Но воинов поведешь ты, — мрачно сказал он Умаксуману.

Агат прервал свое молчание и произнес обычным спокойным голосом.

— Мои люди могут послать триста пятьдесят воинов. Мы пойдем старым путем по берегу и соединимся с вашими воинами на рубеже Аскатеvara.

Он встал и протянул руку. Вольд, сердясь, что его заставили принять решение, и все еще не оправившись после своей вспышки, словно не заметил ее, но Умаксуман стремительно вскочил и прижал ладонь к ладони дальнерожденного. На миг они замерли в отблесках очага, точно ночь и день: Агат — темный, сумрачный, угрюмый и Умаксуман — светлокожий, ясноглазый, радостный.

Решение было принято, и Вольд знал, что сумеет навязать его всем Старейшинам. Но кроме того, он знал, что больше ему уже не придется принимать решений. Послать их на войну он мог, но Умаксуман вернется вождем воинов, а потому — самым влиятельным человеком среди Людей Аскатеvara. Приказ Вольда был его отречением от власти. Умаксуман станет молодым вождем. Он будет замыкать круг на Перестуке Камней, он поведет Зимой охотников, он возглавит набеги Весной и великое кочевье в долгие дни Лета. Его Год только начинается...

— Идите все! — проворчал Вольд. — Пусть люди завтра соберутся на Перестук Камней. Умаксуман. И скажи шаману, чтобы он пригнал ханну, но только жирную, с хорошей кровью!

Агату он не сказал не слова. И они ушли — сильные молодые люди. А он сидел у очага, скорчившись, поджав под себя плохо гнувшиеся ноги, и глядел в желтое пламя, словно хотел обрести в нем утраченный блеск солнца, невозвратимое тепло Лета.

5

Дальнерожденный вышел из шатра Умаксумана и остановился, продолжая разговаривать с молодым вождем. Оба смотрели на север и шурились, потому что седой ветер обжигал глаза холодом. Агат протянул руку впе-

ред, словно говорил о горах, и порыв ветра донес два-три слова до Ролери, которая стояла, глядя на дорогу, ведущую к городским воротам. От его голоса она вздрогнула, и по ее жилам пробежала волна страха и тьмы, принесся воспоминание о том, как этот голос говорил в ее мыслях, внутри ее, и звал, чтобы она пришла к нему.

И тут же, точно искаженное эхо, в ее памяти прозвучали злые слова, резкие, как пощечина, когда на лесной тропе он крикнул, чтобы она уходила, когда он прогнал ее от себя.

Она опустила на землю корзины, которые оттягивали ей руки. В этот день они перебирались из алых шатров, в которых прошло ее кочевое детство, под крутые деревянные крыши, в тесноту подземных комнат, переходов и кладовых Зимнего Города, и все ее родные и двоюродные сестры, тетки, племянницы, возбужденно перекликаясь, хлопотливо сновали между шатрами и воротами, нагруженные связками мехов, ларцами, мешками из шкур, корзинами, горшками. Она оставила свои корзины у дороги и пошла к лесу.

— Ролери! Ро-о-олери! — доносились сзади пронзительные голоса, которые вечно звали, наставляли, бранили ее, ни на мгновение не стихая у нее за спиной. Она ни разу не оглянулась и продолжала идти вперед, а очутившись под защитой леса, побежала — и замедлила шаг, только когда все звуки затихли вдаль, пропали в полной вздохов и шорохов тишине среди деревьев, стонущих под ветром, и о стоянке людей напоминал лишь легкий горьковатый запах древесного дыма, который доносился и сюда.

Теперь тропа во многих местах была загромождена рухнувшими деревьями, и ей приходилось перебираться через них или проползать под ними, а сухие сучья рвали ее одежду, цеплялись за капюшон. Ходить по лесу при таком ветре было небезопасно — вот и сейчас где-то выше по склону раздался приглушенный расстоянием треск. Еще один ствол не выдержал напора ветра. Но ей было все равно. Сейчас она могла бы вновь спуститься на эти серые пески, чтобы спокойно, совсем спокойно ждать, когда на нее обрушится пенящаяся стена воды в четыре человеческих роста... Она остановилась с той же внезапностью, с какой побежала, и замерла на окутанной сумраком тропе.

Дул ветер, стихал, начинал дуть с новой силой. Мутные мгlistые тучи неслись так низко, что почти задевали густое сплетение сухих обнаженных ветвей над головой девушки. Тут уже наступил вечер. Ее гнев угас, сменился растерянностью, и она стояла в боязливом оцепенении, сутулясь от ветра. Что-то белое мелькнуло прямо перед ней, и она вскрикнула, но не шевельнулась. Вновь мелькнула белая молния и вдруг застыла над ней на кривом суку — не то огромная птица, не то зверь с крыльями, совершенно белый и сверху и снизу, с короткими острыми крючковатыми губами, которые то смыкались, то размыкались, с неподвижными серебряными глазами. Вцепившись в сук четырьмя широкими когтями, неведомая тварь неподвижно глядела на нее вниз, а она неподвижно глядела вверх. Серебря-

ные глаза смотрели не мигая. Внезапно развернулись огромные крылья в рост человека и захлопали, ломая ветки вокруг. Тварь была белыми крыльями и пронзительно кричала, а потом взмыла вверх навстречу ветру и тяжело полетела среди сухих древесных вершин под клубящимися тучами.

— Снеговой, — сказал Агат, остановившись на тропе позади нее. — По поверью они приносят снежные бури.

Огромное серебряное чудище так напугало ее, что она утратила способность думать. На миг она ослепла от слез, всегда сопровождающих любое сильное душевное движение у людей этой планеты. Она собиралась встретить дальнерожденного здесь в лесу и осыпать его насмешками, уничтожить презрением: ведь она заметила, что под маской небрежного высокомерия он был глубоко уязвлен, когда люди в Теваре смеялись над ним и ставили его на место так, как он того заслуживал — лжечеловек, низшее существо. Но белый жуткий снеговой нагнал на нее такой страх, что она закричала, глядя на дальнерожденного в упор, как мгновение назад смотрела на крылатое чудище:

— Я тебя ненавижу! Ты не человек, я тебя ненавижу!

Тут слезы перестали литься, она отвела взгляд, и оба они довольно долго молчали.

— Ролери! — прозвучал негромкий голос. — Посмотри на меня.

Но она не повернула головы. Он подошел ближе, и она отпрянула с воплем, пронзительным, как крик снеговя:

— Не прикасайся ко мне!

Ее лицо исказилось.

— Успокойся, — сказал он. — Возьми меня за руку. Возьми же!

Она снова отпрянула, но он схватил ее за запястье и удержал. Вновь они застыли без движения.

— Пусти! — сказала она наконец обычным голосом, и он сразу разжал пальцы. Она глубоко вздохнула. — Ты говорил... Я слышала, как ты говорил внутри меня. Там, на песках. Ты и опять так можешь?

Не сводя с нее внимательного спокойного взгляда, он кивнул.

— Да. Но ведь я тогда же сказал тебе, что больше не буду. Никогда.

— Я все еще слышу его. Я чувствую твой голос! — Она прижала ладони к ушам...

— Я знаю... И прошу у тебя прощения. Когда я позвал тебя, я не сообразил, что ты врасу... что ты из Тевара. Закон это запрещает. Да это и не должно было получиться.

— Что такое врасу?

— Так мы называем вас.

— А как вы называете себя?

— Людьюми.

Она посмотрела вокруг, на стонущий сумеречный лес, на колоннады серых стволов, на клубящиеся тучи почти над самой головой. Этот серый

движущийся мир пугал своей непривычностью, но она больше не боялась. Прикосновение его пальцев, подлинное, осязаемое, вдруг смягчило мучительность его присутствия, принесло успокоение, а их разговор окончательно привел ее в себя. Она вдруг поняла, что весь прошлый день и всю ночь была во власти безумия.

— А у вас все умеют... разговаривать вот так?

— Некоторые умеют. Этому надо учиться. И довольно долго. Пойдем вон туда и сядем. Тебе надо отдохнуть.

Он всегда говорил сурово, но теперь в его голосе появился новый оттенок, что-то совсем другое, словно та настойчивость, с какой он звал ее на песках, преобразилась в бесконечно подавляемую бессознательную мольбу, в ожидание отклика. Они сели на упавший ствол батука чуть в стороне от тропы. Она подумала, что он ходит и сидит совсем не так, как мужчины ее Рода, — его осанка, все его движения были лишь чуть-чуть иными и все-таки совершенно чужими. Особенно его зажатые между коленями темные руки с переплетенными пальцами. А он продолжал:

— Вы тоже могли бы научиться мысленной речи, но ваши люди не захотели. Сказали, кажется, что это чародейство... В наших книгах написано, что мы сами давным-давно переняли это умение у людей еще одного мира, который назывался Роканнон. Тут нужна не только особая способность, но и долгие упражнения.

— Значит, ты можешь слышать мои мысли, если захочешь?

— Это запрещено, — сказал он так бесповоротно, что ее опасения исчезли без следа.

— Научи меня этому умению, — вдруг совсем по-детски попросила она.

— На это потребовалась бы вся Зима.

— Ты что же, учился ему всю Осень?

— И часть Лета. — Он чуть-чуть улыбнулся.

— Что такое «врасу»?

— Это слово из вашего древнего языка. Оно значит «высокоразумные существа».

— А где тот, другой мир?

— Ну... Их очень много. Там. За Луной и Солнцем.

— Значит, вы правда упали с неба? А зачем? И как вы добрались из-за солнца сюда, на берег моря?

— Я объясню, если ты хочешь услышать, Ролери, только это не сказка. Многого мы сами не понимаем, но то, что мы знаем о своей истории, — все правда.

— Я слушаю, — прошептала она ритуальную фразу. Однако хотя его слова произвели на нее впечатление, полностью она их не приняла.

— Так вот. Там, среди звезд, есть очень много миров, и обитает на них много различных людей. Они создали корабли, способные переплыть тьму между мирами, и отправились путешествовать, ведя торговлю и исследуя неведомое. Они объединились в Лигу, как ваши кланы объединяются в Предел. Но у Лиги Всех Миров был какой-то враг, появившийся откуда-то

из неизмеримой дали. Откуда точно, я не знаю. Книги писались для людей, которые знали больше, чем знаем мы...

Он все время употреблял слова, похожие на настоящие. Только в них не было смысла. Ролери тщетно пыталась понять, что такое «корабль», что такое «книга». Но он говорил с такой задумчивостью, с такой тоской, что она слушала как замороженная.

— Лига копила силы, ожидая нападения этого врага. Более могущественные миры помогали более слабым вооружаться и готовиться к встрече с ним. Ну, почти так, как мы тут готовимся к приходу гаалей. Я знаю, что для этого обучали чтению мыслей, но в книгах говорится и про оружие — про огонь, способный сжечь целые планеты и взорвать звезды... И в это время мои соплеменники прилетели сюда из своего родного мира. Их было немного. Им предстояло завязать дружбу с людьми этого мира и узнать, не захотят ли они вступить в Лигу и заключить союз против общего врага. Но враг напал как раз в те дни. Корабль, привезший моих соплеменников, вернулся на родину, чтобы присоединиться к военному флоту. На нем улетели многие, а кроме того, он увез... ну, дальнеговоритель, с помощью которого люди в одном мире могли говорить с людьми в другом. Но некоторые остались. То ли они должны были оказать помощь этому миру, если бы враг добрался сюда, то ли просто не могли вернуться — мы не знаем. В их записях сказано только, что корабль улетел. Копье из белого металла, длиннее целого города, стоящее на огненном пере. Остались его изображения. Я думаю, они верили, что он скоро вернется... Это было десять Лет назад.

— А война с врагом как?

— Мы не знаем. Мы ничего не знаем о том, что происходило в других мирах после того дня, когда корабль улетел. Некоторые из нас думают, что война была проиграна, а другие считают, что нет, но что победа досталась дорогой ценой и за долгие Годы сражений про горстку оставшихся здесь людей успели забыть. Кто может сказать? Если мы выживем, то когда-нибудь узнаем... Если никто не прилетит сюда, мы сами построим корабль и отправимся на поиски...

Он говорил тоскливо и насмешливо. У Ролери голова шла кругом от неизмеримости распахнувшегося перед ней времени, пространства и собственного непонимания.

— С этим трудно жить, — сказала она немного погодя.

Агат засмеялся, словно удивившись.

— Нет! В этом мы черпаем гордость. Трудно другое: выжить в мире, которому ты чужой. Пять Лет назад мы были многочисленны и могущественны, а погляди на нас теперь!

— Говорят, дальнерожденные никогда не болеют. Это правда?

— Да. Вашими болезнями мы не заражаемся, а своих сюда не привезли. Но если нас ранить, то потечет кровь... И мы стареем, мы умираем, совсем как люди...

— Но ведь по-другому и быть не может, — сказала она сердито.

Он оставил насмешливый тон.

— Наша беда в том, что у нас почти нет детей. Столько родится мертвыми и так мало — живыми и крепкими!

— Я об этом слышала. И много думала. У вас такие странные обычаи! Ваши дети рождаются и в срок и не в срок — даже в Зимнее Бесплодие. Почему?

— Так уж у нас ведется! — Он снова засмеялся и посмотрел на нее, но она промолчала.

— Я родилась не в срок, в Летнее Бесплодие, — сказала она. — У нас это тоже случается, но очень редко. И вот ты понимаешь, когда Зима кончится, я буду уже стара и не смогу родить весеннего ребенка. У меня никогда не будет сына. Какой-нибудь старик возьмет меня пятой женой. Но Зимнее Бесплодие уже началось, а к приходу Весны я буду старой... Значит я умру бездетной. Женщине лучше вовсе не родиться, чем родиться не в срок, как родилась я... И еще одно: правду говорят, что дальнерожденный берет всего одну жену?

Он кивнул, и она догадалась, что они кивают, когда соглашаются, вместо того чтобы пожать плечами.

— Ну, так неудивительно, что вас становится все меньше.

Он усмехнулся, но она не отступила:

— Много жен — много сыновей! Будь ты из Тевара, ты был бы уже отцом пяти или десяти детей. А сколько их у тебя?

— Ни одного. Я не женат.

— И ни разу не делил ложа с женщиной?

— Этого я не говорил! — ответил он и добавил: — Но когда мы хотим иметь детей, мы женимся.

— Будь ты один из нас...

— Но я не один из вас! — отрезал он, и наступило молчание. Потом он сказал мягче: — Дело не в обычаях и нравах. Мы не знаем, в чем причина, но она скрыта в нашем теле. Некоторые доктора считают, что здешнее солнце не такое, как то, под которым рождались и жили наши предки, и оно воздействует на нас, мало-помалу меняет что-то в нашем теле. И эти изменения губительны для продолжения рода.

Они вновь надолго замолчали.

— А каким он был — ваш родной мир?

— У нас есть песни, которые рассказывают о нем, — ответил он, но когда она робко спросила, что такое «песня», он промолчал и продолжал после паузы: — Наш родной мир ближе к Солнцу, и Год там продолжается меньше одного лунокруга. Так говорят книги. Ты только представь себе: Зима длится всего девяносто дней!

Она засмеялась.

— Огонь развести не успеешь! — сказала Ролери.

Лесной сумрак сгушался в ночную тьму. Уже трудно было различить тропу перед ними, черный проход между стволами, ведущий налево в ее город, направо — в его. А здесь, на полпути, — только ветер, мрак, без-

людые. Стремительно приближалась ночь. Ночь, и Зима, и война — время умирания и гибели.

— Я боюсь Зимы, — сказала она еле слышно.

— Мы все ее боимся, — ответил он. — Какая она? Мы ведь знаем только солнечный свет и тепло.

Она всегда хранила бесстрашное и беззаботное одиночество духа. У нее не было сверстников и подруг, она предпочитала держаться в стороне от остальных, поступала по-своему и ни к кому не питала особой привязанности. Но теперь, когда мир стал серым и не обещал ничего, кроме смерти, теперь, когда она впервые испытала страх, ей встретился он — темная фигура на черной скале над морем — и она услышала голос, который звучал у нее в крови.

— Почему ты никогда не смотришь на меня? — спросил он.

— Если ты хочешь, я буду смотреть на тебя, — ответила она, но не подняла глаз, хотя и знала, что его странный темный взгляд устремлен на нее. В конце концов она протянула руку, и он сжал ее пальцы.

— У тебя золотые глаза, — сказал он. — Я хотел бы... хотел бы... Но если бы они узнали, что мы были вместе, то даже теперь...

— Твои родичи?

— Твои. Моим до этого нет дела.

— А мои ничего не узнают.

Они говорили тихо, почти шепотом, торопливо, без пауз.

— Ролери, через две ночи я уйду на север.

— Я знаю.

— Когда я вернусь...

— А когда ты не вернешься! — крикнула девушка, не выдержав ужаса, который нарастал в ней все последние дни Осени, — страха перед холодом, страха смерти.

Он обнял ее и тихо повторял, что он вернется. А она чувствовала, как бьется его сердце... совсем рядом с ее сердцем.

— Я хочу остаться с тобой, — сказала она, а он уже говорил:

— Я хочу остаться с тобой.

Вокруг них смыкался мрак. Они встали и медленно пошли к темному проходу между стволами. Она пошла с ним в сторону его города.

— Куда нам идти? — сказал он с горьким смешком. — Это ведь не любовь в дни Лета... Тут ниже по склону есть охотничий шалаш... Тебя хватают в Теваре.

— Нет, — шепнула она, — меня никто не хватится.

Вестники отправились в путь, и на следующий день воины Аскатевара должны были двинуться на север по широкой, но совсем заросшей тропе, пересекавшей их Предел, а небольшой отряд из Космопора собирался вы-

ступить тогда же по старой береговой дороге. Умаксуман, как и Агат, считал, что им лучше будет объединить силы не раньше, чем перед самой битвой с врагом. Их союз держался только на влиянии Вольда. Многие воины Умаксумана, хотя они не раз принимали участие в набегах и стычках до наступления Зимнего Перемирия, с большой неохотой шли на эту нарушавшую все обычаи войну и даже среди его собственного Рода набралось немало таких, кого союз с дальнерожденными возмущал настолько, что они ждали лишь предлога, чтобы дать волю старой ненависти. Уквет и его сторонники открыто заявляли, что, покончив с гаалими, они разделяются и с чародеями. Агат пропустил их угрозу мимо ушей, предвидя, что победа смягчит или вовсе рассеет их ненависть, а в случае поражения все это уже ни малейшего значения иметь не будет. Однако Умаксуман не глядел так далеко вперед и был обеспокоен.

— Наши разведчики ни на минуту не выпустят вас из виду. В конце-то концов гаали не станут дожидаться нас у рубежа.

— Длинная Долина под Крутым Пиком — вот лучшее место для битвы, — сказал Умаксуман, сверкнув улыбкой. — Удачи тебе, альтеран!

— Удачи тебе, Умаксуман!

Они простились как друзья под скрепленным глиной сводом каменных ворот Зимнего Города. Когда Агат повернулся, чтобы уйти, за аркой что-то мелькнуло и закружилось в сером свете тусклого дня. Он удивленно посмотрел на небо, потом обернулся к Умаксуману:

— Погляди!

Товарец вышел за ворота и остановился рядом с ним. Вот, значит, какое оно — то, о чем рассказывали старики! Агат протянул руку ладонью вверх. На нее опустилась мерцающая белая пушинка и исчезла. Сжатье поля и истоптанные пастбища вокруг, речка, темный клин леса, холмы на юге и на западе — все как будто чуть дрожало и отодвигалось под низкими тучами, из которых сыпались редкие хлопья, падая на землю косо, хотя ветер стих.

Позади них среди крутых деревянных крыш раздавались возбужденные крики детей.

— А снег меньше, чем я думал, — наконец мечтательно произнес Умаксуман.

— Я думал, он холоднее. Воздух сейчас словно бы даже немного потеплел... — Агат с трудом отвлекся от зловещего и завораживающего кружения снега. — До встречи на севере, — сказал он и, притянув меховой воротник к самой шее, чтобы защитить ее от непривычного щекотного прикосновения снежинок, зашагал по тропе к Космопору.

Углубившись в лес на полмили, он увидел еле заметную тропинку, которая вела к охотничьему шалашу, и по его жилам словно разлился жидкий огонь. «Иди же, иди!» — приказал он себе, сердясь, что снова теряет власть над собой. Днем у него почти не оставалось времени для размышлений, но это он успел обдумать и распутать. Вчерашняя ночь... она была

и кончилась вчера. И ничего больше. Не говоря уж о том, что она все-таки врасу, а он — человек и общего будущего у них быть не может, это глупо и по другим причинам. С той минуты, когда он увидел ее лицо на черных ступеньках над пенистыми волнами, он думал о ней и томился желанием снова ее увидеть, точно мальчишка, влюбившийся в первый раз. Но больше всего на свете он ненавидел бессмысленность, тупую бессмысленность необузданной страсти. Такая страсть толкает мужчин на безумства, заставляет преступно рисковать тем, что по-настоящему важно, ради нескольких минут слепой похоти, и они теряют контроль над своими поступками. И он остался с ней вчера ночью, только чтобы не утратить этого контроля, — благоразумие требовало избавиться от наваждения. Он снова повторил себе все это, ускорив шаг и гордо откинув голову, а вокруг танцевали редкие снежинки. И по той же причине он еще раз встретится с ней сегодня ночью. При этой мысли его тело и рассудок словно озарились жарким светом, мучительной радостью. Но он продолжал твердить себе, что завтра отправится с отрядом на север, а если вернется, тогда хватит времени объяснить ей, что таких ночей больше не должно быть, что они никогда больше не будут лежать, обнявшись, на его меховом плаще в темноте шалаша в самом сердце леса, где вокруг нет никого — только звездное небо, холод и безмерная тишина... Никогда. Никогда... Ощущение абсолютного счастья, которое она ему подарила, вдруг вновь нахлынуло на него, парализуя мысли. Он перестал убеждать и уговаривать себя, а просто шел вперед размашистым шагом сквозь сгущающиеся лесные сумерки и, сам того не замечая, тихонько напевал старинную любовную песню, которую его предки не забыли и в изгнании.

Снег почти не проникал сквозь ветки. «Как рано теперь темнеет!» — подумал он, подходя к развилке, и это была его последняя связанная мысль перед тем, как что-то ударило его по шиколотке и он, потеряв равновесие, упал ничком, хотя успел опереться на руки. Он попытался встать, но тень слева вдруг превратилась в серебристо-белую человеческую фигуру, и на него обрушился удар. В ушах у него звенело, он высвободился из-под какой-то тяжести и снова попробовал приподняться. Он утратил способность думать и не понимал, что происходит, — ему казалось, будто все это уже было раньше, а может, этого никогда и не было, а только ему чудится. Серебристых людей с полосками на ногах и руках было несколько, и они крепко держали его, а один подошел и чем-то ударил его по губам. Сомкнулась тьма, пронизанная яростью и болью. Отчаянно рванувшись всем телом, он высвободился и ударил кого-то из серебристых в челюсть — тот отлетел в темноту, но их оставалось много, и второй раз он высвободиться не сумел. Они били его, а когда он уткнулся лицом в грязь тропы и прикрылся руками, начали пинать в бока. Он вжимался в спасительную грязь, ища у нее защиты... потом раздалось чье-то тяжелое дыхание. Сквозь гул в ушах он расслышал голос Умаксумана. И он тоже, значит... Но ему было все равно, лишь бы они ушли, лишь бы оставили его в покое. Как рано теперь темнеет...

Кругом был мрак, густой и непроглядный. Он пытался ползти. Надо добраться домой, к своим, к тем, кто ему поможет. Было так темно, что он не видел своих рук. Бесшумный невидимый снег падал в абсолютной темноте на него, на грязь, на прелые листья. Надо добраться домой. Ему было очень холодно. Он попытался встать, но не было ни востока, ни запада, и, скованный болью, он уронил голову на локоть. «Придите ко мне!» — попытался он позвать на мысленном языке, но было невыносимо трудно звать в непроглядной тьме куда-то вдаль. Гораздо легче лежать так и не шевелиться. Это легко, очень легко.

В Космопоре, в высоком каменном доме, у пылающего в очаге плавника Эллы Пасфаль вдруг подняла глаза от книги. Она совершенно ясно почувствовала, что Джакоб Агат передает ей... Но ни образы, ни слова не возникали в ее мозгу. Странно! Впрочем, у парачери столько странных побочных эффектов, непонятных, необъясненных следствий! В Космопоре многие вообще ей не научились, а те, кто способен передавать, редко пользуются своим умением. На севере, в Атлантике, они с большей свободой общались мысленно. Сама она была беженкой из Атлантики и помнила, как в страшную Зиму ее детства она разговаривала с остальными на парязыке чаще, чем вслух. А когда ее отец и мать умерли во время голода, она потом целый лунокруг вновь и вновь чувствовала, будто они передают ей, ощущала их присутствие в глубинах своего сознания — но не было ни образов, ни слов... ничего.

«Джакоб!» — передала она и повторяла долго, упорно, но ответа не пришло.

В то же самое мгновение Гуру Пилотсон, еще раз проверявший в Арсенале снаряжение, которое утром возьмет с собой отряд, внезапно поддался смутной тревоге, не оставлявшей его весь день, и воскликнул:

— Куда запропастился Агат, черт бы его побрал!

— Да, он что-то опаздывает, — согласился один из хранителей Арсенала. — Опять ушел в Тевар?

— Укреплять дружбу с мучномордыми, — невесело усмехнулся Пилотсон и снова нахмурился. — Ну ладно, займемся теперь меховыми куртками.

В то же самое мгновение в комнате, обшитой кремовыми панелями из атласного дерева, Сейко Эсмит беззвучно разрыдалась, ломая руки, мучительно заставляя себя не передавать ему, не звать его на парязыке и даже не произносить его имени вслух — Джакоб!

В то же самое мгновение мысли Ролери вдруг затемнились, и она скорчилась без движения.

Она скорчилась без движения в охотничьем шалаше. Утром она решила, что в суматохе переселения из шатров в подземный лабиринт Родовых Домов ее отсутствие накануне вечером и позднее возвращение остались незамеченными. Но теперь порядок уже восстановился, жизнь вошла в обычное русло, и, конечно, кто-нибудь да увидит, если она попробует ускользнуть в сумерках. А потому она ушла днем, надеясь, что никто не

обратит на это внимания — ведь она часто уходила так прежде, — кружным путем добралась до шалаша, заползла внутрь, плотнее закуталась в свои меха и приготовилась ждать наступления ночи и шороха его шагов на тропинке. Начали падать снежинки, их кружение навевало на нее сон. Она глядела на них и сквозь дремоту пыталась представить себе, что будет делать завтра. Ведь завтра он уйдет. А ее клан будет знать, что она отсутствовала всю ночь. Но до завтра еще далеко. Тогда и будет видно. А сейчас еще сегодня, еще сегодня... Она уснула. И вдруг проснулась, словно ее ударили. Она вся скорчилась, и в ее мыслях была пустая тьма.

Но тут же она вскочила на ноги, схватила камень и трут, высекла огонь и зажгла плетеный фонарь, который захватила с собой. Его слабый свет неровным пятном ложился на землю. Она спустилась по склону на тропу, постояла в нерешительности и пошла на запад. Потом снова остановилась и шепотом позвала:

— Альтерран!

Деревья вокруг окутывала ночная тишина. Ролери пошла вперед и больше не останавливалась, пока не увидела его. Он лежал на тропе.

Снег повалил гуще, и хлопья неслись поперек смутной полосы света, отбрасываемой фонарем. Теперь они ложились на землю и уже не таяли, белой пылью рассыпались по его разорванному плащу, прилипали к его волосам. Рука, к которой она прикоснулась, была совсем холодной, и она поняла, что он умер. Она села возле него на мокрую, окаймленную снегом землю и положила его голову себе на колени.

Он пошевелился и слабо застонал. Ролери сразу очнулась, перестала бессмысленно стряхивать снег с его волос и воротника и сосредоточенно задумалась. Потом осторожно опустила его голову на землю, встала, машинально попробовала стереть с руки липкую кровь и, светя себе фонарем, посмотрела по сторонам. Она нашла то, что искала, и принялась за работу.

В комнату косо падал неяркий солнечный луч. Было так тепло, что он не мог разомкнуть веки и снова и снова соскальзывал в пучину сна, в глубокое неподвижное озеро. Но свет заставлял его подниматься на поверхность, и в конце концов он проснулся и увидел серые стены, солнечный луч, падающий из окна.

Он лежал неподвижно, а бледно-золотой луч погас, снова вспыхнул, перешел с пола на дальнюю стену и начал подниматься по ней, становясь все краснее. Вошла Элла Пасфаль и, увидев, что он не спит, сделала кому-то позади знак не входить. Она закрыла дверь и опустила рядом с ним на колени. Обстановка в домах альтерранов была скудной: они спали на тюфяках, а вместо стульев обходились плоскими подушками, разбросанными по ковру, застилавшему пол, но и ими пользовались редко. А потому Элла просто опустилась на колени и поглядела на Агата. Красный отблеск лег на ее морщинистое лицо. В этом лице не было ни мягкости, ни жалости. Слишком много ей пришлось перенести в детстве, и сострадание, со-

чувствие захирели в ее душе, а к старости она и вовсе разучилась жалеть. Теперь, покачивая головой, она спросила негромко:

— Джакоб... Что ты сделал?

Он попытался ответить, но у него невыносимо заломило виски, а сказать ему, в сущности, было нечего, и он промолчал.

— Что ты сделал...

— Как я добрался домой? — пробормотал он наконец, но разбитые губы не слушались, и Элла жестом остановила его.

— Как ты добрался сюда? Ты это спросил? Тебя притащила она. Эта молоденькая врасу. Соорудила волокушу из сучьев и своей одежды, уложила тебя на нее и тащила через гребень до Лесных Ворот. Ночью, по снегу. Сама она осталась только в шароварах — тунику разорвала, чтобы привязать тебя. Эти врасу крепче дубленой кожи, из которой шьют себе одежду. Она сказала, что тянуть волокушу по снегу легче, чем по земле... А снег весь уже сошел. Ведь это было два дня назад. Вообще-то ты отдыхал довольно долго.

Она налила в чашку воды из кувшина на подносе возле его тюфяка и помогла ему напиться. Ее склонившееся над ним лицо выглядело бесконечно старым и хрупким. Она с недоумением сказала на паразыке: «Как ты мог, Джакоб? Ты всегда был таким гордым!»

Он ответил тоже без слов. Облеченный в слова, его ответ прозвучал бы: «Я не могу жить без нее».

Он передал свое чувство с такой силой, что старая Элла отшатнулась и, словно обороняясь, произнесла вслух:

— Ты выбрал странное время для увлечения, для любовных идиллий! Когда все полагалось на тебя...

Он повторил то, что уже сказал ей, потому что это была правда и ничего другого он сказать ей не мог. Она сурово передала:

«Но ты на ней не женишься, а потому тебе лучше поскорее научиться жить без нее».

Он ответил: «Нет!»

Она села на пятки и застыла без движения. Когда ее мысли вновь открылись для него, они были исполнены глубокой горечи. «Ну что же, поступай по-своему! Какая разница? Что бы мы сейчас ни делали, вместе или по отдельности, все непременно будет плохо. Мы не способны найти выход, одержать победу. Нам остается только и дальше совершать самоубийство... Мало-помалу, один за другим — пока мы все не погибнем, пока не погибнет альтерра, пока все изгнанники не будут мертвы...»

— Элла! — перебил он вслух, потрясенный ее отчаянием. — А... а они выступили?..

— Кто? Наше войско? — она произнесла это слово насмешливо. — Выступили без тебя?

— Но Пилотсон...

— Если бы Пилотсон их повел, то только на Тевар. Чтобы отомстить за тебя. Он вчера чуть не помешался от ярости.

— А они...

— Врасу? Ну конечно они не выступили. Когда стало известно, что дочка Вольда бежит в лес на свидания с дальнерожденным, Вольд и его сторонники оказались в довольно смешном и постыдном положении, как ты можешь себе представить. Разумеется, представить себе это после случившегося много проще, но тем не менее мне кажется...

— Элла! Ради бога...

— Ну хорошо. На север никто не выступил. Мы сидим тут и ждем, чтобы гаали явились, когда им это будет удобно.

Джакоб Агат лежал неподвижно, стараясь не провалиться вниз головой в разверзшуюся под ним бездну. Это была пустая бездонная пропасть его собственной гордости, слепого высокомерия, которое диктовало все его прошлое поведение. Самообман и ложь. Если он погибнет — пусть. Но те, кого он предал?

Несколько минут спустя Элла передала: «Джакоб, даже при самых благоприятных обстоятельствах из этого вряд ли что-нибудь могло выйти. Человек и нечеловек неспособны сотрудничать. Шестьсот лиголет неудач могли бы научить тебя этому. Твое безрассудство послужило для них всего лишь предлогом. Если бы не это, они нашли бы что-нибудь другое, и очень скоро. Они — наши враги, такие же, как гаали. Или Зима. Или все остальное на этой планете, на которой мы лишние. У нас нет союзников, кроме нас самих. Мы здесь одни. Не протягивай руки ни одному существу, для которого этот мир родной...»

Он прервал контакт с ее мыслями, не в силах больше выносить беспросветность этого отчаяния. Он попытался замкнуться в себе, отгородиться от внешнего мира, но что-то тревожило его, не давало ему покоя, и он вдруг осознал что. С трудом приподнявшись, он нашел в себе силы выговорить:

— Где она? Вы же не отослали ее назад...

Одетая в белое альтерранское платье, Ролери сидела, поджав под себя ноги, чуть дальше от него, чем недавно Элла. Эллы не было, а Ролери сидела там и что-то старательно чинила... что-то вроде сандалии. Она как будто не слышала, что он заговорил. А может быть, ему только приснилось, что он произнес эти слова... Но тут она сказала своим ясным голосом:

— Старуха тебя встревожила. А зачем? Что ты можешь сделать сейчас? По-моему, никто из них без тебя и двух шагов ступить не сумеет.

На стене позади нее лежали последние багряные отблески солнца. Она сидела и чинила сандалию. Ее лицо было спокойно, глаза, как всегда, опущены.

Оттого, что она была рядом, боль и сознание вины, терзавшие его, вдруг отступили, заняли свое место в истинном соотношении со всем остальным. Возле нее он становился самим собой. Он произнес ее имя вслух.

— Спи! Тебе нехорошо разговаривать, — сказала она, и в ее голосе проскользнула прежняя робкая насмешливость.

— А ты останешься? — спросил он.

— Да.

— Как моя жена! — сказал он твердо.

Боль заставляла его торопиться. Но не только боль. Ее родичи, наверное, убьют ее, если она вернется к ним. Ну, а его родичи? Что они с ней сделают? Он — ее единственная защита, и надо, чтобы эта защита была надежной.

Она наклонила голову, словно соглашаясь. Но он еще плохо знал ее жесты и не был уверен. Почему она сидит сейчас так тихо и спокойно? До сих пор она была такой быстрой и в движениях, и в чувствах. Но ведь он знает ее всего несколько дней...

Она продолжала спокойно работать. Ее тихая безмятежность укрыла его, и он почувствовал, что к нему начинают возвращаться силы.

7

Над крутыми крышами ярко пылала звезда, чей восход возвестил наступление Зимы, — ярко, но безрадостно, точно такая, какой Вольд запомнил ее с дней своего детства шестьдесят лунокругов назад. Даже огромный серп молодого месяца, висевший в небе напротив нее, казался бледнее Снежной Звезды.

Начался новый лункруг и новое Время Года, но начались они при дурных предзнаменованиях.

Неужто луна и правда, как рассказывали когда-то дальнерожденные, это мир вроде Аскатеvara и других Пределов, но только там никто не живет, а звезды — тоже миры, где обитают люди и звери и Лето сменяется Зимой?.. Но какими должны быть люди, обитающие на Снежной Звезде? Жуткие чудовища, белые как снег, с узкими щелями безгубых ртов и огненными глазами, теснились в воображении Вольда. Он потрянул головой и попробовал сосредоточиться на том, что говорили другие Старейшины. Вестники, вернувшись всего через пять дней, принесли с севера всякие слухи, а потому Старейшины развели огонь в большом дворе Тевара и назначили Перестук Камней. Вольд пришел последним и замкнул круг, потому что никто другой не осмелился занять его место, но это не имело никакого значения: он только почувствовал себя еще более униженным. Ибо он объявил войну, а ее не стали вести, он послал воинов, а они не выступили, и союз, который он заключил, был нарушен.

Рядом с ним сидел Умаксуман и тоже молчал. Остальные кричали и спорили, но все попусту. А чего еще было ждать? В Перестуке Камней не родилось единого ритма — был только грохот и разнобой. Так как же они могли надеяться, что придут к согласию? Глупцы, глупцы, думал Вольд, хмуясь на огонь, тепло которого не достигало его. Другие моложе,

их греет молодость, они вопят друг на друга и разгорячаются. А он — старик, и никакие меха не могут согреть его здесь, в ледяном блеске Снежной Звезды, на ветру Зимы. Его окоченевшие ноги ныли, в груди кололо, и ему было все равно, из-за чего они кричат и ссорятся.

Внезапно Умаксуман вскочил.

— Слушайте! — загремел он, и мощный звук его голоса («От меня унаследовал!» — подумал Вольд) принудил их притихнуть, однако кое-где еще раздавались насмешливые и злобные возгласы. До сих пор, хотя все достаточно хорошо знали, что произошло, непосредственный повод или предлог их ссоры с Космопором не обсуждался вне стен Родового Дома Вольда. Просто было объявлено, что Умаксуман не поведет воинов, что похода не будет, что надо опасаться нападения дальнерожденных. Обитатели других домов, даже те, кто не слышал про Ролери и Агата, прекрасно понимали, что подлинная суть происходящего — борьба за власть в самом влиятельном клане. Эта борьба была подоплекой всех речей, произносившихся сейчас на Перестуке Камней, хотя как будто решался совсем другой вопрос: обходиться ли с дальнерожденными как с врагами при встрече вне стен Города или считать, что между ними по-прежнему мир? И вот теперь заговорил Умаксуман:

— Слушайте, Старейшины Тевара! Вы говорите то, вы говорите это, но вам нечего сказать. Гаали идут, и через три дня они придут сюда. Так замолчите, возвращайтесь к себе, острите копья, проверьте ворота и стены, потому что идут враги, идут на нас. Смотрите! — Он взмахнул рукой, указывая на север, и многие повернулись туда, словно ожидали, что орды Откочевки сию минуту проломают стену — такая сила была в словах Умаксумана.

— А почему ты не проверил ворота, через которые ушла твоя кровная родственница, Умаксуман?

Теперь это сказано вслух, и пути назад нет.

— Она и твоя кровная родственница, Уквет, — с гневом ответил Умаксуман.

Один был сыном Вольда, другой его внуком, и говорили они о его дочери. Впервые в жизни Вольд узнал стыд, ничем не прикрытый, бессильный стыд: его опозорили в присутствии лучших людей племени. Он сидел неподвижно, низко опустив голову.

— Да, и моя! И только благодаря мне наш Род не покрылся позором! Я и мои братья вышибли зубы из грязного рта того, к кому она прибежала тайком, и я поступил бы с ним так, как обычай требует поступать с лжелюдьми, которые не лучше подлой скотины, но ты остановил нас, Умаксуман. Остановил нас своей глупой речью...

— Я остановил вас, чтобы вам не пришлось драться не только с гаалем, но еще и с дальнерожденными, глупец! Она достигла возраста, когда может выбрать себе мужчину, если захочет, и тут не было ничего...

— Он не мужчина, родич, а я не глупец!

— Ты глупец, Уквет, потому что воспользовался этим случаем, чтобы

поссорить нас с дальнерожденными, и лишил нас последней надежды вернуть Откочевку на другой путь!

— Я тебя не слышу, лжец, предатель!

С громким кличем они бросились на середину круга, отцепляя от пояса боевые топоры. Вольд поднялся на ноги. Сидящие рядом поднимали головы, ожидая, что он, как Старейший и Глава Рода, запретит схватку. Но он этого не сделал. Он молча отвернулся от нарушенного круга и, тяжело шаркая ногами, побрел по проходу между высокими остроконечными крышами под выступающими стрехами в дом своего Рода.

Он с трудом спустился по ступеням из утрамбованной глины в жаркую духоту огромной землянки. Мальчики и женщины принялись наперебой спрашивать его, что решили на Перестуке Камней и почему он вернулся один.

— Умаксуман и Уквет вступили в бой, — сказал он, чтобы отделаться от них, и сел у огня, почти спустив ноги в очажную яму.

Ничем хорошим это не кончится. Да и вообще ничто уже не может кончиться хорошо. Когда женщины, причитая, внесли в дом труп его внука Уквета и по полу протянулась широкая полоса крови, хлещущей из разрубленного черепа, он только поглядел на них, но ничего не сказал и не попытался встать.

— Умаксуман убил его, убил своего родича, своего брата! — вопили жены Уквета, окружив Вольда, но он не поднял головы. Наконец он обвел их тяжелым взглядом, точно старый зверь, загнанный охотником, и сказал хрипло:

— Замолчите... Да замолчите же...

На следующий день опять пошел снег. Они похоронили Уквета, первенца Зимней Смерти, и белые хлопья легли покрывалом на мертвое лицо прежде, чем его засыпали землей. Вольд подумал об Умаксумане — изгнаннике, бродящем в одиночестве среди холмов: кому из них лучше? И потом еще много раз возвращался к этой мысли.

Язык у него стал очень толстым и ему не хотелось говорить. Он сидел у огня и не всегда мог понять, день снаружи или ночь. Спал он тревожно, и ему казалось, что он все время просыпается. И один раз, просыпаясь, он услышал шум снаружи, на поверхности.

Из боковых каморок с визгом выбежали женщины, хватая на руки осеннерожденных малышей.

— Гааль! Гааль! — вопили они.

Но другие вели себя тихо, как подобает женщинам могущественного дома. Они прибрали большую комнату, сели и начали ждать.

Ни один мужчина не пришел за Вольдом.

Старик знал, что он уже не вождь. Но разве он уже и не мужчина? И должен сидеть под землей у огня с младенцами и женщинами?

Он стерпел публичный позор, но потери самоуважения он стерпеть не мог. Поднявшись, он побрел на негнущихся ногах к своему старому пестрому ларцу, чтобы достать толстую кожаную куртку и тяжелое копьё длиной

в человеческий рост, которым он убил в единоборстве снежного дьявола — так давно, так давно... Теперь он отяжелел, тело плохо ему повинуется, с той поры миновали все светлые и теплые Времена Года, но он — тот же, каким был тогда, тот, кто убил этим копьём в снегах былой Зимы. Разве он не тот же, не мужчина? Они не должны были оставлять его здесь, у огня, когда пришел враг.

Глупые женщины кудахтали вокруг него, и он рассердился, потому что они мешали ему собраться с мыслями. Но старая Керли отогнала их, вложила ему в руку копьё, которое какая-то девчонка уже выхватила у него, и застегнула на его шее плащ из серого меха корио. Этот плащ она шила для него весь конец Осени. Все-таки осталась одна, которая знает, что такое мужчина. Она молча смотрела на него, и он ощутил ее печаль и горькую гордость. А потому он заставил себя расправить плечи и пошел, держась совсем прямо. Пусть она — сварливая старуха, а он — глупый старик, но они хранят свою гордость. Он медленно поднялся по ступенькам, вышел на яркий свет холодного полудня и услышал за стенами крики чужих голосов.

Мужчины толпились на квадратной платформе над дымоходом Дома Пустоты. Он вскарабкался по приставной лестнице, и они потеснились, давая ему место. Его била дрожь, в груди хрипело, и сперва он словно ослеп. Но потом он увидел... и на время забыл обо всем, пораженный небывалым зрелищем.

Долина, огибавшая подножие Теварского холма с севера на юг, была, точно река в половодье, от края и до края заполнена бурлящим людским потоком. Он медленно катился на юг, темный, беспорядочный, то сжимаясь, то опять расплескиваясь, останавливаясь, вновь приходя в движение под крики, вопли, оклики, скрип, шелканье кнутов, хриплое ржание ханн, плач младенцев, размеренное уханье тех, кто тащил волокуши. Алая полоска свернутого войлочного шатра, ярко раскрашенные браслеты на руках и ногах женщин, пучок алых перьев, гладкий наконечник копья, вонь, оглушительный шум, нескончаемое движение — непрерывное движение, упорное движение на юг, Откочевка. Но ни одно бывшее время не видело такой Откочевки — единым множеством. Насколько хватал глаз, расширяющаяся к северу долина кишела людьми, а поток все сползал и сползал с седловины, не иссякая. И ведь это были только женщины с малышами, скот и волокуши с припасами... Рядом с этой могучей людской рекой Зимний Город Тевара был ничем. Камешком на берегу в половодье.

Сначала у Вольда все похолодело внутри, но потом он приободрился и сказал:

— Дивное дело...

И оно действительно было дивным — это переселение всех племен севера. Он был рад, что ему довелось увидеть такое. Стоявший рядом с ним Старейшина, Анвилд из Рода Сьокмана, пожал плечами и ответил негромко:

— И конец для нас.

— Если они остановятся.

— Эти не остановятся. Но сзади идут воины.

Они были так сильны, так неуязвимы в своем множестве, что их воины шли сзади...

— Чтобы накормить столько ртов, им сегодня же понадобятся наши запасы и наши стада, — продолжал Анвильд. — И как только эти пройдут, воины нападут на город.

— Значит, надо отослать женщин и детей в западные холмы. Когда враг так силен, Город — только западня.

— Я слушаю, — сказал Анвильд, утвердительно пожав плечами.

— Теперь же, без промедления, прежде чем гааль нас окружит.

— Это уже было сказано и услышано. Но другие говорят, что нельзя отсылать женщин туда, где их ждут всякие опасности, а самим оставаться под защитой стен.

— Ну, так пойдем с ними! — отрезал Вольд. — Неужели Люди Тевара не могут ничего решить?

— У них нет главы, — ответил Анвильд. — Они слушают того, этого и никого. — Продолжать — значило бы обвинить во всех бедах Вольда и его родичей, а потому он добавил только: — И мы будем ждать здесь, пока нас всех не перебьют.

— Своих женщин я отошлю, — сказал Вольд, рассерженный спокойной безнадежностью Анвильда, отвернулся от грозного зрелища Откочевки, кое-как спустился по приставной лестнице и пошел распорядиться, чтобы его родичи спасались, пока еще не поздно. Он тоже пойдет с ними. Ведь сражаться против бесчисленных врагов бесполезно, а хоть горстка Людей Тевара должна уцелеть, должна выжить.

Однако молодые мужчины его клана не согласились с ним и не захотели подчиниться ему. Они не убегут, они будут сражаться.

— Но вы умрете, — сказал Вольд. — А ваши женщины и дети еще могут уйти. Они будут свободными... если не останутся тут с вами.

Его язык снова был толстым. А они ждали, чтобы он замолчал, и не скрывали нетерпения.

— Мы отгоним гаалю, — сказал молодой внук. — Мы ведь воины!

— Тевар — крепкий город, Старейший, — сказал другой вкрадчиво, лживым голосом. — Ты объяснил нам, как построить его хорошо, и мы все сделали по твоему совету.

— Он выдержит натиск Зимы, — сказал Вольд. — Но не натиск десяти тысяч воинов. Уж лучше, чтобы женщины моего Рода погибли от холода среди снежных холмов, чем жили наложницами и рабынями гаалей...

Но они не слушали, а только ждали, чтобы он наконец замолчал.

Он вышел наружу, но у него уже не было сил карабкаться по приставным лестницам, и, чтобы никому не мешать в узком проходе, он отыскал укромное место неподалеку от южных ворот, в углу между стеной и подпоркой. Поднявшись по наклонной подпорке, сложенной из ровных кусков

сухой глины, можно было увидеть, что делается за стеной, и он некоторое время следил за Откочевкой. Потом, когда ветер забрался под его меховой плащ, он присел на корточки и прижал подбородок к коленям, укрывшись за выступом. Солнце светило прямо туда. Некоторое время он грелся в его лучах и ни о чем не думал. Иногда он поглядывал на солнце — Зимнее солнце, слабое, старое.

Из истоптанной земли под стеной уже поднималась зимняя трава — недолговечные растеньица, которые будут стремительно набираться сил, расцветать и отцветать между буранами до самого наступления Глубокой Зимы, когда снег уже больше не тает и только лишённые корней сугробники выдерживают лютый холод. Всегда что-нибудь да живет на протяжении великого Года, выжидая своего дня, расцветая и погибая, чтобы снова ждаться.

Тянулись долгие часы.

Оттуда, где сходились северная и западная стены, донеслись громкие крики. Воины бежали по узким проходам маленького города, где под нависающими стрехами мог пройти только один человек. Затем оглушительные вопли раздались позади Вольда, за воротами слева от него. Деревянные подъемные створки, которые можно было открыть только изнутри, с помощью сложной системы вóров, затряслись и затрещали. В них били бревном. Вольд с трудом выпрямился. Все тело его затекло, и он не чувствовал своих ног. Минуту он простоял, опираясь на копье, а потом привалился спиной к глиняным кирпичам и поднял копье, но не положил его на металку, а приготовился ударить с близкого расстояния.

Наверное, у гаалей были лестницы: они уже перебрались через северную стену и дрались внутри города — это он определил по шуму. Между крышами пролетело копье. Кто-то не рассчитал и слишком резко взмахнул металкой. Ворота снова затряслись. В прежние дни у них не было ни лестниц, ни таранов, и они приходили не десятками тысяч, а крались мимо оборванными семьями и кланами, трусливые дикари, убегающие на юг от холодов вместо того, чтобы остаться жить и умереть в своем Пределе, как поступают истинные люди... И тут в проходе появился один из них — с широким белым лицом и пучком алых перьев в закрученных рогом вымазанных смолой волосах. Он бежал к воротам, чтобы открыть их изнутри. Вольд шагнул вперед и сказал:

— Стой!

Гааль оглянулся, и старик вонзил копье в бок врага под ребра так глубоко, что железный наконечник почти вышел наружу. Он все еще пытался вытащить копье из дергающегося в судорогах тела, когда позади него в городских воротах появилась первая пробоина. Это было жутко — дерево лопнуло, как гнилая кожа, и в дыру просунулась тупая морда толстого бревна. Вольд оставил копье в брюхе гаали и, спотыкаясь, тяжело побежал по проходу к своему Родовому Дому. Крутые деревянные крыши в том конце города пылали дымным пламенем.

Самым странным среди всего странного и непонятного в этом жилище были изображения на стене большой комнаты внизу. Когда Агат ушел и все комнаты погрузились в мертвую тишину, она так долго смотрела на изображения, что они стали миром, а она — стеной. Мир этот был сплетениями, сложными и прихотливыми, точно смыкающиеся ветви лесных деревьев, точно струи потока — серебристые, серые, черные, пронизанные зеленой, алостью и желтизной, подобной золоту солнца. И вглядываясь в эти причудливые сплетения, можно было различить в них, между ними, слитые с ними и образующие их узоры и фигуры — зверей, деревья, траву, мужчин и женщин, и разные другие существа, одни похожие на дальнерожденных, другие непохожие. И еще всякие странности: ларцы на круглых ногах, птицы, топоры, серебряные копья, оперенные огнем, лица, которые не были лицами, камни с крыльями и дерево все в звездах вместо листьев.

— Что это такое? — спросила она у дальнерожденной женщины из Рода Агата, которой он поручил заботиться о ней, и та, как всегда, стараясь быть доброй, ответила:

— Картина, рисунок... Ведь твои соплеменники рисуют красками, не так ли?

— Да, немножко. А о чем рассказывает эта картина?

— О других мирах и о нашей родине. Видишь, вот люди... Ее написал очень давно, еще в первый Год нашего изгнания, один из сыновей Эсмита.

— А это что? — с почтительного расстояния указала Ролери.

— Здание... Дворец Лиги на планете Давенант.

— А это?

— Эробиль.

— Я снова слушаю, — вежливо сказала Ролери (теперь она старательно соблюдала все законы вежливости), но, заметив, что Сейко не поняла ритуальной фразы, спросила просто: — А что такое эробиль?

Дальнерожденная женщина чуть-чуть выпятила губы и ответила равнодушно:

— Ну... приспособление, чтобы ездить, вроде... Но ведь вы даже не знаете колеса, так как же объяснить тебе? Ты видела наши повозки — наши волокуши на колесах? Ну, так это была повозка, чтобы на ней ездить, только она летала по воздуху.

— А вы и сейчас можете строить такие повозки? — в изумлении спросила Ролери, но Сейко неверно истолковала ее вопрос и ответила сухо, почти раздраженно:

— Нет. Как мы могли сохранить здесь подобное умение, если Закон запрещает нам подниматься выше вашего технического уровня? А вы за шестьсот лет даже не научились пользоваться колесами!

Чувствуя себя беспомощной в этом чужом и непонятном мире, изгнанная своим племенем, а теперь разлученная и с Агатом, Ролери боялась Сейко Эсмит, и всех, кого она встречала здесь, и всех вещей вокруг. Но

покорно снести пренебрежение ревнивой женщины, женщины старше ее, она не могла.

— Я спрашиваю, чтобы узнавать новое, — сказала она. — Но, по-моему, ваше племя было здесь меньше, чем шестьсот Лет.

— Шестьсот лиголет равны десяти здешним Годам... — Помолчав, Сейко Эсмит продолжала: — Видишь ли, про эробили и про всякие другие вещи, которые придумали люди у нас на родине, мы знаем далеко не все, потому что наши предки перед тем, как отправиться сюда, поклялись блюсти Закон Лиги, запрещавший им пользоваться многими вещами, непохожими на те, какие были у туземцев. Закон этот называется «культурное эмбарго». Со временем мы научили бы вас изготавливать всякие вещи... вроде крылатых повозок. Но корабль улетел. Нас здесь осталось мало, и мы не получали никаких известий от Лиги, а многие ваши племена в те дни относились к нам враждебно. Нам было трудно хранить и Закон, и знания, которыми мы тогда обладали. Возможно, мы многое утратили. Мы не знаем.

— Какой странный Закон! — сказала Ролери.

— Он был создан ради вас... а не нас, — сказала Сейко своим быстрым голосом, произнося слова жестко, как Агат, как все дальнерожденные. — В Заветах Лиги, которые мы изучаем в детстве, написано: «На планетах, где селятся колонисты, запрещено знакомить местные высокоразумные существа с какими бы то ни было религиозными или философскими доктринами, обучать их каким бы то ни было техническим нововведениям или научным положениям, прививать им иные культурные понятия и представления, а также вступать с ними в парасловесное общение, если они сами это умение не развили. Запреты эти не могут быть нарушены до тех пор, пока Совет региона с согласия Пленума не постановит, что данная планета по степени своего развития готова к прямому контакту или ко вступлению в Лигу...» Короче говоря, это значит, что мы обязаны жить, как живете вы. И в той мере, в какой мы отступили от вашего образа жизни, мы нарушили наш собственный Закон.

— Нам это вреда не принесло, — сказала Ролери. — А вам — особой пользы.

— Ты нас судить не можешь, — сказала Сейко с холодной сухостью, но опять справилась с собой. — Время братья за работу. Ты пойдешь?

Ролери послушно направилась за Сейко к дверям, но, выходя, оглянулась на картину. Она никогда еще не видела ничего столь целостного. Эта мрачная серебристая пугающая сложность действовала на нее почти как присутствие Агата. А когда он был с ней, она боялась его — но только его одного. Никого и ничего другого.

Воины Космопора ушли. Они собирались тревожить идущих на юг гаалей нападениями из засады и партизанскими налетами в надежде, что Откочевка свернет на более безопасную дорогу. Однако никто серьезно не верил в успех, и женщины заканчивали приготовления к осаде. Сейко и Ролери пришли в Дом Лиги на большой площади, и им вместе с двадцатью

другими поручили пригнать стада ханн с дальних лугов к югу от города. Каждая женщина получила сверток с хлебом и творогом из ханьего молока, потому что вернуться они должны были не раньше вечера. Корм оскудел, и ханн теперь бродили на южных пастбищах между пляжем и береговой грядой. Женщины прошли около восьми миль, а потом рассыпались по лугу и повернули обратно, собирая и гоня перед собой все увеличивающееся стадо низкорослых косматых ханн, которые тихо и покорно брели к городу.

Теперь Ролери увидела дальнерожденных женщин по-новому. Прежде их легкие светлые одежды, по-детски быстрые голоса и быстрые мысли создавали ощущение беспомощности и слабости. Но вот они идут среди холмов по оледенелой пожухлой траве, одетые в меховые куртки и штаны, как женщины людей, и гонят медлительное косматое стадо навстречу северному ветру, работая дружно, умело и упорно. А как слушаются их ханны! Словно они не гонят их, а ведут, словно у них есть какая-то особая власть. Они вышли на дорогу, сворачивающую к Лесным Воротам, когда солнце уже село — горстка женщин в море неторопливо трусющих животных с крутыми косматыми крупами. Когда впереди показались стены Космопора, одна из женщин запела. Ролери никогда прежде не слышала этой игры с высотой и ритмом звуков. Ее глаза замигали, горло сжалось, а ноги начали ступать по темной дороге в лад с этим голосом. Другие женщины подхватили песню, и теперь она разносилась далеко вокруг. Они пели об утраченной родине, которую никогда не знали, о том, как ткать одежду и расшивать ее драгоценными камнями, о воинах, павших на войне. А одна песня рассказывала про девушку, которая лишилась рассудка от любви и бросилась в море: «Ах, волны уходят далеко, пока не начнется прилив...» Звонкими голосами творя песню из печали, они гнали вперед стадо — двадцать женщин в пронизанной ветром мгле. Было время прилива, и слева от них у дюн колыбалась и плескалась чернота. Впереди на высоких стенах пылали факелы, преображая Град Изгнания в остров света.

Съестные припасы в Космопоре расходовались теперь очень бережно. Люди ели все вместе в одном из больших зданий на Площади или, если хотели, уносили свою долю к себе домой. Женщины, собиравшие стадо, вернулись поздно. Торопливо поев в странном здании, которое называлось Тэатор, Ролери пошла с Сейко Эсмит в дом женщины Эллы Пасфаль. Она предпочла бы вернуться в пустой дом Агата и остаться одной, но она делала все, что ей говорили. Она больше уже не была незамужней и свободной, она была женой альтеррана и пленницей, хотя они ей этого и не показывали. Впервые в жизни она подчинялась.

Очаг не топился, и все же в высокой комнате было тепло. На стене в стеклянных клетках горели светильники без фитилей. В этом доме, который был больше любого Родового Дома в Теваре, старая женщина жила совсем одна. Как они выносят одиночество? И как они хранят свет и тепло Лета в стенах своих домов? Весь Год они остаются в этих домах — всю свою жизнь, и никогда не кочуют, никогда не живут в шатрах среди хол-

мов, на просторах летних угодий, кочуя... Ролери рывком подняла голову, которая почти склонилась ей на грудь, и искоса посмотрела на Эллу Пасфаль — заметила ли старуха, что она задремала? Конечно, заметила. Эта старуха замечает все, а Ролери она ненавидит.

Как и все они, эти альтерраны. Старейшины дальнерожденных. Они ненавидят ее, потому что любят Джакоба Агата ревнивой любовью, потому что он взял ее в жены, потому что она — человек, а они — нет.

Один из них что-то говорил про Тевар, что-то очень странное, чему нельзя было поверить. Она опустила глаза, но, наверное, испуг все-таки промелькнул на ее лице, потому что мужчина, которого звали Дермат альтерран, перестал слушать и сказал:

— Ролери, ты не знала, что Тевар захвачен?

— Я слушаю, — прошептала она.

— Наши воины весь день тревожили гаалей с запада, — объяснил дальнерожденный. — Когда гаальские воины ворвались в Тевар, мы атаковали носильщиков и стоянки, которые их женщины разбивали на восточной опушке леса. Это отвлекло часть их сил, и некоторые теварцы сумели выбраться из города, но они и наши люди рассеялись по лесу. Некоторые уже добрались сюда, но про остальных мы пока ничего не знаем... Они где-то в холмах, а ночь холодная...

Ролери молчала. Она так устала, что ничего не могла понять. Зимний Город захвачен, разрушен. Как это может быть правдой? Она ушла от своих родичей, а теперь все они мертвы или скитаются без крова среди холмов в Зимнюю ночь. Она осталась совсем одна. Вокруг звучали и звучали жесткие чужие голоса. Ролери почудилось — и она знала, что это ей чудится, — будто ее ладони и запястья вымазаны кровью. У нее кружилась голова, но она больше не хотела спать. Порой она ощущала, что на мгновение переступает рубеж, первый рубеж Пустоты. Блестящие холодные глаза старухи чародейки Эллы Пасфаль глядели на нее в упор. У нее не было сил пошевелиться. И куда идти? Все мертвы.

И вдруг что-то изменилось. Словно дальний огонек вспыхнул во мраке. Она сказала вслух, но так тихо, что ее слышали только те, кто сидел совсем рядом:

— Агат идет сюда.

— Он передает тебе? — резко спросила Элла Пасфаль.

Ролери несколько мгновений смотрела куда-то рядом со старухой, которой боялась, и не видела ее.

— Он идет сюда, — повторила она.

— Вероятно, он ей не передает, Элла, — сказал тот, которого называли Пилотсоном. — Между ними в какой-то мере существует постоянный контакт.

— Чепуха, Гуру.

— Но почему? Он рассказывал, что на пляже передавал ей с большим напряжением и пробился. По-видимому, у нее врожденный дар. И в результате возник постоянный контакт. Так ведь уже не раз бывало.

— Да, между людьми, — сказала старуха. — Необученный ребенок не способен ни принимать, ни передавать параречь, Гуру. Ну, а врожденный дар — редчайшая вещь в мире. И ведь она даже не человек, а врасу.

Ролери тем временем вскочила, выскользнула из круга, пошла к двери и открыла ее. Снаружи был пустой мрак и холод. Она посмотрела в дальний конец улицы и различила фигуру — мужчины, который бежал тяжело и устало. Он вступил в полосу желтого света, падавшего из дверей, и, протягивая руку к ее протянутой руке, тяжело дыша, произнес ее имя. Его улыбка открыла зияющую пустоту на месте трех верхних зубов, грязная повязка выбилась из-под меховой шапки, лицо было серым от усталости и боли. Он ушел в холмы сразу же, как только гаали вступили в Предел Аскатевара — три дня и две ночи тому назад.

— Принеси мне воды напиться, — тихо сказал он Ролери, а потом переступил порог, и все остальные столпились вокруг него.

Ролери нашла комнату с очагом для стряпни, а в ней — металлическую тростинку с цветком наверху. В доме Агата тоже был такой цветок: если его повернуть, из тростинки потечет вода. Она нигде ни увидела ни плетенки, ни чаш, а потому налила воду в глубокую складку своей кожаной туники и так понесла ее своему мужу в большую комнату. Он глубокими глотками выпил воду из ее туники. Остальные смотрели с удивлением, а Элла Пасфаль сказала резко:

— В буфете есть чашки.

Но она уже не была чародейкой, ее злоба ранила не больше, чем стрела на излете. Ролери опустилась на колени рядом с Агатом и слушала его голос.

9

После первого снега снова потеплело. Днем светило солнце, иногда накрапывал дождь, ветер дул с северо-запада, ночью слегка подмораживало — словом, погода была такой же, как весь последний лунокруг Осени. Зима мало чем отличалась от того, что ей предшествовало, и не верилось, что действительно бывают снегопады, наваливающие сугробы в несколько десятков футов, как рассказывалось в записях о предыдущих Годах, и что в течение целых лунокругов лед даже не подтаивает. Может быть, так будет позже. А сейчас опасность была одна — гаали...

Словно не замечая воинов Агата, хотя они нанесли несколько чувствительных ударов на флангах их войска, северяне стремительно ворвались в Аскатеварский Предел, разбили лагерь на восточной опушке леса и теперь, на третий день, начали штурмовать Зимний Город. Однако у них, по-видимому, не было намерения сровнять его с землей — они явно старались уберечь от огня житницы и стада, а возможно, и женщин. Но мужчин они убивали без пощады всех подряд. Может быть, они собирались оставить в городе свой гарнизон — ведь по сведениям, полученным с севера, они

проделывали это уже не раз. С наступлением Весны гаали без помех вернутся с юга в покоренные богатые земли.

«Совсем не в духе врасу», — размышлял Агат, лежа под прикрытием толстого упавшего ствола в ожидании, пока воины его маленького отряда займут позиции, чтобы в свою очередь напасть на Тевар. Он уже двое суток провел под открытым небом — сражался и прятался, сражался и прятался... Ребро, которое ему повредили в лесу, сильно ныло, хотя повязку наложили хорошо, болела полученная накануне неглубокая рана на голове — ему еще повезло, что камень, выпущенный из гаальской пращи, только слегка задел висок. Но благодаря иммунитету раны заживали быстро, и Агат не думал о них — другое дело, если бы была рассечена артерия. Правда, он на минуту потерял сознание и упал, но потом все обошлось. А сейчас ему хотелось пить, тело затекло от неподвижности, но мысли были удивительно ясными: этот короткий вынужденный отдых пошел ему на пользу. Совсем не в духе врасу строить планы так далеко вперед. В отличие от его собственного биологического вида они не воспринимали ни времени, ни пространства в их непрерывной протяженности. Время для них было фонарем, освещающим путь на шаг вперед и на шаг назад, а все остальное сливалось в единую непроницаемую тьму. Время — это Сегодня: вот этот, только этот день необъятного Года. У них не существовало лексики для исторических понятий, а только «сегодня» или «былое время». Вперед они не заглядывали — во всяком случае, не дальше следующего Времени Года. Они не видели времени со стороны, а пребывали внутри его, как фонарь в ночном мраке, как сердце в теле. И так же обстояло дело с пространством. Пространство для них было не поверхностью, по которой проводятся границы, а «пределом», сердцем всех известных земель, где пребывает он сам, его клан, его племя. Вокруг Предела лежали области, обретавшие четкость по мере приближения к ним и сливавшиеся в неясный туман по мере удаления — чем дальше, тем смутнее. Но линий, границ не было. И такое планирование далеко вперед, стремление сохранить завоеванное место через протяженность пространства и времени противоречило всем устоявшимся представлениям. Оно было... чем? Закономерным сдвигом в культуре врасу или нагноением, возникшим под воздействием былых северных колоний Человека?

«В таком случае они впервые заимствовали у нас хотя бы одну идею! — с сардонической улыбкой подумал Агат. — Того гляди, мы начнем подцеплять их простуды. И это нас убьет. Как, вполне возможно, наши представления и идеи убьют их...»

В нем нарастала ожесточенная, но почти неосознанная злоба против теварцев, которые оглушили его, повредили ему ребро, разорвали их союз, а теперь он вынужден смотреть, как их истребляют в их же собственном жалком глиняном городишке прямо у него на глазах. В схватке с ними он оказался беспомощным, а теперь, когда надо спасать их, он тоже почти беспомощен. И он испытывал к ним настоящую ненависть за то, что из-за них так остро ощущал свою беспомощность.

В эту минуту — как раз тогда, когда Ролери пошла назад к Космопору вместе с женщинами, гнавшими стадо, — в овражке у него за спиной среди палой листвы раздался шорох. Шорох еще не успел стихнуть, а он уже навел на овражек свой заряженный дротикомет. Закон культурного эмбарго, который стал для изгнанников основой их этики, запрещал применение взрывчатых веществ, но в первые Годы, когда шли войны с местными врагу, некоторые племена отравляли наконечники стрел и копий. Поэтому враги Космопора сочили себя вправе составить несколько своих ядов, которыми все еще пользовались охотники и воины. Действовали эти яды по-разному — только оглушали или обездвиживали, убивали мгновенно или медленно. Яд в его дротике был смертелен и за пять секунд парализовал нервные центры крупного животного — даже более крупного, чем гаальский воин. Простой и изящный механизм посылал дротик точно в цель за семьдесят шагов.

— Выходи! — крикнул Агат в мертвую тишину овражка, и его все еще опухшие губы раздвинулись в злой усмешке. Сейчас он даже с удовольствием прикончил бы еще одного врагу.

— Альтерран?

Из серых сухих кустов на дне овражка поднялся врагу и встал прямо, опустив руки. Это был Умаксуман.

— А, черт! — сказал Агат, опуская дротикомет, хотя и продолжал держать палец на спуске. Подавленная ярость разрешилась судорожной дрожью.

— Альтерран, — повторил теварец хрипло, — в шатре моего отца мы были друзьями.

— А потом? В лесу?

Туземец молчал. Широкоплечий, плотно сложенный. В светлых волосах запеклась глина, изнуренное лицо было землистым.

— Я слышал там и твой голос. Если уж вы решили отомстить за сестру, так могли бы не нападать всем скопом, а устроить честный поединок.

Агат все еще не снимал палец со спуска, но, когда Умаксуман заговорил, выражение его лица изменилось: он не надеялся услышать ответ.

— Меня с ними не было. Я догнал их и остановил. Пять дней назад я убил Уквета, моего племянника-брата, который их вел. С тех пор я прячусь в холмах.

Агат поставил дротикомет на предохранитель и отвел взгляд.

— Иди сюда, — сказал он после некоторого молчания, и только тут оба сообразили, что стоят во весь рост и громко разговаривают, а кругом кишат гаальские разведчики.

Когда Умаксуман, упав на землю, заполз под защиту ствола, Агат беззвучно засмеялся.

— Друг, враг, что тут к черту разбирать! На, бери, — добавил он, протягивая врагу ломоть хлеба, который вынул из сумки. — Ролери моя жена вот уже три дня.

Умаксуман молча взял хлеб и начал есть с жадностью изголодавшегося человека.

— Когда вон там слева свистнут, мы все вместе ворвемся в город через пролом в стене у северного угла и попробуем увести еще уцелевших теварцев. Гаали ищут нас у Болот, где мы были утром, а здесь не ждут. Этот наш первый налет на город будет и последним. Хочешь присоединиться к нам?

Умаксуман пожал плечами в знак согласия.

— Оружие у тебя есть?

Молодой теварец поднял и опустил топор. Бок о бок, припав к земле, они молча смотрели на пылающие крыши, на суматошные вспышки движения в узких проходах маленького города на холме перед ними. Серая пелена затягивала небо, ветер приносил едкий запах дыма.

Слева раздался пронзительный свист. Склоны холмов к западу и к северу от Тевара вдруг ожили — маленькие фигурки, пригнувшись, врассыпную перебежали седловину, поднимались по противоположному склону, скапливались у пролома и исчезали в хаосе горящего города.

У пролома воины Космопора объединялись в группы от пяти до двадцати человек, которые затем вступали в бой с рыскавшими по проходам гаалями, пуская в ход дротикометы бола и ножи, или спешно разыскивали теварских женщин и детей и бежали с ними к воротам. Они действовали так быстро и слаженно, что казалось, будто все было заранее отрепетировано. Гаали, занятые истреблением последних защитников города, были застигнуты врасплох.

Агат и Умаксуман кинулись в пролом вместе, и пока они бежали к площади Перестука Камней, к ним один за другим присоединялись космопорские воины. Оттуда по узкому проходу траншеи они уже вдесятером пробрались к другой площади, поменьше, и ворвались в один из больших Родовых Домов. Когда они скатились по глиняным ступенькам в подземный сумрак, навстречу им, вопя и размахивая боевыми топорами, бросились белолицые люди с пучками алых перьев в закрученных рогами волосах, готовые защищать свою добычу. Агат нажал на спуск, и дротик влетел прямо в открытый рот одного гааля. И тут же Умаксуман отрубил руку другого, как дровосек отрубает толстый сук. Затем наступила тишина. Женщины молча жались в темному углу. Надрывно заплакал младенец.

— Идите с нами! — крикнул Агат, и несколько женщин пошли к нему, но, разглядев, кто он, остановились как вкопанные. Возле него в полосе тусклого света, падавшего из открытой двери, возник Умаксуман, сгорбившийся под тяжестью ноши.

— Берите детей, выходите наружу! — загремел он, и, услышав знакомый голос, они послушно двинулись к лестнице.

Агат быстро построил их, поставив своих людей впереди, и подал знак выходить. Они высыпали из Родового Дома и побежали к воротам: странная процессия женщин, детей и воинов во главе с Агатом, который, размахивая гаальским топором, прикрывал Умаксумана, несущего на плечах

тяжелую ношу — старого вождя, своего отца Вольда. Ни один гааль не посмел встать у них на пути.

Они выбрались за ворота, проскочили мимо гаалей на склоне, где прежде стояли шатры, и скрылись в лесу, куда устремились и другие группы космопорских воинов вместе со спасенными женщинами и детьми, которые бежали впереди и позади них. Весь налет на Тевар длился не больше пяти минут.

В лесу им повсюду грозила опасность: гаальские разведчики и отряды двигались по тропе к Космопору. Спасенные и спасители, рассыпавшись, поодиночке и по двое углубились в лес южнее тропы. Агат остался с Умаксуманом — молодой воин нес старика и не мог защищаться. Они с трудом продирались сквозь сухой кустарник и бурелом. Но ни один враг не встретился им в серой чаще древесных скелетов. Где-то далеко позади пронзительно кричала женщина.

Они долго пробирались на юг, а потом на запад, взбираясь и спускаясь по лесистым склонам, и в конце концов по широкой дуге вышли на север к Космопору. Когда Умаксуман совсем обессилел, Вольд попробовал идти сам — медленно, с трудом передвигая ноги. Наконец они выбрались из леса и далеко впереди увидели факелы Града Изгнания, пылающие во мраке над морем, где бушевал ветер. Поддерживая старика под локти, почти волоча его, они поднялись по склону к Лесным Воротам.

— Врасу идут! — возвестили часовые, разглядев сперва только светлые волосы Умаксумана. Потом они увидели Агата, и раздались возгласы: — Альтерра! Альтерра!

Навстречу ему бросились люди и проводили в город — друзья, которые сражались с ним бок о бок, подчинялись его приказам и не раз спасали его жизнь все эти три дня засад и стычек в лесах и на холмах.

Они сделали все, что могли. Четыреста человек против орды, движущейся с неумолимым упорством огромной стаи откочевывающих зверей. Не меньше пятнадцати тысяч одних только молодых и здоровых мужчин, решил Агат. Пятнадцать тысяч воинов, а всего от шестидесяти до семидесяти тысяч гаалей с шатрами, грубыми горшками, волокушами, ханнами, постелями из шкур, топорами, наплечными браслетами, досками, к которым привязывают младенцев, кремнями, огнивами — со всем их скудным имуществом и страхом перед Зимой и голодом. Он видел, как гаальские женщины на стоянках сдирали сухой лишайник с упавших стволов и тут же съедали. Ему не верилось, что маленький Град Изгнания еще цел, еще не сметен этим половодьем свирепости и голода, что над воротами из железа и резного дерева еще пылают факелы и навстречу ему радостно бегут друзья.

Он пытался рассказать им историю этих трех дней. Он говорил:

— Вчера днем мы зашли им в тыл... — Слова падали невесомые, нереальные. И нереальной была эта теплая комната, нереальными были лица мужчин и женщин вокруг, которых он знал всю жизнь. — Земля там... Вся

Откочевка двигалась по двум-трем узким долинам, и склоны там обнажены, словно после оползня. Одна глина. И больше ничего. Земля истоптана в пыль. Ничего, кроме глины...

— Но как они могут двигаться такой массой? Что они едят? — пробормотал Гуру.

— Зимние запасы городов, которые захватывают. Все растения в наших краях уже погибли, урожай убран, дичь ушла на юг. Им остается только грабить селения на своем пути и питаться мясом угнанных ханн, чтобы не умереть с голоду, прежде чем они успеют выбраться за границу Зимних снегов.

— Значит, они придут и сюда, — сказал кто-то негромко.

— Наверно. Завтра или послезавтра.

Это было правдой и все равно тоже нереальным. Он провел рукой по лицу и почувствовал под ладонью засохшую грязь, ссадины, распухшие незажившие губы. Раньше его поддерживала мысль, что он обязательно должен прийти в город и рассказать обо всем Совету, но теперь на него навалилась невероятная усталость, он не мог говорить и не слышал их вопросов. Рядом с ним молча стояла на коленях Ролери. Он посмотрел на нее, и она, не поднимая золотистых глаз, сказала очень тихо:

— Тебе надо уйти домой, альтерран.

Он не думал о ней все эти бесконечные часы, пока сражался, метал дротики, бежал прятался в лесу. Он впервые увидел ее две недели назад, разговаривал с ней по-настоящему не больше трех раз, делил с ней ложе один раз, вступил с ней в брак в Зале Законов рано утром три дня назад, а через час ушел с отрядом в холмы. Он почти ничего о ней не знал, и она даже не принадлежала к его биологическому виду. А через день-другой они почти наверное оба будут убиты. Он беззвучно засмеялся и ласково положил ладонь на ее руку.

— Да, отведи меня домой, — сказал он.

Легкая, изящная, совсем другая, чем все они, она молча встала и ждала в стороне, пока он прощался с остальными.

Он уже сказал ей, что Вольд, Умаксуман и еще двести человек ее племени спаслись из поврежденного Зимнего Города сами или с помощью его отряда и нашли приют в Космопоре. Она тогда не сказала, что хочет пойти к ним. А теперь, когда они поднимались по крутой улице, которая вела от дома Эллы к его дому, она вдруг спросила:

— Для чего вы ворвались в Тевар и спасали людей?

— Для чего? — Вопрос удивил его. — Но ведь они не могли спастись сами.

— Это не причина, альтерран.

Она выглядела робкой женой-туземкой, во всем покорной своему господину. Но он начинал понимать, что на самом деле она упряма, своевольна и очень горда. Голос ее был кроток, но говорила она то, что хотела сказать.

— Нет, это причина, Ролери. Нельзя же сидеть сложа руки и смотреть,

как эти дикари режут людей. И я хочу сражаться, ответить на войну войной...

— Ну, а ваш Город? Как вы прокормите тех, кого привели сюда? Если его окружают гаали? Или потом, Зимой?

— Запасов у нас достаточно. Это нас не беспокоит. Нам не хватает воинов.

Он спотыкался от усталости. Но чистый и холодный воздух прояснил его мысли, и в нем затеплился крохотный огонек радости, который он не испытывал уже давно. Всем своим существом он чувствовал, что эту маленькую передышку среди мрака, эту легкость духа он обрел потому, что рядом с ним идет она. Его так долго давило бремя ответственности за все. А она, посторонняя, чужая, с иной кровью, с иным сознанием, не была причастна его силе, его совести, его знаниям, его изгнанию. Между ними не было ничего общего, но она встретила его и слилась с ним полностью и всецело, как будто их не разделяла непреодолимая стена различий. Кажется, именно эта чуждость, пропасть лежавшая между ними, и толкнула их друг к другу, а соединив, дала им свободу.

Они вошли в незапертую дверь. В высоком узком доме из грубо тесаного камня нигде не горел свет. Этот дом стоял здесь три Года, сто семьдесят лунокругов. В нем родились его прадед, его дед, его отец и он сам. Он знал его как собственное тело. И входя в этот дом с ней, женщиной из кочевого племени, которой иначе предстояло бы жить то в одном шатре, то в другом, то на одном склоне холма, то на другом, или же в тесной землянке под снегом, он испытал странное удовольствие. Его охватила нежность к ней, которую он не умел выразить, и нечаянно он произнес ее имя, но не вслух, а на парязыке. И сразу же в темноте она обернулась к нему и в темноте посмотрела ему в лицо. Дом и город вокруг них были окутаны безмолвием. И у него в сознании вдруг прозвучало его имя — точно тихий шепот в ночи, точно прикосновение через бездну.

— Ты передала мне! — сказал он вслух, растерянно, изумленно. Она ничего не ответила, но в своем сознании всеми своими нервами, всей своей кровью он вновь услышал ее сознание, которое тянулось к нему: «Агат, Агат...»

10

Старый вождь был крепок. Апоплексический удар, сотрясение мозга, переутомление, долгие часы на холоде, гибель Города — все это он перенес, сохранив в целостности не только волю, но и ясность рассудка.

Чего-то он не понимал, что-то лишь изредка вторгалось в его мысли. Он был даже рад, что больше не сидит у огня в душном сумраке Родового Дома, как женщина. Это, во всяком случае, он знал твердо. Ему нравился, всегда нравился возведенный на скалах, полный солнца и ветра город дальнерожденных, который был построен до того, как родился самый старый

из ныне живущих людей, и стоит, совсем не изменившись, на своем старом месте. Построен он куда надежнее Тевара. А что случилось с Теваром? Иногда он помнил оглушительные вопли, горящие крыши, изуродованные тела своих сыновей и внуков, а иногда не помнил. Стремление выжить было в нем очень сильно.

До селения дальнерожденных поодиночке, по двое и по трое добирались и другие беженцы — кое-кто даже из захваченных Зимних Городов на севере, — и теперь здесь было уже около трехсот истинных людей. Ощущать свою слабость, свою малочисленность, жить подачками презираемых чужаков было так тягостно и странно, что некоторые теваршы, особенно пожилые мужчины, не могли этого вынести. Они сидели, поджав под себя ноги, пребывая в Пустоте, и зрачки их глаз сжались в крохотные точки, словно они натерлись соком гезина. И женщины тоже — те, кто видел, как их мужей рубили в куски на улицах и у очагов Тевара, те, кто потерял детей, — тяжело заболели от горя или уходили в Пустоту. Но для Вольда конец Тевара и всего привычного мира сливался с концом его жизни. Он знал, что уже очень далеко ушел по пути к смерти, и с тихим одобрением смотрел на каждый новый день и на всех молодых мужчин, будь то истинные люди или дальнерожденные, ибо сражаться и дальше должны были теперь они.

Солнце лило свет на каменные улицы, на ярко раскрашенные дома, хотя над северными дюнами висела мутно-грязная полоса. На большой площади перед домом, который назывался Тэатор и в котором поселили всех истинных людей, Вольда окликнул какой-то дальнерожденный. Он не сразу узнал Джакоба Агата, а узнав, сказал с хриплым смехом:

— Альтерран! Ты ведь был красивым молодцом! А сейчас у тебя во рту дыра, точно у пернемских шаманов, которые выламывают себе передние зубы. А где... (он забыл ее имя) где женщина из моего Рода?

— В моем доме, Старейший.

— Ты покрыл себя стыдом, — сказал Вольд.

Он знал, что оскорбляет Агата, но ему было все равно. Конечно, Агат теперь глава над ним, но тот, кто держит в своем доме или шатре наложницу, покрывает себя вечным стыдом. Пусть Агат дальнерожденный, но преступать обычаи не смеет никто.

— Она моя жена. Где же тут стыд?

— Я слышу неверно, мои уши стары, — осторожно сказал Вольд.

— Она моя жена.

Вольд посмотрел прямо на Агата, в первый раз встретившись с ним взглядом. Глаза Вольда были тускло-желтыми, как солнце Зимы, и из-под тяжелых век не проглядывало даже полоски белка. Глаза Агата были темными — темный зрачок, темная радужная оболочка в белой обводке на темном лице: нелегко выдержать взгляд этих странных глаз, неземных глаз.

Вольд отвернул лицо. Вокруг него смыкались большие каменные дома дальнерожденных, чистые, яркие, озаренные солнцем, старые.

— Я взял от вас жену, дальнерожденный, — сказал он наконец, — но я не думал, что кто-то из вас возьмет жену из моего Рода. Дочь Вольда замужем за лжечеловеком и никогда не даст жизнь сыну...

— У тебя нет причины горевать, — сказал молодой дальнерожденный. Он стоял неколебимо, как скала. — Я равен тебе, Вольд. Во всем, кроме возраста. Когда-то у тебя была дальнерожденная жена. Теперь у тебя дальнерожденный зять. Тогда ты выбирал сам, а теперь прими выбор своей дочери.

— Это нелегко, — сказал старик с угрюмой простотой и продолжал после некоторого молчания: — Мы не равны, Джакоб Агат. Люди моего племени убиты, а те, кто еще жив, сломлены духом. Ты главный здесь, ты вождь, а я никто. Но я человек, а ты нет. Так разве есть сходство между нами?

— Но между нами хотя бы нет обиды и ненависти, — ответил Агат все так же непреклонно.

Вольд поглядел по сторонам и наконец медленно пожал плечами в знак согласия.

— Это хорошо. Значит, мы сможем достойно умереть вместе, — сказал дальнерожденный и засмеялся — вдруг, без видимой причины, как всегда смеются дальнерожденные. — Я думаю, гаали нападут через несколько часов, Старейший.

— Через несколько...

— Очень скоро. Возможно, когда солнце будет высоко. — Они стояли возле пустой спортивной площадки, у их ног валялся легкий диск. Агат поднял его и по-мальчишески метнул высоко в воздух. Следя за его полетом, он добавил: — На каждого из нас их двадцать. И если они переберутся через стены или разобьют ворота... Всех дальнерожденных детей я отсылаю с их матерями на Риф. Когда подъемные мосты подняты, взять Риф невозможно, а воды и припасов там достаточно, чтобы пятьсот человек прожили лунокруг. Но оставлять женщин одних не следует. Может быть, ты выберешь несколько своих мужчин и уведешь их туда вместе с теми вашими женщинами, у кого есть дети? Им нужен глава. Ты одобряешь этот план?

— Да. Но я останусь здесь, — сказал старик.

— Как хочешь, Старейший, — ответил Агат невозмутимо, и его суровое молодое лицо, все в рубцах, осталось непроницаемым. — Но выбери мужчин, которые пойдут вместе с вашими женщинами и детьми. Уходить надо скоро. наших женщин поведет Кемпер.

— Я пойду с ними, — сказал Вольд тем же тоном, и Агат словно бы немного растерялся. Значит, и его можно поставить в тупик! Но он тут же невозмутимо согласился. Его почтительность, конечно, лишь вежливое притворство — какое почтение может внушать умирающий, которого не признают вождем даже остатки его собственного племени? Но он оставался почтительным, как бы глупо ни отвечал Вольд. Да, он поистине скала. Таких людей мало.

— Мой вождь, мой сын, мое подобие, — сказал старик с усмешкой, положив ладонь на плечо Агата. — Пошли меня туда, куда нужно тебе. От меня больше нет пользы и мне остается только умереть. Ваша черная скала — плохое место для смерти, но я пойду туда, если ты скажешь...

— Во всяком случае пошли с женщинами двоих-троих мужчин, — сказал Агат. — Надежных, рассудительных людей, которые сумеют успокоить женщин. А мне надо бывать у Лесных Ворот, Старейший. Может быть, и ты пойдешь туда?

Агат стремительно исчез. Опираясь на космопорское копье из светлого металла, Вольд медленно побрел за ним вверх по ступенькам и крутым улицам. На полпути он остановился, чтобы перевести дух, и только тут сообразил, что ему следует вернуться и отослать молодых матерей с их малышами на остров, как просил Агат. Он повернулся и побрел по улице вниз. Глядя на свои шаркающие по камням ноги, он понял, что ему следует послушаться Агата и уйти с женщинами на черный остров, здесь он будет только помехой.

Светлые улицы были безлюдны, и только изредка мелькал какой-нибудь дальнерожденный, шагая торопливо и сосредоточенно. Они все знают, что им надо делать, и каждый выполняет свои обязанности, каждый готов. Если бы кланы Аскатевара были готовы, если бы воины выступили на север, чтобы встретить гаалю у рубежа, если бы они заглядывали в приближающееся время, как умеет заглядывать Агат... Не удивительно, что люди называли дальнерожденных чародеями. Но ведь на север они не выступили по вине Агата. Он допустил, чтобы женщина встала между союзниками. Знай он, Вольд, что эта девчонка посмела снова заговорить с Агатом, он приказал бы убить ее за шатрами, а тело выбросить в море, и Тевар, возможно, стоял бы и сейчас...

Она вышла из двери высокого дома и, увидев Вольда, застыла на месте.

Хотя она и завязала волосы сзади, как замужняя, он заметил, что одета она по-прежнему в кожаную тунику и штаны с выдавленным трехлепестковым цветком, знаком его Рода.

Они не посмотрели в глаза друг друга.

Она молчала, и в конце концов заговорил Вольд, прошлое это прошлое, а он назвал Агата сыном...

— Ты пойдешь на черный остров или останешься здесь, женщина из моего Рода?

— Я останусь здесь, Старейший.

— Агат отсылает меня на черный остров, — сказал он неуверенно, тяжело переступил с ноги на ногу и сильнее оперся на копье. Холодное солнце освещало его забрызганные кровью меха.

— По-моему, Агат боится, что женщины не пойдут, если ты не поведешь их. Ты или Умаксуман. Но Умаксуман во главе наших воинов охраняет северную стену.

Куда девалась ее шаловливость, ее беззаботная милая дерзость? Она

была серьезной и кроткой. И вдруг он ясно вспомнил маленькую девочку, единственного ребенка во всех летних угодьях, дочь Шакатани, летнерожденную.

— Так, значит, ты жена альтеррана? — сказал он, и эта мысль, заслоня образ непослушной смеющейся девочки, снова сбила его, и он не услышал ее ответа.

— Почему мы все не уйдем из города на остров, раз его нельзя взять?

— Не хватит воды, Старейший. Гаали войдут сюда и мы все умрем на скале.

За крышами Дома Лиги виднелась полоса виадука. Был прилив, и волны поблескивали за черной крепостью на острове.

— Дом, построенный над морской водой, — не жилище для людей, — сказал он угрюмо. — Он слишком близок к стране под морем... Теперь слушай! Я хотел сказать Арили... Агату. Погоди. Я забыл, о чем. Я не слышу своих мыслей... — Он напряг память, но она оставалась пустой. — Ну, пусть так. Мысли стариков подобны пыли. Прощай, дочь.

Он пошел, тяжело ступая, волоча ноги, через площадь к Тэзоту, а там велел молодым матерям собрать детей и идти с ним. Потом он повел свой последний отряд — кучку перепуганных женщин с малышами и трех мужчин помоложе, которых выбрал сопровождать их, — по высокому воздушному пути, где кружилась голова, к черному страшному жилищу.

Там было холодно и тихо. Под сводами высоких комнат перекачивались отголоски плеска и шипения волн на камнях внизу. Его люди сгрудились все вместе в одной огромной комнате. Он пожалел, что с ним нет старой Керли — она была бы надежной помощницей. Но она лежит мертвая в Теваре или в лесу. Наконец две женщины похрабрее заставили остальных взяться за дело. Они нашли зерно, чтобы смолоть его для бхановой каши, и воду, чтобы варить кашу, и дрова, чтобы вскипятить воду. Когда под охраной десяти мужчин пришли женщины и дети дальнерожденных, теvarцы могли угостить их горячей едой. В крепости теперь собралось не меньше шестисот человек, и она уже не была пустой: под сводами перекликались голоса и всюду копошились малыши, словно на женской половине Родового Дома в Зимнем Городе. Но за узкими окнами, за прозрачным камнем, который не допускал внутрь ветра, далеко-далеко внизу среди камней вскипали волны, дымясь на ветру.

Ветер повернул, грязная полоса в небе на севере разошлась туманом, и вокруг маленького бледного солнца повис большой белый круг — снежный круг. Вот оно! Вот что он хотел сказать Агату. Выпадет снег. Не щепотка соли, как в прошлый раз, а снег, настоящий зимний снег. Метель... Слово, которого он так долго не слышал и не произносил, вызвало у него странное чувство. Значит, чтобы умереть, он должен вернуться в унылые однообразные просторы своего детства, он должен вновь вступить в белый мир снежных бурь.

Он все еще стоял у окна, но уже не видел волн, шумящих внизу. Он вспоминал Зиму. Много толку будет галям от того, что они захватили Тевар и, может быть, захватят Космопор! Сегодня и завтра они будут обжираться мясом ханн и зерном. Но далеко ли они уйдут, когда повалит снег? Истинный снег, метель с ледяным ветром, которая жнет леса и сравнивает долины с холмами? Как они побегут, когда на всех дорогах их настигнет этот враг! Слишком долго они задержались на севере! Вольд вдруг хрипло засмеялся и отошел от темнеющего окна. Он пережил свое время, своих сыновей, он больше не вождь, от него нет никакой пользы, и он должен умереть здесь, на скале среди моря. Но у него есть великие союзники и великие войны служат ему — они сильнее Агата, сильнее всех людей. Метель и Зима вступают в битву на его стороне, и он переживет своих врагов.

Грустно ступая, он подошел к очагу, развязал мешочек с гезином, бросил крошку на угли и трижды глубоко вдохнул. А потом взревел:

— Эй, женщины! Готова каша?

Они послушно подали ему плетенку, и он ел и был доволен.

11

В первый день осады Ролери послали к тем, кто носил воинам на стенах и крышах запасы копий — длинные, почти неотделанные стебли хольна, тяжелые, с грубо заостренным концом. Метко брошенное, такое копьё убивало, но и из неопытных рук град таких копий отгонял гаалей, которые пытались приставить лестницу к стене у Лесных Ворот. Она втаскивала бесчисленные связки этих копий по бесконечным ступенькам, на других ступеньках брала их у женщины, стоявшей ниже, и передавала наверх, бежала с ними по улицам, где гулял ветер, и ее ладони и теперь еще горели от тонких, как волосы, колючих заноз. Но сегодня она с рассвета таскала камни для катапулей — похожих на огромные пращи камнеметов, которые были установлены у Лесных Ворот. Стоило галям подтащить свои тараны, как на них обрушивались тяжелые камни, и они разбегались. Но чтобы кормить катапули, нужно было очень много камней. Мальчики на ближайших улицах выворачивали тесаные каменные бруски, а она и еще семь женщин укладывали их по десять штук в небольшой круглоногий ларец и тащили воинам — восемь женщин, впряженные в веревочную сбрую. Тяжелый ларец с каменным грузом не хотел сдвигаться с места, но они налегали на веревке все вместе, и вдруг его круглые ноги поворачивались. Грохоча и дергаясь, он полз за ними вверх по склону. Они ни на миг не ослабляли усилий, пока не добирались до ворот и не вываливали камни. Тогда они переводили дух, отбрасывали прилипшие к глазам волосы и тащили пустой подпрыгивающий ларец за новым грузом. Снова и снова, и так все утро. Камни и веревки до крови ободрали жесткие ладони Ролери. Она оторвала два широких лоскута от своей тонкой кожаной юбки и при-

мотала их ремешками от сандалий к рукам. Работать стало легче, и другие женщины сделали то же.

— А жалко, что вы не помните, как делать эробили! — крикнула она Сейко Эсмит, когда они бежали вниз по улице, а за ними гроыхала неуклюжая повозка.

Сейко не ответила — может быть, она не услышала. Среди дальнерожденных не было слабых духом, и Сейко не щадила себя, но напряжение и усталость сказывались на ней все больше: она двигалась словно во сне. Один раз, когда они возвращались к воротам, гаали начали кидать через стену горящие копы — повсюду на камнях улицы и на черепичных крышах задымились их тлеющие древки. Сейко забилась в постромках, точно попавший в ловушку зверек, пригибаясь и шарахаясь от летящих над головой огненных палок.

— Они погаснут, этот город не загорится, — мягко сказала Ролери, но Сейко, повернув к ней невидящее лицо, пробормотала.

— Я боюсь огня, я боюсь огня...

Однако когда молодому арбалетчику на стене попал в лицо камень из гаальской пращи и он, не удержавшись на узком выступе, сорвался и ударился о землю прямо перед ними, сбив с ног двух женщин в их упряжке и забрызгав им юбки кровью и мозгом, это Сейко бросилась к нему, это она положила разбитую голову себе на колени и прошептала слова прощания.

— Он твой родич? — спросила Ролери, когда Сейко снова впряглась в повозку и они потащили камни дальше.

Дальнерожденная женщина ответила:

— Мы в Городе все родичи. Это был Джокенеди Ли — самый молодой в Совете.

Молодой борец на арене в углу большой площади, сияющий от пота и от торжества, сказавший ей, что в его городе она может ходить, где хочет. Первый дальнерожденный, который заговорил с ней.

Джакоба Агата она не видела с позапрошлой ночи, потому что у всех, кто остался в Космопоре, у каждого дальнерожденного и у каждого человека были свои обязанности и свое место, а место Агата — руководителя пятнадцати сотен защитников города, осажденного пятнадцатью тысячами врагов, — было повсюду. Мало-помалу усталость и голод высасывали ее силы, и ей начало чудиться, будто он тоже лежит распростертый на залитых кровью камнях там, где гаали нападали особенно упорно — у Морских Ворот над обрывом.

Женщины остановились: веселый мальчишка привез им на круглоногой повозке хлеб и сушеные плоды, а маленькая, очень серьезная девочка, тащившая на плечах кожаный мешок с водой, дала им напиться. Ролери ободрилась. Она была уверена, что они все умрут — разве не смотрела она с крыши на холмы, почерневшие от воинов врага? Их столько, что и не сосчитать, а осада едва началась... Но Агата не могут убить, в этом она была уверена еще больше. А раз он будет жить, то будет жить и она.

Как смерти осилить его? Ведь он — жизнь, ее жизнь. Она сидела на камне и с удовольствием грызла черствый хлеб. Вокруг нее на расстоянии броска копья со всех сторон смыкались ужас, пытки, надругательства, но она сидела и спокойно жевала хлеб. Пока они дают отпор, вкладывая в него все свои силы, все свое сердце, они хотя бы одерживают победу над страхом.

Но скоро все стало очень плохо. Они тянули свой груз к воротам, и внезапно грохот повозки и все звуки вокруг утонули в оглушительном реве по ту сторону ворот — в гуле, точно при землетрясении, таком глубоком и могучем, что его слушали все кости, а не только уши. И створки ворот подпрыгнули на железных петлях, затряслись... Тут она на миг увидела Агата: он бежал во главе отряда лучников и метателей дротиков с того конца города и на бегу выкрикивал распоряжения тем, кто стоял на стенах.

Женщинам было велено укрыться на улицах ближе к площади, и они рассыпались в разные стороны. «Гу-у-у, гу-у-у, гу-у-у!» — ревел голос бесчисленных множеств у Лесных Ворот. Этот гул был таким грозным, что, казалось, вопят холмы, и вот-вот они выпрямятся и сбросят город с утесов в море. Ветер был ледяным. Те, с кем она возила камни, ушли, все запуталось, смешалось... У нее не было никакой работы. Начало темнеть. А день ведь еще не состарился, еще не наступило время ночи. И вдруг она поняла, что действительно скоро умрет, поверила в свою смерть. Застыв на месте, она беззвучно закричала — между высокими пустыми домами, на пустой улице.

В боковом проходе мальчики выворачивали камни и тащили их туда, где улица впадала в главную площадь. Там строили баррикаду перед внутренними воротами. Такие же баррикады росли и на остальных трех улицах. Она начала помогать мальчикам — чтобы согреться, чтобы что-то делать. Они трудились молча — пять-шесть мальчиков, выполнявших почти непосильную для них работу.

— Снег, — сказал один, остановившись рядом с ней.

Она отвела взгляд от камня, который шаг за шагом толкала перед собой, и увидела, что в воздухе кружат белые хлопья, с каждым мгновением становясь все гуще. Остальные мальчики тоже остановились. Ветер больше не дул. Умолк и чудовищный голос у ворот. Снег и темнота пришли вместе и принесли тишину.

— Только поглядите! — ахнул кто-то из мальчиков.

Дальний конец улицы вдруг исчез. Слабое желтоватое сияние было светом в окнах Дома Лиги в сотне шагов от них.

— У нас будет вся Зима, чтобы глядеть на него, — отозвался другой. — Если только мы доживем. Пошли! В Доме уже, наверное, подают ужин.

— Ты идешь? — спросил младший у Ролери.

— Мои люди едят не там, а в... в Тэаторе.

— Нет, мы все едим в Доме Лиги, чтобы меньше было возни. Пошли!

Мальчики держались застенчиво, грубовато, по-товарищески. И она пошла с ними.

Ночь наступила рано, день наступил поздно. Она проснулась в доме Агата и увидела серый свет на серых стенах, полосы мути, сочащиеся сквозь щели ставней, которые закрывали стеклянные окна. Кругом стояла тишина, полная тишина. И в доме и снаружи не раздавалось ни единого звука. Откуда такая тишина в осажденном городе? Но осада и гаали словно отодвинулись куда-то далеко, оттесненные этим непонятным утренним безмолвием. Тут было тепло и рядом лежал Агат, погруженный в сон. Она боялась пошевелиться.

Стук внизу, частые удары в дверь, голоса. Очарование развеялось, лучшее мгновение кончилось. Они зовут Агата. Она разбудила его — это оказалось совсем не легко. Наконец, все еще ослепленный сном, он встал и открыл ставень, впустив в комнату дневной свет.

Третий день осады, первый день метели. Улицы были укрыты глубоким снегом, а он все падал. Иногда густые хлопья опускались спокойно и плавно, но чаще их кружил, бросал и гнал резкий северный ветер. Все было приглушено и преображено снегом. Холмы, лес, поля и луга — все исчезло. Даже небо. Соседние крыши растворились в белизне. Виден был только снег, лежавший и падающий, а дальше не было видно ничего.

На западе вода отступала, откатывалась в бесшумную метель. Виадук изгибался и уходил в ничто. Риф исчез. Ни неба, ни моря. Снег летел на темные утесы, засыпал пляж.

Агат закрыл ставни, опустил крючок и повернулся к ней. Его лицо все еще не утратило сонного спокойствия, голос был хриплым.

— Они не могли уйти, — пробормотал он.

Потому что с улицы ему кричали:

— Гаали ушли! Они сняли лагерь, они бегут на юг...

Как знать? Со стен Космопора были видны только вихри снежных хлопьев. Но не стоят ли чуть дальше за этой завесой тысячи шатров, разбитых, чтобы переждать метель? А может быть, там ничего нет... Со стен на веревках спустились разведчики. Трое вернулись и сказали, что поднялись по склону до леса и не нашли гаалей, однако дальше идти не решились, потому что в двухстах шагах даже города не было видно. Один не вернулся. Захвачен или заблудился?

Совет собрался в библиотеке Дома Лиги. И туда, как обычно, пришли все, кто хотел, — для того чтобы слушать или принять участие в обсуждении. В Совете теперь осталось восемь человек вместо десяти. Смерть настигла Джокенеди Ли и Гариса, самого молодого и самого старого. На заседание пришло семеро: Пилотсон нес стражу на стенах. Однако комнату заполнили безмолвные слушатели.

— Они не ушли... Но они не рядом с городом... Кроме... кроме некоторых...

Элла Пасфаль говорила хрипло, на горле у нее билась жилка, лицо стало глинисто-серым. Ей лучше всех дальнерожденных удавалось «слушать мысли», как они это называли. Она была способна улавливать челове-

ские мысли на очень далеком расстоянии, непосильном для других, и могла слушать их незаметно для того, кто думал.

«Это запрещено!» — сказал Агат так давно... неделю назад? И теперь он говорил против того, чтобы таким способом узнать, ушли ли гаали от Космопора или нет.

— Мы ни разу не нарушили этого закона, — сказал он теперь. — Ни разу за все время Изгнания! — И еще он сказал: — Мы узнаем, где гаали, как только кончится метель. А пока удвоим стражу на стенах.

Но остальные с ним не согласились и поставили на своем. Увидев, что он отступил, смирился с их решением, Ролери растерялась и расстроилась. Он попытался объяснить ей, почему должен был согласиться. Он сказал, что он не Глава Города и не Глава Совета, что десятерых альтерранов выбирают на время и они управляют все вместе, как равные. Но Ролери не могла этого понять. Либо он главный среди них, либо нет. А если нет, то их всех ждет гибель.

Старуха задержалась в судорогах, глядя перед собой невидящими глазами, и попыталась объяснить словами смутные необъяснимые проблески чуждого сознания, мыслящего на неизвестном языке, выразить краткое неясное ощущение чего-то, чего касались чужие руки.

— ...Я держу... я держу... к-канат... в-веревку, — произнесла она, запинаясь.

Ролери вздрогнула от страха и отвращения. Агат отвернулся от Эллы, замкнувшись в себе.

Наконец Элла замерла и долго сидела опустив голову.

Сейко Эсмит налила церемониальную чашку ча для семи членов Совета и для Ролери. Каждый, едва коснувшись напитка губами, передавал ее соседу, а тот — своему соседу, пока она не опустела. Взяв чашку у Агата, Ролери несколько мгновений изумленно рассматривала ее, прежде чем сделать глоток. Нежно-синяя, тонкая, как цветочный лепесток, она пропускала свет, точно драгоценный камень.

— Гаали ушли, — сказала вслух Элла Пасфаль, поднимая измученное лицо. — Они движутся сейчас по какой-то долине между двумя грядами холмов. Это воспринялось очень четко.

— Гилнская долина, — пробормотал кто-то. — Милях в десяти за Болотами.

— Они бегут от Зимы. Стены города в безопасности.

— Но закон нарушен, — сказал Агат, и его охрипший голос заглушил оживленные радостные возгласы. — Стены всегда можно восстановить. Ну, увидим...

Ролери спустилась с ним по лестнице в обширный Зал Собраний, заставленный длинными столами и скамейками, потому что общая столовая помещалась теперь здесь, под золотыми часами и хрустальными шариками планет, обращающихся вокруг своих солнц.

— Пойдем домой, — сказал он, и, надев длинные меховые куртки с ка-

поюшонами, которые всем выдавали со склада в подвале Общинного Дома, они вышли на Площадь, навстречу слепящему ветру.

Но не прошли они и десяти шагов, как из валящих хлопьев выскочила нелепая белая фигура, вся в красных разводах, и закричала:

— Морские Ворота! Они ворвались в Морские Ворота!

Агат взглянул на Ролери и скрылся за снежной завесой. И почти сразу с башни вверх донеслись гулкие удары металл о металл, только чуть приглушенные снегом. Эти могучие звуки они называли «колоколом», и еще перед осадой все выучили сигналы. Четыре удара, пять ударов и тишина, потом снова пять ударов, и снова, и снова: все воины к Морским Воротам, к Морским Воротам.

Ролери едва успела оттащить вестника с дороги под аркадами Дома Лиги, как из дверей начали выбегать мужчины без курток, натягивая куртки на бегу, с оружием и без оружия. Они ныряли в крутящийся снег и исчезали из виду, не успев пересечь Площадь.

Больше из дверей никто не появлялся. Со стороны Морских Ворот сквозь вой ветра доносился шум, но в этом снежном мире он казался очень далеким. Она стояла под аркой, поддерживая вестника. Из глубокой раны у него на шее текла и текла кровь. Он упал бы, если бы она его отпустила. Его лицо было ей знакомо — альтерран, которого зовут Пилотсон, и она повела его к двери, называя по имени, чтобы он пришел в себя. А он пошатывался от слабости и бормотал, словно еще не сообщил своей вест:

— Они ворвались в Морские Ворота, они в стенах города...

12

Высокие узкие створки Морских Ворот гулко захлопнулись, лязгнули засовы. Битва в снежных вихрях кончилась. Но защитники города оглянулись и сквозь сыплющиеся хлопья увидели на улице, за сугробами в красных пятнах, убегающие тени.

Подняв своих раненых и убитых, они поспешно вернулись на Площадь. В такой буран было бессмысленно высматривать осадные лестницы. На стене уже в десяти шагах все сливалось в непроницаемую муть. Гаальский воин, а может быть, и не один, проскользнул в город под самым носом у часовых и открыл Морские Ворота. Нападение удалось отбить, но в любую минуту в любом месте гаали могли начать новый штурм, бросившись на стены всем скопом.

— Я думаю, — сказал Умаксуман, шагая рядом с Агатом к баррикаде между Тэатором и Колледжем, — я думаю, что гаали почти все ушли сегодня на юг.

Агат кивнул.

— Да, конечно. Если они задержатся, то перемерут от голода. Остался только отряд, чтобы занять город, прикончить нас и жить на наших запахах до Весны. Сколько их, как ты полагаешь?

— Там, у ворот, было не больше тысячи, — с сомнением в голосе произнес теварец. — Но могло остаться больше. И если они перебрались через стены... Смотри! — Умаксуман указал на неясную фигуру, которая быстро метнулась в сторону, когда снежная завеса дальше по улице на мгновение раздвинулась. — Ты туда! — буркнул он и бросился налево.

Агат обошел квартал справа и встретился с Умаксуманом у следующего угла.

— Неудача, — сказал он.

— Удача! — коротко ответил теварец и взмахнул гаальским топором с костяной инкрустацией, которого минуту назад у него не было.

В снежном хаосе у них над головой плыл низкий мелодичный звон колокола на башне Дома Лиги — бом, бом-бом, бом, бом-бом, бом... Уходите на Площадь, на Площадь... Все, кто дрался у Морских Ворот, кто нес дозор на стенах и у Лесных Ворот, кто спал у себя дома или пытался следить за врагом с крыш, пришли или еще шли в сердце города, на Площадь, огражденную четырьмя высокими зданиями. Одного за другим их пропускали за баррикады. Умаксуман и Агат тоже наконец направились туда. Было бы безумием медлить на опустевших улицах, где прятались неясные тени.

— Идем же, альтерран! — настойчиво сказал теварец, и Агат неохотно внял голосу здравого смысла. Так мучительно было оставлять свой город врагу!

Ветер тем временем стих. И порой в странном безмолвии, полном сложного сплетения звуков, люди на Площади улавливали звон бьющегося стекла, удары топора по двери где-то на улицах, уводивших за завесу метели. Многие дома были оставлены незапертыми, и грабители могли проникнуть в них без всякого труда, но их не ждало там ничего, кроме защиты от снега и ветра. Все съестные припасы до последней крошки были сданы в общий фонд в Доме Лиги еще неделю назад. В прошлую ночь вода и природный газ были отключены во всех домах, кроме четырех зданий на Площади. Фонтаны Космопора больше не били, а на кольца сосулек легли высокие снежные шапки. Склады и зернохранилища помещались глубоко под землей, в подвалах и погребах, много лет назад сооруженных под Общинным Домом и Домом Лиги. Остальные дома в городе стояли пустые, холодные, темные, покинутые, ничего не суля врагам.

— Нашего стада им хватит на целый лунокруг. И корм не понадобится: они зарежут всех ханн, а мясо провялят... — Дермат, член Совета, прямо на пороге Дома Лиги обрушил на Агата панические упреки.

— Пусть прежде их поймают! — буркнул Агат.

— О чем ты?

— О том, что несколько минут назад, перед тем как уйти от Морских Ворот, мы открыли хлева и выпустили ханн. Со мной был Паул Пастух, и он проецировал панический страх. Они бросились врассыпную как ошпаренные, и буран замел их следы.

— Ты выпустил ханн? Все стадо? А как же мы проживем Зиму? Если гаали уйдут?

— Неужто сигнал паники, который Паул проецировал на ханн, подействовал и на тебя, Дермат? — вспыхнул Агат. — По-твоему, мы не сумеем собрать собственный скот? Ну, а наши запасы зерна? Охота? Сугробники наконеч? Да что с тобой, черт поберет?

— Джакоб! — тихо сказала Сейко Эсмит, становясь между ними.

Он осознал, что кричит на Дермата, и с усилием взял себя в руки. Но у кого хватит сил, вернувшись после кровавого боя, уговаривать пожилого мужчину, вдруг закатившего истерику? У него отчаянно болела голова. Рана над виском, которую он получил во время одного из налетов на стоянки гаалей, все еще ныла, хотя ей давно было пора затянуться. Из схватки у Морских Ворот он вышел невредимым, но на нем запеклась кровь других людей.

В высокие окна библиотеки, ставни которых были открыты, мягко били снежные хлопья. Наступил полдень, но казалось, что уже смеркается. Внизу была Площадь, защищенная баррикадами с бдительными часовыми, а дальше — покинутые дома, оставленные воинами стены, город снега и теней.

Этот день, день отступления во Внутренний Город и четвертый день осады, они провели за баррикадами, однако ночью, когда метель на время поутихла, по крышам Колледжа наружу выбрались разведчики. К рассвету метель снова разыгралась — а может быть, почти сразу за первым налетом второй буран, — и под прикрытием снегопада и стужи не только мужчины, но и мальчики Космопора начали партизанскую войну на улицах родного города. Они уходили по двое и по трое, крались по улицам, крышам, комнатам — тени среди теней. Они пускали в ход ножи, отравленные дротики, бола. Они врывались в собственные дома и убивали укрывшихся там гаалей — или гаали убивали их.

Агат, который не знал страха высоты, особенно ловко играл в эту игру на крышах. Занесенная снегом черепица стала коварно скользкой, но оттуда легче всего было поражать гаалей дротиками, и он не мог противостоять соблазну, тем более что другие такие же забавы — прятки и салочки на улицах, жмурки в домах — обещали ровно столько же шансов уцелеть или погибнуть.

Шестой день осады, четвертый день бурана: в этот день хлопья сменились снежной крупой — мелкой, редкой, летевшей по ветру горизонтально. Термометры в подвале Общинного Дома, где помещался архив, а теперь был устроен госпиталь, показывали, что температура снаружи равна минус четырем градусам, а анемометр регистрировал порывы ветра со скоростью до шестидесяти миль в час. На улицах творилось что-то ужасное: ветер швырял ледяную крупу в лицо, точно горсти песка, бросал ее в разбитые окна, ставни которых пошли на костры, волнами гнал по расщепленным полам. Если не считать четырех зданий вокруг Площади, в городе не было ни тепла, ни пищи. Гаали переживали буран, забившись в пустые комнаты,

и прямо на полу жгли ковры, разломанные двери, ставни, шкафы. ЕСТЬ им было нечего — все запасы забрала Откочевка. Они ждали, чтобы погода переменилась — тогда можно будет охотиться, а покончив с защитниками города, благоденствовать на его зимних запасах. Но пока буран не стихал, осаждающие голодали.

Они заняли виадук, хотя пользы им от него не было никакой. Дозорные на Башне Лиги наблюдали их единственную нерешительную попытку захватить Риф — град копий и поднятый подъемный мост сразу же положили ей конец. На песок под обрывом они спускаться не решались: по-видимому, зрелище мчащейся к берегу приливной волны внушило им ужас, а о том, когда ее следует ожидать, они не имели никакого представления, так как пришли сюда из внутренних областей материка. Значит, за Риф можно было не опасаться, и тем, кто особенно хорошо владел парачью, удавалось вступать со своими близкими на острове в достаточно тесный контакт для того, чтобы узнать, что там все идет хорошо и любящие отцы могут не волноваться: все дети здоровы. Да, Рифу ничто не грозило. Но в город враги ворвались и заняли его. Более ста его защитников уже убиты, а остальные заперты в четырех домах, как в ловушке. Город снега, теней и крови.

Джакоб Агат, скорчившись, сидел в комнате с серыми стенами. Она была пуста, только на полу валялись присыпанные снегом обрывки войлочного ковра и битое стекло. Дом был погружен в мертвую тишину. Вон там, под окном, раньше лежал тюфяк... Ролери разбудила его на рассвете в тот единственный раз, когда они вместе ночевали в его доме, где он сейчас прячется, точно чужой. С горькой нежностью он прошептал ее имя. Когда-то... так давно, так давно — дней двенадцать назад — он сказал, что не может жить без нее, а сейчас у него ни днем, ни ночью не выпадало минуты, чтобы даже вспомнить о ней. «Ну, так я буду думать о ней сейчас, дай мне хотя бы думать о ней!» — яростно бросил он глухой тишине, но подумал только, что они родились не в ту пору, в неположенный срок. Нельзя начинать любить, когда приходит время смерти.

Ветер заунывно свистел в разбитых окнах. Агата пробрала дрожь. Весь день ему было то жарко, то холодно. Термометр продолжал опускаться, и у тех, кто отправлялся на вылазки по крышам, кожа теряла чувствительность, покрывалась болячками — старики называли это «обмораживанием». Двигаясь, он чувствовал себя лучше. А думать не надо — что толку. По привычке он направился к двери, но тут же спохватился и на цыпочках подошел к окну, через которое влез в комнату. На первом этаже соседнего дома обосновались гаали. Сверху Агату была видна спина одного из них, мускулистая согнутая шея, очень белая под грязью. И волосы у них были светлые, только вымазанные какой-то темной смолой. Странно, что, в сущности, он не знает, как выглядят его враги. Мечешь издалека дротик, наносишь удар и убегаешь или, как в схватке у Морских Ворот, дерешься врукопашную, еле успевая наносить и отражать удары — тут уж некогда разглядывать. А какие у них глаза? Тоже коричневатые

или золотистые, как у теварцев? Нет, как будто серые... Но сейчас не время выяснять это. Он вспрыгнул на подоконник, подтянулся на карниз и ушел из своего дома по крыше.

На обычном пути к Площади его ждала засада — гаали тоже начали выбираться на крыши. Он быстро ускользнул от всех преследователей, кроме одного. Но этот, сжимая в руке духовую трубку, следом за ним перемаяхнул через широкий провал между домами, который остановил остальных. Агату пришлось спрыгнуть в боковой проход. Он упал, вскочил и кинулся по улице Эсмит к баррикаде. Дозорный высматривал появление таких беглецов и сразу сбросил веревочную лестницу. Агат взлетел по ней наверх, но уже на баррикаде ему в правую руку впился дротик. Он спрыгнул за баррикаду, вырвал дротик, высосал ранку и сплюнул. Гаали не отравляли своих дротики и стрел, но они подбирали и снова использовали дротики космопорцев, в том числе и отравленные. Наглядная демонстрация одной из причин установления Закона о культурном эмбарго. Агат пережил очень скверные две минуты, ожидая, что вот-вот начнутся судороги, потом решил, что ему повезло, и тут же глубокая ранка над запястьем заболела очень сильно. Сможет ли он теперь стрелять как следует?

В Зале-Собраний под золотыми часами раздавали обед. Он ничего не ел с рассвета и изнывал от голода, пока не сел за стол с тарелкой горячей бханы и солонины. Тут он почувствовал, что не может проглотить ни куска. Разговаривать ему тоже не хотелось, но это было все-таки лучше, чем есть, и он отвечал на вопросы тех, кто собрался вокруг него, и сам расспрашивал их. Затем на башне над их головой раздался набат — еще один штурм.

Как обычно, гаали бросались то на одну баррикаду, то на другую, и, как обычно, без особого толку. Вести настоящий штурм в такую непогоду было невозможно. И эти короткие налеты в сумерках они устраивали только в надежде, что хотя бы одному-двум воинам удастся проникнуть за баррикаду, воспользовавшись тем, что внимание ее защитников отвлечено, перебежать через Площадь и открыть выходящие на улицу массивные чугунные двери Общинного Дома. С наступлением темноты нападавшие отступили, и вскоре лучники, стрелявшие из окон верхнего этажа Колледжа и Общинного Дома, крикнули, что на улицах вокруг никого нет. Как обычно, двое-трое защитников баррикады были ранены или убиты — пушенная снизу стрела достала арбалетчика в верхнем окне, мальчик, который взобрался на самый верх баррикады, чтобы точнее попадать в цель, был тяжело ранен в живот копьем с железным наконечником, остальные отделились царапинами и синяками. Каждый день число раненых и убитых увеличивалось, и все меньше оставалось тех, кто охранял баррикады и сражался. Слишком их было мало даже для малых потерь...

Когда Агат вернулся с баррикады, ему опять было жарко и его знобило. Почти все, кого набат оторвал от обеда, вернулись за свои столы, но Агату даже запах еды вдруг стал противен, и, заметив, что ранка на запястье снова начала кровоточить, он воспользовался этим предлогом, что-

бы уйти и спуститься в подвал Общинного Дома — пусть костоправ забинтует ее как следует.

В этом огромном зале с низким потолком всегда поддерживалась одна и та же температура, и круглые сутки он освещался мягким ровным светом. Отличное помещение, чтобы хранить старинные инструменты, карты и папки с документами, — и отличное помещение для раненых. Они лежали на тюфяках, разостланных поверх войлочного ковра, крохотные островки сна и боли среди глубокой тишины длинного зала. И он увидел, что надежда его не обманула и между ними навстречу ему идет его жена. Он смотрел на нее — живую, реальную — и не испытывал той горькой нежности, которую вызывали в нем мысли о ней, а просто радовался.

— Здравствуй, Ролери, — буркнул он и, сразу отвернувшись от нее к Сейко и костоправу Воттоку, спросил, как себя чувствует Гуру Пилотсон. Он не знал, что делать с переполнявшим его восторгом, и не мог ни заглушить его, ни справиться с ним.

— Его рана пухнет, — шепотом сказал Вотток, и Агат удивленно посмотрел на него, не сразу сообразив, что он говорит о Пилотсоне.

— Пухнет? — повторил он с недоумением и, подойдя к тюфяку Пилотсона, опустился рядом с ним на колени.

Глаза Пилотсона были устремлены прямо на него.

— Ну, как дела, Гуру?

— Ты совершил опасную ошибку, — сказал раненый.

Они знали друг друга с рождения и были друзьями всю жизнь. Агат сразу понял, о чем думает Пилотсон — о его женитьбе. Но он не нашелся, что ответить.

— Ну, какая разница... — начал он наконец и тут же умолк. Нет, он не станет оправдываться.

— Мало, слишком мало, — сказал Пилотсон.

И только тут Агат понял, что сознание его друга помрачено.

— Все хорошо, Гуру! — сказал он с такой властной твердостью, что Пилотсон глубоко вздохнул и закрыл глаза, словно эти слова его успокоили. Агат встал и вернулся к Воттоку. — Перевяжи мне, пожалуйста, руку, чтобы остановить кровь. А что с Пилотсоном?

Ролери принесла полоску ткани и пластырь. Вотток быстро и ловко забинтовал руку Агата и ответил на его вопрос:

— Я не знаю, альтерран. По-видимому, гаали пользуются ядами, которых наши противоядия не нейтрализуют. Я перепробовал их все. И Гуру Пилотсон не один стал их жертвой. Вот погляди на этого мальчика. С ним то же самое.

Мальчик, которому не минуло и пятнадцати лунокругов, стонал и метался точно в кошмаре. В одной из уличных вылазок его ранили копьем в бедро. Кровь давно остановили, однако под кожей от раны тянулись багровые полосы, а сама она выглядела странно и была очень горячей на ощупь.

— Ты перепробовал все противоядия? — повторил Агат, отводя глаза от искаженного мальчишеского лица.

— Все до единого. А помнишь, альтерран, как в начале Осени ты загнал на дерево клойса и он тебя исцарапал? Эти царапины были похожи на его рану. Может быть, гаали изготавливают яд из крови или желез клойсов. И его рана заживет, как твои царапины. Да, вот шрам... — Вотток повернулся к Сейко и Ролери и объяснил: — Когда он был не старше этого мальчишка, он залез на дерево за клойсом, а тот зацепил его когтями. Ранки были пустяковые, но они распухли, рука стала горячей, и он очень плохо себя чувствовал. Однако через несколько дней все зажило.

— Эта рана не заживет, — тихо сказала Ролери Агату.

— Почему ты так думаешь?

— Раньше я... иногда ходила со знахаркой нашего клана. И кое-чему научилась... Полоски у него на ноге... такие полоски называются тропами смерти.

— Значит, ты знаешь этот яд, Ролери?

— Это не яд. Так может случиться с каждой глубокой раной. И даже с самой маленькой, если кровь не течет, а в нее попала грязь. Огонь, заженный оружием!

— Суеверные выдумки! — гневно перебил старый врач.

— Оружие не зажигает в нас огня, Ролери, — объяснил Агат, бережным движением отводя ее от рассерженного старика. — Мы не...

— Но ведь он горит и в мальчике, и в Пилотсоне! И погляди сюда...

Она повела его к тюфяку, на котором сидел раненый теварец, добродушный пожилой человек. Он охотно позволил Агату осмотреть под волосами место, где было его ухо, которое отрубил гаальский топор. Рана подживала, но она распухла, была горячей и из нее что-то сочилось.

Агат машинально прижал ладонь к виску, к собственной ноющей ране, которую не удосужился даже перевязать.

К ним подошел Вотток. Свирепо поглядев на ни в чем не повинного теварца, он сказал:

— Местные врасу называют «огнем от оружия» инфекции, возникающие, когда в кровь попадают микроорганизмы. Ты изучал это в школе, Джакоб. Поскольку люди иммунны к местным бактериям и вирусам, нам опасны только повреждения жизненно важных органов, большая потеря крови или химические яды, но от них у нас есть противоядия...

— Но ведь мальчик умирает, Старейшина, — перебила Ролери с мягким упорством. — Рану зашили, не промыв...

Старый врач задохнулся от бешенства.

— Иди к своим сородичам и не учи меня, как надо лечить людей...

— Довольно! — сказал Агат.

Наступило молчание.

— Ролери! — сказал Агат. — Если ты сейчас здесь не очень нужна, то, может, мы могли бы пойти... — он чуть было не сказал «пойти домой», — ...поесть чего-нибудь, — закончил он растерянно.

Они надели куртки и через неосвещенную Площадь, где завывал ветер, пошли к зданию Колледжа. Там они ночевали в классной комнате вместе с двумя другими парами. Большие спальни в Общинном Доме были удобнее, но почти все супружеские пары, если только жена не ушла на Риф, устроились в Колледже, предпочитая хотя бы такое подобие уединения. Одна женщина, укрывшись курткой, уже крепко спала за сдвинутыми партами. К разбитым окнам для защиты от дротиков, стрел и ветра были придвинуты поставленные на ребро столы. Агат и его жена постелили куртки на голый пол. Но Ролери не позволила ему сразу уснуть: она зачерпнула с подоконника чистый снег и промыла им раны у него на голове и руке. Ему было больно, и он, обессиленный усталостью, раздраженно потребовал, чтобы она перестала, но она ответила:

— Ты — альтерран, ты не болеешь, но от этого не будет вреда. Никакого вреда от этого не будет.

13

В холодном мраке пыльной комнаты Агат в бредовом сне иногда начинал говорить вслух, а потом, когда она заснула, он позвал ее из глубины собственного сна, через черную бездну, повторяя ее имя и словно уходя все дальше и дальше. Его голос ворвался в ее дремоту, и она проснулась. Было еще темно.

Утро наступило рано: по краям заслонявших окна столов загорелся серебряный ореол, на потолок легли светлые полосы. Женщина, которая спала, когда они накануне пришли сюда, продолжала спать мертвым сном безмерного утомления, но муж и жена, устроившиеся на одном из столов, чтобы избежать сквозняка, уже проснулись. Агат приподнялся, сел, поглядел по сторонам и хрипло, растерянно сказал:

— Метель кончилась...

Чуть-чуть отодвинув стол, загораживающий ближайшее окно, они выглянули наружу и вновь увидели мир: истоптанный снег на Площади, сугробы, венчающие баррикады, фасады трех величественных зданий справа, слева и напротив, слепо глядящих закрытыми ставнями, заснеженные крыши позади них и кусочек моря. Бело-голубой мир, купающийся в прозрачном свете, — голубые тени в сверкающей белизне повсюду, куда уже достигли лучи раннего солнца.

Этот мир был прекрасен, но они были беззащитны в нем, словно ночью рухнули укрывавшие их стены.

Агат подумал то же, что думала она, так как он сказал:

— Идемте в Дом Лиги, пока еще они не сообразили, что могут спокойно расположиться на крышах и тренироваться на нас в стрельбе по мишеням.

— Можно пользоваться туннелями, соединяющими все здания, — сказал мужчина, прыгивая со своего стола.

Агат кивнул.

— Мы и будем ими пользоваться, но на баррикады по туннелю не доберемся...

Ролери медлила, пока остальные не ушли, а тогда настояла, чтобы Агат позволил ей еще раз осмотреть рану над виском. Рана выглядела получше... или, во всяком случае, не хуже. На его лице еще не зажили следы ударов ее родичей, а ее руки были все в ссадинах от камней и веревок, в болячках, воспалившихся от холода. Она прижала свои истерзанные руки к его истерзанной голове и засмеялась.

— Мы точно два старых воина, — сказала она. — Джакоб Агат, когда мы уйдем в страну под морем, твои передние зубы вырастут снова?

Он непонимающе посмотрел на нее и попробовал улыбнуться, но у него ничего не получилось.

— Может быть, когда умирает дальнерожденный, он возвращается на звезды... в другие миры, — сказала она и перестала улыбаться.

— Нет, — ответил он и встал. — Нет, мы остаемся здесь. Ну, так идем, жена моя.

Хотя и солнце, и небо, и снег сияли ослепительным блеском, воздух снаружи стал таким холодным, что было больно дышать. Они торопливо шли к аркаде Дома Лиги, как вдруг позади них раздался шум. Агат схватился за дротикомет, и они обернулись, готовые броситься в сторону. Странная вопиющая фигура словно взлетела над баррикадой и рухнула вперед головой в снег почти рядом с ними. Гааль! С двумя копиями в груди. Дозорные на баррикаде махали руками и вопили. Арбалетчики торопливо натягивали тетиву своего оружия и, задрав головы, смотрели на восточную стену здания над собой — из-за ставней окна на верхнем этаже выглядывал какой-то человек и что-то кричал им. Мертвый гааль лежал ничком на истоптанном окровавленном снегу в голубой тени баррикады.

Один из дозорных подбежал к Агату.

— Альтерран! Они, наверное, сейчас все кинутся на приступ...

Но его перебил человек, выскочивший из дверей Колледжа.

— Нет! Я видел этого! Этот гнался за ним, оттого он и вопил так...

— Кого ты видел? Он что, бросился на приступ в одиночку?

— Он убегал от этого, спасал свою жизнь. А вы там с баррикады разве его не видели? Не удивительно, что он так вопил! Весь белый, бежит, как человек, а шея, альтерран... шея вот такая! Выскочил из-за угла следом за ним, а потом повернул обратно.

— Снежный дьявол, — сказал Агат и посмотрел на Ролери, ища подтверждения. Она кивнула — ведь она не раз слышала рассказ Вольда.

— Белый, и высокий, и голова мотается из стороны в сторону... — она повторила жутковатую пантомиму Вольда, и человек, который видел зверя из окна, воскликнул:

— Да-да!

Агат взобрался на баррикаду взглянуть, не покажется ли снежный дьявол еще раз. Ролери осталась внизу. Она смотрела на мертвеца. В каком же он был ужасе, что, ища спасения, кинулся на вражеские копыя! Она впервые видела гаалю так близко — пленных не брали, а она почти все время проводила в подземной комнате, ухаживая за ранеными. Гааль был коротконогий и очень худой. Кожа еще блее, чем у нее, и натерта жиром так, что лоснится. В намазанные смолой волосы вплетены алые перья. Не одежда, а одни лохмотья, кусок войлока вместо куртки. Мертвец лежал, раскинув руки и ноги, как застигла его внезапная смерть, уткнувшись лицом в снег, словно все еще старался спрятаться от белого зверя, который гнался за ним... Ролери неподвижно стояла возле него в холодной светлой тени баррикады.

— Вон он! — закричал над ней Агат со ступенчатой внутренней стороны баррикады, сложенной из тесаных брусьев уличной мостовой и камней с береговых утесов.

Он спустился к ней, его глаза блестели. Торопливо шагая рядом с ней к Дому Лиги, он говорил:

— На одну секунду он все-таки показался. Перебежал улицу Отейка. На бегу он мотнул головой в нашу сторону. Они охотятся стаями?

Ролери не знала. Она знала только излюбленный рассказ Вольда о том, как он один убил снежного дьявола среди мифических снегов прошлой Зимы. Они вошли в переполненную столовую, и Агат, сообщив о случившемся, задал тот же вопрос. Умаксуман сказал твердо, что снежные дьяволы часто бегают стаями, но дальнерожденные, конечно, не могли положиться на слова врасу и пошли справиться со своими «книгами». Книга, которую они принесли в столовую, сказала, что после первого бурана Девятой Зимы были замечены снежные дьяволы, бежавшие стаей из двенадцати—пятнадцати особей.

— А как говорят книги? У них же нет голоса. Это вроде мысленной речи, вот как ты говоришь со мной?

Агат посмотрел на нее. Они сидели за одним из длинных столов в Зале Собраний и, обжигаясь, пили жидкий травяной суп, который так любят дальнерожденные. Ча — называют они его.

— Нет... А впрочем, да, отчасти. Слушай, Ролери. Я сейчас уйду на баррикаду, а ты возвращайся в госпиталь. Не обращай внимания на воркотню Воттока. Он стар и переутомлен. Но он очень много знает. Если тебе понадобится сходить в другое здание, иди не через Площадь, а по туннелю. Вдобавок к гаальским лучникам еще эти твари... — Он как будто засмеялся. — Что дальше, хотел бы я знать!

— Джакоб Агат, можно, я спрошу...

За то короткое время, которое она его знала, ей так и не удалось распутать, сколько кусков в его имени и какие она должна употребить.

— Я слушаю, — сказал он очень серьезно.

— А почему ты не говоришь на мысленной речи с гаалями? Вели им,

чтобы... чтобы они ушли. Как ты велел мне на песках, чтобы я бежала к Рифу. Как ваш пастух велел ханнам...

— Люди ведь не ханны, — ответил он, и ей вдруг пришло в голову, что из них всех только он и ее соплеменников, и своих соплеменников, и гаалей равно называет людьми.

— Старая... Элла Пасфаль... она же слушала гаалей, когда их большое войско двинулось на юг.

— Да. Люди, обладающие этим даром и умеющие им пользоваться, способны даже на расстоянии слышать чужие мысли так, что тот, кто их думает, ничего не замечает. Ну, как в толпе ощущаешь общий страх или общую радость. Конечно, это много проще, чем слышать мысли, но все-таки есть и общее — отсутствие слов. А мысленная речь и восприятие мысленной речи — это совсем другое. Нетренированный человек, если ему передать, сразу замкнет свое сознание, так и не поняв, что он что-то слышит. Особенно если передается не то, чего он сам хочет или во что верит. Обычно те, кто не учился параобщению, обладают полнейшей защитой от него. Собственно говоря, обучение параобщению сводится главным образом к отработке способов разрушать собственную защиту.

— А животные? Ведь они слышат?

— В какой-то степени. Но опять-таки слова здесь отсутствуют. У некоторых людей есть способность проецировать на животных. Очень полезное свойство для охотников и пастухов, ничего не скажешь. Разве ты не слышала, что дальнерожденные — очень удачливые охотники?

— Да. Потому их и называют чародеями. Но, значит, я похожа на ханну? Я слышала тебя.

— Да. И ты передала мне... Один раз в моем доме... Так иногда бывает между двумя людьми — исчезают все барьеры, вся защита. — Он допил свой чай и задумчиво уставился на узор солнца и сверкающих планет на длинной стене напротив. — В таких случаях необходимо, чтобы они любили друг друга. Необходимо... Я не могу проецировать гаалам мой страх, мою ненависть. Они не услышат. Но если бы я начал проецировать их на тебя, то мог бы тебя убить. А ты меня, Ролери...

Тут пришли и сказали, что его ждут на Площади, и он должен был уйти от нее. Она спустилась в госпиталь, чтобы ухаживать за лежащими там теварцами, как ей было поручено, и чтобы помочь раненому дальнерожденному мальчику умереть. Это была тяжелая смерть, и длилась она весь день. Вотток позволил ей сидеть с мальчиком. Убедившись, что все его знания бесполезны, старый врач то угрюмо и горько смирялся с неизбежным, то впадал в ярость.

— Мы, люди, не умираем вашей мерзкой смертью! — крикнул он один раз в бессильной злобе. — Просто у него какой-то врожденный порок крови!

Ей было все равно, что бы он ни говорил. Все равно было и мальчику, который умер в мучениях, сжимая ее руку.

В большой тихий зал приносили новых раненых — по одному, по двое.

Только поэтому она знала, что наверху, на снегу, под яркими лучами солнца идет ожесточенный бой. Принесли Умаксумана. Ему в голову попал камень из гаальской пращи, и он лежал без движения, могучий, красивый. Она смотрела на него с тоскливой гордостью — бесстрашный воин, ее брат. Ей казалось, что его смерть близка, но через некоторое время он сел на тюфяке, встряхнул головой и встал.

— Это что еще за место? — спросил он громким голосом, и, отвечая ему, она чуть не засмеялась. Детей Вольда убить нелегко!

Он рассказал ей, что гаали без передышки осаждают четыре баррикады разом, совсем как у Лесных Ворот, когда они всей толпой ринулись к стенам и лезли на них по плечам друг друга.

— Воины они глупые, — сказал он, потирая большую шишку над ухом. — Если бы у них хватило ума неделю сидеть на крышах вокруг этой Площади и пускать в нас стрелы, у нас не осталось бы людей, чтобы защищать баррикады. Но они только и умеют, что наваливаться всей ордой и вопить...

Он опять потерял шишку, сказал: «Куда дели мое копье?» — и ушел сражаться.

Убитых сюда не приносили, их складывали под навесом на Площади, чтобы потом предать сожжению. Может быть, Агата убили, а она об этом не знает... Каждый раз, когда по ступенькам спускались носильщики с новым раненым, в ней вспыхивала надежда: если это раненый Агат, то он жив! Но каждый раз она видела на носилках другого человека. А когда он будет убит, коснется ли его мысль ее мысли в последнем зове? И может быть, этот зов ее убьет?

На исходе нескончаемого дня принесли старуху Эллу Пасфаль. Она и еще несколько дальнерожденных ее возраста потребовали, чтобы им поручили опасную обязанность подносить оружие защитникам баррикад. А для этого надо было перебежать Площадь, обстреливаемую врагом. Гаальская стрела насквозь пронзила ее шею от плеча до плеча. Воток ничем не мог ей помочь. Маленькая, черная, очень старая женщина лежала, умирая, среди молодых мужчин. Пойманная ее взглядом, Ролери подошла к ней, так и держа тазик с кровавой рвотой. Суровые, темные, непроницаемые, как камень, старые глаза пристально смотрели на нее, и Ролери ответила таким же пристальным взглядом, хотя среди ее сородичей это было не в обычае.

Забинтованное горло хрипело, губы дергались.

«Разрушить собственную защиту...»

— Я слушаю, — дрожащим голосом произнесла Ролери вслух ритуальную фразу своего племени.

«Они уйдут, — сказал в ее мыслях слабый, усталый голос Эллы Пасфаль. — Попытаются догнать тех, кто ушел на юг раньше. Они боятся нас, боятся снежных дьяволов, домов, улиц. Они полны страха и уйдут после этого последнего усилия. Скажи Джакобу. Я слышу их. Скажи Джакобу... они уйдут... завтра...»

— Я скажу ему, — пробормотала Ролери и заплакала.

Умирающая женщина, которая не могла ни двигаться, ни говорить, смотрела на нее. Ее глаза были как два темных камня.

Ролери вернулась к своим раненым, потому что за ними надо было ухаживать, а других помощников у Воттока не было. Да и зачем идти разыскивать Агата там, на кровавом снегу, среди шума и суматохи, чтобы перед тем, как его убьют, сказать ему, что безумная старуха, умирая, говорила, будто они уцелеют?

Она занималась своим делом, а слезы все катились и катились по ее щекам. Ее остановил один дальнерожденный, который был ранен очень тяжело, но получил облегчение после того, как Вотток дал ему свое чудесное снадобье — маленький шарик, ослаблявший или вовсе прогонявший боль. Он спросил:

— Почему ты плачешь?

Он спросил это с дремотным любопытством, как спрашивают друг друга малыши.

— Не знаю, — ответила она. — Попробуй уснуть.

Однако она, хотя и смутно, знала причину своих слез: все эти дни она жила, смирившись с неизбежным, и внезапная надежда жгла ее сердце мучительной болью, а так как она была всего лишь женщиной, боль заставляла ее плакать.

Тут, внизу, время стояло на месте, но день все-таки, наверное, близился к концу, потому что Сейко Эсмит принесла на подносе горячую еду для нее с Воттоком и для тех раненых, кто был в силах есть. Она осталась ждать, чтобы унести пустые плошки, и Ролери сказала ей:

— Старая Элла Пасфаль умерла.

Сейко только кивнула. Лицо у нее было какое-то сжавшееся и странное. Пронзительным голосом она произнесла:

— Они теперь мечут зажженные копья и бросают с крыш горящие poleнья и тряпье. Взять баррикады они не в состоянии и потому решили сжечь здания вместе со складами, а тогда мы все вместе умрем голодной смертью на снегу. Если в Доме начнется пожар, вы здесь окажетесь в ловушке и сгорите заживо.

Ролери ела и молчала. Горячая бхана была сдобрена мясным соком и мелко нарубленными душистыми травами. Дальнерожденные в осажденном городе стряпали вкуснее, чем ее родичи в пору Осеннего Изобилия. Она выскребла свою плошку, доела кашу, оставленную одним раненым, подобрала остатки еще с двух плошек, а затем отнесла поднос Сейко, жалея, что не нашлось еще.

Потом очень долго к ним никто не спускался. Раненые спали и стонали во сне. Было очень тепло: жар газового пламени уютно струился через решетки, словно от очажной ямы в шатре. Сквозь тяжелое дыхание спящих до Ролери иногда доносилось прерывистое «тик-тик-тик» круглолицых штук на стенах. И они, и стеклянные ларцы по сторонам комнаты, и высо-

кие ряды «книг» играли золотыми и коричневыми отблесками в мягком ровном свете газовых факелов.

— Ты дала ему анальгетик? — шепнул Вотток, и она утвердительно пожала плечами, встала и отошла от раненого, возле которого сидела.

Старый костоправ за эти дни словно стал на половину Года старше, подумала Ролери, когда он сел рядом с ней у стола, чтобы нарезать еще бинтов. А знахарь он великий! И видя его усталость и уныние, она сказала, чтобы сделать ему приятное:

— Старейшина, если рану заставляет гнить не огонь от оружия, то что?

— Ну... особые существа. Зверюшки, настолько маленькие, что их не видно. Показать их тебе я мог бы только в специальное стекло, вроде того, которое стоит вон в том шкафу. Они живут почти повсюду. И на оружии, и в воздухе, и на коже. Если они попадают в кровь, тело вступает с ними в бой — от этого раны распухают и происходит все остальное. Так говорят книги. Но как врачу мне с этим иметь дело никогда не приходилось.

— А почему эти зверюшки не кусают дальнерожденных?

— Потому что не любят чужих! — Вотток невесело усмехнулся своей шутке. — Мы ведь здесь чужие, ты знаешь. Мы даже не способны усваивать здешнюю пищу, и нам для этого приходится время от времени принимать особые ферментирующие вещества. Наша химическая структура самую чуточку отклоняется от здешней нормы, и это сказывается на цитоплазме... Впрочем, ты не знаешь, что это такое. Ну, короче говоря, мы сделаны не совсем из такого материала, как вы, врасу.

— И потому у вас темная кожа, а у нас светлая?

— Нет, это значения не имеет. Чисто поверхностные различия — цвет кожи, волос, радужной оболочки глаз и прочее. А настоящее отличие спрятано очень глубоко, и оно крайне мало — одна-единственная молекула во всей цепочке, — сказал Вотток со вкусом, увлекаясь собственными объяснениями. — Тем не менее вас, врасу, можно отнести к Обыкновенному Гуманоидному Типу. Так записали первые колонисты, а уж они-то это знали. Однако такое различие означает, что браки между нами всегда будут бесплодными, что мы не способны усваивать местную органическую пищу без помощи дополнительных ферментов, а также не реагируем на ваши микроорганизмы и вирусы... Хотя, честно говоря, роль ферментирующих веществ преувеличивают. Стремление во всем следовать примеру Первого Поколения где-то начинает превращаться в чистойшей воды суеверия. Я видел людей, возвращавшихся из длительных охотничьих экспедиций... не говоря уж о беженцах из Атлантики прошлой Весной. Ферментные таблетки и ампулы кончились у них за два-три лунокруга до того, как они перебрались к нам, а пищу, между прочим, их организмы усваивали без малейших затруднений. В конце-то концов жизнь имеет тенденцию адаптироваться...

Вотток вдруг умолк и уставился на нее странным взглядом. Она почувствовала себя виноватой, потому что ничего не поняла из его объяснений — всех главных слов в ее языке не было.

— Жизнь... что? — робко спросила она.

— Адаптируется. Приспосабливается. Меняется! При достаточном воздействии и достаточном числе поколений благоприятные изменения, как правило, закрепляются... Быть может, солнечное излучение мало-помалу вызывает приближение к местной биохимической норме... В таком случае все эти преждевременные роды и мертворожденные младенцы представляются собой издержки адаптации или же результат биологической несовместимости матери и изменяющегося эмбриона... — Вотток перестал размахивать ножицами и склонился над бинтами, но тут же опять поднял на нее невидящий сосредоточенный взгляд и пробормотал: — Странно, странно, странно! Это означает, знаешь ли, что перекрестные браки перестанут быть стерильными.

— Я снова слушаю, — прошептала Ролери.

— ...что от браков людей и врасу будут рождаться дети!

Эти слова она поняла, но ей осталось непонятно, сказал ли он, что так будет, или что он этого хочет, или что этого боится.

— Старейшина, я глупа и не слышу тебя, — сказала она.

— Ты прекрасно его поняла! — раздался рядом слабый голос. Пилотсон альтернан лежал с открытыми глазами. — Так ты думаешь, что мы в конце концов все-таки стали каплей в ведре, Вотток? — Пилотсон приподнялся на локте. Темные глаза на исхудалом воспаленном лице лихорадочно блестели.

— Раз у тебя и у некоторых других раны загноились, это надо как-то объяснить.

— Ну, так будь проклята адаптация! Будь прокляты твои перекрестные браки и нормально рождающиеся ублюдки! — крикнул раненый, глядя на Ролери. — До тех пор, пока мы не смешивали своей крови с чужой, мы представляли Человечество. Мы были изгнанниками, альтерранами, людьми! Верными знаниям и законам Человека! А теперь, если браки с врасу будут давать потомство, не пройдет и Года, как наша капля человеческой крови исчезнет без следа. Разжижится, растворится, превратится в ничто. Никто не будет пользоваться этими инструментами и читать эти книги. Внуки Джакоба Агата будут до скончания века сидеть, стуча камнем о камень, и вопить... Будьте вы прокляты, глупые дикари! Почему вы не можете оставить нас в покое, в покое!

Он трясся от озноба и ярости. Старый Вотток, который тем временем наливал что-то в один из своих маленьких пустых внутри дротиков, нагнулся и ловко всадил дротик в руку бедного Пилотсона чуть пониже плеча.

— Ляг, Гуру, — сказал он, и раненый послушался. На его лице была растерянность.

— Мне все равно, если я умру от ваших паршивых вирусов, — сказал он сипнувшим голосом. — Но своих проклятых ублюдков держите отсюда подальше, подальше от... от Города...

— Это его на время успокоит, — сказал Вотток со вздохом и замолчал.

А Ролери снова взялась за бинты. Такую работу она выполняла ловко и быстро. Старый доктор следил за ней, и лицо его было хмурым и задумчивым.

Когда она выпрямилась, чтобы дать отдохнуть спине, то увидела, что старик тоже заснул — темная кучка костей и кожи в углу позади стола. Она продолжала работать, размышляя, верно ли она поняла его и правду ли он говорил — что она может родить Агату сына.

Она совсем забыла, что Агат, возможно, уже лежит убитый. Она сидела среди погруженных в сон раненых, под гибнущим городом, полным смерти, и думала о том, что сулила им жизнь.

14

Вечер принес с собой стужу. Снег, подтаявший под солнечными лучами, смерзся в скользкую ледяную корку. Прячась на соседних крышах и чердаках, гаали пускали и пускали свои вымазанные смолой стрелы, и они проносились в холодном сумрачном воздухе, точно ало-золотые огненные птицы. Крыши четырех осажденных зданий были медными, стены — каменными, и пламя бессильно угасало. Баррикады уже никто не пытался брать приступом. Прекратился и дождь стрел — и с железными, и с огненными наконечниками. С верха баррикады Джакоб Агат смотрел на пустые темнеющие улицы между темными домами.

Осажденные приготовились к ночному штурму — положение гаалей, несомненно, было отчаянным. Но холод все усиливался. Наконец Агат назначил дозорных, а остальных отправил с баррикад заняться своими ранами, поесть и отдохнуть. Если им трудно, то гаалам должно быть еще труднее — они хотя бы одеты тепло, а гаали совсем не защищены от такого холода. Даже отчаяние не выгонит северян, кое-как укутанных в обрывки шкур и войлока, под этот страшный прозрачный свет льдистых звезд. И защитники уснули — кто прямо на своих постях, кто вповалку в вестибюлях, кто под окнами вокруг костров, разведенных на каменном полу высоких каменных комнат, а их мертвые лежали, окостенев, на оледенелом снегу у баррикад.

Агат не мог спать. Он не мог уйти в теплую комнату и оставить Площадь. Весь день они сражались здесь не на жизнь, а на смерть, но теперь Площадь лежала в глубоком безмолвии, а над ней горели созвездия Зимы — Дерево, и Стрела, и пятизвездный След, а над восточными крышами пылала сама Снежная Звезда. Звезда Зимы. Они сверкали кристаллами льда в глубокой холодной черноте ночи.

Он знал, что эта ночь — последняя. Может быть, его последняя ночь, может быть, его города, а может быть, осады. Три исхода. Но как выпадет жребий, он не знал. Шли часы. Снежная Звезда поднималась все выше, Площадь и улицы вокруг тонули в безмерной тишине, а в нем росло и росло странное упоение, непонятное торжество. Они спали, враги, замкну-

тые стенами города, и казалось, бодрствует лишь он один, а город принадлежит ему со всеми спящими, со всеми мертвецами — ему одному. Это была его ночь.

И он не стал коротать ее, запертый в ловушке внутри ловушки. Предупредив сонного часового, он поднялся на баррикаду перед улицей Эсмит и спустился с другой стороны.

— Альтерран! — крикнул кто-то вслед ему хриплым шепотом, но он только обернулся, жестом показал, чтобы они держали веревку наготове к его возвращению, и пошел вперед по самой середине улицы. Он чувствовал себя неуязвимым, и не подчиниться этому ощущению — значило накликать неудачу. И он шагал по темной улице среди врагов так, словно вышел погулять после обеда.

Он прошел мимо своего дома, но не свернул к нему. Звезды исчезали за черными островерхими крышами и снова появлялись, зажигая искры во льду под ногами. Потом улица сузилась, чуть повернула между домами, которые стояли пустые, еще когда Агат не родился, и вдруг завершилась небольшой площадью перед Лесными Воротами. Катапули еще стояли на своем месте, но гаали начали их ломать и разбирать на топливо. Возле каждой чернела куча камней. Створки высоких ворот, распахнувшиеся в тот день, теперь были снова заперты и крепко примерзли к земле. Агат поднялся по лестнице надвратной башни и вышел на дозорную площадку. Он вспомнил, как перед самым началом снегопада стоял здесь и видел внизу идущее на приступ гаальское войско — ревущую толпу, которая накатывалась, точно волна прилива на пески, грозя смести перед собой все. Будь у них больше лестниц, осада кончилась бы тогда же... А теперь нигде ни движения, ни звука. Снег, безмолвие, звездный свет над гребнем и над мертвыми оледенелыми деревьями, которые его венчают.

Он повернулся и посмотрел на Град Изгнания — на маленькую кучку крыш, уходящих вниз от его башни к стене над обрывом. Над этой горсткой камня звезды медленно склонялись к западу. Агат сидел неподвижно, ощущая холод даже под одеждой из крепкой кожи и пушистого меха, и тихо-тихо насвистывал плясовой мотив.

Наконец запоздалое утомление бесконечного дня нахлынуло на него, и он спустился со своей вышки. Ступеньки оледенели. На предпоследней он поскользнулся, уцепился за каменный выступ, чтобы удержаться, и краем глаза уловил какое-то движение по ту сторону маленькой площади.

Из черного провала улицы между двумя домами приближалось что-то белое, чуть поднимаясь и опускаясь, словно волна в ночной тьме. Агат смотрел и не понимал. Но тут оно выскочило на площадь — что-то высокое, тощее, белое быстро бежало к нему в смутном свете звезд, точно человек. Голова на длинной изогнутой шее покачивалась из стороны в сторону. Приближаясь, оно издало хрипловатое чирikanье.

Дротикомет он взвел, еще когда спрыгнул с баррикады, но рука плохо слушалась из-за раны в запястье, а пальцы в перчатке плохо гнулись. Он

успел выстрелить, и дротик попал в цель, но зверь уже кинулся: короткие когтистые передние лапы вытянулись вперед, голова странным волнообразным движением надвинулась на него, разинулась круглая зубастая пасть. Он упал под ноги зверю, пытаясь повалить его и увернуться от шелкающей пасти, но зверь оказался быстрее. Он почувствовал, что когти передних, таких слабых на вид, лап одним ударом разорвали кожу его куртки и всю одежду под ней, почувствовал, что парализован чудовищной тяжестью. Неумолимая сила запрокинула его голову, открывая горло... И он увидел, как звезды в неизмеримой вышине над ним бешено закружились и погасли.

В следующий миг он стоял на четвереньках, упираясь ладонями в ледяные камни рядом с вонючей грудой белого меха, которая вздрагивала и подергивалась. Яд в дротике подействовал ровно через пять секунд и чуть было не опоздал на секунду. Круглая пасть все еще открывалась и закрывалась: ноги с плоскими широкими ступнями сгибались и разгибались, точно снежный дьявол продолжал бежать. «Снежные дьяволы охотятся стаями», — вдруг всплыло в памяти Агата, пока он старался отдышаться и успокоиться. Снежные дьяволы охотятся стаями... Он неуклюже, но тщательно перезарядил дротикомет и, держа его наготове, пошел назад по улице Эсмит. Он не бежал, чтобы не поскользнуться на льду, но уже и не прогуливался. Улица по-прежнему была пустой и тихой — и бесконечно длинной.

Но, подходя к баррикаде, он снова насвистывал.

Агат крепко спал на полу комнаты в Колледже, когда их лучший арбалетчик, молодой Шевик, потряс его за плечо и настойчиво зашептал:

— Проснись, альтернан! Ну проснись же! Скорее идем...

Ролери так и не пришла. Две другие пары, с которыми они делили комнату, крепко спали.

— Что такое? Что случилось? — вскочив, бормотал Агат еще сквозь сон и натягивал разорванную куртку.

— Идем на башню!

Больше Шевик ничего не сказал.

Агат покорно пошел за ним, но тут сон развеялся, и он все понял. Они перебежали Площадь, серую в первых слабых лучах рассвета, торопливо поднялись по винтовой лестнице на Башню Лиги, и перед ними открылся город. Лесные Ворота были распахнуты.

Между створками теснились гаали и толпами выходили наружу.

В рассветной мгле трудно было разглядеть, сколько их — не меньше тысячи или даже двух, говорили дозорные на башне, но они могли и ошибиться: внизу у стен и на снегу мелькали лишь неясные тени. Они группами и поодиночке появлялись за воротами, исчезали под стенами, а потом неровной растянутой линией вновь появлялись выше на склоне, размеренной трусцой удаляясь на юг, и вскоре вовсе скрывались из виду — то ли их поглощал серый сумрак, то ли складки холма. Агат все еще смотрел им

вслед, когда горизонт на востоке побелел и по небу до зенита разлилось холодное сияние.

Озаренные утреним светом дома и крутые улицы города были исполнены покоя.

Кто-то ударил в колокол на башне, и прямо у них над головами ровно и часто загремела бронза о бронзу, оглушая, ошеломляя. Зажав уши, они бросились вниз, а навстречу им уже поднимались другие люди. Они смеялись, они окликали Агата, старались его остановить, но он бежал и бежал по гудящим ступенькам под торжествующий звон, а потом очутился в Зале Собраний. И в этой огромной, шумной, набитой людьми комнате, где на стенах плыли золотые солнца, а золотые циферблаты отсчитывали Годы и Годы, он искал чужую, непонятную женщину — свою жену. А когда нашел и взял ее за руки, то сказал:

— Они ушли, они ушли, они ушли...

А потом повернулся и во всю силу легких закричал всем и каждому:

— Они ушли!

Все тоже что-то кричали ему, кричали друг другу, смеялись и плакали. А он опять взял Ролери за руку и сказал:

— Пойдем со мной. Пойдем на Риф.

Волнение, торжествующая радость оглушили его, ему не терпелось пройти по улицам, убедиться, что город снова принадлежит им. С Площади еще никто не уходил, и когда они спустились с западной баррикады, Агат достал дротикомет.

— У меня вчера вечером было неожиданное приключение, — сказал он Ролери, а она посмотрела на зияющую прореху в его куртке и ответила:

— Я знаю.

— Я его убил!

— Снежного дьявола?

— Вот именно.

— Ты был один?

— Да. И он, к счастью, тоже.

Она быстро шла рядом с ним, но он заметил, каким встревоженным стало ее лицо, и громко засмеялся от радости.

Они вышли на виадук, повисший под ледяным ветром между сияющим небом и темной водой в белых разводах пены.

Колокол и параречь уже доставили на Риф великую новость, и подъемный мост опустился, как только они подошли к нему. Навстречу выбежали мужчины, женщины, сонные, закутанные в меха ребятишки, и вновь начались крики, расспросы, объятия.

За женщинами Космопора робко и хмуро жались женщины Тевара. Агат увидел, как Ролери подошла к одной из них — довольно молодой, с растрепанными волосами и перепачканным лицом. Почти все они обрубили волосы и выглядели грязными и оборванными — даже трое-четверо их мужчин, оставшихся с ними на Рифе. Их вид был точно темный мазок на сияющем утре победы. Агат заговорил с Умаксуманом, который при-

шел следом за ним собрать своих соплеменников. Они стояли на подъемном мосту под отвесной стеной черной крепости. Врасу столпились вокруг Умаксумана, и Агат сказал громко, так, чтобы все они слышали:

— Люди Тевара защищали наши стены бок о бок с Людьями Космопора. Они могут остаться с нами или уйти, жить с нами или покинуть нас, как им захочется. Ворота моего города будут открыты для вас всю Зиму. Вы свободны выйти из них и свободны вернуться желанными гостями!

— Я слышу, — сказал теварец, склонив светловолосую голову.

— А где Старейший? Где Вольд? Я хочу сказать ему...

И тут Агат по-новому увидел перепачканные золой лица и грубо обрубленные волосы. Как знак траура. Поняв это, он вспомнил своих мертвых — друзей, родственников, — и безрассудное упоение победой угасло в нем. Умаксуман сказал:

— Старейший в моем Роде ушел в страну под морем вслед за своими сыновьями, которые пали в Теваре. Он ушел вчера. Они складывали рассветный костер, когда слышали колокол и увидели, что гааль уходит на юг.

— Я хочу стоять у этого костра, — сказал Агат, глядя на Умаксумана. Теварец заколебался, но пожилой мужчина рядом сказал твердо:

— Дочь Вольда — его жена и у него есть право клана.

И они позволили ему пойти с Ролери и с теми, кто уцелел из их племени, на верхнюю террасу, повисшую над морем. Там, на гряде поленьев лежало тело старого вождя, изуродованное старостью, но все еще могучее, завернутое в багряную ткань цвета смерти. Маленький мальчик поднес факел к дровам, и по ним заплясали красно-желтые языки пламени. Воздух над ними колебался, а они становились все бледнее и бледнее в холодных лучах восходящего солнца. Начинался отлив, вода гремела и шипела на камнях под отвесными черными стенами. На востоке, над холмами Аскатевара, и на западе, над морем, небо было чистым, но на севере висел синеватый сумрак. Дыхание Зимы.

Пять тысяч ночей Зимы, пять тысяч ее дней — вся их молодость, а может быть, и вся их жизнь.

Какую победу можно было противопоставить этой дальней синеватой тьме на севере? Гаали... что гаали? Жалкая орда, жадная и ничтожная, опрометью бегущая от истинного врага, от истинного владыки, от белого владыки Снежных Бурь. Агат стоял рядом с Ролери, глядя на угасающий погребальный костер высоко над морем, неустанно осаждающим черную крепость, и ему казалось, что смерть старика и победа молодого — одно и то же. И в горе и в гордости было меньше правды, чем в радости — в радости, которая трепетала на холодном ветру между небом и морем, пылающая и недолговечная, как пламя. Это его крепость, его Город, его мир. И это — его соплеменники. Он не изгнанник здесь.

— Идем, — сказал он Ролери, когда последние багровые искры угасли под пеплом. — Идем домой.

•

ГОНЧАРНЫЙ КРУГ НЕБА

роман

И Конфуций, и ты — вы оба лишь сон. Я, который утверждаю, что ты сон, сам — тоже сон. Таков парадокс. Завтра, может быть, мудрец объяснит его. Но это завтра не наступит и через десять тысяч поколений.

Чуанг Цзе. II.

Несомая течением, колеблемая волной, увлекаемая мощью всего океана, медуза покачивается в подводной пропасти. Свет проходит сквозь нее, тьма входит в нее, и ее несет — ниоткуда в никуда, потому что в глубине моря нет направления, нет ближе и дальше, выше или ниже. Медуза покачивается, в ней что-то пульсирует.

Раскачивается, пульсирует это самое уязвимое и невещественное существо, но на его защиту встает вся мощь океана, которому она доверила свое существование.

Но вот упрямо поднимаются континенты.

Скалы храбро высовываются из воды в воздух, в сухое, ужасное пространство света и нестабильности, где не на что опереться.

И вот течение изменило, волны предали, нарушили свой бесконечный бег; они бьются о скалы, пенятся и разбиваются.

Что будет делать существо, рожденное морем, на сухом песке при свете дня, что будет делать, проснувшись утром, мозг?..

Веки у него горят, он не может закрыть глаза, и свет врывается в его мозг. Он не может повернуться, его прижимают обломки бетона, стальные прутья зажали голову. Но вот все это позади. Он может двигаться, может сесть. Он на цементных ступенях, одуванчик растет в щели между плитами, рядом с его рукой. Чуть погода он встает и тут же чувствует ужасную тошноту. Он знает, что это лучевая болезнь.

Дверь всего лишь в двух футах от него. Он открывает ее и выходит. За ней тянется бесконечный, крытый линолеумом коридор, тянется на мили, то поднимается, то опускается, а туалет где-то далеко, бесконечно далеко. Он идет к туалету, держась за стены, но держаться не за что: стена превращается в пол.

— Спокойнее, — слышит он чей-то голос.

Лицо консьержа висит над ним, как бумажный фонарь, бледное, обрамленное седыми волосами.

— Радиация, — говорит он консьержу.

Но Мэнни, видимо, не понимает и повторяет:

— Спокойнее!

Он в постели своей комнаты.

— Выпил?

— Нет.

— Болеешь?

— Да.

— О чем ты говорил?

— Не сумел подобрать, — отвечает он.

Он хочет сказать, что пытался закрыть дверь, через которую проходят сны, но не сумел подобрать ключ.

— С пятнадцатого этажа едет врач, — говорит Мэнни. Его слова еле слышны сквозь морской прибой. Он говорит и слышит с трудом. На кровати сидит незнакомец, держит шприц и смотрит на него.

— Это поможет, — говорит незнакомец. — Плохо? Еще бы! Приняли все за один раз!

Он показывает семь пластиковых оберток.

— Дикая смесь барбитурата и декседрина. Что вы хотели с собой сделать?

Дышать трудно, но тошнота прошла, осталась только слабость.

— Все помечены этой неделей, — продолжает врач. Это молодой человек с каштановым хвостом на голове и гнилыми зубами. — Следовательно, вы их получили не по своей карточке. Я вынужден принять меры, нравится мне это или не нравится, но я получил вызов, и у меня теперь нет выбора. Не беспокойтесь, это не уголовное преступление. Вы должны будете явиться в полицию, и вас отправят в Медицинскую школу или клинику для обследования. Там вас пошлют к врачу или назначат ДТЛ — добровольное терапевтическое лечение. Я уже заполнил бланк с помощью вашей идентификационной карточки. Мне остается только узнать, давно ли вы превышаете норму использования наркотиков.

— Несколько месяцев.

Врач что-то записал в листочке, положив его на колено.

— У кого вы взяли фармокарточки?

— У друзей.

— Назовите имена.

Больной молчал.

— Одно имя по крайней мере. Это пустая формальность, которая никому не причинит неприятностей. Они лишь получат замечание от полиции, и в течение года их фармокарточка будет под контролем. Простая формальность. Одно имя.

— Не могу, ведь они хотели мне помочь.

— Послушайте, если вы не назовете имена, это будет расценено как неповиновение. Вас посадят в тюрьму или подвергнут принудительной терапии в институте. Номера карточек можно установить и без вашей помощи, но на это требуется время. Будет лучше, если вы назовете сами хоть одно имя.

Он закрыл лицо руками, чтобы защитить глаза от невыносимо яркого света, и сказал:

— Не могу.

— Он пользовался моей карточкой, — сказал консьерж. — Пишите: Мэнни Аренс, 247-602-6023.

Перо врача заскрипело.

— Но я никогда не пользовался твоей карточкой...

— Ничего. Проверять не станут. Все пользуются чужими карточками, а всех проверить невозможно. Я отдал займы свою, а пользовался чужой, и так все время. У меня их целая коллекция. Я принимаю такое, чего нет в моей карточке. Спокойнее, Джордж.

— Но я не могу...

Он хотел сказать, что не позволит Мэнни лгать из-за него.

— Через два-три часа вам будет легче, — сказал врач. — Но сегодня никуда не ходите. Все равно машинисты бастуют, поезда ведут национальные гвардейцы, и вообще сплошная неразбериха. А мне придется идти в государственный комплекс пешком целых десять минут, черт побери!

Он встал, и кровать подпрыгнула.

— В этом комплексе двести шестьдесят детей больны кашноркортом. Голод. Не хватает протеина. Что я могу для них сделать? Я уже затребовал для детей минимальный протеиновый рацион и ничего не получил. Сплошная красная лента и извинения. Они вполне могут сами купить себе пишу — так мне сказали. Конечно, могут. Но где ее взять? Делаю им уколы витамина С и стараюсь не замечать, что они голодают.

Дверь хлопнула. Мэнни сел на кровать.

Слабый сладковатый запах, как от свежескошенной травы. Он закрыл глаза. Из тьмы послышался отдаленный голос Мэнни:

— Хочешь быть живым?

2

Вход к Богу — несуществование.

Чуанг Цзе. XXII.

Из кабинета доктора Уильяма Хабера не было видно гору Маунт-Худ. Кабинет помещался внутри Восточной Башни Вильяметт, на шестьдесят третьем этаже, и из него вообще ничего не было видно. Но на одной из лишенных окон стене кабинета висела большая фотография горы Маунт-Худ, и доктор Хабер смотрел на нее, разговаривая с медсестрой по комму-
татору.

— Кто это Опп, Пеппи? Тот истерик с симптомами проказы?

Сестра сидела всего лишь в трех футах от стены, но внутренний коммутатор, подобно диплому на стене, внушает пациентам почтение и придает веса доктору. Не годится психиатру открывать дверь кабинета и кричать:

— Следующий!

— Нет, доктор, истерик — это мистер Грин. Он придет завтра в десять. А этого нам направил доктор Уолтерс из Университетской медицинской школы. Случай ДТЛ.

— Приверженность к наркотикам. Помню. История болезни уже у меня. Ладно, пришлите его ко мне, когда он появится.

Тут же он услышал, как остановился лифт, открылась дверь, послышались неуверенные шаги в направлении приемной.

Работая, доктор мог слышать хлопанье дверей, стук пишущей машинки, голоса, шум воды в туалетах во всей башне над ним и под ним. Вся штука заключалась в том, чтобы не слышать всего этого.

Пеппи заполнила карточку, как делала это всякий раз при первом посещении пациента. Ожидая, доктор Хабер снова взглянул на фотографию и подумал, когда ее могли сделать. Синее небо, снег от подножия до вершины. Несомненно, давно, в шестидесятые или семидесятые годы. Хабер, родившийся в 1962 году, отчетливо помнил голубое небо своего детства. Сейчас вечные снега сошли с гор всего мира, даже с Эльбруса. Даже с Эвереста.

Но вполне могли и раскрасить современную фотографию, нарисовать голубое небо и белую вершину. Ничего нельзя сказать наверняка.

— Добрый день, мистер Опп! — сказал доктор Хабер.

Он встал и улыбнулся, но не подал руки, зная по опыту, что у многих пациентов выработался прочный страх физического контакта.

Пациент отдернул протянутую было руку, нервно поправил галстук и сказал:

— Здравствуйте.

Галстуком служила обычная длинная цепочка из посеребренной стали. Одет обычно, по стандарту клерка, консервативная прическа — волосы до плеч, короткая борода. Светлые волосы и глаза, рост ниже среднего, легкое недоедание. Физически здоров, возраст от двадцати до тридцати двух лет. Неагрессивный, спокойный, податливый, традиционный. Хабер любил говорить, что самый ценный период взаимоотношений с клиентом — первые десять секунд.

— Садитесь, мистер Опп. Вот сюда. Курите? С коричневым фильтром — транквилизирующие, с белым — безникотиновые.

Опп не курил.

— Что же, давайте займемся вашим делом. Вы пользовались фармокарточками своих друзей, нарушая установленную для вас квоту наркотиков и снотворного. Верно? Поэтому вас направили к парням на холме, а те рекомендовали добровольную терапию и послали вас сюда. Так?

Он слышал собственный искренний и добродушный голос, хорошо рас-

считанный, долженствующий вызвать доверие пациента. Но в этом случае о доверии не было и речи. Пациент часто мигал, поза у него была напряженная. Он сглотнул слюну и кивнул.

— Прекрасно! С этим пока все. Если бы вы хранили таблетки, собираясь продать их наркоманам или совершить убийство, тогда ответственность была бы серьезней. Но раз вы только принимали их сами, наказание сведется лишь к нескольким встречам со мной. Но я, разумеется, хочу знать, почему вы их принимали. Тогда мы вместе придумаем что-нибудь, чтобы вы, во-первых, придерживались в дальнейшем квоты, во-вторых, вообще избавились бы от привычки к наркотикам.

Его взгляд скользнул по страницам досье, присланного из медицинской школы.

— Вы начали с барбитуратов, через несколько недель перешли на дектроамфитамин, потом опять вернулись к барбитуратам. Бессонница?

— Я сплю хорошо.

— Но вам снятся дурные сны?

Пациент испуганно взглянул на врача. Простое совпадение.

— Что-то в этом роде, — хрипло сказал он.

— Мне было нетрудно догадаться, мистер Опп. Мне обычно шлют людей, жалующихся на кошмары. — Он улыбнулся. — Я специалист по снам. В буквальном смысле. Онейрологист. Сон и сновидения — моя область. Рискну высказать следующую версию: при помощи фенobarбитала вы пытались подавить сны, но обнаружили, что привыкание к наркотикам все более снижает их эффект, а затем и совсем снимает его. То же самое с декседрином. Поэтому вы чередовали их. Верно?

Пациент напряженно кивнул.

— Почему промежутки между приемами декседрина становились все меньше?

— Я стал нервным.

— Я думаю. А последняя комбинация чуть не свела вас с ума. Сама по себе она не опасна. Но все равно, мистер Опп, вы занимались опасным делом.

Он помолчал, желая усилить эффект сказанного.

— Вы лишили себя снов.

Пациент снова кивнул.

— Пытались ли вы лишить себя пищи или воды, мистер Опп? Пытались ли вы не дышать?

Он продолжал говорить добродушным тоном, и пациент печально улыбался в ответ.

— Вы знаете, что сон необходим не меньше, чем еда, чем вода и воздух. Но понимаете ли вы, что просто сна недостаточно, и что вы нуждаетесь также и в сновидениях? Лишенный сновидений, ваш мозг начинает подводить вас. Вы делаетесь раздражительным, не способным сосредоточиться — знакомо вам это? И дело не просто в декседрине. Замедленная реакция, забывчивость, безответственность, склонность к пара-

ноидным фантазиям и в конечном счете все-таки сны! Наркотики не в состоянии избавить вас от сновидений, разве что убьют вас. Например, крайний алкоголизм ведет к состоянию, называемому центральным мчелиполи-зисом. Оно смертельно. Так вот такое же повреждение подкорки вызывается отсутствием сновидений. Заметьте, не отсутствие сна! От отсутствия специфической стадии сна, стадии «ж», периода сновидений. Но вы не алкоголик и не погибли, из чего я заключаю, что наркотики подействовали на вас лишь частично. Поэтому: а) вы в плохой физической форме от частичной потери сновидений и б) вы зашли в тупик. Так что же завело вас в тупик? Страх дурных снов, вернее, того, что вы называете дурными снами. Можете вы рассказать мне что-нибудь об этих ваших снах?

Орр колебался.

Хабер открыл было рот и снова закрыл его. Он слишком хорошо знал, что собирается сказать этот человек, и мог сказать это за него. Но они должны были сделать шаг вместе. Он не должен делать его сам. В конце концов, весь разговор был лишь предварительным. Единственная его цель — помочь принять решение, что делать с пациентом.

— Я думаю, у меня кошмаров не больше, чем у других, — сказал Орр, рассматривая свои руки. — Ничего особенного. Просто я боюсь снов.

— Дурных снов?

— Любых.

— Понятно. Знаете ли вы, отчего начался у вас этот страх? Чего именно вы боитесь, стараетесь избежать?

Орр не ответил, он продолжал смотреть на свои руки, угловатые красные руки, неподвижно лежащие на коленях. Хабер решил чуть-чуть подтолкнуть его.

— Вас смущает иррациональность, необъяснимость сновидений? Может, их аморальность?

— Да, как будто... Но по особой причине. Видите ли, я...

«Вот где собака зарыта! — подумал Хабер, глядя на эти напряженные руки. — Бедняга. Несуразные, может быть, непристойные сны, и комплекс вины из-за них».

— Вы мне не верите...

Случай был тяжелее, чем он думал.

— Человек, изучающий сновидения, не очень связан понятиями веры и неверия, мистер Орр. Я не пользуюсь этими категориями, они мне не подходят. Не думайте об этом и продолжайте. Я слушаю вас.

Не слишком ли покровительственный тон? Он посмотрел на Орра и на мгновение встретился с ним взглядом. «Какие прекрасные глаза», — подумал Хабер и удивился, потому что красота тоже не принадлежала к числу используемых им понятий. Зрачки голубовато-серые, чистые, почти прозрачные. На мгновение Хабер забылся и посмотрел в эти ясные, ускользающие глаза, но лишь на мгновение, так что странность этого поступка не была зарегистрирована его сознанием.

— Ну, — решительно начал Орр, — я вижу сны, которые влияют на мир. На реальный мир.

— Мы все видим такие сны, мистер Опп.

Опп удивился. Исключительно прямодушный человек.

— Эффект сна «ж»-стадии проявляется в период непосредственно перед пробуждением. Его воздействие на эмоциональный уровень может быть выражено...

Но прямодушный человек прервал его:

— Нет, я не это имел в виду.

Слегка запинаясь, он продолжал:

— Когда я вижу что-нибудь во сне, оно осуществляется.

— В это трудно поверить, мистер Опп. Я говорю совершенно серьезно. На нынешнем уровне развития науки мало кто сомневается в возможности этого феномена. Пророческие сны...

— Это не пророческие сны. Я ничего не предвижу. Я просто изменяю мир.

Руки его были плотно сжаты. Неудивительно, что парни из медшколы прислали его сюда. Всех спятивших, с кем не могут справиться, направляют к Хаберу.

— Может, приведете пример. Когда вы в первый раз видели такой сон? Сколько же вам тогда было?

Пациент долго колебался и наконец сказал:

— Я думаю, шестнадцать лет.

Он был по-прежнему спокоен. Он явно боялся, но не проявлял никакой враждебности к Хаберу.

— Впрочем, я не уверен.

— Расскажите о первом случае, в котором вы уверены.

— Мне было тогда семнадцать. Я жил еще дома, с нами жила сестра моей матери. Она развелась и не работала, живя на пособие. По-своему она была добра, но не очень деликатна. Мы жили в обычной трехкомнатной квартире, тетя Этель была всегда с нами. Она часто доводила мою мать. И... она играла со мной. Она приходила ко мне в спальню в прозрачной пижаме... ну, и все такое. Ей было около тридцати. Я нервничал. Тогда я еще не знал женщин. Вы понимаете, парня легко соблазнить. Но я отказался, ведь она была мне теткой.

Он посмотрел на Хабера, чтобы убедиться, понял ли доктор, от чего он отказался, и одобряет ли его поступок. Вседозволенность конца двадцатого столетия вызывала массу сексуальных комплексов и страхов. Точно так же, как чопорность конца девятнадцатого века. Опп боялся, что Хабер будет шокирован его нежеланием спать с теткой. Хабер хранил спокойное и заинтересованное выражение лица, и Опп продолжал:

— Мне снились тревожные сны, и в них всегда присутствовала тетя. Не так, как бывает в снах. Однажды она оказалась белой кошкой, но я знал, что это Этель. И вот однажды она заставила меня повести ее в кино и хотела, чтобы я обнял ее и все такое, а когда мы вернулись домой, она пришла ко мне в постель и сказала, что родители спят. И вот, когда мне удалось выпроводить ее, я увидел тот сон, очень живой сон. Проснувшись,

я его отчетливо помнил. Мне снилось, что Этель погибла в автомобильной катастрофе в Лос-Анджелесе. Об этом пришла телеграмма. Мама плакала, готовя ужин. Мне было ее жаль, я хотел как-нибудь ее утешить, но не знал, как. Вот и все. Только когда я встал и пошел в гостиную, тети Этель не было на диване. Ее не было в доме. Только родители и я. Мне не нужно было спрашивать. Я помнил. Я знал, что тетя Этель погибла в автомобильной катастрофе в Лос-Анджелесе. Мы получили об этом телеграмму. Мой сон ожил. Но я знал, что до моего сна она жила в нашей гостиной и спала на диване — до самой последней ночи.

— Но ведь никаких доказательств не было.

— Нет. Никаких. Никто не помнил, чтобы она жила у нас, кроме меня.

Хабер рассудительно кивнул и погладил бороду. Простой на первый взгляд случай наркомании превратился в серьезное отклонение. Но раньше ему не случалось встречаться с таким четким изложением иллюзорного мира. Возможно, Орт шизофреник, но у него нет внутреннего высокомерия таких людей, к чему Хабер был очень чувствителен.

— А почему вы считаете, что ваша мать не заметила изменения?

— Но ведь она не видела сны. Я хочу сказать, что мой сон действительно изменил реальность. Он создал иную реальность, ретроспективную, и мать оказалась ее частью. Будучи в этой реальности, она ни о чем другом не могла помнить, а я помнил обе реальности, потому что... присутствовал в момент изменения. Я знаю, что это бессмысленно, но иначе не могу объяснить. Мне пришлось создать объяснение, иначе я подумал бы, что сошел с ума.

Нет, этот парень не шизофреник.

— Что же, мистер Орт, я доверяю фактам, а то, что происходит в мозгу, поверьте мне, тоже факт. Когда видишь запись снов другого человека на энцефалографе, а я видел их десятки тысяч раз, не будешь говорить о сне, как о чем-то «нереальном». Они существуют и они реальны, они оставляют следы. Я полагаю, вы видели и другие сны, имевшие такой же эффект?

— Да. Не часто. Только при напряжении. Но, кажется, они учащаются. Я боюсь.

— Чего?

Орт молча смотрел на него.

— Чего вы боитесь?

— Я не хочу изменять действительность, — как бы утверждая нечто самоочевидное, заявил Орт. — Кто я такой, чтобы изменять мир? Мир меняет мое подсознание без всякого контроля разума. Я попробовал самогипноз, но ничего хорошего это не дало. Они, сны, бессвязны, эгоистичны, иррациональны и аморальны, как вы сказали. Они исходят, по крайней мере отчасти, от сути человека. Я не хотел убивать бедную Этель. Я просто хотел, чтобы она не приставала ко мне. А во сне это приняло такую форму. Сны выбирают кратчайший путь. Я убил ее шесть недель назад в автомобильной катастрофе за тысячу миль отсюда. Я несу ответственность за ее смерть.

Хабер снова погладил бороду.

— Вот почему вы прибегали к наркотикам, подавляющим сны, — медленно сказал он. — Чтобы избавиться, избежать дальнейшей ответственности.

— Да. Наркотики не давали снам сделаться яркими. А ведь только очень яркие, живые они делаются... — Он поискал слово. — Эффективными.

— Хорошо. Посмотрим. Вы не женаты, служите чертежником на энергостанции Ренвиль-Уматилла. Вам нравится ваша работа?

— Очень.

— Как у вас с сексуальной жизнью?

— Однажды вступил в испытательный брак. Через несколько лет он прервался. Прошлым летом.

— Вы разорвали или она?

— Оба. Она не хотела ребенка. Брак был не окончательным.

— И с тех пор?..

— Ну, у нас в конторе есть девушка... Я не очень-то в них нуждаюсь.

— Ну, а отношения с другими? Вы установили нормальные отношения с окружающими, нашли свою пищу в эмоциональной экологии окружающей среды?

— Мне кажется, да.

— Итак, в вашей жизни все нормально. Хорошо. Теперь скажите мне, вы хотели бы всерьез избавиться от пристрастия к наркотикам?

— Да.

— Хорошо. Вы принимали наркотики, чтобы не видеть сны. Но не все сны опасны, только самые яркие. Вам снилась ваша тетя Этель в виде белой кошки, но на утро она не стала белой кошкой, верно? Итак, некоторые сны безопасны.

Он подождал подтверждающего кивка Орра.

— Теперь подумайте. Не хотели бы вы все это проверить и, может быть, научиться видеть сны без риска и без страха? Позвольте мне объяснить. Вопрос о сновидениях вы слишком нагрузили эмоционально. Вы буквально боитесь своих снов, потому что некоторые из ваших снов обладают способностью воздействовать на реальную жизнь, причем без контроля с вашей стороны. Возможно, это сложная и полная значения метафора, при помощи которой ваше подсознание пытается сказать вашему сознанию что-то о реальности — вашей реальности, вашей жизни, — которую рационально вы не в состоянии воспринять. Но мы можем воспринять метафору буквально, попытаться перевести ее в рациональные термины. В настоящее время ваша проблема такова: вы боитесь снов, но в то же время нуждаетесь в них. Вы пытались подавить их наркотиками — не подействовало. Прекрасно. Попробуем обратное. Вы будете спать преднамеренно. Вы будете видеть сны, интенсивные и яркие, но под моим присмотром, в контролируемом состоянии. Вы получите контроль над тем, что вам кажется неконтролируемым.

— Как же я смогу видеть сны по приказу? — спросил Опп с недоверием.

— Во Дворце Сновидений доктора Хабера сможете! Вас подвергнут гипнозу! Вас ведь подвергали гипнозу?

— Да, при лечении зубов.

— Хорошо. Вот схема — я погружаю вас в гипнотический транс и предлагаю вам уснуть, видеть сон и указываю, какой именно сон. Пока вы спите, я слежу за вами все время — и непосредственно, и через ЗЭГ. Потом я бужу вас, и мы говорим о вашем сне. Если все пройдет благополучно, быть может, к следующему сну вы отнесетесь спокойно.

— Но у меня не получится здесь эффективного сна: он случается раз из десятка или даже из сотни снов.

— Вы можете здесь увидеть любой сон. Хорошо подготовленный гипнотизер может почти полностью контролировать содержание сновидения. Я делаю это уже десять лет. К тому же на вас будет шлем. Приходилось вам надевать его когда-нибудь?

Опп покачал головой.

— Но вы знаете, что это такое?

— Он посылает через электроды сигнал, который стимулирует мозг...

— В общих чертах верно. Русские пользовались им пятьдесят лет, израильтяне заново открыли его. И наконец мы занялись его массовым производством для профессионального пользования. При их помощи успокаивают больных и внушают сон типа альфа. Несколько лет назад у меня была тяжело больная в Линктоне. Я провел ОТЛ — обязательное терапевтическое лечение. Подобно многим депрессивным она мало спала, и особенно ей не хватало ж-стадии сна. Как только она входила в ж-стадию, она тут же просыпалась. Порочный круг, сильнее депрессия — меньше сна, меньше сна — сильнее депрессия. Как разорвать его?

Лекарства не увеличивают существенно ж-стадию. ЭСМ — электронная стимуляция мозга? Но это означает вживление электродов, очень глубокое, до центров сна. Операция нежелательная. Я использовал шлем, чтобы улучшить сон. Что, если использовать диффузный низкочастотный сигнал, более специфически направить его точно на специфическую область внутри мозга? О да, конечно, Хабер, ты молодец! Занявшись дальнейшими исследованиями, я создал свою машину. Я пытался воздействовать на мозг пациента записью мозговых волн здорового человека в соответствующем состоянии, пробовал разные стадии сна и сновидения, но без особого успеха. Сигнал другого мозга может вызвать ответную реакцию у пациента, а может и не вызвать. Пришлось изучать сотни записей, обобщать и выводить среднее значение. Работая с пациентами, я снова искал специфику. Когда мозг поступал так, как я хотел, я записывал этот момент, усиливал его, делал продолжительное повторение, снова и снова заставляя мозг пациента повиноваться здоровым импульсам. Это потребовало огромного числа анализов, и в результате простой ЗЭГ плюс шлем переросли вот в это.

Он жестом указал на электронный лес за Орром. Хотя большая часть приборов скрывалась за пластиковой перегородкой, потому что большинство пациентов либо боялись электроники, либо слишком доверяли ей. Машина занимала большую часть кабинета.

— Это Машина Снов, — сказал Хабер.

Он улыбнулся.

— Или, пользуясь прозаическим термином, усилитель. Он позволит вам видеть сон нужной интенсивности и продолжительности. Кстати, пациентка, о которой я вам рассказывал, полностью выздоровела.

Он наклонился вперед.

— Хотите испробовать?

— Сейчас?

— А чего ждать?

— Но я не смогу уснуть днем.

Хабер порывлся в ящике стола и извлек листок бумаги — согласие на гипноз по соответствующей форме. Опп взял предложенную Хабером ручку и подписался.

— Хорошо. Теперь, Джордж, скажите, ваш дантист пользовался лишь записью или сам гипнотизировал вас?

— Запись. У меня третий номер по шкале восприимчивости.

— Как раз посередине. Итак, начнем с предположения, что для хорошего сна нужен глубокий транс. Нам нужен настоящий естественный сон. Усилитель снабдит вас им. Но чтобы избежать долгих часов подготовки, используем индукцию типа в-к. Приходилось пользоваться?

Опп отрицательно покачал головой. Казалось, все это удручает его, однако он не возражал. В нем была какая-то пассивность, казавшаяся женственной и даже детской. Хабер отметил в себе покровительственную реакцию на физически слабого и больного человека, которым так легко управлять. И которому нельзя не покровительствовать.

— Я пользуюсь этим методом очень часто. Это — лучший метод гипнотического внушения, быстрый и безопасный, причиняющий меньше всего хлопот гипнотизеру и пациенту.

Опп, несомненно, слышал вздорные рассказы о пациентах, сошедших с ума или погибших от слишком длительной или неумело примененной в-к индукции. Хабер считал необходимым подготовить пациента, иначе тот будет сопротивляться индукции. Он продолжал болтать, описывая пятидесятилетнюю историю в-к индукции, затем перешел на общие проблемы гипноза.

— Мы должны преодолеть пропасть между бодрствованием или состоянием гипнотического транса и стадией сновидений. Эта пропасть имеет обычное название — сон, нормальный сон, с-стадия. Грубо говоря, существуют четыре стадии: бодрствование, транс, с-сон и ж-сон. Последние три имеют нечто общее: сон, сновидение и транс высвобождают подсознание, в то время как бодрствование прежде всего рационально. Но посмотрите

на ЗЭГ — записи всех четырех стадий. Здесь общее у бодрствования, транса и ж-стадии, в то время как с-стадия — сон — совершенно отлична. Невозможно перейти непосредственно от транса к ж-стадии. Между ними обязательно должна быть с-стадия — сон. Обычно ж-стадия наступает четыре-пять раз за ночь, каждый час или два, и длится каждый раз не более пятнадцати минут. В остальное время ночи мы находимся в состоянии нормального сна. В это время могут сниться сны, но очень неяркие, смутные, какая-то мешанина мыслей и образов. Вам нужны яркие, эмоциональные сны, запоминающиеся сновидения ж-стадии. Гипноз плюс усилитель дадут нам необходимое, позволят миновать нейрофизиологическую и темпоральную пропасть обычного сна, перейти прямо к сновидениям. Вам нужно лечь на кушетку. Я многое заимствовал у Дементы, Азеринского, Бергера, Освальда, Хартмана и других, но кушетка идет прямо от папы Фрейда. Но мы ее используем для сна, а он против этого возражал. Для начала сядьте на край кушетки. Вот так! Вам придется провести здесь некоторое время, так что устраивайтесь поудобнее. Вы говорите, что пробовали самовнушение. Прекрасно, используйте и сейчас ту же технику. Глубокое дыхание. Вдох на счет «десять», задержка на «пять». Так, верно! Посмотрите на потолок прямо над головой. Хорошо.

Орр послушно закинул голову. Хабер, стоявший сзади, быстрым и уверенным движением пальцев левой руки нажал за ушами, одновременно правой рукой нажав на горло как раз под мягкой светлой бородкой, где проходит сонная артерия. Он ощутил пальцами гладкую кожу, почувствовал протестующее движение и тут же увидел, как закрылись ясные голубые глаза. Хабер упивался своим искусством, своим умением мгновенно овладевать пациентом, продолжая быстро и негромко говорить:

— Вы сейчас уснете. Закройте глаза, расслабьтесь, спите. Вы расслабились, вы засыпаете...

Орр, как мертвый, упал на кушетку, его правая рука вяло свесилась.

Хабер, наклонившись, поднял его руку, ни на мгновение не прерывая потока слов:

— Вы сейчас в трансе, не во сне, а в глубоком гипнотическом трансе и не выйдете из него, не проснетесь, пока я не скажу. Вы в трансе, вы все более погружаетесь в транс, но слышите мой голос и следуете моим указаниям. Впоследствии, как только я коснусь вашего горла, как делаю сейчас, вы немедленно впадете в транс.

Он повторил инструкции и продолжал:

— Когда я прикажу вам открыть глаза, вы их откроете и увидите в воздухе перед собой хрустальный шар. Я хочу, чтобы вы сосредоточились на нем и, поступая так, вы еще глубже погрузитесь в транс. Теперь откройте глаза и скажите мне, когда увидите хрустальный шар.

Светлые глаза со странным выражением уставились мимо Хабера в ничто.

— Вижу, — негромко сказал загипнотизированный.

— Хорошо, продолжайте смотреть на него, дышите ровно, вы продол-

жаете смотреть на него, дышите ровно, вы продолжаете погружаться в транс...

Хабер взглянул на часы. Все это заняло несколько минут. Хорошо. Он не любил тратить время зря, нужно сразу добиваться результата. Опп продолжал лежать, глядя на воображаемый хрустальный шар. Хабер надел на него модернизированный шлем, тщательно приладил электроды, поместив их на череп под густыми каштановыми волосами. Он продолжал негромко говорить, повторяя свои указания и изредка задавая вопросы, чтобы Опп не погрузился в обычный сон, а оставался в трансе. Надев шлем, он включил ЗЭГ и некоторое время смотрел на экран, определяя тип мозга.

Восемь электродов посылали информацию в ЗЭГ, внутри машины восемь перьев выписывали кривые, регистрируя активность мозга. На экран, куда смотрел Хабер, непосредственно проецировались импульсы — белые зигзаги на темно-сером фоне. Он по желанию мог изолировать и усилить любой из них или наложить один на другой. Он никогда не уставал от этой картины — кино, длящееся всю ночь, передача по каналу номер один.

Никаких признаков шизоидной личности не было. В общем рисунок, если не считать разнообразия, производил впечатление нормального. Простой мозг производит относительно простые линии и склонен повторять их, но это вовсе не простой мозг. Компьютер усилителя проанализирует их, но пока, не получив этого анализа, Хабер не смог выделить ни одного фактора, кроме общей сложности.

Приказав пациенту перестать видеть хрустальный шар и закрыть глаза, он почти сразу получил сильный и чистый альфа-ритм в двенадцати циклах. Хабер еще немного поиграл с мозгом, считывая показания мозга на компьютер и испытывая глубины транса, а затем сказал:

— Теперь, Джордж, через минуту вы уснете. Это будет здоровый сон со сновидениями. Но вы не уснете, пока я не скажу «Антверп». Когда я произнесу это слово, вы уснете и будете спать, пока я трижды не назову вас по имени. Заснув, вы увидите сон, не приятный, но очень живой и яркий. Проснувшись, вы будете его помнить. Сон будет о...

Он на мгновение запнулся. Он не планировал заранее, полагаясь на вдохновение.

— О лошади. Большая гнедая лошадь скачет по полю, бежит вокруг. Вы можете поймать лошадь, а можете просто смотреть на нее. Но сон будет о лошади. Яркий. Какое слово вы использовали? Эффективный сон о лошади. Больше ничего. Когда я трижды произнесу ваше имя, вы проснетесь спокойным и хорошо отдохнувшим. А сейчас я усыплю вас. Я говорю... Антверп.

Линии на экране начали послушно меняться. Они ускоряли и замедляли свое движение. Скоро начал появляться сонный цикл стадии «зет» и намеки на глубокий дельта-ритм стадии «игрек». Со сменой мозговых ритмов изменилась и их материальная оболочка; руки Орра свесились, лицо стало спокойным.

Усилитель записывал все данные о мозге в трансе, теперь он будет изу-

часть рисунок с-сна, он уловит схему и вскоре сможет посылать ее обратно в мозг пациента уже усиленную. Может, уже сейчас он это делает.

Хабер подумал, что придется немного подождать, но гипнотическое внушение плюс длительное отсутствие сновидений у пациента тотчас вызвали у него ж-стадию.

Медленно двигавшиеся линии на экране качнулись раз, другой. Они все ускоряли свое движение, приобретали ускоренный несинхронизированный ритм. Пальцы пациента шевельнулись, глаза под закрытыми веками задвигались, губы разошлись, выпустив глубокий выдох. Спящему что-то снилось.

Было пять часов шесть минут.

В пять одиннадцать Хабер нажал кнопку выключения усилителя. В пять двенадцать, увидев появление с-стадии, он наклонился над пациентом и отчетливо трижды произнес его имя.

Орр вздохнул, широко развел руки, открыл глаза и проснулся. Хабер несколькими искусными движениями отсоединил электроды и снял с него шлем.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Хорошо.

— Вы видели сон. О чем он был?

— О лошади, — хрипло сказал Орр, все еще не вполне проснувшись. Он сел.

— Это был сон о лошади. Вот об этой.

Он указал на большую фотографию, украшавшую кабинет доктора Хабера — скачущая кобыла на травянистой лужайке.

— Что же вы видели? — спросил довольный Хабер.

Он не ожидал, что внушение так хорошо подействует на первом же сеансе.

— Я шел по полю, а она была далеко. А потом она поскакала прямо на меня. Я не испугался. Я подумал, что смогу поймать ее за узду или даже сесть на нее верхом. Я знал, что она не опасна мне, потому что это лошадь с вашей картины, а не настоящая. Все это как игра, доктор Хабер. Не кажется ли вам, что эта картина необычна?

— Что ж, некоторые находят ее не вполне подходящей для кабинета медика. Символ жизни рядом с кушеткой Фрейда!

Он рассмеялся.

— Но была ли она здесь час назад? Разве здесь не висел вид на Маунт-Худ, когда я пришел к вам, прежде чем мне приснился сон о лошади?

Боже, тут была Маунт-Худ, этот человек прав! Нет, не было Маунт-Худа, не могло быть Маунт-Худа, лошадь была, лошадь!

— Была гора!

— Нет, лошадь!

Он смотрел на Джорджа Орра. Нужно сохранить спокойствие, внушить уверенность.

— Джордж, вы помните, что здесь висело изображение Маунт-Худа?

— Да, — печально, но спокойно ответил Опп. — Помню. Гора, покрытая снегом...

— Гм...

Хабер глубокомысленно кивнул.

Озноб, охвативший его тело, прошел.

Глаза неопределенного серо-голубого цвета, но ясные и прямые. Это не глаза психопата.

— Боюсь, что я плохо ее помню. Это Тампани-Холл, копия восемьдесят девятого года. И как я ее не замечал? Конечно, лошадь — анахронизм, но мне нравится эта картина. В ней энергия, сила. Это идеал, к которому стремится психиатр, своего рода символ. Конечно, предлагая вам содержание сна, я случайно взглянул на картину. Конечно, это была лошадь.

Хабер искоса взглянул на картину.

— Послушайте. Если хотите, спросим мисс Кроч. Она проработала здесь два года.

— Она скажет, что здесь всегда была лошадь! — спокойно, но печально сказал Опп. — И она действительно всегда была. После моего сна. Я подумал, что, поскольку вы сами предложили содержание сна, то и у вас, возможно, должна сохраниться двойная память, как у меня. Не получилось.

Он снова посмотрел в глаза Хаберу своим ясным умоляющим взглядом.

Он болен. Его нужно лечить.

— Я хочу, чтобы вы пришли снова, Джордж. Завтра, если возможно.

— Я работаю...

— Уходите с работы на час раньше и приходите сюда к четырем. Вы подвергнетесь ДТЛ. Скажите об этом хозяину. Тут нечего стыдиться. Восемьдесят два процента населения подвергаются ДТЛ, а тридцать два — ОТЛ. Так что будьте к четырем, и мы поработаем. Нужно что-то сделать. Вот рецепт на мепробамат, он будет держать ваши сны на низком уровне, отчасти подавив ж-стадию. Каждые три дня можете возобновлять его. Если увидите сон или испугаетесь, звоните мне днем и ночью. Но я сомневаюсь, чтобы это понадобилось — это отличное лекарство. А если будете сотрудничать со мной, скоро вам вообще не понадобятся лекарства. Договорились?

— Спасибо за лекарство, — он взял рецепт и улыбнулся робкой, невеселой улыбкой, впрочем, не лишенной юмора.

— Еще о лошади.

Хабер, который был на голову выше, смотрел на него сверху вниз.

— Она похожа на вас, — сказал Опп.

Хабер быстро взглянул на фото. Действительно. Крупный, упитанный конь красновато-рыжей масти неся галопом, и густая черная грива развевалась по ветру.

— И та лошадь, во сне, походила на меня?

— Да, — ответил пациент.

Когда он ушел, Хабер сел, с тревогой всматриваясь в фотографию Тампани-Холла. Она действительно слишком велика для кабинета. Здесь нужен вид на горы.

Тех, кому помогает небо, мы зовем сынами неба. Об этом не узнают ученые. Этого не добьешься работой. Это непостижимо разумом. Не пытайтесь понять то, что недоступно пониманию, великое достижение. Те, кто не сознают этого, будут унижены на гончарном кругу неба.

Чуанг Цзе. XXIII

Джордж Орт ушел с работы в три тридцать и направился к подземке. У него не было машины. Начав экономить, он смог бы купить машину и разрешение на индивидуальное пользование ею, но к чему? Нижний город закрыт для автомобилей, а он живет в нижнем городе. Он научился водить машину в восьмидесятые, но собственного автомобиля у него никогда не было. По Ванкуверской подземке он добрался до Портленда. Поезда, как всегда, были переполнены. Он не мог дотянуться до поручня или петли и стоял, поддерживаемый равномерным напором тел со всех сторон. Сосед держал раскрытую газету и не мог опустить руки. Он так и стоял, задрал голову и разглядывая спортивные новости.

Внимание Орта привлек заголовок: «Атомный удар вблизи афганских границ» и ниже: «Угроза интервенции в Афганистане». Владелец газеты протиснулся к выходу, и газету сменила зеленая пластиковая тарелка с несколькими красными помидорами, а под тарелкой — старая леди в зеленом пластиковом плаще, которая три остановки простояла на правой ноге Орта.

Он вышел на станции Восточный Бродвей и прошел четыре квартала, протискиваясь сквозь вечернюю толпу к зданию Восточной Башни Вильяметт — огромному бетонному стеклянному столбу, с растительным упрямством сражавшемуся за свет и воздух со множеством таких же окружающих его башен.

Очень мало света и воздуха доходило до нового уровня улицы. Внизу было душно и мокро от дождя. Дождь — старая портлендская традиция, но тепло, семьдесят градусов по Фаренгейту, второго марта — вполне современно — это результат загрязнения воздуха. Городские и промышленные испарения не контролировались достаточно надежно в середине двадцатого века, так что кумулятивный эффект оказался неизбежным. Потребуется несколько столетий, чтобы в воздухе уменьшилось содержание CO₂, если это вообще произойдет. Нью-Йорк, по-видимому, будет величайшей жертвой реального парникового эффекта: полярная шапка продолжает таять и уровень моря поднимается, по сути дела весь Босфор в опасности.

Есть и кое-какая компенсация. Дно залива Сан-Франциско поднимается, и вскоре обнажатся сотни квадратных миль со всем, что утонуло с 1848 го-

да. Что касается Портленда, то он в восьмидесяти милях от моря и отделен от него хребтом. Ему угрожает не поднимающаяся, а падающая с неба вода.

Западный Орегон всегда был дождливым местом, но сейчас дожди шли непрерывно, безостановочно, тепловатые дожди. Все равно что живешь в чуть теплой бане.

Новые города — Уматилла, Джон Дэй, Френч Глен — расположены к востоку от Каскадов. Там тридцать лет назад была пустыня. Сейчас там летом страшно жарко, но осадки составляют сорок пять дюймов в год, сравнительно со ста четырнадцатью дюймами в Портленде. Возможно интенсивное земледелие, пустыня цветет. Население Френч Глен — семь миллионов. Портленд позади в Марше Прогресса. В Портленде нет ничего нового. Недоедание, перенаселение, крайнее загрязнение окружающей среды для него норма.

В старых городах больше цинги, тифа, гепатита, в новых — больше сражений банд, больше преступлений и убийств. В одних правят крысы, в других — мафия.

Джордж Орт оставался в Портленде, потому что всегда жил там и потому что не верил, что в другом месте будет лучше.

Мисс Кроч, безучастно улыбнувшись, жестом разрешила ему войти. Орт считал, что кабинеты психиатров, как кроличьи норы, всегда имеют два выхода. Этот не имел другой двери, но вряд ли у пациентов был шанс столкнуться нос к носу. В Медицинской школе говорили, что у доктора Хабера практика небольшая, он преимущественно исследователь. Орт считал его преуспевающим специалистом, а покровительственные манеры доктора подтвердили это. Однако сегодня, меньше нервничая, Орт был более наблюдательным.

Кабинет не имел пластиково-кожаной уверенности в финансовом успехе, не было в нем и академического равнодушия к роскоши. Кресла и кушетки виниловые, стол пластиковый, лишь по краям отделанный деревом.

Доктор Хабер, белозубый, с гнедой гривой, большой, прогудел:

— Добрый день!

Его сердечность не была притворной, разве только чуть преувеличенной. Тепло его голоса было реально, но покрыто пластиком профессиональных манер. В нем чувствовалось желание нравиться и быть полезным. «Доктор, в сущности, не уверен, — подумал Орт, — что существуют другие, и пытается доказать себе это, помогая им. Он так громко гудит «добрый день» потому что не уверен, что услышит ответ».

Орт хотел сказать что-либо дружеское, но ничего такого не приходило в голову, и он сказал:

— Похоже, Афганистан втянет нас в войну.

— Ну, с конца августа это на всех картах.

Ему следовало бы понимать, что доктор лучше осведомлен в международных делах. Сам Орт три недели как отключился от информации.

— Не думаю, что это поссорит союзников, — продолжал Хабер, — раз-

ве что привлечет Пакистан на сторону Ирана. Тогда Индия окажет большую поддержку соседям. Я думаю, что речь Гупты в Дели свидетельствует, что он готов к этому.

— Она расширяется, — сказал Опп. Он чувствовал себя подавленным и несовременным. — Война, я хочу сказать.

— Это вас беспокоит?

— А вас разве нет?

— Это к делу не относится, — сказал доктор.

Он улыбался своей широкой медвежьей улыбкой, как мохнатый медвежий бог. Но после вчерашнего он все время был настороже.

— А меня беспокоит.

Но Хабер не заслуживал ответа. Вопросающий не может оторваться от вопроса, не может быть объективен, если отвечающий — объект исследований. Впрочем, Опп не высказал вслух эту свою мысль. Он в руках доктора, который, конечно, знает, что делать. Опп предпочитал считать, что люди знают, что делают, может быть, потому, что сам этого не знал.

— Хорошо спали? — спросил Хабер.

Он сел под левым задним копытом лошади.

— Спасибо, хорошо.

— Хотите еще раз во Дворец Снов?

Он внимательно следил за пациентом.

— Конечно, ведь я здесь для этого.

Он видел, как Хабер встал, подошел к столу, видел, как большая рука приближается к его шее — и ничего не случилось.

— Джордж...

Его имя. Кто звал? Голос ему незнаком.

Сухая земля, сухой воздух, звуки незнакомого голоса в ушах. Дневной свет, но никакого направления. Нет пути назад.

Он проснулся.

Полузнакомая комната, полужнакомый большой человек в просторном халате, с белозубой улыбкой, с непрозрачными темными глазами.

— Судя по ЗЭГ, сон короткий, но очень яркий, — сказал густой голос. — Посмотрим. Чем быстрее воспоминание, тем оно полнее.

Опп сел, чувствуя, как у него слегка кружится голова. Он на кушетке. Как он сюда попал?

— Не очень много. Снова лошадь. Вы велели снова видеть мне во сне лошадь, когда загипнотизировали меня?

Хабер покачал головой, не говоря ни да, ни нет, и продолжал слушать.

— На этот раз стойло. Эта комната, солома, ясли, в углу вилы и так далее. В стойле лошадь. Она...

Выжидательное молчание Хабера не позволило уклониться.

— Она произвела огромную кучу навоза, коричневого, дымящегося. Лошадиный навоз. Она была похожа на Маунт-Худ, с этим небольшим пригорком на северном склоне, и вообще... Она заняла весь ковер и надвигалась на меня, поэтому я сказал: «Это только картина горы». И проснулся.

Орр поднял голову, глядя мимо Хабера на стену, где висела фотография Маунт-Худа.

Безмятежная картина в мягких, размытых тонах: серое небо, красновато-коричневая гора с белыми точками ближе к вершине, туманный фон.

Доктор не смотрел на картину. Он пристально следил за Орром. Когда Орр окончил, он рассмеялся, не то чтобы слишком громко, а просто чуть возбужденно.

— Мы к чему-то приближаемся, Джордж!

— К чему?

Орр чувствовал себя жалким и униженным, голова его все еще кружилась после гипноза. Он лежал здесь спящий, может, раскрыл рот во сне и храпел, а Хабер шпионил за его мозгом и подсказывал ему, что видеть во сне.

Он чувствовал себя выжатым, когда же конец? Очевидно, доктор не помнит о фотографии лошади, не помнит разговор о той фотографии. Он уже в новом настроении, с которым не связаны все его воспоминания.

Доктор расхаживал взад и вперед по комнате, говоря громче обычного:

— Итак: а) вы видите сны по приказу и поддаетесь гипнозу, б) вы великолепно реагируете на усилитель. Поэтому мы сможем работать вместе, быстро и эффективно, без гипноза. Я предпочитаю работать без гипноза. То, что мозг делает сам по себе, бесконечно интереснее и сложнее, чем любой его ответ на химическое стимулирование. Поэтому я и разработал усилитель, чтобы дать мозгу возможность самостимуляции. Созидательные и терапевтические ресурсы мозга, бодрствующего или спящего, практически бесконечны. Если бы только подобрать ключи ко всем замкам! Власть одних только сновидений огромна!

Он рассмеялся своим жизнерадостным смехом.

Орр почувствовал неловкость: слишком близко к истине.

— Я уверен, что ваше лечение идет теперь именно в этом направлении. Нужно использовать ваши сны, чтобы победить их. Встретить ваш страх и с моей помощью покончить с ним. Вы боитесь собственного мозга, Джордж. С таким страхом не может жить ни один человек. А вы и не должны. Вы не знали, как использовать собственный мозг, как обратиться к нему за помощью, воспользоваться им в созидательных целях. Вам нужно лишь не скрывать от себя свою умственную мощь, не подавлять ее, а высвободить. Мы сделаем это вместе. Разве я не прав?

— Не знаю, — ответил Орр.

Когда доктор говорил об этой его умственной мощи, Орр на мгновение подумал, что Хабер имеет в виду его способность изменять реальность. Но если бы он имел в виду это, разве он не сказал бы ясно? Зная, что Орр отчаянно нуждается в подтверждении, он не отказал бы ему.

Сердце Орра упало. Наркотики выбили его из эмоционального равновесия, он это знал, и поэтому пытался контролировать свои чувства. Но это разочарование сильнее его контроля. Теперь он понял, что позволил себе слабую надежду. Вчера он был уверен, что доктор знает о замене горы

лошадью. Но Хабер постарался скрыть свою осведомленность. Несомненно, он был не способен признаться в этом даже самому себе.

Орр сам долго не мог поверить, что совершает невозможное. Однако он надеялся, что Хабер, зная содержание сна, присутствует при нем, в самом центре, может заметить изменения, может помнить их и подтвердить.

Плохо. Выхода нет. Орр оставался там, где был уже много месяцев — в одиночестве, — зная, что он безумен, и зная, что он не безумен, в одно и то же время. Вполне довольно, чтобы сойти с ума.

— А может, вы дадите мне постгипнотическое внушение не видеть эффективных снов? Поскольку вы предположили, что я могу... так я избавился бы от наркотиков, по крайней мере, на время.

Хабер сел за стол, сгорбившись, точно медведь.

— Сомневаюсь, чтобы оно подействовало, даже на одну ночь, — сказал он просто.

И вдруг он загремел снова:

— Разве это не то же бесплодное направление, в котором вы уже двигались, Джордж? Наркотики или гипноз — это все подавление. Вы не сможете убежать от собственного мозга. Вы видите это, но не хотите согласиться. Все в порядке. Подумайте. Вы дважды вот на этой кушетке видели сны. Плохо было? Кому-то принесло вред?

Орр покачал головой, слишком расстроенный, чтобы отвечать.

Хабер продолжал говорить, и Орр заставил себя его слушать. Доктор говорил теперь о мечтах, о получасовых циклах сновидений, об их использовании и ценности. Он спросил, какой тип мечтания ближе Орру.

— Я, например, — сказал он, — часто мечтаю о героизме. Я спасаю девушку, или товарища-астронавта, или осажденный город, или целую обреченную планету. Мессианские мечты, мечты о добрых целях. Хабер спасает мир! Они очень забавны — пока я держу их там, где им положено быть. Всем нам надо немного прихвастнуть, пусть в мечтах, но когда мы начинаем ориентироваться на них, тогда параметры реальности становятся для нас системами. Затем есть тип мечтания «остров Южного моря». Им предаются люди средних лет. И тип благородного мученика, и различные романтические фантазии юности, и садомазохистские, и так далее. Большинство людей отдают дань сразу нескольким типам. Мы почти все хоть один раз смотрели на арене цирка в глаза льву или бросали бомбу в своих врагов, или спасали девственницу с тонущего судна, или писали за Бетховена его Десятую симфонию. Так какой стиль вы предпочитаете?

— Уход... бегство, — сказал Орр.

Ему пришлось собраться с мыслями и ответить этому человеку, который старается помочь ему.

— Вас тяготит работа, ежедневная рутина?

Хабер, казалось, не верил, что Орру может нравиться его работа. Несомненно, Хабер обладал большим честолубием и ему трудно было поверить, что у кого-то оно может отсутствовать.

— Нет, скорее город, толпа. Слишком много людей. Заголовки. Вывески...

— Мечтаете о Южных морях? — спросил Хабер со своей медвежьей улыбайкой.

— Нет. У меня не очень богатое воображение. Я мечтаю о хижине где-нибудь за городом, может быть, на Береговом хребте, где еще остались старые леса.

— Попытались когда-нибудь купить?

— Земля, даже самая дешевая, в Заповеднике Южного Орегона стоит тридцать восемь тысяч долларов за акр, а с видом на берег возрастает до сорока тысяч.

Хабер присвистнул.

— Я вижу, вы обдумываете это всерьез. Однако, вернемся к вашим мечтам. Слава богу, за них не нужно платить. Не хотите ли еще сеанс? У нас осталось полчаса.

— Не могли бы вы...

— Что, Джордж?

— Заставить меня не видеть сны?

Хабер начал один из своих красноречивых отказов.

— Как вы знаете, испытываемое под гипнозом исключает все направления, в том числе те, что у людей обычно заблокированы. Снять этот блок, значить дать вам слишком много различных направлений. Я могу руководить вашими снами, но не хочу, чтобы вы полностью отказались от снов. Я хочу, чтобы вы подробно рассказывали о каждом сне. Хорошо? Вы знаете, что можете доверять мне. Я здесь, чтобы помочь вам. Я не прошу у вас слишком много. Я подталкиваю вас, но не слишком сильно или быстро. У вас не будет никаких кошмаров! Поверьте, я не меньше, чем вы, хочу разобраться и понять. Вы разумный человек, с вами легко работать, к тому же вы мужественны. Мы преодолеем это. Верьте мне, Джордж!

Орр не вполне верил Хаберу, но тот был непреклонен, как проповедник, к тому же Орр хотел верить ему.

Он ничего не сказал. Он снова лег на кушетку и подчинился прикосновению большой руки к своему горлу.

— Прекрасно! Вот и вы! Что вам снилось, Джордж? Подавайте горячее, на вертеле!

Орр чувствовал себя больным и отупевшим.

— Что-то о Южных морях, кокосовые орехи... Не могу вспомнить.

Он потер голову, почесал шею под короткой бородкой и сделал глубокий вдох. Страшно хотелось пить.

— А потом я видел вас. Вы шли с Джоном Кеннеди, президентом, по улице. Я думаю, что это была Олдер-стрит. Я шел за вами и что-то нес для одного из вас. Кеннеди раскрыл зонтик — я видел его профиль, как на старых пятидесятицентовых монетах. Вы сказали: «Больше он вам не понадобится, мистер президент», и взяли у него зонтик. Он, казалось, был недоволен и сказал что-то, чего я не понял. Но дождь прекратился, вышло солнце, и тогда он сказал: «Я думаю, вы правы». Дождь кончился.

— Откуда вы знаете?

Орр вздохнул.

— Увидите, когда выйдете наружу. На сегодня все?

— Я готов продолжать.

— Я очень устал.

— Тогда все на сегодня. Послушайте, а что если назначить следующую встречу на вечер? Вы уснете нормально, а гипноз я использую для того, чтобы внушить вам содержание сна. Вы будете работать днем, а я буду работать ночью. Это ускорит дело и избавит вас от всяких лекарств, подавляющих сновидения. Хотите попробовать? В пятницу вечером?

— У меня свидание, — сказал Орр и сам удивился своей лжи.

— Тогда в субботу.

— Хорошо.

Он вышел, неся дождевик на руке. В нем не было необходимости. Сон о Кеннеди сбывся. Теперь он был окончательно уверен. Каким бы спокойным ни было содержание его снов, он просыпался, отчетливо помня их и чувствуя себя разбитым, как будто приложил огромное физическое усилие. Раньше он видел такие сны не чаще раза в месяц-полтора и испытывал страх перед ними. Теперь, с помощью усилителя, с помощью гипнотического внушения три из четырех его снов за два дня оказались эффективными. А если не считать сна о кокосах, который был путаным, то три из трех. Он был предельно измотан.

Дождя не было. Когда он вышел из Восточной Башни Вильяметт, мартовское небо было чисто и высоко раскинулось над каньоном улиц. Дул восточный ветер со стороны пустыни, который изредка приносил жаркую сухую погоду в Долину Вильяметт.

Чистый воздух несколько повысил его настроение, он расправил плечи и пошел, стараясь преодолеть легкое головокружение — следствие усталости, тревоги, двух коротких снов в необычное время дня и спуска на лифте с шестьдесят второго этажа.

Велел ли ему доктор увидеть сон о прекращении дождя или только о Кеннеди — теперь он вспомнил, что у Кеннеди была борода Авраама Линкольна — или о самом Хабере? Он не мог сказать. Эффективность сна проявилась в прекращении дождя, в изменении погоды. Но это ничего не доказывает. Часто не самые запоминающиеся или поразительные детали оказывались эффективными. Он подозревал, что Кеннеди, по причинам, известным только его подсознанию, был его собственным увеличенным подобием, но не был уверен в этом.

Сквозь густую толпу людей он прошел к станции Восточный Бродвей, опустил пятидолларовую монету в автомат, получил билет, сел в поезд и погрузился в тьму под рекой.

Головокружение усилилось.

Двигаться под рекой — что за странная и дикая мысль! Пересечь реку, перейти ее вброд, переплыть, воспользоваться лодкой, паромом, мостом,

плыть вверх по реке или вниз по течению — все это имеет смысл, но двигаться под рекой — в этом есть что-то извращенное.

Под Вильяметт девять железнодорожных и автомобильных тоннелей, над ней семьдесят мостов, берега ее на протяжении двухсот семи миль закованы в бетон.

Контроль над уровнем воды в реке и ее крупном притоке Колумбии в нескольких милях по течению от центра Портленда несколько усовершенствован, и река не может подняться больше чем на пять дюймов даже во время продолжительных дождей. Вильяметт была полезной частью окружающей среды, как большое покорное тягловое животное, затянутое поводьями, уздой и седлом. Если бы она не приносила пользу, ее бы всю закрыли бетоном, подобно сотням небольших ручьев и речек, текущих в темноте под зданиями городов. Но без реки Портленд не был бы портом. По реке двигалось множество кораблей, длинные цепочки барж, большие плоты.

Поэтому поезда, грузовики и немногие частные автомобили должны были двигаться под рекой. Над головами сидящих в подземке находились тонны скал и гравия, кубометры текущей воды, кили океанских кораблей, бетонные опоры мостов, группы паровых барж, груженных замороженными курами, один реактивный самолет на высоте в тридцать четыре тысячи футов и звезды на удалении в четыре и три десятых светового года и больше.

Джордж Опп, бледный в мерцающем свете подземных ламп, стоял, держась за петлю, и раскачивался вместе с тысячами других людей. Он думал: «Я живу в кошмаре и время от времени просыпаюсь от него в снах».

Толча при выходе на станции Юнион вышибла эту мысль у него из головы. Он целиком сосредоточился на том, чтобы устоять на ногах. По-прежнему чувствуя головокружение, он боялся, что если выпустит петлю, то может упасть.

Поезд с шумом двинулся дальше. Подземной железной дороге было всего пятнадцать лет, но она сооружалась в спешке, из подручных материалов, во время, а не до краха экономики частных автомобилей. Как горожанин, уже привыкший к подземке, Опп даже не замечал страшного скрежета. Окончания его слуховых нервов потеряли свою чувствительность, хотя ему было всего тридцать лет. Во всяком случае, шум был обычным фоном кошмара. Прочнее ухватившись за петлю, Опп продолжал думать.

С тех пор как он по необходимости заинтересовался этим предметом, Опп был поражен неспособностью большинства людей запомнить содержание своих снов. Подсознательное мышление, по-видимому, недоступно сознательному запоминанию. Но бессознательно, под гипнозом? Он ведь не спит. Почему он тогда не помнит? Это его беспокоило. Он хотел знать, что делает Хабер, когда он засыпает?

Взять к примеру первый сон сегодня. Велел ли ему доктор просто снова увидеть лошадь, а он сам подсознательно добавил конский навоз? Это сму-

шало его. Или доктор предвидел и навоз, что смущает уже в другом отношении. Возможно, Хаберу повезло, что сон не окончился большой грудой дымящегося навоза на ковре в его кабинете. Вместо этого появилось изображение горы.

Орр застыл. Поезд подошел к станции Олдер-стрит. Мимо него к двери протискивались люди. «Гора! — думал он. — Он велел мне вернуть гору, значит, он знал, что она была здесь до лошади. Он знал. Он видел, как эффективные сны изменяют реальность. Он видел изменения. Он верит мне. Я не сумасшедший!»

Радость Орра была так велика, что семь или восемь прижатых к нему пассажиров тоже ощутили радость или облегчение.

Женщина, не сумевшая перехватить у него петлю, почувствовала, как перестала болеть мозоль. Мужчина, вонзивший ему в ребра локоть, неожиданно подумал о солнечном свете. Старик, сидевший прямо перед ним, на мгновение забыл о голоде.

Орр соображал не очень быстро. Он не был мыслителем. Он думал медленно, не скользя по чистому льду логики, не паря на крыльях воображения. Он медленно плелся пешком по дороге существования. Он не видел связей вещей, что свидетельствует о глубоком интеллекте. Он ее чувствовал, благодаря своей интуиции. Конечно, он не был глупцом, но он и наполовину не использовал свой мозг. Лишь когда он вышел из подземки на станции Росс-Айленд Бридж, прошел несколько кварталов вверх по холму, поднялся на лифте на восемнадцатый этаж, в свою комнату размером восемь на одиннадцать футов, положил кусок хлеба из соевых бобов в инфракрасную печь, налил кружку эрзац-пива и постоял немного у окна — он платил вдвое больше за комнату с окном, — глядя на западные холмы Портленда, уставленные огромными блестящими башнями, полными света и жизни, — лишь тогда он наконец подумал: «Почему доктор Хабер не сказал мне, что знает об эффективных снах?»

Он некоторое время размышлял.

«Хабер знает, что картина дважды изменилась. Почему он ничего не сказал? Он знает, что я боюсь безумия. Он говорит, что хочет помочь мне. Мне бы очень помогло, если бы он сказал».

Глотнув пива, Орр продолжал рассуждать:

«Доктор теперь знает, что дождь прекратился. Но когда я сказал ему об этом, он не пошел проверять. Может, он боится всего этого и не хочет узнать больше, прежде чем сказать мне, что он об этом думает? Что же, я не могу порицать его за это. Было бы странно, если бы он не боялся. Но когда он привыкнет к этой мысли... Прекратит ли он мои сны, помещает мне немедленно изменять реальность или нет? Пора прекратить. Происшедшего вполне достаточно».

Он покачал головой и отвернулся от окна.

Ничто не длится постоянно, ничто не является точным и определенным (кроме мозга педанта), совершенство есть лишь простое отрицание той неотвратимой неопределенности, которая является загадочной внутренней сущностью Бытия.

Г. Дж. Уэллс. Современная утопия.

Адвокатская контора «Формен, Вудхью и Ратти» размещалась в автомобильном гараже 1973 года, приспособленном для использования людьми. Многие старые здания Нижнего города в Портленде были того же происхождения. Некогда большую часть Нижнего города занимали стоянки автомобилей.

Вначале это были просто участки, расчерченные полосами, но по мере роста населения росли и они. Давным-давно в Портленде изобрели многоэтажные гаражи с лифтами, и прежде чем частные автомобили задохнулись в собственных выхлопах, появились пятнадцати- и двадцатизэтажные гаражи. Но все они были разрушены в восьмидесятые годы, чтобы расчистить место для высотных зданий. Некоторые были преобразованы. В этом здании номер двести девять по Юго-Западной Вербсайд еще не выветрился запах бензина. Цементный пол носил на себе следы бесчисленных автомобилей, отпечатки шин автомобильных динозавров, некогда обитавших в его гулких залах. Полы всюду были слегка наклонены, в соответствии с общей конструкцией здания. В конторе «Формен, Вудхью и Ратти» никогда нельзя было быть уверенным, что ты занимаешь строго вертикальное положение.

Мисс Лилад сидела за стеллажом с книгофильмами, отделявшим ее половину кабинета от половины мистера Пирла, и думала о себе, как о Черной Вдове.

Вот она сидит, жестокая, сияющая и ядовитая: ждет.

И жертва приходит.

— Я думаю, тут дело такого рода, — говорит он, — что-то вроде вторжения в частную жизнь. Но я не уверен. Поэтому мне нужен совет.

— Рассказывайте, — говорит мисс Лилад.

Жертва молчит.

— Вы под добровольным терапевтическим лечением, — говорит мисс Лилад, рассматривая переданную ей мистером Эссербеном записку. — За нарушение федеральных распоряжений относительно распределения лекарств в автоматических аптеках.

— Да, если бы я не согласился на ДТЛ, меня преследовали бы в судебном порядке.

— Естественно, — сухо говорит адвокат.

Человек кажется ей если не слабоумным, то на редкость примитивным. Она прочищает горло. Он тоже прочищает горло. Чистая обезьяна.

Постепенно, с бесконечными отступлениями и запинками он объясняет, что подвергается лечению, которое состоит в гипнотическом внушении сна. Он считает, что врач, внушая ему определенное содержание сновидений, нарушает права личности, определенные новой федеральной Конституцией 1984 года.

— Что ж, аналогичный случай рассматривался в прошлом году в Аризоне, — говорит на это мисс Лилад. — Человек под ДТЛ пытался обвинить своего врача во внушении ему гомосексуальных тенденций. Конечно, врач использовал стандартную технику, а истец был ужасно репрессивным человеком: его арестовали за попытки склонения к сожительству двенадцатилетнего мальчика среди дня прямо в парке Феникс. Он проходил лечение в Техакане. Я хочу сказать, что вы должны быть осторожным в предъявлении таких обвинений. Большинство врачей на правительственной службе очень осторожные люди. Если бы вы могли привести какое-нибудь фактическое доказательство... Голые подозрения ничего не дадут. Они могут привести вас к принудительному лечению в лечебнице для душевнобольных в Линконе или даже в тюрьме.

— Может быть, мне дадут другого врача?

— Гм! На это нужна веская причина. Медицинская школа направила вас к этому Хаберу. Там хорошие специалисты, вы знаете. Если вы обратитесь с жалобой на этого Хабера, человек, который выслушает вас, будет представлять Медицинскую школу, направившую вас к Хаберу. Возможно, это будет тот самый человек. Без доказательств он поверит скорее доктору, а не пациенту. Но в таком случае...

— Душевная болезнь, — печально сказал клиент.

— Точно.

Некоторое время он молчал. Наконец он поднял на нее глаза, чистые и ясные. В них не было ни гнева, ни надежды.

— Большое спасибо, мисс Лилад. Жаль, что я отнял у вас время, — улыбнулся он.

— Подождите!

Возможно, он и простак, но явно не сумасшедший, он даже не выглядит невротиком. Просто человек в отчаянии.

— Не нужно сдаваться так легко. Я не говорю, что у вас нет причины. Вы утверждаете, что хотите избавиться от наркотиков, а доктор Хабер дает вам большие дозы фенотарба, больше, чем вы принимали сами. Возможно, мы организуем расследование. Хотя я очень сомневаюсь в успехе. Но защита прав человека — моя специальность, и я хочу убедиться, что они здесь не нарушены. Вы ведь еще не объяснили мне детали. Что делает доктор?

— Если я расскажу вам, — с печальной объективностью сказал клиент, — вы решите, что я свихнулся.

— Как знать!

Мисс Лилад не поддавалась внушению — прекрасное качество в юристе, — но знала, что заходит в этом слишком далеко.

— Если я расскажу вам, — тем же тоном продолжал клиент, — что некоторые из моих снов воздействуют на реальность, а доктор Хабер это обнаружил и использует мою способность в своих целях без моего согласия, вы решите, что я спятил, не так ли?

Мисс Лилад некоторое время смотрела на него, опираясь подбородком на руку.

— Продолжайте, — наконец сказала она резким тоном.

Он правильно догадался, о чем она подумает, но она не покажет это, черт побери! Что с того, если даже он и сумасшедший? Живя в этом мире, немудрено сойти с ума.

Он с минуту смотрел на свои руки, очевидно, собираясь с мыслями.

— Видите ли, — сказал он, — у него машина, изобретение, которое анализирует мозговые волны и управляет ими.

— Вы хотите сказать, что он одержимый ученый с адской машиной?

Клиент слабо улыбнулся.

— Я, наверное, не так выразился. Нет, мне кажется, у него очень хорошая репутация, как у исследователя, и он искренне хочет помочь людям. Я уверен, что у него нет намерений повредить мне или кому-нибудь другому. Мотивы у него благородные.

Встретив на мгновение разочарованный взгляд Черной Вдовы, он запылся.

— Машина... Не могу сказать, как она действует, но он использует ее, чтобы держать мой мозг в ж-стадии, так он это называет. Этот термин обозначает особый сон, когда человек видит сновидения. Он отличается от обычного сна. Хабер гипнотически усыпляет меня, потом включает машину, и я сразу же начинаю видеть сон. Обычно так не бывает, насколько я понимаю. Машина заставляет видеть сны. Я думаю, она их усиливает. И я вижу во сне то, что он мне внушил.

— Гм. Похоже на нехитрый прием старомодного психоаналитика, с помощью которого он объясняет сны. Но вместо этого Хабер внушает вам под гипнозом содержание снов? Следовательно, я заключаю, что он с какой-то целью погружает вас в состояние, в котором вы видите сны. Установлено, что под гипнозом человек может сделать почти все, чего не сделал бы в нормальном состоянии. Это хорошо известно с середины прошлого века и установлено законом после дела Сомервилл против Яроджавски в восемьдесят восьмом. Есть у вас основания считать, что доктор внушает вам что-либо опасное, что является для вас морально неприемлемым?

Клиент колебался.

— Опасное, да. Если считать, что сон может быть опасным. Но он мне ничего не велит, только видеть сны.

— Сны, которые он вам внушает, вызывают у вас отвращение?

— Он не злой человек. У него добрые намерения. Я возражаю только против того, что он использует меня как инструмент, как средство, пусть

и для достижения благородных целей. Я не могу судить его — мои собственные сны имели аморальный эффект, поэтому я и пытался подавить их наркотиками, в результате чего и впутался в эту историю. Я хочу выбраться из нее, избавиться от наркотиков, вылечиться. Но он не лечит меня. Он меня побуждает к новым снам.

— Побуждает к чему? — спросила после паузы мисс Лилич.

— Изменять реальность, — упрямо и безнадежно ответил клиент.

Мисс Лилич снова оперлась подбородком о руку и некоторые время смотрела на свой стол, потом бегло взглянула на клиента.

Вот он сидит, спокойный, мягкий, но теперь она уже знала, что если на него наступить, он не поддастся. Он удивительно активен.

Люди, приходившие к адвокату, склонны скорее к обороне, чем к нападению. Все они чего-то добиваются: наследия, собственности, судебного предписания, развода, заключения под стражу. Она не могла понять, что нужно ему, такому беззащитному на первый взгляд. В его просьбе не было смысла, но все же он убеждал ее, что смысл в ней есть.

— Хорошо, — осторожно сказала она. — Но чем плохо, что он заставляет вас видеть сны?

— Я не имею права менять действительность. Он не имеет права заставлять меня это делать.

Боже, он верит в это! Он явно не в себе.

Все же чем-то он подцепил ее, будто она рыба, болтающаяся на крючке.

— Как менять действительность? Какую действительность? Дайте мне пример.

Она чувствовала к нему жалость. Такое чувство вызвал бы у нее шизофреник или больной паранойей, видящий иллюзорный мир. Перед ней был еще один «несчастный случай, характерный для наших времен, испытывающих душу человека», как сказал президент Мердль в своем последнем обращении к народу.

Он немного подумал.

— Во время второго моего визита он расспрашивал меня о моих мечтах, и я рассказал, что иногда мечтаю о домике в дикой местности, как в старых романах, куда можно было бы уйти. Разумеется, у меня не было никакой дачи. Но на прошлой неделе он, должно быть, внушил мне увидеть ее во сне, потому что теперь она у меня есть, дача в рассрочку на тридцать три года на правительственном участке в Сунславском национальном парке, возле Несковина. Я нанял воздушное такси и в прошлое воскресенье летал смотреть ее. Очень хорошая дача, но...

— Почему же у вас не может быть дачи? Разве это аморально? Множество людей участвуют в лотерее с прошлого года, чтобы получить эти участки. Вам очень повезло.

— Но у меня ее не было, — ответил он. — И ни у кого не было. Эти леса объявлены заповедными — вернее, то, что от них осталось. Туда нельзя было даже заходить. Никаких рассрочек на дачи не давали до прошлой пятницы, а когда я увидел во сне, все это появилось.

— Послушайте, мистер Опп. Я знаю...

— Я знаю, что вы знаете, — мягко перебил он ее. — Я тоже знаю. Знаю, как в прошлую весну решили распределить на участки остатки национального парка. Я участвовал в лотерее и получил выигрышный номер. И так далее. Но я знаю также, что до последней пятницы всего этого не было. И доктор Хабер тоже знает это.

— Значит, ваш сон в прошлую пятницу ретроспективно изменил всю реальность в штате Орегон, воздействовал на решение в Вашингтоне, принятое в прошлом году, и стер воспоминание об этом из памяти всех, кроме вас и доктора? — насмешливо сказала она. — Один сон! И вы его помните?

— Да, — печально, но твердо сказал он. — Сон о даче на берегу ручья. Я не жду, что вы мне поверите, мисс Лилач. Я даже не думаю, что доктор Хабер по-настоящему поверил в это. В противном случае, он был бы более осторожен. Это происходит вот как: если он велит мне под гипнозом увидеть в комнате розовую собаку, я ее вижу. Но в реальности такой собаки не может быть. Что же произойдет? Либо в комнате окажется большой белый пудель, почему-то выкрашенный в розовый цвет, либо, если доктор будет настаивать, что должна быть изначально розовая собака, мой сон так изменит реальность, что она будет включать розовых собак. Повсюду. Собаки всегда были черные, белые, коричневые — и розовые. И одна из этих розовых собак часто бывает в кабинете. Допустим, это любимая колли доктора. Ничего чудесного, ничего сверхъестественного. Каждый сон полностью скрывает все следы изменения. Когда я полностью проснусь, в кабинете будет самая обычная розовая собака, с вполне естественной причиной оказаться здесь. И никто не будет знать о двух реальностях, кроме меня и доктора Хабера. Я помню обе реальности, он тоже. Он был здесь в момент изменения и знает содержание сна. Он не признается, что знает, но я знаю, что он знает. Для всех остальных розовые псы существовали всегда. Для меня и для него они были — и их не было.

— Двойной ход времени, альтернативные вселенные, — сказала мисс Лилач. — Вы часто смотрите фантастические фильмы?

— Нет, — сухо ответил клиент. — Я не прошу вас поверить мне. Конечно, вы не поверите мне без доказательств.

— Да. И слава богу!

Он улыбается. У него доброе лицо. Она ему как будто нравится.

— Но послушайте, мистер Опп, как я могу получить доказательства? Если вы всякий раз сами уничтожаете все доказательства, изменения и так далее?

— Можете ли вы, действуя как мой адвокат, добиться разрешения присутствовать на одном из сеансов? — с внезапной надеждой спросил он.

— Гм. Возможно. Можно добиться, если найти весомую причину. Но если вы пригласите в качестве свидетеля адвоката, тем самым вы полностью разрушите отношения между врачом и пациентом. Ведь вы должны доверять ему, а он — вам. Вероятно, он пытается помочь вам.

— Да. Но он использует меня в экспериментальных...

Орр не закончил. Лилач застыла: паук наконец увидел добычу.

— В экспериментальных целях? Да? Машина, о которой вы говорили, экспериментальная? Подписывали ли вы согласие на что-либо, кроме общей формы ДТЛ? Похоже, мы нашли повод для жалобы, мистер Орр.

— Вы сможете присутствовать на сеансе?

— Возможно. Мы будем говорить о гражданских правах.

— Вы понимаете, что я не хочу причинять доктору Хаберу неприятностей? — беспокойно сказал он. — Я знаю, что он желает мне добра. Просто я хочу, чтобы меня лечили, а не использовали.

— Если его мотивы благородны, но он использовал на человеке экспериментальное оборудование, особых неприятностей у него не будет. Я дважды занималась такими делами по заданию медицинского департамента. Первый случай — испытание индуктора гипноза в Медицинской школе. Он не работал. Второй — демонстрация того, как по внушению развивается агрефобия, и люди чувствуют себя счастливыми в толпе. Это устройство действовало, но не получило одобрения. Мы решили, что оно попадает под действие закона о промывке мозгов. Вероятно, я смогу получить в медицинском департаменте ордер на проверку этого... как бишь его? Того, что использует ваш доктор! При этом вы не будете ни в чем замешаны. Я вовсе не буду вашим адвокатом, я даже не буду с вами знакома. Я — официальный представитель департамента. Если я ничего не добьюсь, у вас с доктором сохранятся прежние отношения. Остается только добиться доступа именно на ваш сеанс.

— Он сам мне говорил, что я единственный пациент, на котором он испытывает усилитель. Он сказал, что совершенствует его.

— Значит, он действительно экспериментальный, что бы там доктор с вами ни делал. Хорошо. Теперь я знаю, как поступить. Мне потребуется неделя, чтобы выполнить нужные формальности. Вы ведь не вычеркнете меня из действительности за неделю, мистер Орр?

— Ни за что, — с благодарностью ответил он.

Нет, это не просто благодарность. Она ему нравится. И он ей тоже. Она протянула ему свою руку, он взял ее в свою...

5

Когда Великий Путь потерян, мы обретаем благожелательность и праведность.

Лао Цзе. XVIII

Уильям Хабер поднялся по ступеням Орегонского онейрологического института и через высокую дверь из поляризованного стекла вошел в сухое и прохладное помещение с кондиционированным воздухом.

Было только двадцать четвертое марта, но снаружи, как в сауне, внутри

же было прохладно, чисто и строго. Мраморный пол, приличная мебель, стол секретаря из полированного хрома, эмалированный секретарь.

— Доброе утро, доктор Хабер!

В холле мимо него прошел Атвуд, красноглазый и усталый. Всю ночь он провел в лаборатории, наблюдая за спящим больным. Теперь большую часть этой работы выполняет компьютер, но иногда необходимо присутствие незапрограммированного мозга.

— Доброе утро, шеф, — пробормотал Атвуд.

«Доброе утро, доктор!» — услышал он и от мисс Кроч в его собственном кабинете. Он был рад, что взял с собой Пенни Кроч, когда в прошлом году занял кабинет директора института. Она была умна и преданна, а глава такого большого исследовательского института нуждается в умной, преданной женщине в своей приемной.

Он вошел в святилище.

Бросив портфель и папки на диван, он потянулся и, как всегда, войдя в кабинет, подошел к окну. Большое угловое окно выходило на восток и на север, и из него было далеко видно: изгиб перекрытой множеством мостов Вильяметт у холмов, бесчисленные башни города в молочном весеннем тумане, пригороды по обе стороны реки, уходящие за пределы видимости, и горы, высокая стройная Худ, окутанная тучами, дальше к северу мощный приземистый Адамс и чистый конус Святой Елены. Доктор Хабер не уставал восхищаться этим вдохновляющим видом. К тому же после целой недели сплошных дождей барометр поднялся, и над речным туманом появилось солнце.

Прекрасно зная по тысячам записей ЗЭГ о связи между атмосферными явлениями и состоянием мозга, он почти физически ощущал, как свежий сухой ветер поднимает его настроение. «Нужно сохранить и улучшить этот климат», — подумал он вскользь. В его мозгу одновременно формировалось несколько цепочек мыслей, и это мысленное замечание не входило ни в одну из них. Оно было сделано походя и столь же быстро отодвинулось в глубь памяти, в то время как он включил диктофон и начал диктовать одно из множества писем, написание которых входит в обязанности руководителя большого правительственного института. Конечно, это литературная поделщина, но ее нужно сделать, а он человек долга. Жалко, что оставалось мало времени для исследовательской работы. Теперь он проводил в лаборатории всего пять-шесть часов в неделю и оставил только одного пациента, хотя, конечно, наблюдал за лечением и других.

Одного пациента он все же сохранил. В конце концов он ведь врач. Он занялся исследованием снов и онейрологией, чтобы найти терапевтические средства. Его не интересовало отвлеченное знание, наука для науки: зачем узнавать что-нибудь, если это нельзя использовать. Целесообразность была его пробным камнем. Он обязательно должен иметь хотя бы одного пациента, чтобы помнить об этом фундаментальном обязательстве, чтобы сохранить контакт с человеческой реальностью, потому что нет ничего важнее людей.

Человек существует постольку, поскольку он соотносится с другими людьми, и мораль — бессмысленное слово, если только его не определять по отношению к другим, как реализацию своей социальной сущности.

Его нынешний клиент, Опп, придет в четыре. Они отказались от ночных сеансов. Мисс Кроу напомнила, что сегодня на сеансе будет присутствовать инспектор департамента здравоохранения. Он хочет убедиться, что нет ничего незаконного, аморального, вредного и так далее в операциях с усилителем. Будь они прокляты, эти правительственные ищйки!

Так всегда было с сеансами и сопутствующей им публичностью, общественным любопытством, профессиональной завистью, соперничеством различных направлений. Если бы он оставался частным исследователем и второсортным врачом в Восточной Башне Вильяметт, вероятно, никто и не заметил бы его усилитель, пока он не решил бы, что тот готов для рынка, и он продолжал бы спокойно исследовать и совершенствовать свое изобретение. Теперь же, когда он занят самой тонкой работой — психотерапией, правительство присылает юриста, который не поймет и половину увиденного и неверно поймет остальное.

Юрист пришел в три сорок пять, и Хабер вышел в приемную, чтобы встретить его — ее, как оказалось, — и сразу же установить теплые, дружеские отношения. Лучше, если инспектор сразу увидит, что ты не боишься, готов отвечать на любые вопросы и настроен доброжелательно. Врачи, которые могут скрывать свое возмущение, когда приходит инспектор, редко получают правительственные субсидии.

Не так-то просто оказалось установить сердечные взаимоотношения с этим инспектором. Она вся шелкала и звенела. Тяжелые медные застежки сумки, тяжелые медные и латунные украшения, хлопающие туфли, большое серебряное кольцо с уродливой африканской маской, нахмуренные брови, твердый голос: шелк, хлоп, бряк... Через десять секунд Хабер заподозрил, что все это шелканье — маска, как на кольце: звуки и излишняя резкость маскируют робость. Однако это не его дело. Он никогда не узнает женщину под маской, да и не в ней дело, если только он сумеет произвести на мисс Лилад как на инспектора нужное впечатление.

Отношения складывались если не очень блестяще, но и не так уж и плохо — она компетентна, занималась этой работой и раньше, к этому случаю готовилась заранее. Она знала, о чем спрашивать и как слушать.

— Этот пациент, Джордж Опп, — сказала она, — он ведь не наркоман? Спустя три недели после лечения можно ли сказать что-нибудь определенное? Может быть, психическое расстройство? Или сумеречное состояние?

— Последнее — в том значении, в каком употребляет этот термин департамент здравоохранения. Личность с искусственно изменяемой ориентацией на реальность. Но теперь его состояние улучшается.

У нее с собой был карманный диктофон, и она все записывала. Каждые пять секунд, как того требовал закон, прибор издавал негромкое «ти-ин».

— Не расскажете ли о средствах лечения (ти-ин) и какую роль в нем иг-

рает эта машина? Не объясните ли мне (ти-ин), как она устроена. Это есть в вашем отчете, но что она делает? (Ти-ин.) Например, чем она отличается от устройства ЭЛЕКТРОСОН и обычного шлема?

— Этот прибор, как вы знаете, генерирует разнообразные низкочастотные импульсы, которые стимулируют нервные клетки головного мозга. Эти сигналы можно назвать неопределенными. Их воздействие на мозг в целом напоминает воздействие стереоскопического света в критическом ритме или слуховых стимулов типа барабанного боя. Усилитель выбирает определенный сигнал, воздействует на специальную специфическую область коры. Например, субъекта можно научить производить альфа-ритмы по своему желанию. Усилитель делает это без всякого обучения, даже если пациент в таком состоянии, которое обычно не позволяет производить альфа-ритм через соответствующим образом размещенные электроды. Через несколько секунд мозг воспринимает нужный ритм и производит их сам так устойчиво, как дзенбуддист в трансе. Точно также можно вызвать любую стадию сна, с ее типичными циклами и региональной активностью.

— Стимулирует ли он центр удовольствия или резервные ритмы?

О, блеск в глазах, как только упоминается центр удовольствия! Хабер сдержал иронию и раздражение и ответил с дружеской искренностью:

— Нет. Это не электростимуляция и не химическая стимуляция любого центра. Усилитель не вторгается в особые зоны мозга, он просто заставляет измениться всю мозговую активность, перейти на другую, тоже естественную стадию. Как навязчивый мотив, заставляющий вас двигаться в такт. Мозг входит в нужное для терапии состояние и сохраняет его, сколько нужно. Я назвал прибор усилителем, чтобы подчеркнуть, что он ничего не создает, ничего не привносит извне. Сон, внушаемый усилителем, — это самый нормальный, естественный сон. Разница между усилителем и устройством электросна та же, что между костюмом, сшитым на заказ, и масковым пошивом. А разница в вживлении электродов — о, черт! — как между скальпелем и кузнечным молотом.

— Но как вы создаете стимулы, которыми потом (ти-ин) пользуетесь? Записываете ли, например, альфа-ритмы здорового человека, чтобы использовать на больном? (Ти-ин.)

Он избегал этого пункта. Он не собирался лгать, конечно, но просто нет смысла говорить о незавершенном исследовании, пока оно не испытано. На неспециалиста это может произвести дурное впечатление. Хабер отвечал, с удовольствием слушая свой собственный голос, вместо ее шелканья, звона и стука — удивительно, как он еще слышит ее!

— Вначале я использовал набор усредненных стимулов, записанных от разных субъектов. Пациент, упомянутый в отчете, с успехом подвергался такому лечению. Но я чувствовал, что эффект этот случаен. Я начал экспериментировать на животных: конечно, на кошках. Мы, исследователи снов, любим кошек: они так много спят! И вот, работая с животными, я заметил, что наиболее перспективны стимулы, записанные у того же субъекта. Нечто вроде автостимуляции. Видите ли, мне нужна специфика. Мозг отве-

чает на собственные альфа-ритмы немедленно. Конечно, наряду с исследовательскими открываются и терапевтические возможности. На ритм пациента можно постепенно накладывать несколько иной ритм, более здоровый, записанный ранее от того же субъекта или от иного. Это может оказаться весьма перспективным и в случаях повреждения нормальных функций мозга и мозговых травм. Тем самым мы поможем мозгу восстановить старые связи по новым каналам. Сам по себе мозг делает это с гораздо большим трудом. Можно попытаться «научить» неправильно функционирующий мозг новому умению и так далее. Однако все это предварительные рассуждения, а как только я займусь непосредственно исследованиями, я тут же зарегистрирую их в департаменте.

Здесь он покривил душой. Не было необходимости упоминать, что он все время занимается исследованиями, поскольку они были неоконченными и могли быть неверно поняты.

— Можно сказать, что стимулирование, которым я пользуюсь, воздействует на пациента только во время работы машины — от пяти до десяти минут.

Он больше знал об особенностях работы инспектора, чем она о его работе. Он видел, как она слегка кивнула в ответ на его последнюю фразу. Дескать, так и должно быть.

Потом она сказала:

— Что же она делает, эта машина, с данным пациентом?

— Я как раз перехожу к этому, — ответил Хабер.

Он быстро сменил тон, так как в нем явственно начало проступать раздражение.

— В данном случае у нас субъект, боящийся сновидений, — онейрофобия. Мое лечение заключается в совмещении традиционной и современной психологии. Пациент усыпляется здесь в контролируемом состоянии. Нужное содержание сна достигается гипнозом-внушением. Пациента учат спать и видеть безопасные сны, чувствовать удовольствие и так далее. Это со временем избавит его от комплексов. Усилитель — идеальный инструмент для этой цели. Он усиливает типичную ж-активность пациента. Обычно требуется от часа до полутора, чтобы пациент миновал стадию обычного сна и вступил в ж-стадию. На дневных сеансах такая трата времени непозволительна. Больше того, во время глубокого продолжительного сна гипнотическое внушение слабеет и может быть совершенно утрачено. Это нежелательно. Очень важно, чтобы на сеансах у пациента не было дурных снов, не было кошмаров. Усилитель экономит мое время и обеспечивает безопасность. Терапевтического эффекта можно достичь и без него, но на это потребуется много месяцев. С ним же я ожидаю исцеления в течение нескольких недель. Возможно, это не менее ценное средство, чем гипноз в психоанализе и терапии.

— Ти-ин, — произнес диктофон адвоката.

— Бонг, — ответил ему коммутатор, негромко, но авторитетно.

Слава богу!

— Вот и пациент. Сейчас, мисс Лилад, вы с ним встретитесь и, если хотите, можете немного поболтать. А потом вы сядете в это кожаное кресло в углу и постараетесь быть незаметной. Хорошо? Ваше присутствие не должно отразиться на пациенте, но если ему об этом постоянно напоминать, его реакции могут замедлиться. Видите ли, он очень беспокоен и имеет тенденцию интерпретировать происходящее как угрозу своему здоровью, и вырабатывать соответствующую защиту. Впрочем, вы увидите это сами. Ах да, выключите запись! Терапевтические сеансы не для записи. Вот так, хорошо. Здравствуйте, Джордж, входите! Это мисс Лилад, работник департамента здравоохранения. Она хочет посмотреть, как работает усилитель.

Джордж Опп и мисс Лилад неловко пожали друг другу руки. Бряк, бряк — браслеты адвоката. Контраст поразил Хабера — волевая резкая женщина и мягкий, бесхарактерный мужчина. У них не было ничего общего.

— Теперь, — сказал доктор, — я предлагаю приступить к делу. — Он радовался началу сеанса. — Если только вы, Джордж, не хотели бы предварительно о чем-нибудь поговорить.

С этими словами он энергично разместил их по своим местам: Лилад в кресло в углу комнаты, Оппа на кушетку.

— Прекрасно. Начнем. Все будет записано, и департамент убедится, что усилитель укрепляет ваши эмоции, не ухудшая работу мозга, и вообще не имеет никаких побочных эффектов, разве что легкое компенсирующее уменьшение стадии ж-сна сегодня ночью.

Закончив фразу, он небрежным жестом положил руку на горло Оппа.

Опп уклонился от контакта, как будто никогда не подвергался гипнозу.

— Простите, вы подошли так внезапно, — извинился он.

Необходимо было полностью загипнотизировать пациента, используя индуктивный метод. Конечно, он абсолютно законен, но довольно драматичен, и Хабер не хотел бы пользоваться им лишний раз в присутствии представителя департамента. Он сердился на Оппа, чувствуя в последних сеансах его нарастающее сопротивление. Добившись подчинения пациента, он снова включил запись со скучным повторением все углубляющегося транса и постгипнотическим внушением для сеанса:

— Вам удобно, вы расслабились, вы глубже погружаетесь в транс.

И так далее.

Пока шла запись, Хабер отошел к столу и деловито принялся сортировать бумаги, игнорируя присутствие Лилад. Зная, что нельзя прерывать сеанс гипноза, она молча смотрела в окно на башни города.

Наконец Хабер остановил запись и надел на голову Оппа шлем.

— А теперь поговорим о вашем будущем сне, Джордж. Хотите?

Ответом ему был замедленный кивок пациента.

— В последний раз вы говорили о том, что вас беспокоит. Вы сказали, что работа вам нравится, но не нравится ездить в подземке. Вы сказали, что толпа угнетает вас. Вы чувствуете, как будто нет достаточного пространства, нет свободы.

Он помолчал, и пациент, который в гипнозе становился особенно молчалив, сказал:

— Перенаселение.

— Гм. Да, вы использовали это слово. Это ваше слово, ваша метафора для ощущения несвободы. Давайте обсудим это слово. Вы знаете, что в восемнадцатом веке Мальтус забил тревогу в связи с ростом населения, а тридцать-сорок лет назад была новая волна паники, и все равно население растет. Однако те ужасы, которые рисовались воображению, не наступили. Сейчас совсем не так плохо, как нам предсказывали. Нам всем вместе хорошо живется в Америке, и если некоторые наши жизненные стандарты в чем-то уступают предшествующим поколениям, то в других отношениях они их намного превосходят. Но допустим, страх перед перенаселением действует не внешне, а внутренне на состояние мозга. Если вы чувствуете себя стесненным множеством людей, когда этого на самом деле нет, что это значит? Может быть, вы боитесь контактов с людьми, боитесь соприкосновения с ними? Так вы находите повод держать реальность на некотором удалении.

ЗЭГ действовала. Продолжая говорить, Хабер подключил усилитель.

— Теперь, Джордж, мы еще немного поговорим. А когда я произнесу слово «Антверп», вы уснете. Проснувшись, вы будете чувствовать себя отдохнувшим и полным энергии. Вы не вспомните то, что я сейчас говорил, вы запомните свой сон. Вам будет сниться то, что вас беспокоит, — перенаселение. Во сне вы убедитесь, что в сущности не это вас беспокоит. Люди не могут жить в одиночестве. Оказаться в одиночестве — худший вид наказания. Нам нужны окружающие люди, чтобы они помогали нам, а мы помогали им, чтобы мы соперничали с ними, чтобы наш мозг работал...

Присутствие адвоката мешало Хаберу: приходилось пользоваться абстрактными понятиями, вместо того, чтобы излагать конкретное содержание сна.

Разумеется, он не фальсифицировал свой метод, чтобы обмануть наблюдателя, его метод еще не имел вариантов. Он кое-что менял от сеанса к сеансу, ища способ внушить наиболее точно желаемое содержание сна, и всегда наталкивался на сопротивление, которое иногда казалось сверхтрудным мыслительным процессом, а иногда упрямством самого Орра. Во всяком случае, сон никогда не получался точно таким, какого хотел Хабер. Может статься, что и это отвлеченное рассуждение подействует не хуже других. Возможно даже, что оно вызовет меньшее подсознательное сопротивление Орра.

Хабер жестом подозвал адвоката и показал на экран ЗЭГ, на который она поглядывала из угла, а сам продолжал:

— Вы увидите сон, в котором не будет чувства перенаселения. Весь мир будет перед вами, вы ощутите свободу.

Наконец он сказал:

— Антверп!

Он указал на экран, и Лилач увидела почти немедленную перемену.

— Видите, как замедляются все движения, — говорит он. — Вот пик высокого напряжения, вот другой... всплеск сна. Он уже во второй стадии ортодоксального сна с-стадии, как вы его назовете. Это сон без ярких сновидений, он длится между периодами ж-стадии всю ночь. Но я не позволю ему задерживаться здесь, поскольку нам нужны сновидения. Включаю усилитель. Следите за этими линиями. Видите?

— Похоже, будто он просыпается, — с сомнением заметила она.

— Верно. Но он не просыпается. Посмотрите на него.

Орр лежал навзничь, голова его откинулась, так что короткая светлая борода задралась кверху. Он крепко спал, но рот у него был напряжен. Вот он вздохнул.

— Видите, как двигаются его глаза под веками. Когда в 1930 году установили этот феномен, его называли быстрыми движениями глаза спящего. Но это не только движения глаз. Это третья стадия существования. Все его автономные системы полностью мобилизованы, как в напряженные моменты бодрствования. Но мышечный тонус нулевой. Большие мышцы расслаблены глубже, чем при с-сне. Кора, подкорка, мозжечок, средний мозг — все активны, как при бодрствовании, в то время как при сне с-стадии они пассивны. Дыхание и давление крови на уровне бодрствующего организма или даже выше. Пощупайте его пульс.

Он взял запястье Орра.

— Восемьдесят или восемьдесят пять. Он парень что надо.

— Значит, он видит сон?

— Да.

— И все его реакции нормальны?

— Абсолютно. Каждую ночь мы все четыре или пять раз бываем в таком состоянии, не менее чем по десять минут каждый раз. Это совершенно нормальная ж-стадия на экране ЗЭГ. Единственная странность — вот эти редкие пики, какая-то мозговая буря. Раньше я подобного не наблюдал. Такие пики наблюдаются в ЗЭГ человека, занятого напряженной творческой работой: создание картин, скульптур, стихотворений, даже чтение Шекспира. Я еще не знаю, что в данный момент делает его мозг. Усилитель дает мне возможность регулярно наблюдать эти эффекты, а затем изучать их.

— А может, этот эффект вызван машиной?

— Нет.

Он уже пытался стимулировать мозг Орра, посылая запись одного из этих пиков, но в результате получалась мешанина прежних снов, во время которых усилитель зафиксировал пик, и нынешнего. Но не стоило упоминать о неудачных экспериментах.

— Теперь, когда он глубоко погрузился в свой сон, я выключаю усилитель. Сможете ли вы определить, когда я его выключил?

Она не смогла.

— Мозговая буря продолжается. Смотрите на эти линии. Так бывает и у других пациентов, ничего нового. Вы видели исследовательские воз-

возможности усилителя? Никакого влияния на пациента, кроме приведения его мозга в нужное врачу состояние. Смотрите!

Она, конечно, пропустила пик. Наблюдение за ЗЭГ требует практики.

— Он все еще видит сон и расскажет нам о нем.

Больше Хабер не мог говорить. Он чувствовал: движение, приход, изменение.

Женщина тоже почувствовала это. Она выглядела испуганной. Сжимая тяжелое медное ожерелье, как талисман, она в ужасе и отчаянии посмотрела в окно.

Он не ожидал этого. Он считал, что только он сможет ощутить изменение.

Но она слышала, как он внушал Орру содержание сна, она, как и он, была в центре, стояла рядом с видящим сон и подобно Хаберу видела в окно, как исчезают башни и как рассеиваются огромные пригороды, как туман, как дым. И город Портленд, который до чумы населял один миллион человек, теперь, в годы Восстановления, имеет всего сто тысяч. Подобно всем американским городам, в нем множество развалин. Видны мосты над рекой, старое сорокаэтажное здание первого Национального Банка, а далеко за ним, над всем — строгие бледные горы.

Она видела, как это произошло, хотя он не допускал и мысли, что инспектор департамента тоже увидит изменения. А значит, он и сам в сущности не верил в них, в реальность снов Орра, хотя был свидетелем их, в страхе и замешательстве, не менее десятка раз, хотя он видел, как лошадь превращалась в гору, как одна реальность сменяет другую. Хотя он уже месяц испытывал и наблюдал мощь мозга Орра, он все еще не верил в происходящее.

Весь сегодняшний день с момента прихода на работу он ни разу не вспомнил, что неделю назад он не был директором Орегонского онейрологического института, потому что такого института не существовало. Но с прошлой пятницы такой институт существует уже восемнадцать месяцев, а он его основатель и директор, и так оно и есть — для него, для всего персонала, для коллег из Медицинской школы, для правительства, субсидировавшего институт. Он полностью, как и все они, принял эту новую реальность. Он подавил в себе воспоминания о том, что до последней пятницы все было не так.

До сих пор это был наиболее успешный сон Орра. Начался он в старом кабинете за рекой, под проклятой фотографией Маунт-Худа, а кончился здесь, и он был при этом, видел как меняются вокруг стены, как меняется мир, и забыл об этом, настолько прочно забыл, что даже не подумал, что ведь третье лицо, посторонний, тоже может увидеть это.

Что сделает эта женщина? Поймет? Сойдет с ума? Что она сделает? Сохранит ли обе памяти, как он, подлинную и новую, старую и подлинную? Нет, скорее всего, она вмешается, приведет других наблюдателей, полностью испортит эксперимент, нарушит все его планы.

Он должен остановить ее любой ценой!

Он обернулся к ней, готовый к насилию, сжимая кулаки. Она стояла неподвижно как истукан, коричневая кожа посерела, рот открыт. Она была ошеломлена и не могла поверить в то, что увидела за окном. Не может и не поверит.

Напряжение несколько отпустило Хабера.

Глядя на нее, он скоро убедился: она настолько поражена, что стала неопасной. Тем не менее нужно было действовать быстро.

— Он поспит еще немного, — сказал Хабер.

Голос его звучал почти нормально, разве что немного более хрипло, чем раньше. Он понятия не имел, что скажет дальше, но продолжал говорить: все, что угодно, лишь бы не молчать.

— Сейчас я оставляю ему короткий период с-сна. Прекрасный вид, не правда ли? Эти восточные ветры — божье благословение. Осенью и зимой я по месяцам не вижу гор, но когда облака расходятся, они тут как тут. Прекрасное место Орегон, наименее опустошенный штат. Он не очень эксплуатировался до Катастрофы. Портленд лишь начинал расти. Вы местная уроженка?

Она ошеломленно кивнула.

— А я из Нью-Джерси. Загрязнение окружающей среды становилось ужасно, когда я был ребенком. Сколько сил пришлось вложить в очистку Восточного побережья после Катастрофы! Невероятно! Очистка еще продолжается. Здесь же перенаселение и загрязнение среды не успели еще нанести большого ущерба, если не считать Калифорнию. Экосистема Орегона почти не затронута.

Опасно было говорить на критическую тему, но он больше ничего не мог придумать, будто его околдовали. Голова была заполнена двумя рядами воспоминаний, двумя системами информации, одна — о реальном, больше не существующем мире с населением свыше семи миллиардов человек, увеличивавшемся в геометрической прогрессии, другая — о реальном, существующем мире, с населением менее миллиарда и все еще не стабилизировавшемся.

«Боже, — подумал он, — что он наделал! Семь миллиардов человек! Где они?»

Но адвокат не должна осознать это.

— Вы были когда-нибудь на востоке, мисс Лиладж?

— Нет.

— И ни к чему! Нью-Йорк в любом случае обречен, Бостон тоже. Будущее страны не там, а здесь. Кстати, вы знакомы с Льюисом Фертом в департаменте?

— Да, — ответила она.

Она была все еще бледна, но начинала отвечать, как будто ничего не случилось.

Спазма облегчения прошла по телу Хабера. Сердце у него заколотилось, захотелось сесть. Опасность миновала. Она отвергла свой невероятный опыт. Теперь она спрашивает себя: «Что со мной, почему я, глядя в

окно, ожидаю увидеть город с тремя миллионами жителей? Разве я сошла с ума?»

«Конечно, — подумал Хабер, — человек, увидевший чудо, скорее не поверит своим глазам, если никто из окружающих ничего не скажет».

— Здесь душно, — сказал он с ноткой озабоченности в голосе.

Он подошел к термометру на стене.

— Люблю тепло! Привычка старого исследователя снов. Температура тела во время сна падает, и мне не хочется, чтобы у пациентов появился насморк. Но эти нагреватели слишком эффективны, становится слишком жарко, и у меня начинается головокружение. Он скоро проснется.

Хабер не хотел, чтобы Орт отчетливо помнил свой сон, пересказал его и тем самым подтвердил бы чудо.

— Я думаю дать ему поспать еще немного. В сущности, содержание его сна меня не очень интересует, а он сейчас в третьей стадии. Пусть поспит, а мы кончим разговор. Не хотите поговорить еще о чем-нибудь?

— Нет, не стоит.

Ее побрякушки неуверенно звякнули. Она поморгала глазами, пытаясь сосредоточиться.

— Если вы пришлете в отдел мистера Форта подробное описание машины, принцип ее действия, попытки использования, результаты — ну, вы знаете... этого будет достаточно. Вы взяли патент?

— Я сделал заявку.

Она кивнула.

— Стоит.

С бряканьем и со звоном она подошла к спящему, наклонилась и посмотрела со странным выражением на тонком коричневом лице.

— У вас необычная профессия, — сказала она вдруг. — Сны... следить, как работает мозг человека, внушать ему содержание снов... Вероятно, большинство исследований вы проводите по ночам?

— Я привык. Усилитель может отчасти избавить нас от этого, мы можем спать, когда захотим. Но несколько лет назад был период, когда я в течение тринадцати месяцев ни разу не ложился раньше шести утра.

Он рассмеялся.

— Теперь я хвастаюсь этим. Мой рекорд. Теперь всю работу, приближающую к кладбищу, я оставляю подчиненным. Компенсация за возраст!

— Спящие так далеки! — сказала она.

Она все еще глядела на Орта.

— Где он?

— Вот здесь, — ответил Хабер.

Он похлопал по экрану ЗЭГ.

— Здесь, но без связи. Это больше всего поражает в спящем. Полная обособленность. Спящий поворачивается спиной ко всем. «Загадка индивидуальности во сне сильнее», — сказал один из специалистов в моей области. Но, конечно, загадка — это проблема, которую мы еще не решили. Он сейчас должен проснуться... Джордж! Проснись, Джордж!

Орр проснулся, как обычно, быстро перейдя из одного состояния в другое, без стонов и изумленных взглядов. Он сел и взглянул сначала на мисс Лилад, потом на Хабера, снимавшего с его головы шлем, встал, потянулся и подошел к окну.

Он стоял, глядя на город.

В его фигуре была какая-то монументальность. Он был совершенно неподвижен, как центр чего-то. Ни Хабер, ни женщина не могли произнести ни слова.

Орр обернулся и посмотрел на Хабера.

— Где они? — спросил он. — Куда они исчезли?

Хабер видел, как широко раскрылись глаза женщины, видел, как она напряглась, и приготовился встретить опасность. Он должен был говорить!

— Судя по ЗЭГ, у вас был очень яркий сон, Джордж, в сущности, кошмар.

Он услышал собственный голос, глубокий и теплый, точно такой, как хотел.

— Наверное, это был первый «дурной» сон за все наши сеансы.

— Мне снилась чума, — сказал Орр. Он вздрогнул всем телом, как в лихорадке.

— Знаю, вам пришлось нелегко. На этот раз, Джордж, в вашем сне было подлинное беспокойство. На этот раз под моим руководством, по моей команде вы приблизились к самой сути своей болезни. Это приближение нелегко и неприятно.

— Вы помните годы чумы? — спросил Орр без вызова, но с какой-то необычайной ноткой в голосе.

Сарказм? Он украдкой взглянул на Лилад, которая отошла к своему креслу в углу.

— Да, помню, когда началась эпидемия, я был уже почти взрослым. Мне было двадцать два года, когда в России впервые объявили, что химическое отравление атмосферы принимает форму вирулентных образований. На следующий день была опубликована больничная статистика Мехико. Потом определили инкубационный период, и все тут же начали считать и ждать. Начались мятежи, появились секты: Церковь Судного Дня, движение Яростных. В тот год умерли мои родители, на следующий год жена, потом две сестры и их дети — все мои близкие. — Тут Хабер горестно вскинул руками. — Мне их никогда не забыть.

— А ведь чума покончила с перенаселением, — сказал Орр. На этот раз сарказм в его голосе звучал совершенно отчетливо. — И это сделали мы.

— Да. Теперь перенаселения нет. А было ли другое решение, кроме атомной войны? Теперь нет постоянного голода в Южной Америке, Африке и Азии. Когда полностью восстановят транспорт, не останется даже тех отдаленных голодающих районов, которые еще сохранились. Говорят, до сих пор треть человечества ложится спать на пустой желудок, но в тысяча

девятьсот восьмидесятом году они составляли девяносто два процента. Теперь на Ганге не бывает наводнений из-за плотин, образованных трупами умерших от голода. Дети рабочих в Портленде больше не болеют рахитом, а ведь до Катастрофы все это было.

— Чума, — сказал Опп.

Хабер наклонился вперед над своим большим столом.

— Джордж, скажите мне, Земля перенаселена?

— Нет.

Хабер подумал, что Опп рассмеется, и с опаской отодвинулся немного, потом увидел, что глаза Оппа блестят от слез. Опп чуть не рехнулся. Тем лучше.

Если он развалится, адвокат менее всего будет склонна рассказывать кому-нибудь о случившемся.

— Но полчаса назад, Джордж, вы были глубоко обеспокоены, потому что считали перенаселение угрозой цивилизации, всей земной экосистеме. Я не думаю, чтобы беспокойство исчезло, но качество его изменилось, поскольку вы пережили его во сне. Теперь вы знаете, что в действительности для него нет оснований. Беспокойство по-прежнему существует, но теперь вы знаете, что оно иррационально и что оно соответствует вашему внутреннему миру, а не реальности. В этом все дело. Это только начало, хорошее начало. Мы многого добились на этом сеансе. Вы понимаете? Теперь у нас есть возможность справиться с болезнью. Мы добрались до того, что угнетало вас. Теперь борьба пойдет легче, потому что вы свободный человек. Вы это чувствуете? Разве вы не чувствуете, что толпа больше вас не угнетает?

Опп посмотрел на него, потом перевел взгляд на адвоката и ничего не сказал.

Наступила длинная пауза.

— Вы устали, — сказал Хабер.

Он хотел успокоить Оппа, вернуть в обычное состояние, в котором тому не хватало смелости сказать что-нибудь о власти своих снов в присутствии третьего лица, либо сломить его, чтобы получить явные признаки ненормальности. Но он не добился ни того, ни другого.

— Если бы не инспектор, я предложил бы вам немного виски, но сейчас лучше не превращать терапевтический сеанс в выпивку.

— Вы не хотите услышать мой сон?

— Если хотите.

— Я хоронил их в одной большой траншее. После смерти родителей я работал в погребальных войсках. Мне тогда было четырнадцать лет. Но во сне мертвые были все обнажены и выглядели так, будто умирали от голода. Целые холмы трупов. Мне нужно было их всех похоронить. Я искал вас, но вас среди них не было.

— Нет, — уверенно возразил Хабер. — Я еще не попадал в ваши сны, Джордж.

— Попадали. С Кеннеди. И как лошадь.

— Да, в самом начале лечения, — сказал Хабер, отменяя это. — В этом сне вы использовали кое-какие реальные происшествия.

— Нет. Я никогда никого не хоронил. Никто не умер от чумы. Все это мое воображение. Я видел это во сне.

Проклятие! Этот идиот вышел из-под контроля. Хабер склонил голову, изображая терпеливое выжидание. Это было все, что он мог себе позволить, более сильное средство вызвало бы подозрение у адвоката.

— Вы говорите, что помните чуму. Но разве вы при этом не помните, что никакой чумы не было, что никто не умирал от смертоносного рака, что население продолжало расти? Нет? Вы не помните этого? А вы, мисс Лилад, не помните и то, и другое?

Тут Хабер встал.

— Простите, Джордж, но я не могу допустить вмешательства мисс Лилад. У нее нет должной квалификации. Она не может вам отвечать. Это сеанс лечения. Она здесь для наблюдения за усилителем и больше ничего. Я настаиваю на этом.

Орр побледнел и сжал зубы. Он сидел, глядя на Хабера, и молчал.

— Возникла проблема и, боюсь, существует только один способ ее решения. Разрубим гордиев узел. Не обижайтесь, мисс Лилад, но, как видите, эта проблема — вы. Мы сейчас на такой стадии, когда наш диалог просто не допускает участия третьего лица. Лучше всего кончим с этим прямо сейчас. Итак, завтра в четыре, хорошо, Джордж?

Орр встал, но не подошел к выходу.

— Думали ли вы когда-нибудь, доктор Хабер, что могут существовать и другие люди, обладающие той же способностью, что и я? Что реальность все время изменяется, обновляется, только мы этого не знаем? — спросил он спокойно, чуть заметно заикаясь. — Знает это лишь видевший сон и те, кто знают о его сне. Если это так, я думаю, нам повезло, что мы не узнаем. Жить так нелегко.

Хабер проводил его до двери и выпустил.

— Вы попали в критический сеанс, — сказал он мисс Лилад.

Он закрыл за Орром дверь, вытер пот и расслабился, позволив беспокойству и усталости отразиться на лице и в тоне голоса.

— Фу! И в такой-то день — инспектор!

— Я очень заинтересовалась, — сказала она.

Ее браслеты чуть-чуть звякнули.

— Он не безнадежен, — сказал Хабер. — Такой сеанс даже на меня производит угнетающее впечатление. Но у него есть реальная возможность избавиться от иллюзорной сети, в которой он запутался. Беда в том, что он умен и слишком быстро сам себя запутывает. Если бы он обратился к врачу десять лет назад или хотя бы год назад, до того, как он начал активно употреблять наркотики... Но он старался и продолжает стараться, и может еще победить.

— Но вы говорили, что он не сумасшедший, — заметила с некоторым сомнением мисс Лилад.

— Верно. Я говорил — сумеречное состояние. Если он не выдержит, он несомненно спятит. Вероятно, это будет случай катотанической шизофрении.

Он больше не мог говорить, слова высыхали на языке. Ему казалось, что сейчас он потеряет контроль над речью и произнесет какую-то бессмыслицу. К счастью, мисс Лилич тоже, очевидно, поняла, что с нее довольно. Она быстро попрощалась и ушла.

Хабер подошел к магнитофону, скрытому в стене у кушетки. На нем он записывал все сеансы. Записывающий аппарат без звуковых сигналов был особой привилегией психиатров. Хабер стер запись.

Потом он сел за свой большой дубовый стол, открыл нижний ящик, достал бутылку и налил полстакана бурбона.

Полчаса назад никакого бурбона тут не было, как не было его уже двадцать лет! Когда нужно прокормить семь миллиардов ртов, зерно слишком ценный продукт, чтобы гнать из него спирт. Эрзац пива и — только для медиков — чистый спирт — это все, что было в его столе полчаса назад.

Он выпил залпом половину, помолчал, немного погодя встал, подошел к окну и взглянул на крыши и деревья. Сто тысяч человек. Над спокойной рекой спускался вечер, но горы еще были ясно видны.

— За лучший мир! — сказал доктор Хабер.

Он поднял стакан и стал пить виски медленными гурманскими глотками.

6

Нам придется научиться помнить, что наша задача — только начало, и что нам никто никогда не окажет помощи, кроме помощи ужасного, нёмыслимого времени. Нам придется узнать, что бесконечный водоворот рождений и смертей, из которых мы не можем вырваться, — это наше сознание, что силы, объединявшие миры, — это ошибки прошлого, вечная печаль, — это вечный голод неутоленного желания, и что выгоревшие солнца зажигаются неугасимой страстью погибших жизней.

Лавкадис Херн. О Востоке.

Квартира Джорджа Орра помещалась на верхнем этаже старого дома в нескольких кварталах вверх от Корбетт-авеню в запущенной части города, где большинству домов было по сто лет и больше. В квартире было три большие комнаты и ванная. Из окон открывался вид на реку, по которой вверх и вниз по течению проходили суда, яхты, лодки.

Он отчетливо помнил свою другую квартиру — комнату восемь с половиной на одиннадцать футов, с конусообразной печью и надувной кроватью, с общей ванной в конце длинного, крытого линолеумом коридора в восемнадцатой башне Корбетт-Кондеминнум, которая никогда не была построена.

На троллейбусе он доехал до Уайтеккер-стрит и пошел вверх по широким темным ступеням, вошел, уронил папку на стол, а свое тело на кровать. Он был в ужасном состоянии. Он чувствовал боль, истощение, замешательство. «Я должен что-то делать», — говорил он себе отчетливо, но не знал, что. Он всегда делал то, что, казалось, следует делать, не задавая вопроса, не принуждая себя, не беспокоясь. Но эта уверенность оставила его, когда он начал принимать наркотики, и теперь он был сбит с толку. Он должен действовать, должен взять свою судьбу в собственные руки.

Он вытянул руки и посмотрел на них, потом закрыл ими лицо. «О, боже, — горько подумал он, — что я за человек? Слезы в моем возрасте! Неудивительно, что Хабер использует меня, да и как иначе? У меня нет ни силы, ни характера, я прирожденное орудие. У меня нет судьбы. Все, что у меня есть, — это сны. И теперь ими управляют другие. Я должен уйти от Хабера».

Он старался быть твердым и решительным, но в то же время он знал, что не сможет. Хабер прочно держал его на крючке и не на одном.

Хабер говорит, что такие необычные, подлинно уникальные сны представляют большую ценность для исследования, что Орд внесет большой вклад в сокровищницу человеческих знаний. Орд верил в искренность Хабера и знал, о чем тот говорит.

Научный подход оставался его единственной надеждой. Может, наука сумеет обратить к добру его странный и страшный дар, извлечь хоть какую-то компенсацию за причиненный им страшный вред.

Убийство шести миллиардов несуществующих людей!

Голова у Орда раскалывалась. Он налил в раковину холодной воды и на полминуты погрузил в нее голову. Вынырнул он красный, слепой и мокрый, как новорожденный.

Хабер удерживал его морально, но главный крючок, конечно, закон. Если Орд прекратит ДТЛ, он будет обвинен в незаконном использовании наркотиками и заключен в тюрьму, — или в сумасшедший дом. Выхода не было.

Если он не успокоится, не станет ходить на сеансы и не будет подчиняться, у Хабера есть эффективное средство наказания: наркотики, подавляющие сновидения. Их Орд может получить только по рецепту Хабера. Теперь его еще больше, чем раньше, тревожила мысль о спонтанных, бесконтрольных сновидениях. В своем теперешнем состоянии, привыкнув к эффективному сну в лаборатории, он и подумать боялся, каким может быть эффективный сон без контроля и гипнотического внушения. Кошмар, еще худший, чем последний сон в кабинете Хабера, в этом он был уверен и не хотел этого. Он должен принимать лекарства. Он знал, что должен, но делать это можно, лишь пока позволяет Хабер, поэтому он вынужден сотрудничать с Хабером.

Он пойман. Мышь и мышеловка. Он бежит по лабиринту одержимого ученого, а выхода нет.

«Но Хабер не безумный ученый, — тупо думал Орд, — он вполне нор-

мален. Только возможность использовать мои сны вывела его из равновесия. Он участвует в игре и наслаждается своей ролью. Он использует свою науку, как средство, но цели его благородны. Он хочет усовершенствовать человечество. Разве это плохо?»

Голова снова заболела. Он опять погрузил ее в воду, когда зазвонил телефон. Опп торопливо вытер лицо, вернулся в темную спальню, нащупал трубку.

— Опп слушает.

— Говорит Хитчер Лилач, — послышался негромкий альт.

Оппа охватило необыкновенное чувство удовольствия, как будто в мозгу у него расцвел цветок.

— Алло! — сказал он.

— Хотите встретиться и поговорить?

— Да, конечно.

— Я хочу сказать, что трудно найти повод для отказа от усилителя. Похоже, тут все в порядке. Все меры предосторожности приняты, все проверки произведены, теперь прибор зарегистрирован в департаменте. Он настоящий профессионал. Не знаю уж, кем он был, когда вы в первый раз разговаривали со мной. Человек не может занять такой пост, если он не достиг совершенства в своем деле.

— Какой пост?

— Ну как какой? Директора правительственного института!

Ему нравилось, что она часто начинает свои яростные презрительные предложения слабым, примирительным «ну». Она сама выбивала почву из-под своих слов, заставляя их повиснуть без поддержки. Храбрая, очень храбрая женщина.

— О, да, понимаю, — неопределенно сказал он.

Доктор Хабер стал директором на следующий день после того, как Опп получил свою дачу. Дачу он видел во время единственного сеанса, длившегося всю ночь, они больше этого не пробовали. Гипнотическое внушение содержания сновидений ночью оказалось неэффективным, и в три часа ночи Хабер сдался, подключил Оппа к усилителю, который весь остаток ночи питал его сны, и оба смогли отдохнуть.

На следующее утро состоялся очередной сеанс, такой сложный и путанный, что Опп так и не понял, что он изменил сам, а что навязал ему доктор Хабер. Он уснул в старом кабинете Орегонского онейрологического института, а Хабер организовал себе продвижение.

Но было и другое: климат стал чуть менее дождлив после сна, возможно, изменилось и еще что-то, но Опп не был в этом уверен.

Он возражал против такого количества эффективных снов за короткое время. Хабер немедленно согласился и разрешил пять дней отдыха без сеансов. Хабер в конце концов был добрым человеком. К тому же он не хотел убивать гусыню, несущую золотые яйца.

«Гусыня. Точно. Полностью мне соответствует, — подумал Опп. — Безвестная белая глупая гусыня». Он поймал себя на том, что не слушает мисс Лилач.

— Простите, — сказал он, — я что-то прослушал. У меня болит голова.

— Вы здоровы?

— Да. Я просто устал.

— У вас был тревожный сон о чуме. После него вы выглядели ужасно. У вас так после каждого сеанса?

— Нет, не всегда. Это был тяжелый сеанс. Вероятно, вы и сами это поняли. Вы организуете нашу встречу?

— Да. В понедельник ленч. Вы ведь работаете в Нижнем городе на фабрике Брелфорта?

С некоторым удивлением он вспомнил, что это так. Гигантский проект Гривилль-Уматилла, по которому планировалось дать воду в несуществующие города. Джон Дэй и Френч Глен больше не существует. В Орегоне нет больше городов, кроме Портленда. Он больше не чертежник в бюро проекта, а работает в частной фирме на Старк-стрит.

— Да, — сказал он, — у меня перерыв с часу до двух. Можем встретиться у Дэйва на Анкенн.

— С часу до двух подходит. Итак, у Дэйва. До понедельника.

— Одну минуту! — сказал он. — Послушайте, не скажете ли вы мне, что говорил доктор Хабер о сне, пока я был в гипнозе? Ведь вы все слышали.

— Да. Но я не могу этого сделать. Я не могу вмешиваться в лечение. Если бы он хотел, что вы знали, он бы сам вам сказал. Не могу. Это не этично.

— Вероятно, вы правы.

— Простите меня. Значит, в понедельник?

— До свидания, — сказал он.

Его внезапно охватила депрессия и дурные предчувствия. Он повесил трубку, не слушая ее прощальных слов. Она не сможет ему помочь.

Она храбра и сильна, но не настолько.

Возможно, она видела или почувствовала изменение, но отбросила его, отказалась.

Почему бы и нет? Это тяжелый груз — двойная память, и у нее нет причин нести этот груз, нет причин верить, что его сны становятся реальностью.

Завтра суббота. Длинный сеанс у Хабера, с четырех до шести или дольше. И нет выхода.

Было время еды, но Опп не чувствовал голода.

Он не включил свет ни в своей высокой светлой спальне, ни в гостиной, которую за три года так и не обставил мебелью.

Теперь он побрел туда. Окна выходили на реку, пахло пылью и ранней весной.

В комнате был большой камин с деревянной полкой, старое пианино с восемью недостающими клавишами, у камина груды поленьев и ветхий бамбуковый японский столик высотой в десять дюймов. Полумрак укутал голый сосновый пол, ненатертый, но подметенный.

Джордж Опп лег на него в темноте, вытянувшись, вдохнул пыльный запах, ощутил всем телом твердость пола. Он лежал неподвижно, но не спал. Он был где-то далеко, в месте, где нет снов. Не в первый раз он оказался там.

Когда он встал, пора было принять таблетку хлорпромазина и идти в постель. В эту неделю Хабер прописал ему фенстизины. Они действовали хорошо, позволяли ему войти в ж-стадию, но ослабляли ее, так что он никогда не поднимался до эффективного уровня. Хабер сказал, что эффект будет ослабевать и от других лекарств, пока они вообще не перестанут действовать. Он сказал, что ничто не избавит человека от сновидений, кроме смерти.

Эту ночь, наконец, Опп спал крепко и, если и видел сны, то легкие и беглые.

В субботу он проспал почти до полудня. Проснувшись, он подошел к холодильнику и некоторое время рассматривал его содержимое.

Тут было больше пищи, чем могло быть в любом частном холодильнике в его прежней жизни.

Если живешь в мире, населенном семью миллиардами человек, то пищи всегда не хватает. Там яйцо — роскошь, которую можно позволить себе раз в месяц. «Сегодня мы снесем яичко», — говорила его полужена, получая личный рацион. Любопытно, что в этой новой жизни у них с Донной не было пробы брака. Строго говоря, в годы после чумы их вообще не было, только полные браки. В Уте, поскольку там уровень рождаемости все еще ниже уровня смертности, даже пытались ввести полигамный брак — из религиозных или патриотических соображений. Но у них с Донной вообще не был заключен брак, они просто жили вместе. И это тоже продолжалось недолго. Его внимание вернулось к пище в холодильнике.

Теперь он не тот тощий, костлявый человек, каким был в мире семи миллиардов, он теперь довольно упитанный. На этот раз он съел много, как смертельно изголодавшийся человек — яйца вкрутую, хлеб с маслом, анчоусы, вяленое мясо, сельдерей, сыр и грецкие орехи, кусок холодного палтуса с майонезом, салат, маринованную свеклу, шоколадные конфеты — все, что нашел на полках. После этой оргии он почувствовал себя физически лучше. За чашкой настоящего кофе он даже улыбнулся. Он подумал: «Вчера в этой жизни я видел эффективный сон, который уничтожил шесть миллиардов жизней и изменил ход истории всего человечества в прошедшие пять лет. Но в этой жизни, которую я создал, я не вижу эффективных снов. Да, я был в кабинете Хабера, я видел сон, но ничего не изменилось. Так было всегда, мне просто приснилось, что я видел сон о чуме. Я здоров, мне не нужно лечиться».

Так он еще никогда не рассуждал, и это его позабавило. Он невесело улыбнулся.

Он подумал, что снова будет видеть сны.

Было уже полвторого. Он умылся, нашел плащ — настоящий хлопок, немислимая роскошь в этой жизни — и пошел в институт пешком. Пред-

стояла прогулка в две мили, мимо Медицинской школы в парке Вашингтона. Конечно, можно было доехать на троллейбусе, но они ходят редко, а он не торопится. Было приятно идти под теплым мартовским дождем по пустынным улицам. Деревья уже зазеленели, каштаны готовы были зажечь свои свечи.

Катастрофа, раковая чума, сократившая численность населения на пять миллиардов за пять лет и еще на миллиард за следующие десять, потрясла человечество, но ничего не изменила радикально, только количество людей.

Атмосфера по-прежнему глубоко и неисправимо отравлена. Эта отравла, накапливающаяся десятилетиями до Катастрофы, и была ее причиной. Теперь она никому не вредна, кроме новорожденных. Чума в своей лейкемийной разновидности по-прежнему наугад брала одного из четырех новорожденных и убивала за шесть месяцев. Те, которые оставались живы, становились невосприимчивыми к канцерогенам.

Были и другие печали: не стало певчих птиц. Ниже по реке не дымила ни одна фабрика. Ни один автомобиль не отравлял воздух своими выхлопами, а немногие оставшиеся работали на батареях или от парового двигателя.

Воздействие чумы по-прежнему носило эпидемический характер и все же оно не предотвратило войну. Война на Ближнем Востоке велась даже свирепей, чем в густонаселенных регионах. Соединенные Штаты снабжали Египетско-Израильскую сторону оружием, снаряжением, самолетами и многочисленными «военными советниками». Китай, в свою очередь, поддерживал Ирак, хотя и не посылал своих солдат. Россия и Индия пока держались в стороне. Но теперь Афганистан и Бразилия начали поддерживать Ирано-Ирак, а Пакистан склонялся на сторону Египто-Израиля. Индия может запланировать соединение с Китаем, а это может напугать СССР и подтолкнуть его к союзу с США. Так в конфликт вовлекаются двенадцать ядерных держав, по шесть с каждой стороны. Тем временем Иерусалим лежит в развалинах, в Саудовской Аравии и в Ираке гражданское население живет в норах, а танки и самолеты посылают огонь в воздух и холеру в воду. И дети выползают из нор, облепленные напалмом.

В Иоганнесбурге по-прежнему убивают белых, заметил про себя Опп, скользнув глазами по газетному заголовку в витрине на углу. Прошло уже несколько лет после восстания, а в Южной Америке еще идет охота за белыми. Люди жестоки.

Теплый дождь мягко касался его обнаженной головы, когда он поднимался по серым холмам Портленда. В кабинете с большим угловым окном, в которое был виден дождь, он сказал:

— Пожалуйста, доктор Хабер, прекратите при помощи моих снов улучшать действительность. Не поможет. Кроме того, я хочу вылечиться.

— Это существенное условие вашего выздоровления, Джордж! Вы должны помнить об этом.

— Вы мне не ответили. Вы пользуетесь моими эффективными снами, чтобы изменять мир. Вы не хотите признаться, что делаете это. Почему?

— Джордж, поймите, что вы задаете вопросы, которые с вашей точки зрения кажутся разумными, но с моей точки зрения не имеют смысла. Мы по-разному воспринимаем реальность.

— Достаточно близко, чтобы нам было о чем говорить.

— Да, к счастью. Но не всегда можно спрашивать и отвечать. Во всяком случае, не сейчас.

— Я могу ответить на ваши вопросы и отвечаю. Вы не можете продолжать изменять мир. Я этого не хочу!

— Вы говорите так, как будто бы существовал какой-то общий моральный принцип... — Хабер смотрел на Орра со своей неизменной улыбкой, поглаживая бороду. — Разве это не главная цель человека на земле — создавать мир, изменять его, делать лучше?

— Нет!

— Каково же в таком случае его назначение?

— Не знаю. У него нет назначения. Вселенная не машина, каждая часть которой имеет свою функцию. Какова функция Галактики? Не знаю, имеет ли жизнь цель, и не думаю, что это было важно. Важно, что мы — ее часть. Как нить в одежде или травинка в поле. Мир существует, и мы в нем. То, что мы делаем, подобно ветру в траве.

Последовала небольшая пауза. Когда Хабер заговорил, голос его не был ни искренним, ни одобряющим. Он звучал равнодушно, чуть ли не презрительно.

— У вас необыкновенно пассивное мировоззрение для человека, выросшего на иудо-христианско-рационалистическом Западе. Вы мне напоминаете прирожденного буддиста. Вы изучали когда-нибудь восточный мистицизм, Джордж? — Вопрос, заключающий в себе ответ, был прямой насмешкой.

— Нет, я о нем ничего не знаю. Знаю только, что нельзя безнаказанно вмешиваться в ход событий.

Его непрозрачные темные глаза встретились с зелеными глазами Орра.

— Вы помните, что случилось вчера, Джордж?

Выхода нет.

Теперь Хабер использовал инъекцию пентопола, чтобы ослабить сопротивление Орра гипнотическим процедурам. Орт подчинился. Игла мгновенной болью скользнула в вену его руки. У него нет выбора. И никогда не было. Он мог лишь мечтать и надеяться.

Хабер куда-то вышел, пережидая, когда подействует препарат. Через пятнадцать минут он вернулся, порывистый, энергичный — и бесстрастный.

— Начнем, Джордж!

Орт с ужасающей отчетливостью знал, о чем пойдет речь сегодня: война! Газеты только о ней и трубят. Даже невосприимчивый к злободневности мозг Орра полон ею. Хабер, несомненно, захочет положить конец расширяющемуся военному конфликту на Ближнем Востоке. Он покончит также с убийствами в Южной Африке. Хабер гуманный! Он хочет усовер-

шенствовать мир. Цель оправдывает средства. Но что, если цели недостижимы? Тогда остаются только средства.

Орр лежал на кушетке. Пальцы Хабера коснулись его горла.

— Вы входите в гипнотическое состояние, Джордж, — раздался звучный голос. — Вы...

Вокруг — тьма. Поздние сумерки в поле. Стволы влажных деревьев кажутся черными. Дорога, по которой он идет, освещена слабым светом закатного неба. Она уходит вдаль — прямая, старая дорога с потрескавшимся покрытием. Перед ним, футах в пятнадцати переваливается на коротких лапах гусь — едва различимое в сумерках белое пятно. Время от времени гусь беззлобно шипит.

На небе, точно белые маргаритки, высыпали звезды. Справа от дороги, низко над горизонтом распустилась белым цветком крупная дрожащая звезда. Когда он снова взглянул на нее, она показалась ему больше и ярче — она увеличивалась прямо на глазах и постепенно желтела. Она была окружена золотым ореолом, сине-зеленые полосы плясали вокруг.

— Нет! — сказал он, и тут звезда взорвалась.

Он упал на землю, закрыв лицо руками, а с неба лились полосы яркой смерти. Он не мог отвести от них взгляд, он должен был смотреть и быть свидетелем. Земля металась в муках, по ней ходили глубокие длинные борозды.

— Пусть будет! — громко закричал он в небо и проснулся.

Он сел на кожаной кушетке и закрыл лицо своими полными руками. Руки дрожали. На плечо ему легла тяжелая рука Хабера.

— Снова дурной сон? Проклятье, я думал, будет легче. Я велел вам видеть сон о мире.

— Я видел.

— Но что так встревожило вас?

— Я видел битву в космосе.

— Откуда?

— С Земли.

Он кратко пересказал сон, не упомянув о гусе.

— Я не понял, они напали на нас или мы на них...

Хабер рассмеялся.

— Хотел бы я это посмотреть! Но стычки происходят на таких скоростях и на таких расстояниях, что человеческое зрение здесь бессильно. Ваша версия больше воображаемая, чем реальная. Похоже на хороший фантастический фильм семидесятых годов. Ребенком я часто их смотрел. Но почему вы считаете, что видели сцену сражения, если темой был мир?

— Сон о мире?! Это все, что вы мне приказали?

Хабер занялся приборами усилителя и ответил не сразу.

— Не волнуйтесь, — сказал он наконец. — Сейчас в порядке эксперимента вы сравните внушение со сном. Возможно, это объяснит нам, почему сон получился тревожным. Я приказал... Впрочем, давайте лучше послушаем запись.

— Вы записали весь сеанс?

— Конечно. Обычная психиатрическая практика. Разве вы не знали?

«Откуда мне знать, если аппарат спрятан, не издает звуков, а вы сами умолчали об этом», — подумал Орт, но ничего не сказал.

Возможно, это действительно принятая практика, а возможно, это объяснялось честолюбием Хабера, но в обоих случаях от Орта ничего не зависело.

— Должно быть, здесь... Вы погружаетесь в гипнотический сон, Джордж. Вы... Эй, сейчас не нужно, Джордж!

Орт помотал головой и поморгал глазами. Голос Хабера звучал с лент, а Орт был все еще под действием лекарства.

— Придется пропустить немного. Вот отсюда.

Снова послышался голос Хабера, произносивший:

— «Мир. Нет больше массовых убийств, нет сражений в Ираке, в Аравии и в Израиле. Нет больше геноцида в Африке, нет гонки атомного и биологического вооружений, нацеленных против других наций. Нет больше исследований, направленных на поиски средств массового уничтожения. Повсюду мир. Мир — универсальный стиль жизни на Земле. Вам приснится мир во всем мире. Теперь вы засыпаете. Когда я скажу...»

Он резко остановил запись, иначе ключевое слов усыпило бы Орта.

— Я следовал инструкции, — сказал Орт, потирая виски.

— Вряд ли. Видеть во сне сражение в околотунном пространстве...

Хабер остановился так же резко, как остановил запись.

— В околотунном, — точно эхо повторил Орт. Теперь он испытывал легкую жалость к Хаберу. — Вы не произнесли этого слова, когда я засыпал? Как дела в Израиле-Египте, Хабер?

Это искусственное название из другой реальности произвело шокирующий эффект: будто сюрреалистическое понятие, оно вроде бы имело смысл и в то же время не имело.

Хабер ходил взад и вперед по кабинету. Он провел рукой по курчавой рыжеволосой бороде — жест, так хорошо знакомый Орту. Но когда доктор заговорил, Орт увидел, что тот тщательно подбирает слова, на этот раз не полагаясь на импровизацию.

— Любопытно, что вы использовали защиту Земли, как символ или метафору мира, конца войны. Но метафора сработала лишь отчасти. Сны человека бесконечно сложны. В действительности была угроза, страшная опасность вторжения некоммуникабельных, беспричинно враждебных чужаков, которая заставила нас забыть распри, обратить агрессивную энергию вовне, объединить человечество для создания оружия против общего врага. Если бы не появились чужаки, кто знает, быть может, мы бы еще воевали на Ближнем Востоке.

— Час от часу не легче, — сказал Орт. — Разве вы не видите, доктор Хабер, что вы получаете от меня? Послушайте, я вовсе не хочу нарушить ваши планы. Покончить с войнами — прекрасная идея, я с ней полностью согласен. Я даже голосовал за изоляционистов на прошлых выборах, пото-

му что Харрис обещал вытащить нас из Ближнего Востока. Но, вероятно, я не могу, вернее, мое подсознание не может представить себе мир без войн. Я могу только заменить один вид войны другим. Вы говорили, что нет больше убийств людей людьми, потому мне и приснились чужаки. Ваши мысли здравые и рациональные, но ведь вы пытаетесь использовать мое подсознание, а не разум. Может быть, разумом я и смог бы вообразить себе мир без войны. Но вы пытаетесь достигнуть прогрессивных гуманитарных целей при помощи оружия, которое для этого не годится. Кому снятся гуманные сны?

Хабер никак не реагировал на это, и поэтому Опп продолжал:

— А может быть, не подсознание, но иррациональная часть моего «я», мое существо не годится для такой работы? Может быть, я слишком пассивен, как вы сказали. У меня недостаточно сильные желания. Может быть, именно поэтому мне и снятся эффективные сны. А если это не так, может, существуют другие люди, обладающие этой же способностью, но более подходящим мозгом. Поищите их. А я не хочу, я не могу этого вынести. Смотрите: на Ближнем Востоке нет войны, уже шесть лет мир, прекрасно, но зато есть чужаки на Луне. Что, если они высадятся на Землю? Кто мне скажет, каких чудовищ вы извлекли из моего подсознания во имя мира?

— Никто не знает, как выглядят чужаки, Джордж, — успокаивающим рассудительным тоном сказал Хабер. — Всем нам они снятся в дурных снах. Но, как вы сейчас сказали, больше шести лет прошло со времени их высадки на Луну, а они ни разу не пытались высадиться на Землю. Теперь наша система защиты достигла совершенства. Даже если они и попробуют прорваться, то не смогут. Опасный период составляли те несколько первых месяцев, прежде чем была создана защита на международной основе.

Опп сидел с поникшими плечами. Он хотел крикнуть Хаберу: «Лжец! Почему ты снова лжешь мне?», но желание это было пассивным, оно никуда не вело. Насколько Опп знал, Хабер был искренен, потому что лгал самому себе.

Он, должно быть, непроходимой стеной разделил свой мозг. Одна часть мозга знала, что сны Орпа изменяли реальность, и использовала эту возможность; другая — что Хабер использует гипнотерапию, чтобы излечить шизоидного пациента, который считает, что сны изменяют реальность.

Опп с трудом мог поверить в это. Его мозг так сопротивлялся такому делению, что он лишь с трудом распознавал его в других. Но он знал, что такое возможно.

Он вырос в стране, которой правила политики, посылавшие бомбардировщики бомбить детей, чтобы дети могли расти в безопасности.

Но это было в прежнем мире, а теперь существует другой, новый.

— Я схожу с ума, — сказал он. — Вы должны это видеть, вы психиатр. Разве вы не видите, что я раскалываюсь на части? Чужаки из Космоса,

нападающие на Землю! Если вы прикажете мне снова видеть сон, то к чему это приведет? Может, мир сойдет с ума как продукт безумного мозга. Чувовища, привидения, колдуны, драконы, оборотни, все ужасы детства, что мы носим в себе, ночные страхи и кошмары. Как вы удержите это? Я не могу это остановить. Я не контролирую себя!

— Не тревожьтесь о контроле! Свобода — вот к чему вы идете, — громко сказал Хабер. — Свобода! Ваше подсознание не есть клоака ужаса и отчаяния. Это викторианское представление чрезвычайно разрушительно. Оно повредило много выдающихся умов девятнадцатого столетия и подрезало крылья психологии в первую половину двадцатого. Не бойтесь своего подсознания! Это не черная яма кошмаров. Ничего подобного! Это источник здоровья, воображения, созидания. То, что мы называем «злом», произведено цивилизацией, ее стрессами, ее давлением, уродующим свободное спонтанное проявление личности. Цель психотерапии в том и заключается, чтобы уничтожить беспочвенные страхи и кошмары, вывести подсознание на свет разума, изучить его объективно и обнаружить, что бояться нечего.

— Есть чего, — негромко сказал Опп.

Хабер наконец отпустил его. Опп вышел в весенние сумерки, с минуту постоял на ступеньках парадного входа института, засунув руки в карманы и глядя на огни города внизу, затуманенные вечерней дымкой. Они двигались, точно маленькие тропические рыбки в темном аквариуме. Фуникулер поднялся на вершину холма в парк Вашингтона, перед институтом. Опп сел в него.

Фуникулер двинулся вниз неуверенно и бесцельно, как некто заколдованный или как лунатик.

7

Сон — это контакт с возможным, которое также называется невероятным. Мир ночи — это миф. Ночь как ночь есть Вселенная. Темные существа неизвестного мира становятся соседями человека. Сон есть аквариум, ночи.

В. Гюго

В два десять тридцатого марта Хитзер Лилач видели на Анкенн-стрит. Она шла на юг по Четвертой авеню, неся на плече черную большую сумку с медными застежками, одетая в красный виниловый плащ. Следите за этой женщиной. Сейчас она опасна.

Дело не в том, что она так уж хотела видеть этого бедного психа, просто ей не нравится выглядеть душой в глазах посетителей. Полчаса удерживать столик в час пик — «Я жду человека», «Простите, я кое-кого жду», — и никто не пришел! В конце концов ей пришлось сделать заказ и наскоро проглотить свой обед. Теперь ее мучила изжога, а также чувство незаслуженной обиды и апатии.

Она свернула к бульвару Моррисон и вдруг остановилась. Что это с ней? Так не пройдешь к помещению конторы «Формена, Эссербан и Ратти». Она второпях прошагала несколько кварталов на север, пересекла улицу, подошла к Бернсайд-стрит и снова остановилась. А что она делает здесь? Как что? Идет в переоборудованный гараж на 209, Бернсайд-стрит. Что еще за гараж? Ее кабинет в Пендлтон-билдинг на бульваре Моррисон. Первый фундаментальный офис Портленда после Катастрофы. Пятнадцать этажей, ценникский стиль.

Кто же работает теперь в переоборудованных гаражах? Она спустилась по Бернсайд-стрит и посмотрела на следы запустения. Ее кабинет располагался все на том же третьем этаже.

Она стояла на тротуаре, глядя на заброшенное здание с его косым полом и чувствовала себя престранно. Что же случилось в пятницу во время психиатрического сеанса? Ей нужно немедленно увидеть этого негодяя Орра.

Хотя он и не пришел, у нее есть к нему вопросы. Она двинулась на юг — шелк, бряк — к Пендлтон-билдинг и позвонила ему из кабинета, сначала на фабрику Брелфорт.

— Нет, мистер Орд сегодня не приходил. Нет, и не звонил.

Потом она позвонила ему домой. Никто не брал трубку!

Может позвонить доктору Хаберу? Но он такая важная шишка! Как же, хозяин Дворца Снов в парке Вашингтона! И она тоже хороша, чуть не забыла, что Хабер не должен знать о ее знакомстве с Орром. Лжец сам роет себе могилу, паук запутывается в собственной паутине.

Орд не поднял трубки ни в семь, ни в девять, ни в одиннадцать. Во вторник утром на работе его не было, в два часа — тоже. В четыре тридцать Хитзер Лилич вышла из своего кабинета, доехала на троллейбусе до Уайтеккер-стрит, пошла вверх по Корбетт-авеню, отыскала дом, позвонила шесть раз в дверь дома, который был чьей-то гордостью в 1905 или в 1912 году, но с тех пор пережил трудные времена и теперь с достоинством и величием потихоньку разрушается.

Никто не ответил. Она позвонила консьержу. Мэнни вначале был настроен недружелюбно, но Черные Вдовы умеют располагать к себе низших насекомых. Мэнни провел ее наверх и толкнул дверь Орра. Она поддалась. Орд не закрыл ее.

Мисс Лилич отступила. Ей вдруг показалось, что внутри мертвец. Ей тут не место.

Консьерж, не слишком-то заботясь о неприкосновенной частной собственности, нехотя вошел внутрь. Она последовала за ним.

Большие голые комнаты, темные и нежилые, не располагавшие к мыслям о вечном. В квартире не было ни холостяцкой неряшливости, ни беспорядка, ни, наоборот, порядка. На жилье Орра не было отпечатка личности его хозяина.

Впрочем, она видела, что Орд здесь жил — спокойно, размеренно. Стакан с водой стоял на тумбочке у кровати, в воде плавала шерстинка. Вода успела испариться на четверть.

— И куда это он провалился, — сердито сказал консьерж. — Думаете, с ним что-нибудь случилось?

Управляющий был одет в кожаную куртку, которая, судя по ее виду, служила ему не менее тридцати лет. От него пахло марихуаной. Старые хиппи еще не вымерли.

Хитзер смотрела на него с доброй улыбкой, запах марихуаны напоминал ей о матери. Она сказала:

— Может, он уехал на дачу. Вы знаете, он ведь нездоров и должен лечиться. Если он не явится на сеанс, у него будут неприятности. Вы не знаете, где у него дача? Есть ли у него там телефон?

— Не знаю.

— Я могу воспользоваться вашим телефоном?

Он пожал плечами:

— Звоните!

Она связалась со своим знакомым в Орегонском управлении парков и выяснила, какие участки Сунславского Национального парка разыгрывались в лотерею и где они расположены. Мэнни слушал, а когда она кончила, сказал:

— Друзья на высоких должностях, да?

— Это иногда помогает, — сказала Черная Вдова.

— Надеюсь, вы откопаете Джорджа. Он мне нравится. Я ему давал свою фармокарточку.

Консьерж рассмеялся. Хитзер оставила его у входа, он подпирает плечом старую дверь. Управитель и дом искали опоры друг в друге.

Хитзер проехала в троллейбусе обратно в Нижний город, взяла напрокат паровой «форд» и двинулась по дороге 99-В. Она нравилась самой себе: Черная Вдова едет по следу.

Почему она не стала детективом? Она ненавидела свою работу. Для нее нужна напористость, а Хитзер совсем не такая.

Маленький автомобиль выехал из города. Некогда протяженные загородные дороги теперь исчезли. Во время чумы, когда выживал один из двадцати, пригороды стали неподходящим местом для жизни. Далеко от магазинов, нет бензина для машин и всюду дома, полные смерти. Стаи бродячих собак, бегающих по газонам, заросшим лопухом. Разбитые окна.

Кто вставит разбитые стекла? Люди сгрудились в старом центре города. Вначале пригороды были разграблены, потом сгорели. Как Москва в 1812 году — божья кара или вандализм? Они больше не были нужны, поэтому и сгорели. Акр за акром заросли дикими цветами, с которых собирали дань пчелы.

Солнце садилось, когда она пересекала реку Туалатин, шелковой лентой извивающуюся меж крутых лесистых берегов. Немного погода взойшла Луна.

Теперь не принято мечтать, глядя на Луну, как было принято в течение тысячелетий. Теперь она символизирует не недостижимое, и не недостигнутое, а утраченное. Украденная монета, жерло орудия, круглая дыра в небе.

Чужаки захватили Луну. Их первым агрессивным актом — тогда земляне еще не знали о их появлении в Солнечной системе — было нападение на Лунную базу, гибель от удущья сорока человек в доме-куполе. В тот же день они уничтожили космическую станцию русских — прекрасное сооружение, похожее на цветок чертополоха, летавшее над Землей. Оттуда русские собирались отправиться на Марс. Лишь десять лет спустя после частичной победы над чумой человечество, как Феникс, устремилось в космос, на Луну, на Марс и встретило чужаков, встретила молчаливую беспричинную жестокость, бессмысленную ненависть Вселенной.

Теперь дороги содержались не так, как раньше. Они были усеяны выбоинами, но Хитзер не снижала скорости. Луна хорошо освещала дорогу. Ей пришлось пересечь несколько рек. Наконец она въехала в лес.

Древний дорожный знак. Эта земля оберегала от хищных компаний. Не все американские леса пошли на изготовление мебели и бумаги, кое-что осталось.

Поворот направо — в Сунславский национальный парк, не какое-то паршивое лесоводческое хозяйство, где только пни да саженцы, а настоящая, черт побери, лес! Высокие клены заслоняли лунное небо.

Знак, который она искала, был почти не виден в густой тени ветвей. Она снова повернула и поехала на медленной скорости по первой из избытых дорог. Примерно через милю она увидела первый дачный домик. Луна освещала черепичную крышу. Шел девятый час.

Домиков было много. Они стояли в тридцати-сорока футах друг от друга. Деревья почти не тронуты, но подлесок расчищен.

В одном домике было освещено окно. Ночь со вторника на среду, ранняя весна — отпускников еще мало. Открыв дверцу машины, она поразилась шуму ручья — вечный непрекращающийся напев. Она шла к освещенной даче, споткнулась в темноте. А что если это не он, если там незнакомец?

Что ж, не съедят же ее! Она постучала. Немного погодя, постучала вторично.

В лесу было очень тихо, лишь звенела вода в ручье.

Дверь открыл Орт. Волосы у него были взлохмаченные, глаза покраснели, губы пересохли. Моргая глазами, он уставился на нее. Вид у него был опустившийся и жалкий.

Она испугалась.

— Вы больны? — резко спросила она.

— Нет, я... Входите.

Придется войти. У печи кочерга, можно ею защититься. Конечно, если он не нападет неожиданно... Она ведь не слабее его, да и форма у нее лучше. Трусиха.

— У вас температура?

— Нет, я...

— Что с вами?

— Я не могу спать.

В комнате удивительно приятно пахло дымом и сырыми дровами. Печь, ящик, полный дров, шкаф, стол, стул, кушетка.

— Садитесь, — сказала Хитзер. — Вы ужасно выглядите. Вам нужен доктор. Хотите пить? У меня в машине бренди. Поехали со мной, мы отыщем врача в Линкольн-сити.

— Я здоров, просто хочу спать.

— Вы сказали, что не можете спать.

Он посмотрел на нее красными мутными глазами.

— Я не могу позволить себе спать, я боюсь!

— О, боже! И давно?

— С воскресенья.

— Вы не спали с воскресенья?

— С субботы... — неуверенно сказал он.

— Вы что-нибудь принимали? Таблетки?

Он покачал головой.

— Я несколько раз засыпал, — сказал он отчетливо.

На мгновение он уснул, как девяностолетний старик. Она смотрела на него недоверчиво. Но он тут же очнулся и поинтересовался:

— Вы за мной?

— А за кем же еще? Вчера вы оставили меня без обеда.

— Ох! — Он изо всех сил старался не закрыть глаза. — Простите. Я был не в себе.

Теперь он снова стал самим собой, человеком, чье достоинство лежит так глубоко, что его почти не видно.

— Я не сержусь. Но вы пропустили сеанс лечения.

— Хотите кофе? — спросил он.

Бесконечные возможности, безграничная цельность, мощное бездействие. Существо, которое, будучи ничем, является всем, так как остается самим собой.

Она на мгновение увидела это, и больше всего ее поразила его сила. Он — самая могучая личность из тех, кого она знала, потому что его невозможно сдвинуть с центра, потому он ей нравится. Ее тянуло к нему, как мошку к огню. С детства она получала любовь, но не было того, на кого она могла опереться, люди искали поддержку в ней. Тридцать лет она мечтала встретить человека, которому не нужна ее поддержка, который сам...

Вот он, прячущийся в укрытие, безумец, с налитыми кровью глазами — вот ее оплот, ее сила. «Жизнь невероятная путаница, — подумала Хитзер. — Никогда не догадаешься, что будет дальше». Она сняла плащ, а Орт достал из шкафа чашки и консервированное молоко. Потом принес крепкий кофе.

— А вы?

— Я и так много выпил. Слишком много.

— Как насчет бренди?

Он задумчиво посмотрел на нее.

— Оно вас не усыпит, только подбодрит немного. Я схожу за ним. Он посветил ей по дороге к машине.

Ручей звенел, деревья слушали молча. Над их головами сверкала Луна, Луна чужаков. Вернувшись в комнату, Орт налил себе немного бренди, попробовал и передернул плечами.

— Хорошо!

Она одобритительно следила за тем, как он пьет.

— Я всегда вожу с собой фляжку, — сказала она. — Держу в отделении для перчаток, потому что, когда останавливают полицейские и спрашивают права, она странно выглядит в моей сумочке. Но она всегда со мной и часто оказывается очень кстати.

— Поэтому вы и носите с собой такую большую сумку?

— Конечно. Я налью себе немного в кофе.

Заодно она снова наполнила его стакан.

— Как вам удалось не спать шестьдесят или семьдесят часов кряду?

— Я не ложился. Можно задремать сидя, но чтобы уснуть по-настоящему, нужно лечь, расслабить мышцы. Сначала мне ничего не снилось. Но стоило мне расслабиться, как началось что-то вроде галлюцинаций. Какие-то существа на стене...

— Это не может так продолжаться, Джордж!

— Да, я знаю. Мне нужно уйти от Хабера.

Пауза. Он, казалось, опять погрузился в дремоту, потом бессмысленно рассмеялся.

— Единственный выход, который я вижу, это убить себя. Но я не хочу. Я думаю, что это неправильно.

— Конечно, неправильно!

— Но нужно же как-то остановиться!

Она не хотела понять его и не могла.

— Прекрасное место! — сказала она. — Я уже забыла запах древесного дыма.

— Печь очищает воздух, — сказал он с легкой улыбкой.

Казалось, он спит, но она заметила, что он держится прямо и не прислоняется к стене. Несколько раз он моргнул.

— Когда вы постучали, я решил, что это сон, потому и вышел не сразу.

— Вы говорили, что увидели эту дачу во сне. Для этого она слишком скромна. Почему бы не вилла на морском берегу или замок в горах?

Он нахмурился и покачал головой.

— Это все, чего я хотел. — Он снова моргнул. — Что случилось с вами в пятницу в кабинете Хабера, на сеансе?

— Об этом я и пришла поговорить с вами.

Он окончательно проснулся.

— Вы знаете.

— Вероятно, да. Я знаю, что что-то произошло. С тех пор мне все время приходится в одной машине двигаться по двум дорогам. В воскресенье в собственной квартире я налетела на стену! Видите?

Она показала синяк на лбу.

— Стена была и в то же время ее не было. Как жить с этим постоянно? Как узнать, где что?

— Не знаю, — ответил Орр. — У меня все смешалось. Я не могу справиться с противоречивой информацией. Я... Вы действительно верите мне?

— Что же мне остается делать? Я видела, что произошло с городом. Я смотрела в окно. Не думайте, что я хочу поверить, я не хочу, стараюсь не верить. Боже, как это ужасно! Доктор Хабер тоже не хотел, чтобы я поверила. Он начал слишком много говорить. Потом вы проснулись и рассказали... Потом это столкновение со стеной. Новое место работы. Я все думала: «А что ему снилось после пятницы?» Мир изменился, но я не знаю как, потому что меня там не было, и я продолжаю гадать, что изменилось, что реально, а что нет. Это ужасно!

— Да. Послушайте, вы знаете о войне на Ближнем Востоке?

— Конечно. Там был убит мой муж.

— Муж? — он потрясенно взглянул на нее. — Когда?

— За три дня до ее окончания. За два дня до Тегеранской конференции и заключения договора между США и Китаем. Через день после того, как чужаки взорвали Лунную базу.

Он смотрел на нее в ужасе.

— Не переживайте.

— Это уже старый рубец. Шесть лет прошло, почти семь. Если бы он был жив, мы давно бы развелись. Неудачный брак. Слушайте, это не ваша вина!

— Я больше не знаю, в чем моя вина.

— Только не в этом! Джим был высоким, красивым, с черными волосами. Ему не повезло. В двадцать шесть лет капитан военно-воздушного флота, а в двадцать семь лет его убили. Не вы изобрели это, так бывало в течение тысячи лет, и до пятницы бывало, когда еще мир был перенаселен... Жаль только, что в самом конце войны.

Голос ее вздрогнул.

— Боже! Не в начале, а в самом конце. Значит, война продолжалась... и не было чужаков?

— Они вам приснились?

Орр утвердительно кивнул.

— Он заставил меня видеть сон о мире. Мир на Земле, добрая воля среди людей. И я придумал чужаков, чтобы было с кем бороться.

— Это не вы. Это его машина.

— Нет. Я это делаю и без машины, мисс Лилад. Она просто сокращает время, сразу погружая меня в сон. Правда, сейчас она делает это лучше. Хабер все время совершенствует ее.

— Зовите меня Хитзер.

— Красивое имя!

— Ваше имя Джордж. Он называл вас так во время сеанса. Как будто вы обученный пудель или обезьяна. «Ложитесь, Джордж».

Он рассмеялся. Зубы у него были белые, смех приятный.

— Он говорил не со мной, а с моим подсознанием. Для его целей оно все равно что собака или обезьяна. Оно не разумно, но его можно научить подчиняться.

Как ни ужасны были его слова, он говорил без горечи. Неужели действительно есть люди без гнева, без ненависти, люди, которые всегда в ладу со Вселенной, узнающие зло, противящиеся ему и в то же время совершенно им не затронутые?

Конечно, есть. Их много, и живых, и умерших. Люди, идущие путем, по которым нужно идти. Жена исполщика в Алабаме, лама в Тибете, энтомолог в Перу, мельник в Одессе, зеленщик в Лондоне, пастух в Нигерии, старик, заостряющий палку у высохшего ручья в Австралии... Нет среди нас человека, который не знал бы их. Их достаточно, чтобы мы могли идти дальше.

— Послушайте, я должна это знать. Это у вас началось после визита к Хаберу?

— Эффективные сны? Нет, раньше. Потому я и попал к нему. Я испугался и стал незаконно принимать наркотики, чтобы подавить свои сновидения. Я не знал, что делать.

— Почему же вы не приняли что-нибудь в эти две ночи, вместо того чтобы не спать?

— Все, что у меня было, я принял в ночь на пятницу. У меня нет рецепта. Но я не хочу обращаться к доктору Хаберу, я хочу от него избавиться. Все сложнее, чем он думает. Он пытается использовать меня, чтобы улучшить мир, но не сознается в этом. Он лжет, потому что не хочет посмотреть на вещи прямо. Его не интересует, что истина, а что нет. Он видит только себя, свои представления о том, что должно быть.

— Здесь я ничего не могу сделать для вас как адвокат.

Хитзер отхлебнула кофе с бренди.

— В этих гипнотических внушениях нет ничего незаконного. Он просто говорит вам, чтобы вы не беспокоились из-за перенаселенности и прочего. Если он намерен скрывать, что использует ваши сновидения в определенных целях, он вполне может это сделать, используя гипноз. Теперь он будет заботиться о том, чтобы у вас не было эффективных снов, когда кто-то присутствует на сеансе. Интересно, почему он разрешил мне наблюдать эксперимент. Я его не понимаю. Во всяком случае юристу трудно вмешаться в отношения врача и пациента, особенно если врач большая шишка, а пациент — душевнобольной, который думает, что его сны становятся реальностью. Нет, я не хочу это видеть в суде. Но слушайте. Не можете ли вы воздержаться от снов у него? Транквилизаторы, может быть?

— Пока я на ДТЛ, у меня нет фармокарты. Он сам выписывает мне рецепты, и усилитель всегда заставит меня видеть сны.

— Это преступление против личности, но в нашем суде это дело не пройдет... А что, если вам попытаться повлиять на него во сне?

Орр смотрел на нее, отуманенный сном и бренди.

— Сделайте его более доброжелательным. Впрочем, вы говорите, что он доброжелателен и хочет добра. Но он жаждет власти. Он нашел отличный способ править миром, не беря на себя никакой ответственности. Скажем, он будет менее властолюбив. В вашем сне он должен стать по-настоящему хорошим человеком. Пусть он лечит вас, а не использует!

— Но я не выбираю свои сны. Никто не может...

Она поникла.

— Я забыла. Как только я воспринимаю все, как реальное, я начинаю думать, что вы можете его контролировать. Но вы не можете. Вы просто исполнитель, вы только делаете.

— Я ничего не делаю, — уныло сказал Опп. — Я никогда ничего не делаю. Я просто вижу сны.

— Я вас загипнотизирую, — вдруг сказала Хитзер.

Сделав такое невероятное предложение, она почувствовала облегчение. Если действуют сны Оппа, почему не могут подействовать ее команды? Она ничего не ела с полудня, и кофе с бренди подействовали на нее сильнее, чем можно было ожидать.

Он молча посмотрел на нее.

— Я умею. Я изучала психиатрию в колледже еще до юридической школы. Мы все были гипнотизерами и гипнотизируемыми. У меня хорошо получалось. Я погружу вас в гипноз и внушу содержание сна о Хабере, чтобы обезвредить его. Я велю вам только это увидеть и ничего больше. Понимаете? Это вполне безопасно, самое безопасное из всего, что мы можем испробовать.

— Но я плохо поддаюсь гипнозу, — сказал он.

— Поэтому он и использует коротидную индукцию. Страшно смотреть — все равно что убийство. Я не врач, и я так не могу.

— Мой дантист пользовался гипнозаписью. Она действовала на меня хорошо.

Он почти засыпал. Она мягко произнесла:

— Похоже, вы сопротивляетесь не гипнозу, а гипнотизеру. Мы можем попробовать. И если подействует, я сделаю вам небольшое постгипнотическое внушение, чтобы вы увидели сон, в котором Хабер действительно пытается вам помочь. Что вы об этом думаете?

— Во всяком случае стоит попробовать, — ответил он. — Я должен уснуть. Не думаю, что выдержу еще ночь. Если вы считаете, что сможете загипнотизировать меня...

— Думаю, смогу. Но послушайте, вы ели что-нибудь?

— Ах да, простите, — спохватился он. — Вы, наверное, голодны. В такую даль тащились сюда, а я...

Он порылся в шкафу и достал хлеб, маргарин, пять крутых яиц, банку тунца и увядшие листья салата. Она отыскала тарелки, вилки и нож.

— А вы ели? — спросила она.

Он не знал. Они поели, она сидя на единственном стуле, он стоя. По-видимому, стоять ему было легче, и он ел с аппетитом. Они разделили пополам даже пятое яйцо.

— Вы очень добрый человек, — сказал он.

— Я? Почему? Потому что пришла сюда? Это потому, что я ужасно испугалась. Этот сеанс в пятницу! Надо было понять. Послушайте, пока вы спали, я искала глазами больницу, в которой родилась. Она была вон там, за рекой. Я не увидела ее. Но ведь она всегда была там...

— Я думал, вы с Востока, — сказал он без видимой связи с ее словами.

Она тщательно очистила банку из-под тунца и облизала нож.

— Я из Портленда. Теперь, выходит, я родилась дважды. В двух разных больницах. Боже! Отец у меня был черный, а мать белая. Это стоит послушать. Он был храбрый черный борец за права негров, а она хиппи. Он из состоятельной семьи, а она — дочь юриста из Портленда. Она ушла из дома: принимала наркотики и все такое прочее. Они встретились на какой-то демонстрации. В семидесятых годах демонстрации были еще не запрещены. Они поженились, но он не смог долго выдерживать. Я имею в виду всю тогдашнюю ситуацию, а не только их брак. Когда мне было восемь лет, он уехал в Африку, кажется в Гану. Он считал, что его народ происходит оттуда, но наверняка он этого не знал. Их семья жила в Луизиане, Лилач — должно быть фамилия рабовладельца. Это французское слово. Оно означает «трус». В школе я изучала французский язык, потому что у меня французская фамилия.

Она фыркнула.

— Ну так вот, он уехал, а бедная Ева осталась здесь. Ева — это моя мать. Она не разрешала называть ее мамой, поэтому я звала ее Евой. Некоторое время мы жили в коммуне на Маунт-Худе. Боже, как там было холодно зимой. Потом полиция разогнала нас. Говорили, что так жить не принято у американцев. Она умудрялась подрабатывать на жизнь в маленьких ресторанах и магазинах. Эти люди помогают друг другу. Но от наркотиков она так и не смогла отказаться. Она пережила чуму, но в тридцать восемь лет ей попалась грязная игла, и это ее прикончило. И тут ее паршивая семья подобрала меня. Я окончила колледж и юридическую школу. Я с ними встречалась раз в год на рождество. Я их негр-талисман. Но знаете, что самое неприятное? Я никак не могу решить, какого я цвета. Отец у меня был черный как сажа, хотя у него было немного белой крови. Мать белая. А я ни то ни другое. Отец ненавидел мать за то, что она белая, но и любил ее. Я думаю, что его черную кожу она любила больше, чем его самого. Что же мне остается? Никак не могу решить.

— Коричневое, — негромко сказал он, стоя за ее стулом.

— Цвет грязи!

— Цвет земли!

— Вы из Портленда?

— Да.

— Я не слышу вас из-за этого треклятого ручья. Мне казалось, что в дикой местности должно быть тихо. Теперь ваша очередь.

— Но у меня теперь так много детства, — сказал он. — О каком из

них рассказать? В одном родители умерли в первый год чумы, в другом никакой чумы не было. Не знаю... В этом нет ничего интересного. Не о чем рассказывать. Мне удалось выжить — это главное.

— Сколько опасностей! Чума, а теперь вот чужаки...

Он невесело рассмеялся, но лицо его оставалось жалким и измученным.

— Я просто не могу поверить, что они из вашего сна, не могу и все! Я так боялась их все эти долгие десять лет! Но я знаю, что это так, потому что их не было в другом... времени. Впрочем, они не хуже, чем эта ужасная перенаселенность, эта ужасная маленькая квартира, в которой я жила с четырьмя другими женщинами, и эти подземки, и зубы у меня были ужасные, ничего толком поест нельзя. Вы знаете, тогда я весила сто один фунт, а теперь сто двадцать два. С пятницы я поправилась на двадцать один фунт.

— Верно. Когда я в первый раз вас увидел, вы были ужасно худая.

— И вы тоже ужасно костлявый. Все были такие, только я не замечала. А теперь вы вполне плотный мужчина. Вам нужно только поспать.

Он ничего не сказал.

— В общем, жизнь стала лучше. Послушайте, вы ведь не по своей воле. Так почему же вы чувствуете себя виноватым? Может, ваши сны — просто новый способ эволюции? Выживание наиболее приспособленных?

— Все гораздо хуже, — сказал он прежним ровным голосом, без всякого выражения. Теперь он сидел на кровати. — Вы помните что-нибудь об апреле месяце, который был четыре года назад, в девяносто восьмом?

Он несколько раз запнулся.

— Апрель? Нет, ничего особенного.

— Тогда наступил конец света, — сказал он. Судорога исказила его лицо. Он с усилием глотнул воздуха. — Никто не помнит...

«Апрель тысяча девятьсот девяносто восьмого, — испуганно подумала она. — Что я помню об апреле девяносто восьмого?» — Она ничего не могла вспомнить и очень боялась. Его? За него?

— Это не эволюция. Просто инстинкт самосохранения. Все гораздо хуже, чем вы думаете. Тот же мир, который вы знали, когда население было семь миллиардов, только... гораздо хуже. Никто, кроме нескольких европейских стран, не пытался контролировать рождаемость и бороться с загрязнением среды. Когда мы попытались контролировать распределение пищи, было уже слишком поздно. Пищи не хватало, а мафия правила черным рынком. Все приходилось покупать на черном рынке, чтобы не умереть с голоду. У многих ничего не было. Конституцию изменили в 1984 году, это вы помните, но дела пошли так плохо, что даже намек на демократию не осталось. Что-то вроде полицейского государства. Но и это не помогало. Все распалось. Когда мне исполнилось пятнадцать, закрылись школы. Раковой чумы не было, были другие эпидемии: дизентерия, гепатит, бубонная чума. Но больше всего людей умирало от голода. А в девяносто третьем году началась война на Ближнем Востоке. Потом другая война — Израиль против арабов. Одна из африканских стран, действуя на стороне арабов, сбросила две атомные бомбы на израильские города. Мы помогли Израилю отомстить и...

Он замолчал и, немного погодя, продолжал, по-видимому не сознавая, что в его рассказе был перерыв.

— Я пытался уйти из города в лес. Но я был болен и не мог идти. Я просто сидел на ступенях дома. На западном холме все дома горели, но ступени были цементные и, я помню, из щелей пробивались одуванчики. Я сидел и знал, что не смогу встать. Я думал о том, как поднимусь и уйду из города, но это был бред. Снова и снова я видел одуванчики и умирал. И все вокруг умирало. И тут мне приснился сон...

Голос его прервался, и он ненадолго умолк. Наконец он с трудом проговорил:

— Мне снилось, что я дома. Я проснулся здоровым, лежа в своей постели. Только это был не тот дом, что в прошлой жизни. Боже, я не хочу ее помнить, но не могу забыть! Много раз я говорил себе, что это сон, но это был не сон. А наш мир — сон. Он нереален. Он даже не вернется. В этой жизни мы все мертвы. А перед смертью мы убили свой мир. Ничего не осталось, кроме снов.

Она верила ему — и яростно возражала!

— Ну и что? Может, так и должно быть? И все это реально. Ничего не случается, что не должно случиться. Никогда! И какая разница, как вы это назовете, сном или явью? Оно существует. Разве не так?

— Не знаю, — ответил Опп.

Она подошла к нему и обняла, как ребенка, как умирающего.

Голова Оппа лежала у нее на коленях.

— Вы уснули, — сказала она.

Он не ответил. Ей пришлось потрясти его, чтобы привести в чувство.

— Я не сплю, — сказал он, напрягшись. — Не сплю.

Он снова обвис.

— Джордж!

Имя помогло. Он открыл глаза и взглянул на нее.

— Не засыпайте еще немного. Я хочу попробовать гипноз.

Она хотела спросить, что он хочет увидеть во сне, что именно внушить ему относительно Хабера, но он был уже далеко.

— Садитесь на диван. Смотрите... Да, смотрите на пламя лампы, но не засыпайте.

Она поставила лампу в центр стола, среди яичной скорлупы и объедков.

— Не отводите взгляда от лампы и не засыпайте. Вы расслабитесь и успокоитесь, но не уснете, пока я вам не скажу «спите». Вы ощутите покой и комфорт.

Чувствуя, будто играет чью-то роль, она продолжала гипнотический разговор. Он сразу же подчинился. Она не сразу в это поверила и решила проверить.

— Вы не можете поднять левую руку, — сказала она. — Вы пытаетесь, но она слишком тяжелая, не поддается... Теперь она снова легкая, можете ее поднять. Вы через минуту уснете. Вам будут сниться сны, самые обычные, как у всех. За одним исключением. Один сон будет эффективным.

Она замолчала, вдруг почувствовав испуг: что она делает? Это не игрушка. Он в ее власти, а его мощь неимоверна. Какую ответственность она берет на себя?

Человек, который, подобно ей, верит во всеобщий порядок, в то, что существует целое, частью которого он является, что, будучи частью, он в то же время и целое, — такой человек не захочет играть в бога. Хотя только те, кто не верит.

Но она попалась и повернуть назад уже не могла.

— В этом сне вам приснится, что доктор Хабер желает вам добра, что он честен с вами и не пытается вредить вам.

Она подумала, что сказать еще, и добавила:

— И вам приснится, что чужаков уже нет на Луне.

Хоть эту тяжесть она снимет с его плеч!

— Утром вы проснетесь отдохнувшим, и все будет в полном порядке. А сейчас — спите!

Боже, она забыла велеть ему лечь!

Он мягко упал вперед и набок и лежал теперь теплой и неподвижной грудой прямо на полу.

Он весил не больше ста пятидесяти фунтов, но для нее это был все равно что мертвый слон. Она с трудом втащила его на диван — сначала ноги, потом плечи — и укрыла его спальным мешком, а он продолжал крепко спать. Пытаясь поднять его, она выбилась из сил. Сев за стол, она перевела дыхание. И стала думать, чем ей теперь заняться. Она убрала со стола, нагрела воды и вымыла посуду, потом разожгла огонь в печи. На полках нашлось несколько книг — детективов среди них не было. Жаль. Ей подошел бы сейчас детективный роман о русских. В последние годы правительство США больше не делает вид, что между Иерусалимом и Филиппинами нет ничего общего, поскольку это угрожало бы американскому образу жизни. Теперь можно купить игрушечный японский зонтик, индийские благовония, русские книги и многое другое. Человеческое богатство принадлежит всем — таков новый образ жизни, в соответствии с доктриной президента Мердла.

Роман, написанный автором, чья фамилия, оканчивалась на «евский», описывал годы чумы в маленьком городе на Кавказе. Не очень веселое чтение, но захватывающее.

Она читала с десяти до половины третьего. Все это время Опп спал не двигаясь, дышал легко и свободно. Время от времени она отрывалась от книги и смотрела на его спокойное лицо. Если ему что и снилось, то что-то легкое, беглое. После того как в кавказском городке все погибли, кроме одного умилишенного — его невольная пассивность перед неизбежным напоминала ей Оппа, — она подогрела кофе, но у него был вкус шелока. Она выглянула из-за двери и прислушалась к шуму ручья. Невероятно, но это журчание длится сотни лет, начавшись задолго до ее рождения, и будет длиться, пока существуют горы. Самое странное — теперь, в абсолютной ночной тишине, в журчании ручья появилась какая-то новая нота, как будто где-то далеко, вверх по течению пели дети сладкими нездешними голосами.

Она вздрогнула, закрыла дверь, чтобы не слышать голосов нерожденных детей, и вернулась в комнату, где лежал спящий. Она взяла с полки книгу о домашних плотничьих работах — должно быть, он купил ее, чтобы чем-то заниматься на даче, — но от этой книги ей сразу захотелось спать. Почему бы и нет? Зачем ей бодрствовать? Но где же она будет спать?

Следовало оставить Джорджа на полу, он и не заметил бы этого. А так получилось нечестно: у него и диван, и спальный мешок.

Она сняла с Орра спальный мешок, заменив его плащом. Он даже не пошевелился. Она поглядела на Орра, потом забралась в спальный мешок и легла прямо на полу. Боже, как холодно и жестко! Она не погасила света. Обязательно нужно гасить свет, это она помнит со времен коммуны. Какой именно? Ох, как холодно!

Холодно. Жестко. Ярко. Слишком ярко.

Солнце светит в окно. Пол дрожит. Над холмами воют далекие сирены.

Она села. Вой продолжался.

Солнечные лучи лились в единственное окно, заливая все своим ослепительным светом. Пошарив вокруг, она наткнулась на спящего.

— Джордж! Вставай! О, Джордж, вставайте! Что-то случилось!

Он кротко улыбнулся ей спросонок.

— Что-то случилось. Сирены... Что это?

Все еще во сне, он без всякого выражения ответил:

— Они приземлились.

Он сделал то, что она ему велела. Она велела ему увидеть во сне, что чужаков больше нет на Луне.

8

Небо и земля не человеческие.

Лао Цзе. V.

Во второй мировой войне единственной частью Американского континента, испытавшей прямое нападение, был штат Орегон. Тогда японские воздушные шары подожгли лес на берегу. В первой межзвездной войне единственной частью Американского континента, подвергшегося вторжению, был штат Орегон.

И можно винить политиков штата: единственной функцией сенатора от Орегона было выводить из себя других сенаторов, и никогда на государственный хлеб не намазывать военное масло. В Орегоне были лишь груды сена и не было ни пусковых площадок ракет, ни баз НАСА. Штат оказался совершенно беззащитным. Баллистические снаряды, которые должны были защитить его, поднялись с огромных подземных установок в Уолли-Уолла, Вашингтоне, Круглой долине и Калифорнии. Из Айдахо, большая часть которого принадлежала военно-воздушным базам США, с воем понеслись на запад огромные сверхзвуковые ХХТТ, оглушая всех от Войза до

Сан-Валли. Эти самолеты должны были встретить корабли чужаков, если тем удастся пробиться сквозь непробиваемую сеть защиты.

Отброшенные кораблями чужаков, на которых имелись автоматические противоракетные устройства, снаряды защиты повернули назад еще в атмосфере, падая и взрываясь тут и там по всему Орегону.

Страшный пожар вспыхнул на сухих восточных склонах Каскадов. Золотой Берег и Дэлл были снесены огненным вихрем. Портленд не испытал прямых ударов, но заряд с ядерной боеголовкой взорвался на горе Маунт-Худ, вблизи старого кратера, отчего проснулся спящий вулкан. Задрожала земля, из ее недр вырвались струи пара, и к полудню первого дня вторжения, первого апреля, на северо-западной стороне горы открылось жерло, из которого началось яростное извержение.

Лава лилась по белоснежным безлесым склонам, угрожая общинам Зигзаг и Рододендрон. Начал образовываться конус из шлака, и воздух в Портленде на сорок миль заполнился пеплом. К вечеру, с изменением направления ветра, нижние слои атмосферы слегка расчистились и на восточном горизонте стало видно багровое пламя извержения. Небо, закрытое дождем и пеплом, гремело от полета ХХТТ, которые тщетно искали корабли чужаков. С восточного берега и из других держав, участниц договора, продолжали прибывать новые эскадрильи, которые сбивали друг друга. Земля дрожала от подземных толчков, от взрывов бомб и падающих самолетов. Один из кораблей чужаков приземлился всего в восьми милях от черты города, и юго-западные пригороды тут же исчезли: бомбардировщики обрушили свой страшный груз туда, где должен был находиться корабль. Потом выяснилось, что корабля там уже не было. Но что-то ведь нужно было делать!

По ошибке бомбардировке подвергся сам город. В Нижнем городе не уцелело ни одного стекла. Его улицы на дюйм-два покрылись мелкими осколками. Беженцам из юго-западной части Портленда приходилось идти по стеклу. Женщины несли детей и плакали от боли: их обувь была изрезана стеклом.

Через большое окно своего кабинета в Орегонском онейрологическом институте Вильям Хабер видел, как поднимается и опускается пламя в районе доков, видел кровавый отблеск извержения. В его окне стекла еще были целы — близ парка Вашингтона еще не было разрывов, и землетрясение, которое ниже по реке раскалывало целые дома, здесь лишь заставляло дрожать оконные рамы. Слышались отдаленные крики словно в зоопарке. Изредка на севере, там, где Вильяметт впадает в Колумбию, виднелись полосы необычного пурпурного цвета, но что это за полосы, трудно было разглядеть в пепельных туманных сумерках.

Центральные районы города были погружены во мрак из-за неполадок в энергоснабжении, в других районах кое-где горели огни. В здании института больше никого не было. Целый день Хабер пытался отыскать Джорджа Орра. Когда это не удалось и дальнейшие поиски стали невозможны из-за паники и увеличивающихся разрушений, он пришел в институт. Идти

пришлось пешком, и Хабер нервничал. Человек с его положением, чье время так дорого, не ходит пешком. Но батареи его машины сели, и он не мог ничего сделать. Толпы беженцев заполнили улицы. Хаберу пришлось идти против течения, глядя в их лица. Это действовало на него угнетающе. Он не любил толпу.

Но когда толпа рассеялась и он пошел один по обширным лужайкам и рощам парка, это оказалось куда хуже.

Хабер считал себя одиноким волком. Он никогда не хотел ни брака, ни близкой дружбы. Ему приходилось напряженно работать, когда другие спали, и он избегал затруднительных положений. Секс в его жизни сводился к знакомству на одну ночь с полупроститутками, иногда женщинами, иногда молодыми мужчинами. Он знал, в какие бары, кино или клубы можно зайти, чтобы найти желаемое. Он получал, что хотел, и тут же освобождался, прежде чем он или его партнер мог почувствовать потребность в новой встрече. Он ценил свою независимость, свою свободу.

Сейчас он впервые понял, как ужасно быть одному в равнодушном огромном парке.

Он торопился, почти бежал к институту, потому что ничего больше ему не оставалось. Он пришел туда, а там было пусто и тихо.

Мисс Кроч держала у себя в столе транзистор. Хабер достал его и включил, чтобы услышать последние новости, чтобы слышать человеческий голос.

Все, в чем он нуждался, тут было: постель, сэндвичи, легкие напитки для работающих по ночам в лабораториях. Но он не был голоден. Его охватила какая-то апатия. Без особого интереса он слушал радио. Он остался один, и все потеряло для него свою реальность и прочность. Ему нужен был кто-то, с кем он мог бы говорить, кому мог бы рассказать, что он чувствует, когда видит, как все рушится. Ужас одиночества был так велик, что чуть не выгнал его из института к толпам людей. Но апатия оказалась сильнее страха. Он остался на месте. Ночь сгушалась.

Красноватый отблеск над вершиной Маунт-Худа то разгорался, то спал. В юго-западной части города, невидимой из его кабинета, что-то сильно ударило. Скоро облака осветились отблесками пожаров, по-видимому, в той стороне. Хабер вышел в коридор, чтобы посмотреть все это, держа в руке приемник. По лестнице поднимались какие-то люди, он их не слышал и не узнавал.

— Доктор Хабер, — сказал один из них.

Это был Орт.

— Как раз вовремя, — едко сказал Хабер пациенту. — Где вас носило целый день! Входите!

Орт хромал, левая сторона лица у него распухла и половины передних зубов не хватало. Женщина, похоже, пострадала меньше, но казалась совершенно изможденной: глаза смотрели в одну точку, ноги подгибались. Хабер посадил ее на кушетку и громким голосом медика спросил:

— Она получила удар по голове?

— Нет. Просто очень долгий день, — ответил за нее Опп.

— Со мной все в порядке, — пробормотала женщина.

Она чуть вздрогнула. Опп осторожно снял с нее ужасно грязные туфли и заботливо укрыл ее верблюжьим одеялом. Доктор рассеянно подумал, что где-то ее уже видел.

— Пусть отдыхает. Идите сюда, умойтесь. Я целый день вас искал. Где вы были?

— На даче. Береговой хребет.

— Что с вашей ногой?

— Повредил во время аварии машины. Послушайте, они уже в городе?

— Если военные и знают что-то, то держат это в тайне. Они сообщили только, что, когда утром приземлились большие корабли, они тут же разбились на маленькие подвижные машины типа вертолетов и разлетелись. Теперь они рассеялись по всей западной половине штата. Передвигаются они не слишком быстро. Но если кого-нибудь из них сбили, то об этом ничего не известно.

— Мы видели одну машину.

Лицо Оппа появилось из полотенца, украшенное багровым синяком, с которого он смыл кровь и грязь.

— Должно быть, это они и были. Маленькая серебристая штука пролетела примерно в тридцати футах над пастбищем вблизи Северных равнин. Подпрыгивает будто кузнечик. Выглядит непривычно. Как ведут себя чужаки, вступают ли в бой?

— Радио сообщает только о потерях среди гражданского населения. Выпейте кофе и поешьте, а потом у вас будет терапевтический сеанс посреди ада. Мы положим конец этой идиотской путанице, которую вы затеяли.

Хабер набрал в шприц пентопола и теперь всадил его в руку Оппа — без предупреждения и извинения.

— Я для этого и пришел. Но я не знаю...

— Сможете ли? Сможете! Пошли.

Опп остановился возле женщины.

— Она спит, — сказал Хабер, — не трогайте ее. Ей нужен только сон. Пошли.

Он дал Оппу бифштекс, яйцо с томатом, два яблока, четыре плитки шоколада и две чашки кофе. Они сидели в первой лаборатории за столом, сдвинув инструменты, брошенные утром, когда прозвучали сирены.

— Ешьте. Если вы сомневаетесь, что не в силах навести порядок, оставьте это. Я работал с усилителем, он нам поможет. Я теперь знаю модель ваших эффективных снов. Все эти месяцы я ошибался, искал что-то единое, омега-волну. Ее нет. Есть комбинация, образуемая другими волнами. За несколько дней до того, как начался этот ад, я нашел эту комбинацию. Цикл длится девяносто семь секунд. Для вас это ничего не значит, хотя делает это ваш треклятый мозг. Когда вы видите эффективный сон, ваш мозг излучает сложный синхронный набор волн, который повторяется каждые девяносто семь секунд. Эффект этого цикла так же соотносится

с обычной ж-стадией, как симфония Бетховена с песенкой «Была у Мэри овечка». Набор невероятно сложный, но последовательный и все время повторяющийся. Так вот. Я записал этот набор и могу вернуть вам его в мозг. Усилитель готов, на этот раз он настроен на ваш мозг. Ваш сон будет по-настоящему великим! Он остановит это безумие, перенесет нас в иной континуум, где мы сможем начать все сначала. Вот что вы сделаете. Вы измените все предметы, не чью-то отдельную жизнь, вы измените весь континуум.

— Очень рад это слышать, — вставил Опп.

Он с невероятной быстротой поглощал еду, несмотря на разбитые губы и отсутствие зубов. В его словах звучала ирония, но Хабер был слишком занят своими мыслями, чтобы заметить ее.

— Послушайте. Это вторжение произошло само по себе или из-за того, что вы пропустили сеанс?

— Я увидел его во сне.

— Вы позволили себе неконтролируемый эффективный сон?

В голосе Хабера звучал гнев. Он слишком нянчился с Оппом. Безответственность Оппа стала причиной гибели множества людей, разрушений и паники в городе.

— Нет... — начал Опп.

Но в этот момент раздался сильный взрыв. Здание подпрыгнуло, зазвенело, загрохотало, электронные аппараты обрушились на пустые кровати, кофе выплеснулось из чашек.

— Это вулкан или бомба? — спросил он.

Среди ужаса, охватившего его, Хабер вдруг заметил, что Опп остается невозмутимым. Все его реакции были совершенно неправильны, аномальны. В пятницу он готов был рассыпаться на куски из-за этических соображений, сейчас, в среду, среди Армагеддона, он холоден и спокоен как ледяная глыба. Казалось, он не знает страха. Но ведь должен. Если он, Хабер, боится, то и Опп должен бояться. «Должно быть, он считает, — подумалось Хаберу, — что если он сам является причиной вторжения, то оно для него безопасно, что оно всего лишь сон».

А если это так?

Чей сон?

— Лучше не думать, — сам себе сказал Хабер, вставая.

Он чувствовал нарастающее нетерпение и раздражение, которое становилось невыносимым.

— Что это за женщина с вами?

— Мисс Лилич, — ответил Опп, глядя на него как-то странно. — Адвокат. Она была здесь в пятницу.

— Как же она с вами оказалась?

— Она меня искала и приехала на дачу.

— Объясните позже, — сказал Хабер. — У нас нет времени на пустяки. Нужно разобраться с этим взрывающимся миром.

В тот момент, когда они входили в кабинет Хабера, большое двойное

стекло со звоном разлетелось, воздух хлынул в оконный проем. Обоих потащило к окну, как к устью вакуумного пылесоса. Оба упали.

Когда видимость восстановилась, Хабер поднялся, ухватившись за стол. Орт стоял у кушетки и успокаивал испуганную женщину. В кабинете стало холодно, весенний холодный воздух вливался в открытое окно и пах дымом, горелой изоляцией, озоном, серой и смертью.

— Может, спустимся в подвал? — ровным голосом спросила Лилич, хотя ее всю трясло.

— Идите, — сказал Хабер. — Нам нужно немного задержаться.

— Здесь?

— Здесь усилитель. Его нельзя выключить и перенести, как портативный телевизор. Идите в подвал, мы спустимся, как только сможем.

— Вы хотите усыпить его сейчас? — спросила женщина.

Деревья на холме внезапно вспыхнули ярко-желтыми шарами пламени. Извержение Маунт-Худа было заслонено более близкими событиями. Последнее несколько минут, однако, земля заметно дрожала.

— Идите, спускайтесь в подвал. Мне понадобится кушетка. Ложитесь, Джордж. Послушайте, мисс, в подвале вы увидите дверь с надписью «Запасной генератор». Когда войдете туда, найдете рубильник с надписью «включено» и держите на нем руку. Если свет внезапно погаснет, включайте!

Она пошла, по-прежнему дрожа, но улыбаясь. Проходя мимо Орта, она взяла его за руку и сказала:

— Приятных снов, Джордж!

— Не беспокойтесь, — ответил Джордж. — Все будет хорошо.

— Замолчите! — приказал Хабер.

Он включил гипнозапись, которую наговорил сам, но Орт никак на это не отреагировал — взрывы и гул извержения заглушали ее почти полностью.

— Закройте глаза, — скомандовал Хабер.

Он положил руку на горло Орту и повернул регулятор громкости.

— Расслабьтесь, — загремел его собственный голос. — Вам удобно. Вы расслабились. Вы входите в...

Здание подпрыгнуло, как барашек весной, и покосилось набок. За грязно-красным окном без стекла появился большой яйцеобразный предмет, прыжками двигавшийся по воздуху. Он направлялся прямо к окну.

— Быстрее!

Хабер перекрикивал собственный голос.

Орт был уже под гипнозом. Хабер выключил запись и наклонился к самому уху Орта.

— Прекратите вторжение! — закричал он. — Мир, вам снится всеобщий мир! Спите! Антверп!

Он включил усилитель.

Но взглянуть на ЗЭГ Хабер уже не успел. Яйцеобразный предмет парил за окном. Его тупое рыло, тускло освещенное заревом горящего города, нацелилось прямо на Хабера. Хабер укрылся за кушеткой, чувствуя себя беззащитным и стараясь своим телом прикрыть усилитель, закрыть его руками. При этом он вытянул шею, чтобы лучше разглядеть летательный аппарат чужаков.

Тот приблизился. Рыло, как будто из маслянистой стали, серебристое, с фиолетовыми полосами, заполнило всю раму окна. Послышался скрежещущий звук, когда оно нажало на переплеты. Хабер громко вскрикнул от ужаса, но остался стоять между чужаком и усилителем.

Рыло выпустило длинное тонкое щупальце, которое выжидающе повисло в воздухе. Конец его, извиваясь как змея, покачался и двинулся в направлении Хабера. В десяти футах от него оно повисло в воздухе и несколько секунд указывало на доктора, потом со свистом свернулось, и из корабля донесся громкий гул. Металлический подоконник выгнулся и лопнул. Рыло опустилось на пол, в нем открылось отверстие и оттуда что-то появилось.

Близкий к обмороку, Хабер подумал, что это гигантская черепаха. Потом он разглядел, что существо заключено в зеленоватого цвета скафандр, который и придает ему громоздкость и неуклюжесть гигантской морской черепахи, вставшей на задние лапы.

Оно постояло неподвижно возле Хабера, затем медленно подняло левую руку, направив на Хабера металлический прибор с узким стволом.

Хабер увидел смерть.

Тусклый невыразительный голос донесся из локтевого сгиба существа:

— Не делай другим того, чего ты не хочешь, чтобы сделали тебе, — произнес голос.

Сердце Хабера билось с перебоями.

Огромная металлическая тяжелая рука снова поднялась.

— Мы хотим мира, — на одной ноте произнес локоть. — Известно остальным, что мы прибыли с миром. У нас нет оружия. Страх ведет к гибели. Прекратите уничтожение себя и других. У нас нет оружия, наша раса не агрессивна.

— Я не распоряжаюсь военно-воздушными силами, — возразил Хабер и запнулся.

— С существами в летающих машинах устанавливается контакт, — сказал локоть существа. — Военное ли это устройство.

Порядок слов свидетельствовал, что это вопрос.

— Нет, — ответил Хабер.

— Простите за вторжение.

Огромная металлическая фигура чуть повернулась. Казалось, она колеблется.

— Что это? — спросила она.

Она указала на провода, подключенные к голове спящего Орра.

— Электроэнцефалограф, машина, записывающая электрическую активность мозга.

— Достоин, — сказал чужак.

Он сделал короткий шаг к кушетке, как бы собираясь взглянуть.

— Этот индивидуум яхклу. Все ли ваши индивидуумы способны к яхклу?

— Я не понимаю термина. Если вы опишете...

Фигура повернулась, подняла левый локоть над головой, которая как у черепахи едва выдавалась над плечами, и сказала:

— Просим прощения. Наши коммуникаторы создавались наспех, в очень короткое время. Просим простить. Необходимо, чтобы мы все двинулись в очень близкое будущее, к другим ответственным индивидуумам, охваченным паникой и способным уничтожить себя и других. Спасибо.

Он снова забрался в нос аппарата.

Хабер следил, как в темном углублении исчезли большие круглые подшвы. Подпрыгнув над полом, рыло вернулось в прежнее положение. У Хабера сложилось впечатление, что это не просто механическое действие, а точное повторение прежних движений в обратном порядке, как в пущенном наоборот фильме. Летательный аппарат чужаков отступил, выдрав с ужасным скрежетом остатки оконной рамы, и исчез в вязком мраке снаружи.

Хабер вдруг отметил, что взрывы прекратились, все слегка дрожало, но от извержения, а не от бомб. Далеко за рекой были сирены.

Джордж Орр неподвижно лежал на кушетке, дыша неровно и прерывисто. Порезы и синяки отчетливо выделялись на его бледном лице.

Пепел и дым по-прежнему заполняли холодное пространство комнаты через разбитое стекло. Ничего не изменилось.

Сделал ли он что-нибудь? Глаза спящего слегка двигались под опущенными веками, ему все еще что-то снилось, иначе не могло быть, ведь усилитель посылает ему в мозг его собственные импульсы. Почему он не изменил континуум? Почему не перенес их в царство абсолютного мира, как велел ему Хабер? Видно, гипнотическое внушение оказалось недостаточно сильным. Нужно начать все сначала. Хабер выключил усилитель и трижды окликнул Орра по имени.

— Не садитесь, вы еще не подключены к усилителю. Что вам снилось?

Орр говорил хрипло и медленно. Он еще не вполне проснулся.

— Тут были чужаки, прямо в кабинете... Один из них выбрался из носа своего прыгающего аппарата. Вы с ним разговаривали...

— Но это не сон! Это произошло на самом деле, черт побери, придется все начать заново. Несколько минут назад мог произойти атомный взрыв, мы все можем погибнуть от радиации...

— О, не в этот раз, — сказал Опп.

Он сел и снял электроды.

— Разумеется, все произошло на самом деле. Эффективный сон — это не что иное как реальность, доктор Хабер.

Хабер уставился на него, не понимая.

— Вероятно, усилитель ускорил воздействие сил, — сказал Опп.

Он по-прежнему сохранял необыкновенное спокойствие. Вдруг он задумался.

— Послушайте, вы могли бы позвонить в Вашингтон?

— Зачем?

— Ну, известный ученый в самом центре происходящего. Вас выслушают. Они там ищут объяснения. Кого в правительстве вы знаете? К кому вы можете обратиться лично? Может, к министру здравоохранения? Скажите, что все это результат недоразумения, что чужаки не вторгаются и не нападают. Они просто не понимали, пока не приземлились, что у людей существует звуковая речь. Они даже не знали, что мы считаем себя в состоянии войны с ними. Надо поговорить с кем-нибудь, кто может связаться с президентом. Чем скорее отзовут военных, тем меньше людей будет убито. Ведь гибнет только гражданское население. Чужаки не причиняют вреда нашим солдатам, они даже не вооружены, и у меня такое впечатление, что в своих скафандрах они неуязвимы. Но если не остановить наш воздушный флот, он разнесет весь город. Попробуйте, доктор Хабер. К вашим словам должны прислушаться.

Хабер чувствовал, что Опп прав. Оснований для этого не было, это — логика безумия, но тем не менее он прав. Опп говорил с абсолютной уверенностью.

Почему такой дар дан глупцу, ничтожеству? Почему Опп так уверен, почему он прав, когда сильные, активные люди оказываются бессильными, вынуждены зависеть от слабого орудия? Не в первый раз пришла в голову Хабера эта мысль, но тем не менее он тут же направился к телефону и набрал номер министерства здравоохранения в Вашингтоне.

Звонок через федеральный центр связи в Уте прошел сразу. Ожидая, пока его свяжут с министром здравоохранения, народного образования и социального обеспечения, которого он хорошо знал, Хабер сказал Оппу:

— Почему вы не перенесли нас в другой континент, где этого просто никогда не было? Так было бы гораздо легче, и никто бы не пострадал. Почему вы просто не избавились от чужаков?

— Я не выбираю, — ответил Опп. — Разве вы этого еще не поняли? Я просто следую.

— Следует моему гипнотическому внушению, да, да, но никогда не полностью, не прямо и не просто...

— Я не это имел в виду, — возразил Опп.

Но тут на линии оказался личный секретарь Вентора. Пока Хабер говорил с ним, Опп вышел из кабинета и пошел вниз, несомненно, чтобы увидеться с этой женщиной. Поговорив с секретарем, а затем и с самим министром, Хабер почувствовал, что все налаживается, что чужаки действительно не агрессивны и что он убедил в этом Вентора, а через него президента и генералов. Опп больше не нужен. Хабер видел, что нужно сделать, чтобы вывести страну из кризиса.

9

Те, кто видит во сне мир, просыпаются к горю.

Чуанг Цзе. II.

Шла третья неделя апреля. Опп на прошлой неделе договорился встретиться с Хитзер Лилач для обеда у Дэйва в среду, но как только он вышел из своего кабинета, он понял, что ничего не получится.

Теперь в его голове теснилось столько воспоминаний, такая путаница жизненного опыта, что он и не пытался вспомнить что-нибудь. Он принимал как должное все, что происходило, и жил, почти как ребенок.

Его больше ничего не удивляло.

Кабинет его находился на третьем этаже. Бюро гражданского планирования. Положение у него было более внушительное, чем когда-либо раньше. Он руководил секцией юго-восточных пригородов в городской комиссии планирования. Работа ему не нравилась.

Ему удавалось оставаться чертежником до сна в прошлый понедельник.

Этот сон в соответствии с каким-то замыслом Хабера так изменил федеральное устройство штатов, так преобразовал всю социальную систему, что Опп превратился в городского бюрократа.

Ни в одной из прежних жизней у него не было работы, полностью соответствующей его желаниям. Он хотел быть дизайнером, придумывать форму и цвет для разных предметов, но ни в одном из прежних существований этот талант не был востребован.

Та работа, которой он теперь занимался вот уже пять лет, совершенно не соответствовала его характеру. Это его беспокоило.

До последней недели во всех существованиях, вытекавших из его снов, была какая-то связь. Он всегда был чертежником, жил на Корбетт-авеню. Даже в той жизни, которая кончилась на бетонных ступенях горящего дома, в умирающем городе разрушенного мира, даже в той жизни, где уже не стало ни работ, ни домов, даже там была эта связь. И во всех этих существованиях многие другие важные обстоятельства оставались неизменными. Он улучшил климат, но немного, и эффект Гринхауза, наследие середины прошлого столетия, сохранился. География оставалась стабильной.

Все континенты сохранялись, так же как национальные границы, человеческие характеры и так далее. Когда Хабер задумал создать более благородную расу, ему это не удалось.

Но Хабер научился лучше управлять его снами. Последние два сеанса изменили действительность более радикально. У Орра сохранилась квартира на Корбетт-авеню, те же три комнаты, слабо пахнувшие марихуаной управляющего, но служил он чиновником в большом доме Нижнего города, а сам Нижний город изменился до неузнаваемости. Он стал почти таким же впечатляющим и полным небоскребов, как до Катастрофы, но гораздо красивее и удобнее. И управлялся он совсем по-другому.

Любопытно, что Альберт М. Мердль по-прежнему оставался президентом США. Он не подлежал изменениям, подобно тому, как не менялась форма американского континента.

Но Соединенные Штаты больше не были ни государством, ни даже страной. Портленд был резиденцией Мирового Планирующего Центра, главным руководителем сверхнациональной федерации человечества.

Портленд превратился в столицу всей планеты. Население его составило два миллиона. Весь Нижний город был застроен огромными зданиями МПЦ, тщательно спланированными, окруженными зелеными парками и лужайками. Парки заполняли тысячи людей, в большинстве работников МПЦ.

Приезжали и группы туристов из Улан-Батора и Сантьяго, слегка наклонив головы, они вслушивались в голоса гидов в ушных пуговицах-радио. Впечатляющее зрелище — огромные прекрасные здания, ухоженные газоны, хорошо одетые люди. Для Джорджа Орра это выглядело футуристично.

Конечно, он не смог найти Дэйва, не смог даже найти Анкенн-стрит. Он помнил ее столь ярко из многих прошлых существований, что отказывался принимать настоящее, в котором никакой Анкенн-стрит просто не было.

На ее месте к облакам среди газонов и рододендронов взметнулось здание Координационного центра исследований и развития.

Орр даже не стал искать здание Пендлтон.

Улица Моррисон сохранилась, по ее центру шел недавно разбитый бульвар, посаженный оранжевыми деревьями, но никаких зданий в несинском стиле не было видно.

Он не мог вспомнить точное название адвокатской конторы Хитзер: кажется, «Формен, Эссербен, Вудхью и Ратти»? Он нашел телефонный справочник и искал название фирмы. Ничего подобного не было. На зато был П. Эссербен, поверенный.

Орр позвонил туда, но мисс Лилад там не работала. Наконец он набрался храбрости и поискал ее в справочнике. Никаких Лилад в книге не оказалось.

«Возможно, у нее теперь другое имя, — подумал он. — Ее мать могла отказаться от фамилии мужа, когда он уехал в Африку, или она могла сохранить фамилию мужа после того, как овдовела». Но он не имел ни

малейшего представления, какую фамилию, носил ее муж. Многие женщины теперь вообще не меняли фамилии при вступлении в брак, считая этот обычай пережитком женской зависимости. Но что толку во всех этих рассуждениях? Возможно, что никакой Хитзер Лилад вообще нет в реальности и она никогда не рождалась.

Орр задумался о другой возможности:

«Если она попадется мне сейчас, узнаю ли я ее?»

Она коричневая, цвета темного балтийского янтаря, чашки крепкого цейлонского чая, но коричневых людей больше нет. Нет ни черных, ни белых, ни желтых, ни красных.

Люди со всех концов Земли стекаются в город МПЦ, чтобы работать здесь или взглянуть на него: из Таиланда, Аргентины, Ганы, Китая, Ирландии, Тасмании, Ливана, Эфиопии, Вьетнама, Гондураса, Лихтенштейна. На всех них одинаковая одежда, а под одеждой они всего одного цвета — серые.

Доктор Хабер обрадовался, когда это произошло. Это случилось в прошлую субботу.

Целых пять минут он смотрел на себя в зеркало, посмеиваясь и восхищаясь. Точно так же он смотрел на Орра.

— На этот раз вы выбрали самый экономичный способ, Джордж. Я начинаю верить, что ваш мозг сотрудничает со мной! Вы знаете, что я вам внушил?

Теперь доктор Хабер много и охотно говорит с Орром о том, что он делает и чего надеется достичь при помощи его снов. Впрочем, это помогает делу мало.

Орр смотрел на свои бледно-серые руки с короткими серыми ногтями. — Вероятно, вы предложили уничтожить расовые конфликты?

— Точно! И, конечно, я предполагал политическое или экономическое решение. Вместо этого ваши мыслительные процессы пошли по обычному кратчайшему пути. Часто этот ваш путь превращается в короткое замыкание, но на этот раз вы добрались до сути, сделали изменение биологическим и абсолютным. Расовой проблемы никогда не существовало! И мы с вами, Джордж, единственные люди на Земле, которые знают об этой проблеме. Можете себе представить? Никого не линчевали в Алабаме, никто не был убит в Йоганнесбурге! Проблемы войны мы переросли, а расовой проблемы никогда не было. Никто за всю историю человечества не страдал из-за цвета кожи. Вы учитесь, Джордж! Вопреки самому себе, вы становитесь величайшим благодетелем человечества. Человечество потратило массу времени и энергии, чтобы решить свои проблемы путем религии, но вот являетесь вы и делаете Будду, Иисуса и всех остальных простыми факирами, кем они в сущности и были. Они пытались уйти от зла, а мы лишаем его корней, уничтожаем его.

Триумфальные песни Хабера беспокоили Орра, и он их не слушал. Он рылся в своей памяти и не находил в ней ни послания, доставленного на поле битвы в Геттесберге, ни человека по имени Мартин Лютер Кинг.

Впрочем, это казалось ничтожной платой за великое благо — уничтожение расовых предрассудков, и он ничего не сказал.

Но никогда не знать женщину с коричневой кожей и волнистыми черными волосами, подстриженными так коротко, что линии коричневой кожи на шее казались изгибом изящной бронзовой вазы? Нет, это неправильно. Это невыносимо, чтобы каждый человек на Земле напоминал по цвету боевой корабль.

«Поэтому ее и нет, — подумал он. — Она не могла родиться серой. Коричневый цвет был ее частью, он не случаен. Ее гнев, робость, резкость, мягкость — все в ее характере смешано, темное и светлое, как в балтийском янтаре. Она не может существовать в мире серых людей. Она не родилась».

А он родился. Он может родиться в любом мире. У него нет характера. Он ком глины, брусок дерева.

И доктор Хабер — он тоже родился. Ничто не может помешать ему. В каждом воплощении он лишь становится больше.

Во время ужасного путешествия с дачи в гибнущий город Хитзер сказала ему, что пыталась внушить ему увидеть во сне улучшенного Хабера. С тех пор Хабер откровенен с ним. Впрочем, откровенность — не вполне точное слово. Хабер слишком сложен, чтобы быть откровенным. Слой за слоем можно снимать кожу с лука, и все же откроется только лук.

Снятие верхнего слоя — единственное происшедшее с ним изменение, и оно объяснялось, возможно, не эффективным сновидением Орра, а изменившимися обстоятельствами. Он теперь так уверен в себе, что не считает нужным скрывать свои намерения или обманывать Орра. Он его просто принуждает. Добровольное терапевтическое лечение неизвестно в новом мире, но законы сохраняют свою силу, и ни один юрист не может и попыслить отобрать пациента у Вильяма Хабера. Хабер — исключительно важная личность. Он директор ХУРАДа — мозга Мирового Планирующего Центра, где принимаются важнейшие решения. Он всегда хотел власти, хотел делать добро. Теперь она у него есть.

В то же время Хабер остается все тем же добродушным и равнодушным человеком, каким был при первой его встрече с Орром в грязноватом кабинете с фотографией Маунт-Худа в Восточной Башне Вильямстт. Он не изменился, он просто вырос.

Главное качество властолюбия — рост.

Чтобы существовать, властолюбие должно расти, каждое достижение для него — лишь шаг к следующему. Чем больше власть, тем больше аппетит к ней. Поскольку видимых пределов власти Хабера, достигнутой посредством сновидений Орра, нет, постольку нет и конца его решимости улучшать мир.

Прохожий чужак слегка задел Орра в толпе на бульваре Моррисон и извинился голосом без интонаций, выходящим из-под чуть приподнятого локтя. Чужаки очень скоро научились не направлять локти на людей, заметив, что это их пугает.

Орр удивленно взглянул на него: он почти забыл о существовании чужаков.

В нынешней действительности, или континууме, как предпочитал говорить Хабер, высадка чужаков не сопровождалась разрушением Орегона НАСА и воздушного флота.

Вместо того чтобы в спешке, под градом бомб и напалма создавать свои трансляционные компьютеры, они захватили их с собой с Луны и, прежде чем приземлиться, объявили о своих мирных намерениях, извиняясь за войну в космосе, которая была вызвана недоразумением, и прося указаний. Конечно, была тревога, но никакой паники. Очень трогательно было слышать, как по всем каналам радио и телевидения лишенный интонации голос повторял, что разрушение лунного купола и орбитальной станции русских было непреднамеренным результатом их попытки установить контакт, что они приняли ракеты с Земли за нашу попытку установить контакт, что они очень сожалеют и что теперь, когда они полностью овладели людским способом коммуникации, они хотят возместить все убытки.

МПЦ, созданный сразу после чумы, связался с ними и принял меры к поддержанию спокойствия среди населения и в армии. Орр понял, что произошло это не первого апреля, несколько недель назад, а в феврале прошлого года.

С тех пор прошло четырнадцать месяцев. Чужакам разрешили высадиться, с ними были установлены нормальные отношения. Наконец им позволили поселиться в тщательно охраняемом участке пустыни возле гор Стинс в Орегоне и смешаться с людьми. Некоторые из них теперь мирно делили восстановленный лунный купол с земными учеными. Несколько тысяч чужаков находились на Земле. По-видимому, это было все население их планеты. Впрочем, такие подробности не сообщались широкой публике. Уроженцы планеты с метановой атмосферой звезды Альдебаран, они вынуждены были постоянно носить скафандры, но, по-видимому, это их не затрудняло.

Орру не было понятно, как они выглядят под своими черепаховыми скафандрами. Они никогда не показывались без скафандров и не чертили рисунков. Их общение с людьми через устройство, помещенное в левом локте, было ограниченным. Орр даже не знал, видят ли они, есть ли у них орган чувств, воспринимающий видимый спектр. Существовали обширные области, где связь вообще невозможна — проблема дельфинов, но только гораздо сложнее. Однако, поскольку они оказались неагрессивными и в относительно скромном количестве, МПЦ с готовностью принял их в земное сообщество.

Приятно посмотреть на кого-то, отличающегося от тебя самого. Чужаки, по-видимому, готовы были остаться, если им позволят. Некоторые из них завели небольшие предприятия. Они оказались хорошими торговцами и организаторами. Своими познаниями в области космических полетов они поделились с земными учеными. Они пока не говорили, что хотят взамен и почему явились на Землю. Казалось, им просто нравилось здесь. Когда

они превратились в предпринимателей, мирных и законопослушных граждан Земли, разговоры о «господстве чужаков», о «внечеловеческой инфильтрации» стали достоянием параноидных политиков из умирающих и уходящих в прошлое националистических групп, а также тех, кто встречался с настоящими летающими блюдцами.

Единственным, что сохранилось от ужасного первого апреля, было возвращение Маунт-Худа к активной вулканической деятельности. На этот раз на горе взорвалась не бомба, потому что бомбы вообще не падали, а просто вулкан проснулся. На север от него тянулся длинный серо-коричневый столб дыма. Зигзаг и Рододендрон разделили участь Помпеи и Гераклениума. Недавно вблизи старого небольшого кратера в парке горы Маунт-Тейбор, в пределах самого города, открылась небольшая fumarola.

Население этого района было перенаселено в новые расцветающие пригороды. Жить с дымящимся на горизонте Маунт-Худом еще можно, но когда извержение начинается прямо на твоей улице, это уже слишком.

В переполненном ресторане Опп взял порцию рыбы и цыпленка с африканским арахисом. Он ел и печально думал: «Однажды я не пришел к ней на свидание у Дэйва, а теперь не пришла она».

Он не мог вынести эту тяжелую утрату, потерю женщины, которая никогда не существовала. Он пытался было вознаградить себя вкусной едой и наблюдениями за посетителями ресторана. Но пища не имела вкуса, а люди были все как один серые.

За стеклянной дверью ресторана толпа сгушалась: люди стремились к Портлендскому Дворцу Спорта — огромному роскошному колизею, расположенному ниже по реке. Там должно было состояться полуденное представление. Теперь мало кто сидит дома и смотрит телевизор. Да и вообще передачи ведутся всего два часа в день. Нынешний образ жизни — совместимость. Сегодня среда, значит, будет борьба, самый большой аттракцион за неделю, за исключением субботнего вечернего футбола.

Атлеты и раньше гибли в борьбе, но зрелищу не хватало драматического эффекта футбола, когда сто сорок четыре человека орошают своей кровью арену. Искусство индивидуальных борцов, конечно, хорошо, но ему недостает освобождающего действия массовой гибели.

«Войн больше нет», — так сказал себе Опп, доедая цыпленка. Он смешался с толпой.

Не будем о войне. Когда-то была старая песня: «Не будем...» Какой там был глагол? Не «сражаться», не «изучать». «Не будем...»

Он натолкнулся прямо на гражданский арест. Высокий человек с длинным морщинистым лицом схватил низкорослого мужчину с круглым серым лицом за полу пиджака. Толпа расступилась, некоторые остановились, чтобы посмотреть, другие продолжали стремительно двигаться к Дворцу Спорта.

— Это — гражданский арест, прошу всех быть свидетелями! — нервным тенором говорил высокий. — Этот человек, Харви Т. Нонно, неизлечимо болен раком брюшной полости, но скрывает свое местонахождение

от властей и продолжает жить со своей женой. Меня зовут Эрнст Бинго Марин, Йотвуд Драйв, 262-4237, район Солнечных склонов, Большой Портленд. Есть здесь десять свидетелей?

Один из свидетелей удерживал слабо сопротивляющегося преступника, пока Эрнст Бинго Марин считал присутствующих.

Орр сбежал, протискиваясь сквозь толпу, прежде чем Марин произвел эвтаназию своим шприцевым пистолетом. Все взрослые граждане, заслужившие удостоверение гражданской ответственности, носили такие пистолеты. Орр и сам имел такой, впрочем, его пистолет не был заряжен. Его зарядили, когда он стал пациентом при МПЦ, но оружие оставили, чтобы временное лишение статуса не привело к публичному унижению. Ему объяснили, что душевное заболевание не является преступлением, таким, как инфекция или наследственная болезнь.

Он не чувствовал себя в опасности, и его пистолет зарядят, как только доктор Хабер объявит о его излечении.

Опухоль... Разве раковая чума, убив всех восприимчивых к раку, не сделала выживших иммунными? Сделала, но в другом сне, не в этом. Очевидно, рак возник снова, как Маунт-Худ.

«Учиться!» Вот это слово: «Мы не будем больше учиться войне...»

На углу Четвертой авеню и Олдер-стрит он сел в фуникулер и взметнулся над серо-зеленым городом к башне ХУРАДа, которая увенчала западные холмы. Башня была видна отовсюду — из города, с реки, из туманных равнин, больших темных холмов Лесного парка на севере. Под портиком с колоннами большими римскими буквами, которые придавали благородство любой фразе, было написано: «Величайшее благо величайшему количеству».

Внутри, в огромном мраморном вестибюле, сделанном по моделям Пантеона в Риме, меньшая надпись золотыми буквами на барабане центрального купола гласила: «Истинная цель человечества — человек. Пама. 1688—1744».

Орру говорили, что здание на площади превосходит размерами Британский музей и выше его на целых пять этажей. Оно было противосейсмично, но не защищало от бомб, потому что никаких бомб не было. Груды ядерного оружия, оставшегося после Лунной войны, были взорваны в серии интересных экспериментов в поясе астероидов. Это здание могло выдержать все, кроме извержения вулкана и еще дурного сна.

Орр прошел по западному крылу и в просторном лифте поднялся на верхний этаж.

Доктор Хабер сохранял в своем кабинете кушетку психоаналитика, как напоминание о скромном начале, когда он практиковал и имел дело с одинокими, а не с миллионными, но добраться до кушетки было нелегко, потому что помещения доктора занимали полакра и включали семь различных комнат. Орр доложил о себе автосекретарю в приемной, а потом прошел мимо мисс Кроч, работавшей на своем компьютере, миновал официальный кабинет — грандиозный зал, которому не хватало только трона, здесь док-

тор принимал послов, делегации, лауреатов Нобелевской премии — и наконец добрался до меньшего кабинета с окном во всю стену и кушеткой. Панель красного дерева была сдвинута в сторону, обнажив сложный исследовательский прибор.

Хабер копался во внутренностях усилителя.

— Привет, Джордж, — прогремел он, не оглядываясь. — Одну минутку. Сегодня у нас будет сеанс без гипноза. Садитесь. Я тут кое о чем думаю... Слушайте, вы не помните тесты, которым вас подвергали в самом начале в Медицинской школе? Особенности личности, коэффициент интеллекта, пятна Рошаха и прочее. Я в своем третьем сеансе проделал аналогичную проверку. Помните? Интересовались результатами?

Лицо Хабера, серое, обрамленное курчавыми черными волосами и бородой, неожиданно появилось из глубины усилителя. В глазах его отразился свет окна.

— Да, — ответил Опп.

На самом деле он ни разу не вспомнил об этом.

— Полагаю, что вам пора узнать, что в пределах данных этих стандартных, но довольно точных и полезных тестов вы настолько нормальны, что кажетесь аномалией. Конечно, слово «нормальный» не имеет точного объективного значения. В количественных терминах вы средняя величина. Например, отношение экстраверсии-интраверсии у вас 49,1. Это означает, что интраверсия превышает экстраверсию на 0,9 процента. Очень редкий случай. То же отношение по всем остальным параметрам. Если навести их все на один график, получится линия где-то на уровне пятидесяти процентов. Стремление господствовать у вас, например, 48,8. Вы не господствуете и не подчиняетесь. Независимость-зависимость — то же самое. Созидание-разрушение по шкале Рамиреса — то же самое. Ни то и ни другое. Или и то, и другое. Везде, где есть оппозиция, полярность, вы посередине. Повсюду на шкале вы в точке равновесия. Вы так тщательно все убрали, что ничего не осталось. Уолтерс в Медицинской школе истолковал эти результаты несколько по-другому. Он видит в этом стремление к гармонии с обществом, а я — с самим собой. Во всяком случае, вы человек середины. Остается теперь только подшить Глюмдальклич из Бробдингнега, и все будет ясно. Черт!

Он ударился головой о панель, оставив усилитель открытым.

— Вы странная рыба, Джордж. И самое странное в том, что в вас нет ничего странного.

Он рассмеялся своим оглушительным смехом.

— Попробуем сегодня по-другому. Никакого гипноза, никакого сна. Нет ж-стадии и нет сновидений. Сегодня я хочу подключить вас к усилителю в бодрствующем состоянии.

Сердце Орра сжалось, хотя он и не знал почему.

— Зачем? — спросил он.

— Главным образом, чтобы получить запись вашего нормального бодрствующего мозга под усилением. На первом сеансе я сделал такую

запись, но тогда усилитель не был настроен именно на вас. Теперь я могу усиливать индивидуальные характеристики вашего мозга. Потом сравним показания с записью ж-стадии и с записями других пациентов, нормальных и аномальных. Я хочу понять, Джордж, что же в вас действует. В конечном счете — почему ваши сны имеют такой эффект.

— Зачем? — повторил Опп.

— Как зачем? Разве вы здесь не для этого?

— Я пришел, чтобы меня вылечили, чтобы научиться не видеть эффективных снов.

— Если бы это было так просто, разве вас послали бы в ХУРАД — ко мне?

Он опустил голову на руки и ничего не сказал.

— Я не могу показать вам, как остановиться, Джордж, пока не пойму, как вы это делаете.

— А когда вы поймете, вы мне скажете, как остановиться?

Хабер отклонился назад.

— Почему вы так боитесь себя, Джордж?

— Я не боюсь себя, — сказал Опп. Руки у него вспотели. — Я боюсь...

Но он слишком боялся, чтобы произнести нужное местоимение.

— Бойтесь изменить реальность. Я знаю. Мы это проделывали много раз. Почему, Джордж? Вы должны задать себе этот вопрос. Что плохого в изменении мира? Попытайтесь отвлечься от себя и взглянуть на вещи объективно. Вы боитесь утратить свое равновесие. Но изменения не нарушают вашего равновесия. В конце концов жизнь не статичный объект. Это процесс. Она никогда не стоит на месте. Интеллектуально вы это понимаете, но эмоционально отказываетесь принять. Ничего не остается прежним в следующий момент, и нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Жизнь, эволюция, Вселенная, пространства времени и материи, энергия, само существование — все изменяется.

— Это лишь один аспект, — сказал Опп. — Есть и другой — постоянство.

— Когда мир перестанет изменяться, наступит царство энтропии, тепловая смерть Вселенной. Чем больше движения, пересечений, противоречий, изменений, тем меньше равновесия и тем больше жизни. Я за жизнь, Джордж! Жизнь сама по себе — это борьба. Невозможно жить в безопасности. Безопасность вообще не существует. Высуньте голову из своей раковины и живите полной жизнью. Вы боитесь гигантского эксперимента, который мы с вами проводим. Мы на краю открытия огромной силы на благо всего человечества. Это абсолютно новое поле антиэнтропической энергии, это жизненная сила, воля к действию и изменению.

— Все это верно. Но ведь...

— Что, Джордж?

Теперь голос Хабера звучал по-отцовски терпеливо. Опп заставил себя продолжать, уже понимая, что ничего не добьется.

— Мы в мире, а не вне его. Бесполезно пытаться стоять вне мира и управлять им. Это противоречит жизни. Мир существует, что бы вы ни делали. Оставьте его в покое.

Хабер прошел взад-вперед по кабинету, задержался у большого окна, выходявшего на север, на торжественный, величественный конус горы Святой Елены, несколько раз кивнул.

— Понимаю, — сказал он, не оборачиваясь, — вполне вас понимаю. Но позвольте мне выразить по-другому. Возможно, вы поймете, что мне нужно. Представьте себе, что вы один в джунглях, в Мату Гроссо, и видите на тропе туземку. Она умирает от укуса змеи. У вас в сумке лекарство, его много, достаточно, чтобы излечить от тысячи укусов. Вы что, не станете применять его, потому что «таков мир»?

— Это зависит... — начал Опп.

— Зависит от чего?

— Ну, не знаю. Если перевоплощение душ существует, возможно, вы сохранили ее жалкую жизнь и помешали ей жить гораздо лучшей жизнью. А может, вы вылечите ее, она вернется домой и убьет шестерых в деревне. Я знаю, вы дадите ей лекарство, потому что оно у вас есть и вы ее жалее. Но вы не знаете, приносите ли вы тем самым добро или зло, или то и другое.

— Согласен. Я знаю действие лекарства, но не знаю, что я делаю. Хорошо, охотно принимаю ваши посылки. А какая разница? Согласен, что в восьмидесяти пяти процентах случаев я не знаю, что делает ваш мозг, и вы не знаете, но ведь мы делаем... Почему бы нам не продолжить?

Он бурно заразительно рассмеялся, и Опп обнаружил, что сам слабо улыбается.

Но пока прикладывались последние электроды, он сделал последнюю попытку.

— По пути сюда я видел гражданский арест и эвтаназию, — сказал он.

— За что?

— Рак.

Хабер кивнул.

— Неудивительно, что вы угнетены. Вы не принимаете необходимость контролируемого насилия для блага общества, и, может, никогда не примете. Мир, в котором мы оказались, Джордж, реалистичен и жесток. Как я говорил, нельзя прожить в безопасности. Но будущее оправдывает нас. Нам необходимо здоровье. У нас просто нет места для неизлечимо больных, для наследственных заболеваний, ухудшающих породу. Мы не можем допустить ни потери времени, ни бесполезных страданий.

Хабер говорил с энтузиазмом, чуть преувеличенным, а Опп думал, насколько ему самому нравится мир, который он создал.

— Сидите, Джордж. Я не хочу, чтобы вы уснули по привычке. Вот так. Вам может стать скучно. Я хочу, чтобы вы просто посидели. Не закрывайте глаза, думайте о чем угодно. Я покопаюсь во внутренностях беби. Ну вот, готово.

Он нажал белую кнопку «включено» на стене справа от себя, у изголовья кушетки.

Проходящий чужак слегка задел Орра в толпе на бульваре. Он поднял левый локоть, чтобы извиниться. Орр пробормотал:

— Извините.

Чужак остановился, наполовину преграждая путь. Орр тоже остановился, удивленный и пораженный девятифунтовой бронированной невыразительностью чужака.

Чужак был странен до забавности, как морская черепаха. Но и морская черепаха обладает своеобразной красотой, как всякое живое существо.

Из-под слегка приподнятого левого локтя донесся ровный невыразительный голос:

— Джорджор.

Спустя мгновение Орр узнал собственное имя и в замешательстве остановился.

— А! Да, я — Орр.

— Просим простить вмешательство без предупреждения. Вы человек, способный к Яхклу, как уже отмечалось. Это вас беспокоит.

— Я не думаю...

— Мы тоже обеспокоены. Концепции пересекаются в тумане. Восприятие затруднительно. Вулканы изрыгают пламя. Помощь предложена — отказ. Лекарство от укуса змей не годится для всех. До поворота в неверном направлении возможно появление вспомогательных сил в такой немедленной последовательности: эр'перрехние.

— Эр'перрехние, — автоматически повторил Орр.

Он изо всех сил старался понять, что говорит ему чужак.

— Если желательно. Речь — серебро, молчание — золото. Я — Вселенная. Просим простить вмешательство, пересечения неясны.

Чужак, у которого не было ни шеи, ни талии, тем не менее как будто поклонился и прошел, большой, зеленоватый, сквозь толпу. Орр стоял, глядя ему вслед, пока Хабер не окликнул его:

— Джордж!

— Что?

Орр удивленно осмотрел комнату, стол, окно.

— Что вы делали?

— Ничего, — ответил Орр.

Он по-прежнему сидел на кушетке, на голове — электроды. Хабер нажал кнопку «выключено», подошел к кушетке и посмотрел вначале на Орра, потом на экран ЗЭГ.

Открыв машину, он провернул записи, ведущиеся внутри пером на бумаге.

— Мне показалось, что я неправильно прочел данные.

Он принужденно рассмеялся, смех его не походил на обычный бурный хохот.

— Странно ведет себя у вас кора, я ведь ее не питал усилителем. Я лишь слегка стимулировал. Ничего особенного, но что это? Боже, не менее ста пятидесяти милливольт.

Он вдруг обернулся к Орру.

— О чем вы думали? Вспомните.

— Я думал о чужаках.

— С Альдебарана? Ну и что?

— Просто вспомнил, что, идя сюда, встретил одного на улице.

— И сознательно или бессознательно это напомнило вам об эвтаназии, свидетелем которой вы были. Верно? Отлично. Это может объяснить странное поведение эмоциональных центров. Усилитель подхватил их и преувеличил. Вы должны были ощущать, что в вашем мозгу происходит нечто необычное, особенное. Нет?

— Нет, — задумчиво сказал Опп.

Он и в самом деле не чувствовал ничего необычного.

— Послушайте, если вас что-то беспокоит, вы должны знать, что я несколько сотен раз подключал к себе усилитель. И на других пациентах испытывал. Он не может вам повредить. Но эта запись необычна для взрослого, и я хотел проверить, чувствуете ли вы это субъективно.

Хабер успокаивал себя, а не Орра. Орра нельзя было успокоить.

— Продолжим.

Хабер подошел к выключателю усилителя.

Опп сжал губы и увидел Хаос и Древнюю Ночь. Но их здесь нет, и он не в Нижнем городе, где разговаривает с девятифунтовой черепахой. Он по-прежнему сидит на удобной кушетке и смотрит на туманный, сероголубой конус Святой Елены. И тихо, как вор в ночи, в него вошло ощущение благополучия, уверенности, что все в порядке, и что он находится в центре мира. Я — это Вселенная. Его изоляция не будет допущена. Он вновь там, где должен быть.

Он чувствовал спокойствие, абсолютную уверенность в себе и в окружающем. Чувство это не казалось ему чудом или загадкой, оно было нормой. Так он всегда себя чувствовал, если не считать периодов кризиса и агонии. Такое чувство заполняло его детство и лучшие часы юности. Это нормальное ощущение бытия. В последние годы он утратил его, постепенно, но почти полностью, вряд ли осознавая, что утрачивает. Четыре года назад в апреле произошло такое, что нарушило его равновесие. Наркотики, сновидения, непрерывный переход от воспоминаний об одной жизни к другой и попытки Хабера улучшить мир — все это еще больше нарушало равновесие. И вот теперь оно вернулось.

Он знал, что не сам добился этого.

— Что сделал усилитель? — спросил он.

— Что сделал?

Хабер внимательно смотрел на экран ЗЭГ.

— Не знаю...

— Он ничего не делает, — ответил Хабер с ноткой раздражения.

Хабер любил такие мгновения, когда он не играл роль, когда он был поглощен тем, что пытался узнать при помощи своих приборов.

— Он просто усиливает то, что делает в данный момент ваш мозг, избирательно усиливает активность, но ваш мозг в данный момент не делает абсолютно ничего интересного. Вот.

Он сделал быструю запись, повернулся к усилителю, потом снова к экрану. Поворачивая рукоятки, он разделил на экране три линии, казавшиеся одной. Опп не мешал ему. Один раз Хабер резко сказал:

— Закройте глаза. Поднимите взгляд вверх. Продолжая держать глаза закрытыми, постарайтесь увидеть что-либо: красный куб...

Когда он наконец выключил машину и начал снимать с Оппа электроды, спокойствие не оставило Оппа, как будто оно было вызвано наркотиками или алкоголем. Оно осталось. Без всякой робости Опп сказал:

— Доктор, я не могу больше позволить вам пользоваться моими эффективными снами.

— А? — произнес Хабер, думая не об Оппе, а о его мозге.

— Я не позволю вам больше использовать мои сны.

— Использовать сны?

— Да.

— Называйте это, как вам угодно, — сказал Хабер.

Он выпрямился и теперь нависал над сидевшим Оппом, большой, серый, бородатый и недовольный.

— Мне жаль, Джордж, но вы не должны так говорить.

Боги Оппа были безмятежны и независимы, они не требовали ни поклонения, ни повиновения.

— Однако, я говорю, — спокойно ответил он.

Хабер взглянул на него сверху вниз, впервые взглянул серьезно — и увидел. Он будто отскочил, как человек, наткнувшийся на гранитные стены, считая, что перед ним легкий занавес. Он пересек комнату и сел за стол. Опп встал и слегка потянулся.

Большой серой рукой Хабер гладил черную бороду.

— Я на пороге, нет, уже в центре крупного открытия, — сказал он.

Голос его звучал не добродушно, как всегда, а сурово и властно.

— Используя записи вашего мозга, я программирую усилитель на производство эффективных снов. Я назвал это э-стадией. Вскоре я смогу накладывать э-стадию на любой мозг. Вы понимаете, что это значит? Я легко могу вызвать эффективный сон у соответствующим образом отобранного и подготовленного человека так же легко, как психолог вызывает гнев у кошки, даже легче, потому что мне не понадобятся ни контакты, ни химические препараты. Мне осталось несколько дней, может, несколько ча-

сов. И тогда вы будете свободны. Вы мне будете не нужны. Мне не нравится работать с пациентом, не желающим сотрудничать. С другим будет легче. Но пока вы мне нужны. Исследование должно быть закончено. Вероятно, это наиболее важное научное открытие в истории научной мысли. И если обязательства в отношении меня, как друга, стремление к знаниям и благу человечества не в состоянии удержать вас здесь, что ж, если понадобится, я получу ордер на принудительное лечение... Гм... Принуждение к личному благу. Если понадобится, я использую лекарства, как если бы вы были буйнопомешанным. Ваш отказ от помощи в таком важном деле конечно же проявление психоза. Нет необходимости говорить, однако, что для меня было бы гораздо лучше получать от вас добровольную помощь. Для меня здесь большая разница.

— Никакой разницы для вас тут нет, — спокойно возразил Опп.

— Почему вы спорите со мной сейчас? Почему именно сейчас, Джордж, когда вы так много дали мне, когда мы так близки к цели?

Джордж Опп, однако, не чувствовал за собой вины. Если бы он имел привычку предаваться рефлексии, он не дожил бы до тридцати лет.

— Потому что чем дальше вы заходите, тем хуже. И теперь, вместо того чтобы помешать мне видеть эффективные сны, вы пытаетесь вызвать их у себя. Я не хочу, чтобы мир жил в соответствии с моими снами. Еще меньше я хочу, чтобы это были ваши сны.

— Что вы хотите этим сказать — «тем хуже»? Послушайте, Джордж. Мы с вами работали несколько недель. Что сделано? Уничтожено перенаселение, восстановлено экологическое равновесие планеты, уничтожен рак — главный убийца.

Он начал загибать свои серые пальцы.

— Уничтожена расовая ненависть. Уничтожена война. Исчезла возможность гибели человечества из-за порчи генетического бассейна. Уничтожена, точнее, в процессе уничтожения бедность, экономическое неравенство, классовая борьба во всем мире. Что еще? Душевные болезни, неумение приспосабливаться к реальности — чтобы преодолеть это, потребуется время, но первые шаги уже сделаны. Под руководством ХУРАДа неуклонно сокращаются беды человечества, физические и психические, индивидуальность получает все больше возможности для самовыражения. Постоянный прогресс, Джордж! За прошедшие шесть недель мы добились большего прогресса, чем все человечество за шестьсот тысяч лет.

Опп чувствовал себя обязанным ответить на эти аргументы.

— А где демократические правительства? Люди больше не могут выбирать образ жизни. Почему все вокруг такое мрачное, безрадостное? Это всемирное государство, это воспитание детей в Центрах...

Хабер не на шутку рассердился:

— Детские центры — ваше изобретение, а не мое! Я просто очертил вам желаемое содержание сна, как всегда это делаю. Я пытался дать понять, как осуществить это желаемое, но ничего не получилось. Ваш треклятый мозг изменяет все до неузнаваемости. Можете не говорить мне, что

вы сопротивляетесь тому, что я готовлю человечеству. Это было ясно с самого начала. Каждый шаг вперед, который я заставлял вас делать, вы искажали. Каждый раз вы пытались сделать шаг назад. Ваши собственные стремления абсолютно негативны. Если бы не мое гипнотическое внушение, вы бы давно превратили мир в пепел. Вы почти успели в этом в тот вечер, когда сбежали с женщиной-адвокатом.

— Она мертва, — сказал Опп.

— Это к лучшему, — изрек Хабер. — Она оказала на вас отрицательное воздействие. Вы безответственны. У вас нет ни социального сознания, ни альтруизма. Вы моральная медуза. Каждый раз мне гипнотически приходится внушать вам чувство социальной ответственности. И каждый раз оно искажается. Так было и с Детскими Центрами. Я полагал, что семья часто вызывает неврозы и что в идеальном обществе она может быть усовершенствована. Ваш сон грубо интерпретировал мою мысль, смешал с дешевым утопическим взглядом, или с циничными антиутопическими концепциями, и произвел эти Центры. И все же это лучше того, что было. В этом мире почти нет шизофрении. Теперь это редкое заболевание.

Темные глаза Хабера сияли, губы улыбались.

— Сейчас положение лучше, чем раньше, — признал Опп. — Но ваши старания ухудшили его. Я не собираюсь искажать ваши идеи, но вы делаете то, чего делать нельзя. Я знаю, что обладаю этой способностью, но я знаю и свой долг. Это можно использовать только в случае крайней необходимости, когда нет другой альтернативы, а сейчас альтернатива есть. Я намерен остановиться.

— Мы не можем остановиться, мы только начали, мы только обретаем контроль над этой вашей способностью. Я уже вижу, как это сделать, и сделаю. Ничто не должно стоять на этом пути — на нем столько может быть сделано для блага человечества с помощью новых удивительных свойств мозга!

Хабер произносил речь. Опп смотрел на него, но непрозрачные глаза, устремленные на него, не возвращали взгляд, не видели его. Речь продолжалась.

— Я делаю эту новую способность воспроизводимой. Можно воспользоваться аналогией с изобретением книгопечатания, с приложением новых технологий и научных концепций. Если эксперимент или технология не могут быть успешно воспроизведены другими, они бесполезны. Э-стадия, пока она заключена в мозгу одного человека, не более полезна для человечества, чем ключ, запертый в комнате или единственная стерильная генная пара. Но у меня есть средства извлечь этот ключ. Этот «ключ» станет таким же поворотным пунктом в развитии человечества, как создание самого человеческого мозга. Любой заслуживающий того мозг сможет пользоваться этой способностью. Когда подготовленный, специально обученный объект войдет в э-стадию под влиянием усилителя, он будет находиться под полным аутогипнотическим контролем. Ничто не будет доверено случайности, иррациональному капризу. Не будет больше противоречия

между вашими стремлениями к нигилизму и моей волей к прогрессу. Когда я буду уверен в своей технике, вы будете свободны, абсолютно свободны. Поскольку вы все время заявляете, что боитесь ответственности, не хотите видеть эффективные сны, я обещаю вам, что первый же мой эффективный сон включит в себя ваше «исцеление». Больше у вас никогда не будет эффективных снов.

Орр встал. Он стоял и глядел Хаберу прямо в глаза. Лицо его было спокойно, но напряженно и сосредоточенно.

— Вы будете сами контролировать свои сны, без помощников? Без контроля?

— Я контролировал ваши сны неделями, а это мой собственный случай, и, конечно, я сам буду первым объектом эксперимента. Абсолютные этические гарантии. Контроль будет полным.

— Я пробовал аутогипноз, прежде чем пристраститься к наркотикам...

— Да, вы упоминали об этом. Конечно, у вас не получилось. Вопрос о сопротивляющемся субъекте, достигшем успешного аутовнушения, довольно интересен, но он ничего не доказывает. Вы не профессиональный психолог, вы не тренированный гипнотизер и вообще были выведены из эмоционального равновесия. Вы ничего не достигли, разумеется. Но я профессионал. Я точно знаю, что делать. Я хочу внушить себе нужный сон во всех подробностях, как будто мой мозг бодрствует. Всю прошлую неделю я делал это, я готовился. Когда усилитель синхронизирует общий рисунок э-стадии с моей собственностью — ж-стадией, мои сны станут эффективными, и тогда...

Губы в кудрявой бороде сложились в экстатическую улыбку, и Орр вернулся, как будто увидел нечто ужасающее, не предназначавшееся для чужих глаз.

— Тогда мир уподобится небу, а люди — богам!

— Мы уже боги, — сказал Орр, но Хабер не обратил на него внимания.

— Бояться нечего, опасность существовала — мы оба знаем это, — пока вы один обладали способностью э-снов и не знали, что с ней делать. Если бы вы не попали ко мне, если бы вас не направили в опытные руки, кто знает, к чему бы это привело бы? Но вы здесь, и я знаю все. Как говорят, гений — это способность оказаться в нужном месте в нужное время!

Он громогласно рассмеялся.

— Теперь нечего бояться, все в наших руках. Я знаю, что делаю и как делать. Я знаю, куда иду.

— Вулканы извергают пламя, — пробормотал Орр.

— Что?

— Я могу идти?

— Завтра в пять.

— Я приду, — сказал Орр и вышел.

Было еще только три часа. Ему следовало бы вернуться в свой кабинет и закончить план игровых площадок для юго-восточного пригорода, но он не пошел. Он подумал об этом и отбросил эту мысль. Хотя память уверяла его, что он занимает этот пост уже пять лет, но он не верил своей памяти, работа казалась ему нереальной, не его работой.

Получалось, что он признает нереальную значительную часть единственной реальности, в которой он сейчас существует. Он подвергался тому же риску, что и душевнобольные. Он мог утратить свободную волю. Он понимал, что нереальность ведет к ужасам и фантазиям. И все же в его жизни не было реальности, она была пустая. Сон, создававший, когда необходимости в создании не было, оказался плоским и мелким.

Он пойдет домой, не станет принимать лекарства, уснет — и будь что будет.

Он спустился на фуникулере в Нижний город, но вместо того чтобы сесть в троллейбус, пошел пешком к своему району. Он всегда любил ходить пешком.

У Парка радости сохранился кусок старого шоссе, этого монстра, рожденного, вероятно, в последних бездумных конвульсиях машины автодорожного строительства семидесятых годов. Должно быть, шоссе вело на мост, но теперь оно неожиданно обрывалось в воздухе в тридцати футах над Фронте-авеню. Шоссе было такое безобразное, что ремонтировать его не имело смысла. Так оно и стояло. Несколько кустов пробилось сквозь дорожное покрытие, а рядом поднялись здания, как ласточкины гнезда на утесе.

Это был самый отсталый район города с маленькими магазинами, базарчиками, закусокными и тому подобное. Все это пыталось героически сопротивляться всеохватному производству-распределению огромных предприятий МПЦ, через которые шло теперь девяносто процентов мировой торговли.

Один из таких магазинчиков находился как раз под шоссе. Вывеска над окнами гласила: «Антиквар», а выцветшая надпись на стекле возвещала: «Уникумы». В витрине стоял кривобокий глиняный кувшин ручной работы, кресло-качалка с траченным молью пледом и еще всякая всячина: подкова, часы с ручным заводом, какой-то загадочный предмет из маслодельни, фотография президента Эйзенхауэра в рамке, треснувший стеклянный шар с тремя эквадорскими монетами внутри, пластиковое сидение для унитаза, разрисованное маленькими крабами и водорослями, старый телевизор. Орт подумал, что именно в таком месте могла работать мать Хитзер. Повинуясь внезапному импульсу, он вошел.

Внутри было прохладно и темно. Одну из стен образовала подпорка шоссе — высокая бетонная плоскость, будто стена в подводной пещере.

Из-за теней, громоздкой мебели, подлинных и фальшивых древностей, равно никому не нужных, выплыла громадная фигура. Владельцем магазина был чужак.

Он поднял левый локоть и сказал:

— Добрый день. Хотите купить что-нибудь?

— Спасибо, я только посмотрю.

— Пожалуйста, продолжайте эту деятельность, — сказал хозяин своим ровным механическим голосом.

Он отступил в тень и замер.

Орр осмотрел старый веер, домашний проектор пятидесятых годов, груды журналов, оцененных очень дорого, взвесил в руке стальной молоток и восхитился: хороший инструмент, по-настоящему хороший.

— Сколько? — спросил он у хозяина.

Он гадал, откуда к чужаку попали все эти обломки старой Америки.

— Любая цена приемлема, — ответил чужак.

Гениальный подход!

— Я хочу вас спросить, что на вашем языке означает слово я х к л у ?

Хозяин снова медленно выплыл вперед, осторожно передвигаясь среди хрупких предметов.

— Некоммуникабельно. Язык, используемый для коммуникаций с индивидуумами и не содержит соответствующих отношений, Джорджор.

Правая рука, большая, зеленоватая, похожая на плавник конечность, медленно вытянулась вперед.

— Тьюа'к Эппе Эннбе.

Орр пожал ему руку. Чужак стоял неподвижно, очевидно разглядывая его, хотя никаких глаз не было видно на его голове — если только это была голова. Есть ли вообще голова у этих существ? Орр этого не знал, но чувствовал себя очень легко с Тьюа'к Эппе Эннбе.

— Не приходилось ли вам встречаться с некой Лилад? — снова повинаясь импульсу, спросил Орр.

— Лилад? Нет. Вы ищете Лилад?

— Я ее потерял.

— Пересечения скрыты в тумане, — заметил чужак.

— В том-то и дело! — подхватил Орр.

Он взял со стола белый бюст Франца Шуберта примерно в два дюйма высотой.

Лицо Шуберта было спокойное и невыразительное — маленький очкастый Будда.

— Сколько за это?

— Пять новых центов, — ответил Тьюа'к Эппе Эннбе.

Орр достал монету.

— Есть ли возможность контролировать личность я х к л у , сделать таковой, какой она должна быть?

Чужак взял монету и величественно шагнул к хромированной кассе, которую Опп принял за антикварный предмет, предназначенный для продажи. Касса звякнула.

— Одна ласточка не делает лета, — сказал чужак. — Многие руки делают легкую работу.

Он замолчал, очевидно, неудовлетворенный своей попыткой преодолеть коммуникационную пропасть, постоял с полминуты, потом подошел к витрине и точным рассчитанным движением достал одну из древних пластинок.

Это была запись «Битлз» — «С помощью друзей».

Чужак протянул пластинку Оппу.

— Подарок, — сказал он. — Принят ли подарок?

— Да, — ответил Опп.

Он взял пластинку.

— Вы очень добры. Я признателен.

— Приятно, — сказал чужак.

Хотя его механический голос был абсолютно лишен выражения и внешность не менялась, Опп был уверен, что Тьюа'к Эппле Эннбе действительно приятно. Он и сам был тронут.

— Смогу проиграть на старом проигрывателе моего домоуправляющего, — сказал Опп. — Большое спасибо.

Они снова обменялись рукопожатиями, и Опп вышел.

— В конце концов, — думал он, направляясь к Корбетт-авеню, — невероятно, что чужаки на моей стороне, ведь я их создал. Их, несомненно же, не существовало, пока я не придумал их во сне. И вот они есть. Конечно, — продолжал он цепь своих неторопливых рассуждений, — в таком случае весь мир должен быть на моей стороне, потому что многое из того, что в нем есть, я увидел во сне. Да он и без этого должен быть на моей стороне — ведь я его часть. Я не отделен от него, я хожу по земле, дышу воздухом. Я связан со всем миром. А Хабер другой и с каждым днем становится все более другим. Он против меня, моя связь с ним негативная. И тот аспект мира, за который он отвечает, который он внушил мне, не привлекает, а отталкивает меня. Он по-своему пытается помочь людям, но аналогия с лекарством от змеиного яда неверна. Он говорил о человеке, встретившем другого, страдающего человека. Тут большая разница. Возможно, то, что я сделал четыре года назад, в апреле было справедливо.

Здесь он оборвал себя, как будто отдернул руку, которая нечаянно прикоснулась к горячему.

Помогать другому человеку нужно, но нельзя играть в бога, в Спасителя человечества. Быть богом — значит знать, что ты делаешь. Просто намереваться сделать добро недостаточно. Нужно понимать других, чувствовать их. Хабер не чувствует. Для него ничто не имеет значения. Он видит мир только через свои действия. Так дальше продолжаться не может. Он безумен. Если он получит способность видеть эффективные сны, он всех погубит. Что же мне делать?

Он дошел до старого дома на Корбетт-авеню. Внизу он задержался, чтобы одолжить у Мэнни Аренса, домоправителя, старый проигрыватель. Пришлось выпить чай. Мэнни всегда угощал Орра чаем, потому что Опп не курил и не выносил дыма. Они немного поговорили. Мэнни ненавидел спортивные шоу. Он оставался дома и смотрел образовательные программы МПЦ для Детских Центров.

— Эта кукла — крокодил Дуби — хорошая штука, — сказал он.

В беседе случались долгие перерывы, соответствующие пробелам в мозгу Мэнни, изношенном многолетним приемом наркотиков. Но в его комнате царили мир и уединение, а слабый чай успокоительно действовал на Орра. Наконец он отнес проигрыватель наверх и вставил вилку в розетку. Поставив пластинку, он помедлил, прежде чем опустить адаптер с иглой. Чего он ждет?

Он не знал. Помощи, вероятно. Любая помощь приемлема, как сказал бы Тьюа'к Эппе Эннбе.

Он осторожно опустил иглу и лег рядом с проигрывателем на пыльный пол.

Чего ты хочешь?

Я хочу любить кого-нибудь.

Проигрыватель автоматический: проиграв пластинку, он возвратился к ее началу.

Я получу свою любовь с помощью друзей.

Во время одиннадцатого повторения Опп заснул.

Проснувшись в голой, сумрачной комнате с высокими потолками Хитзер почувствовала смущение.

Она уснула прямо на полу, вытянув ноги и прислонившись ногой к пианино. От марихуаны она становилась сопливой и к тому же глупела. Но нельзя было обижать Мэнни, отказавшись от его марихуаны. Джордж лежал на полу рядом с проигрывателем, который медленно доигрывал «С помощью друзей».

Хитзер выключила его. Джордж не пошевелился, губы его раскрылись, глаза оставались закрытыми. Забавно. Они оба уснули, слушая музыку. Она пошла на кухню готовить обед.

Свинная печень, это очень питательно. Что еще можно получить на мясные карточки?

Она получила ее вчера. Что ж, нарезать потоньше, поджарить с соевым салом и луком.

Она достаточно голодна, чтобы есть свиную печень, а Джордж не приередлив.

Он ест все, что она приготовит. У него хороший характер.

Расставляя посуду, чистя картошку и нарезая капусту, она время от времени останавливалась. Она себя странно как-то чувствовала, конечно, это от марихуаны. Уснуть прямо на полу!

Вошел Джордж, небритый, грязный. Он посмотрел на нее. Она сказала:

— Ну, с добрым утром!

Он продолжал смотреть на нее и улыбался широкой радостной улыбкой. Никогда в жизни она не получала такого комплимента. Ее смущала эта радость, которую она сама вызвала.

— Дорогая жена, — сказал он.

Он взял ее за руки, рассмотрел руки, ладони и тыльную их сторону, и прижал их к своему лицу.

— Ты должна быть коричневой, — сказал он.

Она, к своему отчаянию, увидела слезы на его глазах. Всего на мгновение она поняла, что происходит, она не помнила, что была коричневой. В это мгновение она вспомнила ночную тишину на даче, журчание ручья и многое другое — все разом. Но Джордж требовал внимания. Она держала его, как он ее.

— Ты устал, — сказала она, — расстроился и уснул прямо на полу. Это все проклятый Хабер. Не ходи больше к нему, и все! Просто не ходи. Пусть нас вызывают в суд. Ты не должен больше ходить к нему, он тебя губит.

— Никто не может меня погубить, — сказал он.

Он рассмеялся. Его глубокий смех напоминал рыдание.

— Не может, пока мне помогают друзья. Я пойду к нему, но ненадолго. Меня это больше не беспокоит. И ты не тревожься.

Они обнимали друг друга, сливаясь в совершенном единстве, а печень и лук шипели на сковороде.

— Я тоже уснула, — сказала она ему, — я думаю, разбирая каракули старого Ратти. Ты купил хорошую пластинку. Я очень любила «Битлз», когда была ребенком. Жаль, что государственные станции их больше не передают:

— Это подарок, — сказал Джордж.

Печень подпрыгнула, и Хитзер поневоле оторвалась от него, чтобы заняться едой. За обедом Джордж не отрывал от нее глаз. Она тоже смотрела на него. Уже семь месяцев, как они поженились. Они не разговаривали о серьезных вещах, вымыли посуду и легли.

Они любили друг друга. Любовь, как хлеб, нужно делать все время, заново. Потом они лежали в объятиях друг друга, засыпая. Во сне Хитзер слышала журчание ручья и пение неродившихся детей. Джордж видел во сне глубины открытого моря.

Хитзер была секретарем в старой бесполезной конторе «Формен и Ратти». На следующий день была пятница. Уйдя с работы в четыре тридцать, она не поехала на троллейбусе домой, а поднялась на фуникулере в парк Вашингтона. Она сказала Джорджу, что встретит его в ХУРАДе. Его сеанс должен был начаться в пять. Они вместе поедут в Нижний город и, может быть, пообедают в каком-нибудь ресторане.

— Все будет в порядке, — сказал он, поняв ее беспокойство.

Она ответила:

— Я знаю. Мне хочется пообедать с тобой вместе. Я сэкономила несколько монет. Мы еще не были в «Наса Боливиана».

Она стремительно подошла к башне ХУРАДа и остановилась на широких мраморных ступенях. Он приехал на следующей машине. Она видела, как он вышел вместе с остальными. Невысокий, аккуратный человек, вполне уверенный в себе, с дружелюбным выражением лица, как большинство людей, работавших за письменным столом. Когда он увидел ее, его светлые глаза стали еще светлее. Он улыбнулся все той же улыбкой неудержимой радости. Она поняла, что отчаянно любит Джорджа. Если Хабер снова причинит ему боль, она разорвет его на куски. Ярость была чужда ей, но не тогда, когда дело касалось Джорджа.

И вообще сегодня что-то было иначе. Она чувствовала себя тверже, храбрее. Дважды за работой она вслух сказала «сволочь» и заставила покраснеть старого мистера Ратти. Она никогда раньше так не говорила и не собиралась делать в будущем, но тут как будто сказала какая-то старая привычка.

— Хелло, Джордж, — сказала она.

— Хелло, — ответил он.

Он взял ее за руки.

— Ты прекрасна.

Как можно считать его больным? Пусть у него бывают странные сны, но разве лучше питать злобу и ненависть к людям, чем грешит добрая четверть ее знакомых.

— Уже пять, — сказала она. — Я подожду здесь. Если пойдет дождь, я зайду в вестибюль. Тут как в могиле Наполеона, мрамор и все такое... Но красиво. Слышишь, как режут львы в зоопарке?

— Пошли со мной, — сказал он. — Уже идет дождь.

И действительно пошел нескончаемый теплый весенний дождик — растопленный лед Антарктиды, падающий на головы детей тех, кто ответствен за его таяние.

— У него хорошая комната ожидания. Ты там будешь, вероятно, в компании разных шишек и трех-четырех глав государств. Все ходят на цыпочках перед директором ХУРАДа. А я каждый раз должен проходить мимо них. Любимый псих доктора Хабера, его пациент-талисман.

Он провел ее через большой вестибюль под куполом Пантеона на движущиеся дорожки, на невероятный, бесконечный спиральный лифт ХУРАДа.

— ХУРАД действительно правит миром, — сказал он. — Не понимаю, зачем Хаберу нужны другие формы власти. Он уже имеет достаточно. Почему он не остановится? Он как Александр Великий, которому нужны все новые страны для завоевания. Я этого никогда не понимал. Как сегодня работалось?

Он был напряжен, потому и говорил так много, но не казался угнетенным или расстроенным, как в прошлые недели. Что-то восстановило его естественное спокойствие. Она никогда не верила, что он утратил его надолго, но все же он был несчастен.

А теперь нет. Изменение было таким внезапным и полным, что она задумалась о его причинах. Ей приходило в голову только одно: они вместе сидят на полу, слушают «Битлз» и засыпают. С тех пор он снова стал самим собой.

В большой и роскошной приемной Хабера никого не было. Он назвал себя перед столообразной машиной у входа — автосекретарем, как объяснил он Хитзер. Она, чуть-чуть нервничая, заметила, что скоро дело дойдет до полной автоматике. Тут раскрылась дверь, и на пороге появился Хабер.

Она не встречалась с ним давно и уже успела забыть, как он выглядит, какой он большой, какая у него внушительная борода, как впечатляюще он выглядит.

— Входите, Джордж! — загремел он.

Она вся сжалась и застыла в благоговении и страхе.

Он заметил ее.

— Миссис Опп, рад вас видеть! Рад, что вы пришли. Входите.

— О, нет! Я только...

— Да, да! Вы понимаете, это, возможно, последний сеанс Джорджа. Он вам не говорил? Сегодня мы заканчиваем. Вы обязательно должны присутствовать. Входите. Я всех отпустил пораньше. Я хотел вечером остаться один. Видели столпотворение в лифте? Садитесь сюда.

Он продолжал говорить и отвечать ему не было необходимости. Ее очаровало поведение Хабера, та своеобразная экзальтация, которую он излучал.

Невероятно, чтобы такой человек, великий ученый, с мировым именем столько времени посвятил лечению Джорджа, который был никем. Но, надо признать, случай Джорджа очень интересен с научной точки зрения.

— Сегодня последний заход, — между тем говорил Хабер.

Он регулировал что-то, похожее на компьютер у изголовья кушетки.

— Последний контролируемый сон и, я уверен, проблема будет решена. Ваша игра, Джордж!

И снова, как когда-то, ее покорило, что Хабер называет пациента просто по имени. Точно ее муж — дрессированная собака.

— Не обращай внимания, — утешал ее Джордж. — Он мог бы не называть меня вообще никак, но ему нужно время от времени напоминать себе, что в комнате кроме него самого есть еще кто-то.

— Я готов, — сказал Джордж. Он сел на кушетку, улыбнулся жене и запрокинул голову.

Хабер тотчас начал прилаживать между его густыми волосами какие-то штуки.

Хитзер вспомнила, как сама подвергалась тому же во время снятия отпечатков мозга — обычная процедура, которой подвергаются все граждане. Но все же смотреть на то, как это делают с ее мужем, было неприятно. Электроды — это словно маленькие пиявки, которые будут высасывать мысли Джорджа и переносить их на бумагу.

На лице Джорджа застыло выражение сосредоточенности. О чем он думал?

Неожиданно Хабер положил руку на горло Джорджа, как будто хотел задушить его. Другой рукой он включил запись. Послышался его собственный голос, произносящий гипнотическое заклинание:

— Вы входите в состояние гипноза...

Через несколько секунд Хабер остановил запись и проверил: Джордж был под гипнозом.

— Хорошо, — сказал Хабер.

Как поднявшийся на задние лапы гризли, он стоял между ней и пассивной фигурой, распростертой на кушетке.

— Слушайте внимательно, Джордж, и запоминайте. Вы глубоко загипнотизированы и точно выполните все мои указания. Сейчас вы уснете и увидите сон. Это будет эффективный сон. Во сне вы увидите себя совершенно нормальным, таким же, как все остальные. Вам будет сниться, что когда-то вы обладали способностью к эффективным снам, но теперь это неправда. Отныне ваши сны станут самыми обычными, значительными только для вас, не имеющими никакой власти над реальностью. Все это вам приснится. Эффективность вашего сна проявится в том, что больше у вас не будет эффективных снов. Сон будет приятный. И вы проснетесь здоровым и отдохнувшим. После этого у вас никогда больше не будет эффективных снов. Теперь ложитесь поудобнее. Вы засыпаете. Антверп!

Когда он произнес последнее слово, губы Джорджа дрогнули, и он сказал что-то слабым далеким голосом говорящего во сне.

Хитзер не слышала, что он сказал, но сразу вспомнила прошлую ночь. Она уже засыпала, прижавшись к нему, когда он сказал что-то вслух. Кажется, «Эрперекхне». «Что? — спросила она, но он ничего не ответил, уснул, вот как сейчас.

Сердце ее сжалось, когда она посмотрела на него, такого уязвимого, спящего с раскинутыми в стороны руками.

Хабер встал, нажал белую кнопку на машине, в изголовье кушетки: туда отходили некоторые провода электродов, а другие — к ЗЭГ, который она узнала. Эта штука в стене, должно быть, и есть усилитель.

Хабер подошел к ней, сидящей в глубоком кожаном кресле. Она уже забыла, как выглядит настоящая кожа. Так же, как винникожа, но более приятна на ощупь. Она испугалась. Она не понимала, что происходит. Она искоса посмотрела на стоящего перед ней большого человека, на медведя-шамана, на бога.

— Это кульминация, миссис Опп, — говорил он приглушенным голосом. — Кульминация серии внушительных снов. Мы готовились к этому сеансу, к этому сну несколько недель. Я рад, что вы пришли. Ваше присутствие помогает ему чувствовать себя в безопасности. Он знает, что в вашем присутствии я не стану проделывать ничего сомнительного. Верно? Я абсолютно уверен в успехе. Привычка к снотворному совершенно пройдет, как только прекратится страх перед снами. Сейчас он будет видеть сны, мне нужно следить за ЗЭГ.

Быстрый и массивный, он пересек комнату. Она сидела неподвижно,

глядя на спокойное лицо Джорджа, с которого сошло напряжение, вообще всякое выражение. Он выглядел, как мертвец.

Доктор Хабер занялся своей машиной, что-то регулировал, переключал, наблюдал. На Джорджа он не смотрел.

— Вот, — негромко сказал он.

Она подумала, что он сказал это не ей. Он сам был своей собственной аудиторией.

— Вот оно! Теперь короткий перерыв, вторая стадия сна — перед сновидениями.

Он что-то делал с оборудованием на стене.

— Это будет маленькой проверкой.

Он снова подошел к Хитзер. Она предпочла бы, чтобы он вовсе не обращал на нее внимания. Только пусть не делает вид, что разговаривает с ней.

Казалось, он не знает, что такое молчание.

— Ваш супруг обладал редкой способностью. Он оказал бесценную услугу нашим исследованиям, миссис Опп. Уникальный пациент. То, что мы узнали благодаря ему о сновидениях, об их значении для здоровья, отразится на всем образе жизни в городе. Вы знаете, что значит ХУРАД: польза человечеству, исследования и развитие. То, что мы благодаря ему узнали, необыкновенно полезно для человека. Поразительно, что все это выявилось в, казалось бы, самом банальном случае наркомании. Еще поразительнее, что у работников Медицинской школы хватило ума заметить что-то необычное и послать его ко мне. Редко встретишь такую проницательность у врачей.

Он все время следил за часами и наконец сказал:

— Вернемся к беби.

Он снова быстрыми шагами пересек комнату, пощелкал чем-то в усилителе и сказал:

— Джордж, вы спите, но слышите меня и понимаете. Кивните слегка, если вы меня слышите.

Спокойное лицо не изменилось, но голова слегка кивнула, как у куклы на ниточке.

— Хорошо. Теперь слушайте внимательно. У вас снова будет ясный сон. Вам приснится, что в моем кабинете здесь на стене висит большая фотография Маунт-Худа, покрытого снегом. Вам снится, что вы видите фотографию на стене как раз над столом. Теперь вы уснете и увидите сон. Антверп.

Он снова занялся своими аппаратами.

— Вот, — прошептал он. — Вот так. Хорошо. Верно.

Машина затихла. Джордж лежал неподвижно, даже Хабер перестал двигаться и говорить.

Ни звука в большой, мягко освещенной комнате, с ее стеклянной стеной, глядящей в дождь. Хабер стоял у ЗЭГ, глядя на стену за столом.

Ничего не произошло.

Хитзер пальцем левой руки начертила кружок на подлокотнике кресла, на коже, которая когда-то была шкурой живого существа, отделявшей корову от Вселенной. Ей вспомнился мотив старой пластинки, которую она слушала вчера.

Что ты видишь, когда выключаешь свет?

Не могу тебе сказать, но знаю, это мое.

Она и представить себе не могла, что Хабер способен так долго сохранять молчание. Только раз его пальцы притронулись к шкале, и он снова застыл, глядя на пустую стену.

Джордж вздрогнул, сонно поднял голову, снова опустил ее и проснулся. Он помигал и сел. Глаза его тут же устремились к Хитзер, как бы проверяя, на месте ли она.

Хабер проснулся и резким движением нажал нижнюю кнопку усилителя.

— Что за дьявол! — сказал он.

Он посмотрел на экран ЗЭГ.

— Усилитель питает вашу ж-стадию. Почему вы проснулись?

— Не знаю.

Джордж зевнул.

— Просто проснулся. Разве вы не велели мне скорее проснуться?

— В общем, да, по сигналу, но как вы преодолели влияние усилителя? Нужно было усилить мощность. Я это делал слишком робко.

Теперь он, несомненно, разговаривал с усилителем. Когда разговор закончился, он резко повернулся к Джорджу и сказал:

— Хорошо. Что вам снилось?

— Фотография Маунт-Худа на стене, как раз за креслом моей жены.

— А предыдущий сон? Помните его?

— Кажется, да. Подождите. Мне снилось, что я вижу сон... Очень смутно помню. Я был в магазине у Мейера и Франка, покупал новый костюм, синий, потому что у меня была новая работа. Что-то в этом роде. Не помню. У них там такая табличка. Там указано, сколько вы должны весить, если у вас такой-то рост, ну и прочее. И я как раз оказался посредине шкалы веса и роста для среднего человека.

— Нормальный, иными словами, — сказал Хабер.

Он рассмеялся. У него был громкий смех. После напряжения и тишины Хитзер испуганно вздрогнула.

— Отлично, Джордж! Просто отлично!

Он хлопнул Джорджа по плечу и начал снимать с его головы электроды.

— Мы это сделали. Вы чисты. Знаете ли вы это?

— Да, — спокойно ответил Джордж.

— Большой груз спал с ваших плеч: Верно?

— И с ваших?

— И с моих. Правильно.

Снова громкий и бурный смех, пожалуй, слишком продолжительный.

«Всегда ли Хабер такой или только в крайне возбужденном состоянии?» — спросила себя Хитзер.

— Доктор Хабер, — сказал ее муж, — вы когда-нибудь говорили чужакам о снах?

— С альдебаранцами? Нет, Форд из Вашингтона испытывал на них некоторые тесты наряду с обычными психологическими пробами, но получил бессмысленные результаты. Мы еще просто не решили коммуникационные проблемы. Они разумны, но Кучевский, наш лучший космобиолог, считает, что они вовсе не рациональны, и то, что нам кажется развитым человеческим поведением, на самом деле инстинктивная адаптационная мимикрия. Трудно сказать. На них не наденешь ЗЭГ. Мы даже не знаем, спят ли они вообще, не говоря уж о сновидениях.

— Вам знаком термин «яхклу»?

Хабер чуть помолчал.

— Слышал. Он переводим. Вы решили, что он означает «сон»?

Джордж покачал головой.

— Я не знаю, что он означает. Я не собираюсь вмешиваться в вашу область, доктор Хабер, но мне кажется, прежде чем применять новую технику, вам следует поговорить с чужаками.

— С кем именно?

В его голосе звучала нескрываемая ирония.

— С любым. Это не имеет значения.

Хабер рассмеялся.

— Поговорить о чем, Джордж?

Хитзер видела, как вспыхнули светлые глаза ее мужа, когда он посмотрел на большого человека.

— Обо мне, о снах, о яхклу. Неважно, о чем. Вы должны слушать. Они знают, чем вы занимаетесь. У них гораздо больше опыта в этом.

— В чем?

— В сновидениях и в том, разновидностью чего являются сновидения. Они уже давно занимаются этим, всегда занимались, я думаю. Они из времени сновидений. Я этого не понимаю и не могу выразить в словах. Все видят сны. Игра форм, сон материи. У скал бывают сновидения, от которых меняется Земля. Но когда мозг становится сознательным, когда скорость эволюции увеличивается, тогда нужно быть осторожным, нужно учиться, изучать пределы и ограничения. Сознательный мозг должен быть частью всего, неразделимый и осторожный, как скала — бессознательная часть целого. Понимаете? Это что-нибудь значит для вас?

— Для меня это не ново, если вы имеете в виду донаучный синтез — Мировой дух и прочее. Мистицизм — первое приближение к пониманию природы сна. Но для тех, кто использует свой разум, он неприменим.

— Я не знаю, правда ли это, — возразил Джордж очень спокойно, — но просто из научного любопытства попробуйте вот что: прежде чем испытать усилитель на себе и прежде чем включить его, когда вы начнете свое аутовнушение, скажите — эрперехне. Вслух или про себя. Один раз. Ясно? Попробуйте.

— Зачем?

— Потому что это действует.

— Как «действует»?

— Вам помогут ваши друзья, — сказал Джордж.

Он встал. Хитзер смотрела на него со стороны: он показался ей ненормальным. Она знала, чем кончатся сеансы Хабера!

— Я х к л у не может использовать один человек, это слишком много для него, это выходит из-под контроля, — продолжал Джордж. — Впрочем, контролировать — не то слово. Они знают, где его место, как направить его на правильный путь. Я этого не понимаю. Может, вы поймете. Попросите их о помощи. Произнесите «эрперекхне» до того, как нажмете кнопку «включено».

— Может, что-то в этом и есть, — сказал Хабер. — Стоит заняться. Я займусь этим, Джордж. Я свяжусь с альдебаранцами из Культурного центра и узнаю, есть ли у них информация на этот счет. Все это для вас тарабарщина, а, миссис Опп? Вашему супругу следовало бы стать ученым, а он тратит время на чертежи. Он только зря растрачивает себя.

«Почему он так сказал? Ведь Джордж дизайнер по паркам и игровым площадкам. У него есть талант и склонность к этому», — злилась в душе Хитзер.

— У Джорджа есть научная интуиция, — гремел между тем Хабер. — Никогда не думал привлекать альдебаранцев, но в этом что-то есть. Но, может быть, вы рады, что он не исследователь. Ужасно, когда супруг за обеденным столом анализирует твои подсознательные желания!

Хитзер чуть не расплакалась.

— Я его ненавижу, — яростно сказала она уже на спирали лифта. — Он ужасный человек, насквозь фальшивый.

Джордж молча взял ее за руку.

— Все кончено? На самом деле? Тебе больше не нужны лекарства? И конец этим ужасным снам?

— Я думаю, да. Он заполнит документы и через шесть недель я получу свидетельство о выздоровлении, если буду правильно вести себя.

Он устало улыбнулся.

— Тебе трудно пришлось, милая? А мне — нет. Не в этот раз. Впрочем, я проголодался. Где мы пообедаем? В «Наса Боливиана»?

— В Чайнтауне, — сказала она, но тут же спохватилась.

Старый китайский район вместе с другими частями Нижнего города был снесен девять лет назад. Как она об этом забыла?

— Я хотела сказать «Руби Лу», — добавила она, смешавшись.

Джордж теснее прижал ее руку.

— Прекрасно.

Добраться туда не составляло труда. Линия фуникулера оканчивалась как раз у старого центра Ллойда, который некогда до Катастрофы, был величайшим торговым центром в мире.

Сейчас многоэтажные гаражи ушли вслед за динозаврами, а большинство огромных магазинов опустело. Каток не заливался двадцать лет. Сквозь дорожное покрытие проросли деревья. Голоса в длинных полуосвещенных и полузаброшенных аркадах звучали глухо.

«Руби Лу» находился на верхнем этаже.

Ветви конского каштана почти скрывали стеклянный фасад. Над головой небо было глубокого зеленого цвета — таким его можно увидеть в те редкие весенние вечера, когда оно очищается от туч после дождя. Хитзер посмотрела на небо, далекое, недосягаемое, спокойное. Сердце у нее замерло, она почувствовала, как тревога спадает с нее, будто шелуха. Но это продолжалось недолго, что-то держало ее. Она замедлила шаг, оглядывая пустые темные переходы. Странное место.

— Здесь страшно, — сказала она.

Джордж пожал плечами. Лицо его было напряжено и угрюмо.

Поднялся ветер, слишком теплый для апреля, влажный, горячий ветер, раскачавший большие, с зелеными пальцами ветви каштана, поднявшие мусор в длинном пустынном переходе. Красная неоновая вывеска за ветвями, казалось, потускнела и дрогнула на ветру, изменила форму. Больше на ней не значилось «Руби Лу», на ней ничего не значилось. Ничего не имело значения. Ветер гулял в пустых промежутках между строениями. Хитзер отвернулась от Джорджа и подошла к ближайшей стене: она плакала. Ей инстинктивно хотелось спрятаться, забраться в угол и стать незаметной.

— Все в порядке, дорогая. Держись, все будет хорошо.

«Я схожу с ума, — подумала она, — не Джордж, а я схожу с ума».

— Все будет хорошо, — прошептал он еще раз.

Но она по голосу слышала, что он в это не верит. И в руках его это чувствовалось — не верит.

— Что с нами? — отчаянно воскликнула она.

— Не знаю, — ответил он как-то индифферентно.

Он прижал ее к себе, пытаясь успокоить. Но вот он поднял голову, будто прислушиваясь к чему-то. Она почувствовала, как сильно забилося сердце у него в груди.

— Хитзер, послушай, я должен вернуться.

— Куда? Что происходит?

Голос ее звучал тонко и высоко.

— К Хаберу. Я должен идти немедленно. Жди меня в ресторане, Хитзер, не ходи за мной.

Она пошла за ним. Не оглядываясь, он быстро спустился по лестнице, прошел под арками, мимо сухих фонтанов к остановке, фуникулеров.

Она, задыхаясь, подбежала, когда кабина тронулась. Хитзер вскопчила в нее на ходу.

— Что с тобой, Джордж?

— Прости. Я должен быть там. Не мешай мне!

— В чем не мешать?

Они сидели на противоположных скамьях кабины, тяжело дыша и глядя друг на друга почти враждебно.

— Что за глупости? Зачем тебе возвращаться?

— Хабер... — Голос Джорджа на мгновение дрогнул. — Он видит сон. Неопишуемый ужас охватил Хитзер. Но она постаралась справиться с собой.

— Видит сон? Ну и что?

Она оторвала взгляд от мужа и глянула вниз. Фуникулер пересекал реку высокого над водой, но теперь никакой воды не было, река высохла. Дно ее растрескалось, покрылось илом, грязью и множеством костей умирающей рыбы. Большие корабли лежали на дне реки с накренившимися палубами.

Строения Нижнего города Портленда, столицы мира, высокие, новые, замечательные кубы из камня и стекла, чередовавшиеся с зелеными зонами, эти правительственные крепости Исследование и Развитие, Связь, Промышленность, Экономическое Планирование, Контроль за Окружающей Средой — все они расплывались, таяли, как медузы на солнце, углы их оплывали, вязкие и тягучие.

Фуникулер шел быстро и не останавливался на станциях. «Что-то случилось с кабелем», — подумала Хитзер отвлеченно. Они неслись над исчезающим городом достаточно низко, чтобы слышать грохот и крики.

Когда фуникулер поднялся выше, за спиной Джорджа поднялся Маунт-Худ. Должно быть, он увидел в глазах жены отблеск зарева, потому что сразу повернулся к огненному конусу.

Вагон несся вперед между расплывающимся городом и бесформенным, распадающимся на куски небом.

Свет извержения был ужасен и величествен. Его огромная материальная геологическая энергия казалась успокоительной по сравнению с тем пустым пространством, которое лежало перед вагоном.

Предчувствие беды, охватившее Хитзер, как только они пришли в «Руби Лу», сбывалось.

Это уже было здесь — пространство, или период времени, или разновидность пустоты. Присутствие отсутствия, нечто непостижимое и неопределенное, куда все падало и откуда ничего не выходило. Ужасное нечто и в то же время — ничто.

Когда кабина остановилась, Джордж устремился в это нечто. Он оглянулся на Хитзер и крикнул:

— Подожди меня, Хитзер, не ходи за мной!

Она послушалась его и остановилась. Но это пришло к ней. Оно быстро приближалось.

Она обнаружила, что вокруг нее все исчезло, что она затерялась в темной пустоте, что она без головы, в отчаянии зовет мужа, кричит — и падает в сухую пропасть.

Руководствуясь только силой воли, которая была действительно необыкновенна, когда была направлена в нужную сторону, Джордж ощутил под ногами твердый мрамор ступеней ХУРАДа. Он пошел вверх, а глаза сообщили ему, что он идет в тумане — по грязи, по разлагающимся трупам, по бесконечным траншеям. Было очень холодно, но пахло горячим металлом и сожженной плотью. Он пересек вестибюль. Золотые буквы афоризма прыгнули на него: ЧЕЛОВЕЧЕ...Е...Е...

Эти буквы пытались схватить его за плечи, за ноги.

Он шагнул в движущийся лифт, хотя тот был невидим, и стал подниматься в ничто, по-прежнему руководимый лишь силой воли. Он даже не закрыл глаза.

На верхнем этаже пол покрылся льдом примерно в палец толщиной и стал совершенно прозрачен. Сквозь него были видны звезды Южного полушария. Орт шагнул на него, и звезды зазвенели громко и фальшиво, как треснувшие колокольчики. Запах стал еще отвратительнее, его чуть не вырвало, но он шел вперед. Кабинет Хабера он нашел ощупью. Раздался волчий вой, на город двинулась лава.

Он подошел к последней двери и распахнул ее. По ту сторону — пустота.

— Помогите мне, — произнес он вслух, потому что нечто втягивало его и поглощало. У него уже не было сил сопротивляться. В голове у него глухо загудело. Он подумал о Тьюа'ке Энпне Эннбе, о бюсте Шуберта. Ему послышался яростный голос Хабера:

— Какого дьявола, Джордж!

И все это было ему нужно. Он пошел вперед. Идя вперед, он знал, что потеряет все.

Он вошел в центр кошмара.

Холодная вращающаяся тьма, сделанная из стекла, тащила его назад. Он знал, где стоит усилитель. Он протянул руку, коснулся стены, нащупал нижнюю кнопку и нажал.

Страх победил его. Он весь сжался, закрыл глаза и обхватил голову руками. Когда же он поднял голову и огляделся, мир существовал снова. В плачевном состоянии, но существовал.

Они находились не в башне ХУРАДа, а в каком-то грязноватом кабинете, которого он никогда не видел. Хабер лежал на кушетке, пассивный, с торчащей бородкой. Борода была рыжеватая, кожа белая, а не серая, глаза полуоткрытые, ничего не видящие.

Орт сорвал электроды, провода, которые соединяли голову Хабера с усилителем, и посмотрел на машину. Надо было ее уничтожить, но он не знал, как это сделать, да и сил не было. Разрушение — не его дело. К тому же сама машина безгрешна, виноваты те, кто использует ее.

— Доктор Хабер, — позвал Орт, тронув доктора за тяжелое плечо. — Вставайте.

Немного погодя большое тело шевельнулось и приняло сидячее положение. Оно было безвольное и слабое. Большая голова свисала на бок, нижняя челюсть отвалилась, глаза смотрели прямо в пустоту, в ничто, бывшее когда-то центром Вильяма Хабера. Они были большие, не то чтобы непрозрачные, но пустые.

Орт испугался и попятился.

«Я с ним не справлюсь, — подумал он, — нужно позвать на помощь». Он вышел из кабинета, миновал незнакомую приемную, сбегал по лестнице. Он никогда не был в этом здании и не представлял себе, где находится. Выйдя на улицу, он понял, что это одна из улиц Портленда. Но он никогда не был на этой улице.

Пустота Хабер-существа, эффективный кошмар, излучавшийся его спящим мозгом, разорвал связи. Постоянство, всегда сохранявшееся во всех

мирах, нарушилось. Ворвался хаос. Он почти ничего не знал об этой реальности, а то немного, что он знал, приходило из других воспоминаний, из других снов.

Другие люди, не сознававшие перемен, быть может, более подготовлены к изменению, но они, не имея никаких объяснений, испуганы.

Они обнаружат, что мир грубо, бессмысленно, неожиданно изменился и объяснить это невозможно ничем.

Сон доктора Хабера повлечет за собой много горя, смертей и утрат.

Он знал, что потерял ее, знал с того момента, как перешагнул с ее помощью пустоту, окружавшую видевшего сон. Она пропала вместе с миром серых людей и огромных зданий, в одно из которых он вбежал, оставив ее одну среди кошмара. Теперь ее нет.

Он не пытался помочь Хаберу. Помочь ему нельзя. Он сделал все, что мог. Он шел через обезумевший город. По мансардам он определил, что находится в северной части Портленда, которую никогда хорошо не знал.

Дома невысокие, с перекрестков видны горы. Он отметил, что извержение прекратилось, вернее, оно никогда и не начиналось. Маунт-Худ фиолетовым конусом вздымался в темневшее апрельское небо.

Гора спала.

Спала и видела сны.

Орр шел бесцельно, переходя с одной стороны улицы на другую. Он устал, ему хотелось лечь на тротуар и отдохнуть, но он продолжал идти.

Теперь он приближался к деловой части города, к реке. Город, полуразрушенный, полуизмененный, путаница грандиозных планов и воспоминаний о небылом — не город, а бедлам!

Огонь и безумие перелетали от дома к дому. И все же люди, как всегда, занимались своими делами. Он видел двоих, грабивших ювелирный магазин. Мимо него прошла женщина с плачущим ребенком на руках. Она шла домой.

Где бы ни находился дом.

11

Звездный свет спросил у Несуществующего: «Господин, существуешь ли ты или не существуешь?»
Но не получил ответа.

Чуанг Цзе. XXII.

В ту ночь, когда Орр старался пробраться через хаос пригородов к Корбетт-авеню, его остановил альдебаранец и уговорил идти с собой. Орр покорно пошел за ним.

«Может, это Тьюа'к Энпне Эннбе», — подумалось ему. Но чужак сказал, что его зовут Э'пенеман Асфак. Орру было все равно.

Чужак привел его к себе в дом у реки, рядом с велосипедной мастерской в Верховьях Вечной Надежды. В этот вечер там было яблоку негде упасть.

Во всем мире ожили многочисленные боги. Они хотели знать, что же произошло на Земле между шестью двадцатью пятью и семью часами восьмью минутами. Орр и его спутник поднялись на второй этаж.

Чужак предложил Орру лечь в постель, так как тот выглядел очень уставшим.

— Сон развязывает путаницу забот, — сказал чужак.

В ответ Орр процитировал «Гамлета»:

— «Уснуть! И видеть сны, быть может? Вот в чем трудность».

Что-то странное было в способе общения чужака. Но Орр слишком устал, чтобы думать об этом.

— А где будете спать вы? — спросил он, тяжело опускаясь на кровать.

— Нигде, — ответил чужак своим лишенным интонации голосом.

Орр наклонился, чтобы снять ботинки. Он не хотел ложиться в грязной обуви, так не благодарят за гостеприимство.

От наклона у него закружилась голова.

— Я устал, — сказал он. — Я так много сделал сегодня. Мне удалось нажать кнопку. Потребовалась вся сила воли, вся энергия, чтобы нажать треклятую кнопку «выключено».

— Вы хорошо прожили, — сказал чужак.

Он стоял в углу, очевидно, собираясь стоять там бесконечно.

«Он не стоит здесь, — подумал Орр. — Не так он должен стоять, или лежать, или сидеть, или быть. Он стоит здесь, как стоял бы во сне. Как будто кто-то видит его во сне».

Он лег и ощутил жалость и сочувствие чужака, стоявшего в углу комнаты. Чужак видел его, видел не глазами. Перед ним было недолговечное, слабое, странное существо, бесконечно уязвимое, плывущее в безднах вероятности. Оно нуждалось в помощи. Орру было все равно. Ему нужна помощь. Усталость охватила его, подняла, как морская волна, в которую он медленно погрузился.

— Эрперекхне, — пробормотал он, сдаваясь на милость сну.

— Эрперекхне, — беззвучно ответил Э'пенеман Асфак.

Орр спал и видел сон. Сны его, как волны в открытом море вдали от берега, приходили и уходили, поднимались и спадали, глубокие и безвредные, ничего не ломающие, ничего не менявшие. Они танцевали танец среди других волн бытия. И во сне большие зеленые морские черепахи вынырнули, проплыли с тяжелой грацией в глубину и ушли в свой мир.

В начале июня деревья покрыты свежей листвой и цветут розы. Весь город покрылся розами. Дела шли хорошо. Экономика восстанавливалась. Люди стригли свои газоны.

Орр приехал в Федеральную Психолечебницу в Линктоне, к северу от Портленда.

Ее строения, воздвигнутые в начале девяностых годов, стояли на большом утесе, глядя на луга в пойме Вильяметт. Лечебница была переполнена в конце апреля и мая, когда эпидемия безумия последовала за необъяснимыми событиями того вечера, который теперь называли «Разрывом». Но большинство больных выздоровело, и больница вернулась к норме.

Высокий врач провел Орра вверх по лестнице, в одноместную палату в северном крыле. Дверь, ведущая в это крыло, как и двери всех палат здесь, были тяжелые, с глазком на высоте пяти футов, и все закрыты.

— Он не причиняет нам беспокойства, — заметил врач, открывая дверь в коридор. — Он никогда не впадает в ярость, но он дурно воздействует на других. Мы поселяли его в разных палатах. Не получается. Все его боятся. Конечно, они все действуют друг на друга и по вечерам впадают в панику, но не так. Они боятся его, стучат в двери и просят выпустить, хотя он просто лежит. Да вы увидите сами. Ему все равно, где он. Вот мы и пришли.

Он открыл дверь и впустил Орра в комнату.

— К вам посетитель, доктор Хабер, — сказал он.

Хабер похудел. Сине-белая пижама висела на нем складками. Волосы и борода были коротко и аккуратно подстрижены. Он сидел на кровати и смотрел в пустоту.

— Доктор Хабер, — сказал Опп.

Голос его дрогнул. Он почувствовал мучительную жалость и страх. Он знал, на что смотрит Хабер. Он смотрит на мир после апреля 1998 года. На мир, созданный кошмаром.

В поэме Т. С. Элиота птица говорит, что человечество не выносит реальности. Но птица ошибается. Человек может вынести вес всей Вселенной. Он не может вынести только нереальности.

Хабер не вынес. Он утратил связь с реальностью.

Опп хотел заговорить, но не нашел слов. Он попятился. Врач закрыл дверь.

— Не могу, — сказал Опп. — Выхода нет.

— Нет, — согласился врач.

В коридоре он негромко добавил:

— Он был выдающийся ученый.

Опп вернулся в Нижний город Портленда на лодке. Транспорт действовал еще плохо.

Город загромождали обломки станций шести различных общественных транспортных систем. На Рид-Колледж была станция подземки, но никакой подземки не было. Фуникулер от парка Вашингтона кончался у входа в туннель, который уходил под Вильяметт и на середине заканчивался тупиком. Тем временем предприимчивые люди вспомнили о прогулочных лодках и теперь использовали их для регулярных рейсов между Линктоном, Ванкувером, Портлендом и Орегон-сити. Прогулка по реке была приятной.

Опп навещал лечебницу в перерывах между работой. Его хозяин, чужак Эппенеман Асфак, не учитывал рабочее время, а только результат работы. Когда выполняется работа, его не касается.

Опп почти каждое утро проводил, лежа в постели, проделывая работу в уме. Когда он добрался до мастерской и сел за чертежную доску, было уже три часа.

Асфак в зале ждал посетителей. Его штат состоял из трех дизайнеров и

имел связь с многочисленными фабриками, производившими кухонное оборудование: посуду, принадлежности, инструменты. Промышленность и распределение сильно пострадали во время «Разрыва». В такой обстановке маленькие фирмы оказались в выгодном положении. В Орегоне множество таких фирм принадлежало альдебаранцам. Они оказались хорошими управляющими и отличными торговцами. Но для ручной работы всегда нанимали людей. Правительство их поддерживало, так как они охотно подчинялись контролю и платили налоги, а тем временем мировая экономика восстанавливалась.

Президент Мердль предсказал возвращение экономики в нормальное русло до Рождества.

Асфah торговал оптом и в розницу, его мастерская пользовалась доброй славой из-за хорошего качества товара и невысоких цен. После «Разрыва» домохозяйки, неожиданно обнаружившие себя в незнакомых кухнях, бросились оборудовать их на свой лад и делать покупки.

Орр раздумывал над чертежом, когда услышал чьи-то слова:

— Пожалуй, эта мутовка лучше.

Голос напоминал голос его жены. Он встал и выглянул в зал. Асфah показывал что-то коричневой женщине среднего возраста и роста, лет тридцати, с короткими черными волнистыми волосами.

— Хитзер, — сказал он, подходя.

Она обернулась и посмотрела на него долгим взглядом.

— Орр, — сказала она. — Джордж Орр. Верно? Где-то мы с вами встречались...

— В...

Он запнулся.

— Вы юрист?

Эпенемен Асфah стоял огромный, в зеленоватой броне, не выпуская мутовку.

— Нет. Секретарь. Работаю у «Формен и Ратти» в Пендлтон-билдинг.

— Должно быть, там. Я был там однажды. Вам это нравится? Это придумал я!

Он взял с прилавка другую мутовку и показал ей.

— А вот еще одна. Эта удобнее.

— Смотрится неплохо, — ответила она. — Вы здесь работаете? Я вспомнила. Вы были в каком-то кабинете на Старк-стрит у врача.

Что именно она помнит? Он не имел об этом ни малейшего понятия. У его жены кожа была серая. Говорят, серые люди по-прежнему существуют, особенно на Среднем Западе и в Германии, но большинство стали белыми, черными, коричневыми, красными, желтыми и смешанными. Его жена была гораздо женственнее этой особы. А эта носит большую черную сумку с медными застёжками. В ней несомненно найдется полпинты виски. Его жена была неагрессивна, хоть и храбра. Манеры у нее были робкие. Это не его жена, это совсем другая женщина, яркая и трудная.

— Правильно, — сказал он. — До «Разрыва». У нас... Мисс Лилад, мы договорились пообедать у Дэйва на Анкенн и не смогли.

— Я не мисс Лилад, это моя девичья фамилия. Я миссис Энбрюс.

Она с любопытством смотрела на него.

Он стоял, примиряясь с реальностью.

— Мой муж погиб на войне на Ближнем Востоке, — добавила она.

— Да, — ответил Опп.

— Все это разработали вы?

— Большую часть.

— А это вам нравится?

Он достал медный котелок, массивный, но изящный и совершенный в пропорциях, как парусный корабль.

— Очень, — кивнула она. — Вы настоящий художник.

— Мистер Опп хороший мастер, — без всякого выражения произнес его хозяин из-под своего левого локтя.

— Слушайте, я вспомнила, — неожиданно сказала Хитзер. — Ну да! Конечно! Это было до «Разрыва», поэтому у меня в голове все смешалось. Вы видели сны, вернее, вы думали, что ваши сны становились реальностью? Верно? Доктор заставлял вас видеть все новые и новые сны, а вы не хотели и искали способа избавиться от Добровольной терапии. Видите, я помню. Вы попали к доброму врачу?

— Нет, я их перерос, — сказал Опп.

Он рассмеялся. Она тоже.

— А как же с вашими сновидениями?

— О, я продолжаю их видеть.

— Я думала, что вы можете изменить мир. И это все, что вы смогли сделать? Эта мешанина?

— Пришлось, — сказал он.

Он сам бы предпочел меньше путаницы, но от него это не зависело. Теперь по крайней мере она оказалась здесь. Он искал ее, не нашел и в поисках утешения занялся работой. Работа давала немного, но нравилась ему, а он был терпелив. Теперь немая печаль по потерянной жене должна кончиться, потому что вот она перед ним — яростная, хрупкая, непокорная и незнакомая, которую нужно завоевывать заново.

Он знал ее, знал ее характер, знал, как заставить ее говорить, смеяться.

— Хотите кофе? Рядом кафе. Мне пора сделать перерыв.

Было четверть пятого.

— Конечно, я хочу кофе, но... — Она посмотрела на чужака.

— Я вернусь через десять минут, Э'пенеман Асфам, — сказал Опп хозяину, идя за плащом.

— Возьми весь вечер, — сказал чужак. — Время есть. Идти значит возвращаться.

— Спасибо, — ответил Опп.

Он пожал руку своему хозяину. Зеленоватый прохладный плавник слегка коснулся руки человека. Опп и Хитзер вышли в теплый летний дождь. Чужак смотрел на них сквозь стеклянную дверь, точно морское чудище из аквариума.

Они прошли и исчезли в тумане.

ГОРОД ИЛЛЮЗИЙ

роман

1

2

3

4

5

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тьма. Во тьме, которая противостояла солнцу, пробудился некто безгласный.

Погруженный всецело в хаос, он не ведал, что такое порядок. Он не владел речью и не знал, что тьма зовется ночью.

По мере того, как разгоралась заря, он, зашевелившись, пополз, побежал, то падая на четвереньки, то выпрямляясь, но куда он шел, было ему неизвестно. Он не знал пути в мире, в котором он пребывал, так как само понятие «путь» заключало в себе его начало и конец. Все, что имело к нему отношение, было перемешано и запутано, все вокруг противилось ему. Неразбериха бытия усугублялась силами, для которых у него не было названия, — страхом, голодом, жаждой, болью.

Сквозь дремучую чашу действительности он брел на ощупь в тишине, пока его не остановила ночь — самая могущественная из этих сил.

Когда вновь забрезжил рассвет, он опять двинулся — неизвестно куда. Когда он вдруг очутился посреди ярко освещенной Поляны, он выпрямился и замер на месте. Затем он закрыл глаза руками и закричал.

Парт увидела его на опушке леса, когда сидела за прялкой в залитом солнцем саду. Она подозвала других учащенной пульсацией своего мозга. Но страх ей был неведом, и к тому времени, когда остальные вышли из дома, она уже была рядом со страшной фигурой, которая рабопенно припала к земле, среди высоких, созревших трав. Когда они подошли поближе, то увидели, что она положила руки ему на плечи и, низко склоняясь над ним, говорила что-то тихое и ласковое.

Она повернулась к ним и удивленно произнесла:

— Вы видите, какие у него глаза?

Глаза были огромные, с радужной оболочкой цвета потускневшего янтаря и напоминали своей формой вытянутый овал. Глазных белков не было видно вовсе.

— Как у кошки, — сказал Гарра.

— Точно желток яйца, — вставил Кай.

Он высказал при этом некоторую неприязнь, вызванную этой небольшой, но заметной разницей, отличавшей это существо от человека.

Во всем остальном незнакомец был обычным мужчиной, на лице которого и на обнаженном теле густые колющие кусты оставили следы грязи и царапины. Кожа у него была светлая, в то время как у людей, его обнаруживших, она была коричневой.

Он испуганно прижимался к земле, как бы желая укрыться от солнечного света, трясясь от страха и истощения, а они вполголоса обсуждали его внешность.

Парт заглянула ему прямо в глаза, но не узрела в них ни искры выражения, свойственного человеку. Он был глух к их речи и не понимал их жестов.

— Глупый или не в своем уме, — подытожил общие впечатления Зоув. — И очень истощенный. Но это легко поправить.

С этими словами Кай и юный Дурро затащили волочившую ноги фигуру в дом. Там им вместе с Парт и Баки удалось накормить и помыть его, а потом уложить незнакомца на жесткое ложе, сделав укол снотворного в вену, чтобы тот не мог убежать из этого гостеприимного места.

— А может быть, он Синг? — спросила Парт у своего отца.

— А ты? Или я? Не будь наивной, моя дорогая, — ответил Зоув. — Если бы я мог ответить на этот твой вопрос, то смог бы тогда освободить Землю, но я надеюсь определить, безумен он или нет и откуда он к нам пришел. Кроме того, может быть мне удастся разгадать тайну его желтых глаз. Разве людей скрещивают с котами или соколами? Такого не было в былые дни до упадка человеческой цивилизации. Попроси Кретъян, чтобы она вышла на веранду, дочка.

Парт помогла своей слепой двоюродной сестре Кретъян подняться по лестнице на тенистый прохладный балкон, где спал незнакомец. Зоув и его сестра Карел, по прозвищу Баки, ждали их там. Оба сидели, поджав под себя ноги и выпрямив спины.

Баки гадала на своей раме с разноцветными зернами и пересекающимися алмазными струнами. Зоув вообще ничего не делал. Брат и сестра прожили бок о бок много лет и научились легко понимать друг друга. Их коричневые лица были насторожены и в то же время спокойны. Девочки сидели у их ног, не смея нарушить тишину. У Парт был красновато-коричневый цвет кожи и длинные черные волосы, пышные и блестящие. На ней ничего не было, кроме свободных серебристых штанов. Кретъян была чуть постарше, смуглая и хрупкая. Красная повязка прикрывала ее пустые глазницы и удерживала на затылке пышные волосы. Как и у ее матери, на ней была туника из искусно сотканной материи. Было жарко. Летний полдень буйствовал в саду под балконом и дальше — в холмистых просторах Поляны. Со всех сторон их окружал лес — с одной стороны он подходил вплотную к дому, отбрасывая тень своих ветвей на его стену. С других сторон он был так далеко, что казался окутанным голубоватой дымкой.

Четверо людей сидели молча. Все вместе и порознь, связанные друг с другом чем-то большим, чем слова.

— Янтарные зерна продолжают скатываться неизвестно куда, — сказала Баки.

Она улыбнулась и оставила свое занятие.

— Все твои зерна попадают куда-то в Простор, — сказал ей брат. — Это все скрытая мистика. Ты кончишь так же, как наша мать, с ее способностью видеть узоры в пустой рамке.

— Скрытая чепуха? — по лицу Баки пробежала гримаса. — Я никогда ничего не скрывала за всю свою жизнь.

— Кретьян, — обратился Зоув к племяннице. — У него шевельнулись веки. Он, наверное, сейчас в фазе сновидения.

Слепая девушка подошла поближе к ложу.

Она вытянула руки, и Зоув осторожно положил их на лоб незнакомца. Все молча прислушались. Но слышать сейчас могла только Кретьян.

Через некоторое время она подняла склоненную голову.

— Ничего, — сказала она как-то настороженно.

— Совсем ничего?

— Сплошной беспорядок. У него нет разума.

— Кретьян, давай я расскажу тебе, как он выглядит. Ноги у него когда-то были нормальные, руки натруженные. Сон и лекарства смягчили сейчас его лицо, но на лбу пролегли глубокие морщины — свидетельство работы ума.

— Как он выглядел, когда не спал?

— Он был испуган, — сказала Парт, — и смущен.

— Это, похоже, какой-нибудь пришелец, — сказал Зоув, — не землянин... Хотя, как это возможно в наше время? Может быть, он мыслит иначе, чем мы. Попробуй-ка еще разок, дочка, пока он еще видит сны.

— Я попробую, дядя. Но я совершенно не ощущаю наличия разума, никаких намеков на мысль. У детей может быть испуганное сознание, но здесь все много хуже — тьма и какая-то непонятная мне путаница.

— Что ж, тогда не нужно, — спокойно заметил Зоув. — Негоже разуму оставаться там, где нет другого разума.

— Его тьма похуже моей, — спокойно сказала девушка. — Смотрите, на его руке кольцо.

Она слегка прикоснулась к нему — из чувства жалости или безотчетной вины: ведь она подслушивала его мысли.

— Да, золотое кольцо без каких-либо отметин или украшений. Это единственное, что было на нем. И разум у него раздет так же, догола, как и его тело. И этот бедный зверь выходит к нам из лесу. Но кто же все-таки послал его к нам?

Все домочадцы Дома Зоува, кроме самых маленьких, собрались в этот вечер в большой комнате внизу, где высокие окна были открыты навстречу ночному воздуху. Свет звезд, деревья вокруг, журчание ручья — все это наполняло тускло освещенную комнату и объединяло людей. Между произ-

носимыми людьми словами было достаточно места для теней, ночного ветерка и тишины.

— Истина от нас скрыта, — проникновенно произнес Глава Дома. — Этот незнакомец поставил нас перед необходимостью выбора из нескольких возможностей. Возможно, он родился идиотом, а к нам забрел по чистой случайности. Но тогда, кто его потерял? Возможно, это человек, ум которого пострадал от несчастного случая или был поврежден умышленно? Может быть, это Синг, скрывающий свой разум под кажущимся слабоумием? Мы не можем доказать и не можем опровергнуть ни одно из этих предположений. Что же тогда с ним делать?

— Посмотрим, можно ли будет его обучить, — сказала жена Зоува, Росса.

Старший сын Главы Дома, Маток, сказал:

— Если его можно будет обучить, тогда доверять ему нельзя. Возможно, его подослали сюда специально, чтобы его научили тому, что мы умеем, раскрыли перед ним наши секреты и нашу способность проникновения. Он станет кошкой, воспитанной добросердечными мышами.

— Я отнюдь не добросердечная мышь, сын мой, как ты изволил выразиться. — Зоув усмехнулся. — Значит, ты думаешь, что он — один из Сингов?

— Или их орудие.

— Мы все орудия Сингов. Дай нам совет, мальчик. Как бы ты лично с ним поступил?

— Убил бы до того, как он проснется.

Пронеслось легкое дуновение ветерка, где-то на душевной Поляне жалобно отозвался козодой.

— Как знать, — пробормотала Старейшая из женщин, — может быть, он жертва, а не орудие. Может быть, Синги разрушили его мозг в наказание за что-нибудь, а нам предоставили закончить за них это наказание.

— Для него это было бы настоящим милосердием.

— Смерть — ложное милосердие, — с горечью заметила Старейшая из женщин.

Они еще некоторое время поговорили на эту тему, спокойно, с серьезными лицами, выражая свою озабоченность в основном намеками, особенно, когда кто-нибудь из них произносил слово «Синг».

Парт не принимала участия в обсуждении, так как ей было всего пятнадцать лет, но старалась не пропустить ни единого слова старших. Она чувствовала симпатию к незнакомцу и хотела, чтобы он остался в живых.

Вскоре ко всем остальным присоединились Райна и Кретьян. Райна выполняла, как умела, психологические тесты на незнакомца, пользуясь помощью Кретьян, которая попыталась сейчас уловить рефлекс психики. Им особенно нечем было похвастаться, но они установили, что нервная система незнакомца в области мозга, связанная с органами чувств и координацией движений, казалась вполне нормальной, хотя внешние, физические рефлексy были, как у годовалого ребенка. А участки мозга, ответственные за речь, никак не проявляли себя вообще.

— Сила мужчины и возможности ребенка, мозг его пуст, — сказала в заключение Райна.

— Если мы не убьем его, как дикое животное, — сказала Баки, — то нам придется приручать его, как зверя.

— Кажется, стоит попробовать, — произнес брат Кретьян, Кай. — Пусть те из нас, кто помоложе, возьмут на себя заботу о нем. Посмотрим, что удастся сделать. В конце концов не обязательно учить его Канонам для Посвященных! Его нужно научить прежде всего не мочиться в постель. Хотелось бы знать, человек ли он. Мне это пока не ясно. А что думает по этому поводу Глава Дома?

Зоув на это сказал:

— Кто знает? Возможно, анализы крови, которые сделает Райна, скажут нам об этом. Мне не приходилось слышать, чтобы у кого-нибудь из Сингов были желтые глаза или какие-нибудь другие отличия от людей Земли. Но если он не Синг и не человек, то кто же он тогда? Пришельцы из Внешних Миров вот уже в течение двенадцати столетий не появляются на нашей планете.

Так началось его обучение.

Парт поднялась из подвала и, проходя мимо старой кухни, увидела, как Фальк, сгорбившись в одном из оконных проемов, смотрит на падавший за грязным стеклом снег. Он был одинок и сидел, понурившись. Шел десятый вечер с тех пор, как он ударил Россу, и его пришлось запереть, пока он не успокоится. С того времени он замкнулся в себе и ничего не говорил... Было странно видеть его лицо, лицо взрослого человека, сделавшееся тусклым и тупым из-за ребяческого упрямства.

— Иди сюда, к огню, Фальк, — позвала Парт.

Возле очага в большой комнате она немного подождала, но затем забыла про него и стала думать о том, чем бы поднять собственное плохое настроение.

Делать было решительно нечего. Снег все шел и шел, лица окружающих были слишком привычными, книги рассказывали о вещах, которые уже давно не существовали или были где-то далеко, а потому и толку от них никакого. Вокруг притихшего дома и окружающих его полей стоял Лес, молчаливый Лес — бесконечный, однообразный и равнодушный. Зима последует за зимой, и она никогда не покинет этот Дом, потому что уходить некуда, и ничего нельзя с этим поделать.

На одном из пустых столов Райна забыла свой теамб — плоский инструмент с клавишами, который, как говорили, был хейновского происхождения. Парт подобрала грустную мелодию Восточного Леса, затем переключила регистр на его родное звучание и начала все заново. Она не очень хорошо умела играть на этом инструменте, не вдруг находила звуки, в такт словам, медленно их растягивала, чтобы выиграть время для поиска следующей ноты.

За ветрами в морях,
За штормами в морях,
На залитых солнцем камнях
Дочь Айрека стоит...

Она сбилась с мелодии, но затем все же нашла нужную ноту:

... стоит,
Молча с пустыми руками.

Это была древняя легенда, родившаяся на невообразимо далекой планете. Ее слова и мелодия были частью наследия людей в течение веков. Парт пела ее проникновенно, одна в комнате, освещенной огнем очага, а за окном в наступивших сумерках все валил снег.

Внезапно она услышала возле себя какой-то звук и, повернувшись, увидела рядом Фалька. В его желтых глазах стояли слезы.

— Парт, прекрати, — прошептал он.

— Что с тобой, Фальк? — забеспокоилась девушка.

— Мне больно слышать это, — сказал он.

Он спрятал лицо, которое было зеркалом его бессвязного и беззащитного разума.

— Хороша похвала моему пению, — с укором сказала девушка.

Вместе с тем она была тронута его словами и больше не пела. Позже, этим же вечером, она увидела, что Фальк стоит у стола, на котором лежал теамб. Он не осмеливался прикоснуться к инструменту, как бы опасаясь выпустить красивого и безжалостного демона, заключенного внутри него, который плакал под пальцами Парт и превращал ее голос в музыку.

— Мое дитя учится быстрее, чем твое, — заметила как-то Парт своей двоюродной сестре Гарре, — но твое растет быстрее. К счастью.

— Твое и так уже достаточно велико, — согласилась Гарра.

Парт глядела на берег ручья, где Фальк стоял, держа на плечах годовалого ребенка Гарры. Полдень раннего лета оглашался трелями сверчков и гудением комаров. Черные локоны то и дело касались щек Парт. Тогда как руки ее проворно следовали за челноком. Уже были видны головы и шеи танцующих аистов, вытканых серебром на черном фоне.

В свои семнадцать лет эта девушка считалась самой лучшей ткачихой среди женского населения Дома. Зимой ее руки всегда были выпачканы химическими препаратами, из которых изготавливались краски, а летом все свое время она проводила за ткацким станком, приводимым в движение энергией солнечных батарей, воплощая в узоры все, что приходило ей в голову.

Мать называла ее «маленьким паучком».

— Маленький паучок, — сказала она, — не забывай, что ты прежде всего женщина.

— И поэтому ты хочешь, чтобы я вместе с Матоком пошла в Дом Ка-тола и выменяла себе мужа за мой ковер с этими аистами?

— Я этого не говорила, — возразила мать.

Она снова принялась выпалывать сорняки на грядках салата.

Фальк поднялся по тропинке, ребенок на его плечах весело улыбался и стрелял глазками.

Он поставил девочку на траву и сказал, как будто она была взрослая:

— Здесь жарче, чем внизу, правда?

Затем, повернувшись к Парт, с серьезной прямоотой, характерной для него, он спросил:

— У Леса есть конец, Парт?

— Говорят, что есть. Все карты отличаются друг от друга. Но в этом направлении в конце концов будет море, а вот в этом — прерии. Это такое открытое пространство, поросшее травой. Как наша Поляна, но простирающееся на тысячи миль аж до самых гор.

— Гор? — спросил он с невинной прямоотой ребенка.

— Это высокие холмы, на вершинах которых весь год лежит снег. Вот такие.

Парт отложила челнок и сложила свои длинные загорелые пальцы в виде горной вершины.

Внезапно желтые глаза Фалька засветились, лицо напряглось:

— Над белым — голубое, а внизу — очертания далеких холмов.

Парт взглянула на него, но ничего не сказала. Почти все, что он знал, исходило непосредственно от нее, потому что только она обучала его. Переделывание его жизни давало реальные результаты и стало частью ее собственного взросления. Их умы были тесно связаны между собой.

— Я вижу их, может быть, когда-то я видел их. Я помню их, — произнес он, запинаясь.

— Изображение?

— Нет. Я видел их в своем уме. Я на самом деле помню их. Иногда перед тем, как заснуть, я вижу их. Я не знаю, как они называются, наверное, просто горы.

— Ты мог бы нарисовать их?

Встав рядом с ней на колено, он быстро набросал на земле контур неправильного конуса, а под ним — две линии холмов предгорья.

Гарра вытянула шею, чтобы взглянуть на рисунок, и спросила:

— И он белый от снега?

— Да. Я вижу это как будто через что-то, может быть, через окно, большое и высокое. Разве это видение из твоего разума, Парт? — спросил он с видимой тревогой.

— Нет, — ответила девушка. — Никто из нас никогда не видел высоких гор. Я думаю, что никто из живущих по эту сторону Внутренней Реки не мог наблюдать подобную картину. Эти горы, должно быть, очень далеко отсюда.

Голос ее сел, будто она схватила простуду.

Сквозь сон они слышали звук пилы. Фальк вскочил и сел рядом с Парт. Еще сонные, они напряженно смотрели на север, откуда шел, то на-

растая, то вдруг исчезая, этот страшный звук, так похожий на жужжание зубьев пилы. Первые лучи солнца еще только начали окрашивать небо над черной массой деревьев.

— Воздухолет, — прошептала Парт. — Я уже один раз слышала этот звук, правда, очень давно.

Она поехала, Фальк обнял ее за плечи, охваченный тем же беспокойством, ощущением далекого, непостижимого, но вполне реального зла, которое двигалось где-то на севере, по кроме дневного света.

Звук исчез. В неизъяснимой тишине Леса несколько птишек подали свои голоса навстречу заре осеннего дня. Свет на востоке стал ярче.

Фальк и Парт лежали на спине, ощущая тепло и надежную поддержку друг друга.

Проснувшись лишь наполовину, Фальк снова готовился погрузиться в сон, когда она поцеловала его и выскользнула из кровати, чтобы приняться за свою обычную дневную работу. Он прошептал:

— Не уходи, мой маленький ястреб!

Но она засмеялась и убежала. Он же продолжал дремать, не в силах подняться из сладких ленивых глубин удовольствия и покоя.

Солнце светило ярко, вровень с его глазами.

Он повернулся на бок, затем, зевая, сел и стал смотреть на могучие ветви дуба, покрытые красными листьями, который, словно башня, возвышался рядом с верандой, на которой спал Фальк. До него дошло, что, уходя, Парт включила аппарат для обучения во сне, который был у него под подушкой. Он тихонько нашептывал теорию чисел, принятую на одной из планет в созвездии Кита.

Ему стало смешно, и прохлада ясного ноябрьского утра разбудила его полностью. Он натянул на себя рубашу и брюки из тяжелой, но мягкой темной ткани, сотканные Парт, которые скроила и сшила для него Баки, и стал у деревянных перил крыльца, глядя на коричневые, красные, золотые деревья, окружавшие Поляну.

Освежающее, приятное утро было таким же, как и то утро, когда первые люди на этой земле проснулись в своих хрупких, заостренных кверху домах и вышли наружу посмотреть на восход солнца, показавшегося над темным Лесом. Утро всегда одинаковое, и осень всегда одинаковая, но лет, которым ведут счет люди, прошло очень много.

На этой земле когда-то была одна раса, затем появилась другая — завоеватели. Миллионы жизней канули в Лету. Обе расы ушли за туманные дали минувших времен.

Были завоеваны и вновь потеряны звезды, а годы все шли, и прошло так много лет, что Лес древнейших эпох, полностью уничтоженный в течение Эры, когда люди творили свою историю, вырос снова.

В туманном необъятном прошлом этой планеты на это ушло много времени. И далеко не на каждой планете мог произойти этот процесс превращения безжизненного солнечного света в тень и грациозную сложность бесчисленных ветвей, трепещущих на ветру.

Фальк стоял, радуясь утру. Его радость была так велика, что он даже не мог этого себе представить. Ведь у него было совсем немного прекрасных рассветов при столь короткой веренице дней, о которых он помнил, в промежутках между этим днем и темнотой.

Он постоял немного, прислушиваясь к щебету синичек на дубе, к чириканию воробьев и стуку дятлов. Потом потянулся, встряхнул волосами и пошел вниз, чтобы влиться в общее русло домашних дел.

Дом Зоува был беспорядочной цепью башен, связанных между собой и образующих замок-ферму. Башни были сделаны из камня и дерева, некоторые из них стояли на этой земле около ста лет, а некоторые — еще дольше. Этот замок был довольно примитивным: темные лестницы, каменные очаги и подвалы. Но в нем не было ничего незавершенного. Он был надежно защищен от пожаров и воздействий погоды. Он был неплохо оборудован: приятные желтоватые лампы, свечение которых вызывалось ядерным распадом, различные автоматические приспособления для уборки Дома и двора, для стряпни, стирки и работы в поле.

Здесь было довольно обширное собрание музыкальных записей, книг и фильмов. В восточном крыле дома находилась приличная механическая мастерская.

Все эти предметы были частью Дома, встроенные в него или сделанные вместе с ним, сработанные в нем или в других Лесных Домах. Механизмы были тяжелы, просты в употреблении, их легко можно было ремонтировать, только источники энергии, приводившие их в движение, требовали недюжинных знаний.

В библиотеке можно было получить достаточно знаний по электронике, которые к этому времени сделались общеизвестными. Мальчикам нравилось делать миниатюрные переговорные устройства для связи между отделенными комнатами. Однако телевидения не было. Не было также ни телефона, ни радио, ни телеграфной связи. Поляна не имела постоянного контакта с окружающим миром. Способов коммуникации через далекие расстояния в этом мире не существовало. Было, правда, несколько самодельных машин на воздушной подушке, стоявших в гараже постоянного крыла Дома, но ими обычно пользовались только мальчишки для своих игр. На узких лесных тропках было довольно трудно управляться с этими механизмами. Когда люди собирались в гости или по торговым делам, они шли пешком, а если путь был долог, то верхом на лошадях.

Работа по Дому и на ферме была легкой и необременительной. Тяга к комфорту не простиралась дальше тепла и чистоты, пища была здоровой, но однообразной: жизнь в Доме была отмечена скучным постоянством коллективного существования, чистой безмятежной умеренностью. Покой и однообразие обуславливались изоляцией. Здесь жили вместе сорок четыре человека. Ближайший к ним Дом Катола находился в тридцати милях к югу.

Вокруг Поляны со всех сторон простирался нерасчищенный, неисследованный, равнодушный Лес. Дикая чаща и небо над нею. Здесь не было

жестокости, и ничто не укорачивало жизнь, как в городах былых веков, переполненных людьми. Сохранить в нетронутном виде что-нибудь из былой цивилизации здесь, среди столь малочисленных людей, было бы исключительно трудным и рискованным делом. Для большинства из них эта жизнь казалась единственно возможной. Другая была просто неведома.

Фальк все это понимал несколько иначе, чем остальные дети Дома, памятуя, что он пришел из необъятной и безлюдной чаши, такой же зловещей и страшной, как дикие звери, бродившие в ней, и все, чему он научился в Доме Зоува, было подобно единственной свечке, горящей среди необъятной тьмы.

За завтраком — хлеб, сыр из козьего молока и темное пиво. Маток пригласил его поохотиться на оленей. Фальку было очень приятно. Старший Брат был искусным охотником, таким же становился он сам. Это их сближало.

Но тут вмешался Глава Дома:

— Возьми сегодня Кая, сын. Я хотел бы поговорить с Фальком.

Каждый из обитателей Дома имел свою комнату для занятий или работы, а также для сна, в прохладное время года. Комната Зоува была маленькой, высокая и светлая, окна ее выходили на запад, на север и на восток. Глядя на осенние скошенные поля и черневший вдаль Лес, Глава Дома произнес:

— Вот там, на прогалине Парт увидела тебя. Это было пять с половиной лет назад. Давненько! Не пора ли нам поговорить?

— Наверное, пора, — робко ответил Фальк.

— Трудно сказать, но мне кажется, что тебе было около двадцати пяти лет, когда ты объявился здесь. Что есть у тебя от тех лет теперь?

— Кольцо! — Фальк показал левую руку.

— И воспоминания о горé?

— Воспоминания о воспоминании, — Фальк пожал плечами. — Часто, как я вам уже говорил, в какие-то мгновения я нахожу в своей памяти звук голосов, ощущение движения, жеста, расстояния. Эти воспоминания как-то не стыкуются с моими впечатлениями из теперешней жизни с вами. Они не образуют цельной картины. И они ничего не означают.

Зоув присел на скамью у окна и кивнул Фальку, чтобы тот сел рядом.

— Тебе не нужно было расти. Координация движений восстановилась у тебя на удивление быстро. Учился ты с поразительной легкостью. Меня всегда занимала мысль: допустим, Синги, управляя в былые времена человеческой наследственностью и держа на положении рабов, отбирали нас по признаку послушания и тупости. А что, если ты — отпрыск какой-то мутировавшей человеческой расы, каким-то образом сумевший избежать генетического контроля? Но кем бы ты ни был, ты неординарный человек. Ты — один. И мне хочется узнать, а что ты сам-то думаешь о своем загадочном прошлом.

С минуту Фальк сидел молча. Это был невысокий, худощавый, хорошо

сложенный мужчина. Его живое и выразительное лицо сейчас было встревожено и мрачно. Чувства отражались на нем так непосредственно, как на лице ребенка. Наконец, видимо, решившись, он сказал:

— Пока я учился прошлым летом вместе с Райной, я понял, чем я отличаюсь от человеческой генетической нормы. Мы изучали тогда хромосомы вида «Хомо сапиенс» и для сравнения выбрали меня. Вот тогда и прояснилось, по крайней мере, для меня, небольшое отличие — всего лишь один или два витка спирали. Тем не менее можно безошибочно сказать, что я — не человек. Может быть, я какой-нибудь мутант или урод, может быть, я результат случайного или преднамеренного воздействия, или, наконец, инопланетянин. Или, что наиболее вероятно, — я неудавшийся результат какого-то эксперимента. Результат генетического эксперимента, выброшенный экспериментаторами за ненадобностью. А может быть... Трудно сказать. Я предпочитаю думать, что я — инопланетянин и прибыл к вам с какой-то другой планеты. Это по крайней мере означало бы, что я не одинок во Вселенной.

— Что вселяет в тебя уверенность, что существуют другие обитаемые миры?

Фальк удивленно поднял брови:

— А разве есть причина думать, что другие планеты Лиги уничтожены? — сказал он с детской верой и логикой взрослого.

— А разве есть причина думать, что они вообще существовали?

— Этому вы сами меня научили — по книгам, легендам...

— И ты веришь им? Ты веришь всему, что мы тебе рассказали?

— Чему же мне еще верить? — Он покраснел. — С какой стати вам говорить мне неправду?

— Может быть, мы лгали тебе все это время по одной из следующих двух причин: мы могли думать, что ты служишь Сингам, или, что ты сам — Синг.

— Я, возможно, служил им и никогда об этом не узнаю — сказал Фальк, потупив взор.

— Может быть, — кивнул Зоув. — Ты должен учитывать такую возможность, Фальк. Между нами говоря, Маток всегда был убежден, что у тебя так называемый запрограммированный мозг. И все же он никогда не лгал тебе. Никто из нас преднамеренно не пытался ввести тебя в заблуждение. Один поэт Реки сказал тысячу лет назад: «В истине заключается человечность». Да, мы говорили тебе правду обо всем, что знали сами, Фальк, но, возможно, не все наши предположения и легенды находятся в рамках истины...

— Ну и что?

— Не забывай, что ты по своему разуму еще дитя, Фальк. Мы можем помочь тебе снова стать человеком, но мы не можем предоставить тебе настоящее детство. Оно бывает только раз...

— Среди вас я чувствую себя ребенком, — пробормотал Фальк.

— Но ты не ребенок! Ты — неопытный взрослый. Ты — в некотором

роде увечный, потому что в тебе нет ребенка, Фальк. У тебя обрублены корни, обрублены твои истоки. Разве ты можешь сказать, что здесь твой родной дом?

— Нет! — твердо сказал Фальк. Тут же он вздрогнул и добавил: — Но я был очень счастлив здесь.

Глава Дома, помолчав, возобновил разговор.

— Ты считаешь, что наша жизнь хороша, и что мы ведем подобающий нам, людям, образ жизни?

— Да.

— Тогда скажи мне, кто наш враг?

— Синги.

— Почему?

— Они откололись от Лиги Миров, предпочли свободу от людей, уничтожив результаты их деяний и все записи. Они остановили эволюцию расы. Они — тираны и лжецы.

— Но они не мешают нам жить здесь по-доброму.

— Мы затаились, мы живем порознь, чтобы они оставили нас в покое. Если бы мы попытались построить какую-нибудь большую машину, если бы мы стали объединяться в группы или города, или народы, для того, чтобы сообща совершить что-нибудь грандиозное, то тогда бы Синги пришли к нам, разрушили содеянное и расселили бы нас по всему миру. Я говорю только то, что вы неоднократно говорили мне, и чему я верю, Глава!

— Я знаю. Я думаю... А что, если за фактами ты ощущаешь какую-нибудь догадку, надежду, предание?

Фальк молчал.

— Мы прячемся от Сингов. Но мы прячемся и от самих себя, от тех, какими мы были прежде. Ты понимаешь это, Фальк? Мы мирно живем в своих Домах, и нам хорошо, но нами руководит исключительно страх. Было время, когда мы путешествовали на кораблях среди звезд, а теперь мы не осмеливаемся отойти от Дома даже на сотню миль. Мы храним лишь крохи знаний и совершенно ими не пользуемся. Но были времена, когда мы использовали свой разум для того, чтобы создавать, ткать свою жизнь, как ковер, простертый над ночью и хаосом. Мы увеличивали возможность жизни. Мы делали настоящую работу, достойную людей.

Зоув снова задумался, затем продолжал, глядя на яркое ноябрьское небо.

— Вообрази себе множество планет, различных людей и зверей на них, созвездия их небес, города, выстроенные ими, их песни и обычаи. Все это утрачено, утеряно для нас так же несомненно, как твое детство потеряно для тебя. Что мы знаем о времени своего величия? Несколько названий планет, имена нескольких героев, обрывки фактов, которыми мы стараемся залатать историю. Закон Сингов запрещает убийство, но они убили знания, они сожгли книги, и, может быть самое худшее из всего, фальсифицировали то, что осталось. Они погрязли в постоянной лжи. Мы не имеем уверенности ни в чем, что касается Эры Лиги. Сколько доку-

ментов подделано! Пойми, мы должны помнить, что бы ни случилось, Синги — наши враги! Можно прожить целую жизнь, так и не увидев ни одного из них, воочию, в лучшем случае, услышав, как где-то далеко пролетает их воздушолет. Здесь, в Лесу, они оставили нас в покое, и, может быть, то же самое происходит повсюду на Земле, хотя мы этого не знаем. Они не трогают нас, пока мы остаемся здесь, в темнице нашего невежества и дикости, пока мы кланяемся, когда они пролетают над нашими головами. Но они не доверяют нам. У них нет чувства доверия, потому что у них лживое нутро! Они не соблюдают договоров, могут нарушить любое обещание, любую клятву, могут предавать и лгать непрестанно, и некоторые записи времен Лиги намекают на то, что они умеют лгать даже мысленно. Именно ЛОЖЬ победила все расы Лиги и поставила нас в зависимое положение от Сингов. Помни об этом, Фальк. Никогда не верь в правдивость чего бы то ни было, если это исходит от Врага.

— Я буду помнить об этом, Глава, и даже встреча с Сингом не заставит меня забыть об этом.

— Ты не встретишься с ним, если не захочешь этого сам.

То, чего он ожидал, свершилось.

— Вы хотите сказать, что я должен покинуть Дом? — спросил он.

— Ты и сам думал об этом, — как можно спокойнее сказал Зоув.

— Да. Но мне невозможно уйти. Я хочу... понимаете, я хочу жить здесь. Парт и я...

Он смутился, и Зоув воспользовался этим, чтобы нанести решительный удар.

— Я уважаю любовь, расцветшую между тобой и Парт. Я ценю твою преданность Дому. Но ты пришел сюда неизвестно откуда, Фальк. Тебя здесь радушно приняли, к тебе здесь очень хорошо относились. Твой брак с моей дочерью был бы бездетным, но даже и в этом случае я радовался бы ему, но я убежден, что тайна твоего происхождения и появления в этом месте настолько велика, что было бы неразумно сбросить ее со счетов. У тебя впереди много работы...

— Какой работы? Кто может поведать мне об этом?

— То, что хранится в тайне от нас, и то, что украли у тебя, известно Сингам. В этом ты можешь быть вполне уверен.

В голосе Зоува была непривычная боль и горечь. Фальк никогда не видел его таким.

— Разве те, кто говорит неправду, скажут мне, кто я, если я их об этом спрошу? Как я узнаю то, что ишу, даже если мне удастся отыскать это?

Зоув помолчал, затем с обычной уверенностью произнес:

— Я все более склоняюсь к мысли, сынок, что в тебе заключена некая надежда для людей Земли. Мне не хочется отказываться от этой мысли. Но только ты сам сможешь отыскать свою собственную правду. Когда тебе покажется, что ты завершил свой путь, возможно, это и будет правдой.

— Если я уйду, — вдруг сказал Фальк, — вы позволите Парт пойти вместе со мной?

— Нет.

Глава Дома печально покачал головой.

Внизу по дорожке шел ребенок, четырехлетний сын Гарры, неуклюже переваливаясь на своих ножках. Высоко вверх — стоя за стаей — летели на юг дикие гуси, выстроившиеся клином.

— Я должен был идти с Матоком и Дурро сватать невесту для Дурро, — заметил наконец Фальк. — Мы собирались отправиться, не дожидаясь, пока изменится погода. Я пойду с ними до Дома Рансифеля, а потом пойду дальше — уже один.

— Теперь зима... — нерешительно сказал Зоув.

— К западу от Рансифеля есть и другие Дома, где я мог бы попросить кров в случае необходимости.

Он не сказал, а Зоув не спросил, почему он собирается идти именно на Запад.

— Я не знаю, дают ли там путникам пристанище. Если ты пойдешь, то будешь один, хотя... тебе и нужно быть одному. За пределами этого Дома нет на Земле другого безопасного места для тебя.

Он, как всегда, говорил от чистого сердца и платил за правду сдерживаемой внутренней болью. Фальк поспешно заверил его:

— Я знаю, Глава. Но я не жалею об этом.

— Я скажу тебе все, в чем я убежден в отношении тебя. Я полагаю, что ты родом из одного из затерянных миров. Я думаю, что родился ты не на Земле. Я полагаю, что сюда, на Землю, ты, первый инопланетянин, прибыл впервые за тысячу или, может быть, даже более лет, принес с собой какое-то послание или знак. Сингам удалось заставить тебя молчать, и поэтому они отпустили тебя в Лес, чтобы никто не мог сказать, что тебя убили. И ты пришел к нам. Если ты уйдешь, я буду печалиться и бояться за тебя, зная, как тебе одиноко, но я буду надеяться на тебя и на нас самих! Если у тебя есть весть для людей, то ты в конце концов вспомнишь о ней. Должна же быть какая-то надежда, мы не можем продолжать жить так вечно!

— Может быть, моя раса никогда и не была в дружественных отношениях с человечеством? — Фальк глядел на Зоува своими желтыми глазами. — Кто знает, ради чего я здесь появился?

— Ты разыщешь тех, кто знает твою тайну. И тогда ты сделаешь то, что тебе было предназначено. Я не боюсь того, что может произойти. Если ты служишь Врагу, то и мы все ему служим. Все уже давно потеряно, и больше нам терять нечего. Но у тебя может быть то, что потеряли люди — предназначение! Следуя ему, ты сможешь вселить надежду во всех нас...

3.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Зоув прожил на свете шестьдесят лет, Парт — двадцать, но в этот холодный полдень, заставший ее в поле, ей показалось, что она — старуха, поте-

рвавшая счет годам. Ее вовсе не утешала мысль об отдаленном триумфе прорыва к звездам или о торжестве правды. То, что у ее отца было пророческим даром, у нее было просто отсутствием иллюзий. Она знала, что Фальк собирается уйти из Дома. Единственное, что она поняла, было то, что он уже больше сюда не вернется.

— Я вернусь сюда, Парт. Верь мне, — с жаром восклицал Фальк, стараясь переубедить девушку.

Она с плачем обняла его, заставила себя внимать его обещаниям. Он продолжал заверять ее в своей искренности, но в телепатическом общении он был не очень-то искусен. Единственным Слухачом в Доме была слепая Кретьян. Кроме нее, никто из обитателей Лесного замка не был способен на бессловесное общение. Способов обучения мысленной речи очень мало. Великое преимущество этого наиболее сжатого и совершенного способа общения стало представлять опасность для людей.

Речь между представителями различных разумов могла быть неправильно истолкована и вследствие этого привести к ошибкам и недоверию, однако ею нельзя было пренебречь. Между мыслью и сказанным словом существует зазор, куда может попасть намерение; символ может быть отброшен, и тогда появится ложь.

Между мыслью и мысленным посланием этого промежутка не существует! Они — одновременный акт, и места для лжи здесь нет!

В последние годы существования Лиги, судя по рассказам и обрывочным записям, с которыми познакомился Фальк, употребление мысленной речи было широко распространено, и телепатическое искусство достигло очень высокой ступени развития.

Это умение на Земле появилось довольно поздно: техника обучения была позаимствована у какой-то иной расы. Одна из книг называлась «Высшее искусство ранхов», и Фальк неоднократно думал о том, кто же такие были эти ранхи.

Имелись также намеки на трения и частые перемещения в правительстве Лиги Миров, возникшие, вероятно, вследствие торжества формы общения, которая предотвращала ложь.

Но все это было таким же туманным и полумифическим, как и вся история человечества, записанная в книгах Дома. Несомненно было только то, что после прихода Сингов и падения Лиги разобщенные общины людей не доверяли больше друг другу, так как возвратились к использованию обычной речи. Свободный человек может говорить свободно, но раб или беженец должен уметь скрывать истину. Вот это-то и узнал в доме Зоува Фальк. У него почти не было опыта в приведении своего разума в соответствие сказанным словам. Он старался внушить Парт, что не лжет:

— Верь мне, Парт, я еще вернусь к тебе!

Но она не могла услышать его.

— Нет, я не буду воспринимать твои мысли, — только и сказала она вслух.

— Значит, ты бережешь свои мысли от меня?

— Да, берегу. Зачем мне передавать тебе свою печаль? Какой толк в правде? Если бы ты солгал мне вчера, я еще поверила бы, что ты просто собираешься к Рансифелю и через десять дней вернешься назад. Значит, у меня еще было бы в запасе десять дней и десять ночей. Теперь же мне ничего не осталось, ни одного дня и ни одного часа. Все это утрачено для меня. Так что же хорошего в правде?

— Парт, ты будешь ждать меня?

— Нет.

— Всего один год...

— Через один год и один день ты вернешься верхом на серебряном коне, чтобы увезти меня в свое королевство и сделать меня его властительницей? Нет, я не буду ждать тебя, Фальк. Почему я обязана ждать человека, который будет лежать мертвый в Лесу или которого застрелят Странники в прериях? А может быть, ты окончательно лишишься к тому времени разума в Городе Сингов или отправишься оттуда в столетнее путешествие к другой звезде? Почему я должна тебя ждать? Только не думай, что я выберу в спутники жизни другого мужчину. Нет, я останусь здесь, в отчем доме, выращу нитки в черный цвет и сотку для себя черную одежду. Я буду ее носить и умру в ней. Но я не стану никого и ничего ждать! Никогда!

— Я не имею права спрашивать тебя, — сказал он с болью в голове, — ты меня любишь?

Она заплакала.

— О, Фальк, не надо, прошу тебя!

Они долго сидели на пологом склоне, возвышавшемся над Долиной. Между ними и Лесом паслись овцы и козы на огороженном пастбище. Годовалые ягнята сновали между длинношерстными матками.

Дул сырой ноябрьский ветер.

Руки их были соединены. Парт прикоснулась к золотому кольцу на его левой руке.

— Кольцо — это вещь, которую дарят, — сказала она. — Временами я думаю, что, возможно, у тебя была жена. Представь себе, что она тебя ждет...

Она задрожала.

— Ну и что? — спросил он. — Какое мне дело до того, что было со мной, кем я был? Почему мне нужно уходить отсюда? Все, чем я являюсь теперь, это твое, Парт, это дар, полученный от тебя...

— И он был сделан по доброй воле, — сквозь слезы сказала девушка. — Возьми его и иди...

Они обняли друг друга, и никто из них не хотел освободиться от этих объятий.

Дом остался далеко позади за подернутыми инеем стволами и переплетенными ветвями, лишенными листьев. Лесные великаны тесно смыкались позади едва заметной тропы, по которой пролегал их путь.

День был серый и холодный, тишину леса нарушал только шорох вет-

вей на ветру, который, казалось, был повсюду и никогда не смолкал. Впереди широкой легкой походкой шел Маток, за ним следовал Фальк, группу замыкал молодой Дурро. Все трое были одеты в легкие теплые куртки с капюшонами и штаны из грубой шерсти. Эта ткань была собственного производства, как, впрочем, и вся их одежда. Такая экипировка называлась жителями Леса зимней и так хорошо сохраняла тепло, что даже в снегопад шуба была не нужна. Каждый из них нес в заплечном мешке запас сухих концентратов, подарки, товары для торговли и спальный мешок. Запас пищи был рассчитан почти на целый месяц. Баки, которая с самого своего рождения никогда не покидала Дом, боялась Леса и поэтому снабдила их соответствующим снаряжением. У каждого был лазерный пистолет, а Фальк нес еще дополнительно пару фунтов еды, а также медикаменты, компас, второй пистолет, смену одежды, бухту веревки, небольшую книгу, которую дал ему Зоув два года назад, что составляло все его земное имущество. Легкий, не знающий усталости Маток обрубал мешавшие им ветки — тропой, очевидно, уже давно не пользовались. Все трое бесшумно ступали по усталенной листвой тропе.

Они должны были добраться к Рансифелю на третий день. К вечеру второго дня местность заметно изменилась: Лес сделался реже, часто стали попадаться кочки. Вдоль склонов холма показались серые прогалины, по которым текли прячущиеся в кустах ручьи.

Они разбили лагерь на одной из таких прогалин, на южном склоне холма, укрывшись от усиливающегося ветра, несшего с собой дыхание зимы. Дурро принес несколько охапок сухого хвороста, а двое других путников очистили для костра место и сложили небольшой каменный очаг.

— Мы пересекли водораздел сегодня днем, — заметил Маток. — Отсюда ручей течет на запад и в конце концов впадает во Внутреннюю Реку.

Фальк выпрямился и посмотрел на запад, но невысокие холмы мешали обзору.

— Маток, — сказал он, — я думаю, мне нет смысла идти к Рансифелю. Я должен идти своим путем. Кажется, вдоль большого ручья, который мы пересекли сегодня днем, идет тропа, ведущая на запад. Я вернусь туда и пойду по этой тропе.

Маток поднял глаза. Он не владел мысленной речью, но взгляд его был достаточно красноречивым: ты думаешь вернуться домой?

Фальк же воспользовался мысленной речью и ответил: «Нет, черт побери!»

— Извини, — сказал Старший Брат.

Он был рад уходу Фалька и не пытался скрыть этого. Ничто для Маток не имело значения помимо безопасности Дома. Каждый незнакомец таил в себе угрозу, даже незнакомец, с которым он прожил бок о бок не один год, который был его товарищем на охоте, который стал возлюбленным его сестры...

Но все-таки он сказал:

— Тебя хорошо примут у Рансифеля, Фальк. Почему бы тебе не начать

свое путешествие оттуда? Впрочем, дело твое.

— Видишь ли... — сказал нерешительно Фальк.

Маток уложил последний камень, и Фальк принялся разводить огонь в очаге.

— Если мы и пересекли тропу, то я не знаю, откуда и куда она ведет. Завтра утром мы пересечем настоящую людскую тропу — старую Дорогу Харенда. Ты, наверное, знаешь, Фальк, что Дом Харенда расположен далеко в западном направлении. Идти туда пешком не менее недели. Видимо, поэтому за последние шестьдесят лет туда никто не ходил. Но, может быть, была и другая причина. Во всяком случае, когда я проходил здесь прошлым летом, она была хорошо видна. Та же, о которой говоришь ты, может оказаться тропой оборотней и завести тебя в глушь или болото.

— Хорошо, — согласился Фальк. — Я пойду по Дороге Харенда.

Наступила пауза, а затем Маток сказал:

— Почему ты собираешься идти на запад?

— Потому что Эс Тох находится в западной стороне.

Это имя редко произносили жители Дома вслух, и оно прозвучало как-то странно под этим серым небом. Дурро, подошедший с охапкой дров, с тревогой осматрелся вокруг. Маток больше ничего не спросил, только неодобрительно покачал головой.

Эта ночь на склоне холма у костра была последней для Фалька ночью с теми, кто был для него братьями, кто стал для него соплеменниками. На следующее утро они продолжали путь в западном направлении и задолго до полудня подошли к широкой заросшей тропе, ведущей налево от тропинки Рансифеля.

Ее начало было отмечено двумя огромными соснами. Там, под шатром ветвей, было сумрачно и тихо.

— Возвращаясь к нам назад, Фальк, гостем или братом, — сказал молодой Дурро.

Его приподнятое настроение объяснялось предстоящим сватовством, но и он сник при виде этого темного, неясного пути, на который должен был вступить Фальк. Маток же только сказал:

— Дай мне свою фляжку.

Взамен он протянул свою собственную фляжку из серебра со старинной гравировкой.

Затем они разошлись. Двое пошли на север, один — на запад.

Пройдя немного, Фальк остановился и огляделся. Его попутчики уже исчезли из виду.

Тропа Рансифеля была уже не видна за молодой порослью деревьев и кустарников, которыми заросла Дорога Харенда. Похоже было, что этой дорогой все-таки пользовались, хотя и не часто, но расчистку не проводили уже много лет. Вокруг ничего не было видно, только бесконечные деревья. Фальк стоял один в их тени.

Земля была покрыта ковром из листьев, падавших на нее добрую ты-

сячу лет. Под огромными соснами и кедрами было темно и тихо. В воздухе кружились редкие снежинки.

Фальк немного ослабил ремни, на которых держалась его поклажа, и двинулся дальше.

К полудню ему уже казалось, что он ушел бесконечно далеко от Дома и что он всегда был так же одинок, как и сейчас.

Серые зимние дни были похожи один на другой. Поросшие лесом холмы и долины, затяжные подъемы и спуски, скрытые в кустах ручьи, болотистые низины... И хотя Дорога Харенда сильно заросла, идти по ней еще было можно. Люди, проложившие этот путь, заботились о том, чтобы он пролегал более ровными участками с плавными поворотами, огибающими болота и возвышенности.

Пересекая холмы, Фальк понял, что Дорога все время идет вдоль какого-то большого древнего пути, так как она была прорублена прямо в холмах и даже две тысячи лет не смогли сровнять ее. Но деревья росли уже и на ней, и вдоль нее — сосны и кедры, заросли шиповника на обочинах, бесконечные ряды дубов, буков, орешника, ясеней, ольхи, вязов, и над всеми ними возвышались величавые кроны каштанов, которые теперь роняли свои последние темно-желтые листья. По вечерам он готовил себе ужин из белки или кролика, иногда из дикой курицы, которых ему удавалось подстрелить. Он собирал орехи и жарил их на углях. Два кошмара неотступно преследовали его целый день и заставляли просыпаться в ночи. Ему казалось, что кто-то крадется за ним во тьме. Кого он раньше никогда не встречал. Второй кошмар был еще страшнее. Ему чудилось, что он забыл взять с собой что-то очень важное, существенное, без чего он обязательно должен был пропасть. Он просыпался от страха, стараясь не думать, что это вещий сон. Он знал наверняка: забытое им там, в Доме, «что-то» был он сам.

Когда не было дождя, он разводил костер и жался к нему поближе, сонный и слишком уставший от кошмаров, чтобы брать в руки книгу, которую он нес с собой, книгу под название «Старый Канон», и искать утешения в словах, которые провозглашали: когда все пути потеряны, настоящий Путь вперед открыт. Одиночество было для человека страшно. А он знал к тому же, что он даже не человек, а в лучшем случае что-то вроде существа, которое пытается обрести свое «я», бесцельно скитаясь по Земле под равнодушными звездами. Дни были одинаковы, как близнецы, но все же они были облегчением после длинных осенних ночей.

Он все еще продолжал вести счет дням и на тридцать первый день своего путешествия вышел туда, где заканчивалась Дорога Харенда. Некогда здесь была большая поляна. Он нашел дорогу через густой ежевичник и березовую аллею к четырем обвалившимся башням, которые возвышались над зарослями. Они были увиты диким виноградом, тогда как все остальное пространство вокруг было отвоевано зарослями чертополоха.

Подойдя ближе, он понял, что это за башни. Это были дымовые трубы

рухнувшего Дома. От Дома Харенда теперь осталось только имя. Дорога вела к развалинам!

Он задержался на этом месте на несколько часов в поисках хоть каких-нибудь следов присутствия людей. Он переворачивал немногие уцелевшие части проржавевших механизмов, разбитые черепки, более долговечные, чем человеческие кости; попавшийся под руку лоскут сгнившей материи моментально рассыпался при одном его прикосновении. Наконец, собравшись с духом, Фальк стал искать тропу, ведущую на запад от поляны. И увидел какую-то странную площадку в четверть квадратных мили, покрытую фиолетового цвета веществом, напоминающим стекло. Края площадки были присыпаны землей, по всей площадке были разбросаны ветки и листья, но ее поверхность была ровной и гладкой, как если бы на этом клочке земли разлили когда-то расплавленный аметист. Что это было — пусковая площадка какого-то неизвестного летательного аппарата, зеркало, с помощью которого можно передавать сигналы на другие планеты, основание неизвестного силового поля? Но что бы это ни было, именно оно наверняка навлекло на Дом Харенда беду: Синги не могли простить людям такое начинание.

Фальк прошел мимо этого места и продолжил путь, не разбирая дороги. Лес здесь был редким, стройные лиственные деревья не мешали ходьбе. Остаток дня он шел быстрым шагом и с такой же скоростью двинулся в путь на следующее утро. Местность снова стала холмистой, цепи холмов пересекали его путь, вытянувшись с севера на юг. Около полудня он оказался в болотистой долине, окаймленной двумя грядами холмов, с которых стекало множество ручьев. Он стал искать брод через заболоченное пространство. Непрерывно шел сильный холодный дождь. Наконец, ему удалось выбраться из этой угрюмой долины. На его счастье погода стала проясняться. Когда он поднялся на гребень, впереди из-за туч вышло солнце, позолотившее обнаженные стволы и ветви деревьев. Солнечные лучи согрели Фалька, и он продолжал свой путь, рассчитывая разбить лагерь с наступлением темноты. Все вокруг было тихо и спокойно, если не считать падавших с ветвей капель и отдаленного свиста синичек. И вдруг он услышал, точно так, как с своим сном, шаги позади себя, чуть-чуть левее. Поваленный дуб, преграждавший Фальку путь, в одно мгновение стал его крепостью. Фальк укрылся за ним и, держа наизготовку пистолет, громко крикнул:

— Эй, кто там! Выходи!

Долгое время все было тихо.

— Выходи! — приказал мысленно Фальк, но тут же осекся: внезапно до него донесся знакомый противный запах, и из-за деревьев вышел огромный кабан. Он пересек человеческие следы и остановился, низко наклонив голову, обнюхивая землю — нелепая огромная свинья с мощным загривком, острым хребтом, сильными, запачканными грязью ногами. Кабан поднял голову, и на Фалька глянули крохотные мутные глазки.

— Ах, здесь человек, — гнусаво сказала создание.

Мышцы Фалька напряглись, он еще крепче сжал рукоятку лазерного пистолета, но стрельбу пока решил не открывать: раненый боров очень опасен. Фальк лишь плотнее прижался к стволу дерева, стараясь не шевелиться.

— Человек, — снова проговорил дикий кабан, — думай для меня. Слова мне трудны.

Рука Фалька, державшая пистолет, задрожала. Неожиданно для самого себя он громко сказал:

— Ну и не говори тогда. Я не умею передавать мысли. Давай, иди своей дорогой, кабан.

— Поговори со мной мысленно, человек...

— Уходи, или я выстрелю!

Фальк выпрямился и вскинул пистолет.

Маленькие свинные глазки злобно уставились на оружие.

— Негоже забирать чужую жизнь, человек! — прорычал кабан.

Фальк ничего не ответил, уверенный, что зверь не поймет его слов. Он несколько раз повел дулом пистолета из стороны в сторону, потом снова прицелился и спокойно сказал:

— Уходи, зверь, и я не сделаю тебе ничего дурного.

Кабан в нерешительности опустил голову, затем с невероятной быстротой, как бы освобождаясь от связывающей его веревки, повернулся и опрометью побежал в том направлении, откуда пришел.

Некоторое время Фальк стоял неподвижно. Успокоившись, он продолжил свой путь. Теперь он шел, держа пистолет в опущенной руке.

Существовали старинные предания о говорящих зверях, но обитатели Дома Зоува считали их просто сказками. Фальк ощутил кратковременный приступ тошноты и желание громко рассмеяться, когда зверь убежал, с шумом продираясь сквозь чащобу.

— Парт, — прошептал он. Сейчас ему обязательно нужно было с кем-то поговорить. — Я сейчас получил неплохой урок этики от дикого кабана. О, Парт, вернись ли я когда-нибудь к тебе?

Он поднялся по крутому склону, заросшему кустарником. На вершине Лес был реже, и Фальк увидел между деревьями свет солнца и чистое небо...

Еще немного и он вышел из-под сени ветвей на опушку. Зеленый склон опускался к садам и распаханным полям, окружавшим широкую спокойную реку. На противоположном берегу реки, на огороженном лугу паслось стадо в полсотни голов, а еще дальше, у западной гряды холмов, располагались сеносконые луга и сады. Чуть южнее того места, где стоял Фальк, река обгала невысокий бугор, на котором озаренные низким вечерним солнцем возвышались красные трубы Дома.

Он имел такой вид, как будто был перенесен в эту долину из некоего другого места, из тех веков, которые раньше назывались золотыми. Дикость безлюдного, близко подходившего к нему Леса, казалось, не могла коснуться его. Он как бы воплощал в себе пристанище, какое-то обещание,

вселял веру в порядок. Это было произведение Человеческих Рук, гимн его труду. Неизъяснимая слабость охватила Фалька при виде дыма, поднимающегося из красных кирпичных труб. Огонь очага...

По земляному склону он сбегал вниз на тропу, которая вилась вдоль реки среди кустов и золотистых ив. Не было видно ни одной живой души, кроме бурых коров, пасшихся за рекой.

Тишина и покой царили в этой залитой зимним солнцем долине. Сбавив шаг, он прошел через огороды к ближайшей двери Дома. По мере того, как он огибал обрыв, тропа взбиралась все выше и выше. В спокойной воде реки отражались стены из красного кирпича и камня. Он в замешательстве остановился, решая, как ему быть, и пришел к выводу, что лучше всего будет позвать кого-нибудь, прежде чем следовать дальше.

Краем глаза он уловил какое-то движение в открытом окне — как раз над глубокой дверной нишей. Он в нерешительности стоял и смотрел вверх, как вдруг ощутил глубокую острую боль в груди, чуть ниже ребер. Он зашатался, затем поник, не в состоянии ни пошевелиться, ни сказать что-нибудь.

Вокруг него появились люди. Он видел их, хотя и смутно, но почему-то не слышал их голосов. У него появилось такое ощущение, как будто он оглох и оцепенел. Безуспешно он силился собраться с мыслями. Его схватили и куда-то понесли, но он не ощущал рук, которые подняли его. Ужасно кружилась голова. Когда дурнота прошла, он потерял всякий контроль над своими мыслями, которые куда-то неслись, путались, мешали одна другой. Ему казалось, что какие-то голоса начали возникать в его мозгу. Одни кричали, другие шептали. От этой какофонии звуков он начал сходиться с ума, и весь мир поплыл, тусклый и беззвучный, перед его глазами.

«Кто ты? Откуда пришел? Куда идешь? Человек ли ты?» — эти вопросы сливались с ответами, которые он спешил и не успевал мысленно составить.

Наконец, ему удалось различить стол, вернее, край стола, освещенный лампой в полутемной комнате. Он начал видеть, чувства стали возвращаться к нему.

Он сидел за столом, на котором стояла лампа. Он был привязан к стулу и ощущал, как веревка врезается в мышцы груди и рук при малейшей попытке пошевелиться. Слева от него возник человек, справа — другой. Они сидели так же, как и он, очень близко к столу. Они наклонились вперед и переговаривались друг с другом через него. Голоса их звучали, как будто из-за высокой стены, и он не мог, как ни пытался, разобрать слова.

Он поежился от холода. Ощущение холода ввело его в соприкосновение с окружающим миром, и он начал восстанавливать свою способность упорядоченно мыслить. Улучшилась слышимость. Теперь он уже мог двигать языком, и с трудом произнес что-то, что должно было означать: «Что вы со мной сделали?»

Человек, который сидел слева от него, приблизил свое лицо вплотную к его лицу и громко спросил:

— Зачем ты пришел сюда?

Фальк отчетливо расслышал слова и понял, что они означали. В следующее мгновение он ответил:

— Я искал место для ночлега, убежище.

— Убежище? От чего ты искал убежища?

— От Леса, от одиночества.

Его пронизывал холод. С трудом высвободив онемевшую руку, он попытался застегнуть куртку. Пониже веревки, которой он был привязан к стулу, как раз под грудной костью, он прощупал небольшое болезненное пятно.

— Опusti руки, незнакомец, — сказал человек, сидевший в тени, справа от него. — Здесь больше, чем программирование, Аргард, — обратился он к человеку слева. — Никакая гипнотическая блокировка не могла бы противостоять этому.

Тот, что сидел слева, крупный мужчина с плоским лицом и живыми глазами, ответил тихим шипящим голосом:

— Ты не можешь с уверенностью сказать, что мы знаем все их хитрости. Но в любом случае нам необходимо узнать, кто он? Ты Фальк, не так ли? Ответь, где находится то место, откуда ты к нам пришел? Дом Зоува, не так ли?

— Это на востоке. Я ушел... — Он никак не мог вспомнить нужное число. — Четырнадцать дней назад, кажется, — наконец-то закончил он.

Как им удалось узнать название его Дома, а также его имя? Ощущения быстро возвращались к нему, и его удивление длилось недолго.

Ему приходилось охотиться на оленей с Матоком, стреляя при этом иглами, с помощью которых можно было убить оленя, лишь чуть-чуть поцарапав его кожу.

Игла, которая вонзилась в него, инъекция, сделанная в то время, когда он был беспомощен, содержала какой-то наркотик, который, должно быть, убирал как предварительно заученный контроль, так и основные подсознательные блокировки телепатических центров мозга, оставляя его открытым для допроса. Они рылись в его мозгу, в этом не было сомнения. От этой мысли ощущение холода и слабости еще больше усилилось, дополненное бессильной яростью. К чему такое бесцеремонное вторжение? Почему они сразу же решили, что он будет им лгать? Почему они пришли к такому выводу, даже не заговорив с ним?

— Вы думаете, что я — Синг? — спросил он.

Лицо человека справа, худое, с длинными волосами и бородой, внезапно появилось в свете лампы, его губы были сжаты, и он раскрытой ладонью ударил Фалька по губам. Голова Фалька откинулась назад, от удара он на мгновение ослеп. В ушах зазвенело, он ощутил во рту привкус крови. Затем последовал второй удар, третий... Человек, нанося удары, продолжал непрерывно шипеть, повторяя одни и те же слова:

— Не упоминай этого имени...

Фальк оеспомощно ерзал на стуле, чтобы увернуться от ударов. Че-

ловека слева, которого назвали Аргардом, что-то отрывисто сказал, и в комнате воцарилась тишина.

— Я пришел сюда по-доброму, — сказал наконец Фальк.

Он старался говорить как можно спокойнее, несмотря на свой гнев, боль и страх.

— Хорошо, — сказал, помолчав, Аргард. — Выкладывай свою историю, а мы слушаем. Только сначала я задам тебе всего один вопрос. Ради чего ты пришел сюда?

— Попроситься переночевать и спросить, есть ли здесь какая-нибудь тропа, ведущая на запад?

— Для чего ты идешь на запад?

— Зачем вы это спрашиваете? Ведь я уже сказал вам об этом мысленно, когда ложь невозможна. Ведь вы уже знаете, что у меня на уме.

— У тебя какой-то странный разум, — тихим голосом произнес Аргард, — и такие необычные глаза. Никто не приходит сюда, чтобы переночевать и узнать дорогу. А если все же слуги тех, других, приходят сюда, мы убиваем их. Мы убиваем прислужников и говорящих зверей. Странников, свиней и всякий сброд! Мы не подчиняемся Закону, который гласит, что нельзя отбирать чужую жизнь. Так, Ареннем?

Бородач ухмыльнулся, показав при этом коричневые гнилые зубы.

— Мы — люди! — сказал Аргард. — Свободные люди! Мы — убийцы! А кто ты, со своим недоразвитым мозгом и совиными глазами? И почему нам не убить тебя? Разве ты человек?

На своем коротком веку Фальку не доводилось встречаться лицом к лицу с жестокостью и ненавистью. Те немногие люди, которых он знал, пусть не были бесстрашны, но и не жили, руководствуясь чувством страха. Они были великодушны и дружелюбны. А перед этими двумя он был беззащитен, как ребенок, и это приводило его в замешательство и ярость.

Он тщетно искал какой-нибудь способ защиты или какую-нибудь отговорку, но все было напрасно. Единственное, что он мог говорить, была только правда.

— Я не знаю, кто я и откуда пришел в этот мир. Я иду на запад, чтобы выяснить это.

— На запад? Почему именно на запад? А ну говори!

Фальк посмотрел сначала на Аргарда, затем на Ареннема. Он знал, что ответ им известен и что Ареннем снова ударит его, едва его губы произнесут это слово.

— Отвечай! — прорычал бородатый.

Он приподнялся и наклонился вперед.

— В Эс Тох, — сказал наконец Фальк.

Снова удар по лицу, и снова он принял этот удар молча и униженно, как ребенок, которого обидели неизвестные ему люди.

— Так мы ничего не добьемся. Он не скажет ничего, кроме того, что мы вывели, когда он был под воздействием пентона. Надо его развязать, — вступился за Фалька Аргард.

— И что тогда?

Аргард пожал плечами.

— Он пришел сюда просить пристанища на ночь, пусть он его получит. Поднимайся!

Веревку ослабили. Фальк, шатаясь, встал на ноги. Когда он увидел низкую дверь и черный колодец лестницы, к которому его подвели, он попробовал вырваться, но мышцы еще не были готовы ему повиноваться. Удар Ареннема застал его врасплох, и он скрючился.

Этим воспользовались его провожатые и с силой пихнули его через порог. Дверь захлопнулась, когда он пытался, шатаясь, удержаться на лестнице.

Вокруг было черным-черно. Дверь была подогнана плотно, наглухо закупоривая дверной проем. С внутренней стороны двери не было ручки, и ни звук, ни свет не проникали через дверную преграду. Фальк сел на верхней ступеньке и уткнулся лицом в ладони.

Мало-помалу слабость в теле и растерянность в мыслях стали проходить. Он поднял голову и напряг зрение.

У него было острое ночное видение. На эту способность давным давно указала еще Райна, глядя на его глаза с огромными зрачками. Но сейчас лишь какие-то туманные, очевидно видимые им ранее зрительные образы, пробегали в его мозгу.

Он не смог разглядеть что-либо в этой крошечной тьме. Тогда он встал и, осторожно переступая по ступенькам, начал спускаться вниз.

Двадцать одна ступенька, двадцать две, двадцать три — все! Место стало ровным. Фальк медленно двинулся вперед, вытянув руку и прислушиваясь.

Темнота давила на него, сковывала его движения, вводила его в заблуждение: он почему-то был уверен, что стоит ему хорошенько присмотреться, и он станет видеть. Но страха в нем не было. Методично, на ощупь он определил форму и размеры обширного подвала, в котором находился, и выяснил, что это только первая комната из многих, которые, судя по звукам, уходили в бесконечность.

Он вернулся к лестнице, сел на самую нижнюю ступеньку и некоторое время не двигался. Его начали мучить голод и жажда. Он вспомнил, что они забрали у него мешок и ничего ему не оставили.

«Я сам во всем виноват», — горько признался сам себе Фальк, и в его мозгу зазвучало что-то вроде диалога.

— Что я такого сделал? Почему они напали на меня?

— Зоув ведь говорил тебе: никому не доверяй. Они вот никому не доверяют, и, пожалуй, правы.

— Даже если бы к ним пришел кто-то, прося о помощи?

— С твоим-то лицом и твоими глазами? С первого взгляда ясно, что ты не похож на обычное человеческое существо!

— Но они все равно могли бы дать мне выпить воды, — настаивала детская и потому не ведавшая страха часть его сознания.

— Тебе чертовски повезло, что они не убили тебя сразу, — отвечал его интеллект, и на это отвечать было нечем.

Все обитатели Дома Зоува, конечно, давно привыкли к его внешности, а гости в Доме были очень редки и тактичны, и потому ему никогда не приходилось сознавать свои физические отличия от человеческой нормы. Казалось, эти отличия играют гораздо меньшую роль в сравнении с его невежеством и потерей памяти. Теперь же он впервые понял, что незнакомые люди, взглянув на его лицо, не видят в нем человека.

Тот из его мучителей, которого звали Ареннем, особенно боялся Фалька, считая его непонятным чудовищем. Он потому и бил его, что болезненно боялся всего чужого и питал к нему отвращение.

Именно это и пытался растолковать ему Зоув, когда давал свое серьезное и трогательное напутствие: «Ты должен идти один, и только один ты сможешь пройти весь свой путь!»

Теперь уж ничего нельзя было сделать и оставалось только одно — постараться хорошенько отдохнуть. Он как можно удобнее устроился на нижней ступеньке, потому что пол был сырым и грязным. И постарался уснуть.

Через некоторое время, утратив реальное чувство времени, он проснулся. Совсем рядом с ним сновали мыши, издавая слабые скребущие звуки и писк.

— Нехорошо отбирать чужую жизнь, не убивай нас...

— Я буду! — взревел Фальк.

Мыши тотчас стихли.

Снова уснуть оказалось делом трудным, вернее, трудно было с уверенностью сказать, спит он или бодрствует. Он лежал, размышляя, что сейчас снаружи: день или ночь? Сколько времени его здесь продержат, и намереваются ли чужаки убить его, с помощью наркотического воздействия теперь уже не просто вторгнуться в его мозг, а окончательно уничтожить его? Сколько времени пройдет до того момента, когда жажда и неудобства станут невыносимыми? Как исхитриться ловить в темноте мышей без мышеловки, и сколько времени можно поддерживать жизнь диетой из серых мышей?

Чтобы отвлечься от этих мыслей, он вставал и производил обследование подвала. Он нашел какую-то большую бочку, и сердце его учащенно забилось, но бочка оказалась пустой. В его пальцы вонзилось несколько заноз, пока он шарил по ее дну. Обследовав на ощупь нескончаемые невидимые стены, он так и не нашел другой лестницы или двери.

В конце концов он заблудился и уже не мог отыскать лестницу, по которой спустился в этот подвал. Он сел прямо на мокрый пол в сплошной темноте и представил себе, что он в лесу, и продолжает свое одинокое путешествие под звуки нескончаемого дождя. Он мысленно перебрал все, что был в состоянии вспомнить из Старого Канона:

«Путь, который может быть пройден,

Не является вечным путем...»

Во рту у него пересохло настолько, что он даже попытался лизать сырой пол, но к воспаленному языку прилипла лишь грязь. Мыши суетились совсем близко от него и что-то шептали.

Но вот где-то в дальних темных коридорах послышался лязг засовов, и мелькнул яркий отблеск света.

Свет...

Вокруг него возникла тусклая реальность мутных очертаний и теней — низкие своды, арки, бочки, перегородки. Он с трудом поднялся и, шатаясь, бросился на свет.

Сияние исходило из низкого дверного проема, через который, подойдя ближе, он смог увидеть земляную насыпь, верхушки деревьев и багровое — то ли утреннее, то ли вечернее — небо, которое ослепило его так, как будто на дворе был летний полдень. Он встал в дверном проеме, не в силах сдвинуться с места, так как был ослеплен и потому что путь ему преградила неподвижная фигура.

— Выходи! — раздался голос Аргарда.

— Минутку. Я еще ничего не вижу.

— Выходи и иди, не останавливаясь! Не оборачивайся, а не то срежу лазером твою идиотскую башку!

Фальк сделал несколько шагов и в нерешительности остановился. Мысли, пришедшие в его голову там, в темноте подвала, теперь сослужили ему добрую службу. Раз они отпускают его, значит, боятся его убить.

— Живее!

Он решил воспользоваться этой мыслью.

— Только со своей ношей! — твердо сказал он.

Из-за страшной сухости во рту голос его прозвучал слабым писком.

— У меня в руке лазер, не забывай этого, желтоглазый, когда разговариваешь со мной.

— Ну так давай, пускай его в ход. Я не могу путешествовать через весь континент без своего пистолета.

На какой-то миг Аргард заколебался.

— Греттен, принеси сюда паршивый хлам этого дурака! — выругался он.

Прошло несколько минут, Фальк стоял и в упор смотрел на Аргарда, который, ухмыляясь, играл своим оружием в нескольких шагах от него. По поросшему травой склону сбежал мальчик, швырнул на землю мешок Фалька и исчез.

— Забирай! — приказал Аргард.

Фальк поднял свой скарб и выпрямился.

— А теперь ступай.

— Подожди, — пробормотал Фальк, — одну минуту.

Он опустился на колени, положил мешок на землю, развязал тесемки и стал рыться в содержимом.

— Моя книга! — вскричал он.

— Что? Книга?

— Старый Канон! Книга для чтения, а не справочник по электронике...

— Ты считаешь, что мы бы отпустили тебя с ней? — перебил его Аргард.

Фальк недоуменно пожал плечами и поднялся на ноги.

— Разве вы не чтите Канона, по которому следует жить людям? Зачем вы отняли у меня эту книгу?

— Ты не знаешь и никогда не будешь знать того, что известно нам. Если ты не уйдешь сейчас по-хорошему, мне придется подпалить тебе руку.

Лицо Фалька исказила гримаса страха.

Аргард удовлетворенно заржал.

— То-то! Давай топай отсюда без остановки!

В последних словах снова зазвучали визгливые нотки, и Фальк понял, что шутки кончились. Ненависть и страх, которые сейчас особенно ясно проступали на широком умном лице Аргарда, заставили его поспешно завязать мешок и взвалить его на плечи. Он быстро прошел мимо великана и начал подниматься по травянистому подъему, который шел от подвальной двери. Теперь Фальк понял, что уже опустился вечер, так как солнце уже почти скрылось за горизонтом. Он двинулся вслед за солнцем.

Ему казалось, что его затылок и дуло пистолета Аргарда были связаны невидимой нитью неопределенности. Пока он шел, можно было ожидать от Аргарда чего угодно — Фальк не сомневался, что великан продолжает держать пистолет в вытянутой руке.

Фальк с трудом пересек заросшую сорняками лужайку, переправился по шаткому мостику через реку, прошел мимо пастбища и сада. По узкой тропинке он выбрался на вершину гряды и только здесь рискнул обернуться. Его взору предстала сжатая между двумя цепями холмов долина. Вид был такой же, как и в первый раз — залитая золотым светом река и долина мирно погружались в небытие ночи.

Когда он вошел в окутанный печалью Лес, ночь уже вступила в свои права. Мучимый жаждой и голодом, упавший духом, Фальк уныло размышлял над своим бесцельным путешествием через простиравшийся перед ним Восточный Лес. Он потерял даже смутную надежду на то, что хоть где-то на его пути ему повстречается дружеский очаг и встреча с другими людьми скрасит его суровое одиночество. Теперь он уже должен будет не искать дорог, а всячески избегать их. Подобно дикому зверю, он будет прятаться от людей и мест их обитания.

Он напился из ручья и немного подкрепился припасами из мешка. Его не переставала мучить мысль, что он сам навлек на себя беду своей неосмотрительностью, но он утешался тем, что несмотря ни на что не стал на колени. Он смело вступил в бой с этими невежественными людьми на их собственной территории и благодаря своей выдержке смог вырваться из их плена. От этой мысли стало немного легче на душе. Он еще мало знал о себе, и его собственные поступки стали актами открытия. Он узнал, что ему многого еще недостает, и был рад убедиться, что уж смелостью он, во всяком случае, не обделен.

После того, как Фальк напился и поел, а затем снова напился, он двинулся в путь, освещаемый неверным светом луны, которого ему было вполне достаточно. Скоро между ним и Домом Страх, как он про себя назвал это место, пролегла добрая миля холмистой местности. Наконец, совершенно измотанный, он прилег отдохнуть на краю небольшой прогалины. Костра он решил не разводить, а соорудить хоть какой-нибудь навес у него уже не было сил. Несмотря на усталость, он некоторое время лежал без сна, глядя вверх на озаренное лунным светом зимнее небо. Ничто не нарушало тишины, кроме негромких и редких криков охотившейся совы. Эта глушь и заброшенность казались ему успокоительными и благословенными после мышинной возни в полном каких-то странных звуков темном подвале — темнице Дома Страх.

Продвигаясь дальше на Запад, он не вел счет дням. Он шел, и шло время.

В доме Страх он лишился не только книги. У него забрали также серебряную фляжку Матока и небольшую коробочку, тоже из серебра, с дезинфицирующей мазью. Они могли оставить у себя книгу, потому что сочли ее чем-то вроде кодекса законов или книгой тайн. Какое-то время потеря книги бесконечно угнетала его: ему казалось, что она была единственным связующим звеном между ним и людьми, которых он любил и которым верил.

Однажды, сидя у костра, он даже сказал себе, что утром он повернет назад, снова разыщет Дом Страх и заберет, пусть даже силой, свою книгу. Но на следующий день он возобновил свой путь на Запад, идя по компасу и по солнцу. За ночь он убедил себя, что не смог бы снова отыскать ни одно из пройденных мест, среди необозримых просторов Леса, так надежно укрывавшего свои холмы и долины. Ему стало казаться, что он не смог бы уже найти ни укромную долину Аргарда, ни Поляну, где, наверное, Парт что-то ткет при скудном свете зимнего солнца. Все это осталось уже позади и было для него утрачено навсегда. Возможно, теперь это даже хорошо, что книга пропала. Что для него должна была означать эта книга, с ее разумным и терпеливым мистицизмом очень древней цивилизации, этот негромкий голос давно минувших войн и бедствий, доносившийся из глубины веков?

Теперь он жил только охотой, и это значительно сократило его дневные переклады. Даже если дичи было много и она не пугалась выстрелов, охота — совсем не такой род состязания, где можно торопиться, а потом нужно еще освежевать и сварить добычу. Затем сидя у костра, сосать косточки, и, наполнив на некоторое время желудок, подремать на зимнем холоде у слабо греющего костра.

А еще нужно было строить шалаш для защиты от дождя и снега, где можно было провести ночь. Следующий день был точно таким же. Ни одной книге не было здесь места, даже Старому Канону Бездействия. Он не

смог бы сейчас читать ее. По-существу, он сейчас перестал и думать. Он охотился, ел, шел, спал в молчаливом Лесу — серая тень, скользнувшая на Запад через холодную пустыню зимнего Леса.

Погода становилась все холодней. Худые дикие коты, красивые маленькие твари с пятнистым или полосатым мехом и зелеными глазами, ждали неподалеку от его костра, чтобы полакомиться остатками его трапезы, и выскакивали с осторожной и хищной свирепостью, чтобы схватить кости, которые он швырял им со скуки. Они питались в основном грызунами, которые теперь погружались в зимнюю спячку, и, похоже, котам стало трудно добывать пропитание в это холодное время года.

После того, как он покинул Дом Страха, ему не попадались звери, говорившие вслух или хотя бы мысленно. Никто не трогал и не пугал зверье в этих чудесных густых лесах, которые он пересекал. Возможно даже, что животные никогда не видели здесь человека, не знали его запаха. И по мере того, как он все больше углублялся в Лес, он все более отчетливо сознавал необычность Дома Страха, притаившегося в мирной долине. Необычность того Дома, с его подвалами, полными мышей, использующими язык людей; необычность его обитателей, обладающих обширными знаниями, наркотиками для извлечения правды и вместе с тем настолько невежественных, что их можно было сравнить разве что с дикарями.

Сейчас он склонен был думать, что именно там он впервые повстречался с Врагом. То, что Враг был здесь, в этом Лесу, было сомнительно. Здесь не было никого, и вряд ли кто-нибудь будет.

На серых ветвях сидели и кричали сойки. Покрытые инеем листья хрустели под ногами — листья сотен осеней. Высокий лось с любопытством смотрел на Фалька, неподвижно стоя в дальнем конце луга, как бы спрашивая у него разрешения ступить по этим нетронутым местам.

— Давай, иди! Так и быть, я не буду стрелять в тебя. Сегодня утром я запасаюсь двумя курицами, — крикнул Фальк и засмеялся.

Олень-самец с величественным самообладанием посмотрел на него и невозмутимо пошел прочь. Здесь ничто не боялось Фалька, никому не было до него дела. Он даже как-то подумал, что в конце концов может забыть речь и снова стать таким, каким он уже был однажды — немым, диким, утратившим все человеческое. Он слишком далеко, очень далеко, ушел от людей и зашел туда, где хозяйничает зверь и где никогда не ступала нога человека.

На лугу он споткнулся о камень и, стоя на четвереньках, прочел стершиеся буквы, вырезанные на полупогребенной землей выветренной глыбе:

«С к...о...а»

Здесь были люди! Они здесь жили... Под его ногами, под упругой подушкой из полусгнивших сучьев и листьев, под корнями деревьев был когда-то город! Только Фальк пришел в этот город с опозданием — на одно или два тысячелетия.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дни, счет которым Фальк давно потерял, стали понемногу удлиняться, и он понял, что конец года скорее всего уже прошел. Хотя погода была не такой плохой, какая могла быть в этот период, она все же доставляла Фальку довольно много неприятностей. Часто шел снег, и Фальк думал, что, если бы у него не было зимней одежды и спального мешка, захваченных из Дома Зоува, он гораздо сильнее ощущал бы все «прелести» этого сезона. Северный ветер дул так свирепо, что Фалька все время «сносило» к югу: вместо того, чтобы идти против ветра, он невольно уклонялся на юго-запад.

Одним ненастным днем он спускался вдоль текущего на юг ручья, с трудом продираясь сквозь густые кусты, росшие по его берегам. Внезапно кусты расступились, и он остановился. Перед ним простиралась большая река, тусклая поверхность которой была испещрена оспинами дождя. Топкий противоположный берег был наполовину скрыт туманом. Фалька потрясла ширина этой реки, мощь этого величественного молчаливого потока темной воды, несшейся под низким зимним небом на запад. Сначала он решил, что это, должно быть, Внутренняя Река, один из немногих ориентиров внутренней части материка, известных понаслышке жителям Восточного Леса. Они, однако, говорили, что она течет на юг, и является западной границей Царства деревьев. Наверное, это был один из ее притоков, решил Фальк и пошел вдоль берега. Теперь ему не нужно было пересекать холмистую местность и, кроме того, река обеспечивала ему питьевую воду и хорошую охоту. Помимо всего было просто приятно шагать по ровному песчаному берегу и вместо надоевшего сплетения ветвей над головой видеть открытое небо.

Утром одного из многих дней, проведенных у реки, ему удалось подстрелить дикую курицу. Куры здесь водились повсеместно, собираясь в пронзительно кричащие, низко летящие стаи, и куриное мясо стало основной его пищей.

Он только перебил крыло этой птицы и, когда подбирал ее, она была еще жива. Она билась в его руках и кричала пронзительным голосом:

— Брать жизнь... брать жизнь...

Он скрутил ей шею, однако эти слова звенели у него в ушах, и он как ни старался, не мог их заглушить.

Последний случай, когда животное заговорило с ним, произошел неподалеку от Дома Страх, и это означало, что где-то среди этих унылых холмов должны были жить люди. Какая-то затаившаяся группа, вроде той, к которой принадлежал Аргард, дикие Странники, которые непременно убьют его, как только увидят его глаза. А может быть, это люди, которые живут в кабале у своего Повелителя. Они и отведут его к нему, а тот с радостью превратит его в своего раба.

Хотя в конце концов он предстанет перед одним из этих Лордов, он все же хотел отыскать дорогу к ним тогда, когда это будет удобно ему самому.

«Никому не верь, избегай людей!» Он хорошо усвоил этот урок.

В тот день он осторожно продвигался вперед, и так тихо, что даже водяные птицы, которых было полно на берегах реки, взлетали из-под самых его ног.

Однако он не видел никаких признаков обитания человеческих существ ни у реки, ни близ нее. Только однажды, в конце дня, он спугнул стаю бронзово-зеленых уток, которые полетели над водой, перекликаясь между собой бессвязными словами человеческой речи. Пройдя еще немного, он остановился, учуяв в дуновении ветра еще осязаемый запах горящих дров. Ветер дул с северо-запада, и Фальк с большими предосторожностями двинулся вперед.

Но, когда на реку начал опускаться ветер, далеко впереди на заросшем ивняком берегу мелькнул и исчез огонек, а затем вспыхнул снова.

Его заставил остановиться не страх, и даже не осторожность, а мысль, что это первый огонек с тех пор, как он покинул Поляну. Зрелище это странно тронуло его душу.

Осторожный, как дикое лесное животное, он подождал, пока ночь полностью не вступит в свои права, а затем медленно и бесшумно двинулся по берегу реки, стараясь держаться в тени ив, пока не подошел настолько близко, что различил квадрат окна, через который был виден очаг. Это была маленькая хижина с остроконечной крышей, на которой лежал снег. Высоко над темным лесом и рекой сияло созвездие Ориона, наиболее яркое в этой тихой морозной ночи. Время от времени с ветвей деревьев падали хлопья снега, рассыпаясь на отдельные снежинки, парящие над рекой и вспыхивающие, словно искорки в лучах падавшего из окна света.

Фальк стоял, не сводя глаз с огня в хижине.

Он подошел еще ближе и долго стоял, стараясь не производить шума.

Внезапно дверь хижины со скрипом отворилась, земля перед ней озарилась золотым сиянием и вверх поднялась снежная пыль.

— Иди сюда, к огню, — произнес человек.

Он стоял в проеме двери, совсем не заботясь о том, что был открыт для обозрения на свету, лившемся из хижины.

Прячась во тьме, Фальк схватился за лазер и замер.

— Я ловлю твои мысли, незнакомец, — снова бросил в темноту хозяин хижины. — Я — Слухач. Иди смелее! Здесь некого бояться. Или, может, ты меня не понимаешь? Ты говоришь на этом языке?

Фальк молчал.

— Ну что ж, будем надеяться, что ты меня понимаешь, потому что я не собираюсь пользоваться при общении с тобой мысленной речью. Здесь нет никого, кроме меня и тебя... Конечно, — продолжал незнакомец, — я без труда слышу тебя, точно так же, как ты своими ушами сейчас слышишь меня. Я знаю, что ты здесь и не отваживаешься выйти из темноты

ко мне. Подойди, я тебе клянусь, что ничто не угрожает одинокому путнику у меня в доме. Я сейчас уйду, а ты, если захочешь отдохнуть в тепле, постучись.

Дверь закрылась.

Фальк постоял еще некоторое время, затем пересек во мраке несколько ярдов, которые отделяли его от двери домика, и постучался.

— Заходи!

Он открыл дверь и очутился среди тепла и света. Старик, седые космы которого падали на спину, стоял на коленях перед очагом, разводя огонь. Он даже не повернулся, чтобы взглянуть на незнакомца, и продолжал методично засовывать в топку дрова. Немного погодя, он громко заговорил, немного нараспев:

Я один, один
Я в смятеньи
И всеми заброшен
Будто в море плыву
И нет гавани,
Где бросить мне якорь.

Наконец его голова повернулась к гостю. Старик улыбался, его узкие, живые глаза искоса смотрели на Фалька.

Голосом сбивчивым и хриплым, потому что ему уже давно не приходилось говорить, Фальк подхватил строки Старого Канона:

От всех есть какая-то польза,
Только я один
Ни на что не пригоден,
И мне некуда притулиться.
Я один, я отличаюсь от всех,
Я чужестранец,
Но я ищу мать,
Вскормившую меня молоком,
И я найду свой путь.

Старик рассмеялся.

— Так ли это, желтоглазый? Впрочем, это твое дело. Садись сюда, поближе к огню. Значит, ты чужестранец? И сколько дней ты уже не мылся горячей водой? Не вспомнить? Где эта чертова кочерга? Сегодня на дворе холодно. Да, холод такой, как поцелуй предателя. А мы здесь. Ну-ка, поднеси мне вот ту вязанку дров, что у двери, я суну ее в огонь. Вот так. Я — человек скромный, особого комфорта у меня не жди. Но горячая ванна есть горячая ванна, не все ли равно, от чего греется вода — от расщепления водорода или от сосновых поленьев, не так ли? Да, ты на самом деле чужестранец, парень, и твоя одежда тоже нуждается в горячей воде,

пусть она и устойчива против дождя. А как насчет кроликов? Хорошо. Завтра мы приготовим пару тушеных зверьков, да еще добавим туда побольше зелени, ведь на овощи ты не можешь охотиться со своим лазерным пистолетом, у тебя нет их запаса в мешке, а? Я живу здесь один-одинешенек, самый большой Слухач. Я живу один и очень много говорю. Родился я не здесь, не в лесу. Но я никогда не мог спрятаться от людских мыслей, от людской суеты, от людской печали, в общем, от всего, что так свойственно людям. Мне приходилось продираться сквозь густой лес их мыслей, планов, тревог, и потому я решил жить здесь, в настоящем лесу, окруженный только зверьем. Слава богу, что есть еще места на Земле, обитатели которых имеют столь куцые и спокойные мозги. Зато в их головах нет смертоносных планов и лжи. Садись сюда, парень, ты очень долго шел, и ноги твои устали.

Фальк присел на деревянную скамью у очага.

— Спасибо вам за гостеприимство, — сказал он.

Он уже хотел назвать свое имя, но старик опередил его.

— Не трудись, парень. Я могу дать тебе уйму вполне пристойных имен: Желтоглазый, Чужеземец, Гость — любое, какое только пожелаешь. Помни о том, что я Слухач, а не мыслепередатчик. Мне не нужны слова или имена. Я сразу ощутил, что где-то там, во тьме, мыкается одинокая душа, и я знаю, что мое освещенное окно ослепило твои глаза. Разве этого недостаточно? Мне не нужны имена. А мое имя — Самый Одинокый. Верно? А теперь подвигайся поближе к огню и грейся.

— Мне уже тепло, — запротестовал Фальк.

Седые космы старика хлопали по его плечам, когда он, проворный и хрупкий, сновал то туда, то сюда. Плавно текла его гладкая речь. Он никогда не задавал настоящих вопросов и ни на мгновение не останавливался, чтобы услышать ответ. Он не ведал страха, и было невозможно бояться его.

За много дней Фальк впервые отдыхал не в лесу. Ему не нужно было думать о погоде, о темноте, о зверях и деревьях. Он мог удобно сидеть, вытянув ноги к жаркому огню, мог есть вместе с кем-то, мог вымыться у огня в деревянной лохани, наполненной горячей водой. Он не знал, что доставляет ему большее удовольствие — тепло воды, смывавшей грязь и усталость, или тепло, омывавшее здесь его душу, бестолковая болтовня старика, чудесная вязь, прихотливость людского разговора после долгого молчания в пустыне.

Он принимал на веру все, что говорил старик, потому что тот был способен ощущать все эмоции и чувства Фалька, так как он был Эмпатом-сопереживателем. Эмпатия по отношению к телепатии была тем же, что осязание по отношению к зрению. Более неясное, более примитивное и более пытлиное чувство. Ей не надо было обучаться так, как обучаются телепатии. Непроизвольная, сознаваемая эмпатия вовсе не была редкой даже среди нетренированных. Слепая Кретьян путем тренировок научилась воспринимать мысли, имея такой дар. Фальк быстро понял, что старик по

сути дела постоянно осознает почти все, что чувствует и ощущает его гость. Почему-то это не беспокоило Фалька, как тогда, когда наркотик Аргарда открыл его мозг для телепатического проникновения, что привело его в бешенство. Разница была в намерениях и еще в чем-то.

— Сегодня утром я убил курицу, — сказал он, когда старик умолк, согревая для него полотенце очагом. — Она говорила на нашем языке. Некоторые слова были из Закона. Означает ли это, что здесь есть кто-нибудь поблизости, кто мог бы научить зверье и птиц нашему языку?

Даже когда он вымылся в лохани, он не мог еще расслабиться настолько, чтобы произнести имя Врага, особенно после урока, преподанного ему в Доме Страх.

Вместо ответа старик просто спросил:

— Ты съел эту курицу?

— Нет.

Фальк покачал головой, насухо вытираясь полотенцем так, что кожа его покраснела.

— Я не стал ее есть, раз она заговорила. Вместо этого я настрелял кроликов.

— Убил и не съел? И тебе не стыдно, парень? — раскудаhtался старик. — Есть ли у тебя благоговение перед жизнью? Ты должен понимать Закон. Он гласит, что без нужды, просто так убивать нельзя. Помни об этом в Эс Тохе. Ты уже сухой? — спросил он более примирительно. — На, прикрой свою наготу, Адам из Канона Яхве. Завернись вот в это. Моя работа поглубже будет — это всего лишь оленья шкура, выделанная в моче, но, по крайней мере, она чистая.

— Откуда вы знаете, что я собираюсь в Эс Тох? — спросил Фальк, закутываясь в мягкий кожаный балахон, как в тогу.

— Потому что ты не человек, — сказал старик. — И не забывай о том, что я Слухач. Мне известна направленность твоих мыслей, чужестранец. Север и юг — туманные понятия для тебя. Далеко позади на востоке утраченный яркий свет. На западе лежит тьма, суровая гнетущая тьма. Слушай меня, потому что я не хочу слушать тебя, мой дорогой гость, идущий во тьме на ощупь. Если бы я хотел выслушивать людские разговоры, я бы не жил здесь среди диких свиней сам, как дикий кабан. Я должен был это сказать, прежде чем пойду спать. Прими это как главную новость и мудрый совет. Помни об этом, когда ступишь в ужасающую тьму ярких огней Эс Тох. Тебе это может пригодиться. А теперь забудь и о востоке, и о западе и ложись-ка спать. Бери себе кровать. Я противник показной роскоши и довольствуюсь простыми радостями бытия, такими, как кровать для сна. И компанией какого-нибудь человека раз в год или в два... Хотя и не могу сказать, что мне не хватает людского общества, как тебе: Я один, но не одинок.

Он соорудил себе постель на полу и стал цитировать строки Нового Канона:

— Я одинок не более, чем ручей у мельницы или петух на флюгере,

или полярная звезда, или южный ветер, или апрельский дождь, или январская оттепель, или первый паучок в новом доме. Я одинок не более, чем утка в пруду, которая громко смеется, или сам Уолденский пруд...

Тут он пожелал гостю спокойной ночи и умолк.

В эту ночь Фальк спал так крепко и долго, как еще никогда не спал с начала своего путешествия.

В хижине у реки он пробыл еще два дня и две ночи. Хозяин принимал его очень радушно, и гость нашел, что ему трудно покинуть эту маленькую обитель тепла, света и общения. Старик редко прислушивался к его вопросам и никогда на них не отвечал, но в его поистине неиссякаемой болтовне проскальзывали некоторые факты и намеки. Он знал путь отсюда на Запад, и что может на нем повстречаться. Но на каком расстоянии отсюда это может находиться — Фальк так и не понял. Как далеко до Эс Тоха? Что находится дальше этого города? Сам Фальк не имел об этом ни малейшего представления, он уяснил только то, что в конце концов можно выйти к Западному Морю, за ним лежит Великий Континент, обойдя вокруг которого можно попасть в Восточное Море и в Лес. То, что Мир — круглый, люди знали, но никаких карт у них не осталось.

Фальку казалось, что старик мог бы попробовать нарисовать карту. Но откуда взялось такое предположение, он вряд ли понимал, потому что Слухач никогда прямо не говорил о том, что он сам делал или что видел за пределами своей крохотной прогалины на речном берегу.

— Приглядывайся к курам, идя вниз по реке, — сказал он однажды как бы между прочим. — Некоторые из них умеют говорить, другие могут слушать, вот как мы с тобой. Я говорю, а ты слушаешь, потому, разумеется, что я — Слухач, а ты — Вестник. Чертова логика. Помни о курах и не доверяй тому, что они поют. Петухам можно доверять больше — они слишком заняты своим кукареканьем. Иди один. Вреда тебе от этого не будет. Передавай от меня привет всем Правителям и Странникам, которых ты встретишь, особенно Ханстреллам. Между прочим, прошлой ночью мне в голову пришла мысль, что ты достаточно поупражнялся в ходьбе и мог бы взять мой слайдер. Путь не близкий, зачем, спрашивается, зря утруждать ноги? Я совсем забыл о том, что он у меня есть. Он мне без надобности, поскольку я не собираюсь покидать это место, разве что... после моей смерти. Я надеюсь, что сюда кто-нибудь забредет и похоронит меня или хотя бы оттащит мое тело в лес на съедение зверям и букашкам. Меня не прельщает перспектива сгнить здесь, в этом доме, после стольких лет, когда я содержал это место в такой чистоте. В лесу пользоваться слайдером ты, конечно, не сможешь, но если ты будешь спускаться по реке, тогда он тебе пригодится. А при переправе через Внутреннюю Реку слайдер будет просто необходим. Если захочешь его взять, он в наклонной башне. Мне он не нужен.

Сходная философия была и у обитателей Дома Катола, ближайшего к Дому Зоува поселения. Фальк знал, что одним из их принципов было

жить, стараясь по возможности не пользоваться механическими приспособлениями. То, что этот старик, живя гораздо примитивнее, чем они, разводил птицу и выращивая овощи, потому что у него не было даже ружья для охоты, имеет такой продукт сложной технологии, как слайдер, показалось Фальку странным и заставило его в первый раз взглянуть на хозяина дома с некоторым сомнением.

Слухач захихикал, чмокая губами.

— У тебя никогда не было оснований доверять мне, парнишка-чужестранец. А у меня — тебе. Ведь в конце концов многое можно утаить даже от самого чуткого Слухача. Человек может в своем мозгу прятать многое даже от самого себя, так что другие уж вовсе не смогут пробраться в его мысли. Возьми слайдер. Я уже свое отпутешествовал. Слайдер рассчитан только на одного, а ты как раз идешь один. Я думаю, что тебе предстоит еще очень долгий путь, который ты вряд ли сможешь довести до конца, если пойдешь пешком. И даже на слайдере...

Фальк не решился задать еще один вопрос, но старик ответил на него встречным вопросом.

— Может быть, тебе лучше вернуться домой, малыш?

Расставаясь с ним на заре, Фальк с грустью и благодарностью протянул ему свою руку, как Главе Дома — так его учили поступать в подобных случаях. Но одновременно с этим он еле слышно произнес слово «тмокнул».

— Каким это именем ты назвал меня, Вестник?

— Оно означает... Я думаю, что оно означает «отец».

Слово это нечаянно вырвалось из его уст. Он не был уверен в его точном значении и не имел представления, какому языку оно принадлежало.

— Прощай, бедный, доверчивый дурачок! Говори всегда правду и знай, что в правде твое освобождение. А может быть, и нет, все зависит от случая. Иди один, глупыш! Так, наверное, будет для тебя лучше. И помни, что мне будет очень не доставать твоих мыслей. Прощай. Рыба и гости начинают пованивать на четвертый день. Прощай!

Фальк поднялся на крыло слайдера и заглянул внутрь аппарата. Внутренняя поверхность кабины была причудливо украшена объемным орнаментом из титановой проволоки. Орнамент скрывал все, кроме приборов управления, но Фальк уже пользовался аппаратом подобного типа в Доме Зоува, и потому сомнений насчет управления машиной у него не возникало.

Удобно усевшись в кресле водителя, он быстро изучил приборную доску, прикоснулся к левому управляющему сектору, переместил свой палец вдоль него, и слайдер бесшумно поднялся чуть больше чем на полметра. Следующим движением Фальк заставил аппарат заскользить по двору к берегу реки, пока он не воспарил над ледяной пеной заводи, у которой стояла хижина: Он оглянулся, чтобы помахать старику, но тот уже исчез с порога, закрыв за собой дверь. Когда Фальк направил свой бесшумный челн по широкому темному проспекту реки, над ним сомкнулась величественная тишина.

Ледяной туман собирался густыми клубами впереди и позади него, висел среди деревьев, по берегам. И земля, и деревья, и небо — все было серым ото льда и тумана. Только воды, над которыми он скользил, были темными. Когда на следующий день пошел снег, снежинки казались черными точками на фоне неба и превращались в белые у самой воды, прежде чем исчезнуть в бесконечном потоке.

Такой способ передвижения был вдвое быстрее, чем ходьба, и намного безопаснее и легче — настолько легким, что однообразие действовало как гипноз.

Фальк был рад выйти на берег, когда было необходимо поохотиться или встать на ночевку. Водяные птицы сами давались ему в руки, животные, спускавшиеся к воде на водопой смотрели на него, как будто скользящий мимо них человек на слайдере был чем-то вроде аиста или цапли, и подставляли свои беззащитные тела под дуло его охотничьего пистолета. Ему оставалось только освежать добычу, разделить ее на куски, приготовить, поест и соорудить себе небольшой шалаш из сучьев и коры на случай снега или дождя, закрыв его сверху вместо крыши слайдером... На заре он съедал оставшееся с вечера мясо, запивал его водой из реки и отправлялся дальше.

Чтобы скоротать бесконечные часы, он забавлялся слайдером: поднимал его метров на пять вверх, где ветер и толща воздуха делали ненадежной воздушную подушку, и наклонял его до критической точки, а затем выравнивал крен своим весом и рычагами управления; или глубоко зарывал аппарат в воду, поднимая за собой белые буруны, так что слайдер рывками неся вперед, непрерывно шлепаясь о поверхность воды, и, встречая сопротивление, становился на дыбы, как самец-олень во время гона. Несколько раз он падал в воду, но это не отвратило Фалька от таких развлечений: он отлично знал, что автоматика машины была настроена таким образом, что в том случае, когда она становилась неуправляемой, всякое движение прекращалось, и машина зависала на высоте в четверть метра, так, что Фальку оставалось только влезть в нее, добраться до берега и развести костер, чтобы осушиться, или же просто продолжать свой путь, не обращая внимания на такие пустяки. Его одежда была водонепроницаема и от купания в реке он промокал не больше, чем от дождя. Зимняя одежда сохраняла его тепло, но все же по-настоящему тепло ему никогда не было. Костры служили главным образом для приготовления пищи. После бесконечных длинных дней с дождем и туманом едва ли во всем Восточном Лесу хватило бы сухих дров, чтобы развести настоящий костер.

И вот однажды, совершив очередной крутой поворот в воздухе и с плеском плюхнувшись в воду, он заметил далеко впереди шедшую ему навстречу лодку. С каждого судна другое было видно, как на ладони, и проскользнуть незамеченным не было ни малейшей возможности. Держа пистолет в руке, Фальк распростерся на дне слайдера и повернул к правому берегу, идя на высоте трех метров, чтобы иметь более выгодное положение по сравнению с людьми в лодке.

Они спокойно плыли против течения, поставив один небольшой треугольный парус. Когда расстояние между лодками сократилось, Фальк смог отчетливо различить звуки пения, несмотря на то, что ветер дул вниз по течению.

Они подошли еще ближе, не обращая на него никакого внимания и продолжая петь.

На протяжении всей его короткой памяти музыка всегда и привлекала его, и вызывала страх, наполняя его чувством какого-то мучительного восторга, доставляя наслаждение, близкое к пытке. При звуке поющего человеческого голоса он особенно сильно чувствовал, что он не человек, что эта игра ритма, высоты звука и такта абсолютно чужды ему, что это не что-то забытое им, а совершенно новое для него, что это лежит вне шкалы его представлений.

Но именно эта необычность привлекала его в музыке, и теперь он бесознательно замедлил слайдер, чтобы послушать.

Пели четыре или пять голосов, то все вместе, то по отдельности, то в различных сочетаниях, создавая удивительно гармоническое целое, чего ему никогда прежде не доводилось слышать. Слов он не понимал. Казалось, что весь лес, мили серой воды и серого неба слушают вместе с ним это звенящее, берущее за душу чудо, это свидетельство человеческого величия.

Песня утихла, сменилась тихим разговором и смехом. Теперь лодка и слайдер были почти на одной линии, разделяемые сотней метров воды. Высокий стройный человек, стоя во весь рост у руля, окликнул Фалька — его чистый голос разнесся звонким эхом над речной гладью, но Фальк ничего не понял.

В свинцовом свете зимнего дня волосы у рулевого и четырех или пяти его спутников отливали червонным золотом.

Наклоняя вперед свои сильные тела, они смеялись и манили его к себе. Он не мог точно разобрать, сколько людей находится в лодке. В какой-то миг одно лицо стало видно совершенно отчетливо — лицо женщины, пристально следившей за ним.

Как замороженный, Фальк остановил свой слайдер и завис над поверхностью воды. Лодка тоже, казалось, перестала двигаться.

— Следуй за нами, — снова позвал мужчина.

На этот раз, узнав язык, Фальк понял его. Это был старый язык Лиги — Галакт. Как и все обитатели Леса, Фальк научился ему с магнитных лент и книг, потому что все документы, сохранившиеся со времен Великой Эры, были записаны на нем, и он служил средством общения людей, говоривших на разных языках. Диалекты, на которых говорили обитатели Леса, также происходили из Галакта, но за тысячи лет очень далеко ушли от него, и теперь языки отдельных Домов сильно отличались друг от друга. Как-то раз к Дому Зоува пришли путешественники с берегов Восточного Леса, говорившие на столь отличном языке, что легче оказалось объясняться с ними при помощи Галакта, и только тогда Фальк услышал

его как живой, произносимый человеком, язык. Во всех остальных случаях это был голос звуковых книг или шепот гипнотических лент, раздававшийся в его ушах в темноте долгой зимней ночи или длинного серого вечера. Архаичный, почти иллюзорный язык звучал сейчас совсем по-другому в звонком голосе рулевого.

— Следуй за нами, мы идем в город.

— В какой город?

— В наш собственный, — отозвался рулевой.

Он рассмеялся.

— В город, который радушно встречает путешественников, — отозвался другой со смехом.

Вслед за ним рассмеялись еще несколько человек — звонким чистым смехом.

— Тем, кто не таит против нас злого умысла, нечего нас бояться!

Женщина тоже засмеялась и крикнула:

— Выходи из пустыни, путник, и послушай наши песни.

— Кто вы? — крикнул он.

Дул резкий ветер, река мощно катила свои воды. Лодка и слайдер оставались на своих местах, как бы разочарованно глядя друг на друга, разделенные воздухом и водой.

— Мы — люди!

И сразу исчезло все очарование, как будто его сдул легкий порыв восточного ветерка. Фальк снова испытал то чувство, какое у него было, когда подбитая птица билась в его руках и выкрикивала человеческие слова своим пронзительным нечеловечьим голосом.

Теперь, как и тогда, его пронзил холод, и он, не колеблясь, не раздумывая, прикоснулся к серебристому рычагу управления и послал слайдер на полной скорости вперед.

Хотя теперь ветер дул в его сторону, он не услышал звуков с той стороны, где была лодка, и когда через несколько мгновений, он замедлил ход и оглянулся, лодки он не увидел. На поверхности реки вплоть до самого поворота вдали ничего не было.

После этого Фальк уже больше не предавался шумным играм со слайдером и двигался вперед как можно быстрее и тише. Ночью он не разводил костра, сон его был тревожным.

Но что-то из испытанного им очарования все же осталось. Сладкие голоса говорили о городе, «алона» на древнем языке, и, скользя вниз по реке, один среди пустынных берегов в метре над черной водой, Фальк вслух шептал это слово. «Алона», место человека.

Там собирались вместе неисчислимые толпы людей, не один Дом, а тысячи домов — средоточие башен, стен, окон, улиц и тех открытых мест, где встречались улицы, где были расположены, как об этом говорилось в книгах, дома для торговли. В этих домах производились и продавались самые изощренные творения человеческих рук. Там пролегли правительственные дороги, где сильные мира сего встречались для того, чтобы

обсудить свои великие деяния. Там, в этом городе, были огромные поля, с которых корабли стартовали к иным мирам. Разве было на Земле что-нибудь более замечательное, чем эти Места Людей.

Теперь это все давно уже исчезло. Оставался только Эс Тох, обитель Лжи.

Во всем Восточном Лесу не было ни одного города, не было башен из бетона, стекла и стали, наполненных живыми существами, башен, которые бы вздымались над болотами и зарослями ольхи, над кроличьими норами и оленьими тропами, над заброшенными дорогами, обломками полупогребенных развалин.

И все же видение города непрерывно стояло перед глазами Фалька, как память о чем-то таком, чего он никогда не видел. Об этом он судил по силе наваждения, по силе той иллюзии, которая слепо толкала его вперед, на Запад, и ему казалось, что она исходит откуда-то оттуда, из источника, расположенного именно в том направлении.

Шло время, и в один из серых дней перед ним раскрылся во всю ширь новый мир — необозримая гладь вод под обширным небом — место слияния Лесной Реки с Внутренней Рекой. Неудивительно, что он слышал о Внутренней Реке, даже несмотря на глубокое невежество, порожденное сотнями миль расстояния от этой реки до дальних холмов и Домов Восточного Леса. Река была столь грандиозной, что даже Синги не могли утаить ее. Фальк пересек место слияния вод, высадился на западном берегу и впервые на своей памяти очутился вне Леса.

К северу, западу и югу простиралась холмистая равнина, покрытая во многих местах группами деревьев и зарослями кустов. Фальк сразу понял, куда он попал. Напрягая зрение, он вглядывался на запад, стремясь увидеть там горы. Считалось, что эта открытая местность простиралась на небольшое расстояние, но насколько — этого в Доме Зоува не знали.

Гор не было видно, но в этот вечер он увидел край мира, где тот соприкасался со звездным миром. Фальк никогда раньше не видел горизонта — в его памяти все было закрыто переплетением ветвей и листьев. Теперь же ничто не скрывало от него звезды.

Все, что было вокруг, напоминало гигантскую чашу, на дне которой он находился, а над ним — необозримый небесный свод.

Он провел без сна добрую половину ночи и проснулся на заре, когда восточный край мира озарился первыми лучами солнца.

Теперь ему приходилось двигаться вперед только по компасу. Больше уже не задерживаемый частыми изгибами реки, он держал свой путь напрямик. Управление слайдером перестало быть скучным.

Частые подъемы и спуски, овраги и скалы требовали от него неослабного внимания. Ему нравилась открытая ширь неба и прерии. Его одиночество теперь было источником своеобразного удовольствия, поскольку он был один в таких обширных владениях. Погода стояла теплая, и чувствовалось, что зима на исходе.

Мысленно возвращаясь в Лес, он ощущал себя как бы вышедшим из удушливой таинственной мглы на свет и воздух, и прерия казалась ему одной огромной Поляной. Дикий бурый скот стадами в десятки тысяч голов покрывал равнину, словно тени от проплывавших в вышине облаков. Почва повсеместно была темной, на ней росли растения с тонкими узкими жесткими листьями. И повсюду — на земле, над ней и под ней — сновали и копошились маленькие животные: кролики, барсуки, зайцы, мыши, дикие коты, кроты, антилопы, желтые собаки, множество потомков домашних животных рухнувшей цивилизации. Открытое пространство постоянно продувалось ветрами. В сумерки вдоль различных водоемов располагались на ночлег стаи белых цапель, и в воде гротескно отражались длинные ноги и вытянутые приподнятые крылья.

Почему люди больше не путешествуют ради того, чтобы посмотреть на мир, в котором живут, удивлялся Фальк, сидя у костра, мерцавшего, как маленький рубин, среди невообразимо огромных сумерек прерии. Почему такие люди, как Зоув и Маток, хоронятся в лесах, никогда не покидая их, чтобы хоть раз в жизни взглянуть на великолепный простор Земли? Теперь он узнал нечто такое, чего они, которые научили его всему, не знали: человек может сам видеть, как его планета движется среди звезд.

Вот так он и двигался сквозь холодный северный ветер, управляя слайдером с немалым искусством, теперь уже ставшим для него привычным. К югу от того курса, которого он придерживался, почти половина прерий была покрыта стадами дикого скота, и каждое из тысяч и тысяч животных стояло на ветру, низко опустив свою морду. Между ним и стадами трава гнулась на ветру, и тут он увидел... Да, он увидел, что навстречу ему летит какая-то птица, совершенно не взмахивая при этом крыльями. Этот скольльзящий полет поразил Фалька. Удивление его еще больше усилилось, когда он немного изменил свой курс, чтобы обогнуть небольшой холм. Без единого взмаха крыльев птица тоже изменила направление полета и пошла наперерез. Она двигалась очень быстро, стремительно приближаясь к нему.

Внезапно его охватила тревога, и он стал махать рукой, чтобы отпугнуть животное. Поняв, что его усилия напрасны, он попытался изменить курс, но было уже поздно. За миг до того, как птица ударила его, он увидел ее безликую голову и был ослеплен блеском чего-то металлического. Затем последовал толчок, скрежет и вызывающее тошноту падение вниз. Фальку казалось, что этому падению не будет конца.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Старуха Кесснокати говорит, что должен пойти снег, — раздался голос его подруги. — Мы должны быть готовы, чтобы не упустить такую возможность. Нам просто необходимо сейчас бежать...

Фальк ничего не ответил и продолжал сидеть, прислушиваясь к шуму

стойбища — голоса, говорившие на чужом языке, приглушенные расстоянием, сухой звук скребка о шкуру, плач ребенка, потрескивание огня в шатре.

— Хоррассали!

Кто-то снаружи позвал его, он быстро встал и замер на месте. Подруга схватила его за руку и повела туда, куда его звали — к общему костру в центре круга, образованного шатрами, где жарили целого быка, праздная удачную охоту. В его руку сунули кусок мяса. Он сел на землю и начал есть. Сок и растаявший жир бежали по его челюстям и по подбородку, но он не обращал на это внимания. Это означало бы уронить достоинство охотника общины Мзурра племени баснассков. Несмотря на то, что он был здесь чужаком, пленником, он был охотником и довольно быстро понял, как надо себя вести.

Чем больше было запретов в каком-нибудь обществе, тем больше было в нем конформистов. Люди, среди которых он оказался, шли узким, извилистым и ограниченным путем по широкому пространству прерии. И пока он находился среди них, он тоже должен был слепо следовать всем изгибам их пути. Еда племени баснассков состояла из свежего полусырого мяса, сырого лука и крови. Дикие погонщики дикого скота, люди этого племени, подобно волкам, отбраковывали слабых, ленивых и непригодных животных из своих огромных стад. Это было нескончаемое пиршество, жизнь без отдыха. Они охотились с помощью ручных лазеров и обороняли свою территорию от чужаков с помощью птиц-бомб, одна из которых и повредила слайдер Фалька. Это были узкие снаряды, запрограммированные на попадание в цель, принцип действия которых основывался на использовании ядерной энергии. Люди племени баснассков не производили и не ремонтировали сами свое оружие. Они пользовались им только после обряда очищения и длительных заклинаний.

Откуда они его добывали, Фальк пока еще не определил, хотя слышал случайное упоминание о ежегодных паломничествах, которые могли быть связаны с появлением у племени оружия.

Люди племени не знали земледелия и не держали домашних животных. Они были неграмотны и знакомы с историей человечества только по мифам и легендам о героях. Они уверяли Фалька, что он не мог выйти из Леса, так как в Лесу живут только огромные страшные змеи. Они исповедовали монотеистическую религию, среди обрядов которой были членовредительство, кастрация и человеческие жертвоприношения.

Только благодаря одному из суеверий их сложной религии они решили оставить Фалька в живых и принять его в племя.

Обычно таким пленникам вырезали желудок и печень, чтобы дать работу жрецам, а тело оставляли женщинам, чтобы они разрезали труп на куски, как им заблагорассудится. Но поскольку при нем был лазер, его статус должен был быть выше статуса раба. За неделю до его поимки в общине Мзурра умер старик. Поскольку в племени не оказалось безымянного младенца, которому можно было бы дать его имя, им нарекли пленника, который хоть и был слеп, изуродован и лишь временами приходил в сознание,

все же был лучше, чем ничего. Они верили, что до тех пор, пока старый Хоррассали сохраняет свое имя, его призрак, носитель зла, как и все призраки, будет возвращаться к племени и беспокоить живущих. Поэтому имя было отобрано у призрака и передано Фальку, а заодно был произведен и обряд посвящения в охотники. Церемония эта включала в себя бичевание, вызывание рвоты, танцы, толкование снов, татуирование, двухголосное пение, совокупление всех мужчин по очереди с одной и той же женщиной, пиршество, и, наконец, длящиеся всю ночь заклинания, чтобы Бог хранил нового Хоррассали от всяческих бед. После этого его оставили на лошадиной шкуре в шатре из бычьих шкур в состоянии бреда, не оказывая никакой помощи — он должен был или умереть, или выздороветь. А дух прежнего Хоррассали в это время уходил в степь, гонимый ветром, безымянный и обессиленный. Женщина, ходившая за ним и перевязывавшая его раны после того, как он пришел в сознание, теперь старалась как можно реже попадаться ему на глаза. Он видел ее всего несколько раз и то мельком, приподняв в уединении шатра повязку, которую она ловко наложила на его глаза, как только его приволокли в племя. Если бы баснасски увидели его желтые глаза, они тут же отрезали бы у него язык, чтобы он не мог назвать своего имени, а затем сожгли бы его живьем. Она рассказала ему об этом, так же как и о многом другом, что полагалось знать, живя в племени. Зато о себе она почти ничего не рассказывала. По-видимому, она была в племени ненамного дольше, чем он. Он уловил только, что она заблудилась в прериях и решила, что лучше присоединиться к племени, чем умереть с голоду.

Баснасски с удовольствием принимают в племя рабынь, для мужчин племени, и поэтому ее милостиво оставили в живых. К тому же она оказалась искусной во врачевании, что выяснилось чуть позже.

У нее были рыжеватые волосы и нежный голос. Звали ее Эстрел. Больше ничего не было известно о ней. Сама же она ничего у него не спрашивала, даже его имени.

По зрелому размышлению, он понял, что отделался сравнительно легко. Топливо, на котором работал его слайдер, полученное при ядерном распаде одного из элементов, не имело тенденции ни гореть, ни взрываться. У аппарата были повреждены только органы управления, и самому Фальку досталось больше. Голова и грудь были сильно изранены, но Эстрел постаралась выходить его. К тому же у нее было еще и немного медикаментов. Заражения крови не последовало, и он стал быстро выздоравливать. Уже через несколько дней после его кровавого крещения, они начали планировать побег.

Но дни шли за днями, а возможности все не представлялось. Жизнь была жестко регламентирована у этих осторожных подозрительных людей. Все их поступки определялись обычаями, обрядами и табу. Хотя у каждого охотника был свой лазер, женщин держали всех вместе, и все, что делал мужчина, делали и все остальные. Это была не столько община, сколько стадо — все были взаимосвязанными членами единого целого.

В таких условиях любая попытка добиться независимости или уединения, разумеется, сразу же вызывала подозрения. Фальку и Эстрел приходилось использовать любую возможность поговорить хоть минуту. Она не знала диалекта Леса, но они могли говорить на Галакте, который среди людей племени баснассков был в ходу лишь в виде ломаного жаргона.

— Теперь попытка возможна, если только начнется метель, — сказала она однажды. — Тогда снег скроет от преследователей и нас, и наши следы. Но как далеко мы сможем уйти? Правда, у тебя есть компас, но стужа...

У Фалька отобрали его зимнюю одежду, и все остальные вещи, включая золотое кольцо, которое он всегда носил на руке. Ему оставили только пистолет — это было неотъемлемой частью его охотничьего снаряжения и потому не подлежало конфискации. Но одежда, которая служила ему так верно, теперь прикрывала торчавшие ребра и кожу старого охотника Кассиокаши. Компас у Фалька остался только потому, что Эстрел выкрала его и спрятала еще до того, как они стали рыться у него в мешке. И он, и она были одеты в куртки и штаны из бычьих шкур, но этой одежды было недостаточно, чтобы выдержать метель в прериях, когда ветер сбивает с ног и обдаёт все тело ледяной крупой. Для этого нужны были стены, крыша над головой и очаг.

— Если бы мы смогли попасть на территорию самонтов, всего лишь в нескольких милях к западу отсюда, мы могли бы затаиться в одном Старом Месте, которое я знаю, и сидеть там, пока они не откажутся от попыток нас найти. Я уже подумывала об этом еще до твоего появления здесь. Но у меня не было компаса, и я наверняка бы заблудилась в пургу. Теперь же, имея компас и пистолет, можно было бы рискнуть...

— Если это единственная возможность, — заметил Фальк, — то мы обязаны воспользоваться ею.

Он уже не был таким наивным, каким был до пленения, не был преисполнен надежд и подвержен чужому влиянию. Теперь он стал более стойким и непоколебимым. Хотя он сильно страдал, находясь в заточении, он не питал к людям племени никакой злобы. Они заклеили раз и навсегда его руку синим узором татуировки, которая должна была свидетельствовать о его родстве с ними, заклеили его как варвара, но тем не менее как человека! В этом не было ничего дурного.

Но у них были свои дела, а у него — свои. Суровый характер, воспитанный в Лесном Доме, требовал освобождения, требовал продолжения путешествия, того, что Зоув называл «мужской работой». Эти же люди не двигались никуда и неизвестно откуда пришли, потому что обрубали свои корни в человеческом прошлом. И не только чрезвычайная рискованность его существования среди баснассков делала его нетерпеливым в стремлении выбраться отсюда. Главное — чувство затхлости, несвобода в передвижениях и поступках, что было нестерпимее, чем повязка, мешавшая ему смотреть на окружающий мир.

В этот вечер Эстрел пришла к нему в шатер, чтобы сказать, что пошел снег.

Они шепотом составляли план побега, когда у полога шатра внезапно раздался голос. Эстрел быстро перевела сказанное:

— Он говорит: «Слепой охотник, ты хочешь на сегодняшнюю ночь Рыжую?»

Она не добавила каких-либо разъяснений, но Фальк уже знал правила и этикет дележа женщин, принятые в племени, как назло в это время его ум был поглощен тем, о чем они говорили, и потому для ответа он воспользовался наиболее полезным словом из тощего словаря баснассков: «Мисч!», что означало «Нет!»

Мужской голос возле шатра произнес еще что-то повелительным голосом.

— Если снег будет продолжать идти, то, может быть, завтра ночью, — прошептала Эстрел на Галакте, — мы сможем осуществить задуманное.

Все еще размышляя о будущем побеге, Фальк ничего не сказал. Он только отметил про себя, что женщина поднялась и вышла, оставив его одного в шатре. И тут он понял, что Рыжей была именно она, и что другой мужчина хотел провести с нею ночь.

Он мог бы запросто сказать вместо слова «нет» слово «да»! Он оказался несостоятельным, не сумел избавить ее от этой постыдной обязанности. То, что эта обязанность была для нее постыдной, он знал очень хорошо. Кроме того, он только сейчас понял, что словом «нет» он унизил себя и как ее друг, и как мужчину.

— Мы уйдем сегодня ночью, — сказал он на следующий день, стоя на снегу перед Женским Шатром. — Приходи ко мне. У меня переждем первую половину ночи, а потом двинемся в путь.

— Коктеки велел мне сегодня прийти к нему в шатер.

— А ты не сможешь улизнуть?

— Попробую.

— Где его шатер?

— Позади шатра общины Мзурра, чуть левее. У него на пологе пятно крови.

— Если ты не сможешь прийти, я приду туда сам, чтобы увести тебя.

— Может быть, в другой вечер будет не так опасно?

— И не будет снега? Не забывай, что зима кончается. Может быть, это последняя сильная вьюга. Мы просто должны уйти сегодня. Ты понимаешь, должны!

— Я приду в твой шатер, — сказала она покорно с ноткой презрения в голосе.

В это утро он сделал небольшую дырку в своей повязке, чтобы видеть происходящее, и сейчас с интересом посмотрел на нее, но при тусклом свете раннего утра она была лишь серым контуром на сером фоне.

Она пришла поздно ночью, будто дуновение ветра вошло в его шатер. Каждый из них приготовил все, что нужно было взять с собой. Никто из них не разговаривал. Фальк застегнул свою куртку из бычьей кожи, натянул на голову капюшон и плотно завязал тесемки. Он наклонился, чтобы откинуть полог шатра, и тут же отскочил в сторону, так как снаружи в

шатер стал протискиваться, вдвое согнувшись, Коктеки, могучий охотник с бритой головой, который очень ревниво относился к своему статусу и к своим мужским способностям.

— Хоррассали! Эта Рыжая... — начал он, разглядев ее при слабом свете угольков. В то же мгновение он увидел, как одеты она и Фальк, и тут же разгадал их намерения. Он отпрянул назад и уже открыл было рот, чтобы закричать. Не задумываясь, Фальк быстро и решительно нажал на спуск своего пистолета, и крик так и не сорвался с уст Коктеки. В один миг лазерный луч выжег его рот и мозг, оборвав его жизнь.

Фальк бросился к женщине, схватил ее за руку и помог переступить через тело убитого.

Снаружи валил сильный снег. Ветер кружил снежинки, холод затруднял дыхание. Эстрел тихонько всхлипывала.левой рукой он сжимал ее запястье, в правой держал лазер. Фальк двинулся на запад, осторожно прокладывая путь среди шатров. Через несколько минут они уже скрылись из вида. Вокруг не было ничего, кроме ночи и снега.

Ручные лазеры Восточного Леса были предназначены для выполнения нескольких функций: рукоятка служила зажигалкой, а ствол мог быть превращен в не слишком яркий фонарик. Фальк настроил свой пистолет так, чтобы луч света мог осветить стрелку компаса и окружающее пространство не более чем на несколько шагов. Они решительно двинулись в путь.

На длинном пологом склоне, где было расположено стойбище баснасков, снежный покров был сдут ветром, но по мере того, как они продвигались вперед, снег становился все более глубоким, особенно в низинных местах. Метель, казалось, смешала воздух и землю в одну сплошную массу. На их пути попадались сугробы высотой до полутора метров, которые приходилось преодолевать, так, как будто они плыли по стремнине.

Фальк вытащил ремень из сыромятной кожи, которым был завязан его капюшон, намотал его на руку и дал Эстрел другой конец. Он пошел впереди, прокладывая ей путь. Один раз она упала, и от рывка натянувшегося ремня он тоже едва не упал. Обернувшись, он несколько мгновений шарил фонариком, прежде чем увидел, что она лежит, распростершись почти у самых его ног. Он сел на колени и в бледном, прорезаемом снежинками круге света впервые отчетливо рассмотрел ее лицо. Ее губы беззвучно шевелились. Он наклонился к ней и разобрал бессвязные слова:

— Нет... я не ожидала...

— Попробуй немного отдышаться. Полежи, не спеши вставать! В этой впадине мы защищены от ветра. — Фальк пытался хоть немного ее успокоить.

Они оба припали к земле, и вокруг них на многие сотни миль во все стороны был слышен только вой вьюги во мгле. Она что-то шептала, сначала он не разобрал что.

— Зачем ты убил этого человека?..

Фальк был расслаблен, чувства его были притуплены: он сейчас набирал сил для следующей стадии их трудного побега и ничего не ответил.

Лишь спустя некоторое время он прошептал:

— Не знаю... Так вышло.

Лицо ее было бледно и искажено гримасой страха. Фальк оставил без внимания ее слова. Она слишком сильно замерзла, чтобы можно было отдышать дольше. Он поднялся и притянул ее к себе.

— Идем. До реки осталось не так далеко.

Но оказалось, что путь туда гораздо дольше, чем он думал. Она пришла к нему в шатер, спустя несколько часов после наступления темноты. На языке Леса значение слова «час» было неточным и, скорее, оценочным: людям, не имеющим средств сообщения через пространство и время, было ни к чему точное времяисчисление. Тем не менее Фальк знал, что впереди еще долгая зимняя ночь. Они упорно шли вперед — и ночь шла вместе с ними.

Когда первые блики зари окрасили кружившиеся черные снежинки, они с трудом сползли по склону, покрытому мерзлой спутанной травой и некрупными камнями. Прямо перед Фальком возникла могучая мычащая туша. Затем они услышали мычание еще одной коровы или быка, и через минуту-другую все пространство вокруг них заполнили огромные мычащие создания с белыми мордами и дикими влажными глазами, в которых отражался утренний свет и покрытые снегом холмы. Они прошли сквозь стадо и оказались на берегу небольшой речки, которая отделяла территорию племени баснасков от территории, населенной самситами. Река была неглубокая и быстрая, не замерзающая даже в большие морозы. Им пришлось перебираться через нее вброд. Течение стремилось сбить их с ног, скинуть со скользких камней, холод сковывал суставы, обжигал все тело. Когда вода дошла им до пояса, ноги отказались служить. Эстрел, и Фальку пришлось нести ее на руках, пока они не вышли на противоположный берег. Здесь они снова распростерлись в изнеможении среди снежных курганов и кустов, которыми порос высокий западный берег реки. Фальк отключил свет своего лазера: день, снежный, метельный, вступал в свои права.

— Может быть, развести костер и немного погреться? — предложил Фальк.

Она ничего не ответила. Он взял ее за руки и притянул к себе. Их унты, штаны и куртки от самых плеч и донизу замерзли и были жесткими, как жезл. Лицо женщины, безвольно лежавшей у него на коленях, покрывала смертельная бледность.

Он окликнул ее по имени, пытаясь расшевелить и привести в чувство.

— Эстрел, дорогая! Мы не можем здесь больше оставаться. Мы должны пройти еще немного. Это совсем нетрудно. Приди в себя, Эстрел. Проснись, малышка!

Он и сам не заметил, что говорил с ней так, как когда-то давно говорил на рассвете с Парт.

Наконец она подчинилась ему и с его помощью с трудом поднялась на ноги. Надев замерзшие рукавицы, она медленно поплелась за ним. Они с трудом продвигались вперед и вверх по пологому склону, через девственные белые сугробы.

Они шли теперь вдоль русла реки в сторону юга, как и планировали, когда обсуждали детали своего побега. У него не было особых надежд на то, что они смогут найти то, что искали в этой белой коловерти, которая была ничуть не лучше черного ночного бурана. Вскоре они вышли к ручью, притоку реки, которую они перешли утром. Идти вверх по течению было очень тяжело, так как местность была пересеченная. Они совсем выбились из сил, Фальку казалось, что самым лучшим было бы упасть и заснуть, но он не имел права так поступить: где-то очень далеко и очень давно существовал некто-то, кто рассчитывал на него, кто послал его в это путешествие. Он не мог лечь, потому что отвечал перед кем-то...

Он услышал хриплый шепот Эстрел. Впереди точно белые привидения угадывались покрытые снегом высокие тополя. Эстрел потянула его за руку. Они начали, спотыкаясь, пересекать северный берег засыпанного снегом ручья, протекающего сразу же за тополями.

— Камень, — не переставая, шептала Эстрел. — Камень...

И хотя он не знал, зачем ей понадобился камень, он послушно раскапывал снег под ногами в надежде его отыскать. Они стали ползать на четвереньках, пока наконец она не наткнулась на отметку, которую искала, — запорошенную снегом каменную глыбу высотой в несколько футов. Своими замерзшими рукавицами она стала отгребать снег с восточной стороны глыбы. В последней степени усталости Фальк безучастно смотрел на нее, потом начал помогать. Они расчистили металлический прямоугольник, находившийся на одном уровне с удивительно ровной поверхностью камня. Эстрел попыталась нажать на него. Что-то щелкнуло, но края прямоугольника намертво примерзли к камню. Фальк из последних сил попытался сдвинуть эту штуку, но все было напрасно. Немного погодя, он пришел в себя и с помощью теплового луча, исходящего из рукоятки лазера, разморозил края люка. Они подняли его и увидели уходящую вниз узкую лестницу. Посветив в глубину, Фальк обнаружил там закрытую дверь. Правильная геометрическая форма всего увиденного показалась ему сказочной среди окружавшего их снежного хаоса.

— Все в порядке, — пробормотала его спутница.

Спустившись по ступенькам — ползком, на карачках, будто по приставной лестнице, потому что ноги уже не держали ее — она распахнула дверь и подняла глаза на Фалька.

— Заходи!

Он спустился, закрыв за собой крышку люка. Стало абсолютно темно, и, прижавшись к ступенькам, Фальк поспешно включил свет своего лазера. Внизу тускло светилось бледное лицо Эстрел. Он спустился и последовал за нею в дверь, которая вела в темное, просторное помещение, просторное настолько, что его фонарик мог осветить только потолок и ближайшие стены. Было очень тихо, воздух был затхлым и сухим.

— Здесь должны быть дрова, — раздался слева от него хриплый голос девушки. — Нам просто необходим сейчас костер. Помогите мне...

Сухие дрова лежали в высоком штабеле в углу, недалеко от входа. Пока

он разводил огонь среди почерневших, выложенных в круг камней в центре помещения, Эстрел пошла в дальний угол и вернулась, таща за собой пару теплых одеял. Они разделись и обтерлись, затем, завернувшись в одеяла, подсели поближе к огню. Костер хорошо разгорался, как будто здесь была дымовая труба, которая не только давала хорошую тягу, но и уносила дым. Конечно, обогреть эту огромную пещеру было невозможно, но свет и тепло костра ободряли их и давали возможность отдохнуть.

Эстрел вынула из своей сумки сушеное мясо, и они стали жевать его, хотя губы их потрескались от холода и они были слишком усталыми, чтобы чувствовать голод.

Постепенно тепло костра стало отогревать их кости.

— Кто еще пользуется этим местом?

— Я думаю, все, кто знает о нем.

— Судя по этому подвалу, здесь когда-то был могущественный Дом, — задумчиво заметил Фальк.

Он глядел на игру теней на ближайшей стене, на непроницаемую черноту вдаль от огня. Очевидно, ему на ум пришли огромные подвалы под Домом Страх.

— Говорят, что когда-то здесь был целый город, но когда это было, я не знаю.

— Откуда ты узнала об этом месте? Разве ты из племени самситов?

— Нет.

Он больше не расспрашивал, вспомнив обычаи. Однако Эстрел заговорила сама своим всегдашним покорным голосом.

— Я из Странников. Нам известно о многих подобных вещах. Я думаю, ты слышал о Странниках?

— Немного.

Фальк сидел выпрямившись и глядя на свою спутницу поверх костра. Ее рыжевато-коричневые волосы мелкими завитками падали на лицо. Она сидела, сгорбившись, и обледенелый нефритовый амулет у нее на шее мерцал в свете костра...

— В Лесу о нас знают мало.

— В наш Дом не забредал ни один Странник. То, что говорили у нас о них, больше подходит, пожалуй, к баснасскам.

— Баснасси — дикари! — возразила она. — Они умеют только набивать свое брюхо. Им нет никакого дела до того, что лежит за пределами их территории. Эти дикари-кочевники, разные там баснасси, самситы или ароки, мазаны одним мирром. Странники — совсем другое дело. На востоке мы доходили до самого Леса, на юге — до устья Внутренней Реки, а на западе — до Великих Гор, потом до Западных Гор и так — до самого Моря. Я своими глазами видела, как солнце садится в пучину вод, видела цепи голубых и зеленых островов, вдаль от берега, за пределами скрывшихся под водой долин Калифорнии, пострадавших от землетрясения.

Ее нежный голос постепенно перешел в ритмичный напев какого-то древнего псалма.

— Продолжай! — потребовал Фальк, но она замолчала.

Он не настаивал, и в наступившей тишине явственно послышалось ее сонное бормотание. Вскоре уснул и он.

Когда он проснулся, она уже сооружала из камней подставку для котелка, наполненного снегом.

— Похоже, что день клонится к вечеру, — сказала она, заметив, что он открыл глаза.

— Точно так же это может быть и утро, и пасмурный зимний полдень. Буря не утихает. Это нам на руку, в такую погоду им не выследить нас. Даже если они организовали погоню, они не смогут добраться до этого места. Этот котелок был вместе с одеялами в тайнике. Там же была и сумка с сушеным горохом. У нас здесь всего будет в достатке.

Она повернула к нему свое лицо и улыбнулась.

— Здесь темно, и это, пожалуй, единственный недостаток нашего убежища. Я не люблю толстые стены и темноту.

— Это все же лучше, чем завязанные глаза. Хотя этой твоей повязке я обязан жизнью. Слепой Хоррассали все же лучше, чем мертвый Фальк.

Он невесело рассмеялся, потом спросил:

— Что побудило тебя спасти меня?

Она пожала плечами, на ее устах блуждала все та же едва заметная улыбка.

— Ты был такой же пленник, как и я... О Странниках говорят, что они искусны в хитрости и притворстве. Разве ты не слышал, как называли меня эти дикари? Лиса! А теперь, давай-ка я взгляну на твои раны. Я взяла с собой свою сумку с лекарствами.

— Странники еще и искусные врачеватели?

— Мы кое-что сможем в этом.

— Тебе известен Старый Язык. Похоже, что вы, Странники, в отличие от баснасков не забыли, как жили люди в прежние времена.

— Да, мы все говорим на Галакте. Взгляни, ты обморозил себе ухо! Это потому, что ты снял завязку своего капюшона, чтобы помочь мне в пургу.

— Но как же мне взглянуть на свое ухо? — рассмеялся Фальк. — Уж лучше ты сама полечи его.

Когда она наложила пластырь на еще не заживший порез на его левом виске, несколько раз искоса посмотрела на его лицо и в конце концов осмелилась спросить:

— Среди обитателей Леса у многих такие странные глаза, да?

— Ни у кого.

Повинуясь обычаю, она ни о чем больше не спрашивала, а он, привыкнув, никогда никому не открываться, не хотел ни о чем рассказывать. Но любопытство все же заставило его задать ей вопрос:

— А ты боишься моих кошачьих глаз?

— Нет, — ответила она. — Ты напугал меня только один раз, когда выстрелил так сразу, не раздумывая.

— Он поднял бы на ноги все стойбище!

— Я это знаю. Но Странники не носят оружия, и я страшно испугалась. Мне припомнилась сцена из моего детства. Один человек убил другого из пистолета, прямо на моих глазах. Я тогда очень испугалась, потому что тот, кто стрелял, был Выскобленным.

— Что?! Выскобленным?

— Да, они иногда попадают у нас в Горах.

— Я почти ничего не знаю о Горах.

Она без особой охоты пояснила:

— Ты ведь знаешь закон Повелителей: они никого не убивают. Тебе это должно быть известно. Когда в Горах объявляется убийца, его не уничтожают, чтобы прервать цепь убийств. Они просто превращают его в Выскобленного. Они что-то делают с его мозгом, а потом выпускают на свободу. Этот человек, о котором я упомянула, был старше тебя, но ум у него был как у малого ребенка. В его руках случайно оказался пистолет, и его пальцы помнили, как с ним надо обращаться. Он застрелил в упор человека, так же, как ты...

Фальк задумался. Он молча смотрел сквозь огонь на свой пистолет, лежавший сверху на его мешке — чудесное маленькое оружие, с помощью которого можно разжигать огонь, добывать мясо и двигаться в темноте. В его руках раньше не было знания о том, как пользоваться этой штукой — в самом ли деле не было? Он был уверен в этом. Его научил стрелять Маток. Он научился этому у Матока и развил это искусство на охоте. Он никак не мог быть таким безумцем или преступником, которому дали еще одну возможность убить — по милости надменных Повелителей Эс Тоха.

Тем не менее, может быть, это было гораздо более правдоподобнее его собственных смутных догадок и предположений относительно его происхождения.

— Как они делают это с человеческим разумом?

— Не знаю.

— Они могли бы делать это, — хрипло сказал он, — не только с преступниками, но и с бунтовщиками.

— Что такое бунтовщик?

Она говорила на Галакте гораздо более бегло, чем он, но никогда не слышала такого слова, которое употребил Фальк.

Фальк промолчал, и Эстрел не настаивала. Она закончила перевязку и аккуратно убрала свои медикаменты в сумку. Он вдруг повернулся к ней так стремительно, что она удивленно посмотрела на него и откинулась немного назад.

— Ты видела когда-нибудь такие глаза, как у меня? — резко спросил он.

— Нет.

— О городе ты что-нибудь знаешь?

— Об Эс Тохе? Да, я была там.

— Значит, ты видела Сингов?

— Успокойся, — она рассмеялась. — Ты не Синг.

— Я тоже так думаю, но мне надо обязательно встретиться с одним из них. Хотя мне и страшно...

Эстрел закрыла сумку с медикаментами и спрятала ее в мешок.

— Эс Тох — очень странное место для людей из Одиноких Холмов и из дальних стран, — наконец произнесла она своим мягким раздумчивым голосом. — Но я гуляла по его улицам и ничего плохого со мной не случилось. Там живет много людей, которые ничуть не боятся Повелителей. И тебе не нужно страшиться их. Повелители очень могущественны, но большая часть из того, что говорят о них и их городе, Эс Тохе, неправда...

Их взгляды встретились. Внезапно он решил, и, призвав на помощь все свое искусство телепатии, впервые обратился к ней мысленно: «Тогда скажи мне всю правду об Эс Тохе!»

Она покачала головой и ответила вслух:

— Я спасла тебе жизнь, а ты спас мою. Мы — товарищи и, наверное, на долгое время, попутчики. Но я не буду мысленно переговариваться с тобой или еще с кем-либо ни сейчас, ни когда-либо после.

— Значит, ты все же думаешь, что я — Синг? — иронически и немного униженно спросил он.

Он понимал, что она права.

— Кто может знать это наверняка? — обронила она. И с улыбкой добавила: — Хотя лично я нахожу, что очень трудно поверить в то, что ты — Синг.

Они помолчали.

— Снег в котелке уже растаял. Я поднимусь наверх и наберу еще, — сказала Эстрел. — Ведь его надо много, чтобы получить даже малое количество воды, а нам обоим хочется пить. Тебя зовут Фальк?

Он кивнул, внимательно разглядывая ее.

— Не подозревай меня, Фальк, — сказала она. — Дай мне самой доказать, что я такое. Мысленная речь ничего не может доказать. Доверие — это такая штука, которая должна вырастать из поступков, изо дня в день.

— Что ж... — Фальк рассмеялся. — Поливай эти поступки, и я надеюсь, что доверие к тебе вырастет.

Позже, во время долгой, безмолвной ночи в пещере, он проснулся и увидел, что она сидит на корточках перед горящим костром, уткнувшись лицом в колени.

Он тихо окликнул ее по имени.

— Мне холодно, — отозвалась она, — мне очень холодно...

— Ложись ко мне, — сказал он и протянул руку.

Она ничего не ответила, но через минуту поднялась, и, перешагнув через догоравший костер, забралась к нему под одеяло. Она была совершенно голая, только бледный нефритовый камень висел между ее грудей. Она совсем заколела от холода. И хотя во многих аспектах его сознание ничем не отличалось от сознания обычного молодого человека, он решил не трогать ее, которая столько натерпелась от баснасков. Но она шепнула ему:

— Согрей меня и дай мне утешение.

Он вспыхнул, как костер на ветру. Вся решимость была сметена охватившим его желанием.

Всю ночь она лежала в его объятиях возле догорающего костра.

Еще три дня и три ночи бушевала метель. Это время Фальк и Эстрел провели отсыпаясь и предаваясь любви. Она была каждый раз податливой и покорной, а он, помня только приятную и полную радости любовь, которую он разделял с Парт, был сбит с толку той ненасытностью и неистовством, которые возбуждала в нем Эстрел.

Очень часто мысли о Парт сопровождались воспоминаниями об источнике чистой и быстрой воды, который пробивался среди скал в одном тенистом месте поблизости от Поляны. Но никакие воспоминания не могли утолить его жажду, и он снова и снова искал удовлетворения в уступчивости Эстрел — до полного изнеможения. Один раз он не на шутку рассердился и начал ее упрекать:

— Ты отдаешься мне только по обязанности. Ты думаешь, что я все равно изнасиловал бы тебя...

— А разве нет?

— Нет!

Он и сам верил этому.

— Я не хочу, чтобы ты служила мне... Разве мы оба не нуждаемся в тепле, в человеческой ласке?

— Да, — прошептала она.

Он некоторое время держался подальше от нее, твердо решив, что больше не прикоснется к ней. Он в одиночку обследовал огромный подвал, пользуясь светом своего лазера. Через несколько сотен шагов пещера сужалась, переходя в широкий и высокий туннель. Безмолвный и темный, он вел Фалька по абсолютно прямой линии довольно долго, а затем, не сужаясь и не разветвляясь, свернул в сторону, в крошечный мрак. Шаги гудели, отдаваясь в тишине, нарушая царившее здесь безмолвие. В поле зрения Фалька ничего не попадало, он шел, пока не устал и не проголодался, и только после этого повернул назад. Этот туннель, скорее всего, был дорогой в никуда!

Он вернулся к Эстрел, к ее многообещающим, но не выполняющим обещания объятиям.

Буря улеглась. Ночной дождь поливал голую черную землю, и последние сугробы снега таяли и исчезали в бесчисленных ручейках.

Фальк стоял на верхней ступеньке лестницы, солнце играло на его волосах, лицо и легкие освещал ветер. Он чувствовал себя кротом, вылезшим после зимней спячки из своей норы.

— Давай пойдем дальше, — крикнул он Эстрел.

Он спустился вниз в пещеру, чтобы помочь ей уложить вещи и убрать помещение. Он спросил у нее, знает ли она, где сейчас находятся ее соплеменники.

— Теперь, вероятно, они далеко на Западе, — ответила она.

— Они знают, что ты в одиночку пересекла территорию баснасков?

— Как это в одиночку? Это только в старых сказках из Эры Городов женщины одни путешествовали куда им вздумается. Со мной был мужчина, баснасками убили его.

Ее нежное лицо погрузнело.

Фальк подумал, что это объясняет ее пассивность в любви, недостаточность ответного чувства, что казалось ему почти что предательством. Она так много пережила! Кто был ее спутник, убитый баснасками? Раз она не хотела сказать это Фальку — значит, это его не должно касаться. Но его гнев остыл, и теперь он время от времени спрашивал Эстрел, нежно и заботливо:

— Могли ли я помочь тебе в поисках твоих соплеменников?

— Ты добрый человек, — мягко ответила она. — Но они теперь где-то очень далеко отсюда, мы не можем искать их по всей Западной Равнине...

Кроткое выражение ее голоса тронуло Фалька.

— Тогда идем со мной, пока не узнаешь что-нибудь о своих соплеменниках. Ты ведь знаешь, что я рвусь на Запад.

Для него все еще было трудно произнести слово «Эс Тох». На языке Леса оно было непристойным, вызывало отвращение. Он еще не привык к той легкости, с какой Эстрел говорила о городе Сингов, как об обычном месте обитания людей.

Она колебалась немного, но когда он стал настаивать, согласилась идти вместе с ним. Это доставило ему удовольствие, потому что и он желал ее, и жалел, потому что познал, что такое одиночество, и не хотел испытать его еще раз. На сердце у Фалька было легко — он снова был свободен и снова продолжал свой путь. Вместе они шли сквозь стужу и ветер. Ему не хотелось думать о цели путешествия. День был ясным, над их головами проплывали белые облака, идти было легко и приятно.

Он шел вперед, и рядом с ним шла подруга, разумная, не знающая усталости женщина.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Они пересекли Великую Равнину пешком, что легче сказать, чем сделать. Дни становились длиннее, весенний ветер — все мягче, все теплее. Наконец, они еще издали увидели цель своего путешествия: с севера на юг материк пересекали горы, заснеженной грядой вздымавшиеся ввысь, сверкающие в лучах яркого солнца.

— Эс Тох расположен высоко в горах, — сказала Эстрел. — Там, я надеюсь, каждый из нас найдет то, что ищет.

— Я чаще боюсь, чем надеюсь. И все же я рад, что вижу горы, — отвечал Фальк.

Прежде чем вступить в Горы, он обернулся и долго смотрел на восток,

на пустыню, простиравшуюся позади, как будто вспоминал весь пройденный путь, который он и она проделали вместе.

Он теперь уже знал, каким пустынным и таинственным был мир, в котором жил человек в эти более поздние времена своей истории. Он и его спутница могли идти много дней и не обнаружить никаких следов присутствия людей. На ранней стадии своего пути они шли, осторожно пересекая территорию самситов и других племен, охотившихся на скот. Они — Эстрел знала это — были такими же дикими, как и баснаски. Затем, оказавшись в более засушливых местах, они были вынуждены придерживаться дорог, которыми раньше пользовались и другие — чтобы иметь воду. Но когда они видели следы недавно прошедших людей, живущих где-то поблизости, Эстрел осторожно озиралась по сторонам и изменяла направление их движения, чтобы избежать опасности быть замеченными.

У нее было на редкость точное представление об обширных пространствах, которые они пересекали. В тех же случаях, когда местность становилась непроходимой и у них возникали сомнения, какое направление избрать, она говорила: «Подождем до зари». На привале она доставала свой амулет и отходила в сторону, чтобы помолиться. Затем она заворачивалась в свой спальный мешок и безмятежно засыпала.

Путь, который она избирала на заре, всегда был правильный.

— Инстинкт Странника, — говорила она, когда Фальк восхищался ее интуицией. — В любом случае, пока мы держимся поближе к воде и подальше от людей, мы в безопасности.

Но однажды через много дней после начала их путешествия, огибая глубокий каньон, по дну которого протекал ручей, они неожиданно вышли к поселению. Кольцо вооруженных людей сомкнулось вокруг них, прежде чем они смогли скрыться. Сильный дождь помешал обнаружить им опасность до того, как они столкнулись с ней в глаза.

Однако над ними не было совершено насилия. Им разрешили отдохнуть в поселке несколько дней, и Фальк этому очень обрадовался, потому что идти или разбивать лагерь под дождем было очень неприятно.

Это племя или народность называли себя Пчеловодами. Грамотные и вооруженные бластерами, все они, мужчины и женщины, были одеты совершенно одинаково — в длинные балахоны из теплой водонепроницаемой ткани желтого цвета, на груди каждого был вышит коричневый крест. Они были гостеприимны, но не общительны. Они предоставили путешественникам ложе в своих домах — длинных низких бараках, прочных сооружениях из дерева и глины. Они давали своим гостям обильную еду, но говорили мало — как с незнакомцами, так и между собой. Они казались общиной глухонемых.

— Они дали обет молчания, — пояснила Эстрел. — У них принято давать обеты и соблюдать ритуалы, только никто не знает зачем, — Эстрел сказала это с тем спокойным и безразличным презрением, с которым она относилась к большинству людей.

«Странники, должно быть, гордые люди», — подумал Фальк.

Но Пчеловодам, похоже, было совершенно безразлично, что она о них думает, они вообще не разговаривали с ней. В первый день они только спросили Фалька:

— Вашей женщине нужна пара новых башмаков?

Как будто она была его лошадь! Во всяком случае, они заметили, что ее обувка износилась.

Их собственные женщины имели мужские имена, и с ними обращались, как с мужчинами. Степенные девы с ясными глазами и беззвучными губами, они жили и работали, как мужчины, среди столь же серьезных и спокойных юношей и мужчин. Лишь немногим из Пчеловодов было за сорок лет, и не было никого моложе шестнадцати.

Это было странное сообщество, напоминавшее некую армию, ставшую на зимние квартиры, разбившую лагерь здесь, посреди полного одиночества во время перемирия в какой-то непонятной войне. Станные, печальные и восхитительные люди.

Порядок и уверенность их жизни напоминали Фальку его Лесной Дом, и чувство их затаенной, но безупречной преданности друг другу действовало на Фалька удивительно успокаивающе. Они были всегда уверенными, эти прекрасные бесполое воители, хотя, в чем они были уверены, они ни за что не сказали бы чужаку.

— Они пополняют свою численность за счет того, что разводят племенных женщин-дикарок, как свиноматок, и воспитывают детей всех вместе, в группах. Они поклоняются чему-то, что называют Мертвым Богом, и задабривают его жертвоприношениями, притом человеческими. Они не что иное, как пережиток какого-то древнего суеверия, — сказала Эстрел, когда Фальк с похвалой отозвался о Пчеловодах.

Несмотря на всю свою уступчивость, она, по-видимому, негодовала, когда видела обращение, более соответствовавшее обращению с животными. Высокой пассивностью и трогала, и развлекала Фалька, и он позволил себе небольшую колкость:

— Я видел, что ты по ночам, как будто, что-то шепчешь своему амулету. Религии различаются...

— Они действительно различаются. — Больше ничего не сказала.

— Интересно, против кого же они вооружены?

— Против своего Врага, несомненно. Против Сингов, например. Если только Синги снизошли бы до них.

— Давай пойдем дальше, а?

— Пойдем. Я не доверяю этим людям. Они слишком уж скрытный народ.

В этот вечер он пошел попрощаться с главой общины, сероглазым человеком, по имени Хиардан, который был, возможно, даже моложе его.

Хиардан молча принял его благодарность, а затем сказал, без обиняков, как было принято среди Пчеловодов:

— Я думаю, что вы говорили нам только правду. За это я благодарен вам. Мы были бы откровеннее, если бы ты пришел один.

Фальк задумался, не решаясь ответить:

— Я очень сожалею об этом. Но если бы моя подруга не помогла мне, я бы в жизнь не добрался сюда. И... вы живете здесь все вместе, владыка Хиардан. Вы бываете когда-нибудь один?

— Редко. Одиночество — смерть для души. «Человек — это человечество!» — так гласит наша поговорка. Но мы также говорим: «Не доверяй никому из своих братьев и сородичей, даже тем, которых ты знаешь с детства». Это наше правило. В этом и только в этом заключена безопасность индивидуума.

— Но у меня нет сородичей и нет безопасности, Владыка, — сказал Фальк.

Отдав честь, по-солдатски, на манер Пчеловодов, он взял из рук Владыки свой пропуск, и на следующее утро он и Эстрел вновь двинулись на запад.

Изредка им попадались и другие небольшие селения или стойбища — всего пять-шесть на пятьсот-шестьсот километров пути. Несколько раз Фальк рискнул остановиться. Он был вооружен, а пейзаж выглядел так мирно: пара шатров кочевников у полузамерзшего ручья или маленький одинокий пастушонок на высоком холме, присматривающий за полудикими коричневыми волами, или же просто голубоватый дымок на фоне беспредельного серого неба. Он покинул Лес с единственной целью — найти, если только это было возможно, какие-либо вести о себе самом, какие-нибудь намеки на то, кем он был на протяжении тех лет, которых не помнил. Как он сможет узнать об этом, если не будет останавливаться и спрашивать?

Но Эстрел боялась останавливаться даже возле самых крохотных поселений в прериях.

— Они недолгобливают Странников, — говорила она, — и вообще всех чужаков. Те, кто долго живет в одиночестве, полны страха. Они впустят нас и дадут нам пищу и кров на ночь, но затем под покровом темноты придут, свяжут нас и убьют. Ты не должен ходить к ним, Фальк!

Она смотрела прямо ему в глаза.

— Ты не должен говорить им, что я твоя подруга. Они наблюдают за нами. Если утром они увидят, что мы идем дальше, они нас не тронут, но если мы останемся и попробуем сблизиться с ними, они начнут нас бояться! Этот их страх грозит нам гибелью!

Откинув свой выдавший виды капюшон, Фальк сидел у костра, у подножья холма. Порывы западного ветра шевелили ему волосы.

— Ты, пожалуй, права, — сказал он.

Его задумчивый взгляд был устремлен туда, откуда дул ветер.

Эстрел понимала его настроение и хотела изменить ход его мыслей:

— Возможно, по этой причине Синги никого не убивают.

— Почему? — спросил он почти машинально.

— Потому что они не боятся.

— Может быть...

Он задумался. Потом сказал:

— Похоже на то, что я должен пойти прямо к ним и задать свои вопросы. А если они убьют меня, по крайней мере я успею получить удовлетворение в том, что они меня испугались.

Эстрел покачала головой.

— Они не испугаются и не убьют.

— Даже таракана? — резко спросил он.

Он хотел выместить на ней свое плохое настроение, свою усталость.

— Как они там поступают с тараканами в своем городе, — обезвреживают их, а затем выпускают на свободу, как этих Выскобленных, о которых ты мне говорила?

— Не знаю, — сказала Эстрел.

Она всегда серьезно воспринимала его вопросы.

— Я знаю только, что благоговение перед жизнью для них Закон, и они строго придерживаются его в своих поступках.

— Но почему им надо чтить человеческую жизнь, ведь они не люди?

— Именно поэтому их Законом является почитание всех форм жизни, разве не так? С тех пор, как пришли Синги, на Земле не было войн, как не было войн и между планетами. Если кто и убивает непрерывно друг друга, так это люди.

— Нет таких людей, которые могли бы сделать со мной то, что сделали Синги. Я чту жизнь, потому что она гораздо более сложная и неопределенная штука, чем смерть. Самым сложным и самым непостижимым свойством ее является разум. Синги придерживаются своего закона и позволяют нам жить, но зато они убили мой разум! Разве это не убийство? Они убили того человека, каким я был. Они убили того ребенка, которым я когда-то был. Какое же это благоговение перед жизнью? Как можно так играть человеческой личностью? Их закон — ложь, и их благоговение — притворство.

Ошеломленная этой вспышкой гнева, Эстрел встала на колени перед костром и разрезала на части кролика, которого он подстрелил. Ее рыжеватые волосы, покрытые пылью, завитками падали на ее склоненное лицо, терпеливое и отрешенное. Как и всегда, его влекли к ней сострадание и желание, но он все-таки был не в состоянии понять ее. Она была как заброшенная комната в огромном доме. Она была похожа на шкатулку, от которой у него не было ключа. Она ничего не таила от него, и все же покров тайны, окружавший ее, оставался нетронутым.

— Готово, Фальк, — раздался ее ласковый голос.

Он поднялся и встал рядом с ней возле костра.

— Друг мой, любовь моя, — сказал он.

Он взял ее за руку. Они сели рядом и разделили сначала приготовленное его мясо, а немного позже — свой сон.

Чем дальше они шли на запад, тем суше становилась земля и тем прозрачнее был воздух. Несколько дней Эстрел вела их на юг, чтобы обойти

местность, которая была — а может быть, уже и не была — территорией диких кочевников, Всадников.

Фальк доверял ее интуиции. Не имея ни малейшего желания повторить свой печальный опыт встречи с баснасками. На шестой день их путешествия к югу они пересекли холмистую местность и вышли на сухое возвышенное плато, ровное и безлесное, всегда продуваемое ветром.

Во время дождя овраги наполнялись стремительными потоками, но на следующий день снова высыхали. В летнюю пору это была полупустыня, и даже весной это было довольно унылое место.

На своем пути они дважды проходили мимо древних развалин, просто холмов и курганов, но все они были объединены пространственной геометрией улиц и площадей.

— В пористом грунте вокруг было полно черепков посуды, осколков цветного стекла и пластика. С тех пор, как здесь жили люди, прошло двадцать три тысячелетия. Эта обширная местность, пригодная сейчас только под пастбище для скота, больше уже никогда не осваивалась после расселения людей среди звезд, точная дата которого не была известна из-за тех отрывочных и фальсифицированных записей, которые еще сохранились.

— Трудно представить себе, — заметил Фальк, — что здесь когда-то играли дети, женщины развешивали выстиранное белье. Все это было так давно!

Они вышли к окраине второго из погребенных городов.

— Это было в другую эпоху, которая от нас гораздо дальше, чем планеты, вращающиеся вокруг далеких звезд.

— В Эпоху Городов?

Эстрел кивнула.

— В Эпоху Войн. Мне не доводилось слышать рассказы об этих местах ни от кого из моих соплеменников. Наверное, мы зашли слишком далеко на юг и направляемся к Южным Пустыням.

Они изменили свой путь и пошли на запад и чуть-чуть к северу. На следующее утро они вышли к реке с быстрым и бурным течением, оранжевой от мути и ила. Она была неглубока, но перейти ее было сложно. Они провели целый день в поисках брода.

Места на ее западном берегу были еще более засушливыми. Они наполнили свои фляги водой из реки, и поскольку вода была всегда у них в избытке, то Фальк почти не обратил на это внимания. Небо теперь было чистое, и солнце сияло весь день.

Впервые за сотни пройденных миль им не нужно было бороться с холодным ветром, и они могли спать в сухом и теплом месте. Весна быстро надвигалась на эту землю. Перед зарей ярко блестела утренняя звезда, и прямо у их ног распускались дикие цветы. Но после того, как они пересекли реку, им за целых три дня не повстречалось ни родника, ни ручьев.

На переправе Эстрел подхватила простуду. Она не жаловалась, но уже не могла идти так же быстро, как раньше. Лицо ее казалось изнуренным.

Затем у нее началась дизентерия. В тот день они рано сделали привал и

разбили лагерь. Эстрел лежала у костра, и на ее глазах были слезы. Фальк неловко пытался ободрить ее, взяв ее руки в свои ладони. Ее лихорадило — руки и лицо пылали.

— Не прикасайся ко мне, — прошептала она. — Нет, нет. Я потеряла его... Что же мне теперь делать?

Только теперь он увидел, что цепочки и нефритового амулета на шее у нее не было.

— Я, должно быть, потеряла его, когда мы переходили реку, — сказала она.

Она старалась овладеть собой и позволила ему взять себя за руку.

— Почему ты не сказала мне об этом раньше?

— Разве это что-нибудь изменило бы?

Ему нечего было на это ответить.

Она немного успокоилась, но он все же чувствовал ее подавленное лихорадочное беспокойство. Ночью ей стало хуже, и к утру она совсем раскисла.

Она не могла есть, и хотя и мучилась от жажды, ее желудок не принимал крови кролика. Это было все, чем он мог ее напоить. Он уложил ее поудобнее, насколько это вообще было возможно, и, взяв пустые флаги, направился на поиски воды.

Вокруг на много миль простиралась бугристая местность, покрытая жесткой травой, испещренной полевыми цветами и жалкими кустарниками, вплоть до самой кромки горизонта, подернутой маревом. Солнце пекло нещадно в небесной вышине, степные жаворонки заливались.

Фальк шел быстрой ровной походкой, сначала уверенной, затем упрямой. Он зашел довольно далеко — сначала на север от их стоянки, затем на восток. Влага от прошедших на предыдущей неделе дождей ушла глубоко в почву, и нигде не было видно ни ручейка. Делая круг назад с востока, он с беспокойством искал стоянку. Повернув назад с пологого невысокого холма, в нескольких милях к западу он заметил неясное темное пятно, которое могло оказаться группой деревьев. Минутой позже он увидел дым от костра, и, несмотря на усталость, бегом бросился к нему.

Низкое солнце слепило глаза, рот совершенно пересох.

Эстрел поддерживала тление костра, чтобы он не сбился с пути. Она лежала в своем изношенном спальном мешке и не подняла головы, когда он подошел к ней.

— К западу отсюда видны деревья — значит, там может быть вода. Сегодня утром я пошел не в том направлении, — сказал он.

Он собрал вещи и уложил их в свой мешок. Затем он помог Эстрел встать, взял ее за руку, и они двинулись в путь.

С большим трудом ей удалось пройти мили две. Оказавшись на одном из пологих холмов, Фальк протянул вперед руку и воскликнул:

— Вот! Видишь? Это деревья. Там вода!

Но Эстрел опустила на колени, затем легла на траву, скорчившись от боли и закрыв глаза. Похоже, что идти дальше она уже не могла.

— Я думаю, что отсюда самое бóльшее две-три мили. Я разожгу здесь дымный костер, и пока ты будешь отдыхать, я схожу и наполню фляги. Я уверен, что там есть люди, значит, это не отнимет у меня много времени.

Она тихо лежала, пока он собирал сухие ветки и разжигал костер. Затем он наломал зеленых веток так, чтобы она могла их подбрасывать в костер для того, чтобы он сильнее дымил.

— Я скоро вернусь, — сказал он.

Он собрался. Она поднялась, бледная и дрожащая. В глазах стояли слезы.

— Нет! Не покидай меня. Ты не имеешь права оставлять меня одну. Не уходи...

В ее словах не было логики. Но Фальк любил ее. И поэтому он подхватил ее, закинул ее руки себе на шею, и так полуволоча, полунеся ее, пошел вперед.

Со следующего холма деревья тоже были видны, но, казалось, ближе до них не стало. Солнце уже садилось, озаряя золотом безбрежный океан земли. Теперь он уже нес Эстрел и через каждые несколько минут вынужден был останавливаться и класть свою ношу на землю. При этом он падал рядом с ней, чтобы перевести дух и набраться сил для следующего броска вперед. Ему казалось, что будь у него хоть немного воды, всего лишь капля, чтобы смочить рот, ему не было бы так тяжело.

— Там дом, — шепнул он ей сиплым голосом. — Там, среди деревьев, совсем недалеко отсюда.

Услыхав эти слова, она изогнулась всем телом и стала бессильно цепляться за него, издавая стоны.

— Не ходи туда, милый. Нет, только не в дом! Рамаррон не должен заходить в дома, Фальк...

Она тихо заплакала и стала что-то шептать на языке, которого он не знал.

С трудом подхватив ее, он начал свой тяжкий путь вперед.

Сквозь поздние сумерки в его глазах вдруг сверкнуло золотом отражение света от высоких окон, спрятавшихся позади густых темных деревьев. С этой же стороны, откуда падал свет, донесся резкий воющий звук, становившийся все громче и постепенно приближающийся к ним. Фальк напряг последние силы, затем остановился, увидев бежавшие к нему из темноты тени, которые издавали эти завывания. Тени ринулись на него, стараясь укусить. Он стоял, поддерживая потерявшую сознание Эстрел, и не смог шевельнуться, чтобы вытащить свой пистолет. Всего лишь в нескольких сотнях метров от него все так же безмятежно светились высокие окна дома. Он закричал:

— Помогите!

Но это был всего лишь хриплый стон, сорвавшийся с его губ.

Внезапно раздались громкие человеческие голоса. Черные звериные тени отпрянули назад.

К тому месту, где он упал на колени, все еще держа на плечах Эстрел, подошли люди.

— Заберите женщину, — приказал громкий мужской голос.

Другой голос отчетливо произнес:

— Что это? Неужели новая пара рабочих рук?

Фальку приказали встать, но он смог только прошептать:

— Не трогайте ее, она больна.

— Сейчас же встать!

Грубые сильные руки заставили его повиноваться. Ему ничего не оставалось, как отдать им Эстрел.

От усталости у него кружилась голова, он не ощущал, что с ним произошло и где он находится. Они дали ему досыта напиться холодной воды, это было единственное, что имело для него значение.

Его посадили за стол. Кто-то, чью речь он не понимал, дал ему стакан, полный какой-то жидкости. Он взял стакан и выпил. Это было жгучее пойло, сильно отдававшее можжевельником.

Стакан — небольшой сосуд из мутноватого зеленого стекла. Это он сразу отметил про себя. Он не пил из стаканов с тех пор, как покинул Дом Зоуа. Он встряхнул головой, ощущая, как спиртное прочистило ему глотку и разум, и поднял глаза.

Он находился в очень большой комнате. Широкая поверхность пола из полированного камня отражала дальнюю стену, из которой, вернее, внутри которой, сиял мягким желтоватым светом огромный диск. Фальк ощущал на своем лице тепло, исходившее от этого диска. На половине расстояния между ним и солнечным кругом света, прямо на голом полу, стояло высокое массивное кресло, рядом с ним, прижавшись к полу, — неподвижный силуэт какого-то темного зверя.

— Кто ты?

Он видел контур носа и челюсти, черную руку на подлокотнике кресла. Голос был глухим и твердым. Слова были произнесены не на Галакте, на котором он так долго говорил, а на его собственном языке, языке Леса, хотя и несколько отличном от того диалекта, к которому он привык. Фальк помедлил и сказал правду:

— Я не знаю, кто я. Мое самосознание было у меня отобрано шесть лет тому назад. В одном из Лесных Домов я научился обычаям людей. Я иду в Эс Тох, чтобы попытаться узнать свое имя и естество:

— Ты идешь в обитель Лжи, чтобы найти Истину? Люди оружия и дураки носят по уставшей земле, выполняя многочисленные поручения, но вся эта суета от недомыслия и все ложь. Что привело тебя в мое Королевство?

— Моя спутница...

— Ты хочешь сказать, что это она привела тебя сюда?

— Она заболела, я старался найти воду. И вот...

— Попридержи язык! Я рад, что это не она привела тебя сюда. Тебе известно, что это за место?

— Нет.

— Это Владение Канзас, и я его Повелитель.

— О, Повелитель, моя спутница...

— ... или Синг, или оружие Сингов, или просто женщина. Кем ты ее предпочитаешь считать? Остерегись, человек, не спеши отвечать королям. Я знаю, в качестве кого ты ее держишь. Но у нее нет имени, и она не участвует в игре. Женщины моих ковбоев присмотрят за ней, и давай больше не будем о ней говорить.

Повелитель подошел к Фальку, медленно, с расстановкой выговаривая каждое слово.

— Его кличка — Гриффон. — Он указал на зверя. — Ты когда-нибудь слышал о таком животном? Может быть, в старых книгах или легендах. А о таком животном, которое зовется собакой? Так вот, Гриффон — это имя моей собаки. Как видишь, у нее мало общего с теми тяжелыми твякающими тварями, которые гоняются по степи, хотя они и родня ему. Род Гриффона, как и мой, утасает. Опал, чего бы ты хотел больше всего?

Повелитель задал этот вопрос с неожиданной лукавой сердечностью, глядя прямо в лицо Фалька.

Фальк очень устал, ум его был в смятении. Он честно ответил:

— Попасть домой!

— Попасть домой... — задумчиво повторил Повелитель Канзаса.

Это был старый, черный, как сажа, мужчина семи футов роста с лицом, как лезвие меча.

— Попасть домой...

Повелитель немного отошел, чтобы окинуть взглядом длинный стол, у которого сидел Фальк. Столешня — Фальк теперь видел это — была утоплена на несколько дюймов и окружена рамкой. Она заключала в себе сетку из золотых и серебряных проволочек, на которых были нанизаны шарики с таким диаметром отверстия, что они могли переходить с одной проволочки на другую и в некоторых точках — с одного уровня на другой. Шарики — размером от детского кулачка до семечка яблока — были сделаны из глины, дерева, металла, кости, пластика и стекла, а некоторые — из таких драгоценных или полудрагоценных камней, как аметист, агат, топаз, бирюза, опал, янтарь, берилл, хрусталь, гранат, изумруд, бриллиант. Их было несколько сотен.

Фальк узнал это сооружение. Это была Моделирующая система, похожая на такие же системы, принадлежавшие Зоуву, Баки и другим обитателям родного Дома. Своим происхождением эта система была обязана великой культуре планеты Даменант. Это был и оракул, и компьютер, и орудие мистических ритуалов, и игрушка. За свою короткую вторую жизнь Фальк не успел узнать как следует работу Моделирующей системы. Баки как-то заметила, что ей понадобилось лет сорок-пятьдесят, чтобы научиться обращаться с ней, а ее Моделирующая система, доставшаяся ей по наследству, была всего лишь квадратом со стороной в четверть метра и имела не больше тридцати шариков.

Хрустальная призма ударилась в металлическую сферу с чистым высоким звуком. Бирюза устремилась налево, а связанные между собой полированные костяшки с гранатом скользнули влево и вниз, в то время как огненный опал вспыхнул на миг в самом центре системы. Черные, худые, сильные пальцы замелькали над проволочками, играя с самоцветами жизни и смерти.

— Значит, — сказал Повелитель, — ты хочешь домой. Но взгляни сам. Ты умеешь читать узоры? Слоновая кость, бриллиант и хрусталь, — все это относится к огню. И среди них, то пропадая между ними, то вырываясь наружу, мечется опал. Дальше чем Королевский Дом, дальше, чем холмы и ущелья Коперника... Камень этот летит среди звезд. Ты разорвешь пути времени. Только взгляни. Впереди тебя простор.

В глазах у Фалька рябило от скользивших и мерцавших ярких шариков. Он отодвинулся от края стола и прошептал:

— Я в этом ничего не понимаю...

— Это игра, участником которой ты являешься, Опал, разбираешься ли ты в ней или нет. Сегодня вечером мои псы лаяли на нищего бродягу, а он оказался повелителем звезд. Опал, когда я однажды приду попросить воды из твоих колодцев и кров в твоих стенах, ты уж, пожалуйста, не откажи мне. Ночь тогда будет более холодной, чем сегодня. Это может случиться только через много-много лет. Ты пришел в наш мир откуда-то издалека. Я даже смею думать, из какого-то другого мира. Я стар, но ты намного старше меня. Ты должен был умереть еще сто лет назад. Я прошу тебя помнить о том, что когда-то очень давно там, на Земле, ты однажды встретил в пустыне старого Короля. Я не могу чинить тебе препятствий, незнакомец. Иди своей дорогой. Если тебе что-нибудь нужно, то здесь есть люди, которые послужат тебе.

Фальк пересек длинную комнату и остановился у занавешенного главного входа. Снаружи в вестибюле его ждал мальчик. Когда Фальк отодвинул полог, мальчик негромким голосом позвал своих товарищей, таких же детей, как он, и они, не выказывая ни удивления, ни подобострастия, почтительно ожидая, когда Фальк заговорит первым, отвели его в отведенную ему комнату, приготовили для него ванну, сменили одежду, накормили ужином и уложили в чистую постель.

Он прожил тридцать дней в Большом Доме Владыки Канзаса, пока не прошли редкие весенние дожди в пустынных землях, лежавших за пределами садов Повелителя. Эстрел, выздоровевшая за это время, жила в одном из многочисленных домов меньшего размера, которые теснились за Большим Домом. Фальк был волен делать все, что ему угодно. Владыка был абсолютным правителем своих владений, но власть эта основывалась вовсе не на принуждении — служить ему почиталось за честь. Понимая присущее его личности величие, слуги сами утвердились в мысли, что они люди, а не рабы.

Их было не больше двух сотен — погонщики скота, садовники, ремес-

ленники, рабочие. Их жены и дети. Это было очень маленькое Королевство. Но тем не менее у Фалька уже через несколько дней не осталось сомнений в том, что Владыка Канзаса оставался бы Владыкой, живи он даже один. Это был вопрос его внутренних качеств.

Эта удивительная неповторимость владений Повелителя настолько очаровала и поглотила Фалька, что он за все эти дни ни разу не вспомнил о том мире, который находился за пределами Дома-Дворца, через который ему пришлось так долго идти, прежде чем он попал в это очаровательное место. Но позже, уже перед уходом, он начал размышлять о взаимоотношениях Владыки Канзаса с остальным миром. Свои мысли он попытался сформулировать вслух в беседе с Эстрел:

— Мне казалось, что Синги не допускают возникновения феодальной власти среди людей. Почему же тогда они позволили Владыке или Королю, безразлично, как он себя называет, сохранить свои владения?

— А почему бы и нет? — возразила та. — Владение Канзас довольно обширное, но пустынное и безлюдное. Зачем повелителям Эс Тоха вмешиваться в дела такого захолустного псевдокоролевства? Я думаю, что этот честолюбивый Повелитель, хвастливо лепечущий о своей силе, просто глупый ребенок в их глазах.

— Тебе он тоже кажется таким?

— Ты видел, как вчера здесь пролетал корабль?

— Да, видел.

Летательный аппарат, чье жужжание было так хорошо знакомо Фальку, летел высоко над домом и был виден всего несколько секунд. Все люди из поместья выбежали из своих садов и стали бить в сковородки, дети закричали, собаки завывали, сам Владыка выбежал на верхний балкон и устроил оглушительный торжественный салют, паля в небо из старинного дробовика до тех пор, пока корабль не исчез в туманной дымке на западе.

— Они такие же глупые, как баснасски, а их старик Повелитель давно выжил из ума, — заключила она с усмешкой.

Хотя Владыка Канзаса не пожелал лицезреть Эстрел, его люди были добры к ней. Ее язвительность удивила Фалька.

— Баснасски совершенно забыли, как когда-то жили люди, — возразил он. — А эти люди, может быть, слишком хорошо это помнят.

И добавил со смехом:

— А корабль действительно был и улетел, не причинив никому вреда.

Он взглянул на нее. Она, очевидно, не понимала поэтического сумасбродства этих людей, которые обычный летательный аппарат ставили на один уровень с солнечным затмением.

Фальк не удивился такому поведению Эстрел, ведь с того времени, как она заболела и потеряла свой нефритовый талисман, ее не покидала печаль и тревога.

Временное пребывание здесь, которое доставляло столько удовольствия Фальку, для нее было мучением. Пора было уходить отсюда.

— Я пойду поговорю с Владыкой, — нежно сказал он ей.

Оставив ее в тени ив, усыпанных темно-зелеными почками, он пошел через сад к главному зданию. За ним семенили пять длинноногих черных псов — почетный эскорт, которого ему так будет не хватать.

Повелитель Канзаса читал в своем тронном зале. Диск, который висел на восточной стене помещения, днем светился холодным рассеянным светом, создавая впечатление маленькой домашней луны, и только ночью он сиял мягким солнечным теплом и светом. Трон, сделанный из полированного мореного дерева, росшего в южных пустынях, стоял перед диском.

Фальк единственный раз видел Правителя, сидящим на троне. Это было в самый первый вечер его пребывания здесь.

Сейчас же он сидел в одном из кресел возле Моделирующей системы, и окна за его спиной, выходящие на запад, не были закрыты шторами. Там, на западе, виднелись далекие темные горы, отороченные снегом.

Владыка поднял свое лицо и выслушал Фалька. Вместо ответа он положил руку на книгу, которую читал. Это не был один из богато украшенных микрофильмов из необыкновенно богатой библиотеки Королевства. Это была небольшая, написанная от руки книга, завернутая в бумагу.

— Тебе известен этот Канон?

Фальк посмотрел туда, куда указывал Повелитель, и прочел нараспев несколько певучих фраз:

Нужно бояться страха людского,

О, Горе!

Ты все еще не достигло

Своего предела.

— Я знаю эту книгу, Владыка. Перед началом моего путешествия мне подарили один экземпляр такой книги, но кое-что меня здесь смущает. Я не знаю того языка, которым написаны четные страницы Канона.

— Это символы языка, на котором книга была написана первоначально, пять или шесть тысяч лет назад — язык Желтого Императора, моего предка. Но куда же делась твоя книга? Неужели ты ее потерял? Тогда возьми с собой эту. О, горе! Почему ты всегда говоришь только правду, Опал?

— От неуверенности.

По сути, хотя Фальк и пришел постепенно к твердому решению, что он никогда не будет лгать, независимо от того, с кем говорит или насколько невероятной может оказаться правда, он не знал, почему он пришел к такому решению.

— Пользоваться оружием врага, значит, играть по его правилам, — сказал он.

— О, это враг давным-давно уже выиграл свою игру! Так значит, ты уже уходишь? Что можно на это сказать? Иди своим путем. Сейчас самое время. Но я на некоторое время хотел бы задержать здесь твою спутницу.

— Я обещал ей помочь в поисках ее соплеменников, — нерешительно сказал Фальк.

— Ее соплеменников?

Суровое, испещренное морщинами лицо повернулось к нему.

— А за кого ты ее принимаешь?

— Она из Странников.

— Она такая же Странница, как я — зеленый орешник, ты — рыба, а эти горы сделаны из сушеного овечьего помета! Придерживайся и дальше своих правил, говори правду — и услышишь правду. Набери фруктов из моих цветущих садов перед тем, как двинуться на запад, Опал, и напейся молоком из моих колодезь в тени гигантских папоротников. Разве я не правлю королевством чудес? Миражи и путь — прямо на запад, до самой границы тьмы. Скажи, что удерживает тебя возле этой женщины — вожделение или верность?

— Мы много пережили вместе.

— Не верь ей!

— Она помогла мне и вселила надежду. Мы — товарищи по несчастью. Мы всегда доверяли друг другу. Почему я должен сейчас изменить этому правилу?

— Как ты глуп! — Владыка Канзаса горестно покачал головой. — Я дам тебе десяток женщин, которые будут сопровождать тебя до самой обители Лжи, с флейтами, лютнями, тамбуринами и противозачаточными средствами. Я дам тебе пять дюжих молодцов, вооруженных ракетницами. Я дам тебе собаку — по правде говоря, я и сам такое же ископаемое животное, как и эти собаки. Все они будут твоими спутниками. Кстати, ты знаешь, почему вымерли настоящие собаки, а не эти шавки, слоняющиеся по степи? Потому что они были верны людям до самого конца! Потому что они слепо доверяли им! Но если ты не пожелаешь моих сопровождающих, то вот тебе мой совет — иди один, человек!

— Но я не могу!

— Тогда поступай, как тебе будет угодно. Игра уже сделана.

Повелитель встал, подошел к трону и уселся в него. Он даже не повернул головы, когда Фальк произносил слова прощания.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Поскольку в памяти Фалька слово «гора» ассоциировалось только с одной вершиной, он думал, что как только они достигнут гор, то достигнут и Эс Тоха. Он не понимал того, что им предстоит еще вскарабкаться на крышу континента.

Один горный хребет вырастал за другим по мере того, как они день за днем ползли все выше и выше. То тут, то там им нередко попадались небольшие стойбища или деревеньки среди лесов, на берегах стремительных потоков, на снежных или гранитных склонах. Зачастую они не могли обойти их иначе как по большому склону, поскольку другой тропы не было.

Они проезжали мимо них на своих мулах — царственном даре Владыки, и никто им не препятствовал. Эстрел сказала, что горцы, живущие здесь, у самого порога владений Сингов, очень осторожны. Они не досаждали незнакомцам и не приваживали их к себе, потому что основным правилом их жизни было избегать, насколько это было возможно, встреч с незнакомцами.

В горах, несмотря на оттепель, ночевки были очень холодными, и потому путники были рады, когда однажды их пригласили на ночлег в деревню.

Она была совсем крохотной: четыре деревянных домика у быстрого ручья, несущего свои воды по дну каньона, спрятавшегося в тени огромных обветренных вершин. У этой деревушки было название Бесдно, Эстрел уже однажды останавливалась в ней много лет назад, когда была еще маленькой девочкой. Обитатели Бесдно, двое из которых были такими же светловолосыми, как и Эстрел, обменялись с ней несколькими короткими фразами. Они говорили на языке, который употребляли Странники. Фальк же говорил со своей спутницей на Галакте, он так и не научился западному языку. Эстрел что-то объяснила своим соплеменникам, указывая на восток и на запад. Те сдержанно кивали, слушая ее и искоса поглядывая при этом на Фалька. Это продолжалось недолго. Потом их отвели к главе общины, и тот предложил усталым путникам еду и кров на ночь, правда, не слишком радушно, а холодно и безразлично. Фальку стало немного не по себе.

Хлев, в котором им предстояло спать, был, однако, теплым, согретым живым теплом скота — коз и птицы, которые теснились здесь в мирном, полном запахов и шорохов сотовариществе. Эстрел еще заканчивала разговор с жителями деревни, а Фальк отправился на сеновал и соорудил там роскошное двойное ложе из сена, расстелив на нем их спальные принадлежности. Когда пришла женщина, он уже почти спал.

— Наконец-то ты пришла. Я чую, что здесь что-то спрятано, но не знаю — что, — пробормотал он сквозь полузабытье.

— Здесь есть только мой запах, — Эстрел засмеялась.

Она всегда так шутила, если только это можно было назвать шуткой.

Фальк от удивления почти проснулся и с недоумением спросил:

— Что это с тобой? Куда девалась твоя печаль? Ты, верно, рада, что город уже совсем близко? Как бы я хотел побыстрее оказаться там.

— А почему бы мне не радоваться? Там я надеюсь отыскать свое племя. Мне сказали, что видели их там на днях. Если же мне это и не удастся, то Повелитель мне обязательно поможет. Да и ты сможешь найти то, что ищешь, и тебе будет возвращено твое наследие.

— Мое наследие? Мне казалось, что ты считаешь меня лишенным прошлого.

— Тебя? Ни в коем случае! Ты не должен думать, что Синги влезли в твои мозги. Как-то раз, еще на равнине, ты сказал это, но тогда я не поняла тебя. Как ты можешь считать себя Выскобленным или рядовым человеком? Ты, который родился не на Земле!

Она редко говорила так убедительно.

То, что она сказала, утешало его, совпадало с его собственными надеждами, но это же и смущало его: она так долго до этого времени была молчаливой и казалась не от мира сего. Затем он увидел, что на ремешке, висшем у нее на шее, что-то блестит.

— Они дали мне амулет, — ответила она на его безмолвный вопрос.

Похоже, это и было источником ее оптимизма. Она с довольным видом глядела на подарок.

— У нас с тобой одна вера. Теперь я знаю — у нас все будет хорошо.

Он улыбнулся ее суеверности, но был рад видеть ее успокоенной. Когда он засыпал, он знал, что она не спит и лежит, глядя в темноту, полную мирных запахов и спокойного дыхания животных.

Когда перед зарей прокукарекал петух, он пробудился и сквозь не вполне отлетевший сон услышал, как она шепчет молитвы над своим амулетом на языке, которого он не знал.

Они избрали тропу, которая вилась к югу от грозных вершин, им оставалось пересечь один горный хребт. Через четыре дня они добрались до перевала.

Небо потемнело, и на голые скалы повалил снег. На перевале была хижина для путников, и они вместе со своими мулами переждали в ней, пока не перестал падать снег и они не смогли возобновить путь.

— Теперь идти будет легче, — заметил Эстрел.

Она повернулась к Фальку. Он улыбался, но, по мере того, как они шаг за шагом приближались к Эс Тоху, в нем росло чувство страха.

Тропа постепенно расширялась, и вскоре превратилась в дорогу. Стали попадаться хижины, фермы, дома. Люди встречались редко, потому что было холодно и дождливо.

На третье утро после того, как они прошли перевал, погода прояснилась, и через несколько часов езды Фальк остановил своего мула, вопросительно взглянув на Эстрел.

— Что такое? — поинтересовалась она.

— Мы у цели? Это Эс Тох, да?

Вокруг них местность была ровная, хотя со всех сторон горизонт закрывали удаленные горные вершины, и вместо пастбищ и пахотных земель, мимо которых они проезжали раньше, вокруг были дома, дома и снова дома! Повсюду были разбросаны хижины, бараки, лачуги и снова многоэтажки, постоянные дворы, лавки, где изготавливались и обменивались различные изделия.

Повсюду были дети, люди, которые шли пешком, во всех направлениях ехали верхом на лошадях или на мулах, проезжали на слайдерах. Людей было не мало, но и не так уж много. Были здесь и праздно слоняющиеся, и по горло занятые каким-либо делом лица. Были грязные и унылые, оживленные и нарядные под ярким утренним солнцем жители этих лачуг и двorcов.

— До Эс Тох еще мила, если не больше, — рассмеялась Эстрел.

— Тогда что же это такое? — недоуменно спросил Фальк.

Фальк взволнованно и испуганно озирался. Дорога, по которой он проделал такой длинный путь из Дома в Восточном Лесу, теперь превратилась в улицу и вскоре должна была закончиться. Люди удивленно смотрели на них и на их мулов, расположившихся посреди улицы, но никто не задерживался возле них и не заговаривал с ними. Женщины отворачивались.

Только оборванные дети указывали на них и смеялись, а потом убежали, скрываясь в грязных переулках или за каким-нибудь баракком.

Это было не то, что ожидал увидеть Фальк. Но как он мог ожидать чего бы то ни было, он, никогда не видевший в глаза ни одного города.

— Я не знал, что в мире столько людей, — наконец выговорил он. — Они роются вокруг Сингов, как мухи на навозе.

— Это оттого, что личинки мух могут развиваться только в навозе! — сухо сказала Эстрел. Она протянула руку и похлопала его по плечу. — Это прихлебатели и отверженные, сброд, который не пускают через городские ворота. Еще немного и мы войдем в город, в истинный Город! Мы прошли долгий путь, чтобы увидеть его, и я думаю, что мы заслужили это!

Они продолжали ехать верхом и вскоре увидели возвышающиеся над убогими крышами домов стены зеленых башен без окон, ярко сверкающие на солнце.

Сердце Фалька учащенно забилося. И тут он заметил, что Эстрел заговорила с амулетом, который ей подарили в Бесдно.

— Мы не можем въехать в город верхом на мулах, — сказала она, отвечая на недоуменный взгляд Фалька. — Нам нужно оставить их здесь.

Они остановились у ветхой общественной конюшни, и Эстрел начала втолковывать что-то на западном диалекте подбежавшему прислужнику. Когда Фальк спросил ее, в чем заключается смысл их разговора, она ответила:

— Я просила взять этих животных в залог.

— Что значит — в залог?

— Если мы не оплатим их содержание, он заберет их себе. Ведь у нас нет сейчас денег, не так ли?

— Нет, — робко согласился Фальк.

У него не только никогда не было денег, он никогда раньше даже не видел их. Хотя на галактическом языке было слово, обозначающее деньги, в диалекте Леса аналогичного эквивалента не было.

Конюшня была последним зданием на краю пустыря, заваленного булыжниками и мусором, который отделял район лачуг от высокой и длинной стены из гранитных глыб.

Пешеходы могли попасть в Эс Тох только одним путем. Огромные колонические колонны обозначали ворота. На левой колонне была вырезана надпись на Галакте:

«ПОЧТЕНИЕ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ».

Справа было длинное предложение, написанное буквами, которых Фальк никогда прежде не видел. Через ворота никто не проходил, и возле них не было стражи.

— Колонна Лжи и колонна Тайны, — громко сказала Эстрел.

Она прошла между ними, ведя за руку озиравшегося Фалька. Он изо всех сил старался не показать, какой благоговейный страх овладел его душой. Когда же он вошел в Эс Тох и увидел его, он долго стоял, не произнося ни слова, и даже Эстрел не могла сдвинуть его с места.

Город Повелителей Земли был выстроен на двух склонах каньона — грандиозной трещины в горах, узкой и фантастически глубокой. Его черные стены были покрыты полосами зелени, спускавшимися вниз на ужасающую глубину, не менее чем в полмили, к серебристой полоске реки, струившейся по самому дну каньона, вечно погруженному в тень. На самых краях обращенных друг к другу отвесных склонов возвышались башни города, едва касаясь земли и соединенные через пропасть стройными арками мостов. Там где башни, мосты и шоссе кончались, стена снова замыкала город — перед головокружительным изгибом каньона. Геликоптеры с прозрачными лопастями носились над бездной, а на улицах и изящных мостах мелькали слайдеры. Хотя солнце еще не поднялось над могучими вершинами к востоку от города, казалось, что эти стройные башни совсем не отбрасывают теней. Эти огромные зеленые башни были так ослепительны, и казалось, что солнечные лучи свободно проходят сквозь них, не встречая при этом никакой преграды.

— Идем, — сказала Эстрел и дернула его за руку.

Фальк очнулся от своих грез и встретил сияющие глаза Эстрел.

— Но ведь нас здесь не ждали. А незваные... — начал было он.

— Здесь нам бояться нечего, — мягко сказала она. — Идем!

Он последовал за ней. На улице, которая спускалась между двумя высокими зданиями к башне на краю обрыва, не было никого. Он обернулся назад, к воротам, и уже не смог различить открытого прохода между колоннами.

— Куда ты меня ведешь?

— Я знаю здесь одно место...

— Что за место?

— Просто дом, где останавливаются наши люди, когда бывают в этом городе.

Она опять взяла его за руку, и пока они проходили по длинной извилистой улице, она шла, опустив взор и тесно прижавшись к нему.

Теперь справа от них неясно вырисовывались высокие дома самого сердца Города, а слева было узкое ущелье без какой-либо стенки или парапета — головокружительный обрыв, внизу которого был абсолютный мрак. Черный пробел между двумя светящимися узкими, как колонны, башнями.

— А если нам понадобятся деньги...

— О нас позаботятся.

Мимо них на слайдерах проехали ярко и причудливо одетые люди. Высоко вверх на посадочных площадках зданий с отвесными стенками мелькали вертолеты. Высоко над ущельем ровно гудел набиравший высоту аэрокар — летательный аппарат Сингов.

— Они все — Синги?

— Некоторые.

Подсознательно он держал левую руку на лазере. Эстрел, даже не взглянув на него, произнесла с усмешкой в голосе:

— Не вздумай воспользоваться здесь своим оружием, Фальк. Ты пришел сюда, чтобы получить назад свою память, а не для того, чтобы еще раз потерять ее!

— Куда ты меня ведешь, Эстрел?

— Сюда.

— Сюда? В этот дворец?

Светящаяся зеленоватая стена без окон, без формы вздымалась вверх, загораживая собой небо. Перед ними возникла открытая многоугольная дверь.

— Здесь меня знают, — сказала Эстрел. Она крепче сжала руку Фалька. — Не бойся. Идем!

Он заколебался. Оглянувшись, он увидел на улице несколько человек, которые шли пешком, это были первые люди из всех, кого он здесь видел. Они празднично шагали по улице, с любопытством поглядывая на Фалька и его подругу.

Это его испугало, и он позволил Эстрел затащить себя внутрь башни. Они прошли через одну дверь, через другую, створки дверей автоматически раздвигались при их приближении. Уже внутри, охваченный мыслью, что совершил непоправимую ошибку, Фальк остановился.

— Эстрел, что это за место?

Они были в высоком зале, полном сочного зеленоватого света, напоминавшем подводную пещеру. В него открывалось много дверей и коридоров, из которых уже спешили навстречу им люди.

Эстрел вдруг отпрянула в сторону. В панике он бросился назад, к дверям, но они уже были закрыты, а дверных ручек у них не было.

Неясные силуэты людей наполнили зал, они что-то кричали и приближались к нему. Он прислонился спиной к зеленым дверям и потянулся за лазером, но тот куда-то исчез.

Фальк начал озираться, ища Эстрел, и внезапно увидел ее. Она стояла позади окружавших его людей и смотрела ему прямо в глаза. В руках у нее был его лазер.

Он бросился вперед, чтобы отобрать пистолет, но его схватили. Он вырвался, но тут же почувствовал удар и услышал звук, которого никогда не слышал прежде, — звук ее смеха.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В ушах Фалька стоял звук, неприятный, режущий ухо, во рту был противный металлический привкус. В голове у него все плыло, он не мог сфокусировать глаза, и, по-видимому, был лишен возможности двигаться. Придя в себя, он было подумал, что не может двигаться из-за того, что избит и одурманен. Потом увидел, что кисти его рук скованы кандалами и такие же кандалы на ногах.

Когда он наклонил голову вниз, головокружение усилилось. В ушах возник громовой голос, непрерывно повторявший одно и то же:

— Ромаррен-ромаррен-ромаррен...

Он напряг силы и закричал, пытаясь освободиться от этого наваждения, которое наполняло его ужасом. В глазах у него вспыхнули искры, и сквозь громовой голос, ревавший у него в голове, он услышал, как кто-то кричит его собственным голосом:

— Я не Ромаррен!..

Когда он снова пришел в сознание, вокруг царил абсолютная тишина. Голова у него болела, и он все еще не мог отчетливо видеть, но кандалов уже не было и следа. Он уже знал, что его защитят, присмотрят за ним и дадут приют.

Они знали, кто он, и радушно встретили его. Теперь он был в безопасности. О нем нежно заботились, его любили, единственное, в чем он теперь нуждался, это сон и отдых. Однако мягкий, глубокий голос все еще оставался у него в голове:

— Ромаррен-маррен-маррен...

Он окончательно проснулся и ему удалось сесть. Он вынужден был уткнуться головой в колени, потому что она сильно заболела и zakружилась от резкого движения.

Сперва он осознал только то, что сидит на полу какой-то комнаты. Пол был на удивление теплый и податливый, почти мягкий, как бок некоего огромного животного. Затем он поднял голову, сфокусировал зрение и осмотрелся.

Он находился посреди комнаты, столь необычной и странной, что у него снова зашумело в голове. Мебели здесь не было. Стены, пол и потолок были из одного и того же прозрачного материала, который казался мягким и волнистым, как толстая бледно-зеленая вуаль, но на ощупь был жестким и гладким. Странная резьба, завитки и швы образовывали сплошной узор по всему полу, но рука, прикасавшаяся к полу, не могла их обнаружить. Это был либо обман зрения, либо все это было под гладкой поверхностью прозрачного пола. Углы, где соединялись стены, были искажены оптическим путем, создававшим впечатление перекрестной стыковки. Для того, чтобы представить себе, что стены образуют прямой угол, требовалось усилие воли, хотя, возможно, это было тоже самообманом,

поскольку углы на самом деле могли быть и не прямыми.

Но ничто из этого назойливого украшения не могло так дезориентировать Фалька, как то, что комната была полупрозрачной. Смутно, как если бы приходилось глядеть в глубь зеленых вод пруда, он видел за ними еще одну комнату. Сверху виднелось пятно света, затуманенное одним или несколькими промежуточными потолками, возможно, это была луна.

Сквозь одну из стен комнаты были отчетливо видны полосы и пятна яркого света, и он мог различить перемещение огней вертолета и аэрокаров. Через остальные три стены наружные огни казались гораздо менее яркими, поскольку были ослаблены другими стенами, коридорами и комнатами. В других комнатах двигались какие-то тени. Он мог видеть их, но не мог разглядеть: черты лица, одежда, размеры и цвет — все было, как в тумане.

Где-то в зеленых глубинах неожиданно выросла темная тень, затем тень стала уменьшаться, становясь все более зеленой и расплывчатой, пока совсем не исчезла в туманном лабиринте. Видимость, но не полнота, одиночество, но не уединение! Это было чрезвычайно красиво — замечательная игра света и теней сквозь зеленоватые туманные поверхности, но в то же время это мешало сосредоточиться.

Внезапно Фальку почудилось, что яркое пятно за ближайшей стеной слегка зашевелилось. Он быстро повернулся и с ужасом увидел нечто живое, отчетливое — какое-то лицо, испещренное шрамами, дикое лицо, глядевшее на него парой желтых, нечеловеческих глаз.

— Синг, — прошептал он.

Он был охвачен паникой. Лицо, будто насмехаясь над ним, изогнуло страшные губы в беззвучном слове «Синг», и он понял, что это — отражение его собственного лица.

Он выпрямился, тяжело дыша, с трудом встал и подошел к зеркалу. Он протянул руку, чтобы удостовериться в своей догадке. Это и в самом деле было зеркало, наполовину утопленное в литую раму, которая была выкрашена таким образом, что казалась более плоской, чем была на самом деле.

Внезапно раздавшийся звук заставил его обернуться. В другом конце комнаты он различил в тусклом монотонно мигающем свете скрытых источников стоящую фигуру. Двери нигде не было видно, но человек вошел в комнату и теперь стоял и глядел на него.

Это был очень высокий человек, широкие плечи которого были окутаны то ли накидкой, то ли плащом. У него были светлые волосы и светлорубиновые пронизательные глаза.

— Добро пожаловать к нам, Фальк, — заговорил человек глубоким, мягким голосом. — Мы долго ждали, когда ты к нам придешь. Мы очень долго вели тебя сюда и защищали.

Освещение в комнате стало ярче. В глубоком голосе слышались патетические нотки:

— Отбрось свой страх и прими наше гостеприимство, о, Вестник! За твоей спиной долгий и темный путь, и ноги твои ступили на дорогу, ведущую домой.

Яркое сияние становилось все более интенсивным и стало слепить Фалька. Он вынужден был непрерывно мигать, а когда поднял взор, щуря веки, человека уже не было.

Непроизвольно в мозгу зазвучали слова, произнесенные несколько месяцев назад старым Слухачом в лесу: «Ужасная тьма ярких огней Эс Тоха».

Больше он не позволит травить себя наркотиками! Он больше не позволит им вводить себя в заблуждение. Он чувствовал себя глупцом из-за того, что дал себя заманить, и боялся, что живым ему отсюда не выбраться, но играть с ним больше не будут! Он бросился на поиски потайной двери, чтобы последовать за этим человеком, но голос за его спиной внезапно произнес:

— Подожди еще мгновение, Фальк. Иллюзии не всегда лгут. Ты ищешь истину? Ну что ж...

Фальк обернулся и увидел, как тонкая трещина в зеркале, за миг до этого сформировавшаяся на совершенно гладкой поверхности, начала расширяться и вскоре превратилась в дверь. В его комнату вошли две фигуры. Одна, маленькая и тонкая, шагнула к нему. На ней были штаны с нарочито выступавшим вперед гульфиком, короткая кожаная куртка, плотно облегающая голову шапка. Вторая, повыше, была в тяжелой мантии и двигалась мелкими семенящими шажками, какими обычно передвигаются танцоры. К его талии — а это был мужчина — спускались длинные пурпурно-черные волнистые волосы, голос был мягкий и глубокий.

— Нас сейчас снимают, Стрелла.

— Я знаю, — ответил невысокий человек голосом Эстрел.

Никто из них ни разу не взглянул на Фалька. Они вели себя так, как будто были совершенно одни.

— Продолжай спрашивать, что хотел, Краджи!

— Я хотел спросить у тебя, почему это отняло так много времени?

— Много? Ты несправедлив, мой Повелитель. Как я могла проследить его путь в Лесу, к востоку от Шорга? Там такая глушь! А от глупых животных помощи не добьешься. Все, что они могут, это лепетать слова Закона. Когда вы мне в конце концов сбросили детектор, я была в двухстах милях к северу от него. Когда я снова нашла его, он следовал прямо на территорию баснассков. Ты знаешь, Совет дал им птицы-бомбы для перехвата Странников и других бродяг. Поэтому мне пришлось присоединиться к этому грязному племени. Разве ты не слышал моих сообщений? Я все время передавала их, пока не потеряла свой передатчик во время перехода через реку к югу от Владения Канзас. Потом моя мать в Бесдно дала мне новый.

— Я не слышал ни одного сообщения. Во всяком случае, ты тратила время и рисковала впустую: за столько недель тебе так и не удалось отучить его бояться нас.

— Эстрел! — закричал Фальк.

Нелепая и хрупкая в своем мужском костюме Эстрел не обернулась и не услышала его. Она продолжала разговаривать с мужчиной в мантии.

Задыхаясь от стыда и гнева, Фальк кричал, звал её по имени, но все было тщетно. Он бросился вперед и схватил ее за плечо, но там ничего не было, только мелькание пятен света в воздухе.

Щелка двери в стене все еще была открыта, и сквозь нее Фальку была видна соседняя комната. Человек в мантии и Эстрел стояли там спиной к нему. Он шепотом произнес ее имя.

Она обернулась и взглянула на него.

Она смотрела в его глаза, и в ее зоре не было ни торжества, ни раскаяния. Ее взгляд был спокойным, бесстрастным, отчужденным, — таким же, как и все то время, когда они были вместе.

— Почему ты лгала мне? — хрипло спросил он. — Зачем ты привела меня сюда?

Он сам знал, почему. Он знал, кем он был и кем всегда оставался в глазах Эстрел.

И не разум сейчас говорил в нем, а его гордость и верность, которые не могли вынести, не могли принять всю тяжесть истины в это первое мгновение.

— Меня послали, чтобы я привела тебя сюда. Было очень нужно, чтобы ты пришел.

Он попытался взять себя в руки. Неподвижно стоя на одном месте, он спросил:

— Ты — из города Сингов?

— Я — Синг.

Мужчина в мантии приветливо кивнул.

— Я — Синг. Все Синги — лжецы, и я значит, Синг, который тебе лжет, когда утверждает, что он не Синг. Но тут опять выходит, что я лгу, хотя и не Синг. Каково? А может быть, все это одна большая ложь — то, что все Синги лгут? Но я на самом деле Синг и лгу искренне. Земные и другие животные, как известно, тоже лгут. Ящерицы меняют свой цвет, жуки имитируют сучки, камбалы лежат неподвижно и принимают окраску песка или гальки в зависимости от того, каков характер дна. Стрелла, этот экземпляр — глупее ребенка.

— Нет, Повелитель Кражи, он очень сообразителен, — запротестовала Эстрел своим нежным, бесстрастным голосом.

Она говорила о Фальке так, как говорят о животных, эта женщина, которая шла рядом с Фальком, ела с ним, спала с ним. Ее он держал в своих объятиях...

Фальк стоял и молча смотрел на нее. Она и тот высокий тоже стояли молча, не двигаясь, как будто ждали от него какого-то сигнала для продолжения разговора.

Он не чувствовал к ней злобы. Он уже ничего к ней не ощущал. Она стала воздухом, пятном, мерцанием света. Все чувства его теперь были обращены вовнутрь, на себя. Он чувствовал почти физическую усталость — от унижения.

«Иди один!» — напутствовал его Владыка Канзаса.

«Иди один!» — сказал Хиардан-Пчеловод.

«Иди один!» — не уставал повторять старый Слухач в лесу.

«Иди один, сын мой!» — говорил и Зоув.

Он или кто-то другой могли бы направить его поиски, помочь ему, вооружить знанием, если бы только он пошел через прерии в одиночку? Сколь многому он мог бы научиться, если бы не доверился душой и телом этой низкой женщине?

Теперь же он ничего не знает, кроме того, что он неизмеримо глуп и что она все время лгала ему. Она лгала ему с самого начала — непрерывно. Она лгала с того самого момента, когда сказала, что она Странница, нет — еще раньше. С того момента, когда впервые увидела его и притворилась, что не знает, кто он и что. Она уже давно знала о нем все и была послана для того, чтобы противостоять влиянию тех, кто ненавидит Сингов — повинных в том, что было сделано с его мозгом, и для того, чтобы помочь ему обязательно добраться до Эс Тоха. «Но тогда почему же, — подумал он мучительно, стоя в этой комнате и глядя на нее, стоящую в другой комнате, — почему же теперь она перестала лгать?»

— То, что я теперь говорю тебе, не имеет никакого значения, — сказала она, как бы прочтя его мысли.

Возможно, так оно и было. Раньше они никогда не пользовались мысленной речью, но если она была из Сингов и имела умственные способности Сингов, мера которых среди людей была только предметом слухов и догадок, она, возможно, подслушивала его мысли в течение всего времени их путешествия. Как он мог судить об этом? Спрашивать же у нее об этом почему-то не хотелось.

И все же... Фальк решительно отбросил все сомнения и двинулся в соседнюю комнату, к Эстрел. Но попасть к ней он не смог: стена была хоть и мягкой, но удар все же получился довольно ощутимый. Он потирал ушибленный лоб, когда позади него послышался какой-то звук. Он обернулся и увидел двух людей, стоявших в другом конце комнаты, возле зеркала. На них были длинные черные одеяния с белыми капюшонами, и они были вдвое выше обычного человеческого роста.

— Тебя так легко провести, — сказал один гигант.

— Ты должен понять, что тебя одурачили, — усмехнулся другой.

— Ты ведь всего-навсего получеловек!

— Получеловек не может знать всей правды, он ненавидит и убивает.

— Ты одурачен и высмеян, подвергнут выкаблыванию и превращен в орудие.

— Откуда ты явился, Фальк?

— Кто ты, Фальк?

— Куда ты идешь, Фальк?

— Что ты собой представляешь, Фальк?

Оба гиганта подняли свои капюшоны, показывая, что под ними ничего нет, кроме тени, и отошли к стене. Затем они прошли сквозь нее и исчезли.

Неизвестно как в его объятиях оказалась Эстрел. Вцепившись в него ру-

ками, она тесно прижалась к нему всем телом и стала жадно и отчаянно целовать.

— Я люблю тебя, Фальк! Я полюбила тебя с того самого момента, когда впервые увидела. Верь мне, Фальк, верь мне!..

Ее плачущую и все время кричащую «Верь мне!» оторвали от него и увели. Казалось, ее утащила какая-то неодолимая, невидимая сила, как будто ее унес свирепый порыв ветра через щель в стене, которая сразу закрылась за ней, точно захлопнулась дверца мышеловки.

— Ты понимаешь, — сказал высокий мужской голос, — что на тебя действуют галлюциногены?

Человек в мантии внезапно оказался в комнате рядом с Фальком. В его голосе прозвучала нотка сарказма и внутренней опустошенности.

— Доверяй сам себе меньше всего.

Мужчина рассмеялся и, задрав свою мантию, обильно помочился. После этого он ушел, обернувшись на прощание и помахав Фальку рукой.

Фальк стоял и смотрел, как зеленоватый пол комнаты постепенно поглощает мочу. Внезапно он заметил, что в стене напротив появилась щель, которая, постепенно расширяясь, образовала проход. Похоже, что это был единственный выход из комнаты, если это опять не галлюцинация. Он сбросил с себя сонливость и бросился вон из западни. Ему повезло, и он оказался в другой комнате, такой же, как и первая, может быть, только чуть меньше и потусклее. В дальнем конце ее виднелась такая же узкая дверная щель, она медленно закрывалась. Он поспешил к ней и очутился в третьей комнате, точно такой же, как и первые две, только поменьше и потемнее. Щель в ее дальнем конце медленно смыкалась, и он бегом помчался в следующую комнату, еще меньше размерами и еще темнее, откуда он протиснулся в маленькую, совсем темную комнатку и, наконец, вполз в раму небольшого тусклого зеркала. И вдруг стал падать вверх, крича от ледящего душу ужаса. Он падал в направлении белой, покрытой рубцами луны, глядевшей на него с высоты.

Проснувшись, он почувствовал себя отдохнувшим, набравшимся сил, но в состоянии крайнего смятения. Он лежал в удобной кровати в ярко освещенной комнате без единого окна. Когда он приподнялся и сел на кровати, к нему словно по сигналу поспешили из-за перегородки двое мужчин с немигающими, бычьими взглядами.

— Приветствуем вас, Лорд Агад! — проговорили они один за другим. — Идемте с нами, пожалуйста!

Фальк встал, совершенно озадаченный, готовясь постоять за себя. Единственным четким представлением в его мозгу было воспоминание о его унижении там, во дворце, когда Синги почему-то не прибегли к насилию.

— Идемте с нами, пожалуйста, — настойчиво повторяли мужчины, стоявшие по обе стороны от него. Ему это надоело, и он кивнул в знак согласия.

Тут же его вывели, все еще голого, из комнаты, провели по плавно изгибающемуся пустому коридору через зал, стены которого были застав-

лены зеркалами, вверх по лестнице, которая на самом деле оказалась гладкой поверхностью, на которой были нарисованы ступеньки, и, наконец, ввели в просторную, обставленную мебелью комнату с зеленовато-голубыми стенами, одна из которых сияла солнечным светом. Один из провожатых остался снаружи, второй вошел внутрь вместе с Фальком.

— Вот — одежда, вот — пища, вот — вода. Теперь вы должны поесть. Хорошо?

Человек смотрел на Фалька, пристально, но без особого интереса.

На столе стоял кувшин с водой, и первое, что сделал Фальк, это вдоволь напился воды, поскольку его мучила страшная жажда. Он осмотрел эту странную, но довольно приятную комнату с мебелью из прочного, чистого, как стекло, пластика с полупрозрачными стенами без окон. Затем он стал с любопытством изучать своего то ли стража, то ли слугу. Крупный мужчина с тупым невыразительным лицом, с пистолетом, пристегнутым к поясу.

— Что говорит Закон? — внезапно спросил, повинаясь какому-то неясному импульсу, Фальк.

— Не отбирать жизнь.

— Тогда зачем тебе пистолет?

— О, это оружие не может убить. Оно делает человека неподвижным, а не мертвым.

Стражник засмеялся. Интонации его голоса были произвольные, не связанные со значением произносимых им слов, и между словами и смехом была какая-то небольшая пауза.

— Теперь поешьте, пожалуйста, — продолжал стражник, — а потом вымойтесь. Вот хорошая одежда. Смотрите, одежда здесь.

— Ты — Выскобленный?

— Нет. Я начальник стражи Повелителей и я подключен к компьютеру номер восемь. Теперь вы должны поесть, попить и вымыться.

— Я все это сделаю, когда ты покинешь комнату.

Последовала небольшая пауза.

— О, да, очень хорошо, Лорд Агад, — наконец вымолвил здоровяк.

Он снова стал смеяться, словно его щекотали. Возможно, он и чувствовал щекотку, когда компьютер говорил, используя его мозг. Кивнув на прощание, мужчина ушел.

Фальку были видны неясные, неуклюжие силуэты двух охранников, видневшиеся через внутреннюю стену комнаты. Они находились по обе стороны двери, в коридоре. Фальк нашел умывальную комнату и помылся. Чистая одежда лежала на огромной мягкой постели в одном из углов комнаты. Одежда, которую он держал, имела свободный покрой и была расшита кричащими ярко-красными и фиолетовыми узорами.

Фальк неодобрительно рассматривал этот балахон, но все же надел его. Его потрепанный вещевой мешок лежал на столе из стекловидного пластика. Кроме старой одежды и пистолета, все было на месте.

На другом конце стола он увидел еду и почувствовал, что проголо-

дался. Он потерял всякое представление о времени, но проснувшийся голод говорил, что он находится здесь уже довольно долго.

Пища была на вид необычная, очень острая, с большим количеством приправ, но он съел все, что было, и не возражал бы против добавки. От нечего делать он начал более внимательно изучать комнату. Тени его стражников за полупрозрачной зеленовато-голубой стеной уже не были видны. Он хотел было выяснить причину этого, но тут обнаружил, что едва различимая вертикальная щель двери начала расширяться. Постепенно в стене возник высокий овал, через который кто-то вошел в комнату.

Сначала Фальк подумал, что это девушка, но затем увидел, что это паренек лет шестнадцати, одетый в такой же балахон, как и он сам. Он остановился на почтительном расстоянии от Фалька, поднял вверх вытянутые руки и стал что-то неразборчиво говорить.

— Кто ты? — спросил Фальк.

— Орри, — произнес юноша.

Он снова стал нести какую-то тарабарщину. Он казался хрупким и возбужденным. В его голосе звучали сильные чувства. Затем он упал на колени и склонил голову. Такой позы Фальк никогда раньше не видел, но ее значение было совершенно ясно: она выражала совершеннейшее почтение и преданность.

— Говори на галактическом языке, — резко произнес Фальк. Он чувствовал себя неловко. — Кто ты?

— Я Хар Орри, доктор Ромаррен, — прошептал паренек.

— Встань. Поднимись с колен. Я не... Ты знаешь меня?

— Доктор Ромаррен, разве вы не помните меня? Я ведь Орри, сын Хара Уэдена...

— Как меня зовут?

Мальчик поднял голову, и Фальк взглянул ему прямо в глаза. Они были серовато-янтарного цвета, кроме больших темных зрачков. Радужная оболочка заполняла всю глазницу, нигде не было видно белого цвета, как у кошек и собак. Таких глаз Фальк никогда раньше не видел, разве что в зеркале прошлым вечером.

— Ваше имя Агад Ромаррен, — испуганно произнес паренек.

— Откуда ты знаешь меня? Почему тебе известно мое имя?

— Я всегда знал вас, доктор Ромаррен.

— Разве ты принадлежишь к моей расе? Ты хочешь сказать, что мы представители одного и того же народа?

— Я сын Хара Уэдена, доктор Ромаррен! Клянусь вам в этом.

На серо-золотых глазах мальчишки показались слезы. Фальк сам имел обыкновение реагировать на стрессовые ситуации кратковременными выделениями слезных желез. Баки как-то упрекнула его за это, она была обеспокоена этой его чертой. Позднее она объяснила, что это скорее всего чисто физиологическая реакция, вероятнее всего, расового происхождения.

Смущение, беспокойство, смятение, которые испытал Фальк, как только попал в Эс Тох, сделали его совершенно неспособным трезво разбираться в

происходящем. Часть его разума твердила: «Это именно то, чего они добиваются. Они хотят таким образом сбить тебя с толку. Они хотят, чтобы ты стал абсолютно доверчивым». Он теперь уже не мог разобрать, была ли Эстрел, которую он так хорошо знал и любил, ему другом, или же она одна из Сингов. А может быть, она просто орудие в руках этих Повелителей. Он не знал сейчас, говорила ли она ему правду или же всегда лгала. Попала ли она в эту западню вместе с ним или же сама создала эту ловушку? Он запомнил ее смех. Но он также помнил и отчаянное объяснение, шепот...

Что же он должен был сделать с этим мальчиком, который с болью и ужасом смотрел на него такими же неземными глазами, как и его собственные? Будет ли этот юноша правдиво отвечать ему или же будет лгать?

Среди всех этих иллюзий, ошибок и оптических обманов, как показалось Фальку, можно было избрать лишь один путь — тот, которому он следовал, покинув Дом Зоува. Он еще раз посмотрел на мальчика и сказал:

— Я не знаю тебя, Хар Орри. В моей жизни, которую я помню, в последние четыре-пять лет, тебя не было.

Сказав правду, Фальк отвернулся, сел в высокое вертящееся кресло и дал знак мальчику сделать то же самое.

— Вы помните Верель, доктор Ромаррен?

— Что такое Верель?

— Наш дом. Наша планета.

У Фалька защемило где-то в груди, но он ничего не сказал.

— Вы помните путешествие сюда, доктор Ромаррен? — спросил мальчик.

Он говорил, запинаясь. В его голосе было недоверие. Казалось, он не воспринимал того, о чем Фальк только что сказал ему. В голосе его были также гнетущая тоска, уважение и страх.

Фальк покачал головой.

Орри повторил свой вопрос, слегка видоизменив его.

— Так вы не помните нашего путешествия на Землю, доктор Ромаррен?

— Нет. А когда это было?

— Шесть земных лет тому назад. Простите меня, пожалуйста, доктор Ромаррен. Я не знал... Я был над Калифорнийским Морем, и они выслали за мной аэрокар, автоматический аэрокар. Мне не сказали, для чего я понадобился. Затем Лорд Кражи сказал, что нашел одного из участников нашей экспедиции, и я подумал... Но он ничего не сказал о том, что случилось с вашей памятью. Значит, вы помните только Землю?

Казалось, он умолял Фалька, чтобы тот ответил отрицательно.

— Я помню только Землю, — кивнул Фальк, твердо решив не поддаваться чувствам, возбуждаемым в нем этим мальчиком, его наивностью, искренностью его лица и голоса.

Он обязан был предполагать, что этот Орри вовсе не такой, каким хотел казаться. «Но что, если он действительно таков?» — мелькнуло у него в голове.

«Больше я не позволю дурачить себя!» — с горечью сказал себе Фальк.

«Да, но если тебе очень захочется этого, ты позволишь! — тут же отозвалась другая часть его мозга. — Тебя непременно одурачат, если только они захотят этого, и нет способа им помешать. Если ты не будешь задавать вопросы этому мальчику, чтобы не выслушивать ложных ответов, тогда ложь восторжествует и результатом твоего путешествия в Эс Тох будет лишь молчание, осмеяние и отвращение. Ты пришел сюда, чтобы узнать свое имя. Какое-то имя названо. Прими его».

— Ты мне расскажешь, кто мы такие?

Мальчик снова стал быстро-быстро произносить какие-то непонятные слова. Затем, увидев непонимающие глаза Фалька, он умолк и печально покачал головой.

— Вы меня не понимаете, вы не помните, как говорить на языке келшак, доктор Ромаррен?

Голос его звучал почти жалобно.

Фальк пожал плечами.

— Келшак — это твой родной язык? — спросил он секундой позже.

— Да! — твердо сказал мальчик. — И ваш тоже, доктор Ромаррен!

— Как на этом языке звучит слово «отец»?

— Хьовач, а для детей — вава, — лицо Орри озарила искренняя улыбка.

— А как вы называете пожилого человека, которого уважаете?

— Для этого есть много слов. Дайте мне подумать, доктор. Я так давно не упражнялся в нашем языке. Если это не родственник, то можно сказать «превнотмо» или «тмокнуой».

— «Тмокнуой». Как-то я уже произносил это слово, не зная, откуда оно пришло мне на ум.

Это не было проверкой. Он никогда не говорил Эстрел о том, как он побывал у старого Слухача в Лесу, но за то время, когда он, одурманенный, был в их руках прошлой ночью или даже, может быть, на протяжении нескольких суток, они могли обшарить все воспоминания в его мозгу и могли узнать все, что он когда либо говорил или думал. Он мог даже не догадываться, что они с ним сделали, и не знал, что еще они могут сделать и сделают. Он не имел ни малейшего представления о том, чего они добиваются. Единственное, что ему оставалось, — это продвигаться дальше, пытаясь выяснить то, что хотел.

— Ты можешь ходить здесь куда захочешь?

— О, да, доктор Ромаррен. Повелители всегда были очень добры. Они уже давно ищут хоть кого-нибудь из оставшихся в живых участников экспедиции. Вам известно что-нибудь на этот счет, доктор Ромаррен?

— Ничего!

— Краджи успел мне сказать, когда я бежал сюда сломя голову, что вы жили в Лесу, где-то в восточной части материка, среди какого-то дикого племени.

— Я расскажу тебе об этом, малыш, если захочешь об этом узнать. Но сначала ты должен рассказать мне вот что. Я не знаю, кто я, кто ты, что это за экспедиция и что такое Верель?

— Мы — келши, — несколько скованно начал мальчик.

Очевидно, он был смущен тем, что ему приходилось давать объяснения человеку, который старше его не только по возрасту, но и во всех других отношениях.

— Мы из народа Келшак и живем на Вереле, — продолжал Орри. — Сюда мы прибыли на корабле «Альтерра».

— Зачем мы прилетели сюда? — спросил Фальк. Он наклонился вперед, стараясь не проронить ни слова.

Орри рассказывал медленно, часто сбиваясь, несколько раз повторяя одно и то же, пока не устал говорить, а Фальк — слушать. К тому времени стены комнат уже озарились светом закатного солнца. Когда они замолчали, бессловесные слуги принесли им еду. За едой Фальк не переставал мысленно изучать бриллиант, который мог оказаться фальшивым, но мог быть и бесценным. Он перебирал в уме подробности рассказа Орри и терялся в домыслах. Мир, который он принял, оставался для него загадкой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

...Изжелта-оранжевое солнце смахивало на око дракона или на огненный опал. Вокруг него по вытянутым орбитам медленно кружились семь планет. Год на третьей, зеленой, планете длился шестьдесят земных лет. «Счастлив тот, кто встретит свою вторую весну», — так гласила одна из приведенных Орри пословиц.

Зимы в северном полушарии планеты были ужасно холодными, темными и мрачными, поскольку ось планеты была сильно наклонена к эклиптике. Зато долгое, продолжительностью в полжизни, лето было неописуемо роскошным.

Гигантская луна, цикл которой составлял четыреста дней, вызвала грандиозные приливы на глубоких морях планеты. Там часто случались землетрясения, извержения вулканов; там обитали передвигающиеся растения, различные животные. И что особенно важно, там была разумная жизнь. Там жили люди, которые владели речью и строили города — средоточия чудес.

В этот отнюдь не волшебный мир двадцать лет назад прибыл космический корабль. Двадцать гигантских лет этой планеты составляют более тысячи двухсот лет по земному летоисчислению.

Колонизаторы, подданные Лиги Всех Миров, прибывшие на этом корабле, посвятили свой труд и свои жизни вновь найденной планете, удаленной от древних центральных миров Лиги в надежде в конце концов привести разумных обитателей планеты в Лигу в качестве новых союзников в Грядущей Войне. Такова была с самого начала политика Лиги, в те

чение многих поколений основывавшаяся на предупреждении пришельцев из Скопления Гриады, об огромной волне завоевателей, которая перемещалась от планеты к планете, все ближе к обширному скоплению из восьмидесяти планет, гордо называющему себя Лигой Всех Миров. Земля, будучи на самом краю Лиги и ближайшей к недавно открытой планете Верель, снарядила первый корабль с колонизаторами.

Должны были прибыть корабли и с других планет Лиги, но ни один из них так и не осуществил посадку на Верель. Война началась.

Единственным средством связи с Землей, с главной планетой Лиги, Давзанта, и со всеми планетами Лиги был ансамбль, мгновенный передатчик энергии, установленный на борту корабля с земными колонизаторами. Как отметил Орри, никакой корабль не мог перемещаться быстрее скорости света, но здесь Фальк поправил его.

Военные корабли, построенные на принципе ансамбля, могли осуществлять мгновенное перемещение в пространстве, но это были смертоносные автоматические машины, невероятно дорогие и непригодные для перевозки живых существ. Скорость света, с ее эффектом замедлять время для путешественников, была пределом скорости перемещения людей от своих родных мест и всецело зависела от ансамбля в получении известий.

Колонизаторы провели на Вереле пять лет, когда им сообщили о нападении Врага, и сразу же после этого сообщения стали сбивчивыми, противоречивыми, редкими, а вскоре и вовсе прекратились. Примерно треть из числа колонизаторов решила преодолеть на корабле огромное космическое пространство, отделявшее их от Земли, чтобы участвовать в борьбе своего народа против поработителей. Остальные же остались на планете Верель. До конца жизни они так и не узнали, что стало с их родной планетой и с Лигой, которой они служили. Они так никогда и не узнали, что представляет из себя Враг и удалось ли ему одолеть Лигу, или же он был повержен в прах. Они оказались в изоляции, не имея ни корабля, ни коммуникатора — маленькая колония, окруженная любопытными и враждебными аборигенами, культура которых была на более низкой ступени развития, но по интеллекту они были равны колонизаторам. Они, а затем и их внуки ждали, но звезды, мерцавшие над их головами, молчали. Не было ни кораблей, ни каких-либо известий. Их собственный корабль, должно быть, был уничтожен, записи о существовании новой планеты утеряны. Все забыли о маленьком желто-оранжевом опале, сверкавшем среди многих мирных звезд.

Колония процветала, все больше распространяясь вглубь от берега моря, где был основан первый город, названный Альтеррией. Затем, через несколько лет, — тут Орри остановился и поправил себя, — через шестьсот лет по земному времени, колония стала переживать тяжелые времена. Резко уменьшилась рождаемость, много детей умирало.

Здесь Орри сделал передышку и оговорился, что он многого не знает, так как только начал изучать историю, и в этом ему очень помогли его отец и сам доктор Ромаррен еще до того, как они отправились в это путешествие.

— Я помню, как вы говорили мне тогда, что альтерране не понимали, что с ними происходит. Они полагали, что это последствия многих лет близкородственных браков, что фактически это было нечто вроде отбора. Повелители, которые сейчас живут здесь, как-то сказали мне, что этого не могло быть, что независимо от того, сколько времени существует на планете чужая колония, она всегда останется чуждой для этой планеты. С помощью генных манипуляций можно получить потомство от браков с коренными жителями, но это потомство будет стерильно. Не могу сказать в точности, что случилось с альтерранами — я был ребенком, когда вы и отец пытались рассказать мне об этом. Помню только, как вы говорили об отборе в направлении к жизнеспособному типу. Как бы то ни было, колонизаторы были на грани исчезновения, когда немногим оставшимся удалось вступить в союз с одной из туземных народностей, таварами. Они вместе пережили зиму, а когда пришла весна, они вдруг обнаружили, что тавары и альтерране могут воспроизводить потомство в достаточном количестве, чтобы основать гибридную расу. Повелители сказали мне, что такого не могло быть, но я-то хорошо помню, что именно так вы говорили мне об этом.

— И мы — потомки этой расы?

— Вы — потомок Альтерра Агада, который был главой колонии землян в течение всей зимы десятого года. Мы узнаем о нем еще в школе. Ваше имя, доктор Ромаррен, — Агад из Шарена. Я не могу похвастать таким происхождением, но моя прабабушка была из семьи Эсми из Кьсу. Это все альтерранские имена. Конечно, для демократического общества Земли такие различия ничего не значат, правда ведь?

Сказав это, Орри смутился, казалось, в его мозгу обозначился какой-то неясный конфликт. Фальк снова вернул его к рассказу о дальнейшей истории Вереля, полной детских домыслов и умозаключений, сделанных на основании тех обрывков, которые ему удалось запомнить.

— Новое смешанное племя со смешанной культурой народов таваро-альтерран, расцвело за годы, следовавшие после тяжелой десятой зимы. Стали разрастаться небольшие города. На единственном континенте северного полушария установилась торгово-коммерческая культура. В течение нескольких поколений она распространилась и на примитивные народы южных континентов, где проблема сохранения жизни в суровую зиму стала более легко разрешимой. Население выросло. Наука и технология начали свой экспоненциальный рывок, чему способствовали книги альтерран, сохранившиеся в библиотеке их первого поселения на этой планете. Тайны этих книг становились все более понятными по мере того, как отдаленные потомки колонизаторов восстанавливали утраченные знания. Они передавали их из поколения в поколение, хранили и копировали эти книги, изучали языки, на которых они были написаны, — языки Лиги. В конце концов были исследованы спутники планеты и окололежащее космическое пространство. Распространение городов и совершенствование нации контролировалось и координировалось могущественной империей Келшак,

расположенной на древнем северном континенте. Находясь на вершине могущества, Империя построила и отправила в космос корабль, способный двигаться со скоростью света. Этот корабль «Альтерра» покинул Верель через восемнадцать с половиной лет после того, как с Земли прибыл корабль с колонизаторами, то есть через тысячу двести лет по земному летоисчислению. Его экипаж понятия не имел, с чем он столкнется на Земле. На Вереле еще не научились строить ансамбль-передатчики, а радиосигналы посылать в космос не осмеливались, чтобы не выдать свое положение какой-нибудь планете, управляемой Врагом, которого так боялась Лига. Для того, чтобы получить необходимые сведения, должны были отправиться живые люди, им предстояло преодолеть громадное расстояние, отделявшее их родную планету от Земли туда и обратно.

— Сколько времени длилось это путешествие?

— Более двух лет по летоисчислению Вереля, возможно, сто тридцать — сто сорок земных лет. Я тогда был еще совсем мальчишкой, доктор Ромаррен. и многого не понимал, а о многом мне и не рассказывали.

Фальк не понимал, почему это должно было смущать паренька. Гораздо больше он был поражен тем, что Орри, которому на вид было лет пятнадцать-шестнадцать, прожил, выходит, сто пятьдесят лет! А он сам?

— «Альтерра», — продолжал Орри, — отправилась на Землю с базы космического флота, расположенной вблизи прибрежного города Тавар. На корабле было девятнадцать человек — мужчины, женщины и дети, большей частью подданные Империи Келшак и считающиеся потомками колонизаторов. Взрослые были отобраны Советом Империи с учетом степени подготовленности, способностей, смелости и готовности к самопожертвованию.

— Что случилось с кораблем? Что произошло с остальными семнадцатью членами экипажа «Альтерра»?

— Мы были атакованы у Барьера. Синги смогли прийти к нам на помощь только после того, как «Альтерра» была разрушена, а нападавшие рассеялись в разных направлениях. Это были бунтовщики, они пользовались межпланетными аппаратами. Синги спасли меня и захватили одного из них. Они так и не узнали, были ли остальные убиты или взяты в плен бунтовщиками. Они вели поиски по всей планете, и около года назад до них дошел слух о человеке, живущем в Восточном Лесу. Было похоже, что это один из членов экипажа.

— Ты помнишь это нападение?

— Нет! Вы же знаете, как такой полет воздействует на психику...

— Я знаю, что для тех, кто находится внутри корабля, двигающегося со скоростью света, время как бы останавливается. Но какие при этом возникают ощущения, в книгах Леса написано не было.

— Отчетливо я ничего не помню. Я был тогда мальчишкой девяти земных лет. И я не уверен, что кто-нибудь мог бы вспомнить это отчетли-

во. Невозможно сказать, как все соотносится между собой. Как будто и слышишь, и видишь, только все как-то не стыкуется друг с другом. Все теряет значение. Не могут объяснить: это ужасно и происходит как будто во сне. Когда же начинается переход в обычное пространство — этот переход Повелители и называют Барьером, — то пассажиры теряют сознание, если не были готовы к этому. Наш корабль не был к этому готов. Никто из нас не пришел в себя, когда на нас напали — потому-то я ничего и не помню о нападении, ничего — ничуть не больше, чем вы, доктор Ромаррен. Когда я пришел в себя, то был уже на борту корабля Сингов.

— Почему тебя, мальчика, взяли в такую опасную экспедицию?

— Мой отец был ее руководителем, мать тоже была на корабле. Вы же знаете, доктор Ромаррен, что когда возвращаются из такого путешествия, то все родные и близкие уже давно умерли. Теперь-то это уже не имеет никакого значения — мои родители погибли, или, может быть, с ними поступили точно так же, как с вами, и они даже не узнали бы меня, если бы мы встретились.

— Какова была моя роль в этой экспедиции?

— Вы были нашим навигатором.

Ирония, заключающаяся в этих словах, заставила Фалька поморщиться, но Орри продолжал в своей уважительной, наивной манере:

— Это означало, что вы должны были прокладывать курс нашего корабля, определять его координаты в космосе. Из всех келши вы были самым большим знатоком математики и астрономии. По рангу вы были старше всех на корабле, кроме, конечно, моего отца Хара Уэдена. У вас была восьмая ступень, доктор Ромаррен. Вы помните?

Фальк отрицательно покачал головой.

Закончив описание экспедиции, мальчик с грустью сказал:

— Я не могу поверить, что вы ничего не помните. Да еще этот ваш жест...

— То, что я покачал головой?

— На Вереле в знак отрицания мыжимаем плечами. Вот так.

Простодушие мальчика было неотразимо. Фальк попытался пожать плечами, и ему показалось, что в этом была какая-то закономерность, правильность, что жест этот был давно ему знаком и привычен. Он улыбнулся, и Орри принялся его утешать.

— Вы так похожи на прежнего себя, доктор Ромаррен, и вместе с тем совсем другой! Простите меня, но что же с вами такое сделали, что вы все забыли?

— Они уничтожили меня. Но теперь я и такой себе нравлюсь. Я такой, какой есть. Мое имя — Фальк!

Орри почтительно наклонил голову.

— Как строго за тобой здесь следят? — спросил бывший доктор Ромаррен.

— Повелители требуют, чтобы я носил при себе коммуникатор, когда я улетаю куда-нибудь на аэрокаре.

Орри притронулся к браслету на левом запястье, который на вид казался обыкновенной золотой цепочкой.

— Это опасно — оказаться среди туземцев? — спросил он.

— Пожалуй. Но ты волен ходить, куда угодно?

— Конечно. Ваша комната, доктор Ромаррен, точно такая же, как и моя, только на другой стороне каньона.

Орри снова заметно смутился.

— Здесь у вас нет Врагов, поймите это, доктор Ромаррен.

— Нет? Где же они тогда?

— Ну... там, откуда вы пришли...

Они взглянули друг на друга, чувствуя обоюдное взаимопонимание.

— Ты думаешь, что наши Враги — земляне? Ты думаешь, что это они уничтожили мой разум?

— А кто же еще? — испуганно прошептал Орри.

— Пришельцы, вот кто! Это наши Враги Синги напали на «Альтерру» и сделали с нами то, что мы сейчас есть.

— Но, — кротко возразил мальчик, как бы понимая, насколько его бывший учитель и наставник невежествен и дик, — Врага никогда и не было. Я хочу сказать, что Синги — это не пришельцы. И Войны Миров не было во Вселенной!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В комнате раздался мелодичный дрожащий звук, похожий на звук гонга, и спустя мгновение чей-то бестелесный голос произнес:

— Совет открывается.

Скользнув в сторону, дверь отворилась, и в комнате появилась высокая фигура в длинной белой мантии и богато украшенном парике.

Брови на лице этого человека были сбиты и нарисованы высоко на лбу. Лицо, явно измененное гримом, принадлежало сильному человеку среднего возраста.

Орри быстро вскочил с места и поклонился, прошептав:

— Добро пожаловать, Лорд Абендабот!

— Хар Орри, — отозвался мужчина голосом, приглушенным до шепота, — приветствую тебя, малыш!

Затем он повернулся к Фальку.

— И вас тоже, Агад Ромаррен. Добро пожаловать к нам. Начинается заседание Совета Земли. Мы соберемся, чтобы ответить на ваши вопросы и рассмотреть ваши требования. Смотрите...

Он мельком взглянул на Фалька и ни на шаг не приблизился ни к одному из присутствующих в комнате верелиан. Этого человека окружала какая-то непостижимая атмосфера власти, а также полного самососредото-

чения, поглощения собой. Он был как бы в стороне от всего происходящего в этой комнате. Все трое с минуту стояли неподвижно. Фальк, проследив направление взглядов остальных, увидел, что внутренняя стена комнаты потускнела и превратилась в подобие прозрачного сероватого студня, линии и формы, отражавшиеся в нем, двигались и трепетали, складываясь в картину. Затем изображение приблизилось, и у Фалька перехватило дыхание. Это было лицо Эстрел, в несколько раз увеличенное.

Ее глаза смотрели на него с отрешенным спокойствием портрета.

— Я — Стрелла Эзобель, — услышал он.

Губы изображения шевелились, но откуда исходил голос, определить было невозможно — холодный абстрактный шепот, может быть, эхо.

— Мне поручили доставить в Город в целости и сохранности участника экспедиции с планеты Верель. Было известно, что он живет где-то на Восточном континенте номер один. Когда я впервые увидела его, я сразу поняла, что это именно тот человек, который нам нужен.

Ее лицо, постепенно исчезая, уступило место изображению лица Фалька.

Бестелесный голос спросил:

— Хар Орри, узнаете этого человека?

Как только юноша заговорил, на экране появилось его лицо.

— Это Лорд Ромаррен, Повелители. Он был навигатором «Альтерры».

Лицо мальчика поблекло, и экран опустел. Зашептало множество голосов, как будто шло совещание духов, говоривших на неизвестном языке.

Было очевидно, что так Синги проводят заседания своего Совета: каждый из них находился, вероятно, в своей комнате в окружении шепчущих голосов. Вслушиваясь в эту неразборчивую абракадабру, Фальк шепнул Орри:

— Ты знаешь этот язык?

— Нет, доктор Ромаррен. Со мной они всегда говорят только на Галакте.

— Почему они общаются таким именно способом?

— Здесь их очень много. Лорд Абендабот говорил, что на Совете Земли их присутствует много тысяч. Они разбросаны по всей планете, и для того, чтобы участвовать в заседании Совета, им приходится прибегать к такой вот процедуре. Повелители находятся почти во всех районах Земли, хотя Эс Тох является единственным городом на этой планете.

Жужжание бесплотных голосов угасло, и на экране начало проявляться лицо мужчины с мертвенно бледной кожей, черными волосами и блеклыми глазами.

— Это Кен Кениек, — шепнул Орри.

Мужчина заговорил:

— Агад Ромаррен, мы собирались на этот Совет для того, чтобы вы могли завершить свою миссию на Земле и, если пожелаете, вернуться затем на свою планету. Сейчас вам будет передано мысленное послание Лорда Пелле Абендабота.

Стена сразу же погасла, приняв свой обычный полупрозрачный зеленоватый цвет.

Высокий человек в дальнем конце комнаты не сводил глаз с Фалька. Губы его шевелились, но Фальк слышал его четко и необычайно отчетливо. Фальк не мог поверить в то, что это была мысленная речь, но в то же время это не могло быть и ничем иным: лишенная интонаций и тембра голоса, рафинированная речь была абсолютно понятной и доходчивой. Это была логика в чистом виде, направленная логика.

— Мы воспользуемся мысленной речью лишь для того, чтобы услышать правду. Мы не верим в то, что те, кто называет себя Сингами, или кто-то другой может исказить или утаить правду при мысленной речи. То, что люди приписывают нам ложь, является само по себе ложью. Но если вы предпочитаете говорить вслух, то так и поступайте, тогда и мы сделаем то же самое.

— Я не владею искусством мысленной речи, — громко произнес Фальк после некоторой паузы.

Его живой голос громко и жестко звучал в тишине комнаты после этого яркого, бессловесного контакта разумов.

— Но я достаточно хорошо ее понимаю. И я не прошу у вас правды. Кто я такой, чтобы требовать истины? Но мне бы хотелось услышать то, что вы считаете необходимым сообщить мне.

Юный Орри, казалось, был потрясен. На лице Абендабота не отразилось ничего.

Очевидно, он был настроен одновременно и на мозг Фалька и на мозг Орри — само по себе редчайшее достижение! Фальк это понял по тому напряженному выражению лица, с которым Орри вслушивался в телепатическую речь.

— Люди стерли содержимое твоего мозга, доктор Ромаррен. Они научили тебя тому, чему хотели, и заставили тебя этому верить. Обученный таким образом, ты не доверяешь нам. Именно этого мы и боялись. Но спрашивай все, что хочешь, Агад Ромаррен с Вереля. Мы будем отвечать тебе правду!

— Долго ли я нахожусь здесь, в Эс Тохе?

— Шесть дней.

— Почему меня напичкали наркотиками и, одурманив, пытались ввести в заблуждение?

— Мы пытались восстановить вашу память, но, как видите, нам это не удалось.

«Не верь ему!» — говорил Фальк сам себе столь упрямо, что Синг, без сомнения отчетливо воспринял бы эту мысль, если бы Фальк, подобно ему, владел искусством проникновения в чужой мозг.

Но Фалька это не заботило. Игра должна быть сыграна, как они того хотят, несмотря на то, что правила ее установлены ими, и они владеют богатым опытом подобных игр. Его неумение не имеет значения. Главное — это честность. Он все поставил только на одну истину — нельзя

надуть честного человека. Правда, если доводить игру до конца, не отступая от правил, приведет только к правде.

— Скажи мне, почему я должен вам доверять? — спросил он.

Мысленная речь, чистая и четкая, снова обрушилась на него. Сам же Абендабот, ее передатчик, так же, как и Фальк и Орри, стоял неподвижно, подобно фигуре на шахматной доске.

— Мы, кого вы знаете как Сингов, являемся людьми. Мы — Земляне. Мы родились на Земле от обычных людей, так же, как и ваш предок Агад Джекоб, житель первой колонии на Вереле. Люди научили вас тому, что, по их мнению, является земной историей за те двадцать веков, которые прошли со времени основания колонии на Вереле. Теперь мы — тоже люди — научим вас тому, что известно нам. Не было никакого Врага, который обрушился с далеких звезд на Лигу Всех Миров. Лига была уничтожена революцией, гражданской войной. Она была уничтожена своими собственными пороками, коррупцией, милитаризмом и деспотизмом. По всем планетам Лиги прокатилась волна переворотов, восстаний, захватов власти. С главной планеты были посланы карательные экспедиции, подвергавшие огню и мечу восставшие планеты, оставляя на них только выжженный песок. Теперь в космос, уже охваченный войной, не отправлялись корабли. Космос кишел кораблями-снарядами, опустошителями планет. Земля не подверглась полному уничтожению, но половина населения ее была уничтожена. Половина ее городов, ее кораблей и ансибл-передатчиков, ее записей, ее культуры тоже погибла. Все это произошло за два ужасных года гражданской войны между противниками и сторонниками Лиги, причем обе стороны были до зубов вооружены ужасным оружием, разработанным Лигой для борьбы с пришельцами. Некоторые отчаявшиеся люди зная, что дальнейшие контрперевороты, разрушения и катастрофы неизбежны, применили новое оружие. Они стали лгать! Они сами себе придумали название, свой язык. Они выдумали легенды о своем далеком родном мире, откуда они пришли на эту Землю. Они распространили по всей Земле слух, как среди собственных приверженцев, так и среди сторонников Лиги, что на Земле появился Враг, что именно он толкнул все разумные расы Лиги на гражданскую войну, что именно он покончил с этой Лигой и полностью захватил власть на Земле в свои руки, и что добились они этого с помощью новой, присущей только им одним способности — лгать в мысленной речи! Люди поверили этому. Это вполне соответствовало их панике, их страху, их усталости. Мир вокруг них лежал теперь в руинах, и они покорились Врагу, который — они охотно поверили в это — имел над ними сверхъестественную власть и потому был несокрушим. Они проглотили эту наживку ради установления мира. И с тех пор они живут в мире! Мы, обитатели Эс Тоха, рассказываем небольшой миф, согласно которому в начале всех начал Создатель сказал Великую Ложь, потому что вообще ничего не существовало. Но Создатель заговорил, сказав: «Она существует!» И заметьте — для того, чтобы эта ложь Бога доказывала Истинность Бога, сразу же начала свое существование

Вселенная. Если мир среди людей зависит от лжи, то тогда должны быть те, кто умышленно поддерживал бы эту ложь. Поскольку люди упорно верили тому, что явился Враг и овладел Землей, мы сами назвали себя Врагами и стали править. Никто не пришел, чтобы оспорить нашу ложь или нарушить установившееся равновесие и мир. Планеты Лиги были разобщены. Век межзвездных полетов прошел. Возможно, всего лишь раз в столетие какой-то корабль с далекой планеты, подобно вашему, заберется сюда. Но еще остались бунтовщики, которые противятся нашему господству, вроде тех, которые напали на ваш корабль у Барьера. Мы пытались их взять под свой контроль, так как, правы мы или нет, мы несли и несем в течение тысячелетия бремя мира между людьми. За то, что мы некогда сказали Великую Ложь, мы должны теперь поддерживать Великий Закон — он вам известен, — который мы, люди среди людей, навязываем каждому индивидууму, один Закон, которому научились в самую ужасную для человечества годину.

Яркая мысленная речь прекратилась, как если бы вдруг выключили свет. В наступившей подобно тьме тишине юный Орри прошептал вслух: — Почтение перед жизнью!

Вновь наступила тишина. Фальк стоял неподвижно, стараясь ни выражением своего лица, ни даже мыслями, которые могли быть подслушаны, не выдавать смятение и нерешительность, охватившие его. Неужели все, что он знал раньше, не соответствует истине? Неужели у человечества действительно не было Врагов?

— Но если эта история правдива, — наконец вымолвил он, — почему вы не скажете об этом во всеуслышание и не докажете свою правоту людям?

— Мы — люди, — пришел телепатический ответ. — Нас много тысяч, тех, кто знает эту горькую правду. Мы — те, кто располагает в этом мире властью и знаниями, используя их во имя Мира! Наступили Темные Века. Сейчас длится как раз один из них, один из многих, когда люди считают, что миром правят демоны. Мы играем роль демонов в их мифологии. Когда же люди начнут заменять свою мифологию логикой или разумом, то мы придем им на помощь. Тогда-то они и узнают правду!

— Зачем вы рассказали мне обо всем этом?

— Ради истины как таковой и ради вас самих.

— Чем я заслужил такую честь? — холодно возразил Фальк, глядя на маскоподобное лицо Абендабота.

— Вы — посланец затерянной в космосе планеты, колонии, все записи о которой были утеряны в эпоху Смуты. Вы прибыли на Землю, и мы, Повелители Земли, не смогли оградить вас от опасности. Ведь это люди Земли напали на вас, перебили или подвергли лоботомии весь ваш экипаж. Это были люди Земли, планеты, на которую вы вернулись спустя многие столетия! Ими оказались бунтовщики с континента номер три, который не так примитивен и заселен гораздо более густо по сравнению с этим континентом номер один. Они пользуются украденными межпланетными ко-

раблями. Они считают, что каждый корабль, обладающий околосветовой скоростью, может принадлежать только Сингам. Поэтому они и напали на ваш корабль без предупреждения. Это могло быть предотвращено, будь мы более бдительными. Но сейчас об этом поздно говорить, и нам остается произвести те возмещения, которые в наших силах.

— Они искали вас и остальных все эти годы, — вмешался в разговор Орри. — Поверьте мне, доктор Ромаррен, они искали вас.

Очевидно, ему очень хотелось, чтобы Фальк поверил всему этому.

— Вы пытались восстановить мою память? — спросил Фальк. — Зачем?

— А разве не за этим вы пришли сюда? Разве не за своим утерянным «я» вы отважились проникнуть в Эс Тох?

— Да, это так, но я...

Фальк не знал, что сказать.

Он не мог не верить в то, что ему рассказали, но вместе с тем... принимать это за истину?... У него не было отправных точек, опираясь на которые он мог бы вынести свое суждение. Он не допускал и мысли, что Зоув и все остальные лгали ему. Но, может быть, они сами были жестоко обмануты?

И все же он с инстинктивным недоверием отнесся к тому, что сказал Абендабот. Но ведь все это было передано посредством мысленной речи, при которой ложь невозможна. Так ли уж невозможна? Если лжец утверждает, что он не лжет...

Фальк, однако, не стал углубляться в логические противоречия. Еще раз взглянув на Синга, он произнес:

— Пожалуйста, не пользуйтесь больше мысленной речью. Я хотел бы слышать ваш голос. Так значит, вы не нашли возможным восстановить мою память?

После плавной четкости мысленной речи шепот Абендабота показался сбивчивым и скрипучим:

— Да, теми средствами, которыми мы пользовались, нам не удалось этого сделать.

— А другими средствами?

— Возможно, стоило бы попытаться. Мы считали, что в вашем мозгу была установлена парагипнотическая блокировка. Однако, как мы обнаружили, у вас было просто стерто содержимое мозга. Непонятно, откуда бунтовщики узнали технику этого процесса, которую мы держим в строжайшей тайне. Но еще большей тайной является то, что даже стертый мозг можно восстановить...

На широко, похожем на маску лице Синга появилась беглая улыбка.

— Мы думаем, что с помощью нашей психокомпьютерной техники сможем восстановить ваш прежний разум. Однако это связано с непременным полным блокированием вашей теперешней личности. Поскольку она существует, мы не смогли бы продолжить работы над вашим мозгом без согласия индивидуума по имени Фальк.

Замещающая личность...

Фальк съехался, будто от холода. Он осторожно спросил:

— Вы хотите сказать, что для того, чтобы вспомнить, кто я на самом деле, я должен забыть, кто я сейчас?

— Увы, в данном случае это именно так. Мы очень сожалеем об этом, поверьте. Эта потеря, я имею в виду, потерю вашей новой личности, возраста которой всего лишь несколько лет, хотя и заслуживает всякого сожаления, но, вероятно, все же не слишком высокая цена, которой оплачивается вступление во владение разумом, который был у вас прежде. Поймите, ведь у вас появится возможность завершения великой космической миссии и возвращения на свою родную планету. Вы обогатитесь знаниями и принесете пользу своему народу.

Несмотря на свой сиплый, будто заржавевший шепот, Абендабот и в обычном разговоре был столь же красноречив, как и в мысленном. При всем при том Фальк далеко не сразу уловил смысл сказанного.

— Возможность завершения? — машинально повторил он.

Он чувствовал себя круглым идиотом и глядел на Орри, как бы ища в нем поддержку и помощь.

— Вы хотите сказать, что послали бы меня, то есть нас, назад на ту планету, с которой, как вы полагаете, я прибыл сюда?

— Мы бы почли это за честь и за начало возмещения, предоставив вам околосветовой корабль для обратного путешествия на Верель.

— Мой дом — Земля! — с неожиданной яростью воскликнул Фальк. Абендабот промолчал. Через минуту заговорил Орри.

— А мой — Верель, доктор Ромаррен, — жалобно произнес он. — И я никогда не смогу вернуться туда без вас.

— Почему?

— Я не знаю, где он расположен. Я никогда не смог бы рассчитать курс для возвращения домой.

— Но у этих людей есть субсветовые корабли и навигационные компьютеры! Тебе нужно только знать, возле какой звезды вращается Верель, и дело с концом!

— Но я как раз и не знаю этого, доктор Ромаррен.

— Какая чепуха! — откликнулся Фальк.

Его недоверчивость переросла в гнев.

Абендабот поднял руку.

— Пусть мальчик все объяснит, Агад Ромаррен, — просипел он.

— Что объяснит? Объяснит, почему он не знает названия солнца своей родной планеты?

— Это правда, доктор Ромаррен, — произнес Орри.

Он весь дрожал. Его лицо покраснело.

— Если бы вы были собой, вы бы знали это наизусть. Я же был тогда всего лишь в своем девятом лунокруге. У меня была всего лишь Первая Ступень. Ступени... Да, наша цивилизация, я полагаю, очень сильно отличается от земной. Теперь я вижу, в свете того, что Повелители пытаются

здесь делать и в свете демократических идеалов Земли, что наша планета во многом отстала. Но тем не менее, у нас имеются ступени, которые не зависят от ранга и происхождения и являются базисом гармонии. Не знаю, как это выразить на Галакте. Знания, может быть, являются базисом нашей жизни на Вереле. Во всяком случае, я был на Первой Ступени, а у вас, доктор Ромаррен, была Восьмая. И на каждой ступени имеется многое, что не может быть понято, пока полностью не взойдешь на эту Ступень. Я думаю, что истинное имя планеты или ее солнца можно узнать не раньше, чем на Седьмой Ступени. Истинное, древнее, название приведено в восьмом сборнике Книг Альтерры, книг колонии. Эти названия записаны на галактическом языке и могут быть поняты живущими на Земле Повелителями. Но я не могу назвать их, так как не знаю их. Все, что я знаю, это понятия «солнце» и «земля». Но это не поможет мне попасть домой до тех пор, пока вы не вспомните того, что знали прежде. Какое солнце? Какая земля? О, вы должны разрешить им вернуть вам память. Вы должны понять меня, доктор Ромаррен.

— Ты хочешь моей смерти, малыш?

Орри заплакал, и Фальк замолчал.

Несмотря на смтение, в котором он пребывал, он вдруг отчетливо увидел сияющее над Поляной солнце. Он будто бы стоял на продуваемом ветрами балконе Лесного Дома. Он понял, что не за именем своим он пришел в Эс Тох, в этот страшный Город, а для того, чтобы узнать название солнца, истинное название древнего светила своей родной планеты!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Странное заседание невидимого Совета Повелителей Земли завершилось. Уходя, Абендабот проскрипел:

— Вы можете поступать по своему усмотрению, Агад Ромаррен. Вы можете остаться Фальком, нашим гостем на Земле, или вступить во владение своим наследством и завершить предначертание ваших соотечественников с Вереля. Мы хотим, чтобы вы сделали свой выбор сознательно и тогда, когда сами сочтете это нужным. Мы будем терпеливо ждать вашего решения.

Затем, повернувшись к Орри, он добавил:

— Сделай так, чтобы твой соплеменник чувствовал себя в городе свободным, и сообщи, если ты или он захотите вдруг что-то узнать.

Дверь отъехала в сторону перед Повелителем, и он вышел из комнаты. Его высокая могучая фигура в мгновение ока исчезла за дверью. Был ли он здесь на самом деле, во плоти, или это своего рода проекция, Фальк не мог с уверенностью судить об этом. Видел ли он хоть раз живого Синга, или все это были только их тени?

— Нам есть куда уйти отсюда? — резко спросил он у маленького сопле-

менника, устав от бесплотных способов общения и иллюзорных стен этого дворца, одновременно он хотел уяснить, как далеко простирается их реальная свобода.

— Куда угодно, доктор Ромаррен. Мы можем выйти на улицу или, может быть, возьмем слайдер? А то пойдемте в сад, расположенный прямо здесь, во Дворце?

— В сад, так в сад!

Он пошел вниз по огромному пустому коридору и через тамбур-шлюз попал в какую-то небольшую комнатку. Орри вошел следом, закрыл дверь и произнес слово «Сад».

Он не ощутил движения, но когда двери открылись, они уже были в саду. Через полупрозрачные стены далеко внизу мерцали огни города. Полная луна празднично висела над стеклянным потолком. Вокруг мерцали мягкие световые пятна и тени, повсюду росли тропические кустарники и лианы, которые вились вокруг шпалер и свисали с беседок. Фальк круто повернулся, чтобы удостовериться — существует ли позади него дорога к выходу. Горячая, тяжелая, полная пряных запахов тишина казалась сверхъестественной. Казалось, что этот сад хранит воспоминания о какой-то далекой, неведомой планете, чуждой всему земному, наполненной чудесными ароматами и иллюзиями, топкими болотами, чреватая неожиданными метаморфозами.

Меж цветущих кустов Орри остановился, чтобы достать из висевшей на столбе корзины маленькую белую трубочку и, взяв ее в рот, стал жадно сосать. Фальк был слишком поглощен другими впечатлениями, чтобы придать этому значение, но мальчик, слегка смутившись, начал объяснять сам:

— Это парпита, успокаивающее средство. Все Повелители прибегают к нему. Оно стимулирует работу мозга. Может быть, вы хотите...

— Нет, спасибо. Я хотел бы расспросить тебя о многом.

Он нерешительно замолчал. Может быть, не стоит задавать вопросы напрямую?

Все время пока шел Совет и пока Абендабот давал свои объяснения, Фалька не покидало ощущение, что все это было представлением, игрой, такой же, какую он видел на старых магнитных лентах у Владыки Канзаса. Там он смотрел одну пьесу, где старый безумный король Лир рыщет в бую по вересковым зарослям.

У Фалька было такое чувство, что пьеса под названием «Совет» разыгрывалась не столько для него, сколько для Орри. Он не понимал причины этого, но он снова и снова ощущал: все, что говорил ему Абендабот, говорилось только для того, чтобы что-то доказать мальчику.

И мальчик верил происходящему. Для него это не было пьесой, если только он сам не был актером и участником представления.

— Меня смущает вот что, — осторожно произнес Фальк. — Ты сказал мне, что Верель находится на расстоянии ста тридцати — ста сорока световых лет от Земли. Но именно на таком расстоянии не должно быть че-

ресурс много планет земного класса, и компьютер мог бы...

— Повелители говорят, — перебил Фалька Орри, — что на расстоянии ста пятнадцати — ста пятидесяти световых лет имеются всего четыре звезды класса «Ж» с планетами, среди которых может оказаться и наша. Но все они находятся в различных направлениях, и если Синги пошлют корабли на ее поиски, то на это, возможно, придется потратить около тысячи трехсот лет реального времени. Вы понимаете, доктор Ромаррен, для того, чтобы отыскать нашу родную планету, понадобится около тысячи трехсот лет!

— Хотя ты был всего лишь ребенком, все же мне кажется немного странным то, что ты не знал, сколько времени уйдет на путешествие, и сколько лет тебе будет, когда ты вернешься домой.

— Речь шла о «двух годах», доктор Ромаррен, то есть, грубо говоря, о ста двадцати земных годах, но мне казалось ясным, что это неточная цифра, потому что мне это было не нужно.

На какой-то момент, возвратившись в своей памяти на Верель, мальчик заговорил с такой трезвой рассудительностью, какой раньше он не вызывал.

— Я думаю, — продолжал он, — что, я, вероятно, не знал, кого и что взрослые собирались обнаружить на Земле, они хотели быть уверенными в том, что мы, дети, незнакомые с техникой блокировки мозга, не сможем выдать местонахождения Вереля противнику. Для нас же самих было, возможно, безопаснее оставаться в полном неведении.

— А ты помнишь, как выглядит звездное небо Вереля, какие там созвездия?

Орри пожал плечами в знак отрицания и засмеялся.

— Повелители тоже спрашивали меня об этом. Я был зимнерожденным, доктор Ромаррен. Весна только началась, когда мы покинули Верель. Едва ли я видел безоблачное небо.

Если все это соответствовало истине, тогда казалось, что действительно только он — только Ромаррен, мог бы сказать, где находится планета Верель. Но объясняло ли это главную загадку — тот интерес, который Синги проявили к нему, причину, по которой он был приведен сюда? Этим ли объяснялось их стремление восстановить его память?

Существовала планета, которая находилась вне их контроля. На нее был совершен субсветовой полет. Именно поэтому Синги хотят узнать ее местонахождение. Если они восстановят его память, он должен будет сказать им все, что знает. Если только они смогут восстановить его память. Если только все из того, что они ему говорили, было правдой.

Он вздохнул. Он устал от этой ненормальной жизни, подозрений, суматохи, от избытка не вызванных необходимостью чудес. Иногда он даже задумывался над тем, а не находится ли он все еще под влиянием какого-то наркотика. Он чувствовал, что не в состоянии судить о том, что ему следует делать. Он, как, вероятно, и этот мальчик, был игрушкой в руках страшных, ни во что не верящих игроков.

— Был ли тот, кого зовут Абендабот, сейчас в комнате, или это была иллюзия?

— Я не знаю, доктор Ромаррен, — ответил Орри.

Вещество, которым он надышался из трубки, казалось, действовало успокаивающе: сейчас он говорил весело и непринужденно.

— Думаю все же, что он там был. Но они никогда не подходят близко друг к другу. Скажу вам честно, хотя это и очень странно, но за все время, которое я провел здесь, за все эти шесть лет я еще ни разу не прикоснулся ни к одному из них. Они стараются держаться в стороне, всегда поодиночке. Впрочем, они всегда были добры ко мне, — поспешно добавил он.

Он глядел на Фалька своими чистыми глазами, чтобы у того не сложилось впечатление, что он лжет.

— Они очень добрые. Я очень люблю и Лорда Абендабота, и Кена Кениека, и Парлу. Но они так далеки, всегда далеки от меня. Они так много знают. Они несут слишком тяжелое бремя. Они охраняют знания и поддерживают мир. Они выполняют много других обязанностей, и притом делают это уже в течение тысячи лет, тогда как остальные люди Земли не несут никакой ответственности, а живут жизнью диких зверей на воле. Их соплеменники — люди ненавидят их и не хотят знать правды, которую им предлагают. Поэтому Повелители всегда должны жить порознь, оставаться одинокими, чтобы сохранить мир, ремесла и знания. Если бы не они все было бы утрачено за несколько десятков лет этими воинственными племенами, Домами, Странниками и рышущими по планете людоедами.

— Далеко не все людоеды, — сухо заметил Фальк.

Было похоже, что Орри немного подзабыл выученный урок.

— Может быть и так, — согласился он.

— Некоторые из них говорят, что они опустили так низко потому, что этого хотели Синги, которые не желают открыть им знания. Если же они будут искать новые знания, которые помогут им построить свой собственный город, то Синги уничтожат его, а заодно и их!

Наступила пауза. Орри закончил высасывать свою трубку и аккуратно припрятал ее среди корней кустарника с длинными красных оттенков цветами. Красные, как плоть, отметил про себя Фальк. Он ждал ответа на свое патетическое высказывание, но постепенно до него стало доходить, что ответа не будет. То, что он сказал, просто не дошло до сознания Орри.

Они продолжали свой путь молча.

— Ты знаешь ту, изображение которой появилось в самом начале? — спросил Фальк.

— Стреллу Эзобельель? — с готовностью отозвался Орри. — Да, я видел ее и раньше на заседаниях Совета.

— Она из Сингов?

— Нет. Она не принадлежит к Повелителям. Я думаю, что она из горцев, но была воспитана в Эс Тохе. Многие люди приводят или присылают сюда своих детей, чтобы их воспитали для службы у Повелителей. А детей с недоразвитым мышлением приводят сюда и подключают к психо-

компьютеру, чтобы и они внесли свой посильный вклад в великое дело. Именно их невежественные люди называют «людьми-орудиями». Ты пришел сюда со Стреллой Эзобель, доктор Ромаррен?

— Да, кроме того, я странствовал с ней, делился с ней пищей и спал в одной постели. Она называла себя тогда Эстрел. Странницей.

— Но вы же тогда должны были сами догадаться, что она не Синг! — вырвалось у мальчика.

Орри покраснел, вытащил еще одну белую трубочку и начал сосать, опустив глаза вниз.

— Если бы она была из Сингов, то не спала бы тогда со мной? Ты это хотел сказать? — Фальк был заинтересован.

Мальчик, все еще красный от смущения, пожал плечами, выразив на свой манер отрицание. Но наркотик придал ему смелости, и он произнес:

— Они не вступают в физическое соприкосновение с другими людьми, доктор Ромаррен. Они словно боги, добрые, умные, но такие холодные и далекие. Они все держатся порознь.

Речь мальчика была сбивчивой, по-детски наивной. Осознавал ли он свое одиночество в этом чуждом мире, в мире, где прожил свое детство и вступил в годы юности. Как он должен быть одинок среди всех этих людей, которые всегда держатся обособленно, которым нет до него дела, которые напичкали его словами, но настолько оторвали от реальности, что уже в пятнадцать лет он стал искать удовольствия в наркотике? Он определенно не осознавал своей изоляции. Казалось, он не имел определенных представлений о многих вещах. Но порой в его глазах была видна такая острая тоска и надежда, что Фальк не мог не жалеть бедного юношу. У Орри был взгляд погибающего от жажды в знойной пустыне, взгляд человека, когда тот смотрит на миражи, возникающие перед ним, — пальмы и арыки с водой, тень и прохлада.

Фальку хотелось бы еще о многом расспросить мальчика, но пользы от этого было бы очень мало. Жалея его, Фальк положил руку на хилое плечо Орри. Тот вздрогнул от неожиданного прикосновения, слегка улыбнулся и принялся снова сосать свой наркотик.

Позже, уже в своей комнате, Фальк долго шагал взад и вперед, как волк в клетке, пока в конце концов не лег спать. Ему снилось, что он находится в Доме, похожем на Лесной Дом, но у его обитателей глаза были цвета янтаря и агата. Он изо всех сил старался убедить их, что принадлежит к их племени, но они не понимали его языка, и как-то странно смотрели на него, когда он, запинаясь, искал нужные слова, слова истины, слова правды.

Когда он проснулся, его уже поджидали люди-орудия, чтобы предупредить любое его желание. Он отпустил их. Выйти в коридор ему никто не препятствовал и он никого не встретил по дороге. Длинные коридоры казались совершенно пустыми, так же, как и подернутые дымкой полупрозрачные комнаты, мимо которых он шел, и которые, казалось, не имели дверей. Однако все время его не покидало чувство, что за ним наблюдают, следят за каждым его движением.

Когда он, вдоволь нагулявшись по этим коридорам, вернулся к себе в комнату, там его уже поджидал Орри, который горел желанием показать Фальку город.

Целый день они бродили по городу пешком или на слайдере, по улицам с их висячими садами, дворцами, жилыми домами и общественными зданиями. Орри был щедро снабжен полосками иридия, которые служили здесь деньгами, и когда Фальк сказал, что ему не нравится модная одежда, в которую его нарядили хозяева дворца, Орри настоял, чтобы они зашли в лавку, торгующую одеждой, и купили там все, что нужно. Фальк стоял среди стеллажей и прилавков, заполненных пышными одеяниями, ослепительно сиявшими яркими цветными узорами. Он вспомнил о Парт, которая ткала на своем маленьком станке белых аистов на темном фоне.

— Я сотку себе черную одежду, — сказала она ему при расставании, — и буду ходить в ней всегда.

Он тоже предпочел бы разноцветью материй и накидок простые черные штаны, темную рубаху и короткую черную меховую куртку.

— Такую одежду носят у нас дома, на Вереле, — сказал Орри.

Он критически оглядел свое собственное огненно-красное одеяние.

— Но у нас там не было зимней одежды из искусственного меха. О, мы могли бы так много взять с собой на Верель! Мы о многом могли бы рассказать и многому научить, если только смогли бы отправиться туда!

Они зашли в помещение для еды, построенное на прозрачном уступе, прямо над ущельем. По мере того, как холодный, ясный вечер опускался с гор в бездну под ними, дома, которые вздымались прямо над краями бездны, стали переливаться всеми цветами радуги, а улицы и висячие мосты засверкали огнями. Орри и Фальк ели остро приправленную пищу, плавали в волнах тихой, окутавшей их музыки, и наблюдали за обитателями Эс Тоха.

Некоторые из них были одеты бедно, другие — роскошно. Многие были одеты в одежду лиц противоположного пола, безвкусно и кричаще, и это смутно напоминало Фальку одежду Эстрел, когда он впервые увидел ее после того, как пришел в себя.

Среди жителей Эс Тоха попадались такие экземпляры людей, каких Фальк никогда прежде не видел: совершенно белая кожа, голубые глаза, волосы цвета соломы. Фальк решил, что эти люди каким-то образом обесцветили себя, но Орри объяснил, что это представители племени, живущего на континенте, чья культура поощрялась Сингами. Они привозили сюда их вождей и молодых людей на аэрокарах, чтобы те смогли увидеть Эс Тох и рассказать остальным.

— Как видишь, доктор Ромаррен, Повелители не отказываются учить туземцев. Как раз наоборот, туземцы сами отказываются учиться. Вот эти бедные люди приобрели многие знания Сингов.

— И что же им пришлось забыть, чтобы заслужить такую награду? — спросил Фальк, не скрывая иронии.

Орри не понял подоплёку вопроса, а если и понял, то ничего больше не мог рассказать о так называемых «туземцах». Он не знал, как они живут и что им доступно из культурного и научного наследия некогда великой цивилизации «Земля». С владельцами лавок и с официантами он был снисходительно вежлив, стараясь вести себя так, как ведет себя человек по отношению к домашним животным.

Это высокомерие он, возможно, привез с Вереля. Судя по его описаниям, общество Империи Келшак было иерархическим, где каждый знал свое место на шкале Ступеней или шкале Рангов, но кто устанавливал Ранги, какие именно критерии лежали в основе этого деления, Фальк так никогда и не смог понять. Насколько он мог судить, Ранг зависел не только от происхождения. Детских воспоминаний Орри не хватало для составления четкой и цельной картины. Фальку очень не нравилось в Орри то, с каким выражением он произносил слово «туземцы». Один раз он не выдержал:

— Откуда тебе известно, кому следует кланяться, а кто должен кланяться тебе? Что до меня, я не могу отличить Повелителя от жителя Земли. Насколько я понял, сами Повелители называют себя людьми!

— О, да! Туземцы так называют сами себя, потому что они упорствуют в своих представлениях о Повелителях как завоевателях-пришельцах. Я и сам не всегда могу их различить, — мальчик обезоруживающе улыбнулся.

— Большинство людей на этих улицах Синги?

— Я считаю, что да. Хотя я мог бы отличить по виду всего лишь нескольких.

— Я не понимаю, где проходит грань, если и те и другие — земные люди?

— Ну, знания, власть... Ведь Повелители уже очень давно господствуют на Земле.

— Но почему они держатся обособленно? Ты как-то сказал, что Повелители верят в идеалы демократии.

Это было древнее слово, которое запало ему в голову, когда он впервые услышал его из уст Орри. Он не был уверен в его значении, но знал, что оно имеет какое-то отношение к участию всех в управлении.

— Да, конечно, доктор Ромаррен. Совет правит демократически, для всеобщего блага. Не забывайте, что здесь нет ни королей, ни диктаторов. Может быть, сходим в парпита-холл? Если вам не нравится парпита, там есть другие стимулирующие средства — танцовщицы, мастера игры на теамбе.

— Тебе нравится музыка?

— Нет, — чистосердечно признался мальчик. — Она вызывает у меня желание плакать или кричать. — Он словно бы извинялся. — Конечно, на Вереле тоже поют, но только маленькие дети и животные. Как-то даже странно слышать, когда это делают взрослые люди. Но Повелителям нравится поощрять местные искусства. А танцы иногда очень красивы.

Фальком вдруг овладело нетерпение. Пора, наконец, покончить с этим делом.

— У меня есть один вопрос к Правителю по имени Абендабот, если он пожелает нас видеть.

— Разумеется. Он был моим учителем в течение целого года. Я могу позвать его с помощью коммуникатора.

Орри поднес к губам золотой браслет, охватывающий его запястье. Пока он говорил, Фальк тихо сидел, вспоминая, как Эстрел шептала молитвы в свой амулет, и удивлялся собственной тупости. Любый дурак мог бы догадаться, что это был передатчик. Любый дурак, кроме одного.

— Лорд Абендабот говорит, что может принять вас в любое, удобное для вас время. Он в Восточном Дворце, — объявил Орри.

Они ушли из столовой, швырнув полоску денег кланявшемуся официанту.

Весенние грозовые тучи скрыли звезды и луну, но улицы были залиты светом. С тяжелым сердцем шел по ним Фальк. Несмотря на все свои страхи, он страстно желал увидеть Город, «Алону», место людей. Но когда он увидел его, то еще больше встревожился и быстро устал. И не толпы людей беспокоили его, а нереальность этого места.

Это отнюдь не было местом людей. В Эс Тохе не было ощущения истории, хотя он уже в течение тысячелетия господствовал над миром людей. В нем было заметно отсутствие библиотек, школ, музеев, которых было так много в древних городах Земли, судя по телевизионным лентам, хранящимся в Доме Зоува. Здесь не было памятников и напоминаний о Великой Эре Человечества. В нем не было потока знаний и товаров. Деньги, которыми пользовались, были просто щедрым даром Сингов, потому что здесь не было экономики, которая могла бы вдохнуть в них жизненную силу. Хотя говорили, что на Земле очень много Повелителей, они основали почему-то только один Город. Они держались порознь друг от друга так же, как и сама Земля держалась отдельно от других планет, которые некогда образовали Лигу. Эс Тох был замкнутым на себя городом. Все его величепие, мелькание огней и машин, роскошь улиц и зданий было построено над глубокой расщелиной, на пустом месте. Это было Место Лжи. И все же это был удивительный город, подобный ограненному бриллианту, упавшему с неба на беспокойную пустыню Земли, — это был удивительный, чуждый и вечный город.

Слайдер перенес их через ярко освещенный мост к вздыбленной вверх башне. Далеко внизу бежала во тьме невидимая речка. Гор не было видно из-за грозовых облаков.

У входа в башню Фалька и Орри встретили люди-орудия. Они провели их к лифту, а затем в полупрозрачную комнату без окон. Их попросили присесть и предложили высокие серебряные кубки с каким-то напитком.

Фальк осторожно попробовал его на вкус и с удивлением обнаружил тот же запах можжевельника, что и у напитка, которым его угощали во Владении Канзас. Он знал, что это крепкое спиртное, и не стал пить. Орри однако с наслаждением смаковал каждый глоток.

Вошел Абендабот, высокий, в белой мантии, с лицом, похожим на мас-

ку. Едва заметным жестом он отпустил слуг и встал на некотором расстоянии от Фалька и Орри.

Вошел еще один человек-орудие и поставил на маленький столик третий кубок. Абендабот поднял его, как бы салютуя, осушил и только после этого заговорил своим сухим шепотом.

— Вы не выпили свой кубок, Лорд Ромаррен. На Земле существует одна старая-престарая поговорка: «Истина в вине». — Повелитель улыбнулся и сразу же стал снова серьезным.

— Вас, я знаю, мучает та жажда, которая утоляется не вином, а истиной.

— Я хочу задать вам один вопрос.

— Всего один?

Что-то насмешливое послышалось Фальку в этих словах — очень отчетливо. Он взглянул на Орри, чтобы проверить свое впечатление, но мальчик посасывал новую трубку парпиты и ничего не заметил. Его серо-золотые глаза были низко опущены.

— Я бы предпочел переговорить с вами наедине, — резко сказал Фальк.

Услышав эти слова, Орри удивленно поднял взор.

— Разумеется, я всегда готов, — усмехнулся Синг.

— Однако хочу вам заметить, Лорд Ромаррен, что на мой ответ не повлияет то обстоятельство, будет ли здесь Хар Орри или нет. У нас нет ничего такого, что мы хотели бы утаить от него. У нас нет ничего такого, что мы могли бы рассказать вам, утаив при этом от него, и точно так же нет ничего, что мы могли бы утаить от вас, поставив в известность его. Но если вам угодно, чтобы мы говорили с глазу на глаз, пусть будет по-вашему.

— Подожди меня в холле, Орри, — сказал Фальк.

Мальчик кивнул и послушно вышел из комнаты.

Когда вертикальные створки двери сомкнулись за ним, Фальк произнес, вернее, прошептал, потому что все здесь не столько говорили, сколько шептали:

— Я хотел бы повторить еще раз мой вопрос. Вы можете восстановить мою прежнюю память только за счет моей нынешней личности, не так ли?

— Почему вы спрашиваете это у меня? И разве я, ответив вам правду, буду уверен, что вы этому поверите?

— А почему я не должен верить этому? — возразил Фальк.

Сердце у него заныло, когда он понял, как играет с ним Синг. Похоже, что в этой игре силы были неравные. По крайней мере сам он был совершенно безвольным и несведущим.

— Вы обязаны не верить всему тому, что мы говорим. Разве не этому учили вас в Доме Зоува? Разве не так вы сейчас думаете?

Фальк осознал всю тщетность своего сопротивления.

— Я скажу вам то, что уже говорил раньше, но только немного подробнее, хотя Кен Кениек лучше меня разбирается во всем этом. Он наиболее искусный среди нас в обращении с мозгом. Хотите, я позову его? Я не сом-

неваюсь, что он не будет возражать против присутствия своей проекции здесь. Нет? Ладно, это не имеет особого значения. Грубо говоря, ответ на ваш вопрос таков: содержимое вашего мозга стерто, выскоблено. Это такая тонкая операция, разумеется нехирургическая, она производится с помощью психоэлектрического оборудования, воздействие которого намного эффективнее, чем обычное гипнотическое блокирование.

То, о чем вы в данный момент спрашиваете, это — вторичная, добавочная, частичная память, структура личности, которую вы сейчас считаете своей основной, своим «Я». Но это, конечно, не так. Если взглянуть беспристрастно, то это ваше второе «Я» — просто рудимент, эмоционально чахлый и интеллектуально неполноценный в сравнении с истинной личностью, которая очень глубоко упрятана в вашей психике. Поскольку мы не могли ожидать, что вы сможете взглянуть на все это беспристрастно, мы имели сильное искушение солгать вам, чтобы рассеять ваши страхи и сомнения и тем самым облегчить вам выбор. Но мы думаем, что вам лучше знать правду. Мы не можем поступить иначе. А истина заключается в следующем: когда мы восстановим функциональные способности вашего мозга в их первоначальном состоянии, если только этими словами можно обозначить такую сложную и опасную операцию, которую готов провести с помощью своих психокомпьютеров Кен Кениек, то такое восстановление повлечет за собой полную блокировку вторичной синаптической плоскости, которую вы сейчас считаете своим разумом и личностью. Это вторичное целое будет безвредно подавлено, то есть в свою очередь стерто.

— Чтобы оживить Ромаррена, вы, значит, должны убить Фалька?

— Мы не убиваем! — раздался свистящий шепот Синга. Затем эти же слова он с жаром повторил мысленно. Последовала некоторая пауза, после которой Абендабот прошептал:

— Чтобы добиться великого, мы должны отказаться от малого. Таково всеобщее правило.

— Чтобы жить, нужно согласиться умереть, — произнес Фальк.

Он увидел, что лицо-маска поморщилось.

— Очень хорошо! Я согласен позволить убить меня. Мое сознание не играет роли, не так ли? Но вы все-таки хотите его получить!

— Мы не убьем вас.

Шепот стал громче.

— Мы никогда не убиваем. Мы не забираем ничьей жизни. Мы просто восстановим вашу истинную память и сущность. Только вам придется забыть все земное. Такова цена. Здесь не может быть ни выбора, ни сомнений. Чтобы стать Ромарреном, необходимо забыть Фалька. На это вам придется согласиться. Это единственное, что мы просим у вас.

— Дайте мне еще один день, — прошептал Фальк. Он проиграл. Он бессилен что-либо изменить. И все же он заставил эту маску поморщиться, на какое-то мгновение он затронул ложь за самое живое место. Он почувствовал, что истина лежит совсем близко на поверхности и будь у него больше сил и умения, он мог бы дотронуться до нее.

Вместе с Орри Фальк покинул башню. Уже на улице он предложил:
— Давай пройдемся немного. Я хотел бы кое-что обсудить в тобой, но только подальше от этих стен.

Они пересекли ярко освещенную улицу и вышли на край обрыва. Овеваемые холодным ветром, они стояли рядом плечо к плечу и смотрели вниз. Фонари моста отбрасывали на них свет. Прямо от края улицы падали вниз стеньки глубокого черного ущелья.

— Когда я был Ромарреном, — медленно проговорил Фальк, — имел ли я право просить тебя о какой-нибудь услуге?

— Вы могли рассчитывать на что угодно, — быстро и спокойно ответил мальчик, как будто вспомнив дни своей учебы на Вереле.

Фальк посмотрел ему прямо в глаза, положил руку на золотой браслет Орри и жестом показал, что его надо бросить в ущелье. Орри попытался было что-то сказать, но Фальк приложил палец к губам.

Глаза мальчика вспыхнули. Немного поколебавшись, он снял браслет и швырнул его в темноту пропасти. Когда он повернулся к Фальку, на лице у него были написаны страх и сомнение и в то же время можно было видеть, что он всей душой хотел заслужить одобрение Фалька. Впервые за все время общения с Орри Фальк мысленно обратился к нему:

— Есть ли у тебя другое такое устройство?

Сначала мальчик ничего не понял. Мысленная речь Фалька была неумелой и слабой по сравнению с тем, как это умели делать Синги. Когда наконец Орри понял, он так же мысленно ответил:

— Нет. У меня был только этот компьютер. Зачем вы приказали мне его выбросить, доктор Ромаррен?

— Я хочу поговорить с тобой и только с тобой. И чтобы нас никто не подслушал. Тебе понятно?

Мальчик казался испуганным.

— Повелители могут услышать, — пробормотал он. — Они могут подслушать мысленную речь где угодно, доктор Ромаррен, а я только еще начинаю упражняться в защите своего мозга...

— Тогда мы будем говорить вслух, — сказал Фальк, хотя он и сомневался в том, что Синги могут прослушивать мысленную речь «где угодно» без помощи какого-либо рода технических средств.

— Вот что я хочу у тебя спросить. Повелители Эс Тоха привели меня сюда для того, чтобы восстановить мою память, память Ромаррена. Но они могут сделать это только ценой моей памяти, памяти, принадлежащей мне, такому, какой я есть сейчас, ценой всего того, что я узнал на Земле. Они настаивают именно на этом. Я же не хочу, чтобы так случилось. Я не хочу забыть все, что знаю и о чем догадываюсь. Я не хочу стать невежественным орудием в руках этих людей. Я не хочу умереть еще раз — раньше своей смерти. Я не рассчитываю на то, что мне удастся воспротивиться им, но я хочу попытаться. Поэтому услуга, о которой я хотел бы попросить тебя, заключается в...

Он замолчал, колеблясь — четкого плана у него пока что не было.

Лицо Орри, раскрасневшееся было от возбуждения, теперь снова потускнело. Он спросил:

— Но почему...

Фальк видел, что власть, которую он на короткое время установил над мальчиком, стала улетучиваться.

— Что «почему»?! — нетерпеливо и грозно сказал Фальк.

— Почему вы не доверяете Повелителям, доктор Ромаррен? Зачем им нужно подавлять ваши воспоминания о Земле?

— Потому что Ромаррен не знает того, что знаю я. И ты тоже не знаешь. А раз так, то для того, чтобы не предать планету, пославшую нас сюда, мы должны быть очень осторожны в своих поступках.

— Но вы ведь даже не помните Верель?

— Ты прав, малыш. Но я не буду служить лжецам, которые повелевают здесь. Слушай меня. Насколько я могу разгадать их намерения, они хотят восстановить мой прежний разум для того, чтобы узнать правильное название и местонахождение нашей родной планеты. Если они узнают об этом, пока будут возиться с моим мозгом, то сразу же убьют меня, а тебе скажут, что операция потерпела неудачу. Если же нет, они сохранят мне жизнь, по крайней мере до тех пор, пока я не скажу им того, что они хотят узнать. А я, как Ромаррен, буду не в состоянии утаить от них всю правду. После этого они пошлют нас назад, на Верель, как единственных уцелевших в этом великом путешествии. После длительного отсутствия, продолжавшегося несколько земных веков, мы возвратимся на родную планету, чтобы рассказать о том, что на варварской Земле Синги-люди высоко держат факел цивилизации. Синги, которые вовсе не являются Врагами, а совсем наоборот, они — жертвующие собой Владыки, мудрые Повелители. И они не какие-то там пришельцы из глубин Вселенной, а самые что ни на есть обыкновенные люди. Мы должны будем рассказать на Вереле о том, как дружелюбно они отнеслись к нам. И нам охотно поверят. Они поверят той лжи, которой поверили мы сами. Поэтому они не будут бояться появления Сингов на Вереле и не придут на помощь людям Земли, истинным ее обитателям, которые так ждут избавления от лжи.

— Но, доктор Ромаррен, все это — совсем не ложь, — запротестовал Орри.

Фальк долго смотрел на него сосредоточенным, ясным взглядом. Сердце его дрогнуло, но он все-таки спросил:

— Так ты сделаешь для меня то, о чем я тебя попрошу?

— Да, — прошептал мальчик.

— Не сказав об этом ни одной живой душе?

— Да.

— Все очень просто. Когда ты впервые встретишься со мной как с Ромарреном, если вообще встретишься, — то скажи мне такие слова: «Прочитайте первую страницу книги».

— Прочитайте первую страницу книги, — покорно повторил мальчик и кивнул головой.

Наступила пауза, Фальк стоял, чувствуя, что его все больше охватывает безысходность, ощущая себя мухой, запутавшейся в паутине.

— И это все, о чем вы хотели меня попросить, доктор Ромаррен? — нарушил наконец тишину Орри.

— Это все.

Мальчик склонил голову и пробормотал какую-то фразу на своем родном языке, очевидно, какую-то формулу общения. Затем он спросил:

— А что мне сказать им о браслете-коммуникаторе, доктор Ромаррен?

— Скажи им правду. Это не будет иметь никакого значения, если ты сохранишь другую тайну.

Фальку показалось, что мальчишку уже научили лгать, но еще не научили отличать правду от лжи.

Орри провел Фалька назад через мост — к своему слайдеру, и они вернулись во дворец с полупрозрачными стенами, куда впервые привела его Эстрел.

Оставшись в своей комнате наедине с собой, он дал выход страху и ярости, осознав, как он одурачен и каким беспомощным его сделали. Он долго метался по комнате, как волк в клетке, борясь со страхом смерти.

Если он отклонит их требования, могут ли они оставить его в живых, как Фалька, пусть бесполезного для них, но и безвредного?

Нет, не оставят. Это было ясно, как день, и только трусость заставила его рассматривать этот вариант. Надежды на это не было никакой!

Может ли он сбежать от них?

Может. Пустота этого здания могла быть таковой на самом деле, а могла быть и кажущейся. Это могло быть ловушкой или, подобно многому другому здесь, иллюзией. Он чувствовал и догадывался, что за ним неотступно следят, подслушивают или подглядывают с помощью скрытых автоматических устройств.

Как он уже успел отметить, все реальные двери охранялись здесь или людьми-орудиями, или электронными мониторами. Но даже если ему и удастся сбежать из Эс Тоха, что тогда? Может ли он совершить обратный путь через горы и равнины, через реки и леса и вернуться в конце концов на Поляну к Парт... Нет!

Он гневно остановил ход своих мыслей.

Он не может вернуться назад. Он уже так далеко зашел, что теперь просто необходимо идти до самого конца, пусть даже через смерть, если ее не удастся миновать, ко второму рождению — рождению чужого ему человека с чужой душой.

Но здесь уже не будет никого, кто сказал бы этому незнакомцу всю правду, потому что здесь нет никого, кому бы Фальк мог довериться, кроме себя самого, и, следовательно, не только придется умереть Фальку, но сама смерть его должна послужить намерениям Врага, а этого Фальк допустить не мог. Мысль об этом была невыносимой.

Он шагал вдоль и поперек по тихому зеленоватому полумраку своей комнаты. Он не должен, не обязан оказывать услугу лжецам. Он просто не

должен рассказывать им того, что они хотят узнать. И не судьба Вереля беспокоила его — исходя из того, что он знал, все его догадки шли в никуда, а сам Верель был такой же ложью. То же самое можно было сказать об Орри и с еще большей уверенностью — об Эстрел. Но он любил Землю, хотя и был чужаком на ней. Земля для него означала Дом в Лесу, залитую Солнцем Поляну, девушку Парт. Вот их-то он и не имел права предавать! Он должен верить в то, что должен быть какой-нибудь способ остаться самим собой, несмотря на все ухищрения и силу Врага.

Снова и снова он пытался представить себе, каким образом он, Фальк, мог бы оставить послание самому себе, но уже как Ромаррену.

Проблема эта сама по себе была столь нелепой, что притупляла его воображение и казалась неразрешимой. Если Синги не будут наблюдать за ним, пока он будет писать такое послание, они, конечно, тут же его обнаружат, когда оно будет написано. Сначала он думал воспользоваться Орри как посредником, приказав ему сказать Ромаррену: «Не отвечайте на вопросы Сингов...», но он не был уверен в преданности Орри. Он не был уверен в том, что Орри будет повиноваться его приказам и сохранит это в тайне от захватчиков. Синги так манипулировали сознанием этого бедного ребенка, что теперь он фактически был их орудием. Даже лишенное смысла послание, которое он уже передал Орри, могло быть уже известно Сингам.

Не было никакого устройства или уловки, никакого средства или способа выбраться из создавшегося положения.

Была только одна надежда, и та очень слабая, что он выстоит, что бы с ним ни сделали; что он останется самим собой и откажется забыть, откажется умереть. Единственное, что ему давало основание надеяться на это, было то, что Синг сказал, что это невозможно.

Он хотел, чтобы Фальк поверил в то, что это невозможно.

Зрительные галлюцинации его первых часов и первых дней в Эс Тохе скорее всего имели целью привести его в состоянии смятения. Он должен был запутаться и потерять веру в самого себя. Вот чего они добивались!

Они хотят, чтобы он не верил самому себе, не верил в свои убеждения, в свои знания, в свою силу. Все их объяснения о стирании содержимого мозга были лишь запугиванием и шантажом с целью убедить его, что он не сможет противостоять их парагипнотическим операциям.

Ромаррен их не выдержал... Но у Ромаррена не было подозрений или предупреждений на их счет. Он не знал о том, что они пытаются с ним сделать, тогда как Фальк только об этом и думает. Вот в чем разница! Поэтому, вероятно, память Ромаррена и оказалась уничтоженной. Теперь они уверяют, что то же самое будет с памятью Фалька. Однако лучшим доказательством их лжи было то, что они все же надеялись восстановить память Ромаррена.

Все, что он мог им противопоставить, это внушить себе: «Я все выдержу». Если удача будет на его стороне, то так и случится. Если же удача от него отвернется...

«Надежда — еще более хрупкая, более трудная вещь, чем даже вера», — подумал он, шагая по комнате под отблески беззвучных молний, различных сквозь полупрозрачные стены, под звуки весенней грозы, разразившейся высоко над его головой. В хорошую погоду верят в жизнь, в плохую — только надеются. Но суть одна и та же. В обоих случаях необходима связь одного разума с другим, с миром и со временем. Без веры человек живет, но не человеческой жизнью. Без надежды он погибает. Когда же нет взаимосвязей, когда руки не соприкасаются с другими руками, тогда чувства атрофируются, разум становится бесконтрольным и одержимым, а отношения между людьми становятся такими, какие связывают хозяина и раба, убийцу и жертву.

Законы существуют для того, чтобы подавлять побуждения, которых люди сами в себе боятся. «Не убий!» было единственным, хвастливым законом Сингов. Все остальное было дозволено. Это означало скорее всего, что было еще не так уж много такого, что бы они на самом деле хотели сделать.

Страшась своего собственного, глубоко в них заложенного влечения к смерти, они проповедовали почтение к жизни, дурача в конце концов и самих себя своей собственной ложью!

Он никогда не смог бы добиться над ними победы, если бы не одно качество, с которым ни один лжец не может справиться — человеческая честность. Вероятно, им и в голову не придет, что человек может так сильно жаждать остаться самим собой, что он, возможно, устоит, даже будучи абсолютно беспомощным.

Все возможно...

Успокоившись, он взял книгу, которую подарил ему Владыка Канзаса и которую, наперекор его предсказанию, он до сих пор не потерял, и стал читать ее очень внимательно, пока не уснул.

На следующее утро, возможно последнее в жизни Фалька, Орри предложил ему продолжить осмотр достопримечательностей города с аэрокара. Фальк согласился, сказав, что очень хотел бы взглянуть на Западный Океан.

Подчеркнуто вежливо двое Сингов, Абендабот и Кен Кениек спросили, можно ли им сопровождать почетного гостя и постараться ответить на все возникшие у того по ходу полета вопросы. У Фалька была смутная надежда, что ему удастся как можно больше узнать о том, что они собираются сделать с его мозгом, и тем самым подготовиться к тому, чтобы оказать более сильное сопротивление. Но из этого ничего не получилось. Кен Кениек разразился бесконечным потоком терминов, непрерывно говоря о нейронах и синапсах, о блокировании и разблокировании, о наркотиках, гипнозе и парагипнозе, о подключенных и неподключенных к мозгу компьютерах. Все это было для Фалька пустым набором слов, бессмысленных, но устрашающих. Фальк вскоре прекратил попытки что-либо узнать о предстоящей операции.

Аэрокар, пилотируемый бессловесным человеком-орудием, который казался лишь приложением к пульту управления, поднялся над горами и устремился на запад над горами и пустынями, расцвеченными кратким весенним цветением. Через несколько минут они уже встретились лицом к лицу с суровым гранитом Западного Хребта. Несмотря на катаклизмы последних двух тысяч лет, горы Сиерры все так же вздымали в небо свои зазубренные пики, выраставшие из занесенных снегом ущелий. За хребтом лежал океан, отражающий яркий солнечный свет. Темными пятнами над его волнами виднелись затонувшие участки суши. Когда-то там были города, ныне уже забытые — так же, как и в его собственном мозгу — забытые города, имена и...

Когда аэрокар повернул на восток, Фальк сказал:

— Завтра будет землетрясение, и то что было Фальком, может уйти под воду.

— Поверьте, что мне будет очень жаль, если это случится, Лорд Ромарен, — печально сказал Абендабот, а Фальку показалось, что в его голосе промелькнула нотка удовлетворения. Всякий раз, когда этот Синг выражал свои чувства словами, они были настолько фальшивы, что, казалось, подразумевали прямо противоположное чувство. Но, возможно, что у Абендабота было полное отсутствие какого-либо чувства и волнения. Кен Кениек, с его бледным лицом и водянистыми глазами, с правильными чертами лица, по которому нельзя было составить представление о его возрасте, в отличие от своего напарника, Абендабота, не выказывал никаких чувств и тем более не притворялся, что они у него есть.

Вот и сейчас он сидел, не двигаясь, без всякого выражения на лице всецело ушедший в себя, замкнутый и отрешенный. Аэрокар мчался стрелой над пустынями, отделявшими Эс Тох от моря. На всем этом огромном пространстве не было никаких признаков обитания людей. Они совершили посадку на крыше здания, в котором была расположена комната Фалька. После нескольких часов, проведенных в обществе холодных, бесстрастных Сингов, он горячо желал хотя бы призрачного уединения. И они позволили Фальку это.

Остаток дня он провел в своей комнате, опасаясь, что Синги могут снова одурманить его или навязать какие-то иллюзии, чтобы рассеять внимание и ослабить волю. Но, по-видимому, они сочли, что уже нет необходимости предпринимать какие-либо меры предосторожности. Его оставили в покое — пусть себе шагает по полупрозрачному полу, или сидит и читает свою книгу. Что он может совершить против их воли?

Снова и снова в течение этих долгих часов он возвращался к книге. Он не решался делать на ее полях никаких заметок или отметок, даже ногтем. Он только читал ее, хотя уже знал ее почти наизусть. Полностью поглощенный чтением, страница за страницей вникал он в эти строки, повторяя их про себя, чтобы он ни делал — рассказывал или сидел, стоял или лежал. Вновь и вновь его мысли возвращались к самому началу этой книги, к первым словам Старого Канона на первой странице:

Путь, который может быть пройден,
Не есть вечный Путь.
Имя, которое может быть названо,
Не есть вечное Имя.

Уже поздно ночью, под гнетом усталости, голода и мрачных мыслей, которые он гнал от себя, от страха смерти, которому он не позволял овладеть собой, ум его наконец пришел к такому состоянию, которого он искал. Стена пала, его душа отделилась от бренного тела, и он стал ничем. Он был одни слова. Он был словом, произносимым во тьме, которое некому было услышать. Его личность отделилась от него и он стал вечно собой — безымянным и одним единственным во Вселенной.

Постепенно чувство времени вернулось, и вещи снова получили имена, а стены поднялись вокруг него. Он прочел первую страницу книги еще раз, а затем лег и постарался уснуть.

Восточная стена его комнаты под ранними лучами солнца стала ярко-изумрудной, когда за ним пришли двое людей-орудий и повели его вниз через дымчатый коридор и нижние этажи здания, усадили в слайдер и повезли по тенистым улицам. Миновав глубокую расщелину, они попали в другую башню.

Эти двое были не теми слугами, которые обслуживали его. Это были могучие, бессловесные стражи, на чьих лицах даже психокомпьютер не смог наложить отпечаток индивидуальности. Помня методичную жестокость избиения, которому он был подвергнут, когда впервые очутился в Эс Тохе, первый урок неверия в себя, который ему преподнесли Синги, он предположил, что они боятся, что он может скрыться в последнюю минуту, и приставили к нему этих стражников, чтобы охладить любой подобный порыв.

Его провели через лабиринт комнат, заканчивающихся в ярко освещенных подземных палатах, стены которых представляли собой экраны и блоки какого-то огромного вычислительного комплекса. В одной из таких комнат его ожидал Кен Кениек.

Фальк удивился, что Синг один. У него мелькнула мысль, что за все время пребывания в Эс Тохе он видел от силы двух Сингов одновременно. Сингов во плоти и крови, не считая иллюзий. Но сейчас у него не было времени ломать себе голову над этой проблемой, хотя где-то в закоулках мозга промелькнуло какое-то неясное воспоминание, объяснение.

— Вы не пытались прошлой ночью совершить самоубийство, — сказал Кен Кениек своим безразличным шепотом.

Фальк не понял, был ли это вопрос или просто констатация факта. Такой выход даже не приходил Фальку в голову.

— Я думал только о том, что охотно позволил бы вам проделать это, — с вызовом ответил Фальк.

Кен Кениек не обратил внимания на эти слова, хотя отлично их слышал.

— Все готово, — просипел он. — Те же запоминающие устройства и

точно такие же связи, которые были использованы для блокирования вашей первоначальной структуры сознания и подсознания шесть лет тому назад. Если вы в душе согласны на этот опыт, то устранение блокировок подсознания не будет сопряжено с какими бы то ни было затруднениями или умственными травмами. Согласие очень существенно для восстановления, хотя совершенно не нужно для подавления сознания. Вы готовы?

Почти одновременно с произнесенными вслух словами он обратился к Фальку при помощи мысленной речи: «Вы готовы?»

— Да, — чуть слышно пробормотал Фальк.

Удовлетворившись ответом и сопровождающими этот ответ эмоциональными обертонами, Синг кивнул и произнес своим монотонным шепотом:

— Я начну сразу, без применения наркоза. Наркотики затуманивают ясность гипнотического и парагипнотического процесса. Без них мне легче работать. Садитесь.

Фальк молча повиновался, стараясь изгнать из головы какие бы то ни было мысли. По незаметному сигналу в комнату вошел ассистент и склонился над Фальком, в то время как сам Кен Кениек уселся перед лицевой панелью одного из компьютеров. В его позе было что-то от музыканта, сидящего перед своим инструментом. На мгновение Фальк вспомнил огромную систему в тронном зале Властителей Канзаса, быстрые черные пальцы, порхавшие над ней, которые чертили и перечеркивали все время меняющиеся узоры камней, звезд, мыслей. Тьма надвинулась на него, на его глаза и на разум, будто шторы на окна. Он сознавал, что к его черепу приспособляются нечто вроде капюшона на подкладке. Затем он перестал что-либо ощущать, кроме черноты, бесконечной, крошечной, всеобъемлющей тьмы!

В этой тьме чей-то голос произнес одно слово, которое он почти что понял. Снова и снова этот голос произносил одно и то же слово, какое-то имя... Подобно языку пламени вспыхнула его воля к жизни, и собрав все свои силы, ломая все препятствия, он провозгласил в тишине тьмы, которая обволакивала его мозг:

— Я — Фальк!

Но тьма все же поглотила его.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Место было темное и тихое, как в дремучем лесу. Бесконечно слабый, он долго лежал, находясь между сном и пробуждением. Ему снились какие-то сны или фрагменты снов, когда-то ранее виденных им. Затем он снова крепко уснул и снова проснулся среди тусклой зелени и тишины.

Кто-то шевельнулся рядом с ним. Повернув голову, он увидел какого-то юношу, совершенно ему незнакомого.

— Кто вы?

— Я Хар Орри.

Имя это упало как камень на спокойную поверхность его мозга и исчезло. Только круги от него становились все шире и шире, пока мягко и медленно внешнее кольцо не коснулось берега и не исчезло. Орри, сын Хара Уздена, один из Путешественников, мальчик, ребенок, зимнерожденный.

По спокойной поверхности его мозга прошла легкая рябь. Он снова прикрыл глаза и ему захотелось снова нырнуть в глубь успокаивающей темноты.

— Мне снилось, — пробормотал он с закрытыми глазами, — что...

Через мгновение он снова заговорил:

— Мне много чего привиделось...

Поняв, что от действительности уйти нельзя, он открыл глаза и смело взглянул в испуганное, нерешительное лицо юноши. Это был Орри, сын Уздена, Орри, каким он будет через пять или шесть лунокругов, если только они переживут это путешествие.

— Что это за место? — силился вспомнить он.

— Пожалуйста, лежите спокойно, доктор Ромаррен. Вам еще нельзя разговаривать. Пожалуйста, лежите тихо.

— Что со мной случилось?

Головокружение заставило его послушаться мальчика, и он снова опустил голову на подушку.

Тело его, даже мышцы губ и языка, когда он произносил слова, не повиновались ему должным образом. Это была не слабость, а странное и страшное отсутствие управляемости. Чтобы поднять руку, ему требовалось прибегнуть к такому усилию воли, как будто он поднимал не свою, а чужую, чужунную, руку.

Чью-то чужую руку... Он долго смотрел на свою вытянутую вперед руку, которая была покрыта на удивление темным загаром.

От локтя до запястья следовала серия голубоватых параллельных точеч-шрамов, образовавших легкий пунктир, как будто нанесенный повторяющимися уколами игл. Кожа на ладони огрубела и обветрилась, как будто он работал на открытом воздухе, а не в лабораториях и вычислительном центре Управления путешествием.

Внезапно что-то заставило его приподняться и оглядеться. Комната, в которой он находился, не имела окон, но он мог видеть солнечный свет внутри нее, пробивавшийся сквозь полупрозрачные — это он понял уже позднее — зеленоватые стены.

— Что? Произошла авария? — вымолвил он с трудом. — При запуске или когда... Но мы все же совершили полет. А может быть, мне все это снится?

— Нет, доктор Ромаррен, мы действительно совершили полет.

В комнате вновь воцарилась тишина. Через несколько минут он начал говорить будто про себя:

— Я припоминаю полет, как одну ночь, одну долгую, последнюю ночь. Но длилась она столько, что ты превратился из ребенка почти в мужчину. Значит, мы в чем-то ошиблись, определяя время полета.

— Нет, полет здесь ни при чем...

Орри запнулся.

— А где же все остальные?

— Пропали без вести.

— Погибли? Говори прямо, Орри!

— Возможно, что и погибли, доктор Ромаррен.

— Где мы сейчас находимся?

— Пожалуйста, успокойтесь...

— Отвечай!

— Эта комната находится в городе, который называется Эс Тох, на планете Земля, — выпалил мальчик. В его голосе послышались звуки, напоминающие рыдания. — Вам ничего об этом неизвестно? Вы не помните этого? Ничего не помните? Значит, теперь еще хуже, чем прежде...

— Откуда мне помнить Землю? — прошептал Ромаррен.

— Я должен был сказать вот что: прочтите первую страницу книги!

Ромаррен не обратил внимания на сбивчивую речь мальчика. Теперь он знал, что все пошло кривь и вкось. Но пока ему не удалось побороть эту необычную слабость своего тела, он ничего не сможет сделать. Пока не прошло головокружение, он решил не делать резких движений и начал отрешенно цитировать монологи Пятого Уровня. Это успокоило его разум и он начал засыпать.

Ему снова привиделся сон, запутанный и страшный, но он пробивался в его успокоившееся сознание, как лучи солнца пробиваются сквозь тьму частого леса. Когда он заснул крепче, эти фантастические видения исчезли, и во сне всплыло одно простое, отчетливое воспоминание: он стоит рядом с каким-то крылатым аппаратом, чтобы вместе с отцом отправиться в город. Вплоть до самого подножия горы Чара деревья уже сбросили свои листья, но воздух все еще теплый, чистый и спокойный. Его отец, Агад Карозн, худощавый, подвижный, пожилой человек, облаченный в парадное одеяние, со шлемом на голове и с жезлом в руках медленно идет по лужайке вместе со своей дочерью, и оба они смеются, когда он дразнит ее, упоминая о ее первом поклоннике.

— Гляди в оба за этим парнем, Парт, он будет немилосердно свататься к тебе, стоит только тебе позволить...

Слова эти, легкомысленно произнесенные давным-давно, в яркий солнечный день долгой золотой осени его молодости, он снова услышал теперь, как и ответный смех девушки. Сестра, сестренка, любимая Ариан... Каким это именем назвал ее отец? Не настоящим ее именем, а как-то иначе, что-то вроде Парт...

Ромаррен проснулся. Он сел на кровати, с некоторым усилием пытаясь подчинить себе свое тело. И хотя оно еще не было вполне послушным, он все же ощутил, что это определенно его тело. А ведь в момент пробуждения у него было такое чувство, что он был лишь призраком в чужой плоти, насильно помещенным в нее и затерявшимся в ней.

Теперь он себя чувствовал вполне прилично. Он — Агад Ромаррен, рожденный в доме из серебристого камня среди широких лугов, раскинувшихся у седой вершины Чара — Единственной Горы. Он был наследником Агада, рожденным осенью, и потому обреченный всю свою жизнь прожить осенью и зимой. Весну он никогда не увидит, так как корабль «Альтерра» начала свой полет к Земле в первый день весны. Но долгая зима и осень, время его взрослой жизни, юности и детства, простирались вглубь его памяти ярко и полно.

Он помнил все до мелочей, память его была подобна реке, по которой можно было подняться до самого истока.

Орри в комнате не было.

— Орри! — громко позвал он мальчика.

Теперь он был настроен решительно. Он готов был узнать, что же произошло с ним, с его спутниками, с «Альтеррой», достигнута ли цель их великого Путешествия.

На его крик никто не отозвался. Комната, казалось, не имела не только окон, но и дверей. Он сдержал свой порыв мысленно обратиться к мальчику. Он не знал, настроен ли тот до сих пор на его мозг, и чувствовал, что его собственный мозг, очевидно, перенес то ли какую-то травму, то ли вмешательство. Поэтому он счел за благо действовать осторожно и не синхронизировать свой мозг с каким-либо другим, пока не узнает, не угрожает ли ему внешний контроль над его волей, либо потеря чувства времени.

Он встал, преодолевая тошноту и кратковременный острый приступ боли в затылке. Он несколько раз прошелся по комнате, чтобы размяться и обрести координацию движений. Заодно он рассмотрел более внимательно диковинную одежду, которая была на нем, и ту странную комнату, в которой он находился. Здесь было много мебели — кровать, столы, места для сидения, — все это было установлено на длинных тонких ножках. Полупрозрачные и в то же время зловещие зеленые стены были покрыты явно обманчивыми, чередующимися узорами, один из которых маскировал дверь-диафрагму, а другой — высокое зеркало. Он остановился и взглянул на свое отражение. Он показался себе похудевшим, обветренным и гораздо старше, чем был. Глядя на себя, он ощутил непонятное чувство неловкости. Чем она была вызвана? Он повернулся и еще раз внимательно осмотрел комнату.

В ней было много загадочных предметов. Два предмета были обычной формы, но детали их притягивали взгляд: чашка для воды на столе и рядом с ней книга, состоявшая, очевидно, из отдельных листов. Он подошел и взял книгу. Что-то, о чем недавно сказал Орри, промелькнуло у него в голове и вновь исчезло.

Название этой Книги было для него лишено всякого смысла, хотя отдельные буквы были очень похожи на буквы алфавита Языка Книг. Он открыл ее и стал листать страницы. Листы слева были исписаны столбцами причудливых и очень сложных узоров, которые могли быть рели-

гиозными символами, иероглифами, а может быть, стенографическими знаками. Листы справа были, похоже, тоже написаны от руки, но буквы напоминали галактический алфавит. Книга-шифр? Он не успел как следует поломать голову над этими предположениями, как дверь сдвинулась в сторону, будто штора, и в комнату вошла женщина.

Ромаррен смотрел на нее с нескрываемым любопытством, беспечно и без всякого страха, потом, почувствовав, вероятно, себя уязвимым, он придал своему взгляду больше твердости и уверенности, что должно было соответствовать его происхождению, достигнутой им Ступени и положению. Этот взгляд не смутил женщину, она смело глядела на него. Некоторое время они стояли так, не издавая ни звука.

Она была красива и стройна, закутана в фантастические одежды. Волосы то ли обесцвечены, то ли пигментированы. Глаза — темные круги, оправленные в белый овал.

На фресках Зала Лиги в Старом Городе ему уже встречались подобные глаза, принадлежащие темнокожим, высоким людям, которые были первыми колонистами на Вереле и которые построили Старый Город. Теперь Ромаррен знал совершенно точно, что он на самом деле находится на Земле, что он совершил полет!

Он отбросил гордыню и инстинкт самозащиты, он встал перед женщиной на колени.

Для него, для всех людей, которые послали его в это путешествие через восемьсот двадцать пять триллионов миль пустоты, она была представительницей расы, которую время и память наделили божественными качествами.

Она стояла перед ним сама по себе, как отдельный индивидуум, однако она была из расы людей и смотрела на него глазами этой расы, и он почтил историю, легенды и долгие изгнание своих предков, склонив голову, стоя перед ней на коленях.

Через минуту он встал и протянул раскрытые ладони, как было принято у народа Келшак приветствовать близких. Она начала что-то говорить ему. Эта речь была очень странной, потому что, хотя ему никогда не доводилось видеть ее прежде, голос этой женщины был бесконечно знаком. И хотя он не знал этого языка, все же он понял — сначала одно слово, потом другое. Сначала это напугало его своей естественностью, и вызвало в нем опасение, что она пользуется какой-то из форм мысленной речи, способной проникнуть через его барьер несинхронизированного мышления. В следующее мгновение он осознал, что понял ее потому, что она заговорила на Языке Книг, на Галакте, только ее акцент и беглость речи помешали ему сразу осознать это.

Она уже сказала несколько фраз, говоря удивительно быстро, бесстрастно и как-то безжизненно.

— ... не знают, что я здесь, — уловил он конец фразы. — Теперь скажи мне, кто из нас лжец. Скажи, кто из нас оказался неправым? Я прошла вместе с тобой весь этот бесконечный путь, я спала с тобой добрую сотню

ночей, а теперь ты даже не знаешь моего имени. Ведь так, Фальк? Тебе известно мое имя? Знаешь ли ты свое собственное?

— Меня зовут Агад Ромаррен, женщина, — сказал он.

Собственное его имя звучало как-то странно для его слуха.

— Кто тебе это сказал? Ты — Фальк! Разве тебе не известен человек по имени Фальк? Он прежде был в твоей плоти. Кен Кениек и Краджи запретили мне говорить тебе твое имя, но мне уже давно тошно от их вечных игр и невозможности жить той жизнью, какой хочешь. Мне бы хотелось разыграть свою собственную игру. Неужели ты не помнишь свое имя, Фальк? О, ты сейчас такой же слабый и глупый, каким был всегда, глядя на меня, как выброшенная на берег рыба.

Он сразу же опустил глаза. Смотреть прямо в глаза другому человеку было очень болезненно для обитателей Вереля, это было строго регламентировано различными табу и предписаниями. Это был его единственный отклик на ее слова, хотя его внутренние реакции были несколько другими. С одной стороны, она была под воздействием слабой дозы наркотика, скорее всего стимулирующего галлюцинации. Его натренированная восприимчивость сказала ему об этом со всей определенностью, независимо от того, нравилось ли ему то, что под этим подразумевалось, когда дело касалось расы людей. С другой стороны, он не был уверен, что понимал все, что она говорила, и определенно не имел понятия о многом из того, о чем она говорила. Но ее намерения были по природе своей агрессивны и имели целью разрушение. Эта агрессивность была действенной. Несмотря на всю непостижимость того, что она только что ему сказала, ее загадочные колкости и неизвестное имя, которое она непрестанно повторяла, затронули в нем какую-то струну, потрясли его и смутили его разум.

Он отвернулся в сторону, чтобы дать ей понять, что он не станет встречаться с ней взглядом, если только она сама этого не захочет, и произнес на архаичном языке, который его народ знал только по древним книгам Колонии:

— Вы из расы людей или из расы Врага, женщина?

Она рассмеялась.

— Из обеих, Фальк. Здесь нет Врага, и я работаю на Него. Слушай, скажи Абендаботу, что твое имя Фальк. Скажи Кену Кениеку! Скажи всем Повелителям, что твое имя — Фальк! Это заставит их немного побеспокоиться, Ф а л ь к...

— Хватит!

Голос его был таким же мягким, как и раньше, но теперь он вложил в него всю властность, которая была ему обычно присуща.

Она замолчала на полуслове, недоуменно открыв рот и тяжело дыша. Заговорила она только для того, чтобы повторить имя, которым она его называла. У нее стал жалкий вид, но он ничего не сказал ей. Она была временно или даже постоянно в состоянии душевного расстройства, и он почувствовал себя в этих обстоятельствах слишком уязвимым и слишком неуверенным, чтобы продолжать и дальше общение с ней. Он и сам ощу-

щал себя потрясенным и потому постарался избавиться от влияния ее голоса, воздвигнув в своем мозгу блокаду. Ему необходимо было собраться с мыслями.

С ним происходило что-то очень странное. Какое-то наркотическое воздействие, последствий которого он не ощущал. Однако глубокий душевный сдвиг и неустойчивость психики были сейчас гораздо хуже, чем любое из стимулированных безумий, через которые он прошел для достижения Седьмой Ступени.

Голос позади него перешел в пронзительный, злобный крик. Он уловил ярость в этом крике и одновременно почувствовал, что в комнате присутствует еще кто-то. Он проворно обернулся.

Женщина вытаскивала нечто из складок своей одежды, скорее всего оружие, но тут же замерла, глядя не на него, а на высокого человека, появившегося в дверях.

Не было произнесено ни слова, но вновь прибывший направил в сторону женщины телепатический сигнал столь ошеломляющей силы, что Ромаррен вздрогнул. Оружие упало на пол, а женщина, издав пронзительный визг, выбежала из комнаты, пытаясь убежать от уничтожающей настойчивости мысленного распоряжения. Ее туманная тень вызвала на мгновение игру красок на стене и исчезла.

Высокий человек перевел взгляд на Ромаррена и задал ему мысленный вопрос обычной телепатической силы:

— Кто вы?

Ромаррен спокойно ответил:

— Агад Ромаррен.

Больше он ничего не сказал и не поклонился.

Все складывалось гораздо хуже, чем он представлял себе вначале. Что это за люди? Судя по стычке, свидетелем которой он только что стал, здесь царствовали безумие и жестокость и не было ничего, что могло бы вызвать почтительность и доверие.

Высокий человек подошел ближе, напряженно улыбаясь, и вежливо произнес на Языке Книг:

— Я Пелле Абендабот и я говорю вам: добро пожаловать на Землю, наш соплеменник, сын долгого изгнания, посланец Затерянной Колонии.

Ромаррен, услышав эти слова, отвесил сдержанный поклон и только спустя довольно продолжительное время вымолвил:

— Похоже, что я уже был на Земле какое-то время и нажил себе врага в лице этой женщины, а также заработал несколько шрамов. Вы мне должны рассказать, как это произошло. Кроме того, я хотел бы знать, что стало с моими соотечественниками. Если хотите, обращайтесь ко мне мысленно: я не говорю на Галакте так хорошо, как вы.

— Доктор Ромаррен, — начал высокий мужчина. Очевидно, он перенял это обращение от Орри просто как выражение почтения и не имел представления, какие взаимоотношения стоят за этим титулом. — Прежде всего простите меня за то, что я заговорил не вслух. Мы пользуемся мыслен-

ной речью только в самых экстренных случаях или при общении с низшими по положению. Кроме того, извините нас за вторжение этого создания, прислуги, которую безумие побудило преступить закон. Обещаю вам, что мы обязательно приведем ее рассудок в нормальное состояние. Больше она вас беспокоить не будет. Что же касается ваших вопросов, на каждый из них вы получите ответ. Если говорить коротко, то это очень невеселая история, которая сейчас, вопреки всему, все же завершается относительно счастливым концом. Ваш корабль «Альтерра» подвергся нападению со стороны наших врагов в околоземном пространстве. На вас напали бунтовщики, поставившие себя вне Закона. Они захватили по меньшей мере двоих, если не больше, из вашего экипажа, прежде чем появилась наша дежурная команда. Когда она прибыла, они уже успели уничтожить «Альтерру» со всеми, кто находился на ее борту, и рассыпались в разные стороны на своих маленьких аппаратах. Мы поймали один из них, в котором пленником был Хар Орри, но вас, похоже, увезли на другом — не знаю, с какой целью. Они не убили вас, но стерли вашу память — вплоть до раннего периода вашего детства, а затем отпустили в диком лесу, где вас могла ожидать только смерть. Но вы выжили и были приняты в среду лесных варваров. В конце концов наши поисковые группы обнаружили вас, привезли сюда и с помощью парагипнотической техники нам удалось восстановить вашу память. Вот и все, что мы могли сделать. Безусловно, это немного, но большего нам сделать не удалось.

Ромаррен внимательно слушал. Рассказ ошеломил его, и он не пытался скрыть охватившее его волнение. Но он ощущал также что-то похожее на тревогу и подозрение, и эти чувства он попытался скрыть. Высокий незнакомец, отрекомендовавшийся Абендаботом, обратился к нему, хотя и на очень короткое время, телепатически и таким образом сумел произвести определенную настройку на разум Ромаррена. Затем он прекратил свои телепатические сигналы и установил защиту от мысленного проникновения верелианина.

Однако она не была совершенна. Ромаррен, будучи очень чувствительным и прекрасно натренированным, получил смутное впечатление противоречия с тем, что говорит этот человек вслух. Это намекало либо на слабоумие, либо, что было вполне вероятно, на ложь. Но, может быть, он сам настолько был выбит из колеи в результате испытанного им парагипноза, что на чувствительность его восприятия нельзя было положиться?

— Когда это было? — спросил он наконец, заглянув в эти чужие ему глаза.

— Шесть лет по земному летоисчислению, доктор Ромаррен.

Длительность земного года приблизительно была равна длительности одного лунокруга.

— Так давно... — выдохнул он, не в состоянии переварить это известие.

Его друзья, его соратники по полету, выходит, были уже давно мертвы. А он был один на Земле.

— Шесть лет?

— Вы ничего не помните об этих годах?

— Ничего.

— Мы вынуждены были стереть рудименты памяти, которые вы, возможно, имели об этом времени, для того, чтобы восстановить вашу первоначальную память и истинную личность. Мы очень сожалеем об этой потере, об этих шести годах, но воспоминания о них не были ни нормальными, ни приятными. Преступные злодеи сделали из вас создание еще более жестокое, чем они сами. Я рад, что вы ничего не помните, доктор Ромаррен.

Он был не просто рад, он ликовал. У этого человека были, видимо, очень ограниченные чувственные способности, либо не было приличной тренировки. В противном случае его защита была бы лучше.

У самого же Ромаррена телепатическая блокировка была безупречной. Все больше и больше отвлекаясь подслушанными обертонами разума этого человека, которые служили свидетельством фальши или неискренности того, что говорил Абендабот, и вследствие продолжавшегося отсутствия ясности собственного мышления, Ромаррен вынужден был мобилизовать все свое умение анализировать и делать правильные выводы. Как могло пройти шесть земных лет, не оставив ни одного воспоминания? Однако факт остается фактом: прошло сто сорок лет с того времени, когда их корабль со скоростью света летел с Вереля на Землю, и из всего этого времени ему вспомнился только один момент, ужасный, длившийся целую вечность...

Как назвала его та безумная женщина? Она выкрикивала какое-то имя. Какое?

— Как меня звали в течение этих шести лет?

— Звали? Вы имеете в виду — среди туземцев, доктор Ромаррен? Я уверен в том, что они вам дали какое-то имя, с таким же успехом они могли не дать вам никакого.

«Фальк! Она назвала меня Фальк!» — мелькнуло в его голове.

— Друг мой! — неожиданно сказал он, произнеся на Галакте верельскую форму обращения. — Если вы позволите, я хотел бы немного побыть один, а потому попросил бы вас покинуть меня ненадолго.

— Конечно, доктор Ромаррен. Ваш молодой друг Орри с нетерпением ждет встречи с вами. Послать его сюда?

Но Ромаррен, высказав свое пожелание и услышав, что оно будет исполнено, был уже где-то не здесь. Он уже отключился от реальности, принимая ее просто как шум.

— Мы тоже хотели бы узнать о вас побольше. Теперь, когда вы уже почувствуете себя вполне здоровым, нам не терпится...

Наступила тишина. Затем шум возобновился:

— Наши слуги ждут, чтобы чем-нибудь вам угодить. Если вы захотите освежиться или пообщаться с кем-нибудь, вам нужно только подойти к двери и сказать об этом.

Снова наступила тишина, и наконец назойливое присутствие этого

человека перестало мешать Ромаррену. Но он думал не о нем. Он слишком был поглощен самим собой, чтобы беспокоиться о странной манере поведения своих хозяев. Суматоха в его мозгу нарастала с каждой минутой. У него было ощущение, будто его волокут на встречу с кем-то или с чем-то, чего он не сможет выдержать, и в то же самое время он сам страстно хотел увидеть это, узнать и идентифицировать. Самые тяжелые дни тренинга Седьмой Ступени были всего лишь бледной тенью этого расплывчатого чувства потери индивидуальности. То расстройство рассудка было стимулированным, тщательно контролируемым, это же полностью вышло из-под его влияния. Или же... Он, может быть, сам вел себя к этому, стараясь достичь критической точки?

Но кто же был этот «он», который принуждал сам и которого принуждали? Он был убит и возвращен к жизни. Но была ли смертью та смерть, о которой он не в состоянии вспомнить?

Чтобы не поддаться панике, он стал искать предмет, глядя на который он мог бы сосредоточиться — прием из некогда пройденного курса обучения технике выхода из трудных положений, которая базировалась на сосредоточении на одной конкретной вещи с целью восстановления правильности анализа и способности к умозаключению. Но все вокруг было чуждым, необычным и обманчивым. Даже пол под его ногами был мрачным листом тумана. Он снова обратил внимание на книгу, которую просматривал, когда вошла та женщина.

Книга... Он держал ее в своих руках, она была реальной. Он очень осторожно взял ее и взглянул на страницу, на которой она была открыта. Столбцы красивых, лишенных значения знаков, строчки наполовину понятной рукописи, буквы которой сильно отличались от тех, которые он изучал когда-то давным-давно по Сборнику Первых Текстов. Он смотрел на эти знаки и не мог прочитать их. И слово, значение которого было для него непонятным, складывалось из них. Первое слово:

П у т ь...

Он перевел взгляд с книги на собственную руку, которая держала книгу. Чья это рука, которая загорела под чужим солнцем и покрылась шрамами чужой жизни?

Чья она?

Путь, который можно пройти,

Не есть вечный путь.

Имя...

Он не мог вспомнить имя, он не мог бы прочесть его. Он читал эти слова во сне, в том долгом сне, когда он был мертв.

Имя, которое нельзя назвать,

Не есть вечное Имя.

Вместе с тем сном над ним поднялась какая-то огромная волна и обрушилась на него. Он стал Фальком, но продолжал быть и Ромарреном. Он был глупцом и он был мудрецом.

Он стал единым человеком. Он был рожденным дважды!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В эти первые полные страха часы он молился, чтобы его избавили то от одного «Я», то — от другого. Один раз, когда он мучительно громко выкрикнул что-то на своем родном языке, он не понял произнесенных им же самым слов, и это было настолько ужасно, что он даже заплакал, ощущая собственное бессилие.

Он был Фальком, когда не понял эти слова, и Ромарреном, когда заплакал.

В это самое мгновение своих непрекращающихся страданий он в первый раз дотронулся — всего на какой-то миг — до уравнивающего стержня в самой сердцевине своей личности и на мгновение стал «собой». Затем он снова потерял это ощущение равновесия, но в нем затеплилась надежда, что мгновение равновесия и гармонии повторится.

Г а р м о н и я!

Когда он был Ромарреном, он цеплялся за это понятие, и, возможно, то, что он мастерски владел доктриной своего родного народа Келшак, удерживало его от падения в бездну Безумия. Но пока еще не было воссоединения или равновесия двух разумов, которые разделяли его черепную коробку, и он вынужден был метаться между ними, вытесняя одну личность другой. Он едва был в состоянии передвигаться, будучи подвержен галлюцинациям владения двумя телами. По сути он был двумя физически разными людьми. Он не отваживался спать, хотя и устал до изнеможения, — он очень боялся пробуждения.

Была ночь, и он был предоставлен самому себе. «Самим себе», — уточнил Фальк. Поначалу он был сильнее, поскольку был некоторым образом подготовлен к этому испытанию. Именно Фальк был первым, именно он затеял диалог с Ромарреном, а не наоборот.

«Мне нужно хоть немного поспать, Ромаррен, ты понимаешь?» — сказал он.

Ромаррен воспринял его слова, как мысленно произнесенные, и совершенно искренне ответил:

«Я боюсь уснуть».

Некоторое время Ромаррен бодрствовал и воспринимал сны Фалька подобно теням и эху в своем мозгу.

Он прошел сквозь это первое, самое худшее время, и к тому времени, когда утро осветило мрачные стены его комнаты, страхи ушли, и он начал постепенно овладевать контролем над мыслями и действиями обеих личностей, заключавшихся в нем.

Между двумя комплектами его воспоминаний, разумеется, не было непреодолимой преграды. Сознание Фалька возникало благодаря огромному количеству нейронов, оставшихся незадействованными в высоко развитом интеллекте на возделанных полях разума Ромаррена. Основные двигательные функции и сенсорные пути никогда не были заблокированы и в определенном смысле использовались обоими разумами, хотя и возникали труд-

ности, обусловленные двойным набором двигательных импульсов и образов восприятия. Любой предмет представлялся сейчас по-разному, в зависимости от того осматривал ли его Фальк или Ромаррен. В перспективе это раздвоение могло иметь следствием увеличение его интеллектуальной мощи и повышение восприимчивости, но пока от такой неразберихи голова у него шла кругом.

Кроме того, была ощутимая разница в эмоциональных оттенках, что во многих случаях приводило к противоборству испытываемых им чувств. Воспоминания Фалька так же, как и воспоминания Ромаррена, покрывали собственную, отдельную часть жизни, но они никак не могли выстроиться в надлежащей последовательности и имели тенденцию восприниматься синхронно. Ромаррену было трудно смириться с тем, что он потерял где-то шесть лет своей жизни. Он не знал, кем он был хотя бы десять дней назад. Это его очень беспокоило. Он ехал на спине мула среди заснеженных гор Земли, Фальку это было точно известно. Но Ромаррен помнил, что как раз в это время он расставался со своей женой в доме на покрытой высокой травой равнине Вереля. К тому же догадки Ромаррена относительно Земли часто вступали в противоречие с тем, что знал его двойник Фальк. И в то же время поразительная неосведомленность этого двойника в отношении всего, что касалось Вереля, накладывало странный отпечаток легендарности на прошлое Ромаррена.

Но даже в этой путанице было все же семя взаимодействия, семя согласованности, к которой он изо всех сил стремился, физически и хронологически это был, несомненно, один человек. Его проблемой было не воссоздание единства, а только постижение его.

Но до полной согласованности было еще очень далеко. Пока что доминировала то одна, то другая структура памяти. Если ему нужно было думать и действовать правильно и умело, все чаще брал верх Ромаррен, поскольку навигатор «Альтерры» был решительным и сильным человеком. Фальк в сравнении с ним чувствовал себя ребенком, маленьким и неопытным.

Он мог предложить только те немногие знания, которыми располагал, и поэтому решил полагаться на силу и опыт Ромаррена. Фальк отлично понимал, что сейчас не время ссориться и бороться за обладание телом. Разум должен был быть единым, потому что человек с двумя разными мнениями находится в очень неопределенном и даже опасном положении.

Больше всего его беспокоил один простой вопрос: можно ли доверять Сингам или нет? Если Фальку был просто внушен необоснованный страх перед Повелителями Земли, тогда опасения окажутся беспочвенными. Поначалу Ромаррен думал, что, возможно, так оно и есть. Но думал он так недолго.

Его двойная память уловила уже и открытую ложь и противоречия. Абендабот отказался мысленно говорить с Ромарреном, заявив, что Синги избегают телепатического общения. Фальк же знал, что это ложь. Почему же тогда Абендабот сделал это? Очевидно, потому что он лгал, излагая

версию Сингов о том, что случилось с «Альтеррой» и ее экипажем, и не хотел или не осмеливался сделать это телепатически.

Но Фальку он рассказал точно такую же историю посредством мысленной речи. Если это была ложь, если эта версия была фальшивой, значит, Синги в состоянии лгать в мысленной речи и пользуются этим. Но была ли она фальшивой?

Ромаррен обратился к памяти Фалька. Сначала попытка подобного общения не удавалась, но когда он приложил все свое умение, то связи начали налаживаться и постепенно возникла ясность. Он мог воспринимать звенящую тишину, сопровождающую слова Абендабота: «Мы, кого вы называете Сингами, являемся людьми». Слыша их даже в памяти, Ромаррен понял, что это была ложь.

Это было невероятно, и тем не менее это не вызывало сомнения. Синги умели лгать телепатически. Предположения и страх униженного человечества были обоснованными. Синги были истинным Врагом.

Они не были людьми. Они были пришельцами, наделенными чужим даром, и, без сомнения, это они раскололи Лигу и добились господства над Землей, пользуясь этой способностью. Именно они напали на «Альтерру», когда она вошла в околоземное пространство. Все разговоры о бунтовщиках были вымыслом. Они убили всех членов экипажа или подвергли их разум обработке, пощадив при этом только ребенка Орри. Ромаррен был в состоянии догадаться, почему: потому что они обнаружили, испытывая его или другого, хорошо натренированного, телепата из состава команды, что верелиане могут распознать ложь в мысленной речи, это устрасило Сингов, и они разделались со взрослыми, оставив в живых только безвредного ребенка в качестве источника информации.

Для Ромаррена его спутники по полету погибли только вчера, и, перенеся этот удар, он пытался представить себе, что, может быть, где-нибудь на Земле спасся еще кто-нибудь так же, как и он.

Но если такие существуют, — а ведь ему очевидно везло все это время — то где же они сейчас? Сингам оказалось очень трудно отыскать даже одного, когда они поняли, что нуждаются в нем.

Но для чего он был им нужен? Почему они приложили столько усилий, чтобы разыскать его и вернуть ему память, которую прежде так непредусмотрительно уничтожили?

Факты, имевшиеся в его распоряжении, не давали этому объяснения, за исключением, правда, одного — того, что он пришел сюда, как Фальк. Сингам он был нужен для того, чтобы сказать им, откуда появилась «Альтерра».

Это дало Фальку-Ромаррену первую порцию развлечения. Если это на самом деле так просто, то это просто смешно. Они оставили Орри в живых, потому что он был юным, нетренированным, уязвимым, послушным, отличным орудием и источником информации. Он отвечал всем требованиям, кроме одного — он не знал, откуда он прибыл на Землю. К тому времени, когда они осознали это, информация уже начисто была стерта из

сознания тех, кто располагал ею. Поэтому Синги вероятнее всего рассеяли свои жертвы по дикой, лежавшей в руинах Земле, обрекая их на смерть от несчастного случая или голода, отдавая во власть диких животных либо дикарей.

Он мог предположить, что Кен Кениек, манипулируя его мозгом с помощью компьютера, пытался заставить его выдать галактическое название солнца планеты Верель. Он мог предположить, что если бы он сообщил эти сведения, то был бы сейчас уже мертвым или лишенным разума. Он, Ромаррен, им не был нужен. Им нужны были только его знания. Но похоже, что они так и не получили их.

Это само по себе должно было изрядно их обеспокоить. Выработанные народом Келшак способы сохранения тайн, касавшихся содержания Книг Зброшенной Колонии, развивались нога в ногу с техникой охраны мозга от телепатического вторжения.

Эта мистическая секретность, или, вернее, замкнутость выросла за долгие годы из ревностного контроля за развитием научно-технических знаний, практиковавшегося первыми колонистами и имевшего в основе своей Закон Лиги о Культурном Эмбарго, который запрещал импорт достижений культуры и техники на колонизируемые планеты. К нынешнему времени цельная концепция сдержанности и замкнутости стала краеугольным камнем верелианской культуры, и стратификация общества на Вереле обуславливалась убеждением, что знания и техника должны оставаться под разумным контролем. Такие детали, как Истинное Имя Солнца, были формальными символами, но формализм этот воспринимался серьезно, с беспредельной серьезностью, ибо у келшак знание было сродни религии. Для охраны таких нематериальных святынь были разработаны неуловимые и неуязвимые средства защиты человеческого разума. Если только он не находился в одном из Мест Тишины и к нему не обращался при этом один из его сотоварищей, достигших такой же Ступени. Ромаррен был абсолютно неспособен на то, чтобы предать — будь то устный разговор, письмо или телепатический обмен — истинное имя Солнца своей родной планеты.

Он располагал, разумеется, эквивалентным знанием — комплексом астрономических знаний, которые давали ему возможность проложить курс между Верелем и Землей, знанием точного расстояния между солнцами этих двух планет, точной астрономической картой звездного неба, каким оно видится с Вереля.

Очевидно, Синги пока что не получили от него этих знаний, скорее всего, вследствие того, что мозг его был в слишком хаотичном состоянии, когда был восстановлен посредством манипуляций Кен Кениека, или, может быть, потому, что продолжал функционировать его парагипнотический усиленный защитный блок и специфические барьеры. Зная, что на Земле до сих пор еще может быть Враг, экипаж «Альтерры» не позволил себе быть неподготовленным к этому. Если только научные достижения Сингов в области изучения мозга не превосходят уровень, достигнутый верелианами, то они так и не сумеют вынудить его что-либо рассказать им.

Они еще надеялись внушить ему, убедить его рассказать все. И потому он сейчас в безопасности, по крайней мере до тех пор, пока они не узнают, что он помнит о том, что раньше был Фальком.

Пока... По его коже прошел мороз. Раньше это не приходило ему в голову. Как Фальк, он был для Сингов бесполезен, но и безвреден. Как Ромаррен он был им полезен и тоже безвреден. Но как Фальк-Ромаррен он представлял из себя угрозу, и они не потерпят этого.

Они не могут допустить существования такой угрозы!

Кроме того, необходимо было ответить еще на один вопрос — зачем им так нужно было узнать, где находится Верель? Какое им дело до Вереля?

И снова память Фалька начала рассказывать разуму Ромаррена на этот раз о спокойном, жизнерадостном, ироничном голосе. Старый Слухач в дремучем лесу, человек еще более одинокий на Земле, чем даже Фальк, когда-то сказал: «Сингов совсем не так уж много».

В памяти Фалька было много информации и мудрых советов. Многие из них были истинны в самом буквальном смысле. Согласно старинным преданиям, с которыми Фальк познакомился в Доме Зоува, Синги были пришельцами из очень отдаленного района Вселенной, расположенного за скоплением Риалы, на расстоянии в несколько тысяч световых лет. Если это было так, то вероятно не очень большое их число пересекло эту необразимую бездну пространства и времени. Но их оказалось все же достаточно, чтобы внедриться в Лигу и уничтожить ее то ли посредством телепатической лжи и других неизвестных способов, то ли с помощью какого-то секретного оружия, которым они располагали.

Но было ли их достаточно много, чтобы править всеми теми планетами, которые они разъединили и завоевали? Планеты были обширны по любой мерке, исключая только протяженность космического пространства между ними. Сингам, должно быть, пришлось рассеяться и сосредоточить внимание на том, чтобы покоренные ими планеты не воссоединились. Орри сказал как-то Фальку, что Синги, похоже, много путешествуют или торгуют, используя для этого корабли с околосветовой скоростью.

Еще он сказал Фальку, что за все время его пребывания на Земле он ни разу не видел такого корабля. Может, Синги боялись своих соплеменников на других планетах, которые могли во многом превзойти их за прошедшие столетия.

А может, Земля была единственной планетой, которой они еще не правили и им приходилось ограждать ее от исследований со стороны других планет? Ничего нельзя было сказать наверняка, но скорее всего, на Земле их действительно было не очень много.

Они отказывались верить рассказам Орри о том, что земляне на Вереле видоизменились в направлении соответствия местной форме биологической жизни и смешались с туземными гуманоидами. Они утверждали, что это невозможно. Это означало лишь то, что с ними этого не произошло. Смешение их с землянами оказалось невозможным. Они все еще были чужа-

ками, все эти двадцать веков. Они продолжали оставаться на Земле в изоляции. На самом ли деле они правили человечеством из этого единственного города?

Ромаррен снова обратился за справкой к Фальку и получил отрицательный ответ.

Они управляли с помощью хитрости, страха и оружия. Они были в состоянии предотвращать возникновение какого-либо сильного племени или накопление знаний, могущих представлять опасность для них. Они не давали человечеству возможности что-либо сделать. Но и сами не делали ничего. Они не правили, а наносили вред.

Теперь было ясно, почему Верель представлял для них смертельную опасность. Им до сих пор удавалось сохранить свою хрупкую, но разрушительную власть над человеческой культурой, которую они давным-давно сломали и переориентировали. Но сильная, многочисленная, технологически передовая раса, сохранившая легенды о своем кровном родстве с землянами, располагающая развитой наукой о мозге и оснащенная оружием, не уступавшим их собственному, могла сокрушить их одним ударом и освободить людей от их власти.

Если они узнают от него, где находится Верель, вышлют ли они туда корабль-бомбу — длинный бикфордов шнур, протянувшийся через световые годы, чтобы уничтожить опасную планету прежде, чем на ней узнают об их существовании.

Да, такая возможность реальна.

Но против нее говорили два факта: во-первых, — тщательная подготовка юного Орри, как будто они хотят, чтобы он был их послем; и во-вторых — их Закон.

Фальк-Ромаррен никак не мог решить, было ли правило уважения к жизни подлинной верой Сингов, их единственным мостом над пропастью самоуничтожения, которая таилась под их поведением, подобно черному каньону под выстроенным ими городом?

Или же это было самой большой ложью из того огромного количества лжи, которое они принесли на эту планету? Они, казалось, избегали убивать разумные существа. В равной мере это относилось и к другим живым существам. Их тщательно скрываема пища была растительной. Для того, чтобы сдерживать рост населения, они настраивали одно племя на другое, начинали войны, предоставляя людям возможность самим уничтожить друг друга. Согласно легендам, в первые годы их господства они прибегали в перенаселенных местах не к геноциду, а к евгенике — для того, чтобы укрепить свое главенствующее положение. Если это правда, тогда они в самом деле повиновались этому Закону, но на свой лад.

В этом случае их забота об Орри служила доказательством того, что он-то и должен быть их послем. В качестве единственного спасшегося участника полета, ему предстояло вернуться через бездну космического пространства на Верель и внушить соотечественникам то, что Синги внушили ему на Земле — подобно птицам, чирикающим «нельзя отнимать

жизнь», подобно высокоморальному борову или мышам, попискивающим в подвалах Дома Страха. Лишенный разума, честный, но одурманенный, Орри принесет ложь и на Верель.

Почитание и память о Колонии были очень сильны на Вереле, и зов о помощи с Земли мог найти там отклик. Но если обитателям Вереля расскажут, что нет и никогда не было Врага, что Земля является древним счастливым раем, то вряд ли им захочется проделать столь длительное путешествие, только чтобы убедиться в этом. Если же они все-таки решатся на это, то отправятся в путь невооруженными, так же, как некогда отправился и Ромаррен со своими спутниками.

Еще один голос всплыл в его памяти, услышанный очень давно в глубинах Леса: «Мы не можем так жить вечно. Должна быть какая-нибудь надежда, некий знак».

Он не был отправлен с посланием человечеству, как говорил Зоув. Надежда была непрочной, знак неясным. Он должен был лишь переправить послание человечества, его вопль о помощи, об избавлении.

«Я должен отправиться домой. Я должен рассказать им всю правду», — подумал он, зная, что Синги ни за что не допустят этого, что будет послан только Орри, а его задержат здесь или убьют.

Измученный тревогой и продолжительными усилиями думать последовательно и ясно, он весь обмяк, его раскованный контроль над своим двойным разумом сломался. В полном изнеможении он упал на кушетку и спрятал лицо в ладонях. «Если бы я только мог отправиться домой! — думал он. — Если бы я смог еще раз пройти вместе с Парт по Поляне!..»

Так оплакивал свою печальную судьбу мечтатель Фальк. Ромаррен же пытался уйти от этой безысходной тоски, думая о своей жене — темноволосяй, золотоглазой женщине в платье, расшитом тысячами крохотных серебряных цепочек, о своей Адрис. Но его обручальное кольцо пропало, и Адрис уже мертва. Она умерла очень давно. Она выходила замуж за Ромаррена, зная, что вместе они будут не больше одного лунокруга, так как он тогда готовился к полету на Землю. И за время этой ужасной разлуки она прожила всю свою жизнь, состарилась и умерла. Не менее ста земных лет прошло со дня ее смерти.

«Тебе следовало умереть столетием раньше», — сказал как-то ничего не понимающему Фальку Властитель Канзаса, видя, либо чувствуя, либо зная, что внутри него находится еще один человек, заброшенный, рожденный очень давно. Теперь, если Ромаррену суждено вернуться на Верель, это произойдет в очень далеком будущем, почти через три столетия. Около пяти больших лет Вереля пройдет с тех пор, как он его покинул. Все изменится настолько, что на Вереле он будет таким же чужаком, каким был на Земле.

Было только одно место, где он мог чувствовать себя дома и где его с радостью встретят те, кто любит его. Это был Дом Зоува. Но он никогда больше не увидит его. Если и ведет его путь куда-то, то только прочь от Земли. Он должен полагаться только на себя и должен совершить единственное — изо всех сил стараться следовать своему предначертанию до конца.

День уже давно наступил. Почувствовав голод, Ромаррен подошел к искусно замаскированной двери и громко попросил на галактическом языке принести пищу.

Ответа не последовало. Однако вскоре человек-орудие принес еду и обслужил Ромаррена. Когда он заканчивал трапезу, снаружи прозвучал слабый сигнал зуммера.

— Войдите, — сказал Ромаррен на языке келшак.

В комнату вошел Хар Орри и вслед за ним высокий Синг Абендабот. Двух других Ромаррен не знал, но их имена звучали у него в голове: Кен Кениек и Краджи. Их церемонно представили ему. Ромаррен обнаружил, что он в состоянии сносно владеть собой. Необходимость скрывать и подавлять личность Фалька пошла ему на пользу, теперь он держался легко и непринужденно. Он осознавал, что психолог Кен Кениек очень искусно и энергично пытался произвести настройку на его мышление, но это его не беспокоило. Если его барьеры выдержали испытание даже под парагипнотическим колпаком, они безусловно не подведут его и сейчас.

Больше никто из Сингов не включал мысленную речь. Они стояли поодаль в странных, напряженных позах, как бы опасаясь чьего-то прикосновения, и переговаривались шепотом.

Ромаррен задал несколько вопросов, которые можно было ожидать от человека в его положении. Вопросы касались Земли, человечества и Сингов. Он с самым серьезным видом выслушивал каждый ответ и удовлетворенно кивал головой. Раз он попытался синхронизироваться с юным Орри, но это ему не удалось. Мальчик, по сути, не имел какой-либо защиты мозга, что вероятнее всего указывало на какую-то обработку, которая свела к нулю то небольшое искусство фазовой настройки, которому он научился еще в детстве. Кроме того, мальчик находился, причем добровольно, под действием наркотика, к употреблению которого он был приучен.

Даже когда Ромаррен послал ему самый привычный сигнал, Орри продолжал сосать трубочку с наркотиком. Благодаря яркому, отвлекающему миру полугаллюцинаций, которые обеспечивал ему наркотик, восприятия мальчика были притуплены, и мозг его не мог отреагировать на сигнал, как должно.

— Вы еще ничего не видели на Земле, кроме этой комнаты, — вкрадчивым шепотом сказал Синг, одетый как женщина. Это был Краджи, внушавший Ромаррену инстинктивный страх и антипатию. Было нечто омерзительное в этом тучном теле под ниспадающими женскими одеждами, в этих длинных темно-пурпурных волосах, в хриплом, надсадном шепоте.

— Мне хотелось бы, разумеется, увидеть больше.

— Мы обязательно покажем вам все, что вы пожелаете увидеть. Земля открыта для своего почетного гостя.

— Я не помню, видел ли я Землю с борта «Альтерры», — задумчиво

произнес Ромаррен. — Не помню я и нападения на корабль. Вы мне можете объяснить, в чем тут дело?

Вопрос заключал в себе определенный риск, но ответ был очень важен для Ромаррена. Это было единственным пробелом в его удвоенной памяти.

— Вы были в состоянии, которое мы называем ахронией, — ответил Кен Кениек. — Вы вышли из полета со скоростью света непосредственно у Барьера, поскольку ваш корабль не был оборудован устройством для облегчения перехода из одного времени в другое, так называемым ретемпорализатором. Несколько часов или минут после этого перехода вы были либо без сознания, либо безумны.

— Мы не знали, что такая проблема существует. Полеты со световой скоростью тогда только еще начинались.

— Чем дольше и дальше полет, тем сильнее Барьер, — сказал Кен Кениек.

— С вашей стороны это очень храбрый поступок, — добавил Абендабот характерным для него скрипучим шепотом и с не менее характерной напыщенностью. — Путешествовать на расстояние в сто двадцать пять световых лет в едва опробованном корабле!

Ромаррен принял комплимент, не поправив цифры.

— Давайте, Лорды мои, покажем нашему гостю город Земли.

Одновременно с этими словами Абендабота Ромаррен уловил обрывок телепатического разговора между Краджи и Кен Кениеком, но не уловил его смысла. Он был слишком поглощен поддержанием своей собственной защиты, чтобы быть в состоянии подслушивать мысленную речь или даже просто ощущать ее присутствие.

— Корабль, на котором вы возвратитесь на Верель, — сказал Кен Кениек, — будет, конечно, оснащен ретемполяризатором, и вы не испытаете расстройства психики при выходе в околопланетное пространство родной планеты.

Ромаррен поднялся с места неуклюже, в отличие от Фалька, который привык к стульям и не ощущал неудобства от сидения как бы на насесте. Но теперь он стоял уверенно.

— Корабль, в котором мы вернемся? — переспросил он.

В затуманенном зоре Орри промелькнула искра. Краджи кивнул, показав при этом свои длинные желтые зубы.

— Когда вы увидите все, что хотели бы увидеть на Земле, — сказал он, — и узнаете все, что вы хотели бы узнать, мы приготовим для вас околосветовой корабль, на котором вы, Лорд Агад и, конечно же, Хар Орри сможете вернуться домой. Сами мы путешествуем среди звезд очень мало. У нас нет больше войн. У нас нет и необходимости торговать с другими планетами, и мы не хотим снова разорять нашу бедную Землю гигантскими расходами на постройку кораблей только для того, чтобы еще раз утолить свое любопытство. Мы, люди Земли, теперь относимся к старым расам. Мы остаемся дома, присматриваем за своим садом и не лезем

в чужие дела. Но ваша миссия, Лорд, должна быть завершена. Для этого необходимо совершить обратный полет. В нашем космопорту вас будет дожидаться корабль, который мы с гордостью назвали «Новая Альтерра». Мы надеемся, что Верель будет рад вашему возвращению. Очень жаль, что вашей цивилизации не удалось заново открыть принцип связи с помощью ансамбла, и мы не можем прямо сейчас послать на Верель дружественное послание. Но сейчас, спустя такое количество лет, на Вереле, возможно, появились установки мгновенной связи. Но мы не можем наладить контакт с вашими соотечественниками, так как не располагаем координатами Вереля...

— В самом деле? — удивленно перебил Синга Ромаррен.

Повисла напряженная пауза.

— Я не понял... — первым начал Ромаррен.

— Ансибл — это...

— Я знаю, что такое ансамбль-передача...

Лорд Агад поднял руку ладонью вперед.

— ... Хотя и не знаю, как она осуществляется. Как вы уже сказали, к тому времени, когда я покинул Верель, мы не сумели открыть заново принципы мгновенной связи. Но я не понимаю, что мешало вам попытаться отправить сигналы на Верель?

Теперь он был весь внимание, полностью владея собой. Он встал на скользкий путь. Он чувствовал себя игроком в игре, где играют словами. В своих собеседниках он ощущал прямо-таки электрическое напряжение.

— Доктор Ромаррен, — сказал Абендабот, — поскольку Хар Орри был слишком молод, чтобы знать точное расстояние до вашей планеты, мы никогда не имели чести знать точное местоположение Вереля, хотя и имеем о ней общее представление. Так как его почти не учили галактическому языку, Хар Орри не мог назвать нам имя солнца Вереля на Галакте, языке, который мы с вами унаследовали из времен Лиги. Поэтому мы были вынуждены ждать помощи от вас, чтобы попытаться установить ансамбль-контакт с Верелем и подготовить программу автоматического полета с четкими координатами вашей родной планеты.

— Если я вас правильно понял, вы не знаете названия звезды, вокруг которой вращается Верель?

— Увы, нет... В этом вся загвоздка. Если вам угодно будет сказать нам...

— Но я не могу сказать вам этого!

Это не удивило Сингов. Они были слишком заиклены на себе, слишком эгоистичны. Абендабот и Кен Кениек вообще никак не отреагировали, а Краджес произнес своим странным печальным шепотом:

— Вы хотите сказать, Лорд Агад, что тоже не знаете?

— Я не могу назвать вам подлинное Имя Нашего Солнца, — торжественно произнес Ромаррен.

На этот раз он уловил мысленный посыл, обращенный Кен Кениеком к Абендаботу:

«А что я говорил!»

— Простите, доктор Ромаррен, мое невежество. Я не знал, что это запрещено. Вы ведь простите меня, не так ли? В свое оправдание могу только сказать, что нам не известны ваши обычаи, и, хотя невежество является плохим оправданием, это все, о чем я вас молю, — безостановочно трещал Абендабот, когда его неожиданно перебил проснувшийся от испуга Орри:

— Доктор Ромаррен, вы... мы не сможем полететь назад на Верель, потому что вы не сможете задать координаты кораблю? Но вы же должны помнить это, вы должны знать координаты, вы ведь навигатор!

Ромаррен повернулся к нему и тихо спросил:

— Ты очень хочешь вернуться домой?

— Да!

— Через двадцать или двадцать пять дней, если это доставит удовольствие этим Лордам, щедро предложившим нам столь великий дар, мы отправимся на их корабле к Верелю.

Он снова повернулся к Сингам.

— Извините меня, — продолжал он, — что мой рот и мой разум закрыты и не дают ответа на ваш вопрос. Мое молчание — плохая благодарность за вашу искренность.

«Если бы они пользовались мысленной речью, — подумал он. — Этот обман был бы ГОРАЗДО МЕНЕЕ вежливым». Он, в отличие от Сингов, не умел мысленно лгать и, следовательно, не мог бы сказать ни единого слова на этой вежливой речи.

— Не беспокойтесь, Лорд Агад. Важны не столько наши вопросы, сколько ваше благополучное возвращение! Если только вы в состоянии запрограммировать корабль, то нас вполне устроил бы тот ответ, который вы дали, все наши записи и компьютеры в нашем полном распоряжении.

Еще бы не устроит! Если они захотят выяснить, где расположен Верель, им нужно будет всего лишь узнать, на какой курс запрограммирован корабельный компьютер. После этого они опять сотрут содержимое его мозга, объяснив Орри, что восстановление памяти в конце концов привело к полному расстройству психики. Затем они отправят Орри с посланием на Верель. Они по-прежнему не доверяли Агаду. Так как им было известно, что он может обнаружить мысленную ложь. Если и был какой-то выход из этой западни, то он его еще не видел.

Они все вместе прошли через окутанные туманом коридоры, спустились вниз по наклонной галерее, а затем на лифте, и вышли на улицу. То, что в двойном мозгу было Фальком, теперь было почти полностью подавлено, и Ромаррен двигался, думал и говорил совершенно свободно, чего и следовало ожидать от Ромаррена. Он ощущал постоянную настороженную готовность Сингов, которые только и ждали случая поймать его на малейшей ошибке или проникнуть сквозь защитные барьеры его мозга. Напряжение заставило его быть бдительным вдвойне. И вот, чужак, Ро-

маррен, взглянул на небо и увидел там ярко-желтое солнце Земли.

Он остановился, охваченный внезапной радостью. Это действительно было событие, независимо от того, что произошло раньше и что его ожидает в будущем. Он видел на протяжении одной жизни свет двух солнц! Свет оранжево-золотого солнца Вереля и светло-золотого солнца Земли. Он смог бы теперь сопоставить их, как человек, держащий на ладони два самоцвета, сравнивая их красоту, чтобы воздать по достоинству каждому в отдельности.

Мальчик стоял рядом, Ромаррен начал бормотать первые слова приветствия, которому учат маленьких детей народа Келшак, чтобы они произносили его при виде солнца — на утренней заре или после затяжных зимних бурь:

«Добро пожаловать, звезда жизни,
средоточие жизни...»

Орри подхватил слова гимна и стал нараспев вторить ему. Впервые между ними возникло согласие, и Ромаррен был рад этому, поскольку ему очень нужен был Орри, нужен еще до того, как игра будет сделана.

Вызвали слайдер, и они поехали по улицам города. Ромаррен задавал вопросы, и Синги отвечали на них так, как считали нужным. Абендабот стал подробно описывать, как выглядел Эс Тох тысячу лет назад. Все было построено за одну ночь. Все его башни, мосты, улицы и дворцы были сооружены на речном острове, на другой стороне планеты. И как только у них появилось такое желание, Повелители Земли призвали на помощь свои удивительные машины и орудия для того, чтобы переместить целый город на новое место, в большей степени удовлетворяющее их прихотям. Это был очень красивый рассказ, и Орри, оглушенный наркотиками и сладкими речами, верил всему безоглядно.

Верил ли этому Ромаррен или нет, Сингов почти не интересовало. Абендабот, очевидно, рассказывал эту ложь просто для собственного удовольствия.

Возможно, это было единственным доступным ему удовольствием. Через некоторое время последовали другие, подробные рассказы о том, как управляется Земля, как много Сингов проводят свою жизнь среди обычных людей, замаскировавшись под простых туземцев, но работая по единому плану, исходящему из Эс Тоба. Абендабот рассказывал о беззаботном и удовлетворенном человечестве, живущем со знанием того, что Синги и впредь будут сохранять мир и нести бремя власти, он говорил о том, как поощряются науки и искусства, как умело обращаются с бунтовщиками или дестабилизирующими элементами. Планета скромных, смиренных людей, живущих в своих уютных домиках; планета, где нет городов, войн, убийств, перенаселенности. Старые достижения и притязания забыты. Теперь это — раса детей, защищенных твердым, но добрым руководством и неуязвимой техникой Сингов...

Утешающий и ободряющий рассказ не имел конца. Абендабот повторял все время одно и то же, лишь с небольшими вариациями.

Неудивительно, что бедный мальчик Орри верил всему. Ромаррен тоже поверил бы, не будь у него воспоминаний Фалька о Лесе и о Равнинах, которые доказывали тонкую, трудно различимую фальшь всего этого. Фальк жил на Земле отнюдь не среди детей, а среди людей, огрубевших, ожесточившихся, страждущих и пылких.

В этот день Ромаррена водили по всему Эс Тоху. Ему, жившему раньше среди старинных улиц Бегеста и в гигантских зимних Домах Каспула, город показался призрачным, ненастоящим, впечатляющим только своим фантастическим месторасположением. Затем ему и Орри показали планету с борта аэрокара и с межпланетных кораблей во время однодневных поездок, которыми руководил Абендабот и помогавший ему Кен Кениек. Они совершили вылазку на каждый из материков Земли и даже на пустынную, давным-давно заброшенную Луну. Дни шли за днями. Они продолжали вести свою игру, в основном ради Орри, обхаживая Ромаррена до тех пор, пока им не удастся заполучить то, что им нужно. Непосредственно либо с помощью электронных устройств за ним вели наблюдение, визуальное или телепатическое, однако он не подвергался каким-либо ограничениям. Очевидно, они уверовали, что теперь его можно не бояться.

Возможно даже, его отпустили бы домой вместе с Орри. Вероятно, теперь они уже считали его достаточно безвредным в своем неведении, что позволяло разрешить ему покинуть Землю, не трогая его разума.

Но он мог купить себе возможность к бегству с Земли, только снабдив их желанной информацией, выдав месторасположение Вереля. Пока они ничего об этом не говорили, а он ни о чем не спрашивал.

Так ли было важно, в конце концов, что Синги узнают, где находится Верель? Хотя Синги, возможно, и не планировали немедленное нападение на потенциального противника, они могли бы выслать робот-монитор прямо вслед «Новой Альтерре» с ансибл-передатчиком на борту, чтобы он передавал мгновенные сообщения на Землю о любых приготовлениях к новому межзвездному полету на Вереле. Ансибл дал бы им временное преимущество перед верелианами в сто сорок лет. У них появилась бы возможность предупредить экспедицию на Земле еще до ее старта. Единственное техническое преимущество перед Сингами, которым обладал Верель, было незнание Сингов о его точном местонахождении. А на то, чтобы его определить, у них могло уйти несколько столетий. Ромаррен мог купить возможность освобождения только ценой риска для планеты, за которую он был ответстен.

Поэтому он тянул время, стараясь разработать способ решения возникшей дилеммы, летая вместе с Орри и с одним из приставленных к нему Сингов в самые различные места на Земле, которая простиралась под ним подобно гигантскому прекрасному саду, где теперь хозяйничали сорняки и царило запустение.

Напрягая свой тренированный ум, он искал какой-нибудь способ изменить ситуацию и самому стать игроком, а не пешкой.

Так во всяком случае представлялось это Агаду с его складом ума,

воспитанного в традициях народа Келшак. Если выбрать правильную точку зрения, то любое положение, будь то хаос или западня, должно проявиться и само собой привести к единственному правильному выходу, поскольку при достаточно глубоком рассмотрении с учетом далекой перспективы в основе всего не может лежать дисгармония, а понятия возможности и невозможности существуют только для невежественного разума.

Так думал Ромаррен и вместе с ним его вторая душа, Фальк, не оспаривая этот вывод и не тратя времени на то, чтобы его всесторонне обдумывать. Потому что Фальку, который видел, как тусклые и яркие разноцветы скользят по полочкам машин-оракулов, который жил среди людей в их разоренных владениях, общался с королями в изгнании в их собственных земных королевствах, казалось, что ни одному человеку не дано управлять своей судьбой, не дано изменить ход игры. Единственное, что оставалось, — это ждать, когда сверкающий бриллиант удачи соскользнет на нужный виток времени. Гармония существует, но понимания еще нет, и Путь не может быть пройден. Поэтому, пока Ромаррен изнурял сверх всякой меры свой разум, Фальк залег где-то в глубинах мозга и выжидал. Когда появится возможность, они ее не упустят, не прозевая свой шанс.

Но пока что ничего особенного не происходило. Они были вместе с Кен Кениеком на борту аэрокара, оборудованного автопилотом. Это была одна из красивых умных машин, с помощью которых Синги могли эффективно контролировать всю планету и поддерживать навязанный ими порядок. Они возвращались в Эс Тох после продолжительного полета к островам Западного Океана, на одном из которых они сделали остановку на несколько часов. На берегу лазурного теплого моря жили красивые, уверенные в себе люди, всецело поглощенные прогулками на яхтах, плаванием и сексом. Это был великолепный образец биологического счастья — и культурной отсталости, будто бы нарочно созданный для того, чтобы быть показанным верелианам.

Здесь не о чем было беспокоиться, нечего было бояться.

Орри дремал, не выпуская из пальцев трубочку с парпитой. Кен Кениек переключил автопилот на автоматический режим и сидя, как всегда, метрах в двух от Ромаррена, смотрел через стеклянный колпак кабины аэрокара на голубое море, простиравшееся во все стороны от них на триста-четырееста километров. Погода стояла великолепная.

Ромаррен устал и позволил себе немного расслабиться в эти приятные мгновения праздности.

— Не правда ли, прекрасная планета? — заметил Синг, искоса взглянув на Ромаррена.

— Да, очень.

— Настоящий бриллиант среди других планет. Но может быть, Верель красивее?

— Нет, он суровее.

— Это и понятно. Слишком продолжительный год обуславливает более суровый климат. Сколько он длится — шестьдесят земных лет?

— Да.

— Вы родились осенью, не так ли? Это значит, что вы так и не увидели свою планету летом, до того как покинули ее.

— Всего один раз, когда я летал в южное полушарие. Лето там холоднее, а зима теплее, чем в Келши. Но мне так и не довелось увидеть Великое Лето Севера.

— Но вы еще сможете это увидеть. Если вы вернетесь через несколько месяцев, какое время года будет на Вереле?

Несколько секунд Ромаррен подсчитывал в уме, потом ответил:

— Позднее лето. Возможно, что-то вроде двенадцатого лунокруга лета.

— А по моим подсчетам должна быть осень. Может быть, я неправильно подсчитал длительность полета. Кстати, сколько времени он длится?

— Сорок два земных года, — ответил Ромаррен.

Его рассудок ощутил мгновенный укол страха: он почувствовал присутствие сознания Кена Кениека в своем разуме.

За разговором Синг незаметно подобрался к его рассудку, обнаружил, что уровень защиты ослаб и захватил фазовый контроль над его мозгом. Но это не слишком беспокоило Ромаррена. Он даже не удивился той невероятной терпеливости и телепатическому искусству, которые продемонстрировал в данной ситуации Кен Кениек.

Раньше он, если говорить честно, побаивался возникновения такой ситуации, но теперь, когда это все-таки случилось, он воспринял это как должное.

Теперь Кен Кениек разговаривал с ним только мысленно и не стрекучим тихим шепотом, а чистой, отчетливой, отлично воспринимаемой речью.

— Теперь все в порядке. Очень даже неплохо! Разве это не приятно, что мы наконец-то произвели сквозную настройку?

— Очень приятно, — согласился Ромаррен.

— Действительно! Теперь, когда мы можем оставаться в контакте друг с другом, все наши тревоги в прошлом. Расстояние в сто сорок два световых года означает, что ваше солнце, Лорд Агад, должно быть одной из звезд созвездия Дракона. Как она называется на галактическом языке? Ах, да, вы не можете произнести его здесь, ни вслух, ни мысленно... «Альтаир» — вот оно название вашего солнца. Верно?

Ромаррен не отозвался.

— «Альтаир» — Око Дракона. Очень хорошо! Другие звезды, которые мы перебирали, несколько ближе. Это знание позволит нам сэкономить уйму времени. Мы уже почти...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Быстрая, насмешливая мысленная речь внезапно оборвалась, Кен Кениек конвульсивно дернулся, и в то же самое мгновение судорога свела члены Агада. Синг рванулся к пульту управления аэрокаром, но тут же отпрянул

назад. Он странно накренился, как небрежно управляемая кукла на веревочке. Затем он соскользнул на пол кабины, да так и остался лежать там, лицом вверх.

Орри внезапно пробудился от своей дремоты и смотрел на Ромаррена, широко раскрыв глаза.

— Что случилось? Что-нибудь не в порядке?

Ответа он не получил. Ромаррен сидел неподвижно, и глаза его были устремлены в глаза Кен Кениека неподвижным сведенным взглядом. Когда он наконец зашевелился, с его губ сорвалось несколько слов на непонятном для Орри языке. Через мгновение Ромаррен с трудом произнес на Галакте:

— Сделай так, чтобы корабль завис.

Теперь он говорил на галактическом языке не с характерным верелианским акцентом, а на его испорченном диалекте, употребляемом земными туземцами. Но хотя язык был и не совсем тот, настойчивость и авторитетные интонации не оставляли сомнений в смысле сказанного. Орри автоматически повиновался. Маленький стеклянный пузырь завис посреди океана, к востоку от солнца.

— Это же...

— Не двигайся!

Молчание. Кен Кениек лежал, не шевелясь, на полу кабины. Напряжение, которым был охвачен Ромаррен, стало постепенно ослабевать.

То, что случилось во время борьбы умов между ним и Кеном Кениеком, сводилось к западне и внезапному нападению из-за угла. В физическом смысле Синг одним броском проник в сознание Ромаррена, полагая, что он захватил в плен одного человека. Но и сам он был захвачен врасплох другим, находившимся в засаде, — разумом Фалька. Только на один миг Фальк смог захватить контроль и то лишь благодаря неожиданности нападения. Но и этого мига вполне хватило Ромаррену для того, чтобы освободиться от фазового контроля со стороны Синга.

Он сделал это мгновенно, тогда как разум Кен Кениека все еще оставался синхронизированным с его мышлением и потому был уязвим. Освободившись, Ромаррен, в свою очередь, овладел сознанием Синга. Для этого потребовалось все его искусство и мощь разума, чтобы удержать мозг Кен Кениека, беспомощный, со всем соглашающийся, в одной фазе с его мозгом, в том состоянии, в котором он сам находился минутой раньше.

У него было большое преимущество: он все еще оставался человеком с двумя разумами, и пока Ромаррен удерживал Синга в беспомощном состоянии, Фальк был свободен в своих мыслях и поступках.

Именно сейчас выдался тот случай, которого он так терпеливо ждал. Второй такой возможности могло и не быть.

— Где находится приготовленный к полету космический корабль? — спросил Фальк.

Было очень интересно слышать ответ Синга, как обычно произнесенный шепотом, и знать со всей определенностью, что он не лжет.

— В пустыне, к северо-западу от Эс Тоха.
— Он охраняется?
— Да.
— Людьми?
— Нет.
— Вы должны отвезти меня туда.
— Я отвезу вас туда.
— Направь корабль туда, куда он скажет, Орри.
— Я ничего не понимаю, доктор Ромаррен. Разве мы не...
— Мы покинем Землю прямо сейчас, мой мальчик. Ты понимаешь — сейчас! Займись управлением.

— Займись управлением, — тихо прошептал Кен Кениек.

Орри повиновался, следуя указаниям Синга относительно курса полета.

На полной скорости аэрокар устремился на восток, а им казалось, что он все еще висит над безбрежными океанскими просторами. Но вот появились Западные Острова, которые, казалось, плыли им навстречу по морщинистой поверхности океана. Затем перед ними возникли остроконечные белые вершины прибрежных хребтов. Через мгновение они уже замелькали под аэрокаром. Теперь они находились над мрачной пустыней, прорезанной лишенными влаги извилистыми цепями гор, отбрасывающих длинные тени со стороны востока.

По указанию Кен Кениека Орри снизил скорость и аэрокар стал кружить над одним из горных кряжей. Он переключил управление на автоматическую посадку, и вскоре аэрокар был захвачен силовым полем.

Высокие безжизненные горы вздымались перед ними, надвигались, словно стены, когда аэрокар садился на тусклое покрытое зеленью плато.

Не было видно ни космопорта, ни посадочного поля, ни дорог, ни зданий, только какие-то неясные, длинные тени, точно миражи, дрожали над песком и чахлами кустарниками солончаковой пустыни.

Фальк смотрел вокруг и никак не мог ни на чем сосредоточиться.

Но Орри уже кричал во все горло:

— Корабли!

Это был межпланетный флот Сингов, замаскированный светоотражающими сетками.

Сначала в поле зрения Фалька попали корабли небольшие. Потом он разглядел и другие, которые он принял сперва за остроконечные холмы.

Аэрокар каким-то непостижимым образом сел рядом с маленьким полуразрушенным домом, крыша с него была сорвана, стены побелели и потрескались под воздействием иссушающего ветра пустыни.

— Что это за здание?

— Здесь вход в подземные помещения.

— Там что, компьютеры?

— Да.

— Готов ли какой-нибудь из кораблей к полету?

— Они все готовы. Это полностью автоматизированные корабли обороны.

— Есть ли среди них хотя бы один, который может пилотироваться людьми?

— Да. Тот, который предназначен для Хара Орри.

Ромаррен, не ослабляя телепатическую хватку, держал под контролем мозг Синга, в то время как Фальк приказывал тому показать корабль. Кен Кениек беспрекословно повиновался, хотя Фальк-Ромаррен не был уверен, что будет именно так.

Для управления разумом, как и для обыкновенного гипнотического внушения, существуют пределы. Инстинкт самосохранения зачастую сопротивляется даже самому сильному внушению и иногда опрокидывает всю настройку. Но здесь было иначе. Мысль об измене, которую вынужден был сейчас совершить Синг, по-видимому, не возбуждала в нем инстинктивного сопротивления. Он провел их к звездолету и послушно ответил на вопросы Фалька-Ромаррена.

Затем он отвел их назад, в полуразрушенную лачугу. Звуком своего голоса и телепатически он открыл в песке вход-западню, которая находилась рядом с дверью в хижину. Они вошли в открывшийся перед ними туннель. У каждой подземной двери или защитного устройства Кен Кениек подавал соответствующий сигнал, и в конце концов они очутились в защищенных от нападения, катаклизмов и грабителей помещениях, находившихся глубоко под землей.

Здесь находились устройства автоматического управления и наведения, вычислительные устройства, позволяющие проложить курс среди звезд во Вселенной.

Со времени инцидента в аэрокаре прошло уже больше часа. Кен Кениек, покорный и подобоострастный, чем-то напоминающий Фальку больную Эстрел, стоял рядом полностью обезвреженный, Ромаррен сохранял полный контроль над его разумом.

В то мгновение, когда этот контроль ослабнет, Синг тут же отправит мысленный призыв о помощи в Эс Тох, если только найдет в себе силы, либо приведет в действие одну из систем сигнализации, в результате чего Синги и их люди-орудия буквально через несколько минут появятся здесь.

И все же Ромаррен должен был ослабить контроль, ибо его мозг, мозг истинного Ромаррена, был нужен для другого дела. Фальку было неизвестно, как запрограммировать компьютер для определения курса полета на Верель, планету системы звезды «Альтаир». Это мог сделать только Ромаррен.

Однако у Фалька были свои способы решения этой проблемы.

— Отдайте мне свой пистолет.

Кен Кениек тут же вручил ему свое маленькое оружие, которое скрывал под ниспадающими одеждами. Орри с ужасом смотрел на происходящее. Фальк не собирался его утешать.

— Почтение к жизни? — холодно спросил Фальк и, повергая мальчика в еще больший ужас, он небрежно подбросил оружие в руке.

Как он и предполагал, это был не пистолет и не лазер, а лишь пара-

лизатор, причем очень слабого действия. Фальк направил оружие на Кен Кениека, жалкого, не способного на сопротивление, и нажал спуск. Орри с криком рванулся вперед, но Фальк направил парализатор и на него. Затем, с трясущимися руками, он отвернулся от двух распростертых на полу парализованных тел и уступил поле действия Ромаррену — он уже сделал свое дело.

У Ромаррена не было времени на угрызение совести и другие переживания. Он сразу же направился к компьютерам и принялся за работу.

Он уже знал по опыту проверок бортовых устройств корабля, что действие компьютеров не базировалось на обычной математике, которую применяли земляне и которую унаследовали со времен Колонии и обитатели Вереля. Некоторые из операций, которыми пользовались Синги и которые были заложены в их компьютеры, были абсолютно чужды земной логике и математическому мышлению.

Этот, чуждый всему человеческому, характер их математики и логики был в глазах Ромаррена лучшим доказательством того, что Синги действительно были на Земле пришельцами, а для всех планет Лиги — завоевателями, вторгшимися с какой-то отдаленной планеты. Он никогда раньше не был уверен в подлинности старых земных легенд, но теперь он воочию убедился в этом.

В конце концов, Агад был неплохим математиком. И это было очень кстати, иначе он быстро бы опустил руки, безуспешно пытаясь ввести координаты Вереля в компьютер Сингов. Эта работа отняла у него пять часов. И все это время он был вынужден занимать половину своего мозга наблюдением за Кен Кениеком и Орри. Оставить мальчика без сознания было проще, чем объясняться с ним или что-то приказывать.

Но Кен Кениека удерживать в бессознательном состоянии было жизненно необходимо.

К счастью, парализатор, хотя и был небольшим по размеру, оказался очень эффективным прибором и, обнаружив в конце концов его собственную настройку, Фальку пришлось всего лишь один раз прибегнуть к нему еще. Затем он был просто волен существовать в разуме Ромаррена. Пока Ромаррен был поглощен вычислениями, Фальк предавался размышлениям. Он думал об Эстрел. Интересно, где она сейчас и чем занимается в настоящее время. Держат ли они ее под стражей, а может быть, стерли память или убили?

Нет, они не убивают. Они боятся убивать и боятся умереть, и потому назвали свой страх «почтением к Жизни».

Синги, Враги. Лжецы...

Лгали ли они на самом деле? Возможно, что это было не совсем так. Возможно, в основе их лжи было глубокое, непоправимое отсутствие понимания. Они не были способны допустить соприкосновения с людьми. Они использовали к собственной выгоде мысленную речь, превратив ее в грозное оружие.

Ну, а в конце-то концов стоили ли таких усилий те жалкие результаты, которых они добились?

Двадцать столетий лжи минуло с тех пор, как они впервые появились на Земле. Кто они? Изгнанники или пираты, а может быть, просто авантюристы, мечтавшие о создании собственной империи? Выходцы с далекой планеты, решившие добиться господства над другими расами, разум которых они не могли постичь. Оторванные от народа Правители, чья плоть осталась навечно стерильной. Одинокие, глухонемые, правившие глухонемыми в мире иллюзий.

Ромаррен завершил свой труд. Через пять часов изнурительной работы и через восемь секунд действия компьютерной системы в его руке оказалась крохотная иридиевая полоска, полученная на выходе компьютера. Это была программа для бортового компьютера, следящего за курсом корабля.

Он обернулся и нерешительно посмотрел на Орри и Кен Кениека. Что с ними делать? Видно, придется взять их с собой...

«Сотри записи расчетов в компьютере», — услышал он в своем мозгу знакомый голос — голос Фалька. У Ромаррена кружилась голова от усталости, но постепенно до него дошел смысл требования, и он молча повиновался. После этого он уже не мог придумать, что делать дальше. В конце концов он уступил инициативу и позволил себе раствориться... в себе.

Фальк-Ромаррен сразу же включился в работу. Он энергично вытащил Кен Кениека на поверхность земли и повел его по залитому лунным светом песку к кораблю, очертания которого дрожали в призрачном воздухе пустыни. Он взвалил неподвижное тело в горизонтальное кресло, дал лишнюю дозу парализующего облучения и отправился за Орри.

По дороге к кораблю Орри начал приходить в себя и ухитрился забраться в корабль без посторонней помощи.

— Доктор Ромаррен, — хрипло произнес он, вцепившись в руку Фалька-Ромаррена, — куда это мы направляемся?

— На Верель.

— Кен Кениек тоже с нами?

— Да. Он сможет рассказать на Вереле свою версию происходящего на Земле, ты — свою, а я — свою. Всегда существует более, чем один путь к истине. Пристегнись! Вот так...

Фальк-Ромаррен вставил маленькую металлическую полоску в шель корабельного компьютера. Все! Через три минуты корабль стартует.

В последний раз взглянув на пустыню и звезды, он закрыл люки и, шатаясь от усталости и напряжения, устроился в кресле, рядом с Орри и Сингом.

Взлет обеспечивали ракеты. Привод световой скорости начинал действовать только на внешнем крае околоземного пространства.

Корабль мягко оторвался от земли и через несколько секунд оказался за пределами атмосферы. Автоматически включились видеозэраны, и Фальк-Ромаррен увидел, как быстро уменьшается в размерах Земля.

Покидает ли он свой дом, или же, наоборот, направляется домой?

На экранах в последний раз мелькнул золотой отблеск Солнца на поверхности Восточного Океана. Земля вспыхнула, как драгоценный камень на фоне мириад звезд, и исчезла.

Барьер был преодолен. Маленький корабль вырвался из толщи времени и помчался сквозь тьму космоса.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ. Роман.

Перевод с английского 5

ПЛАНЕТА ИЗГНАНИЯ. Роман.

Перевод с английского И. Гуровой 167

ГОНЧАРНЫЙ КРУГ НЕБА. Роман.

Перевод с английского 253

ГОРОД ИЛЛЮЗИЙ. Роман.

Перевод с английского 367

Качество печати соответствует диапозитивам, представленным издательством.

Литературно-художественное издание

Ле Гуин Урсула

ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ

Фантастические романы

Ответственный редактор *Н.К. Попова*

Редактор *А.В. Ларионов*

Художник *А.В. Вальдман*

Технический редактор *Ю.А. Мухин*

Корректор *И.В. Лебедева*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 24.03.93.

Формат 60 x 84 1/16. Бумага книжно-журнальная офсетная.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,76.

Уч.-изд. л. 38,56. Тираж 50 000 экз. Заказ № 2031. С 058.

Торгово-издательское объединение "Центрполиграф".

127018, Москва, ул. Октябрьская, 18.

Издание выпущено совместно с издательским центром "Гермес".

344011, Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, 3-а.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР
Министерства печати и информации Российской Федерации.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

